

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Центр социальной истории Института всеобщей истории РАН
Междисциплинарный центр изучения истории, экономики и общества

Центр экономической истории Исторического факультета МГУ им.
М. В. Ломоносова

Сектор этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Центр изучения новейшей истории России и политологии
Института российской истории РАН

Российская ассоциация исследователей женской истории

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Е Ж Е Г О Д Н И К 2009

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЯ
2010

УДК 316:94
ББК 6.3
С69

Работа над изданием велась при поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» и Фонда изучения исторической перспективы (Москва)

Редакционная коллегия:

Н. Л. Пушкарева (ответственный редактор),
Л. И. Бородкин, Х. Кесслер, И. Ю. Новиченко, А. В. Полетаев, А. К. Соколов,
К. М. Андерсон, М. ван дер Линден

Социальная история: Ежегодник. 2009 / Отв. ред. Н. Л. Пушкарева. — СПб. : С69 Алетейя, 2010. — 448 с.

ISBN 978-5-91419-334-5

Сборник статей российских и зарубежных авторов по различным проблемам социальной истории включает новые материалы и размышления, основанные на длительных архивных изысканиях, в том числе в региональных архивохранилищах, дает представление об актуальных тенденциях развития социальной истории России и Европы, отражает современное состояние исследований в данной области.

В данный том отобраны оригинальные, ранее нигде не публиковавшиеся работы. Читатель найдет здесь размышления исследователей, проанализировавших документы по истории семьи в раннее Новое время, истории повседневности, обнаружит яркие эссе по женской и гендерной истории России и Европы, о социальной истории образования — об «учащих», учителях и учительницах, работавших в небольших провинциальных школах в конце XIX столетия. Специальные разделы посвящены социальной истории советского периода российской истории: борьбе с бюрократизмом «по-большевистски», взаимоотношениям личности и власти, истории коллективных ментальностей, социальной работы в предвоенные и особенно в послевоенные годы. Свое лицо новому выпуску, ставшего уже известным изданием, придает немалое число рецензий на книги и сборники, опубликованные в последнее время по проблемам социальной истории Отечества.

УДК 316:94
ББК 6.3

ISBN 978-5-91419-334-5

© Коллектив авторов, 2010
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2008
© «Алетейя. Историческая книга», 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

В восьмом выпуске ежегодника «Социальная история» представлены конкретно-исторические статьи по социальной истории России и зарубежных стран.

Подготавливая его, Редакционный совет исходил из убеждения, что за десять лет своего существования ежегодник доказал превращение новой социальной истории в одно из ведущих направлений изучения отечественного и зарубежного прошлого. Оно завоевало себе прочное место не только в современных обобщающих исследованиях, но и в системе исторического образования. Страницы ежегодника неоднократно были пространством обмена научной информацией, аналитического опыта, дискуссий по методологическим вопросам. Все это способствовало консолидации тех ученых в нашей стране и за ее пределами, которые причисляют себя к названному направлению.

Новый выпуск ежегодника призван показать, какие именно области современной социальной истории развиваются особенно успешно и быстро.

Среди них, прежде всего, новая социальная история России 1920–1930-х гг., история коллективных ментальностей до и после XX съезда КПСС. Это история надежд на удачу гигантского социального эксперимента и тех коллективных заблуждений, которых не удалось избежать ни в первые годы Советской власти, ни в эпоху «тоталитарного ликования», ни во времена политической «оттепели» и последующей стагнации. В настоящем томе присутствуют статьи, авторы которых размышляют о механизмах формирования и поддержания этих коллективных заблуждений, анализируют их, используя методы юридической антропологии, новой культурно-интеллектуальной истории и истории повседневности.

Интерес к изучению истории повседневных чаяний и разочарований, истории частной жизни и эгоистории — характерная черта обновленного научного знания последних лет. Один из авторов собранных в данном томе работ размышляет о том, какими методами должно вестись исследование «свидетельств о себе», другой — предлагает конкретные результаты подобного изучения, основанного на методах устной истории (на примере изучения университетской повседневности представителей одного из крупных, но не центральных, а потому достаточно типичных высших учебных заведений России на протяжении нескольких десятилетий XX в.).

Немалое место в данном выпуске занимают и работы по женской и гендерной истории России и Европы. Успехи этого направления в России и на постсоветском пространстве очевидны, хотя оно все еще остается вне внимания университетских курсов на исторических факультетах. Тем не менее, историки многих центральных и региональных российских вузов и высших школ на постсоветском пространстве ведут скрупулезную работу по сбору уникального архивного материала для того, чтобы сделать женский социальный опыт в прошлом и настоящем действительно социально различимым, «видимым».

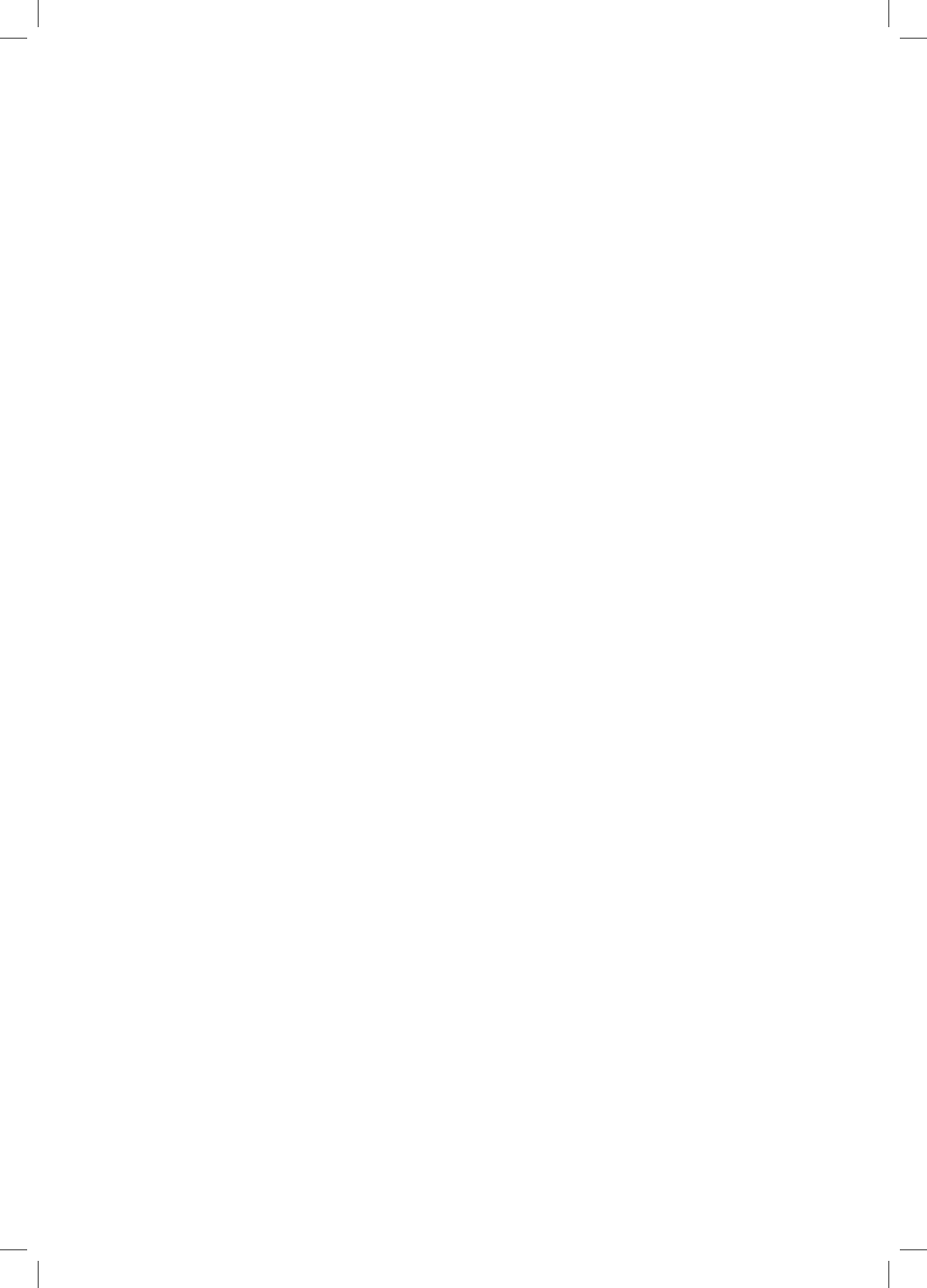
Компаративный ракурс этносоциальной истории представляет статья зарубежного историка, анализирующего социальную и политическую активность африканских студентов, обучавшихся в 1960–1970-е гг. в Москве и доказывающего, что расовая

и культурная солидарность возобладала над советским проектом глобального объединения народов разных континентов.

Желая меняться вместе с изменчивым временем, мы — члены редколлегии ежегодника — хотели бы в будущем расширить тематику рубрик. Мы не отказываемся от традиционных для изданий подобного рода публикаций — информации о конференциях и школах социальных историков в нашей стране и за рубежом, от рецензий на новые книги (в особенности — рецензий западных авторов на книги российских ученых). Мы намерены публиковать в дальнейшем отрывки и законченные небольшие работы авторитетных и признанных в данной области историков, работающих в Европе и США с тем, чтобы можно было размышлять об истоках и тенденциях новых веяний в социальной истории, релевантных нашей исследовательской традиции и/или противоречащих ей. Для нас нет закрытых и «неприоритетных» тем. Нет в нашем понимании и противоречия между макро- и микроподходами: страницы ежегодника по-прежнему открыты для всех, кому интересны вопросы и проблемы, стоящие на стыке различных гуманитарных дисциплин, методы работы с эмпирическим материалом (источниками), которые выработаны этнологией и антропологией, демографией и политологией, экономикой и статистикой, психологией и литературоведением.

Наши задачи на долгосрочную перспективу включают и публикации материалов Интернет-конференций по проблемам социальной истории, открывая двери редакции для молодых, еще только вступающих на путь исследовательской работы ученых в том числе и в университетах и институтах, расположенных вдалеке от основных научных центров. Призывая к сотрудничеству, мы рассчитываем постоянно взаимодействовать с читателями как в нашей стране, так и за рубежом, где ежегодник получил достойное признание. Мы рассчитываем на то, что наш Ежегодник может и должен стать посредником в организации сетевого научного клуба-форума, который объединит тех, кто верит в будущее и успешные перспективы новой социальной истории.

**СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА
XVIII–XIX вв.**

«ТОНКИЕ РАЗЛИЧИЯ»: РУССКОЕ ДВОРЯНСТВО В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ¹

В. С. ДУБИНА

История России XVIII–XIX веков, по традиции, изучается под знаком европеизации. В отечественной историографии уже давно сложилась традиция ставить знак равенства между процессами модернизации и европеизации, признавая страны Западной Европы центром и началом модернизационных процессов. Действительно, модернизация государственного аппарата, системы образования, всех сторон жизни общества вплоть до повседневности высших социальных слоев в петровскую, елизаветинскую, екатерининскую эпохи проходила под сильным европейским влиянием. Однако результаты европейского влияния на российское общество оцениваются нередко как не отвечающие европейским стандартам. Когда западные исследователи пытаются очертить общие результаты вестернизации России, то нередко приходят к выводу о том, что — несмотря на кодификацию законов и попытки развить юридическое образование по европейскому (в основном немецкому) образцу — Россия XIX в. так и не стала правовым государством (*Rechtsstaat*), в котором бы наличествовал бюрократический аппарат с делегированной властью². Следовательно, Россия не может претендовать на звание «модернизированной» и не может быть поставлена в один ряд с другими западноевропейскими державами в отношении государственного устройства и положения высших слоев. В известном смысле, такой вывод восходит к русской историографии полуторавековой давности. Русская аристократия, полагали русские историки XIX столетия, лишь «европейничала», перенимая титулы, гербы и сословные характеристики³. Это мнение оказалось очень живучим и продолжало играть ключевую роль также и в дискуссиях западных историков прошлого века, сформировавших историографический базис в оценке русского дворянства, которое представляло в этом ключе социальную страту, сословие, так и не обретшее европейского дворянского этоса. Русский дворянин был в XIX в., считают они, ско-

¹ О понятии «тонкие различия» («*de distinction*») см.: *Bourdieu P.* *La distinction: critique sociale du jugement.* Paris, 1979.

² Об отсутствии в России правового государства европейского типа см.: *Raeff M.* *The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth and Eighteenth-Century Europe* // *American Historical Review.* 1975. Vol. 80. № 5. P. 1221–1243. *Wortman R.* *The Development of a Russian Legal Consciousness.* Chicago, 1976; *Baberowski J.* *Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914.* Frankfurt am Main, 1996; *Bhat G.N.* *Recovering the Historical Rechtsstaat* // *Review of Central and East European Law.* 2007. Vol. 32, P. 65–97.

³ *Романович-Словатинский А.* *Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права.* СПб., 1870. С. 59–60. Термин «европейничанье» широко употреблялся в славянофильской риторике со второй половины XIX века. См.: *Данилевский Н.Я.* *Европейничанье — болезнь русской жизни* // *Россия и Европа* / Под ред. Н.Я. Данилевский. М., 2003. С. 293–330.

рее, «службой трона» и имел весьма отдаленное понятие об «аристократическом сословном достоинстве». Давно известно и скептическая оценка сословной структуры российского общества в целом; многие западные исследователи полагают, что русские сословия даже не могут быть названы сословиями в западноевропейском смысле (вплоть до екатерининской эпохи)⁴.

В рамках подобной интерпретации менталитет русского дворянства постоянно представляется менталитетом служилого класса (*classe de service*), в то время как дворянство европейское изображается объединенным общими представлениями о чести и происхождении (*l'honneur et la naissance*)⁵. Логичным следствием отсутствия делегированной власти и дворянского понятия о чести представляется поэтому и отношение к русскому чиновничеству. Согласно множеству работ западноевропейских, в особенности — германских авторов прошлого века, русский чиновник, медленно карабкающийся с одной ступеньки Табели о рангах на другую, предстает существенно отличным от его европейского современника того же социального статуса из-за его «лживого чувства долга и недостатка служебной чести»⁶. Не удивительно, что русское дворянство и русская управленческая элита оценивается в свете таких подходов как «специфическая», не поддающаяся оценкам по европейским стандартам.

Интерпретация русской истории как «особого пути» (*Sonderweg*) даже и теперь, когда сама теория *зондервега* давно сошла со сцены, сохраняет свое немалое влияние, в том числе по отношению к оценке одного из самых «европейских» явлений русской истории — истории формирования русского дворянства и русской элиты. Сравнительные исследования по истории дворянства и по сей день поддерживают линию противопоставления «европейское-русское», продолжая дискуссию о том, было ли русское дворянство только вариантом европейского феномена или особым явлением⁷.

Для социальной истории 1960–1970-х гг. история дворянства являлась второстепенной проблемой. Среди западноевропейских историков преобладал интерес к истории низших социальных слоев и рабочему движению⁸. В советской историографии

---

⁴ Freeze G. The Estate (*soslovie*) Paradigm and Russian Social History // *American Historical Review*. 1986. Vol. 91. № 1. P. 11–36; Jones R.E. The Emancipation of the Russian Nobility (1762–1785). Princeton, 1973.

⁵ Это распространенная точка зрения подробно изложена в статье: *Confino M.* À propos de la notion de service dans la noblesse russe aux XVIIIe et XIXe siècles // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1993. Vol. 34. № 1–2. P. 47–58. P. 48.

⁶ Torke H.-J. Das russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // *Forschungen für osteuropäische Geschichte*. Vol. 13. 1967. P. 10; Mosse W. Adel und Bürgertum im Europa des 19. Jahrhunderts. Eine vergleichende Betrachtung // *Bürgertum im 19. Jahrhundert. Deutschland im europäischen Vergleich* / Ed. by J. Kocka. 3 Bände. München, 1988. P. 286.

⁷ См., например, наиболее репрезентативные работы по сравнительной истории дворянства, в т.ч. вновь переизданный в 2007 году сборник *The European Nobilities in the Seventeenth and Eighteenth Centuries* / Ed. by H.M. Scott. Vol. 1–2. London, 1995; Lieven D. *The Aristocracy in Europe. 1815–1914*. London, 1992 (русский перевод: Ливен Д. *Аристократия в Европе. 1815–1914*. СПб., 2000).

⁸ См.: *Diestelmeier F.* Der russische Adel im 19. Jahrhundert // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Vol. 26. № 3. 1978. P. 376–400. В рамках социальной истории, русское дворянство изучали либо как «разлагающийся» класс и тормоз прогресса (*Raeff M.* *Origins of the Russian intelligentsia. The eighteenth-century nobility*. New York, 1966), либо в в связи с историей бюрократии и управления (*Bennett H.A.* *Evolution of the Meanings of Chin: An Introduction to the Russian Institution of Rank Ordering and Niche Assignment from the Time Ordering and Niche Assignment from the Time of Peter the Great's Table of Ranks to the Bolshevik*

исследования дворянства были, по понятным причинам, единичны, не говоря уже об изучении роли дворянства как социальной элиты⁹. В постсоветское время ситуация изменилась, но незначительно. Тема взаимоотношения элит, патронажа и политической власти и сейчас нередко игнорируется русскими историками¹⁰.

В конце XX в. — с ностальгическим ростом интереса к истории дворянства, с переосмыслением жестких границ концептов правового и абсолютистского государства, а также самого термина «сословие» в западноевропейской историографии — выяснилось, что не только русские условия не отвечали классическим определениям и жестким дефинициям правового и абсолютистского государства. Оказалось, что «строгие» определения многих понятий не соответствуют не только русским, но и западноевропейским историческим реалиям (хотя именно на базе их анализа были сформулированы сами концепции). Так, например, существование абсолютизма, соответствующего строгим дефинициям, оказалось под вопросом даже в «абсолютистской» Франции¹¹. Существование сословий, соответствующих строгому научному определению, было подвергнуто сомнению не только для такой «экзотической» страны, как Россия, но и для ряда стран Европы¹². В свете этих новых исследований встал вопрос о том, не слишком ли долго историки России обманывались европейским «аристократическим мифом»? И если европейское дворянство не было таким уж «аристократическим», то тогда, возможно, и русское не было исключительно «служилым» и потому совсем отличным от дворянского типа остальной континентальной Европы?

Пересмотр жестких концептуальных рамок, возрастающее число исследований по сравнительной истории дворянства дают новый поворот дворянским исследованиям на русском материале. И если согласно новым подходам «проблематично говорить о некоем общем немецком дворянстве», поскольку оно состояло из разнообразных региональных «дворянств», каждое из которых имело свои понятия о кодексе поведения и образе жизни, то какому идеальному дворянскому типу должно тогда соответствовать дворянство русское¹³? Для изучения этого вопроса в свете новых исследований, необходимо рассмотреть созданные дворянским сословием культурные

Revolution // California Slavic Studies. 1977. № 10. P. 1–43; Pinter W.M. The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Russian Bureaucracy // Slavic Review. 1970. Vol. 3. № 29. P. 429–443.

⁹ См., например: Корелин А.П. Дворянство. М., 1979; Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства в XVIII — начале XIX вв. СПб., 1994.

¹⁰ О недостаточной разработанности этой темы в современной отечественной историографии см: Le Donne J.P. The Eighteenth-Century Russian Nobility: Bureaucracy or ruling class? // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1993 Vol. 34. № 1–2. P. 145. Работы российских ученых на эту тему есть (Шенелев Л.Е. Чиновный мир России XVIII — начала XIX веков. СПб., 1999), но тема ограничена государственными институтами.

¹¹ См., например, дискуссии об абсолютизме, поднятые Н. Хеншелом. По его словам, абсолютизм никогда и нигде не существовал в своей идеальной форме с полной монополией власти монарха, короны и полной забюрократизованностью государства. Henshall N. The Myth of Absolutism: Change and Continuity in Early Modern European Monarchy. London. 1992; Duchhardt H. Das Zeitalter des Absolutismus. München, 1998.

¹² См.: Becker S. Nobility and privilege in late imperial Russia. DeKalb, 1985 (русский перевод: Бекер С. Миф о русском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004.)

¹³ Под термином «дворянство» мы понимаем определение 1785 г.: «Дворянское название есть следствие, исключяющее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя

нормы и традиции, которые, возможно, имели немало общего в различных странах континентальной Европы. Такой подход позволит, во-первых, отказаться от утвердившегося в 1970-е гг. стереотипа об исключительности и неповторимости феномена русского дворянства, о котором шла речь выше, а во-вторых — позволяет взглянуть традиционные «атрибуты» дворянского сословия — такие как служба, честь и социальная дистанция от остальных слоев. В дальнейшем тексте статьи предпринимается попытка рассмотреть эти «атрибуты» на примере сложившихся в историографии представлений, указав в каждом конкретном случае на новые возможности, открывающиеся в изучении истории дворянства.

* * *

Современные историки сходятся во мнении, что дворянство имеет нечто общее, что конституирует дворянский статус, — вне зависимости от фактического социального положения и властных возможностей, — даже тогда, когда дворянство «существует лишь только как общее воспоминание»¹⁴. Как полагают авторы новейших исследований, даже утерев все сословные, политические и экономические привилегии, дворянство продолжает сохранять свое различие (*distinction*) по отношению к другим общественным группам¹⁵. Речь — о специфических формах культурной традиции этого сословия, о некоей культурной модели дворянского поведения и образа жизни, которую в немецкой историографии по аналогии с понятием «буржуазности» (*Bürgerlichkeit*) назвали «дворянскостью» (*Adeligkeit*). Однако последнее понятие оказалось не в состоянии соответствовать теоретическому уровню своего брата-близнеца и все чаще подвергается критике, поскольку «дворянство», чьей общей характеристикой оно должно являться, «невозможно объять как нечто общее»¹⁶. Однако для дворянских исследований России указанный термин «дворянскость» оборачивается удачной находкой, потому как русское дворянство со всеми его специфическими чертами получает право выступить на европейской арене и в такой культурной перспективе оказывается ничуть не менее европейским, нежели его западноевропейские

заслугами, чем обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание». (Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. XXII. № 161876. § 15).

¹⁴ Marburg, S. and Matzerath J. Vom Stand zur Erinnerungsgruppe. Zur Adelsgeschichte des 18. und 19. Jahrhunderts // Der Schritt in die Moderne. Sächsischer Adel zwischen 1763 und 1918 / Ed. by S. Marburg and J. Matzerath. Köln, 2001. P. 1–15.

¹⁵ См. о жизни французского дворянства в 20 веке как о конструировании традиции: Saint Martin de M. Der Adel. Soziologie eines Standes. Konstanz, 2003 (Edition discours; 8). Ср. изучение истории немецкого дворянства в XX в.: Malinowski S. Vom König zum Führer. Sozialer Niedergang und politische Radikalisierung im deutschen Adel zwischen Kaiserreich und NS-Staat. Vol. 1. Berlin, 2003; Conze E. Deutscher Adel im 20. Jahrhundert. Forschungsperspektiven eines zeithistorischen Feldes // Deutscher Adel im 19. und 20. Jahrhundert. St. Katharinen / Ed. by G. Schulz and M. Denzel. Deutsche Führungsgeschichten in der Neuzeit, 26. München, 2004. P. 17–34.

¹⁶ «...дворянские сообщества вплоть до конца империи самоопределялись через региональные различия, которые продолжали существовать и для „общего немецкого дворянства“. Таким образом, существовали различия в самовосприятии различных дворянских сообществ в Германских землях и проследить их образование и содержание „дворянскости“ можно только на региональном уровне». Marburg and Matzerath. Указ. соч. P. 9. О термине «дворянскость» (*Adeligkeit*) см.: Conze E. and Wienfort M. Einleitung. Themen und Perspektiven historischer Adelforschung zum 19. und 20. Jahrhundert // Adel und Moderne. Deutschland im europäischen Vergleich im 19. und 20. Jahrhundert / Ed. by E. Conze and M. Wienfort. Köln, 2004. P. 1–16. Об употреблении понятия в практическом исследовании см.: Malinowski S. Указ. соч.

родственники. «Дворянскость» как культурное определение дворянской общности может служить общим базисом для определения как русского, так и остального европейского дворянства. Расставание с аристократическим мифом и идеальными типами социальных страт (аристократии, бюрократии и т.д.) открывает, таким образом, путь для наднациональных и надгосударственных исследований дворянской общности, для которой ни Висла, ни Одер не являются непреодолимыми препятствиями¹⁷.

Развитие дворянских исследований на русском примере, особенно на базе ранее недоступного архивного материала, показало: в отношении сословной культуры Россия была намного ближе к Европе, чем это позволяли увидеть жесткие границы таких терминов как абсолютизм, правовое государство или сословие. М. Конфино в одной из своих статей поставил вопрос о различиях между русским служилым сословием и западноевропейской аристократией и пришел к выводу, что английское и континентальное дворянство различалось между собой по ряду параметров куда больше, чем отдельно русское и европейское вместе взятое¹⁸. Из этого, конечно, не следует, что по всей Европе развитие социальных групп происходило одинаково, но при этом, однако, русское дворянство структурно не отличается от остального континентального дворянства настолько, чтобы выстраивать противопоставление «русское-европейское». По словам С. Бекера, русское — также, как и континентальное, дворянство объединяло людей неравных по доходам и по положению, и было открыто для желающих получить дворянский статус¹⁹. Конечно, русский дворянин не обладал такими политическими правами, какими обладал, например, поляк и не имел тех экономических возможностей влияния, какие имел дворянин немецкий, но это само по себе не может служить основанием для того, чтобы выводить россиянина за европейские рамки. Предположим обратное: включение русского дворянства в общеевропейский контекст позволяет дополнить разнообразие палитры дворянской континентальной культуры (так как разграничения проходят, скорее, не между Россией и Европой, а между континентальной и островной, английской частью Европы)²⁰.

Указанные отличия были изучены в пионерской работе Д. Ливена «Аристократия в Европе» (1992), показавшей, что для серьезных обобщений дворянская история еще изучена недостаточно: сравнивая английскую, русскую и немецкую аристократию (*Aristocracy*), автору пришлось строить свои выводы на наиболее освоенном исследователями участке — экономическом положении дворянства. Его выводы об истории крупных поместий в России, пожалованных фаворитам в XVIII веке, но, в конечном счете, осевших в руках «старинной аристократии», очень интересны. Однако одних этих наблюдений недостаточно, чтобы сделать заключение о дворянской культуре континента и Англии вообще²¹.

---

¹⁷ По поводу общеевропейского измерения дворянской истории см.: *Conze E. and Wienfort. M. Einleitung*. P. 8–9.

¹⁸ *Confino M.* Указ. соч. P. 56.

¹⁹ *Бекер С.* Указ. соч. С. 24.

²⁰ *Confino M.* Указ. соч. P. 56.

²¹ *Ливен Д.* Указ. соч. С. 66.

Данная статья также не в состоянии удовлетворить претензий на обширный сравнительный анализ европейского дворянства, а, скорее, представляет собой попытку вынести на обсуждение следующее принципиальное положение: русское дворянство, наряду с французским, немецким и т.д. являлось равноправным членом общеевропейского дворянского пространства, а потому нет никакой необходимости приписывать ему особый статус²². Это освободит изучение социальной жизни Европы от искусственных границ, созданных предшествующей историографией (подобных границе Восточной Европы)²³ — достаточно обратиться к таким понятиям, как *элита*, *служба* и *бюрократия*.

Положение русского дворянства как привилегированного сословия превращало его в «многофункциональную элиту» (Mehrzweckelite), то есть элиту, представленную во всех отраслях государственной службы, аналогично дворянству, и в Германии, и во Франции в раннее Новое время²⁴. На высших государственных постах в России были одни дворяне как минимум до 1861 г., а на дипломатической службе и того дольше. Ту же тенденцию можно заметить во входившей в состав Российской империи Финляндии и соседней Швеции²⁵. отождествление дворянства с элитой коренилось достаточно глубоко и определяло высокие общественные представления о дворянстве в Европе вплоть до XX века, а в некоторых странах и далее, несмотря на утрату им в большинстве европейских стран экономического и политического влияния²⁶. Ключевые понятия дворянского хабитуса (честь, рождение, служба и т. д.) играли важную роль на всем европейском континенте²⁷, конституируя общеевропейское пространство дворянского социального опыта. Возможно ли их соотносить с российскими, выявляя попутно составляющие русской «дворянскости»?

Особый статус русского дворянства объяснялся, прежде всего, обширностью власти монарха, который был независим от своих дворян как в финансовом, так и в политическом отношении. Помимо абсолютной власти царя и императора, особенность положению русских дворян придавало существование с 1722 г. «Табели о рангах», обеспечивавшей структурирование этого сословия²⁸ и по сути обязывавшей русского дворянина находиться на службе, военной или гражданской (считается, что

---

²² Дискуссии 1960–1970х гг. привели многих к выводу о своеобразии русского дворянства и о его принципиальном отличии от дворянства континентальной Европы. «На основании принятого определения дворянства как исторической реалии XVIII века, мы считаем, что тогдашнее русское дворянство не только противопоставлено современному ему европейскому дворянскому миру, но и является особой формой общеевропейского круга с высоким социальным статусом» (Ruffmann K.-H. Russischer Adel als Sondertypus der europäischen Adelswelt // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1961. Vol. 9. P. 178.

²³ Wolff L. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford, 1994.

²⁴ О понятии «многофункциональной элиты» см.: Werner K.F. Adel — «Mehrzweck-Elite» vor der Moderne? // *Eliten in Deutschland und Frankreich im 19. und 20. Jahrhundert. Strukturen und Beziehungen*. Vol. 1. München, 1994. P. 17–32.

²⁵ Letto-Vanamo P. *Juristische Fakultät als Beamtenschule. Adelsmänner als Beamte des 17. Jahrhunderts // Juristische Fakultäten und Juristenausbildung im Ostseeraum / Ed. by J. Eckert and K. Modéer*. Stockholm, 2002. P. 63–71.

²⁶ Conze E. *Adel unter dem Totenkopf. Die Idee eines Neuadels in den Gesellschaftsvorstellungen der SS // Adel und Moderne. Deutschland im europäischen Vergleich im 19. und 20. Jahrhundert. / Ed. by C. Eckart and M. Wienfort*. Köln, 2004. P. 154.

²⁷ Confino M. Указ. соч. P. 56.

²⁸ Ср.: Троицкий С.М. *Русский абсолютизм и дворянство (формирование бюрократии)*. М., 1974.

именно это отличает русских дворян от европейцев)²⁹. Однако не была ли подобная служба также и важной составляющей французского дворянского этоса, «отличительной привилегией», определявшей многое, в том числе самооценку дворянина³⁰? Не была ли она обычной практикой для дворян других европейских стран? Зависимость от императора и необходимость служить не была исключительной привилегией именно русского дворянства, что же касается «Табели о рангах», то она не служила облегчению социальной мобильности и преодолению исключительности этого сословия. Скорее, она давала возможность удержать контроль над патронажем в руках монарха.

При помощи Табели Петр I наделял своих «новых» людей дворянскими привилегиями, но даже во время его правления этот социальный лифт не был главным способом продвижения по социальной лестнице³¹. Ко времени правления Елизаветы Петровны и Екатерины Великой процесс возведения в дворянское достоинство обходил «Табель о рангах». Возвышение кого-либо происходило, по большей части, на основании «монаршей воли», а вовсе не служебных заслуг. В 1770-е гг. некоторые члены Уложенной Комиссии предлагали и вовсе отменить Табель, потому как «дворянство приобретает не чином, но только происхождением и пожалованием монарха»³². Это показывает, что как минимум дворянская верхушка уже осознавала исключительность своего положения. Кроме того, дворянские депутаты в Уложенной комиссии требовали разделения родословной книги на разряды, для того чтобы не смешивать «служилое» дворянство с дворянством по происхождению. Государству пришлось озаботиться тем, чтобы пожалованное дворянство (именуемое во Франции *noblesse par lettres*), военное дворянство (соответственно, *noblesse d'épée*) и бюрократическое дворянство (*noblesse de robe*), иностранцы, а также представители титулованного благородного сословия по рождению были отделены друг от друга³³. И русским монархам пришлось встать на защиту исключительности дворянских привилегий, так что в итоге с каждым годом в России, чтобы получить дворянское достоинство, нужно было обладать все более высоким рангом. В случаях сомнений в принадлежности индивида к дворянскому сословию, обсуждавший с 1810 г. каждое узаконение Государственный совет, склонялся скорее к отказу, потому как «чем более затрудняется возведение в дворянство, тем сие полезнее будет для государства»³⁴.

Мнение о «разлагающем» влиянии службы на дворянство в России, возникшее еще полтора столетия назад, рассуждения о бюрократизации сословия и утере им

---

²⁹ Понятие *distinction nobiliaire*, отсылает к «тонким различиям» (*le distinction*) Пьера Бурдьё. Применение этого понятия в практических исследованиях по истории дворянства. См., например: Saint Martin de M. *L'Espace de la Noblesse*. Paris, 1993.

³⁰ *Confino M.* Указ. соч. С. 56.

³¹ «Во времена Петра социальная мобильность, по большей части проходила не по законам Табели о Рангах. Скорее, социальная мобильность была результатом спонсорства». *Bennett H. A.* Evolution of the Meanings of Chin: An Introduction to the Russian Institution of Rank Ordering and Niche Assignment from the Time Ordering and Niche Assignment from the Time of Peter the Great's Table of Ranks to the Bolshevik Revolution // *California Slavic Studies*, 1977, № 10. P. 18.

³² *Романович-Словатинский А.* Ук. соч. С. 44.

³³ Там же. С. 45.

³⁴ Цит. По: *Романович-Словатинский А.* Ук. Соч. С. 23.

«достоинства», во многом являются наследием дискуссий того времени. Утвердившийся в литературе образ дворянина-чиновника внес свой вклад в концепцию искусственного дворянства, созданного Петра I по европейскому образцу и, следовательно, об искусственном инкорпорировании европейского *point d'honneur* в систему дворянского образования в России³⁵. И хотя эпоха Петра I была, конечно, поворотным моментом в русской истории, все же нулевой точкой отсчета она не являлась. Старая московская элита не исчезла с прилетом «птенцов гнезда Петрова», оставаясь по-прежнему активной и в политике, и в социальной жизни, находя способ удерживать свою собственность, а вместе с ней и доминирующую роль³⁶.

Вследствие этого, служебная практика русского государства Нового времени многое унаследовала от государства эпохи Московии. Например, кормления как принцип общественной организации, возникнув как раз в эпоху возвышения Москвы, сохранили, по мнению некоторых западных авторов, свою силу вплоть до XVIII в.³⁷ и не исчезли совсем даже в XIX-ом столетии. Просто в государстве Нового времени практика кормления воспринимается как коррупция, а потому чиновник, берущий взятку, — как не имеющий понятия о чести и тормозящий тем самым общественное развитие³⁸. Система отношений «патрон-клиент» характеризовала жизнь Московского государства, продолжая сохранять свою функцию в XVIII веке, также, как и в XVI-ом. Тем самым она обеспечивала элитам стабильность³⁹. То, что в раннее Новое время государственная система была организована по принципу семейных взаимосвязей — не уникальная особенность русской жизни, а норма для многих стран Европы. Но, если во Франции или Германии она уже не являлась к XIX в. главным организующим принципом, то для России все еще была исключительно актуальна. Но из этого ни в коем случае не следует подтверждения тезиса об отсталости России⁴⁰. Сеть личных взаимосвязей продолжала играть важную роль в XIX в., равно как в политической жизни Франции и Англии, и если в России ее роль была более заметной, то объяснимо большей потребностью русской элиты в стабильности. Принцип отношений «патрон-клиент» как нельзя лучше вписывался в традиционные

---

³⁵ Ср.: Соловьев С.М. Исторические письма. М., 1858; Романович-Словатинский А. Указ. соч. С. 59–60. Это мнение было унаследовано историками русского дворянства в XX веке (См: Madariaga I. de The Russian Nobility in 17th and 18th centuries // The European nobilities in the seventeenth and eighteenth centuries. Vol. 2 — Northern, Central and Eastern Europe / Ed. by H.M. Scott London, 1995. P. 223–273.

³⁶ Исследования 1980-х гг. доказали, что к 1730 году дворянская верхушка состояла из представителей старых московских семей, обретших легитимность через *lignage* (Meehan-Waters B. Autocracy and aristocracy. The Russian service elite of 1730. New Brunswick (NJ), 1982). Свое значение сохранял, однако, и фактор службы. Так или иначе, но старые элиты не исчезли бесследно из политической и социальной жизни России. См.: Kivelson V. Kinship Politics/Autocratic Politics: A Reconsideration of Early- Eighteenth-Century Political Culture// Imperial Russia. New histories for the Empire / Ed. by J. Burbank and D. Ransel. Bloomington (Ind), 1998. P. 5–31

³⁷ Davies B. The Politics of Give and Take: Kormlenie as Service Remuneration and Generalised Exchange, 1488–1572 // Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584 / Ed. by A.M. Kleimola and G.D. Lenhoff. Moscow, 1997. P. 39–67.

³⁸ О сходстве системы кормлений и русского взяточничества см.: Schattenberg S. Beamte in der russischen Provinz: Ehre und Patronage im 19. Jahrhundert. Unveröffentlichte Habilitationsschrift, 2006. P. 21, 22.

³⁹ Ransel D. L. Character and Style of Patron-Client Relations in Russia // Klientelsysteme im Europa der frühen Neuzeit / Ed. by A. Maczak. München, 1988. P. 211

⁴⁰ Schattenberg S. Указ. соч. P. 26.

дворянские способы «оставаться на вершине»(Obenbleiben) и защищал русских дворян от произвола императора⁴¹.

Вот почему на протяжении XVIII–XIX вв. служба приобретала все большее значение для самосознания русской элиты, она превратилась в социальный капитал и конституирующую часть русской «дворянскости». Большинство дворян служило отнюдь не по принуждению: даже после 1785 г. (после официального объявления «прав и вольностей дворянства», в том числе праве не служить) сравнительно немного служащих покинули свои посты⁴². Служба продолжала занимать важное место в системе дворянских ценностей, сохраняя свою приоритетность рядом с такими факторами, как *происхождение* и честь (это не означает, что они не играли для русской знати такой же роли, как и для дворянства других стран Европы).

В то же время, распространенная в западной литературе XIX в. формула *Noblesse oblige* («Дворянство обязывает») служила кодексом чести и для русской знати⁴³. Этот идеал приобретал все большее значение на протяжении XIX в. в связи с потерей западноевропейским дворянством прежних привилегий⁴⁴. Русская *point d'honneur* (*честь*) являлась не только продуктом самоопределения дворянства в трудных обстоятельствах, но и результатом долгой традиции: «честь» была конституирующим понятием для русского общества сверху донизу со времен Московии, и в XVI веке москвиты апеллировали к чести гораздо чаще по сравнению с западноевропейцами⁴⁵. Уже тогда московская элита имела ясное представление о чести, что противоречит распространенному стереотипу об искусственном перенесении европейской «моды» на это понятие в эпоху европеизации.

Сама возможность стать дворянином благодаря служебным заслугам разжигала страхи о «растворении» дворянства в «подлом» сословии: мелкий чиновник, лишенный понятий о благородстве, — любимый персонаж русской литературы XIX века. Эти страхи были тесно связаны с процессом бюрократизации, последствия которой были сильно преувеличены не только современниками, но и позднейшей историографией. Как показывают исследования, в России было даже меньше чиновников на душу населения, чем в других национальных государствах Европы. Это позволило некоторым исследователям сформулировать дискуссионный тезис о недостаточной управляемости русского государства (*undergoverned*)⁴⁶. Несмотря на развитие чиновного аппарата, его формирование не сопровождалось массовым нобилитированием. При этом чиновники дворянского происхождения пользовались значительными преимуществами, даже если они не обладали необходимыми поз-

---

⁴¹ Умение дворянства оставаться на вершине общественной лестницы, «резервировать» за собой элитарность характеризуется в германской историографии понятием *Obenbleiben* («умение оставаться наверху»). См.: *Braun R. Konzeptionelle Bemerkungen zum Obenbleiben: Adel im 19. Jahrhundert // Europäische Adel 1750–1950 / Ed. by H.-U. Wehler. Göttingen, 1990. P. 87–95.*

⁴² Заметный процент увольнений наблюдался только в нижних чинах военной службы. См.: *Фаизова И.В. Манифест о вольности дворянства и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 108–109.*

⁴³ *Шмидт С.О. Общественное самосознание Noblesse Russe в XVI — первой трети XIX в. // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1993. Vol. 34. № 1–2. P. 11.*

⁴⁴ См.: *Conze E. Kleines Lexikon des Adels. Titel, Throne, Traditionen. Orig.-Ausg. München, 2005. P. 189.*

⁴⁵ *Kollmann N.S. By Honor Bound. State and society in Early Modern Russia. Ithaca (NY), 1999.*

⁴⁶ *Velychenko S. The Size of the Imperial Russian Bureaucracy and Army in Comparative Perspective // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2001. Vol. 49. № 3. P. 351, 360.*

ниями для исполнения должности, на которую претендовали. М.М. Сперанский попытался преодолеть эту практику при помощи закона от 6 августа 1809 г. По нему каждый дворянин, желающий получить 8 ранг, должен был подтвердить достаточность своих знаний университетским дипломом или дипломом другого учебного заведения⁴⁷. Хорошо известно, какую бурю протестов вызвал этот закон «гнусного поповича» в среде русского дворянства. Он игнорировался уже с самого начала и в 1834 г. был, наконец, отменен.

В провинции бюрократический процесс протекал своим привычным порядком: типичный случай, встречающийся в воспоминаниях: высшие должности занимают в канцелярии дворянами, которые, по большей части, не имеют ни знаний, ни интереса к канцелярской работе, и это активно используют низшие чины. Мир дворян по происхождению и «выслуживших» дворянство оставался разграничен: заслужившие дворянство стремились избегать сословных собраний и чувствовали себя среди новых товарищей по сословию весьма стесненно⁴⁸. До середины XIX века существовала непреодолимая пропасть между чиновничьей элитой из дворянства (управлявшей департаментами и министерствами) и канцелярскими работниками, занимавшими низшие ступени службы, без надежды когда-либо подняться выше 9 класса в Табели о рангах, то есть подняться до класса, дарующего дворянские привилегии⁴⁹.

Процесс бюрократизации принято связывать с возникновением функциональной элиты, отвечающей новым потребностям государства. Эти перемены традиционно характеризуются заменой «слуг короля», на «слуг закона», заменой сословного принципа формирования элиты на принцип выслуги и образовательного ценза⁵⁰. Эти процессы, изученные в основном на западноевропейском материале, признаются некоторыми историками дворянства и для русских условий XIX века⁵¹. Начиная с XIX в., новые элиты стали и в России рекрутироваться при помощи профессионального образования, призванные со временем заменить старую сословную элиту или образовать новый вариант элиты совместно с нею. Не подлежит сомнению, что элиты не уходят со сцены бесследно и не дают заменить себя новыми без борьбы. Дворянство как социальная группа показала себя обладающей необыкновенной способностью к приспособлению. Русское дворянство, по мнению М. Мюллера преобразовалось в XIX веке в «государственную функциональную элиту» и обеспечило тем самым безопасность своих привилегий и возможность оставаться на вершине⁵².

---

⁴⁷ Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗ) Серия I, Т. 30, 1830. № 23.771.

⁴⁸ *Глорианов В.П.* Потомственные дворяне канцелярского происхождения // Русский архив. 1905. Т. 4. С. 662, 663

⁴⁹ *Уортман Р.С.* Властители и судьи. Развитие правового сознания в имперской России. М., 2004. С. 74–75.

⁵⁰ См. применение этой концепции к процессам бюрократизации в континентальной Европе: *Ergebene Diener ihrer Herren? Herrschaftsvermittlung im alten Europa* / Ed. by S. Brakensiek and H. Wunder Köln, 2005.

⁵¹ *Каменский А.* Элиты Российской империи и механизмы административного управления // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 119–120.

⁵² *Müller M.G.* «Landbürger». Elitenkonzepte im polnischen Adel im 19. Jahrhundert // C. Eckart and M. Wienfort. Указ. соч. P. 97.

Дворянство в России XIX века (по крайней мере, до реформ 60-х годов) обладало достаточным социальным, экономическим и культурным капиталом, чтобы сохранять свое элитарное положение, вне зависимости от того, понимаем ли мы элиту только как формальную группу, состоящую из 5 первых чинов Табели о Рангах или же включаем в нее и тех состоятельных и принятых ко двору лиц, которые не обладали такими чинами. В любом из этих вариантов, тезис о «наложении элит» — элиты по рождению и по выслуге — выглядит преувеличением⁵³. За исключением особых случаев, потребовалось бы более одной жизни, чтобы пройти путь с низших чинов Табели о Рангах до верхних пяти, тем более, что получение первых двух было целиком и полностью во власти монарха. Дослужившиеся до высших постов недворяне были редкостью. К ним, однако же, «истинные дворяне» относились враждебно, как это случилось, скажем, с М.М. Сперанским⁵⁴.

Несмотря на рост числа образованных людей на вершине государственного управления и возможность социального подъема при помощи образования, на ключевых постах, на протяжении и XVIII-го, и XIX-го вв. укреплялись именно дворяне. Говоря о числе дворян среди судей в континентальной Европе XVIII в. и позже, историки используют даже термины «дворянский ренессанс» или «дворянская революция», так много дворян сумели закрепить за собой судебские полномочия⁵⁵. Русское дворянство и тут не было исключением, довольно успешно обеспечив себя образованными чиновниками: возможности дворянства как многофункциональной элиты и его приспособленность к потребностям профессионального образования прослеживаются в системе элитарных дворянских учебных заведений, которые возникли в XVIII–XIX вв.

В такие институты принимали дворянских недорослей, происходивших из семей, записанных в 6 и 5 части родословных книг, — то есть представителей семейств, получивших дворянство за сто лет до 1785 года или обладавших нужным титулом (дети из семей служилого дворянства чином не ниже полковника, а для гражданских — не ниже статского советника, т.е. 5 ранга). Система кадетских учебных заведений (более низких рангом по сравнению с вышеупомянутыми элитарными лицеями) и дворянских пансионов при гимназиях также вела к отделению дворян от прочих учеников. Сам принцип сословного разделения в обучении существовал для всего европейского дворянства, по крайней мере до подросткового возраста, и служил цели сохранения «дворянского отличия» от представителей иных сословий. Русское дворянство активно использовало эти возможности к образованию, предпочитая закрытые, отделенные от остальных сословий, заведения⁵⁶. Представители иных сословий сохраняли возможность, благодаря образованию и долгой службе, добраться-таки до вершин. Но образование как инструмент карьерной стратегии оставалось все-таки

---

⁵³ Каменский А. Указ. Соч. С. 120.

⁵⁴ См. об истории смещения М.М. Сперанского: Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVII — первой трети XIX века. М, 2004. С. 197.

⁵⁵ Lutz M. Juristenausbildung im Richteramt (baltische Ostseeprovinzen im 19. Jh.) // J. Eckert and K. Modéer. Указ. соч. P. 291.

⁵⁶ Kusber J. Eliten- und Volksbildung im Zarenreich während des 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Studien zu Diskurs, Gesetzgebung und Umsetzung. München, 2004. P. 310–311.

в распоряжении дворянства, и никакое другое сословие не имело стольких возможностей и преимуществ им воспользоваться⁵⁷.

Вопрос о зазоре между благородным происхождением и принципом службы, т. е. о двух главных «китах» русской «дворянскости», можно проиллюстрировать на примере Императорского училища Правоведения, закрытого элитарного заведения, основанного в 1835 году в Санкт-Петербурге. Юридическое образование традиционно считалось соответствующим дворянскому происхождению в континентальной Европе. Просвещенная императрица Екатерина II пыталась привить интерес к юриспруденции в закрытых дворянских учебных заведениях, в том числе, например, в Сухопутном кадетском корпусе. В ее время на образование вообще и юридическое в частности начали «смотреть как на одно из самых действенных средств, ведущих к общественному благоденствию»⁵⁸. Несмотря на это, юридическое ведомство в России оставалось в самом плачевном состоянии практически до середины XIX столетия, вследствие отсутствия интереса дворянства к подобного рода службе. Улучшение состава юридического ведомства зависело от перемены в воззрениях дворянства на эту службу, поскольку оно не заполнялось выходцами из нетабельных чинов⁵⁹. Для того, чтобы поднять престиж правоведаческой профессии, потребовалось вводить обучение правоведению в закрытых сословных учебных заведениях, предназначенных для элиты. Открыв специальную школу правоведения для дворянских детей⁶⁰, власть достигла желаемого. Училище Правоведения в итоге (совместно с Александровским лицеем) подготовило больше министров и чиновников высокого ранга, чем все остальные заведения вместе взятые⁶¹.

В восприятии современников ключевые посты в системе власти (если следовать социально-историческому определению элит) были тесно связаны с аристократией. Вследствие этого, элитарные учебные заведения часто описываются в воспоминаниях как «прибежище аристократов»⁶². Выпускники Училища правоведения находят необходимым в своих воспоминаниях чуть ли не на первой странице упоминать, что среди них «не было аристократов» или что «в нашем классе не было титулованных и богатых дворян»⁶³. К картине чиновника Нового времени, принадлежит также и представление о профессиональном хабитусе, в котором аристократии по большей части отказывается⁶⁴. Профессиональное образование (в случае училища — юриди-

---

⁵⁷ Pinter W.M. Указ. соч. Р. 443.

⁵⁸ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль, 1909. С. 297.

⁵⁹ Уортман Р.С. Властители и судьи. С. 74–75.

⁶⁰ Устав Училища Правоведения // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Сер. 2. Т. 13 (1838 г.) СПб., 1839. № 11. С. 363.

⁶¹ Sinel A. The Socialization of the Russian Bureaucratic Elite, 1811–1917: Life at the Tsarskoe Selo Lyceum and the School of Jurisprudence // Russian History. Vol. 3. Part 1. 1975. P. 2.

⁶² Об этом пишет в своих неопубликованных воспоминаниях барон фон Розен. См.: Розен фон А. Записки правоведа // Государственный центральный театральный архив им. А.А. Бахрушина. Ф. 229. Ед.хр. 1.

⁶³ Арсеньев К.К. Воспоминания об училище правоведения. 1849–1855 // Русская старина. 1886. Т. 50. С. 219; Стасов В.В. Училище правоведения сорок лет тому назад. 1836–1842 // Русская старина. 1880. Т. 29. С. 1015–1042.

⁶⁴ Urbach K. Adel versus Bürgertum. Überlebens- und Aufstiegsstrategien im deutsch-britischen Vergleich // Geburt oder Leistung? Elitenbildung im deutsch-britischen Vergleich / Ed. by F. Bosbach et al. München, 2003, P. 25–42.

ческое образование с обязательной 6-летней службой при Министерстве юстиции) должно было вести к формированию нового «социального тела», из которого, в принципе, и должна была бы родиться новая элита. «Разрастание бюрократии вследствие усложнения управленческого аппарата и экспансии государственности» должно было неизбежно вести к изменениям в составе элиты Российской империи⁶⁵.

Но было бы непростительным упрощением рассматривать новый тип элиты как прямо и автоматическое следствие нового образования. Заведения, подобные Училищу Правоведения, вносили изменения в представлениях о службе государству, но происходило это постепенно, от поколения к поколению. Именно поколенческие изменения позволили выпускникам училища Правоведения стать «новыми чиновниками», обладавшими «правовым сознанием», людьми, с отличным от предыдущих поколений чиновников отношением к закону. И хотя поколенческий разрыв между «отцами и детьми» на службе русскому государству часто преувеличивается⁶⁶, все же особый статус элитарной группы выпускников-правоведов не оспаривается в историографии и подтверждается мнениями современников.

Выпускники училища получали качественно лучшее юридическое образование, превосходящее университетское, по крайней мере в первые годы существования училища⁶⁷. Они находились под влиянием новейших европейских идей о праве, проявившихся отчасти в судебной реформе 1864 г. По окончании курса они отправлялись на службу в провинцию, где управление функционировало, как и прежде, по старому принципу отношений «патрон — клиент»⁶⁸. Принято считать, что именно этот разрыв между теоретическими представлениями о праве и государстве с одной стороны и реальностью с другой, превращал их в новое поколение чиновников, пытавшихся завести на службе доселе неизвестные порядки. Однако содержание образования и его идейная сторона, было (возможно) не единственное и даже не главное, что отличало новое поколение бюрократов от предыдущего. Для историка представляется весьма многообещающим не только и не столько анализ самих правовых теорий, которым обучались эти ученики, сколько культурные практики и/или дворянский хабитус правоведов. В воспоминаниях чиновников часто упоминается, что правоведов воспринимали как «молокососов», ничего не знающих о делопроизводстве, но задирающих носы и дистанцирующихся от остальных чиновников⁶⁹. Вот почему правоведам действительно нужна была личная защита Принца Петра Ольденбургского, попечителя и создателя училища, который всегда заботился, чтобы его протеже не обходили чинами и вниманием⁷⁰. Корпоративное чувство служило правоведам в провинции знаком отличия и отделяло их от недворянских служащих канцелярии.

---

⁶⁵ *Kusber J.* Eliten- und Volksbildung im Zarenreich während des 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Studien zu Diskurs, Gesetzgebung und Umsetzung. Stuttgart, 2004. S. 7, 15.

⁶⁶ *Wortman R.* Russian Legal Consciousness.

⁶⁷ *Baberowski J.* Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt am Main, 1996. P. 34.

⁶⁸ *Schattenberg S.* Указ. соч. P. 29

⁶⁹ *Фадеев А.М.* Воспоминания // Русский архив. 1891. Т.29. № 5. С. 34.

⁷⁰ Российский государственный исторический архив. Ф. 1060, Танеевы, Оп. 1. Ед. хр. 125 Письма разных лиц . (1833–1856). Письмо А. Танеева, 13. сентября 1856. Л. 132.

Еще раз подчеркнем, что было бы преувеличением разводить принципы происхождения и службы по разные стороны баррикад. Принцип службы не заменял собой принципа происхождения, он был инкорпорирован в русскую «дворянскость». В конечном счете, он также мог служить знаком отличия дворянина, как показывает пример Ивана Аксакова, происходившего из древнего дворянского рода. Он жаловался в письме к родителям, что во время своей учебы в училище Правоведения получил плохую отметку, а потому не может теперь получить при выпуске 9-го чина в Табели о Рангах и должен будет довольствоваться только 10-м. Родители пытались его утешить: старший брат Ивана, Григорий, также закончил училище с 10-м чином, мол, это, в конце концов, не катастрофа. Иван отвечал: «Мое письмо не было голосом убитого самолюбия, напротив — негодующего... Ради мнения других я не стану делать того, что несогласно с моим понятием о чести и благородстве... Мы сами невольно судим о получивших 9-й класс (конечно незнакомых) лучше, нежели о получивших 10-й, и мне обидно будет следить глазами на лице спрашивающего меня и вдруг разочарованного моим ответом, на сколько градусов понижается его мнение обо мне, составленное понаслышке! К тому же, если б кто-нибудь был обойден таким же образом, тогда ничего бы... Но когда не только все серьезные люди, но и дрянь более меня, имеет права на 9-й класс, и когда я вдруг поставлен в целую категорию мелкопоместных, чрезвычайно довольных тем, что и «Аксаков даже вместе с ними выходит 10-м классом», — то я желаю быть отличен»⁷¹.

Легко понять разочарование 19-летнего молодого человека, что его труд не был оценен по заслугам. Однако примечательно, как он обосновывает свое нежелание выходить 10-м классом. Он пишет не о том, что он имеет больше прав на высокую оценку, благодаря своему труду и уму, он пишет, что он хочет отличаться от мелкопоместных. Судя по довольно обширной переписке с родителями, И.С. Аксаков не рассматривал себя как лучшего ученика в классе и оценивал свои шансы вполне адекватно⁷². Его письма также не позволяют характеризовать его как высокомерного или болезненно честолюбивого молодого человека. При этом он и сам был недостаточно богат, чтобы презирать мелкопоместных за их бедность. Что, однако, бросается в глаза в его письмах — это особое внимание к своему поведению, к его оценке окружающими, а также оценка манер одноклассников. В первые несколько месяцев своего пребывания в училище, он писал родителям: «Что же касается до товарищей, то я вижу, что не у всех развиты благородные чувства и *point d'honneur*»⁷³. От таких одноклассников Аксаков стремился дистанцироваться и дружить с образованными и «влиятельными» в классе⁷⁴. Не удивительно, что все эти «влиятельные» люди, которых он перечислил по именам, оказались потом в числе вышедших с 9-м классом⁷⁵. Стре-

---

⁷¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 1. Учебные и служилые годы. Т. 1. 1839–1848. М., 1888. С. 35.

⁷² Письма Ивана Сергеевича Аксакова родным 1838–1847 // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 10, Аксаковы. Оп. 1. Ед. хр. 28.

⁷³ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. С. 29.

⁷⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) Ф. 10, Аксаковы. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 22.

⁷⁵ Пашенный Н. Императорское училище правоведения в годы войны, мира и смуты. Мадрид, 1967. С. 97–98.

мясь попасть в этот круг, Аксаков так много занимался в последний год в училище, что родители всерьез начали беспокоиться за его здоровье. В конце концов, он сумел закончить училище с 9 классом, попав в эту группу последним по списку. Нет сомнения, что ранг или чин составлял в России XIX в. важный социальный капитал. Не для малого числа дворян был также значительным экономическим капиталом, однако, его функцию как инструмента «тонкого отличия» также не следует преуменьшать. В конечном итоге, принадлежность к определенной группе (символом которой являлся ранг или чин) была важным элементом социальной идентичности дворянина, его «отличием». Служебная деятельность не могла для него заменить ни представления о дворянском *point d'honneur*, ни чувства принадлежности к элитарному кругу.

Подводя итог, следует еще раз отметить ключевые пункты в оценке русского дворянства. Хотя служба являлась конституирующим элементом дворянского этоса повсюду в Европе, исследования по истории русского дворянства поначалу унаследовали традицию воспринимать дворянство русское как нечто особое, с установкой на особые условия социального существования служилого класса. Это привело к выделению русского дворянства в особый, отличный от остального континентального дворянства тип. Исследователи ссылались на «служилый характер» русского дворянства и на протяжении долгого времени отказывали ему в сословном самосознании. На этом фундаменте зиждились представления о том, что служебное рвение и лояльность по отношению к самодержцу были главными характеристиками русского дворянства, служили источником его особого статуса и замещали собой европейский *point d'honneur*. Одним из главных аргументов в пользу выводов такого рода было существование Табели о рангах.

Пересмотр «жестких» рамок таких концепций, исследования культурной жизни дворянства, осуществленные в последние годы, произвели своего рода переворот в дворянских исследованиях. Разработанное в основном на материале западноевропейских реалий понятие «дворянскости», равно как попытки сравнительной истории дворянства позволяют исследовать дворянство как наднациональную общность по всей континентальной Европе. В данной статье были представлены основания для изучения русского дворянства в общеевропейском контексте. На примере главных пунктов, по которым русское дворянство признавалось «специфичным» (службы, рекрутирования элиты, наличия/отсутствия сословного этоса) были представлены другие возможные варианты интерпретации указанных феноменов. Та же Табель о рангах, традиционно считавшаяся жесткой привязкой привилегий к государственной службе, в ее практической функции может быть интерпретирована как один из механизмов отношений «патрон-клиент». Также, как процессы профессионализации, процесс усиления образовательного ценза на должности может быть интерпретирован не только как ущерб дворянским привилегиям, но и как инструмент, активно используемый дворянством, для утверждения «тонких отличий». Тезис, об удивительной «живучести» и способности адаптироваться в условиях общественных изменений для сохранения своих дворянских отличий, на материале Западной Европы представлен уже несколькими крупными монографическими исследованиями. Вовлечение русского дворянства в эту сравнительную перспективу требует куда больше времени. Причина тому — необходимость сломать устойчивые стереотипы об

«экзотическом» характере русского дворянства. Как показывают новейшие исследования, вся эта «специфика», все эти «характерные черты» русской «дворянскости» имеют немало общего с культурой континентальной европейской сословной элиты. Поэтому есть основание надеется, что развитие русских дворянских исследований пойдет по пути изучения его общности с остальным континентальным дворянством Европы.

«ЖЕНСКОЕ ДЕТСТВО» В ДВОРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

А. В. БЕЛОВА

*«...она с малолетства заслужила себе репутацию
прелестного ребенка»¹*

Проблематизация «женского детства» в дворянской России в контексте социальной истории позволяет уточнить ряд более общих вопросов о конструировании нормативной гендерной идентичности дворянок, формировании гендерной асимметрии в дворянском обществе и происхождении механизмов воспроизводства принятого в нем гендерного контракта. Само по себе изучение дворянской повседневности имеет важное значение для более достоверной интерпретации социальной истории России XVIII — середины XIX в. ввиду того, что восприятие дворянства как преимущественно «мужского» сообщества, описываемого в терминах государственной службы, не представляется достаточным². Речь идет, в первую очередь, об анализе повседневного измерения социальных механизмов трансляции дворянского этоса и социоантропологической составляющей функционирования дворянской культуры.

Изучая «возрасты жизни» и «структуры повседневности» на ранних этапах жизненного цикла представительниц дворянской этнокультурной среды, трудно не согласиться с мнением Р. Барта, рассматривавшего феномен детства в ряду так называемых «лжеочевидностей»³, и с созвучным суждением Ю.Л. Бессмертного о том, что это «знакомое нам понятие» есть не что иное, как одно из «наших клише»⁴. Содержание же исторически предшествовавшего этому клише восприятия, как правило, остается невыясненным, что неизбежно ведет к искажению историко-этнологической и социокультурной картины прошлого и к неточному воспроизведению и толкованию ряда важных реалий тогдашней жизни, опытов, практик и переживаний повседневности.

Моя цель в данной статье — проанализировать изменения в восприятии детства на протяжении полуторазекового периода расцвета дворянской культуры, в том числе — исходя из реконструкции «вещной» составляющей «мира детства», оформлявшей и маркировавшей особое детское пространство повседневности.

Принято считать, что идеи Ж.-Ж. Руссо (1712–1778) оказали решающее влияние на осмысление детства как особого периода в жизни человека и признание самоценности

---

¹ Ковалевская С.В. Воспоминания детства // Ковалевская С.В. Воспоминания. Повести / Отв. ред. П.Я. Кочина. М., 1974. С. 12.

² Подробнее см.: Пушкарева Н.Л. «Добрые товарищи во всяких случаях и в печали» (матери и дети в дворянских семьях XVIII в.) // Материнство. 1996. № 3 (11). С. 84–89.

³ Барт Р. Из книги «Мифологии». Предисловие / Пер. с фр. Г.К. Косикова // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 1989. С. 46.

⁴ Бессмертный Ю.Л. Новая демографическая история // Одиссей. Человек в истории. 1994. М., 1994. С. 250.

детской личности⁵. Наступление «буржуазной» эпохи литературовед и специалист по гендерному аспекту в психоистории В. Эрих-Хэфели характеризует как «время, когда ребенок становится важным прежде всего как ребенок, а не как несовершеннолетний»⁶. В научной литературе повторяется тезис о восходящей к Ж.-Ж. Руссо традиции «повышения ценности детства в культуре»⁷. В контексте идей этого мыслителя, детство стало рассматриваться как естественное состояние человека. При этом, как пишет Ю.М. Лотман, в его антитезе «естественное — противоестественное» первое отождествлялось с «реальным, сущим, осязаемым» и биологически данным⁸. Тем самым детство признавалось в качестве реалии человеческого бытия, имеющей самостоятельную ценность ввиду соотнесения его с понятием изначального, «полученного от природы» счастья⁹. Высокий ценностный статус детства был обусловлен его сопряженностью с новым критерием достоинства человека — искренностью — и представлением об интуитивной эмоциональной жизни, очищенной от «рациональных (социально обусловленных) наслоений»¹⁰. Однако получившие широкий резонанс в странах Западной Европы и в России утопически-педагогические призывы Руссо («Любите детство, будьте внимательны к его играм и забавам, к его милому инстинкту!»¹¹; «Дайте детству созреть в детях»¹²) подразумевали прежде всего мальчиков, уподобляемых «воображаемому воспитаннику» женецкого «руководителя».

Обретение французским философом в России из уст Екатерины II (1729–1796) репутации «очень опасного автора»¹³ и, как следствие, статуса «запрещенного» чтения гарантировало высокую степень эффективности восприятия любых его идей, в том числе и связанных с новой концепцией детства. Характерно, что в мужском дискурсе XVIII–XIX вв. связь изменения отношения к ребенку в русской дворянской среде второй половины XVIII в. с усвоением женщинами педагогической системы Руссо стала устойчивой мифологемой — свидетельством того, что литературный конструкт Н.М. Карамзина («Рыцарь нашего времени»¹⁴) воспроизводился впослед-

---

⁵ Подробнее см.: *Пушкарёва Н.Л.* Материнство и материнское воспитание в российских семьях XVIII — начала XIX в. // *Расы и народы.* Отв. ред. И.В. Власова. М., 1998. С. 104–136.

⁶ *Эрих-Хэфели В.* К вопросу о становлении концепции женственности в буржуазном обществе 18 века: психоисторическая значимость героини Ж.-Ж. Руссо Софи / Пер. с нем. Н. Носовой // *Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования:* Сб. ст. / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. М., 1999. Вып. 1. С. 64.

⁷ *Улыбина Е.* Страх и смерть желаний. М.; СПб., 2003. С. 255. Также см.: *Лотман Ю.М.* Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века // *Лотман Ю.М. Собр. соч.* М., 1998. Т. 1: *Русская литература и культура Просвещения.* С. 139–206; *Эрих-Хэфели В.* Указ. соч. С. 64–65.

⁸ См.: *Лотман Ю.М.* Руссо и русская культура... С. 141.

⁹ См.: Там же. С. 142.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Руссо Ж.-Ж.* Эмиль, или О воспитании / Пер. с фр. П.Д. Перлова // *Руссо Ж.-Ж. Избранное.* Главы и отрывки из сочинений / Сост., предисл. и примеч. И. Верцмана. М., 1976. С. 94.

¹² Там же. С. 96.

¹³ *Дашкова Е.Р.* Записки // *Записки и воспоминания русских женщин XVIII — первой половины XIX века* / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Г.Н. Моисеева. М., 1990. С. 240.

¹⁴ «Тогда не было еще «Эмиля», в котором Жан-Жак Руссо так красноречиво, так убедительно говорит о священном долге матерей и читая которого прекрасная Эмилия, милая Лидия отказываются ныне от блестящих собраний и нежную грудь свою открывают не с намерением прельщать глаза молодых сластолюбцев, а для того, чтобы питать ею своего младенца; тогда не говорил еще Руссо, но говорила уже природа, и мать героя нашего сама была его кормилицей». (*Карамзин Н.М.* Рыцарь нашего времени //

ствии в мемуарах (например, адмирала П.В. Чичагова¹⁵), относящихся к числу жанров, претендующих на достоверность («труд мой не есть создание воображения или вымысла, отдаляющегося обыкновенно от действительности»¹⁶). Существование данной мифологемы объясняется ее согласованностью со стереотипным представлением о репродуктивном предназначении женщины и традиционно высокой в русской культуре ценности материнства.

Вместе с тем 1770-е — 1800-е гг., действительно, были отмечены признанием детства как особого состояния, важного для формирования облика будущего взрослого¹⁷. Именно поэтому возник вопрос о целенаправленном воспитании и образовании детей. В качестве предпосылки этой тенденции следует назвать издание еще в 1759 г. (повторенное затем в 1760 и переизданное в 1788) перевода на русский язык книги Дж. Локка (1632–1704) «О воспитании детей», а также разработку и реализацию в 1760-е гг. И.И. Бецким концепции закрытых воспитательных учреждений для детей обоих полов¹⁸. В течение последнего 30-летия XVIII в. в России появились книги, в основном переводные с французского и немецкого, и периодические издания, как предназначенные для чтения взрослыми детям или ими самими, так и содержащие необходимые взрослым рекомендации по воспитанию детей. По мере приближения к рубежу XVIII–XIX вв. объем такой литературы заметно увеличился, очевидно, отражая нараставший в русской образованной среде интерес к детскому миру. Причем детская литература не только различалась на беллетристическую и учебную, но и имела уже дифференцированную адресацию к детям разных возрастных групп и разного пола. Среди первых детских изданий можно обнаружить литературу, предназначенную для младшего возраста¹⁹, юношей²⁰ и девушек²¹. При этом

Русская литература XVIII века. / Сост., коммент. А.Р. Курилкина, М.Л. Майофис; предисл. А.Л. Зорина. М., 2004. С. 245–246.)

¹⁵ «Чтобы... возвратиться к моему детству, скажу, что, когда я явился на свет, прекрасная система Жан-Жака Руссо, многие правила которой были заимствованы у дикарей, еще не была известна в России, и матери не считали себя обязанными, вопреки естественным или по каким-либо другим затруднениям, кормить своих детей собственной грудью». (*Чичагов П.В.* Записки адмирала, заключающие то, что он видел и что, по его мнению, знал // *Великороссы: Альманах «Секрет», приложение.* Вып. 2 (историко-патриотический). М., 1992. С. 13.)

¹⁶ Там же. С. 3.

¹⁷ См. подробнее: *Пушкарева Н.Л.* Материнство как социально-исторический феномен (обзор зарубежных исследований по истории европейского материнства) // *Женщина в российском обществе.* 2000. № 1. С. 9–24.

¹⁸ ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12103. Генеральное учреждение о воспитании обоюбого пола юношества от 12 марта 1764 г.; ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. Именной указ «О воспитании благородных девиц в Санкт-Петербурге при Воскресенском монастыре; с приложением Устава и штата сего Воспитательного Общества» от 5 мая 1764 г.; Собрание учреждений и предписаний касательно воспитания в России обоюбого пола благородного и мещанского юношества, с прочими в пользу общества установлениями. Т. I–II. СПб., 1789–1791; Учреждения и Уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России обоюбого пола юношества. СПб., 1774.

¹⁹ Детская книжка или Начальная понятия и описания вещей, о которых дети должны иметь сведение. Переведено с французского Ильей Дебольцовым. СПб., 1770; Священная история для малолетних детей. М., 1785.

²⁰ Детская логика, сочиненная для употребления российского юношества. М., 1787; Детская риторика, или Благоразумный вития, к пользе и употреблению юношества сочиненная. М., 1787; Детская российская история, изданная в пользу обучающагося юношества. Смоленск, 1797.

²¹ О воспитании девиц сочинение г. Фенелона архиепископа дюка Камбрийского. С французского языка переводил Иван Туманский Геролдмейстерской канторы переводчик. СПб., 1763; 2-е изд. с испр.

бросается в глаза, что вся учебная литература по логике, риторике и истории уже в названиях была обращена к «юношеству», а не к «девицам», в отношении которых акцент делался не на освоении образовательных дисциплин, а на особом «воспитании». Такое положение вещей коррелирует с выводами В. Эрих-Хэфели, проанализировавшей воспитательный конструкт Руссо для обоих полов²², который, по ее оценке, «выступил как рупор мощных исторических тенденций»²³. В частности, подчеркивая, что конечный итог учебы девочки виделся в «умении нравиться будущему мужу», своеобразным залогом чего служили «простота и наивность, которая пристала девушке», Эрих-Хэфели именно этим объясняет ее «отсечение от всех областей знания», то, что ее не считали нужным учить по-настоящему ни искусству, ни музыке, ни, тем более, «точным наукам» и «физическим знаниям»²⁴. В дополнение к этому скажу, что еще российским законодательством первой четверти XVIII в. предписывалось «учить всех грамоте, а мужской пол и цыфирному счету, также и наукам, к которым приклонность будет кто иметь»²⁵. Данное предписание, с одной стороны, отражало господствовавшие в то время представления, а, с другой, — служило средством формирования образовательного канона, асимметричного в отношении девочек, обучение которых точным и другим наукам, как и в последующий период, формально не предполагалось.

Однако это вовсе не означает, что в действительности сами девочки и девушки оказывались не способными к таким наукам или не заинтересованными в их изучении. Так, в конце 1770-х гг. 20-тилетний М.Н. Муравьев, писавший из Петербурга своей младшей сестре в Тверь, уточнял у нее, «на каком языке купить ей Эйлеров «курс физики для дамы» — на французском или русском», имея в виду «Письма о разных физических и философических материях, писанные к некоторой немецкой принцессе», переведенные С.Я. Румовским и изданные в 3-х частях в 1768–1774 гг., пользовавшиеся в то время огромной популярностью²⁶. Баронесса В.-Ю. Крюденер (1764–1824) вспоминала, что в возрасте 9-ти лет, живя с матерью в Санкт-Петербурге, она «обозрела обширное поле истории», «изучила мифологию и получила первое представление о философии и логике»²⁷. Кроме того, она «втайне изучила» латинский язык (очевидно, эта дисциплина не входила в круг образования девочек), для того чтобы подсказывать на уроках брату, который «испытывал трудности при изучении латыни»²⁸. Немаловаж-

---

1774; 3-е изд. М., 1788; О воспитании девиц. Сочинение г. Фенелона, архиепископа герцога Камбрийского. Новое издание с прибавлением письма его к одной знатной госпоже относительно до воспитания ея единокровной дочери. Переведено с французского девицею Надеждою Никифоровою Темниковской округи в селе Богородском Новое Мансырево тож. 1792 года. Тамбов, 1794.

²² Речь идет об уже цитировавшемся педагогическом романе Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании», который вышел в 1762 г.

²³ Эрих-Хэфели В. Указ. соч. С. 102.

²⁴ Там же. С. 75–76.

²⁵ ПСЗ. 1. Т. V. № 2789. Указ о порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах от 23 марта 1714 г. П. III. 4.

²⁶ Свыше 200 «Писем» выдающегося математика XVIII в. Л. Эйлера, «содержавших всю известную тогда физику в популярном изложении», были написаны по-французски в Берлине в 1760–1761 гг. и выдержали среди прочих 4 русских издания.

²⁷ Крюденер В.-Ю. Воспоминания о детстве и юности // Баронесса Крюденер. Неизданные автобиографические тексты / Пер. с фр., состав., вступ. ст. и примеч. Е.П. Гречаной. М., 1998. С. 103.

²⁸ Там же.

но и отношение учителя к способностям своей ученицы, о котором упоминала мемуаристка: «Еще будучи совсем маленькой, я начала заниматься с учителем, который, видя ту легкость, с какой мне давалось изучение языков и вообще учеба, побуждал меня расширять круг моих познаний»²⁹. Даже если подобная позиция наставников юных дворянок не была широко распространена, к ней следует прислушаться, поскольку она в некотором роде отражала представления наиболее образованных и, вместе с тем, состоятельных слоев российского дворянства, которые считали необходимым и могли позволить себе уделять серьезное внимание образованию дочерей, выбирая для них неслучайных учителей и подходя основательно к подбору учебных дисциплин.

В конце XVIII в. детство обозначилось в качестве одной из тем *женской дворянской поэзии*. Правда, эту тему нельзя назвать ведущей, но все-таки ее появление свидетельствовало о новом качестве эмоционального отношения женщины к ребенку. Утверждая в 1783 г. в «Послании к слову ТАК», что «ТАК, от нянюшки шелливному дитяти есть вред и пагуба», а «ТАК, от ослепленной матушки не есть любовь матерня»³⁰, Е.Р. Дашкова подчеркивала тем самым распространенности потакания детским шалостям со стороны нянь и матерей и наличие явно демонстрируемых проявлений материнской любви. Сама же она не считала эти новые явления позитивными и будучи, очевидно, приверженницей «контролирующего» стиля воспитания, не могла смириться с тем, что для некоторых родительниц потребности ребенка все больше выступали на первый план, являясь симптомами зарождающегося «социализирующего» (термины Л. Демоза³¹) стиля воспитания.

Наряду с назидательно-дидактической трактовкой детства Е.Р. Дашковой, что согласуется, в целом, с образом ее мыслей, зафиксированным автодокументальными источниками, в женской поэзии конца XVIII в. можно выделить еще три аспекта репрезентации мира детства. Это: 1) материнская эмоциональность³² и материнская любовь, эмоциональная связь ребенка с матерью³³, 2) признание ценности детства как особенного, «счастливого» этапа жизни и, вместе с тем, его скоротечности³⁴, ценности ребенка как автономного существа³⁵, 3) ответная позитивная эмоциональность ребенка по отношению к взрослым³⁶. Особенно важно, что как раз в женской дворянской поэзии конца XVIII в. фиксируется представление о детстве как о беспечальном, не знающем грусти «рассвете дней», времени свободного состояния женщины («Я росла, как ты, в свободе³⁷ / И не знала,

---

²⁹ Там же.

³⁰ Дашкова Е.Р. Послание к слову ТАК // Предстательницы муз: Русские поэтессы XVIII века / Сост. Ф. Гёпферт и М. Файнштейн. Wilhelmshorst, 1998. С. 14.

³¹ См.: Demause L. The Evolution of Childhood // History of Childhood Quarterly. Spring, 1974. Vol. 1. № 4.

³² Жукова А.С. Чувства матери // Предстательницы муз... С. 26.

³³ Караулова В.А. Разговор матери с маленьким ее сыном // Там же. С. 33–34.

³⁴ Маеницкая Ан.Л. Спящее дитя // Там же. С. 53–54.

³⁵ Урусова Е.С. Письмо Петру Дмитриевичу Еропкину, сочинено в Москве // Там же. С. 155–159.

³⁶ П.М. Крестной маминьке от Машеньки // Там же. С. 241–242; *** От благородной девицы брату ее воспитательницы на случай отъезда его в полк // Там же. С. 247–248.

³⁷ Примечательно, что такой же дискурсивный прием идеализации детства встречается и в женских мемуарах. А.П. Керн, описывая детские годы, прошедшие под репрессирующим влиянием отца, утверж-

как грустить»³⁸) в сравнении с последующим замужеством («Мне судьбы определили / Быть несчастной и страдать»³⁹). При этом детство («юных лет прекрасны дни»⁴⁰) ассоциировалось со «счастьем кротким», «миром» и «невинностью», а взрослый возраст, отождествлявшийся собственно со «всей жизнью», за пределы которой выносились «старость» и «смерть», — с «лютыми скорбями», « пороками» и «страстями»⁴¹. Интересно, однако, что этот же взрослый возраст по отношению к «старости» считался «светлыми днями», в которые человеку сопутствуют «здравие, довольство, радость»⁴². Таким образом, в оценке женщинами «возрастов жизни» заложена негативизация каждого последующего этапа жизненного цикла в сравнении с предыдущим и, соответственно, идеализация⁴³ предшествующего. Лейтмотив человеческой жизни трактуется как стремление к достижению счастья, которое, «улетая» вместе с детством («Узрит счастье, оглянувшись, / Прочь летяще на крылах»⁴⁴), до самой смерти так и не возвращается («Так всечасно он, страдая, / Будет смерти трепетать, / И о счастье все мечтая, / В гроб внезапно должен пасть»⁴⁵). В данной версии восприятия жизни проявляет себя не просто пессимистическое мироощущение, но трагический реализм женского мироощущения, созвучного у представительниц разных культурных традиций (например, у австрийской поэтессы, прозаика, драматурга М. фон Эбнер-Эшенбах и русской поэтессы и переводчицы Ан.Л. Магницкой).

В конце 20-х — 30-е гг. XIX в. появляются *детские писательницы*, такие как А.П. Зонтаг, урожденная Юшкова (1785/1786–1864), М.Б. Даргомыжская, урожденная княжна Козловская (1788–), Л.А. Ярцова (1794–1876), отмеченная в 1836 г. «за написание научно-популярных произведений для детей» малой золотой медалью Российской Академии⁴⁶, Е.М. Фролова-Багреева, урожденная Сперанская (1798–1857), А.О. Ишимова (1804–1881), А.А. Фукс, урожденная Апехтина (1805–1853), А.В. Зражевская (1805/1810–1867), А.М. Дараган, урожденная Балугьянская (1806–1877), позднее М.А. Корсини, урожденная Быстроглазова (1813–1859), А.Г. Коваленская, урожденная Карелина (1829–1914), Е.Ф. Тютчева (1835–1882) и *женская литература для детей*⁴⁷. Начинают выходить женские периодические издания, например еже-

---

дала: «Росла я на свободе...». (Керн А.П. Из воспоминаний о моем детстве // Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания о Пушкине / Сост., вступ. ст. и примеч. А.М. Гордина. М., 1987. С. 353.)

³⁸ Караулова В.А. Указ. соч. С. 33.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Магницкая Ан.Л. Указ. соч. С. 53.

⁴¹ Там же. С. 53–54.

⁴² Там же. С. 54.

⁴³ Одним из художественных приемов идеализации детства у Ан.Л. Магницкой становится описание идиллического пейзажа, в который она помещает «маленького дитя». См.: Там же. С. 53. И хотя понятно, что этот «маленький дитя» — мальчик, на характеристику «возрастов жизни» экстраполируется именно «женское» их восприятие.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 54.

⁴⁶ См.: Коломинов В.В., Файнштейн М.Ш. Храм муз словесных (Из истории Российской Академии). Л., 1986. С. 141.

⁴⁷ См., напр.: Даргомыжская М.Б. Подарок моей дочери // Детский альманах. СПб., 1827; Фролова-Багреева Е.М. Чтение для маленьких детей. М., 1828; Фукс А.А. Царевна-Несмеяна. Народная русская сказка. Казань, 1838; Девушка Березница: Сказка для детей / Пер. с нем. Анны Зонтаг. Одесса, 1830; Детский театр, или Собрание детских комедий, изданных Анною Зонтаг, урожд. Юшковой, Почетным Чле-

месячный журнал для детей «Звездочка», издававшийся А.О. Ишимовой в 1842–1863 гг. и считавшийся «лучшим в свое время»⁴⁸. В конце 30-х гг. XIX в. педагогические заслуги трех детских писательниц — А.О. Ишимовой, Л.А. Ярцовой и А.П. Зонтаг — были отмечены Демидовской премией Петербургской Академии наук, одной из наиболее почетных научных наград⁴⁹. Не менее важны и субъективные оценки, например А.С. Пушкиным произведений А.О. Ишимовой, высказывавшиеся в частной переписке:

«Сегодня я нечаянно открыл Вашу Историю в рассказах, и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!»⁵⁰

Хочу обратить особое внимание на А.М. Дараган по причине того, что имя этой детской писательницы⁵¹, не упоминается в соответствующих литературоведческих работах. Вместе с тем ее произведения также имели не только литературное, но и педагогическое значение, в частности вносили определенный вклад в рецепцию в России идей детского сада немецкого педагога, теоретика дошкольного воспитания Ф. Фребеля (1782–1852). Однако, в отличие от других авторов, писавших на эту тему, упоминания о ней не встречаются даже в досоветских изданиях по истории педагогики.

Анна Михайловна Дараган — дочь «первого ректора Петербургского университета (1819–1821), сотрудника Комиссии по составлению законов, сенатора» Михаила Андреевича Балугьянского (1769–1867), с которым, как и с членами его семьи, был знаком А.С. Пушкин⁵². Из частной переписки тверских дворянок Манзей, брат которых Н.Л. Манзей (1784–1862) также входил в пушкинское окружение⁵³, удалось установить один факт из приватной жизни писательницы. В письме от 18 июня 1836 г. Мария Логгиновна Манзей (1787–1875) сообщала сестре Вере Логгиновне о необычной посетительнице их родового вышневолоцкого имения:

«...на днях была у нас Петербургская Франтиха Анна Михайловна Дариган одна из Болудианских с детьми она была в восхищении от Боровна. Погода была прекрасная и все в большем порядке она себе не воображала, чтоб деревни могли быть так хороши...»⁵⁴.

ном Общества Любителей Русской Словесности. С шестью картинками. М., 1879; Волшебная сказки для детей первого возраста, изданныя Анною Зонтаг, уроч. Юшковою, Почетным Членом Общества Любителей Русской Словесности. С восьмью картинками. Изд. 2-е. М., 1871; *Ишимова А.О.* История России в рассказах для детей. Ч. 1–6. СПб., 1837–1841; *Она же.* Рассказы старушки. СПб, 1839; *Она же.* Колокольчик: Книга для чтения в прютах. СПб., 1849; *Она же.* Первое чтение и первые уроки для детей. 2 изд. СПб, 1856–1860; *Она же.* Рассказы из Священной истории для крестьянских детей. СПб., 1878 и др.

⁴⁸ См.: Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1894. Т. XIII. С. 605.

⁴⁹ Подробнее см.: *Мезенин Н.А.* Лауреаты Демидовских премий Петербургской Академии наук. Л., 1987. С. 174–177.

⁵⁰ Письмо А.С. Пушкина к А.О. Ишимовой от 27 января 1837 г. // Гроссман Л.П. Письма женщин к Пушкину. Репринт. изд. Подольск, 1994. С. 132.

⁵¹ *Дараган А.М.* Азбука с примерами постепенного чтения. СПб., 1845 (10-е изд. 1874); *Она же.* Чтение для детей из Священной Истории. СПб., 1848; *Она же.* Естественная история животных. СПб., 1849; *Она же.* Руководство к детским садам по методе Фребеля. СПб., 1862.

⁵² См.: *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1988. С. 24.

⁵³ См.: Там же. С. 252; *Он же.* Пушкин и Тверской край: Документальные очерки. Калинин, 1985. С. 114–115.

⁵⁴ Письмо М.Л. Манзей к В.Л. Манзей от 18 июня 1836 г. // Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1016. Манзей — помещики Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. Оп. 1. Д. 45. Л. 23.

Для встречи «столичной модницы» провинциальная дворянка М.Л. Манзей тоже, по ее словам, «принарядилась»⁵⁵, имея повод «обновить» один из присланных «почтучкой» из Москвы «платочков прекрасных», однако сокрушалась сестре: «...башмачки одне рантавые только в пору и то немножко усковаты но для гостей можно надеть а другие мне очень жаль такие прекрасные но никак нейдут...»⁵⁶. Несколько эпистолярных строк о летнем визите будущей детской писательницы в Тверскую губернию, свидетельствуют о ней в разных ее ипостасях: и как о светской даме, уделяющей внимание своим туалетам, и как о женщине, реализующей материнский проект, и как о творческой личности, имеющей богатое воображение и черпающей впечатления из неожиданных явлений окружающей действительности.

Вообще, социальный типаж детских писательниц первой половины XIX в. включает в себя следующие характеристики: при том, что все они были хорошо образованными женщинами, некоторые из них — дочери не просто образованных родителей, но отцов, бывших видными государственными деятелями (А.С. Ярцов, М.М. Сперанский, М.А. Балугьянский), все отличались самостоятельностью характеров и независимостью жизненных позиций (например, если княжна М.Б. Козловская вышла замуж за С.Н. Даргомыжского против воли родителей, то А.О. Ишимова отправилась из северной ссылки пешком в Петербург, чтобы вымолить императорское прощение опальному отцу), для многих из них писательство для детей было не способом заработка и своеобразной компенсацией нереализованного материнства, а, напротив, сосуществовало с ним и, в какой-то мере, даже было его следствием. В последнем случае литературная самореализация дворянок (А.П. Зонтаг, М.Б. Даргомыжская, Е.М. Фролова-Багреева, А.А. Фукс, А.М. Дараган) включала в себя, наряду с прочими, разнообразное переживание и опыты собственного материнства, возможно, более острое осознание «дефицита» детской литературы, соответствующей именно реальным интересам, познавательным запросам и эмоциональным потребностям ребенка, в том числе обусловленным национально-конфессиональными особенностями. Не случайно, например, М.Б. Козловская-Даргомыжская писала, в первую очередь, для своих детей наставительные стихотворения, которые затем и составили сборник с характерным названием «Подарок моей дочери».

История детства дворянской девочки XVIII — середины XIX в. представлена в источниках различных видов и типов неравномерно, вместе с тем заметна тенденция, общая в источниковедении, к количественному росту и «усложнению структуры корпуса исторических источников» на протяжении изучаемого времени (собственно начало этих изменений маркирует «переход от средних веков к новому времени») ⁵⁷. Следствием эмансипации индивидуальности становится почти одновременное появление в России «таких личностных источников, как мемуары», и портретной живописи. В частности, тема детской повседневности может изучаться по иконографии, начиная с первой четверти и середины XVIII в. В этот ранний период уже существовали изображения детей. При этом можно наблюдать не только позитивную ди-

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ См.: Румянцева М.Ф. Исторические источники XVIII — начала XX века // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособ. / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. С. 318–331.

намику в количественном росте таких изображений, но и то, что к середине XVIII в. появились именно индивидуальные детские портреты. Однако своеобразие ситуации заключалось в том, что открытая портретным жанром уникальность детской личности признавалась пока еще, на ранних этапах, преимущественно за детьми из императорской семьи⁵⁸. Тем не менее это положило начало последующему складыванию представления о самоценности конкретной детской личности, хотя в петровскую эпоху признание права на художественное воспроизведение ясно выраженной индивидуальности ребенка, будучи прерогативой потомков царя, связывалось прежде всего с их особым социальным статусом, а не собственно с пребыванием в детском возрасте, не случайно почти на всех портретах представлены устойчивые атрибуты царской власти, например горностаевая мантия. Среди сохранившихся изображений преобладают портреты девочек-царевен, поскольку, как писал английский резидент в России Д. Джефферис, из «одиннадцати человек детей» Петра I и Екатерины I «в живых остались только три царевны»⁵⁹.

Из ранних портретов детей, не принадлежавших к императорской семье, известно изображение первой четверти XVIII в. дочерей вместе с матерью — «Портрет А.Я. Нарышкиной с детьми Александрой и Татьяной» 1710-х гг.⁶⁰, — изображающее в большей степени не детство как таковое, а нормативный образ женщины, неотъемлемой частью которого являлось материнство. *Во-первых*, это парадный портрет жены высокого столичного деятеля — К.А. Нарышкина, последнего кравчего, обер-коменданта Дерпта, первого коменданта Петербурга и с 1719 г. московского губернатора, — следовательно,

---

⁵⁸ *Никитин И.Н.* Портрет девочки (Елизаветы Петровны?). 1712–1713. Холст, масло. 54×43. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (ГЭ) (из собрания Горчаковых) // Калязина Н.В., Комелова Г.Н. Русское искусство Петровской эпохи. Л., 1990. Илл. 94. С. 126; *Он же.* Портрет царевны Анны Петровны. Не позднее 1716 г. Холст, масло. 65×53, овал. Государственная Третьяковская галерея, Москва (Далее: ГТГ) (из собрания Эрмитажа) // Там же. Илл. 98. С. 129; Каравак Л. (?). Портрет царевича Петра Петровича в виде Купидона. 1716–1717 (?). Масло, холст. 82×69,5. ГЭ (ранее в Галерее Петра I при Академии наук) // Там же. Илл. 115. С. 144; *Он же.* Портрет Наталии Петровны. 1722 (?). Холст, масло. 111×84,5. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург (Далее: ГРМ) (из Зимнего дворца) // Там же. Илл. 116. С. 144; *Он же.* Портрет Анны Петровны и Елизаветы Петровны. 1717. Холст, масло. 76×97. ГРМ (из Романовской галереи Зимнего дворца) // Там же. Илл. 117. С. 145; *Он же.* Портрет великой княгини Елизаветы Петровны ребенком. Вторая половина 1710-х. Холст, масло // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. Илл. между с. 224 и 225; *Муслицкий Г.С.* Конклюзия на престолонаследие. 1717. Миниатюра на эмали // Там же. Илл. между с. 32 и 33; *Он же.* Парный портрет Петра I и Екатерины I. 1715. Золото, эмаль. 4,1×5,3. Частная коллекция (Париж) // Калязина Н.В., Комелова Г.Н. Указ. соч. Илл. 129. С. 157. *Он же.* Портрет семьи Петра I. 1720. Золото (?), эмаль. 8×10,7. Художественная галерея Уолтера. Балтимор (США) // Там же. Илл. 135. С. 158; *Он же.* Портрет семьи Петра I. 1716–1717. Медь, эмаль. 12×8,5 (восьмиугольник). ГЭ (из Галереи Петра I) // Там же. Илл. 136. С. 159.

⁵⁹ Донесение Д. Джеффериса, английского резидента в России (1719 г.) // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 61. С. 529. Также см.: Дети Петра I от Екатерины Алексеевны Василевской-Михайловой-Скавронской тож, 1704–1723 гг. // Семевский М.И. Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллем Монс, 1692–1724: Очерк из русской истории XVIII века. Репринт. воспр. изд. 1884 г. Л., 1990. Приложения. № XIX. С. 342–343.

⁶⁰ Неизвестный художник первой четверти XVIII века. Портрет Анастасии Яковлевны Нарышкиной, рожденной княжны Мышицкой, жены К.А. Нарышкина, первого коменданта Петербурга, с детьми Александрой Кирилловной и Татьяной Кирилловной (1704–1757), в замужестве княгини Голицыной. 1710-е. Масло, холст. 180,2×130,8. ГТГ (из Государственного музейного фонда (собрание князей Голицыных в имени Дубровицы Московской губернии)) // Из истории реализма в русской живописи: Альбом / Сост.: К.В. Михайлова, Г.В. Смирнов, З.П. Челюбеева; вступ. ст. М.В. Алпатова, введ. и аннот. К.В. Михайловой, Г.В. Смирнова. М., 1982. № 11.

изображение ее должно было «иллюстрировать» высокий социальный статус мужа⁶¹, что, собственно, и подтверждает надпись на обороте холста, в которой она характеризуется по отношению к нему: «Портрет Настасьи яковлевны нарышкиной рожденной княжны Мыщицкой Супруги балярина кирила Алексиевича»⁶². Во-вторых, портрет этот имеет явную преемственность со стилем парсуны, отголоски которого, по мнению М.В. Алпатова, можно обнаружить «в искусстве портрета конца XVII — первых лет XVIII века у многих неизвестных живописцев»⁶³. Причем в большей степени эта преемственность заметна именно в изображении лиц дочерей, что свидетельствует, на мой взгляд, об отсутствии в то время навыков художественного «видения» и воспроизведения собственно детского лица⁶⁴. В-третьих, Нарышкина-мать является главным персонажем портрета — ее фигура занимает практически все пространство⁶⁵, причем центральную его часть, а дочери выглядят своего рода «живым обрамлением» изображения матери. Они стоят вплотную прижавшись к ее широкой юбке, но эта слитность с матерью лишь подчеркивает, что их не воспринимали отдельно от нее. Характерные жесты рук девочек, привлекая внимание зрителей к матери, как бы призваны «сказать»: «Посмотрите, вот она, наша мама. Это она изображена на этом портрете». И хотя, думается, что, анализируя портрет Нарышкиной с дочерьми, мы имеем дело с репрезентацией в живописи первой четверти XVIII в. стереотипного представления о предназначении

---

⁶¹ Репрезентация в данном случае имплицитной установки на «функциональность» женщины по отношению к мужу является своего рода оборотной стороной официально принятого в то время способа социального маркирования положения женщины, опосредованного статусом отца или мужа и юридически узаконенного петровской «Табелью о рангах». Согласно последней, дворянки «включались» в служилую иерархию чинов и званий и в основанную на ней систему социального этикета, в соответствии с которой им вменялось (под угрозой наложения денежного штрафа в размере 2-месячного жалования их мужей) позиционирование себя в публичном пространстве. Одним из важнейших аспектов такого позиционирования законодательно признавался «убор», или «наряд», которому придавалось статуснодифференцирующее значение. См.: ПСЗ. 1. Т. VI. № 3890. Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однакож воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был от 24 января 1722 г. П. 3, 7, 9, 19. Не случайно Р.М. Кирсанова, анализируя модный, европейского покроя костюм А.Я. Нарышкиной на данном портрете, особо подчеркивает, что она «должна была строго следовать моде» именно как «жена первого Санкт-Петербургского коменданта». См.: *Кирсанова Р.М. Русский костюм и быт XVIII–XIX веков. М., 2002. С. 31.*

⁶² Каталог // Из истории реализма в русской живописи... С. 188.

⁶³ *Алпатов М.В.* Вступительная статья // Там же. С. 12.

⁶⁴ Традиционный канон «детского» изображения сложился в иконописи применительно к образу младенца Иисуса Христа. См.: «Христово же рождество: мать видимь седящу, отроча же во яслехъ младо лежаще; егда же есть отроча младо, то како мрачно и темнообразно лице его тамо писати? но всячески подобаеъ быти белу и румяну, паче же и лепу, а не безлепичну...». (Из послания иконографа Иосифа Симону Ушакову // Хрестоматия по русской истории / Сост. М. Коваленский. 2-е изд. М., 1917. Т. II. С. 218.) В светской же живописи художественные приемы написания портретов детей только формировались, отсюда и уклон в сторону парсуны, представлявшей собой «сочетание новых задач показа личности и старых иконных традиций письма» (Калязина Н.В., Комелова Г.Н. Указ. соч. С. 114.). При этом стилистически изображения «обычных» детей должны были отличаться от изображений Божественного младенца, за которыми традиционно был закреплён статус «детскости», следствием чего и стало намеренное огрубление и овзросление детских лиц на ранних светских портретах.

⁶⁵ В этом также могло проявляться влияние парсуны, для которой характерна, по мнению искусствоведов, «статичность композиции (когда фигура заполняет почти все пространство холста)». См.: Там же. Наличие ряда других признаков («неподвижность, застылость поз, напряженность в лицах, плоскостная трактовка формы») тоже, в свою очередь, приводит Н.В. Калязину и Г.Н. Комелову к выводу о «неизжитости парсуности» в портрете А.Я. Нарышкиной с детьми. См.: Там же. С. 115.

женщины, не следует совершенно не принимать во внимание момент эмоциональной привязанности матери к детям. Возможно, явственно показывать эти эмоции не входило в задачу конкретно данного (и вообще, репрезентативного) портрета, а, может быть, и вовсе не было принято. По крайней мере, это наводит на очень важные с точки зрения истории детской повседневности вопросы о возможности публичной демонстрации взрослыми привязанности к детям: существовало ли в то время «сюсюканье» с детьми, как к этому относились в публичном и частном пространстве, можно ли проследить динамику этого явления на протяжении XVIII — середины XIX в.? Так или иначе, применительно к первой четверти XVIII в., судя по парадной репрезентации в иконографии, речь может идти лишь о достаточно сдержанном выражении матерью своих чувств к дочерям в публичном пространстве⁶⁶. Однако это не означает, что именно социальными предписаниями, которые, разумеется, могли оказывать влияние на формирование индивидуальных предпочтений, в действительности исчерпывались эмоциональные проявления женщины по отношению к своим детям.

Что касается собственно изображений двух девочек, дочерей Нарышкиных, то они представляют собой как бы «уменьшенные копии» взрослой женщины — их матери. Они одеты не как дети, а как дамы — в тот же, что и у матери, западноевропейский женский костюм, сшитый из той же роскошной материи, по той же «взрослой» моде. Младшая девочка изображена в пышном, также совсем «недетском», головном уборе, а старшая — с модной европейской дамской прической. Обе — в таких же бусах, как и у матери⁶⁷. Лица их совсем не выглядят детскими, в силу той условности стиля, о которой говорилось выше, как, впрочем, не выглядят они и счастливыми, скорее болезненными. То есть на портрете первой четверти XVIII в. не наблюдается специальной детской одежды для девочек, подчеркивающей специфику именно детского образа жизни, детских занятий и времяпровождения. Вопрос еще и в том, а были ли таковые, или применительно к данному времени также права Симона де Бовуар, утверждая, что из девочки с рождения «лепят» будущую «женщину»?

Важные наблюдения на основании данного портрета можно сделать относительно «возрастов жизни». В отношении младшей из девочек, Татьяны Кирилловны (1704–1757), в замужестве княгини Голицыной, надпись на обороте холста гласит: «Портретъ въ младенчестве княгини татьяны кириловны Голицыной рожденной нарышкиной»⁶⁸. А о старшей — Александре Кирилловне, которая, по предположению К.В. Михайловой и Г.В. Смирнова, «умерла в детстве, так как не упоминается в опубликованных родословиях Нарышкиных»⁶⁹, — написано просто: «Портретъ Александры Кириловны нарышкиной»⁷⁰. Это показывает, что, *во-первых*, надпись на портрете была сделана не одновременно с его завершением⁷¹, а гораздо позднее — са-

⁶⁶ Даже жест, которым она обнимает младшую дочь, напоминает формальный.

⁶⁷ Бусы производят впечатление жемчужных.

⁶⁸ Каталог // Из истории реализма в русской живописи... С. 188.

⁶⁹ Михайлова К.В., Смирнов Г.В. Аннотация к № 11 // Там же. № 11.

⁷⁰ Каталог // Там же. С. 188.

⁷¹ Искусствовед Р.М. Кирсанова уточняет датировку данного портрета на основе сопоставления формы головного убора (фонтанж) и покроя платья А.Я. Нарышкиной со временем распространения соответствующих тенденций в европейской моде, а также с возможностью ношения ее младшей дочерью «взрослого» костюма по достижении 5-тилетнего возраста и высказывает гипотезу о написании изображения между 1709 и 1715 гг. См.: Кирсанова Р.М. Указ. соч. С. 31–33.

мое раннее, после замужества Татьяны Кирилловны. А поскольку произойти это могло, в свою очередь, только в конце 1710-х — начале 1720-х гг., постольку, начиная, как минимум, с этого времени выявляется существование особого обозначения детского возраста — «младенчество». Обращает на себя внимание, что пребывающей в «младенчестве» названа девочка в возрасте 5–6 лет на вид (по моей субъективной оценке⁷²). Ее современную ровесницу назвали бы отнюдь не «младенцем», а «ребенком старшего дошкольного возраста». Это свидетельствует о недифференцированности в первой половине XVIII в. возрастных категорий детей и восприятии детства в качестве гомогенного состояния, о недостаточном различении внутренних изменений детского возраста⁷³, а, значит, не слишком внимательном наблюдении за ним. *Во-вторых*, «младенчество», то есть детство, рассматривалось как один из периодов жизни в том случае, если человек прожил его и перешел к следующим этапам. Если же, к несчастью, жизнь обрывалась в детстве, то оно, ассоциируясь, вероятно, со всей прожитой жизнью, не обозначалось как отдельный ее этап.

В середине XVIII в. сохранялась та же традиция изображения девочек, одетых как взрослые дамы⁷⁴. Но вот, что интересно! Если девочкам явно атрибутируется «женскость» внешнего облика, то есть принадлежность к женскому полу портретируемого ребенка не вызывает ни малейших сомнений, то в случае изображения мальчиков пол ребенка не выявлен столь же однозначно. Мальчиков в середине XVIII в. изображали в длинных платьицах⁷⁵, или, как сказали бы сегодня, одетыми «как девочек». Тем не менее искусствоведы находят ряд косвенных признаков, по которым, с их точки зрения, дети, изображенные на портретах, могут быть идентифицированы как мальчики, — это, например «скрипка в руках одного из них, шапочка с пером, галуны и отвороты рукавов, напоминающие рукава кафтана»⁷⁶. Несколько неожиданным представляется первый из названных признаков. Но при сопоставлении с другими картинами, на которых изображены музыкальные инструменты, можно проследить, что скрипка, хотя она и изображается реже, атрибутируется мальчикам/юношам с тем же постоянством, что и фортепиано девочкам/девушкам. Гендерный аспект владения музыкальными инструментами очень интересен и свидетельствует об очередном стереотипе из числа тех, что пронизывали дворянское сознание.

---

⁷² Если принимать в расчет официальную версию датировки портрета 1710-ми гг., то ей могло быть и больше 6 лет. Это корреспондирует с замечанием О.Е. Кошелевой о том, что «в древнерусской православной традиции... младенчество считали... длящимся приблизительно до 6–7 лет». См.: Кошелева О.Е. «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI–XVIII вв.): Учеб. пособие по педагогической антропологии и истории детства. М., 2000. С. 8.

⁷³ См. выводы Ф. Арьеса об отсутствии во французском и английском языках «слов, отличавших маленьких детей от детей более взрослых»: Арьес Ф. Возрасты жизни // Педология / Новый век: Психолого-педагогический, публицистический журнал. 2000. № 1 (февраль). С. 10.

⁷⁴ Березин И. Портрет Е.Н. Тишиной в детстве. 1758 // Кирсанова Р.М. Указ. соч. С. 60; Неизвестный художник середины XVIII века. Портрет девочки с собакой // Из истории реализма в русской живописи... № 20. Ср. также: Вишняков И.Я. Портрет Сарры Фермор. 1745–1750 // Кирсанова Р.М. Указ. соч. С. 26.

⁷⁵ Неизвестный художник середины XVIII века. Портрет ребенка с собачкой. Парный последующему // Из истории реализма в русской живописи... № 16; Неизвестный художник середины XVIII века. Портрет ребенка со скрипкой. Парный предыдущему // Там же. № 17.

⁷⁶ Михайлова К.В., Смирнов Г.В. Аннотация к № 16 // Там же. № 16.

Вместе с тем, как показывают авторы мемуаров, проблема «нераспознаваемости» мужского пола по детской одежде все-таки имела место для их современников. Так, С.В. Капнист-Скалон, вспоминая о своем детстве уже начала XIX в., писала: «Так как мы с братом были очень схожи и как нас одевали всегда в одинаковые женские платьица, то нас и принимали часто сторонние люди за двух девочек»⁷⁷. Однако факт живучести в дворянской среде традиции одевать маленьких мальчиков в платьица, надежно наблюдаемой с середины XVIII в. до конца XIX в. не объясняет этого явления и не снимает вопроса о его природе.

Применительно к концу XVIII в. «некатегоризуемость» в одежде пола ребенка вплоть до 2-хлетнего возраста трактовалась дворянками как ангелоподобность и своего рода «бесполость»:

«Моей младшей дочери и сыну графини было приблизительно по два года. Не было ничего милее вида этих двух малюток, красивых, как ангелы, когда они собирали цветы или бежали навстречу нам, набрав цветов в подолы своих рубашек»⁷⁸.

Мемуарные свидетельства, относящиеся к первой половине 80-х гг. XIX в., указывают на некую «изначальность», «аутентичность» женского пола и, вместе с тем, его предварительность, «незавершенность». Это означало парадоксальную установку, причем разделяемую женщинами, на некатегоризуемость пола в раннем возрасте при одновременном условном маркировании его как «женского», что отражало представление о «женском» как некоем «естественно данном», а о «мужском» — как «социально приобретаемом» по мере взросления и фиксируемом самим отличием от «женского»:

«Передо мной портрет матери поэта с маленьким Сашей на руках. Ему было в то время 2½ года... На Саше шитое матерью синее с зеленым шерстяное *платьице*»⁷⁹.

«Так и вижу, как он идет по комнате в розовом батистовом *платьице*, которое к нему особенно шло...»⁸⁰.

«Второй портрет Саши снят..., когда ему было почти 4 года. Саша *одет все еще девочкой*. На нем белая матросская блуза из легкой материи с *юбочкой* в виде широкой оборки в складках... Платье было куплено в Петербурге тетей Катей в изящном магазине детских вещей Мерсио. Этот фасон был принят на некоторое время, как *переходная ступень к полному костюму мальчика*. В то время, т. е. после 3 лет, уже никто не принимал Сашу за девочку, тем более, что и манеры, и игры его сразу изобличали мальчика. Но нежность цветов и говора осталась прежняя. За период в 1½ года, протекавший между двумя портретами, Саша заметно изменился во всех отношениях: он стал еще живее, подвижнее, голос его окреп, игры стали разнообразнее, *мужественнее*»⁸¹.

«Во Флоренции мать сшила Саше *первый костюм с панталончиками* из летней синей материи. С этих пор его одевали уже *настоящим мальчиком*»⁸².

Возможно, в этом состояла одна из априорных мотиваций последующего стереотипа о завоевываемой «мужественности» в противовес плавно достигаемой «жен-

⁷⁷ Капнист-Скалон С.В. Воспоминания // Записки и воспоминания русских женщин... С. 283–284.

⁷⁸ Головина В.Н. Мемуары. М., 2005. С. 178.

⁷⁹ Бекетова М.А. Александр Блок и его мать // Бекетова М.А. Воспоминания об Александре Блоке / Сост. В.П. Енишерлова и С.С. Лесневского; Вступ. ст. С.С. Лесневского; Послесл. А.В. Лаврова; Примеч. Н.А. Богомолова. М., 1990. С. 209.

⁸⁰ Там же. С. 211.

⁸¹ Там же. С. 214.

⁸² Там же. С. 217.

ственности» на более позднем возрастном этапе гендерной дифференциации. Вспоминается вывод Д. Гилмора, сделанный на основе сопоставления разнообразных культурантропологических данных, о бытующем у многих народов представлении, согласно которому «женственность — это то, что развивается естественно и не нуждается в культурном вмешательстве, чье предопределенное наступление в виде месячных скорее празднуется ритуалом, чем вызывается им»⁸³. Таким образом, отсутствие на протяжении всего исследуемого периода детской одежды для маленьких мальчиков и традиция одевать их в ассоциируемые с девочками «платица» позволяет конкретизировать принятое в то время понимание и «пола», и «детскости». Условное соотнесение с женским полом воспринималось как своего рода «заготовка» потенциального пола, «шаблон», трансформируемый в собственно «пол» по мере взросления. В этом смысле асимметричность имплицитной трактовки «мужского» как «пола», а «женского» как соответственно некоего «недопола», представляется одним из проявлений принципа «экономии одного» (термин культуролога А. Усмановой), заключенного так или иначе в любой бинарной оппозиции⁸⁴. Тем самым «детскость», отождествлявшаяся с «недостатком пола», признавалась скорее за мальчиками, чем за девочками.

Детские портреты середины XVIII в. отличают та же условность и «неестественность», что и взрослые. То, что изображалось в качестве окружения портретируемых, и взрослых, и детей, — это всегда обстановка, в которую их специально «поместили», а не то пространство, в котором протекала их подлинная повседневность. Самое важное, что помимо отсутствия особой детской одежды наличие собственно детского пространства не угадывается и ни в чем остальном. В середине XVIII в. мы не видим ни изображений интерьеров детских комнат, ни детских игрушек, ни, тем более детей, играющих в игрушки⁸⁵, ни вообще чего-либо, что идентифицировалось бы с детством как особым периодом жизни. Портреты того времени как бы намеренно «делали» детей более серьезными и как раз за этим стремлением «осерьезнить» детство кроется, на мой взгляд, главное доказательство того, что осознания самоценности, самозначимости и самодостаточности детства как уникального этапа жизненного цикла все еще не существовало. Детство воспринималось, по-видимому, как нечто недостаточное, «неполноценное»⁸⁶, что на портретах пытались компенсировать

---

⁸³ Гилмор Д. Загадка мужественности // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков; СПб., 2001. С. 887.

⁸⁴ Подробнее об этом см.: Усманова А. Гендерная проблематика в парадигме культурных исследований // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учеб. пособ. / Под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков; СПб., 2001. С. 434.

⁸⁵ В то время как в западноевропейской живописи такие изображения существуют. См., напр.: *Грёз Ж.-Б.* Девочка с куклой. Около 1756–1757 // Брук Я.В. У истоков русского жанра. XVIII век. М., 1990. С. 110. Однако портретируемая в данном случае — юная представительница третьего сословия. Также см.: *Шарден Ж.-Б.* С. Мальчик с волчком. 1738. Лувр, Париж; *Он же.* Молитва перед обедом. 1744. ГЭ. Последняя жанровая картина воссоздает образ девочки-горожанки, сидящей в маленьком детском кресле, на спинке которого висит игрушечный барабан.

⁸⁶ С этим наблюдением корреспондирует русская мужская эпиграмма второй половины XVIII — первой половины XIX в., наделявшая детство негативными коннотациями «начальности», «неразвитости» («игрушки» вместо «ума») [*Богданович И.Ф.* Вкус возраста // Русская эпиграмма / Сост., вступ. ст. и примеч. В. Васильева. М., 1990. С. 81], «невнятности», «неразумности» [*Филимонов В.С.* Книга: разум // Там же. С. 140–141].

такими атрибутами взрослого состояния как цветы, собака (рождающая аллегория преданности и верности), скрипка, яблоко. Конечно, можно было бы с позиции современного миропонимания предположить, что детям полезны фрукты и общение с животными, но мотивация их изображения на портретах того времени была точно другой (вышеперечисленные символические образы вызвали определенные устойчивые культурные ассоциации). Детство, скорее всего, — неизбежность, которую нужно «быстрее» пережить⁸⁷. И здесь мы выходим на проблему «ненадежности» детства как состояния. Источники свидетельствуют о сохранении на протяжении всего исследуемого периода XVIII — середины XIX в. высокого уровня детской смертности в дворянских семьях. Причем, цифры, действительно, ужасают: например, у матери С.В. Капнист-Скалон в конце XVIII в. из пятнадцати детей выжило только шестеро(!)⁸⁸. Так или иначе, приходится признать, что дети, как и в более раннее время, продолжали составлять «группу риска»⁸⁹ (не случайно дворянками в мемуарах особо подчеркивалось преодоление их детьми этой возрастной категории⁹⁰), а, потому, детство в глазах взрослых иногда оказывалось призрачным, эфемерным этапом жизни, о котором не следовало задумываться всерьез⁹¹. Это не означает однако, что детей не ценили и потерю их не переживали⁹².

Пространство «мира детства». При анализе мира детства в контексте истории повседневности особое значение приобретает пространственное измерение детского бытия. Пространство детства — это не всегда и не только физическое пространство пребывания детей, хотя и оно, как показывают данные иконографии, сложилось далеко не сразу. Наряду со специфическим локусом и предметами его оформления оно включало в себя и эмоциональную сферу и коммуникативную среду. Вместе с тем Ю.Л. Бессмертный, указывавший на «использование свидетельств о повседневной жизни и быте» как на пример «нового прочтения памятников прошлого», подчеркивал, что анализ внутрисемейного интерьера позволяет выяснить «своеобразие детского статуса»⁹³.

---

⁸⁷ Ср. с утверждением Ю.М. Лотмана: «...само состояние детства — это то, что надо пробежать как можно скорее. Тот, кто задерживается в этом состоянии — тот митрофан, недоросль, тот недоразвит и глуп». (*Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре...* С. 53.)

⁸⁸ *Капнист-Скалон С.В.* Указ. соч. С. 283. Выше я упоминала о количестве выживших в первой четверти XVIII в. дочерей (3 из 11 детей) Петра I и Екатерины I.

⁸⁹ Особенно это касалось девочек 1-го года жизни. Вторая дочь В.Н. Головиной умерла в 1792 г. в 5 месяцев (*Головина В.Н.* Указ. соч. С. 42), первая дочь А.Г. Достоевской — в 1868 г. трехмесячной (*Достоевская А.Г.* Воспоминания. М., 2002. С. 152).

⁹⁰ «У меня родилась дочь, к счастью, оставшаяся в живых» (*Головина В.Н.* Указ. соч. С. 106).

⁹¹ В том числе и воспринимать всерьез по прошествии многих лет: «В них (тетрадах. — А.Б.) не было ничего интересного, все больше глупости. Описывались разные детские шалости, которые я с меньшим братом проделывали...». (*Моллер Н.С.* Указ. соч. Иакинф Бичурин в далеких воспоминаниях его внуки // *Русская старина.* 1888. Т. 59. № 8. С. 275.)

⁹² Многие дворянки тяжело переживали смерть своих дочерей-младенцев. См., напр.: *Достоевская А.Г.* Указ. соч. С. 152–154. В.Н. Головина вспоминала, что смерть 5-месячной дочери повлекла за собой ее «очень серьезную болезнь». (Головина В.Н. Указ. соч. С. 42.) А.П. Керн замечала о своей матери, Е.И. Полторацкой, что в 1808 г. она «лишилась 3-й своей дочери, ребенка необыкновенной красоты, была неутешна». (Керн А.П. С. 361.) «...смерть сестры, кроме горя, произвела страшный испуг... татап запиралась и плакала в своей комнате, отец искал облегчения в деятельности». (*Тучкова-Огарева Н.А.* Из «Воспоминаний» // Н.П. Огарев в воспоминаниях современников / Редкол.: В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина и др.; Вступ. ст. и сост. С. Конкина; Комментар. С. Конкина и Л. Конкиной. М., 1989. С. 245.)

⁹³ *Бессмертный Ю.Л.* Указ. соч. С. 247.

В отношении детей в дворянских домах действовал принцип этажности: этаж определял статус по внутрисемейному «ранжиру». Чем выше этаж, тем ниже статус — в соответствии с этим с конца XVIII в. вплоть до конца XIX в. верхние комнаты особняков населялись детьми⁹⁴, приживалками⁹⁵ и женской прислугой⁹⁶. Правда, в отличие от последних дети по мере взросления и при условии благоволения к ним родителей получали возможность спуститься вниз. У такой «вертикальной мобильности» в пространстве дворянского дома может быть объяснение исходя из стиля отношения взрослых к детям. По прямому свидетельству мемуаристки, спуск вниз означал для девочки приближение к матери⁹⁷. Последнее, в свою очередь, знаменовало собой переход ее в новую фазу жизненного цикла — девичество, которое характеризовалось в дворянской среде следующими формальными признаками: наименованием «взрослая барышня», выходом из-под попечения гувернантки, окончанием воспитания и образования, сближением с матерью⁹⁸. В середине XIX в. «взрослыми барышнями» считались девушки, достигшие 15 лет⁹⁹. Однако бывало и так, что повзрослевшие дочери продолжали населять верхние

---

⁹⁴ «Около сего времени вошло обыкновение у дворян строить сельские дома их с антресолями... Обыкновенные дома состояли из лакейской, залы, буфета, гостиной, спальни, уборной, столовой, кабинета, девичей и детской, кладовые делались, но не везде; сеней двое; на антресоле более для детей и девок» (*Болотов А.Т.* Памятник претекших время, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма / Ред.-сост. М.И. Вострышев; коммент. А.В. Храбровицкого. М., 1989. Ч. I. 1796 г. февраля 19-го. Гл. 188. О строении домов дворянских. С. 65); «...маленьких детей и бывшую няньку мою перевели вверх: так называли мы одну комнату с балконом, выстроенную на подволоке...» (*Дурова Н.* Некоторые черты из детских лет // Дурова Н. Русская амазонка: Записки. М., 2002. С. 30); «Нянька с меньшими детьми сидела в детской тоже наверху» (*Моллер Н.С.* Указ. соч. С. 283); «комнаты детей... находящиеся в верхнем этаже, непосредственно под железной крышей...» (*Тютчева А.Ф.* Дневник 1853–1882 // Тайны царского двора (из записок фрейлин): Сборник / Сост. И.В. Еремина. М., 1997. С. 240); «Нас с сестрой Асей поместили наверху...» (*Бекетова М.А.* Шахматово. Семейная хроника // Бекетова М.А. Воспоминания об Александре Блоке... С. 416); «Часто мама, взойдя к нам в детскую...» (*Цветаева А.* Воспоминания / Ред. М.И. Фейнберг-Самойлова. М., 1995. С. 18); «С матерью же общение было самое тесное, хотя мы и жили в отдалении — она внизу, мы, дети, на антресолях» (Там же. С. 31); «...брат наш Андрюша поселился в меньшей комнатке нашего детского верха...» (Там же); *Федосюк Ю.А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. 4-е изд. М., 2001. С. 217.

⁹⁵ «У нас в доме тепло я ночую вверху с М.<атушкой> Глафирой которая вам кланяется она почти с таким же нетерпением дожидалась от вас писем как и мы...» (Письмо М.Л. Манзей к В.Л. Манзей от 28 апреля 1836 г. // ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 30); «Мы благодаря Бога все здоровы и живем все попрежнему, сестра Марья Логиновна в своей келье наверху расположилась дожидать хорошей погоды тогда может быть отправимся в деревню...» (Письмо Л.Л. Мельницкой к В.Л. Манзей от 28 апреля 1836 г. // Там же. Л. 30 об.)

⁹⁶ *Болотов А.Т.* Указ. соч. Ч. I. 1796 г. февраля 19-го. Гл. 188. О строении домов дворянских. С. 65; «Лишь в девичей верхней далеко / говор чуть слышный поднимется...». (Неизвестная из рода Квашниных-Самариных. Пасхальная ночь в Суховарове в детстве Мити // ГАТО. Ф. 103. Тверская ученая архивная комиссия. Оп. 1. Д. 939. Л. 1.) Ю.А. Федосюк пишет о «наиболее нужных домашних слугах». См.: *Федосюк Ю.А.* Указ. соч. С. 217. Также см.: *Бекетова М.А.* Шахматово. Семейная хроника... С. 417.

⁹⁷ *Дурова Н.* Указ. соч. С. 30. Также о размещении «старших сестер» в «смежной комнате» с комнатой матери на первом этаже усадьбы дома, а младших «наверху» в 70-е гг. XIX в. см.: *Бекетова М.А.* Шахматово. Семейная хроника... С. 416.

⁹⁸ *Ковалевская С.В.* С. 28.

⁹⁹ Там же. Подобное представление сохранялось вплоть до конца XIX в. См.: *Бок М.П.* П.А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. М., 1992. С. 30.

этажи дворянского жилища. Это подтверждается интерьерной живописью¹⁰⁰ и автодокументальной традицией¹⁰¹, причем в последней трактуется иногда как репрессивная стратегия:

«Я, как существо необыкновенное, неугомонное, неукротимое, требовала исключения из этого мирного порядка переходов с высших в нижние комнаты и была отвезена за две тысячи верст в Малороссию на тринадцатом году от рождения; возвратясь через год под кров отцовского дома, я вступила во владение этой комнаты, которая называлась детской и сохранила это название навсегда, хотя уже после жили в ней люди всех возможных возрастов»¹⁰².

На протяжении конца XVIII — первой половины XIX в., не говоря о более раннем времени, при определении внутрисемейного статуса и места в системе семейных ценностей, невзирая на вполне доброжелательное отношение к чадам, за «точку отсчета» неизменно принимались интересы родителей. Важно, что подобная фамильная иерархизация воспроизводилась на всех уровнях российского высшего общества, вплоть до императорской семьи¹⁰³. При этом следует отметить, что бытовые условия в помещениях, располагавшихся на верхних этажах, были зачастую еще менее комфортными, чем на нижних, где размещались покои взрослых: «Если во время каникул наступает жара, то комнаты детей, очень низкие и находящиеся в верхнем этаже, непосредственно под железной крышей, выкрашенной наподобие соломенной крыши, напоминают чердаки венецианских «*riombi*», и бедные дети задыхаются...»¹⁰⁴. Одной из главных особенностей детских комнат было отсутствие в них высоких потолков¹⁰⁵, что создавало ощущение ограниченности пространства. Свидетельства женщин, описывавших «низкие» детские образца 1855 г., созвучны в отношении как дворянского дома в Калуге («Детская наша так и рисуется перед моими глазами. Большая, но низкая комната. Стоит няне стать на стул, и она свободно достаёт рукою до потолка»¹⁰⁶), так и царских павильонов Петергофа («...комнаты детей, очень низкие...»¹⁰⁷).

С одной стороны, маргинальность детского пространства внутри дворянского жилища, а, с другой, представление о возможности свободного и безболезненного манипулирования местопребыванием детей исходя из интересов взрослых¹⁰⁸ показывает, что родители, даже вполне любящие, не отдавали себе отчета в возможной

---

¹⁰⁰ См., напр.: Неизвестный художник второй четверти XIX века. Жилая комната в мезонине дворянского особняка. Конец 1830 — начало 1840-х // Из истории реализма в русской живописи... № 82. «По обычаю того времени... жилые комнаты, особенно детские и комнаты взрослых дочерей, помещались на втором этаже или на антресолях». (Михайлова К.В., Смирнов Г.В. Аннотация к № 82 // Там же.)

¹⁰¹ Дурова Н. Указ. соч. С. 30; Бекетова М.А. Александр Блок и его мать... С. 294.

¹⁰² Дурова Н. Указ. соч. С. 30.

¹⁰³ Гютчева А.Ф. Указ. соч. С. 240.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ М.А. Бекетова описывала дом в Шахматове, «одноэтажный, с мезонином — в стиле средне-помещичьих усадеб 20-х или 30-х годов XIX в.», где «нижние комнаты были высокие, а в мезонине гораздо ниже». (Бекетова М.А. Шахматово. Семейная хроника... С. 413–414.)

¹⁰⁶ Ковалевская С.В. С. 10.

¹⁰⁷ Гютчева А.Ф. Указ. соч. С. 240.

¹⁰⁸ «Отец продал дом, в котором родился я и где умерла наша мать, и купил другой; потом продал и этот, и мы несколько зим прожили в наемных домах, покада отец не нашел третий, по своему вкусу...». (Кропоткин П.А. Записки революционера / Предисл. и примеч. В.А. Твардовской. М., 1988. С. 41.)

эмоциональной привязанности ребенка к определенному месту¹⁰⁹. У ребенка не спрашивали его мнения относительно того, что будет с ним происходить, не интересовались его желаниями, ощущениями (как выразилась Е.А. Сабанеева, урожденная Прончищева (1829–1889), имея в виду конец XVIII в., «в те времена не задавались наблюдениями за детскими впечатлениями или анализом детских характеров»¹¹⁰), не ставили в ситуацию выбора и не принимали выбор, сделанный ребенком. Мемуаристики на уровне автоматической «проговорки» писали о том, что в нежелательной для себя ситуации они даже не смели думать(!) о том, чтобы перечить воле отца, не то, что открыто на вербальном или акциональном, поведенческом уровне выражать свое несогласие с навязываемым решением¹¹¹.

Детские игрушки и вещи. В письмах женщин из царской семьи в первой четверти XVIII в. встречались упоминания о детских игрушках. Так, царица Прасковья Федоровна, урожденная Салтыкова (1664–1723), писала, обращаясь к дочери герцогине Мекленбургской Екатерине Ивановне (1692–1733) и к внучке Анне Леопольдовне (1718–1746): «Да послала я внучке игрушечки, отдай ей бочечку да тазикъ»¹¹²; «Я вамъ, свет м(ой) внучка, игрушечки готовлю»¹¹³. В качестве «игрушечки» 3-х летняя племянница могла получить в подарок от родной «тетки» небольшую скульптуру животного, например кошки («И еще посылаю кошенку серебряную»¹¹⁴, — приписывала на обороте письма царицы Прасковьи Федоровны другая ее дочь, царевна Прасковья Ивановна). Вместе с тем развлечению маленькой девочки знатного происхождения служили и некоторые вещи, которые по своему изначальному предназначению не относились к разряду игрушек. Это и разные ларчики с монетами («Да послана къ тебе баулочка, а въ ней сто золотыхъ — и ты изволь ими тешиться, да досканца»¹¹⁵), и «сережки маленькія»¹¹⁶, и «коробочка вологодскаго гостинца»¹¹⁷. Оче-

---

¹⁰⁹ Современная педагогика исходит из понимания того, что, если «речь идет о переезде на другое место жительства», ребенку «очень трудно привыкать к изменившейся окружающей среде». См.: *Сороков Д.* Что такое чувствительные периоды в развитии детей // Монтессори М. Помоги мне сделать это самому / Сост., вступ. ст. М.В. Богуславский, Г.Б. Корнетов. М., 2001. С. 218.

¹¹⁰ *Сабанеева Е.А.* Воспоминание о былом. 1770–1828 гг. // История жизни благородной женщины / Сост., вступ. ст., примеч. В.М. Боковой. М., 1996. (Далее: Сабанеева Е.А.) С. 343–344.

¹¹¹ «Я смолоду была охотница до работ, но шерсти купить и подумать не смела; батюшка так бы прогневался, если б я осмелилась заикнуться о покупке такого ценного товара» (Там же. С. 362); «— Это была всегда такая оказия, моя страсть к цветам, — говорила она, — бывало, только в людях и полюбуешься ими, дома же и подумать не смей посадить цветочков; ни смородины, ни малины у нас не было. Батюшка ничего такого терпеть не мог, называл все это пустяковиной» (Там же. С. 363); «Батюшка продолжал быть со мною строг, и я девушкой так же его боялась, как и в детстве... Я была в ужасе от него и не смела подумать противоречить ему даже мысленно» (*Керн А.П.* С. 370).

¹¹² Письмо царицы Прасковьи к герцогине Екатерине Ивановне от мая 1722 г. // Семевский М.И. Царица Прасковья. 1664–1723: Очерк из русской истории XVIII века. Репринт. воспр. изд. 1883 г. Л., 1991. Приложения: I. Переписка царицы Прасковьи Федоровны. 1716–1723. № XXV. С. 232.

¹¹³ Письмо царицы Прасковьи к герцогине Екатерине Ивановне от 1722 г. // Там же. № XXX. С. 236

¹¹⁴ Приписка царевны Прасковьи Ивановны на обороте письма царицы Прасковьи к герцогине Екатерине Ивановне от 1722 г. // Там же. № XXXII. С. 237.

¹¹⁵ Письмо царицы Прасковьи к внучке принцессе Анне от начала 1722 г. // Там же. № XXII. С. 231.

¹¹⁶ Приписка царицы Прасковьи на обороте письма царицы Прасковьи к герцогине Екатерине Ивановне от 1722 г. // Там же. № XXXII. С. 237.

¹¹⁷ Приписка царевны Прасковьи Ивановны на обороте письма царицы Прасковьи к герцогине Екатерине Ивановне от 1722 г. // Там же.

видно, что в первой четверти XVIII в. собственно игрушек даже в царской семье, не говоря об обычных дворянских семьях, все еще было мало. В то же время, такие новые черты как 1) проявление со стороны ближайших родственниц девочки заботы о том, чем она будет «тешиться», 2) стремление порадовать ребенка игрушками, 3) наконец, особый язык, используемый в общении с ребенком, включавший в себя уменьшительно-ласкательные грамматические формы¹¹⁸ при назывании предметов, предназначенных для игры, свидетельствуют о начале осознания своеобразия «детского мира» и специфики его потребностей.

Применительно к середине XVIII в. также известно о существовании детских игрушек, наименования которых, однако, не перечисляются мемуаристками. Вместе с тем, очевидно, что игрушки различались по качеству и стоимости, и, что девочки в семьях столичной, приближенной ко двору, аристократии находились в этом отношении в более выгодном положении по сравнению со своими сверстницами, жившими в сельских поместьях. Княгиня Е.Р. Дашкова, например, отмечала свое предпочтение книг «самым изящным и ценным игрушкам»¹¹⁹. Принимая во внимание ее воспитание в доме дяди, канцлера М.И. Воронцова, в котором бывали «иностранцы, артисты, литераторы и посланники»¹²⁰, можно предположить, что изысканные детские игрушки привозились или выписывались из-за границы. Собственной промышленности для производства «дворянской» игрушки в России в то время, очевидно, еще не было.

Даже в 70-е гг. XVIII в. игрушками считались ценные вещи, которые могут быть использованы для развлечения, а не собственно предметы, изготовленные для занятия и развития ребенка. Мемуаристка Ева-Александра Васильевна Смирная, урожденная княжна Вяземская (1771 — после 1850), описывала игрушки, подаренные ей при рождении дедом по материнской линии, Данилой Яковлевичем Земским, одним из так называемых «птенцов гнезда Петрова»:

«Дедушка Данила Яковлевич был чрезвычайно богат; вы можете представить какие риски, какое приданое (он мне сделал), верьте мне, что я не лгу! <...> игрушки все были серебряныя! Все это было принесено в день крещения; игрушки состояли: маленький чайный прибор, весь комплектный столовый сервиз, по тогдашнему времени:

---

¹¹⁸ Обращает на себя внимание то, что используемые царицей Прасковьей Федоровной грамматические формы не приводятся в словаре В.И. Даля — есть близкие, но не идентичные: «кошенка» вместо «кошенка», «баулочка» вместо «баулець, баульчикъ», «досканца» вместо «досканецъ». (См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. М., 1981. Т. 2. С. 182; М., 1981. Т. 1. С. 55, 476.) Причем, в последних двух случаях речь идет, очевидно, о формах женского рода вместо содержащихся в словарных статьях формах мужского рода. (Для других существительных приводятся формы обоих родов.) Это может иметь, на мой взгляд, три объяснения: либо царица Прасковья употребляла архаизмы XVII в., либо была недостаточно грамотна, либо имела индивидуальные речевые особенности, но, что примечательно, проявлялись они в общении с ребенком, а это, в свою очередь, является имплицитным свидетельством особого отношения к детству. Напомню идею о том, что картина мира конструируется в языке.

¹¹⁹ *Дашкова Е.Р.* Записки княгини Е.Р. Дашковой // Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Записки княгини Е.Р. Дашковой. Репринтное воспроизведение / Отв. ред. Е.Л. Рудницкая. М., 1990. С. 11. В другом переводе «Записок» вместо этого выражения читается «драгоценное ожерелье». См.: *Дашкова Е.* Записки 1743–1810 / Подгот. текста, ст. и коммент. Г.Н. Моисеевой; Отв. ред. Ю.В. Стенник. Л., 1985. С. 6. Вероятно, неточность перевода связана с похожестью в написании французских слов: le jouet — игрушка и le jouau — драгоценность.

¹²⁰ *Дашкова Е.Р.* Записки княгини Е.Р. Дашковой... С. 9–10.

стопы, кружки, зеркала серебрянные, вызолоченные и весь туалет, ящик, в котором было уложено, серебряный персидский. Дедушка получил этот ящик от персидского хана в подарок»¹²¹.

В течение XIX в. наблюдается позитивная динамика в преодолении своего рода «дефицита» игрушек, существовавшего и в более ранний период. Если применительно к концу 40-х — началу 50-х гг. XIX в. мемуаристка, жившая тогда в Петербурге, все еще могла констатировать: «Игрушками нас не баловали, а потому мы их ценили и берегли»¹²², а другая, вспоминая детство середины 1850-х гг. в Калуге, упоминала как о вполне обычном явлении: «Играю я себе, бывало, моими игрушками, ни о чем не думая»¹²³, то уже «детский мир» начала 1880-х гг. описывался как насыщенный разнообразными игрушками, среди которых встречались не только «деревянные чурочки, мячик и деревянная посудка», но и пишущие резиновые игрушки, такие как «резиновая корова, коза, паук и мальчик»¹²⁴. Еще больше игрушек, изготовленных из различных материалов (картона, бумаги, меди, ситца и соломы), и соответственно, большее количество игр (сборка фигур, проявление рисунков, обводка картинок, развешивание бумажек — «желаний», цветные миниатюры, мыльные пузыри, игры с магнитом) наполняло мир «детских буден»¹²⁵ дворянских девочек в 1890-е гг.¹²⁶

Иконография первой половины — середины XIX в. также дает представление о мире детских вещей и игрушек. При этом мальчики чаще девочек изображались с игрушками, среди которых преобладали всевозможные лошадки (в виде статуэтки¹²⁷, марионетки¹²⁸, качалки¹²⁹, каталки¹³⁰), встречались самодельные игрушки из карт (в виде кареты¹³¹, домика¹³²). Однако целью их репрезентации было создание ряда живописных метафор, знаковое прочтение которых апеллировало бы к «особому кругу устойчивых и легко воспроизводимых социальных установок», связанных с пред-

---

¹²¹ Смирная Е.-А.В. Данила Яковлевич Земской. Один из птенцов Петра Великого / Сообщ. П.В. Лобанов // Русская старина. 1883. Т. 40. № 10. С. 68.

¹²² Достоевская А.Г. Указ. соч. С. 13. С этим корреспондирует синхронный «мужской взгляд» на проблему недостатка игрушек: «В те времена детей не заваливали такой массой игрушек, как теперь. Собственно говоря, их у нас почти вовсе не имелось, и мы вынуждены были прибегать к нашей собственной изобретательности». (Кропоткин П.А. Указ. соч. С. 54.)

¹²³ Ковалевская С.В. С. 15..

¹²⁴ Бекетова М.А. Александр Блок и его мать... С. 211.

¹²⁵ Цветаева А. Указ. соч. С. 12.

¹²⁶ Там же. С. 12–13, 22.

¹²⁷ Яковлев Г.И. (1819–1862). Портрет мальчика И. Попова. 1845 // Из истории реализма в русской живописи... № 58.

¹²⁸ Колендас (Календас) П. (1820(?) — ?). Портрет Петра Петровича Темерина. 1844 // Там же. № 95.

¹²⁹ Шардон (Анселот) М.-Л. В. Портрет князя А.И. Барятинского ребенком. 1817 г. Франция. Холст, масло. Государственное учреждение «Художественно-педагогический музей игрушки Российской Академии образования» (Далее: ХПМИ РАО) // Греков А.У. Искусство западноевропейской игрушки. Сергиев Посад, 2006. С. 130.

¹³⁰ Славянский Ф.М. (1819 или 1817–1876). Семейная картина (На балконе). 1851 // Из истории реализма в русской живописи... № 126.

¹³¹ Неизвестный художник первой половины XIX века. Мальчик с игрушками. Начало 1820-х // Там же. № 59.

¹³² Неизвестный художник второй четверти XIX века. Портрет мальчика с карточным домиком на столе. 1830-е // Там же. № 89.

почтительным для родовитого дворянина карьерным выбором военной службы¹³³. В женской литературе этот же образ воспроизвела поэтесса А.П. Барыкова, урожденная Каменская (1839–1893), описывая получение в подарок детьми «новых игрушек»: «Мальчик на лошадке молодцом гарцует / В кивере уланском...»¹³⁴. Символической заменой лошадки могла служить палочка, верхом на которой изображали мальчика-дворянина с подобием хлыстика в руке¹³⁵, или палочка с головой коня¹³⁶. Характерно, что одна из самых ранних сохранившихся в России «дворянских» игрушек — именно «конь-качалка» 60-х гг. XVIII в.¹³⁷, изготовленный по указанию Екатерины II для ее сына Павла Петровича и впоследствии принадлежавший к игрушкам других царских детей¹³⁸. В первой половине XIX в. маленькую девочку можно увидеть в гостинной дворянского дома везущей за собой на веревочке игрушечного зайца на колесах, а девочку постарше — играющей с братом в шахматы¹³⁹. На портрете 1852 г. дети великой княгини Марии Николаевны (1819–1879) и герцога Максимилиана Лейхтенбергского (1817–1852) изображены играющими в деревянный конструктор, состоящий из неокрашенных брусочков и кубиков разной величины¹⁴⁰.

Во второй четверти XIX в. на портретах великих княгинь Ольги¹⁴¹ и Александры¹⁴² и дочери княгини Е.Н. Чернышевой¹⁴³ запечатлена специальная одежда для маленьких девочек — декольтированное белое платье и белый чепчик с оборками. Дочь Чернышовой изображена сидящей на коленях у матери с босыми ножками, а великая княгиня Александра — в пинетках. Судя по возрасту представленных девочек, существовал обычай писать портрет годовалого ребенка. (Позднее, с появлением фотографии, этот обычай перейдет в традицию фотографировать ребенка в связи с первой «серьезной» датой в жизни¹⁴⁴.) Годовалая великая княгиня Александра Ни-

¹³³ Об этом на примере анализа портрета «Мальчик с игрушками» см.: *Летягин Л.Н.* «Красная нужда — дворянская служба»: Типологические аспекты биографии помещика — пушкинского современника // *Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы.* М., 2000. Вып. 6 (22) / Колл. авторов; Ред.-сост. М.В. Нащокина. С. 26–27.

¹³⁴ *Барыкова А.П.* Любимые куклы // *Русские поэтессы XIX века* / Сост. Н.В. Банников. М., 1979. С. 147.

¹³⁵ Неизвестный художник. Мальчик верхом на палочке. 1820-е гг. Россия. Холст, масло. ХПМИ РАО // *Греков А.У.* Искусство западноевропейской игрушки... С. 130.

¹³⁶ Неизвестный художник. Портрет троих детей. Первая половина XIX века. Холст, масло. ХПМИ РАО // Там же. Также см.: *Людерс Д.* Портрет семьи Чернышевых. 1750 г. ГЭ. Об этом см.: *Греков А.У.* Конь родом из детства — «король детских комнат и грез» // Там же. Ч. III. Гл. 7. С. 100.

¹³⁷ Конь-качалка. 1760-е гг. Россия. Дерево, металл, кожа, ткань, конский волос, галун, золотная и серебряная нити, роспись, окраска, вышивка. Поступил в 1929 г. из Аничкова дворца. ХПМИ РАО // Там же. С. 130.

¹³⁸ Об этом см.: *Греков А.У.* Конь родом из детства... С. 101; Он же. Игрушки царских детей // *Греков А.У.* Искусство западноевропейской игрушки... Ч. III. Гл. 9. С. 110.

¹³⁹ *Куракин А.Б.* Портрет княгини Ю.Ф. Куракиной, жены художника с четырьмя детьми. Холст, масло. Собрание Тверской областной картинной галереи.

¹⁴⁰ *Гау В.И.* Дети герцога Лейхтенбергского. 1852 // *Русские акварельные портреты (1825–1855)* / Под ред. Э. Дюкана. Предисл. и коммент. М. Барюша; введ. И.М. Сахаровой. Париж, 1994. С. 89.

¹⁴¹ *Соколов П.Ф.* Великая княгиня Ольга Николаевна. Около 1823 // Там же. С. 153.

¹⁴² *Соколов П.Ф.* Великая княгиня Александра Николаевна. Около 1826 // Там же. С. 155.

¹⁴³ *Брюллов А.П.* Княгиня Елизавета Николаевна Чернышева. Около 1830 // Там же. С. 27.

¹⁴⁴ «Мне было год четыре месяца, когда мама повезла фотографировать меня на Кузнецкий мост, к Фишеру». (*Цветаяева А.* Указ. соч. С. 10.)

колаевна изображена около 1826 г. с погремушкой в ручке сидящей в специальном детском стуле¹⁴⁵, конструкция которого очень напоминает современную.

В середине XIX в. уже известны не только специальная одежда и обувь для младенцев до 1 года, но и способы занять такого ребенка. Малыша могли высаживать на подушку с интересными для него предметами¹⁴⁶, причем просматривается ориентация на развивающие занятия. Портрет «ребенка, играющего на подушке», изображает в его руках коробочку с мелкими вещами, похожими на шахматы или солдатики, которые он перебирает, а рядом с подушкой лежащую шляпу. Очевидно, ребенок занимал себя перекладыванием деталей из коробочки в шляпу (что любят проделывать и современные дети, и, что считается полезным для них).

С этим, однако, контрастирует замечание относительно «развивающего детства» применительно к середине XIX в. А.Г. Достоевской, урожденной Сниткиной (1846–1918): «Детских книг совсем не было: нас никто не пытался «развивать»»¹⁴⁷. Данное воспоминание идет в разрез с феноменом возникновения уже в конце 20-х — 30-е гг. XIX в. специальной женской литературы для детей. Оно может подтверждать либо отсутствие в конце 40-х — начале 50-х гг. ее достаточного распространения, либо осознание не всеми родителями потребности в такой литературе, либо является результатом скрытого сопоставления с обилием детской литературы, появившейся к началу XX в., ко времени написания Достоевской своих мемуаров. Сохранявшееся понимание под «развивающими занятиями», в основном, чтения детской литературы характеризует наиболее устойчивые педагогические воззрения. Тем не менее, еще в 1837 г. упоминавшийся выше немецкий педагог Ф. Фребель впервые применил дидактические материалы (в том числе мелкие предметы и детали разнообразной формы и конфигурации) — так называемые «дары» Фребеля — в созданном им «Учреждении для развития творческого побуждения к деятельности у детей и подростков», прообразе детского сада. Рецепция его идей в России уже в 60-е гг. XIX в., их широкая популярность подтверждаются создававшимися с 1870-х гг. многочисленными так называемыми Фребелевскими обществами, которые не только открывали платные и бесплатные детские сады, проводили платные педагогические курсы для подготовки воспитательниц («садовниц»), но и организовывали публичные лекции для улучшения семейного воспитания детей¹⁴⁸. Мемуаристки, писавшие во второй половине XIX в., в эпоху уже осознанного отношения к детству и распространения новых педагогических веяний обращали особое внимание на непродуктивность воспитательных стратегий прошлого. Так, Е.А. Сабанеева подчеркивала применительно к концу XVIII в., что «тогда не говорили о развитии детей, но главным принципом было держать их в черном теле»¹⁴⁹. В отличие от мемуаристики живопись синхронно отражала менявшиеся взгляды на детство в дворянской среде.

Итоги. Сопоставляя результаты анализа письменных и визуальных источников, можно сделать следующие выводы. Вплоть до *последней трети XVIII в.* автодоку-

---

¹⁴⁵ Соколов П.Ф. Великая княгиня Александра Николаевна. Около 1826 // Русские акварельные портреты... С. 155.

¹⁴⁶ Орехов Н.Н. Ребенок, играющий на подушке. 1856 // Там же. С. 117.

¹⁴⁷ Достоевская А.Г. Указ. соч. С. 13.

¹⁴⁸ Фребелевские общества // Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. (Далее: БСЭ.) М., 1978. Т. 28. С. 79.

¹⁴⁹ Сабанеева Е.А. С. 344.

ментальные и иконографические источники признавали факт существования ребенка, его включенность в социокультурное пространство, но не детство как самоценное и значимое для взрослого состояние. Ребенок воспринимался либо в неразрывной связи со взрослым как продолжение его «родового» тела и эманация определенных (в первую очередь, лучших) его качеств либо как «уменьшенная копия» того же взрослого, не имеющая собственного специфического облика. Детское лицо и пространство, детская одежда и подвижность не фиксировались взглядом взрослого. Взрослые видели в детях исключительно себя, какие-то аспекты присущих им достоинств. Портрет ребенка XVIII в. — это зеркало, в котором взрослый стремился разглядеть отражение собственных культурных смыслов и символических значений.

Ситуация начала меняться в 1770-е гг., достигнув иного уровня восприятия ребенка *на рубеже XVIII–XIX вв.* Новые тенденции характеризовались тем, что ребенок приобретал специфический детский облик, становился частью эмоционального мира взрослых, любовное отношение к ребенку демонстрировалось как в частном, так и в публичном пространстве, фиксировалась активность ребенка, а, следовательно, его право на подвижность, свободу движений, не зависимую от взрослого и не стесняемую им. Следует подчеркнуть, что особая роль в этом принадлежала творческим женщинам — поэтессам (Е.Р. Дашкова, А.С. Жукова, В.А. Караулова, Ан.Л. Магницкая, Е.С. Урусова и некоторые другие, не оставившие своих имен) и художницам (М. Жерар¹⁵⁰, М.-Л.-Э. Вижелебрен¹⁵¹). Хотя последние были француженками, некоторые их работы, посвященные дворянскому детству, хранились и писались в России. Во многом маргинализация темы детства и материнства в культуре была преднамеренной. О работах М. Жерар, например, запечатлевшей уникальную с точки зрения изучения повседневности сцену того, как дворянские дети в конце XVIII в. делали первые шаги в присутствии и с помощью своих матерей, какие приспособления — подобие помочей и «ходунков» — для этого использовались (причем, аналогичные сцены можно наблюдать до сих пор), в авторитетном российском энциклопедическом издании начала XX в. было написано, что «картины ее лишены оригинальности, нередко сантиментально-слащавы», хотя даже такой строгий критик, в котором без труда угадывается мужской почерк, вынужден был признать наличие в них «искреннего чувства»¹⁵².

Следующий качественный скачок в восприятии детства можно заметить в 20–30-е гг. XIX в., когда дети, будучи изображенными отдельно от взрослых, практически всегда воспроизводились в специфическом детском пространстве¹⁵³ или в окружении атрибу-

---

¹⁵⁰ Жерар М. (1761–1837). Первые шаги. 1788. Холст, масло, 45,5×55. ГЭ // Энциклопедия «Французская живопись» / На русск. языке. Сост. и автор текста С. Даниэль: CD-диск. Раздел «Быт». Другая версия названия картины — «Материнское счастье».

¹⁵¹ Вижелебрен Э. (1755–1842). Автопортрет с дочерью. 1786 // Воспоминания г-жи Вижелебрен о пребывании ее в Санкт-Петербурге и Москве. 1795–1801 / Пер., сост. и коммент. Д.В. Соловьева. СПб., 2004. С. 193; Она же. Портрет баронессы А.С. Строгановой с сыном. 1793 // Там же. С. 54; Она же. Портрет графини Е.С. Самойловой с детьми. 1797 // Там же. С. 114; Она же. Портрет княгини А.Н. Голицыной с сыном. 1794. Холст, масло. 137×101. ГМИИ // Энциклопедия «Французская живопись»... Раздел «Лица и характеры».

¹⁵² Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон: Биографии: В 12 т. / Отв. ред. В.М. Карев, М.Н. Хитров. Репринт. изд. М., 1994. Т. 5. С. 110. Также ср.: «Для произведений Вижелебрен (преимущественно женских портретов) характерны идеализация и слащавая чувствительность...». (Вижелебрен // БСЭ. М., 1971. Т. 5. С. 37.)

¹⁵³ Чихачева В.А. Художница первой половины XIX века. Детская // Из истории реализма в русской живописи... № 75 и др.

тов детства — детских вещей и игрушек, дефицит которых тем не менее не был еще преодолен полностью. Акцент делался на трансляции уже их собственного внутреннего эмоционального мира, который воспринимался как своеобразный и отличный от взрослого. В совместных же изображениях детей и взрослых заметно стремление к передаче их эмоциональной общности, разделяемых ими занятий и времяпровождения (игры, чтения, письма, прогулки, раута), к художественному воссозданию значимого для тех и других пространства общей повседневности. Как и на рубеже XVIII–XIX вв. художницы, теперь уже не только французские (М.-Л.-В. Ансело, урожденная Шардон), но и российские (В.А. Чихачева, урожденная Черкасова) оказали особое влияние на развитие в живописи своеобразной «детской темы». И на этом этапе эволюции отношения к «миру детства» деятельность женщин-писательниц (А.П. Зонтаг, М.Б. Даргомыжская, Л.А. Ярцова, Е.М. Фролова-Багреева, А.О. Ишимова, А.А. Фукс, А.В. Зражевская, А.М. Дараган, М.А. Корсини, А.Г. Коваленская, Е.Ф. Тютчева) также вносила особый творческий вклад в виде специальной литературы (переводной и оригинальной) и периодики для детей, появление которых свидетельствовало о все более возрастающем внимании взрослых, прежде всего женщин, к детским интересам и наклонностям, об осознании ими специфики детского мироощущения и восприятия.

Главное же то, что на протяжении полуторавекового периода XVIII — середины XIX в. изменения в восприятии детства в российской дворянской культуре происходили постепенно, долгое время оставаясь незаметными, что позволяет отнести детскую повседневность к реальностям «длительных циклов». При этом элементы динамики в репрезентациях «мира женского детства» становятся более отчетливыми на фоне общеевропейской эволюции ценности детства. Тем не менее традиционной триаде мужских имен (Ж.-Ж. Руссо — Н.М. Карамзин — Н.И. Новиков), повлиявших на возрастание значимости детской личности в России, рецепция произведений которых очевидна в мужской мемуаристике, может быть противопоставлена гораздо более многочисленная группа творческих женских личностей — поэтесс, прозаиков, художниц (Е.Р. Дашкова, А.С. Жукова, В.А. Караулова, Ан.Л. Магницкая, Е.С. Урусова, А.П. Зонтаг, М.Б. Даргомыжская, Л.А. Ярцова, Е.М. Фролова-Багреева, А.О. Ишимова, А.А. Фукс, А.В. Зражевская, А.М. Дараган, М.А. Корсини, А.Г. Коваленская, Е.Ф. Тютчева, М. Жерар, М.-Л.-Э. Виж-Лебрен, М.-Л.-В. Шардон-Ансело, В.А. Чихачева и это еще не все, потому что многие авторы-женщины остались неизвестными), — спровоцировавших не только литературу для детей и «детскую тему» в искусстве, но и, что самое важное, особое отношение к ребенку, детскому возрасту и эмоциональности. Однако об их культурном вкладе обычно умалчивалось в историографии, при том, что мысль о создании «детского мира» именно женщиной все же звучала¹⁵⁴. Это, разумеется, должно было проявляться не только в интеллектуальной и художественной сферах, но и в протекавшей изо дня в день повседневной жизни дворянок. Будучи «историей *longue durée*», история «женского детства» в дворянской России позволяет судить о закладывании основ гендерной дифференциации и патриархатного символического порядка, структурировавшего социум.

---

¹⁵⁴ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 54. См также: Пушкарева Н.Л. Отечественные исследования по социологии, истории и этнологии материнства // Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С. 91–101.

СУПРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ДВОРЯНСКИХ СЕМЬЯХ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ

В. А. ВЕРЕМЕНКО

Проблемы истории частной семейной жизни людей разных эпох и народов в последнее время занимают все большее место в научной и научно-популярной литературе. Особенно преуспели в освоении этой тематики наши зарубежные коллеги. Так, только в 1965–1986 гг. на Западе вышло около 50 тыс. публикаций по проблемам семьи¹. Правда, в общем массиве иностранных исследований, посвященных семье, уровень разработки истории собственно русской семьи выглядит более чем скромно. При этом среди западных русистов наиболее востребованным направлением истории семьи является ее демографический и структурный анализ, проводимый в основном на материалах XVI–начала XIX вв.²

Схожие процессы характерны и для отечественной исторической науки. С одной стороны, невозможно отрицать бурного роста числа всевозможных исследований, посвященных проблемам семьи. Отражением возросшего интереса к изучению этого вопроса становятся публикации тематических сборников и организация специализированных конференций³. С другой стороны, наибольшее место в отечественных, так же как и в западных исследованиях отводится вопросам демографии и хозяйственно-бытовым аспектам жизни, а наиболее изученными периодами является русское средневековье и раннее новое время⁴.

---

¹ Токарев С.А. Исследования семьи в зарубежной социологической и этнографической литературе // Этносоциальные аспекты изучения семьи у народов Зарубежной Европы / Отв. ред. О.А. Ганцкая. М., С. 15–34.

² См. напр.: Kaiser D. Databanks for a History of the Family in Early Modern Russia // Databases in the Humanities and Social Sciences 1985 / Ed. Thomas F. Moder. Osprey; FL, 1987. P. 205–211; Idem / Urban Household Composition in Early Modern Russia // Journal of Interdisciplinary History 23 (1992–1993). Кайзер Д. Возраст при браке и разница в возрасте супругов в городах России в начале XVIII в. // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. М., 1994; Mutterauer M., Kogan A. Структуры семьи в России и Центральной Европе: сравнительный анализ // Семья, дом и узы родства в истории. / Под общей ред. Т. Зоколла, О. Кошелевой, Ю. Шлюмбама. СПб., 2004. С. 35–80; Хок С. Крепостное право и социальный контроль в России. Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993. The family in imperial Russia. New lines of historical research / Ed. by D.L. Ransel. Illinois, 1978.

³ Семья в России: история и современность. Материалы всероссийской научной заочной конференции. Тверь, 2001; Семья в ракурсе социального знания: Сб. науч. ст. Барнаул, 2001; Семейные узы: Модели для сборки. Сб. статей / Сост. и редактор С. Ушакин. Кн. 1–2. М., 2004; Семья и брак в России: ценности, традиции, обряды XVII — XX вв.» М., 2007.

⁴ См., напр.: Кузьмин А.И. Семья на Урале. Демографические аспекты выбора жизненного пути. Екатеринбург, 1993; Араловец Н.А. Городская семья в России, 1897–1926 гг.: историко-демографический

Вопросы истории пореформенной российской семьи как социального института нашли отражение в исследованиях, посвященных развитию имперского семейного права в целом⁵, отдельным его аспектам (например, разводам)⁶, тем или иным особым социальным группам⁷. Характерно, что семейная организация дворянства, несмотря на продолжавшееся в указанный период сохранение этим сословием привилегированного положения в обществе оказалась наименее изученной.

Вместе с тем, модернизационные процессы второй половины XIX — начала XX вв. нанесли наиболее серьезный удар по прочности именно дворянской семьи. Неофициальные разводы, а к началу XX в. и вполне законные разводы стали привычными сторонами жизни привилегированного общества⁸. Кризису института христианского брака в дворянской среде способствовали многочисленные факторы. Это и гигантские материальные трудности, с которыми сталкивалась подавляющая масса дворянских семей, и новые образовательные, а затем и профессиональные возможности, открывшиеся перед дворянками, и значительно повлиявшие на их представления о собственном общественном статусе, и, наконец, осуществлявшееся через самые разные источники (от примера личных знакомых до влияния литературы) формирование новых морально-нравственных норм. Существенное, если не опреде-

---

аспект. М., 2003; *Лещенко В.Ю.* Семья и русское православие (XI–XIX вв.). СПб., 1999; *Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного.* М., 1996; *Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых стран Азии до начала нового времени.* М., 2000; *Пушкарёва Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX вв.). М., 1997; *Цатурова М.К.* Русское семейное право XVI–XVIII вв. М., 1991 и др.

⁵ *Нижник Н.С.* Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2006; *Туманова Л.А.* Семейное право России второй половины XIX века. М., 2003; *Левшин Э.М.* Становление и развитие брачно-семейного законодательства в дореволюционной России. Автореф. дис. канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2003; *Тищенко Л.А.* Соотношение светского и церковного законодательства о браке и семье (XIX–начало XX вв.). Автореф. дисс. канд. юр. наук. М., 2001.

⁶ *Белякова Е.* «Бабы стоны». Как разводились в Российской империи // *Родина.* 2002. № 7. С. 63–67; *Она же.* Брак и развод в России в XIX в. // *Первое сентября.* 2001. № 15. С. 5–6; *Колганова Е.* «На Фу-Фу я не пойду...». До чего же не просто было развестись сто лет тому назад // *Родина.* 2006. № 5. С. 93–97; *Максимова Т.О.* Развод по-русски // *Родина.* 1998. № 9. С. 55–60; *Трохина Т.А.* «Пикантные ситуации»: некоторые размышления о разводе в России конца XIX в. // *Семья в ракурсе социального знания.* Барнаул, 2001.

⁷ См., например: *Безгин, В.Б.* Обычное право русской деревни (вторая половина XIX — начало XX вв.). Тамбов, 2000; *Он же.* Крестьянская повседневность. (Традиции конца XIX — начала XX века). М. Тамбов, 2004; *Он же.* Крестьянский самосуд и семейная расправа (конец XIX — начало XX в.) // *Вопросы истории.* 2005. № 3; *Глотова В.В.* Крестьянская семья во второй половине XIX века: (на материалах Курской губернии). Автореф. дис. канд. ист. наук. Воронеж, 2005; *Зверев В.А.* Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма. Историко-демографический анализ. Новосибирск, 1991; *Крюкова С.С.* Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М., 1994; *Листова Т.А.* Трудовое воспитание в крестьянской среде // *Православная жизнь русских крестьян в XIX — начале XX в. М., 2001.* С. 182–201; *Милогорова, Н.И.* О праве собственности в пореформенной крестьянской семье. 1861–1900 гг. // *Вестник Московского университета.* Серия 8. 1995. № 1; *Морозов С.Д.* Брачность и рождаемость крестьян Европейской России (конец XIX в. — 1917 г.) // *Крестьяноведение.* 2000; *Зуева Е.А.* Русская купеческая семья в Сибири в конце XVIII — первой половине XIX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1992; *Гончаров Ю.М.* Городская семья Сибири второй половины XIX — начала XX в.: Монография. Барнаул, 2002; *Он же.* Купеческая семья второй половины XIX — начала XX вв. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). М., 1999; *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX в. Тамбов, 2004.

⁸ См. подробнее: *Веремёнко В.А.* Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX — начало XX в.). СПб., 2007.

ляющее значение для характера отношений супругов в семье, имел и новый идеал самостоятельного брака «по любви», признанный в дворянской среде в пореформенное время. Следствием торжества подобного идеала стало то, что, не достигнув желанного «личного счастья» в существовавшем супружестве, многие дворяне были готовы разорвать опостылевшие отношения и начать все заново в другом, по возможности оформленном браке, либо при отсутствии такового, в свободном союзе.

Указанная эволюция взгляда на христианский брак как на все менее стабильное образование, хотя теоретически длящееся до тех пор, «пока смерть не разлучит супругов», но практически часто прекращающееся по желанию обеих сторон, а иногда лишь одной из них, сопровождалась консервацией другого постулата христианского вероучения о браке. В течение всего исследуемого периода и верующие, и атеисты, и дворяне, и дворянки, за редким исключением, сходились в оценке супружеских отношений как союза мужчины — главы семьи, и женщины — его «младшего» товарища и помощницы. Таким образом, исследуя этапы эволюции супружеских отношений в дворянском обществе пореформенной России, приходится констатировать значительные изменения в их внешних проявлениях на фоне практически полного сохранения внутреннего стержня жизни семьи.

В середине XIX в. дворянская семья в целом отличалась стабильностью. Главными цементирующими факторами, способствовавшими очень редкому распаду даже крайне неудачных супружеств, были «долг» и «реальный взгляд на вещи». Указанные характеристики необходимо рассматривать в комплексе, так как только таким образом они и влияли на конкретных людей и их семейства. Вступив в брак не по любви, а по выбору старших, расчету или каким-то другим важным для рода в целом обстоятельствам, муж и особенно жена, изначально были готовы к тому, что им предстоит «стерпеться». К тому же, установленная обществом достаточно невысокая планка семейных ожиданий помогала супругам легче смириться с теми или иными недостатками друг друга. Наконец, «позорили семью» не сами по себе факты пьянства, наличия связей на стороне, растраты и т.д., а их обнародование. Поэтому дворянин, имевший «гарем» крепостных, мог вполне считаться в обществе хорошим семьянином и вызывать всеобщее уважение. Так, помещик В. Страшинский, попавший под следствие в возрасте 72 лет за растление и изнасилование 87 «девок», принадлежавших его жене и детям, славился своим почти полувековым «счастливым браком», «неизмеримой» любовью к супруге и тем, что он «никогда не давал ни малейшего повода к сомнению в супружеской верности»⁹.

Таким образом, мужья и особенно жены, предпочитали, насколько это было возможно, терпеливо сносить выпавшие на их долю испытания, не вынося «сор из избы». С одной стороны, их семейная жизнь мало отличалась от уклада других дворянских семей, и «реальный взгляд на вещи» помогал им считать свое положение ничуть ни худшим, не забывая свою голову ненужными мечтаниями, а с другой — «долг» перед родом и желание сохранить «честь семьи» вынуждали скрывать имеющиеся проблемы, и ни в коем случае не обнародовать их, осуществляя открытый разезд, а тем более, развод.

---

⁹ Любавский А. Русские уголовные процессы. СПб. Т. 1. С. 345–357

Конечно, многолетнее внутреннее напряжение иногда выплескивалось наружу, и один из супругов, чаще жена, совершал покушение на жизнь другого. Так, в начале 1850-х годов в обществе широко обсуждалось убийство чиновника Ф. Дудникова, который после 14 лет «согласной семейной жизни» был найден мертвым у себя в доме, а обвиняемой по делу выступала его жена. На следствии выяснилось, что ее муж был завсегдатаем публичных домов, имел постоянную связь с прислугой, причем многие из подобных фактов стали известны из его собственноручных писем жене, так что было ясно, что он «нисколько от нее не скрывал своих попок и удовольствий». Характерно, что женщина, в итоге, так и не была осуждена, так как, несмотря на имевшиеся многочисленные косвенные улики, отказалась признать себя виновной¹⁰. Вместе с тем, подобные случаи имели исключительный характер. Значительно чаще, по окончании «бурной» молодости, люди привыкали друг к другу, начинали любить друг друга «как родные», и переживали вместе спокойную старость, а на смертном одре вполне благосклонно оценивали прожитые годы.

Среди огромного числа *внешне* благополучных супружеств подчас встречались и действительно счастливые семьи, построенные на глубокой взаимной привязанности. Искренняя любовь к жене и детям исходит от дневника полковника К.П. Колзакова. В 1856 году он получил редкое в то время разрешение отправиться на четыре месяца за границу. Однако такая удача вызвала у него смешанные чувства — «и сердце мое как-то невольно сжимается — и больно мне и грустно стало — и раздумье тяжкое берет? — Ах, поймет меня, конечно, всякий кто женат и любит жену свою и должен с нею расстаться, <...> я скверный муж мог решиться покинуть такого ангела...». В конце концов, он все же отправился в путешествие. Но и здесь масса полученных новых впечатлений, красоты западноевропейской архитектуры, и даже встреча с его «бывшей Петербургской пассией — М-м Деволон», не затмили для офицера «милый образ Машеньки». Недаром, когда в течение двух недель от нее не поступило ни одного письма, К.П. Колзаков, отгулявший только половину своего заграничного отпуска, отправился домой¹¹.

Внутрисемейное распределение обязанностей между супругами предполагало занятость вне дома практически исключительно мужа, с наделением жены достаточно широкими полномочиями по управлению домашним хозяйством. В этом плане хотелось бы особенно подчеркнуть слово «управление», так как выполнением собственно домашней работы занималась прислуга, большей частью, крепостная. Помимо контроля над хозяйством и детьми, замужняя дворянка проводила время за шитьем и вышиванием, «визитами», реже музицированием, а также чтением романов и религиозной литературы. Типичным представляется описание дня дворянско-чиновничьей четы, встречающееся в воспоминаниях П.Г. Скальдиной. Супруги, или один из них, вставали около 7 часов утра, занимались туалетом, пили воду с какой-нибудь закусочкой, наблюдали за работой прислуги. Совместный завтрак происходил в 9, затем муж отправлялся на службу и находился там до 5 часов вечера. В отсутствие мужа, жена, дав прислуге необходимые поручения, занималась шитьем или читала. В середине дня, обычно около 12 часов, она ходила пить чай к жившим

---

¹⁰ Там же. С.2–34.

¹¹ Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 358 Колзаков К.П. Д. 4..

рядом родным и знакомым. С приходом мужа, садились обедать. Причем «к этому времени ему <...> было все готово и на столе». После обеда и до чая, уставший мужчина ложился спать, а жена, опять таки шила или читала. В конце дня — около 8 часов вечера, супруги принимали гостей или сами ходили в гости. Спать ложились в 10–11 часов вечера¹². Таким образом, если материальное обеспечение семьи чиновника-дворянина являлось прерогативой главы семьи, то «уют», под которым мыслилось доведение до автоматизма домашнего механизма являлся сферой жизни супруги.

В семьях дворян-помещиков функции жены значительно усложнялись, так как увеличивался объем домашних работ, находящихся под ее руководством. Необходимо было смотреть за усадьбой, огородом, скотным и птичьим дворами. Возрастало и число подведомственных жене лиц. Мужья, как правило, не вмешивались в эти сферы, оставляя за собой надзор за управляющим и территорией поместья, которое в отличие от «дома» — женской сферы деятельности, почиталось областью мужской¹³.

Распределение обязанностей соответствовало господствовавшим в обществе понятиям о месте мужчины и женщины в семье. Согласно бытовавшим представлениям муж мыслился «покровителем своих домашних», осуществлявшим общее руководство жизнью всего семейного коллектива. Жена же, как «хранительница домашнего очага», занимала хотя и почетное, но вторичное положение в семейной иерархии. «Правильно» организованный порядок домашней жизни ценился очень высоко. Буквально панегирик спокойному семейному счастью мы находим в дневнике неизвестного лица, дотируемом концом 50-х гг. XIX в. «Семейство есть малый свет, в котором мы должны исполнять, в малом виде все, разнообразные обязанности, налагаемые на нас большим... Какое зрелище, возвышающее душу, представляет нам добрый семьянин, истинно добрый и счастливый человек. Войдите в его дом, веселый, скромный, где царствует опрятность и чистота; при первом шаге не окружит ли вас какое-то неизъяснимое, невидимое, трогательное очарование? <...> Вы видите перед собой довольные лица, пленяетесь окружающим вас порядком, здесь время протекает быстро, для каждой минуты есть собственное, необходимое занятие, минуты отдельного труда приготавливают к минутам свидания, к минутам общего удовольствия, и всякий труд приносит с собой награду»¹⁴.

На вторую половину 60-х — начало 70-х гг. XIX века пришелся первый всплеск увеличения числа разъездов супругов. На наш взгляд данное явление было спровоцировано двумя причинами, причем, как правило, выступавшими отдельно друг от друга, и лишь иногда действовавшими вместе. Первым фактором, стимулировавшим рост числа открытых разрывов, стали новые морально-нравственные представления,

¹² ОР РНБ. Ф. 698 — П.Г. Скалдина-Скальдина. Д. 2. Л. 78–78 об.

¹³ См. Белова А.В. Женщина в провинциальной дворянской семье в России конца XVIII — первой половины XIX века: воспроизводство культурного этноса // Семья в России: теория и реальность. Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. Тверь, 1999; *ее же*. Женщина дворянского сословия России конца XVIII — первой половины XIX века: социокультурный тип (по материалам Тверской губернии). Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 1999; *ее же*. Повседневность русской провинциальной дворянки конца XVIII — первой половины XIX в. (к постановке проблемы) // Женская и гендерная история / Под ред. Н.Л. Пушкаревой. М., 2003. С. 269–284.

¹⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 899. Оп. 1. Д. 1008. Л. 87–90 об.

характерные для тогдашнего «передового» общества, получившие в литературе наименование «любовь людей 60-х годов»¹⁵. Речь идет об идее, согласно которой справедливым и законным становился разъезд супругов, если в жизнь одного из них пришла любовь к третьему лицу. Персонажи «Что делать?» — шагнули в реальную жизнь. Мужья — представители «новых людей» считали своим долгом «отпустить» жену к любимому человеку, которым в большинстве случаев оказывался лучший друг мужа. Обстоятельства жизни наиболее известных «треугольников» (Н.П. и Н.А. Огаревы и А.И. Герцен; Н.В. и Л.П. Шелгуновы и М.Л. Михайлов; П.И. и М.А. Боковы и И.М. Сеченова и др.), предполагавшие сохранение дружеских отношений между всеми его участниками, а подчас, и создания «семей втроем», были широко известны и становились образцом для подражания «рядовых» людей¹⁶.

Определенную долю «разно-живших» семей составляли в 1860–1870-е гг. супруги, вступившие в фиктивный брак. Для таких супружеств разъезд был естественной формой существования, ради которого они, собственно, и создавались. Конечно, некоторые из фиктивных семей (по терминологии того времени — «консервов»), с течением времени становились настоящими, но в массе своей бракосочетание завершалось разъездом молодых людей в разные стороны, с редкой перепиской по вопросам продления для жены вида на жительство.

Иногда «идейные разрывы» происходили не так «красиво» и «естественно». Если «новые веяния» коснулись лишь одного из супругов (чаще — жену), а другой придерживался мнения о святости церковного союза и необходимости для женщины уделять все свое время и силы домашним заботам, предоставив общественную жизнь исключительно мужчинам, разъезд мог осуществиться с громким скандалом, став предметом досужей болтовни целого города. Так, инициаторами разрыва с мужем, большей частью по «идейным соображениям» были такие известные женщины, как Е.И. Конради, В.Н. Фигнер, З.С. Оболенская, Е.В. Салиас де Турнемир (Евгения Тур) и др.¹⁷

Вторым фактором, стимулировавшим рост числа супружеских разъездов, действовавшим, как правило, на совершенно «обычные», мало «зараженные» «передовыми» идеями семьи, стали новые экономические реалии, с которыми столкнулись дворяне, прежде всего, помещики, в результате отмены в 1861 г. крепостного права. Мужья-помещики, чей общий надзор за хозяйством и домашней жизнью, большей частью выражался в перепоручении своих полномочий управляющему, вдруг оказались вынуждены принимать действительно серьезные решения, от характера которых зависело материальное благополучие всего семейства. Большинство из них не только не были способны на это, но и всячески избегали выпавшей на их долю ответственности. Череда примеров дворянского «оскудения», ставшего результатом полной неспособности к хозяйственной деятельности «отцов», проходит перед нами в цикле одноименных очерков С.Н. Терпигорева¹⁸. Здесь и «переустройство» на новый лад, потребовавшее гигантских средств, но не давшее никакого результата, и проиг-

¹⁵ Богданович Т.А. Любовь людей шестидесятых годов. Л., 1929.

¹⁶ Паперно И. Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М., 1996.

¹⁷ Павлюченко Э. Женщины в русском освободительном движении. М., 1988. С. 70–71; Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007. С. 125–127.

¹⁸ Терпигорев С.Н. Оскудение. «Благородные». Т. 1–2. СПб.-М., 1882.

рыш в карты или растрата на любовниц выкупных облигаций, и обман со стороны управляющего, за которым никто и никогда не следил и проч. Если способы «ухода» мужа от своих обязанностей в каждой конкретной семье могли быть самые разные — от пристрастия к алкоголю до увлечения искусствами¹⁹, то результат такого «хозяйствования» был всегда один — залог, а затем и продажа имения.

Подобные сюжеты можно было бы назвать литературным преувеличением, если бы воспоминания не демонстрировали нам еще более невероятные жизненные коллизии. Так, Е.П. Казанович рассказывая о том, как их когда-то богатая семья, потеряла свое поместье «Кудину», а затем и вовсе лишилась всего имущества, постоянно обращалась к роли в этих событиях своего отца. По ее мнению, он был очень способным человеком, имевшим возможность стать крупным профессионалом в разных сферах деятельности, но растратившим свою жизнь и семейные богатства на «увлечения». Например, желая сэкономить средства на покупку туфель дочерям, он купил необходимые для изготовления обуви станок и материал, несколько недель учился делать изделия у специально нанятого обувщика, и смастерив, наконец, каждой из дочерей по паре обновок, охладел к этому занятию. Наибольшие же результаты для жизни семьи имело занятие главы семьи живописью: «Отец увлекся какой-то картиной. В это время входит управляющий и докладывает, что горит лес. Отец не пошевелившись даже и не поднимая головы от картины отдает приказание <...> Через час управляющий приходит вторично и объявляет, <...> что крестьяне не хотят идти помогать, говоря что, коли сам барин не идет, да и нам нечего. Отец велит ему делать, как знает и ему не мешать и не надоедать. И не смотря ни на какие просьбы и уговоры матери он не тронулся с места, и только к концу второго или третьего дня пожара, когда картина была окончена, отправился в деревню, дал крестьянам на водку и через 2–3 часа пожар был остановлен...». Итог этой истории стал вполне типичным примером широко распространившихся в дворянской среде 60–70-х гг. XIX в. «материальных разъездов». В конце концов, когда имение отца было продано за долги, и вся семья была вынуждена пытаться жить на доходы с маленького поместья матери, встал вопрос о необходимости начать работать. Но отец не желал служить на мелких должностях, а других ему никто не предлагал. В этой ситуации жена, оказавшись единственной кормилицей семьи, отказалась содержать не только детей, но и мужа и потребовала от него оставить семейство и жить отдельно²⁰.

Разъезды в связи с нежеланием жены содержать мужа, распространились не только в семьях помещиков, но и у части городских дворян. Как правило, женщина, преимущественно традиционных взглядов, первоначально довольно долго пыталась сохранить семью, переживая из-за огласки и надеясь на «исправление» мужа. Но постепенно к ней приходило понимание, что если и далее семья будет продолжать тратить значительную часть вырученных женой из разных источников средств на «барства» мужа, то и детей не удастся «поднять», и сама она закончит жизнь в богадельне. Примером разрыва на «материальной основе» в среде дворян-чиновников может служить семейная история Скалдиных-Скальдиных. Эта семья, как мы уже

¹⁹ *Веремenco В.А., Тропов И.А.* Реформы и микросоциальные процессы в России (вторая половина XIX — начало XX века) // Социально-экономическая и политическая модернизация в России. XIX–XX вв. Сб. научных статей / Отв. ред. И.В. Кочетков. СПб., 2001. С. 55–58.

²⁰ ОР РНБ. Ф. 326 — Е.П. Казанович. Д. 15. Л. 4–15.

отмечали, создавалась усилиями старших, супруги «любили» друг друга «как родные», и прожили «согласно» почти пятнадцать лет. Семейная стабильность нарушилась в середине 1860-х гг. В 1864 г., с введением новых судебных уставов в столице был упразднен Уголовный суд, и А.Д. Скалдин остался без работы. Так как он еще не выслужил полную пенсию, то ему в связи с увольнением предоставили ежегодное пособие в размере половины от положенных пенсионных выплат. Жить на эти мизерные средства семья не могла, а новое место мужчине найти не удавалось. На следующий год сгорел их петербургский дом, и чтобы оплатить квартиру пришлось заложить драгоценности жены. В поисках средств женщина, получившая в приданое поместье, которым они никогда не занимались, решила немедленно перевести своих крестьян на выкуп, с выплатой ей лишь денег «от казны». Вырученной суммы, от продажи выделенных ей государством выкупных облигаций, у бывшей владелицы 28 душ хватило только на то, чтобы выкупить назад заложенные драгоценности. Семья переехала в деревню, и муж попытался вести хозяйство на оставшейся у них после предоставления крестьянам наделов, 230 десятинах. Однако отсутствие необходимых материалов, а главное полная неопытность новоявленного хозяина, привели к тому, что еще через год и это имущество было продано. Семья снова вернулась в столицу, где П.Г. Скальдина сняла квартиру и решила существовать за счет пересдачи комнат с предоставлением жильцам «стола». Вот как мемуаристка описывала последний год своей супружеской жизни: «Мне делом помочь он не мог. Один он жить теперь кое-как мог, но вдвоем не возможно было материально и нравственно. У нас бывали сцены... У нас бывали они и прежде и я... не раз хотела прекратить нашу совместную жизнь, но меня останавливали и уговаривали старики соблюдать законы приличия. Теперь же я стала настоятельно предлагать Александру Дмитриевичу кончить кошмар и разойтись. Сначала он медлил, потом согласился. Подходило время, что мне и одну себя содержать было не чем. Он взял десять рублей на бумагу и выдал Свидетельство на три года. Через месяц после этого он переехал... Первое время когда я вставала он уже ходил перед окном. Приглашала. Он приходил. К нему тоже ходила. Вечером долго боялась идти одна, он меня провожал. Часто замечала что он за мной следил... Если бы нам вместе было чем жить, может быть мы опять бы начали жить вместе, так было трудно и это положение»²¹.

Разъезды супругов по материальным мотивам происходили и в интеллигентно-дворянской среде. Например, знаменитая «пионерка» женского движения М.В. Трубникова (урожд. Ивашева) ушла от мужа — издателя К.В. Трубникова, после того как он своими биржевыми операциями полностью пустил на ветер не только все ее значительные капиталы, но и вверенные ему «на сохранение» наследственные доли ее брата и сестры. Женщина посчитала, что без мужа ей будет значительно легче содержать их четырех дочерей исключительно собственной литературной работой и переводами²².

Принципиальное значение для осуществления «материального разъезда» имели не столько сами по себе финансовые трудности, с которыми сталкивались семьи,

---

²¹ ОР РНБ. Ф. 698 — П.Г. Скальдина-Скальдина Д. 2. Л. 98 об.-109 об.

²² Юкина И.И. Указ. соч. С. 156–157.

сколько оценка их сквозь призму господствовавших в обществе (даже в самом «передовом») гендерных стереотипов. Мужчина, глава дома, «покровитель своих домашних»²³, чей идеал «приближается к Всемогушему Существу — Богу: он силен, правдив и благороден», в то время как «идеал женщины только к мужчине руководящему ею»²⁴, этот мужчина оказывается неспособен к осуществлению своих задач по обеспечению семьи. С другой стороны женщина, чей удел состоял в том, чтобы быть «не более как пружиной или струной в инструменте», направляемой «опытной сильной рукой и мыслью»²⁵, подгоняемая необходимостью, вдруг находит способы содержать саму себя, детей и даже поддерживать какое-то время мужа. Сложившиеся реалии не устраивали ни мужчин, ни женщин. Для первых было характерно стремление объяснить свои финансовые неудачи некими внешними обстоятельствами (экономической конъюнктурой, происками «врагов» и т.д.) или (и) «помехой» со стороны жены, которая, «влезая» со своими распоряжениями или советами, помешала реализации их планов. Последнее было наиболее характерно для случаев, когда разоренное мужем имение принадлежало супруге. Недаром в качестве способа спасения остатков собственности мужа нередко предлагали женам переписать на них имущество и полностью устранить от контроля над ним. С другой стороны, подавляющее большинство замужних женщин, вынужденных приискивать те или иные варианты для поддержания материального благополучия семейства, воспринимали сложившуюся ситуацию как вынужденный «крест». Даже самые передовые представительницы женского движения, получившие определенную образовательную подготовку и работавшие в сфере интеллигентных профессий (писательницы, журналистки, переводчицы и т.д.) хотели от своей деятельности, прежде всего, морального удовлетворения, развития собственной индивидуальности, наконец, «самостоятельного» независимого от мужа заработка, но никак не превращения его в единственное средство обеспечения всей семьи. Что же говорить о массе квартирных хозяек, швей и прочих «трудящихся» замужних дворянок, для которых их труд не приносил никакого «интеллектуального удовлетворения».

Общее раздражение сложившейся ситуацией выливалось в серьезные ссоры супругов, итогом которых становился разъезд, причем, как правило, инициатором его являлась жена, у которой степень разочарованности мужем превосходила даже желание сохранить приличие. Интересно, что, судя по материалам деятельности III отделения Собственной е.и.в. канцелярии, занимавшегося в 60–70-е гг. XIX в. семейными несогласиями, жестокое обращение, пьянство, развратное поведение и другие «традиционные» мужские недостатки редко становились причиной обращения жены за отдельным видом, если они не сопровождались какими-либо материальными претензиями: от разорения приданого до проживания мужа на заработок жены²⁶.

Итак, традиционный дворянский идеал места и роли мужа и жены в семье в пореформенное двадцатилетие практически никак не изменился. Напротив, именно его со-

---

²³ РГИА. Ф. 899. Оп. 1. Д. 1008. Л. 88 об.

²⁴ ОР РНБ. Ф. 698 — П.Г. Скалдина-Скальдина. Д. 2. Л. 82.

²⁵ Там же. Л. 82 об.

²⁶ См., например: РГИА. Ф. 1412. Оп. 212. Д. 80; Оп. 221. Д. 181.

хранение стало одним из факторов, стимулировавших в данный период увеличение числа разъездов супругов. Вместе с тем, в распределении внутрисемейных и общественных обязанностей между мужем и женой стали намечаться определенные подвижки. В эти годы сформировалось те три типа полных дворянских семей, которые и продолжали существовать до конца исследуемого периода. Если в 1860–1870-е гг. выделенные нами виды полных семей впервые появляются в столь массовом масштабе, что становятся типологически заметны, то в 80-е гг. XIX в. — в 10-е гг. XX в. речь идет уже об изменении доли каждого типа в общей массе семей.

Под первым типом, условно названным нами «старая полная дворянская семья» мы имеем ввиду уже рассмотренный нами тип внутрисемейного распределения обязанностей между живущими совместно супругами, при котором мужчина продолжал практически исключительно участвовать в общественной деятельности и заниматься вопросами материального обеспечения семейства, в то время как женщина сохраняла за собой управление домашним хозяйством, заключающееся, большей частью, в контроле за работой прислуги. Для сохранения такой семейной организации необходимо было, с одной стороны, наличие достаточных для поддержания «дома» средств, а с другой — слабое влияние на членов семьи «новых веяний» и «передовых идей». Тип «старой дворянской семьи», практически преобладавший в середине XIX в., с течением времени все больше уступал место двум «новым» типам.

Второй тип, условно названный нами «новая идейная дворянская семья», становится заметным только в 1860-е гг., а приобретает серьезное распространение в 1880-е гг. XIX в. Для данного распределения внутрисемейных обязанностей в рамках полной семьи было характерно участие в общественной и профессиональной деятельности не только мужа, но и жены. Причем здесь особенно важно выделить мотивы такого участия. Определяющим стимулом к получению образования и занятости замужней дворянки вне дома становятся, прежде всего, не материальные (хотя они могут играть дополнительную роль) мотивы, а желание «развиться», стремление доказать свою самоценность и пр. идеальные устремления. Вместе с тем, надзор за хозяйством продолжает оставаться сферой исключительно женской, и мужчина включается в эти вопросы только в случае крайней необходимости. Впрочем, существование подобных семейств было возможно либо при наличии достаточного количества прислуги, либо, напротив, при доведенной до логического конца скромности быта, когда супруги вообще не вели никакого самостоятельного хозяйства и, живя в меблированных комнатах, питались «у хозяйки» или в столовой. Так, примером первого варианта является семья художницы Е.С. Зарудной-Кавос, в которой постоянно работало 4–5 человек (кухарка, горничная, одна — две няни и кормилица)²⁷. Супруги-студенты Е. и С. Шестаковы жили, наоборот, крайне аскетически: в дешевой комнате, которую убирала хозяйская прислуга, а питались в столовой — либо по очереди — через день, либо деля одну порцию пополам. Лишь иногда, «когда было время», они «готовили дома, преимущественно картошку с селедкой»²⁸. В целом, и в том, и в другом случаях сам надзор за хозяйством не требовал значительного времени и особой необходимости в при-

---

²⁷ Институт русской литературы Российской Академии наук (далее — ИРЛИ РАН). (Пушкинский дом). Ф. 445. Е.С. Зарудная-Кавос Д. 8–48.

²⁸ Шестакова Е. Воспоминания вольнослушательницы // Таллинн. 1982. № 5. С. 105–106.

влечении помощи мужа, женщина не испытывала. Например, в организованной на новых началах семье Е.Н. и А.В. Половцовых муж включался в домашние заботы лишь в тот период, когда жена готовилась к экзаменам²⁹.

Сферы участия женщин из «новых идейных семей» в общественной деятельности были достаточно разнообразны, но, непременно предполагали «интеллектуальность» выбранного труда. Соответственно наиболее востребованными были разного рода литературная, преподавательская и художественная (в основном, музыкантши и художницы) деятельность. С 1870-х гг., когда сложилась сеть женских медицинских учебных заведений, и в страну стали возвращаться студентки, окончившие заграничные университеты, к этим направлениям прибавились медицина и наука. В тех крайне редких случаях, когда «женщина с тенденциями» (как тогда говорили) выбирала для себя работу вроде бы мало интеллигентную, подоплека этого выбора все равно оказывалась глубоко «общественная». Скажем, труд продавщицы был возможен, если речь шла либо об участии в благотворительном базаре, либо если женщина становилась за прилавок книжного магазина. Причем последнее в 1860-е гг. носило, очевидно, демонстративный характер. Недаром, подобная акция, предпринятая А.Н. Энгельгардт, обернулась для ее мужа офицерским судом чести и вынужденным уходом в отставку³⁰. Вместе с тем, стремление к «самореализации» и активной общественной деятельности далеко не всегда сопровождалась желанием и готовностью к *открытому* «попиранию устоев». Многие замужние дворянки, в основном писательницы и журналистки, были готовы (и даже сознательно выбирали такой вариант) работать под «мужским» псевдонимом. Иные и вовсе отдавали свой труд реально существовавшим мужчинам, которые затем выдавали эту работу за свою. Так, Н.А. Белозерская писала переводы исторических романов и научные рецензии для Д.А. Мордовцева³¹. А Э.К. Пименова многие годы готовила обзоры международных новостей в «Гражданине», а затем, стала делать тоже самое и для некоего чиновника из военного министерства, в результате прославившегося на службе своей тщательностью и изумительным знанием вопроса³². Наиболее же частым случаем была «совместная» деятельность мужа и жены, в которой женщина выполняла при супруге функцию секретаря, переводчика, рецензента и т.д., а все «лавры» доставались мужчине. Роль жены в работе мужа практически не была известна современникам, а исследователи деятельности «великих мужчин», как правило, лишь упоминают о некоей помощи, которую им оказывали их супруги. Несправедливость подобной ситуации подметила дочь академика В.И. Вернадского: «Все восхищаются отцом, но мало где кто-нибудь упоминает о роли матери... Если бы не она, кто знает — достиг ли бы отец того, чего он достиг?»³³

Обязательным фактором, обеспечивавшим существование полной «новой идейной семьи» было признание мужем права жены на «работу» и вообще, на «саморазвитие».

---

²⁹ ОР РНБ. Ф. 601 — Половцовы. Д. 58. Л. 221.

³⁰ Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. С. 162.

³¹ Белозерская Н.А. (Надежда Александровна Белозерская, урожденная Ген). Автобиография // Исторический вестник. 1913. Июнь. С. 929–933.

³² Пименова Э.К. Дни минувшие. Л.-М., 1929. С. 179–187.

³³ Вернадская-Толль Н.В. Штрихи портрету // Прометей: Историко-биографический альманах. Т. 15. М., 1988. С. 129.

В случае несогласия мужа с желанием женщины учиться или профессионально заниматься каким-либо делом такая семья, как правило, распадалась. Но сам по себе факт признания мужчиной права женщины на активное участие в общественной жизни никоим образом не отражался на сути внутрисемейных отношений. Соотношение мужчина — глава семьи, а женщина — его товарищ (младший) и помощница — полностью сохранялось, приобретая лишь некоторую специфику. Теперь мужчина более отчетливо мыслил себя ответственным не только за организацию материальной стороны жизни «дома», но и за духовный рост ее членов, в том числе жены. Он — «развиватель», предоставляющий возможность и оказывающий поддержку женщине в ее самореализации, конечно, настолько, насколько она вообще может это сделать. Мужья руководили, а женщины, большей частью, соглашались. Именно такое практически консервативное устройство семейной жизни, во многом противоречащее заявленным феминистическим теоретическим установкам, выявила исследовательница «Приютинского братства», включавшего семьи Вернадских, Гревсов, Ольденбургов и Шаховских, О.А. Еремеева³⁴. Подобные же черты мы находим и в большинстве других «новых идейных семей».

Отчетливо проявляется роль мужа-развивателя и роль жены, послушно следовавшей всем его рекомендациям и осуществлявшей свою деятельность исключительно с разрешения мужа в воспоминаниях и переписке В.Я. и М.Н. Стоюниных. С открытием Высших женских курсов, Мария Николаевна, вышедшая замуж сразу по окончании гимназии, и в середине 1870-х гг. уже «давно» бывшая матерью, захотела поступить в это учебное заведение. Однако муж, который много времени и сил отдал женскому образованию, будучи инспектором Сиротских институтов в Петербурге и Москве, «решительно воспротивился этому, посоветовав мне заниматься самостоятельно и сделав при этом едкое замечание, что женщина может учиться только на школьной скамье с указкой». Жена согласилась с доводами супруга и приступила к «саморазвитию», в котором ей активно помогал муж. Им была составлена программа ее чтения, и вся изученная ею литература становилась предметом обсуждения. Однако М. Стоюнина тяготилась исключительно домашним кругом дел и хотела заняться активной общественной деятельностью. В 1879 году к ней «внезапно пришла в голову мысль открыть гимназию» и она «тот час сказала об этом своему мужу». В.Я. Стоюнин отреагировал на это достаточно показательно — как настоящий «учитель», желающий помочь своему «ученику» принять правильное решение. Он заявил, что ему эта мысль «пришлась по душе», но он не знает, «насколько крепко она утвердилась» у нее, а потому «отвечал, что согласится содействовать» ей «только в том случае», если через год она еще раз повторит ему «о своем намерении». В течение года женщина продолжала тщательно заниматься «развитием» под руководством мужа, но теперь это делалась «не просто так», а в видах будущей педагогической деятельности. Закончив, таким образом, подготовительный период, супруги приступили к открытию учебного заведения, официальным основателем и содержателем которого считалась М.Н. Стоюнина, но в котором активно трудились и другие члены семьи. Последнее вызывало восторг и умиление учредительницы,

---

³⁴ Еремеева О.А. Братья и сестры. «Приютинское братство» как союз мужчин и женщин // Адам и Ева: альманах гендерной истории. 2005. № 10. С. 112–139.

гордящейся своей «новой» и «передовой» семьей: «что может быть лучше для семьи: все члены ее — от старо до велика трудятся над общим дорогим для них делом, все увлечены надеждой на его успех и процветание»³⁵.

В отличие от «новой идейной дворянской семьи», третий тип, условно названный нами «новая практическая дворянская семья», возник, прежде всего, не как следствие проникновения феминистических теорий и концепций, а стал результатом экономических перемен произошедших в жизни первенствующего сословия под воздействием великих реформ и мирового аграрного кризиса. Данный тип, ставший достаточно заметным явлением в 60-е гг. XIX в., к началу XX в. — превратился в доминирующий, заняв лидирующее положение среди всех полных дворянских семей. Внутри-семейное распределение труда в «новой практической дворянской семье» предполагало обязательное участие в поддержании материального благополучия «дома» не только мужа, но и жены. Причем речь здесь идет не об участии в форме внесения в семейный доход некоего имущества или средств, полученных женщиной в форме приданого или наследства, а об активном *«трудовом вкладе»* жены в семейный бюджет. Размер такого вклада в той или иной семье мог варьироваться от небольших сумм идущих «на себя», до полного обеспечения всех членов семейства из заработка женщины. Принципиально важны и мотивы участия жены в добывании средств существования для семьи. Главным, и, нередко, единственным мотивом, была острая нехватка средств. Вот как четко и определенно выразило общее настроение всех этих женщин, жена петербургского чиновника и мало удачливого дельца, О.Г. Базанкур: «Господи, лишь-бы только мне денег! Не знаю, что готова сделать для этого, что угодно, до чего наголодалась и настрадалась! Хотя бы один месяц прожить, не рассчитывая каждого гривенника и каждого извозчика»³⁶.

Сам вклад мог осуществляться тремя способами — работой женщины «в доме»; работой «на дому», и работой «вне дома». Первый из названных способов редко оценивался мужем, да и самой женщиной как вклад в семейный бюджет. Вместе с тем, с одной стороны он занимал все время и отбирал все силы жены, не оставляя ей практически ничего на себя, а с другой — предоставлял возможность семье экономить средства на домашней прислуге и разного рода подсобных работниках (от прачек до водоносов). К данного рода хозяйственной деятельности женщины неприемлемо исключительно понятие «руководства» домашним хозяйством, речь идет о реальном выполнении тех или иных, а то и вообще всех, домашних работ. Мужья все чаще заявляли женам о невозможности содержать несколько человек прислуги, как правило, предлагая ограничиться одной женщиной, которая бы одновременно выполняла функции кухарки, горничной и няни. Демонстрацией востребованности именно таких лиц служит то, что в многочисленных объявлениях о найме, печатавшихся во всех ежедневных и части еженедельных газетах (напр., в «Новом времени» этому разделу был выделен целый разворот), под заголовком «требуется» на разные лады шел перепев одного и того же текста, о том, что в семью требуется прислуга, которая будет работать «одна». Вместе с тем, «качественная прислуга», во-первых, стоила очень дорого и, во-вторых, всегда имела «специализацию», т.е. поступив на

³⁵ ОР РНБ. Ф. 744 — В.Я. Стоюнин. Д. 302. Л. 1–14 об. См. также. Д. 112–113.

³⁶ ИРЛИ РАН. (Пушкинский дом). Ф. 15 — О.Г. Базанкур. Д. 3. Л. 110.

место кухарки или няни, она выполняла только свое дело и ничего более. Те же женщины, которые готовы были работать «одни» да еще за небольшие деньги, в большинстве своем ничего толком не умели, да им и не под силу было выполнять все домашние работы сразу. Недаром практически в каждом дневнике небогатого дворянина, и тем более, дворянки исследуемого периода обязательно содержится красочная «филиппика», посвященная нерадивой прислуге — она и ничего не умеет, и ни в чем не успевает, и много стоит, и портит вещи, да к тому же «наглая» и «дура».

Выход из данной ситуации конкретная дворянская семья находила свой, но, как правило, после смены 5–6 «вариантов» в поисках «хорошего», выбирался один из двух возможных исходов. Либо принималось решение взять «специализированную» прислугу, чаще всего кухарку или няню, либо хотя находящаяся в услужении женщина и значилась как «одна», но на деле она выполняла не всю домашнюю работу, а лишь часть ее, заранее оговоренную с «хозяйкой». На деле это означало такую ситуацию, при которой всё, что не делалось прислугой, должно было выполняться самой дворянкой, вынужденной взять на себя тот или иной вид домашнего труда и, выбрав то, что ее более устраивало, самой ухаживать за детьми, убирать комнаты, стоять у плиты, закупать продукты и даже дрова, а, тем более, полностью обшивать домашних. Иногда же результатом «войны с прислугой» становилось решение свести до минимума использование наемной рабочей силы и передать все домашнее хозяйство жене. Подобная история предстает перед нами со страниц дневника неизвестного чиновника (предположительно П. Вишневого). Этот источник особенно интересен тем, что дает нам возможность оценить представление мужа о степени тяжести выполняемой женой работы по дому и по уходу за маленькими детьми. Семья в составе двух родителей, двух маленьких детей — четырех и двух лет — и одного новорожденного младенца, проживала в отдельной части большого дома и имела в своем распоряжении шестикомнатную квартиру. Женщина сама занималась уходом за детьми, а все прочие домашние работы были переданы «одной» прислуге и поденщице. Однако отношения хозяев и «наемной» никак не складывались — прислуга менялась практически ежемесячно. Наконец муж принял решение кардинально изменить схему распределения домашних обязанностей. К пятимесячной девочке была нанята няня, а все остальное было перепоручено жене. На нее же была возложена и так называемая «грязная» работа: «дрова, помои, мытье полов и пр.», за исключение лишь стирки, что должна была делать прачка. За счет этого предполагалось «выгнать» 10–12 р. в месяц, и, к тому же, избавиться от «ежедневных мелочных дрызг из-за лени, пьянства, неаккуратности, грубости и проч. прелестей и атрибутов современной городской прислуги». Однако на практике все оказалось не так хорошо как мыслилось изначально. Уже через месяц после перехода к новому распределению труда в семье разыгралась трагедия — умерла младшая, полугодовалая дочь чиновника. Отец сразу же обвинил во всем происшедшем жену, предавшую уход за ребенком няни, хотя она «вполне» могла это делать сама: «Если бы за Евфалией ухаживала сама мать, и с <...> заботливой предусмотрительностью, руководствуясь в своих действиях указаниями и советами знающего и понимающего отца, то быть бы Евфалии и сейчас на белом свете... А то огрубевшая и измельчавшая в домашних дрызгах мать возмечтавшая о себе, что она во всем гораздо больше мужа

знает и понимает — и вот ей доказательство! <...> Первые два ребенка рождено гораздо слабее умершей Евфалии, также были опасно больны, и жизнь их висела вообще на тонком волоске, и все таки они живы и здравствуют...Ну, если жена уверена, что она умнее и опытнее мужа, то пусть и живет своим умом. А мне после того нет дела ни до нее, ни до детей ее...»³⁷.

Промежуточное положение между работой «в доме» и работой «на дому» занимал широко распространенный среди замужних дворянок 60-х гг. XIX в. — начала XX в. труд квартирной хозяйки. С одной стороны женщина, сдававшая комнату и «стол» делала практически то же, что и хозяйка, обслуживавшая потребности исключительно своей семьи. Она также делила домашние обязанности со своей прислугой, выполняя ту или иную часть работ по дому. Но с другой стороны, данный труд имел принципиальное отличие — постоялец платил за проживание какие-то деньги, которые и женщиной и ее мужем однозначно признавались «заработком жены». Таким образом, совершенно не видеть эту работу было невозможно, ведь она приносила доход. Это давало возможность женщине значительно более высоко оценивать свое место в доме, чем если бы она «не содержала жильца». И домашний труд выступал уже никак малозначительная обязанность, а как «настоящая» работа. И даже можно было посетовать о том, что одной жить было бы легче: «Будь я одна — ничего не страшно, а когда за спиной двое мужчин (один — муж, другой — квартирьерщик. — *В.В.*) — это значит, что обязательно они должны жрать по несколько раз в день и N количество пищи... То дрова закупаю, то с прислугой воюю, то чулки штопаю, то всякое тряпье чиню да выворачиваю на новый лад»³⁸.

Второй вид работы замужней дворянки — работа «на дому» — в большинстве своем выступала как «подручный» заработок и предполагала возможность получать денежный доход за счет труда в «свободное время». Характерно, что в эту группу входил как ручной труд (шитье, вышивание, расписывание посуды и т.д.), причем вещи могли производиться и на заказ — под конкретного клиента, и на продажу — изделия выставлялись на ярмарках или сдавались в магазин, так и «интеллектуальный». В последнем случае речь шла о переписывании разного рода материалов, помощи в составлении документов и прошений, переводах для частных лиц и небольших контор. Характеризуя данный вид заработка, необходимо подчеркнуть, что, как правило, дворянка не оценивала свою деятельность как участие в общественном производстве (что было характерным признаком «новой женщины»), а просто использовала все свои умения и навыки для «приискания средств». Более того, такой «интеллектуальный труд» и она, и ее муж находили занятием «вполне приличным для женщины»³⁹. И неважно, что чаще всего вырученные средства шли не на «шпильки», а на покупку еды, все равно семья видела в работе женщины прежде всего «хобби».

Третья группа — работа «вне дома» — в 60–80-е гг. XIX в. большей частью была характерна для «одиноких женщин», к которым относились не только девицы и вдовы, но жившие отдельно от мужа замужние дворянки. Женщины же из полных

---

³⁷ ОР РНБ. Ф. 1362 — Лазаревский В.М. Д. 71 а. Л. 9 об.-11об.

³⁸ ИРЛИ РАН. (Пушкинский дом). Ф. 15 — О.Г. Базанкур. Д. 3. Л. 62.

³⁹ ОР РНБ. Ф. 698 — П.Г. Скалдина-Скальдина. Д. 2. Л. 109об.

семей, несмотря на своей «семейный» статус продолжавшие делать «карьеру», преимущественно являлись представительницами «новых идейных семейств». Однако со второй половины 1880-х гг. ситуация начинает меняться. К этому времени уже появилось достаточное число «обыкновенных» девушек, получивших стараниями родителей, иногда вопреки собственному желанию, то или иное профессиональное образование. Причем часть из них до выхода замуж уже успела прослужить на каком-то «месте», привыкнув иметь свой собственный заработок. Редко кому из них замужество сулило золотые горы. Поэтому жене часто было «жалко» отказываться от дохода, которое приносила ей работа акушерки, журналистки, учительницы и т.д. Для служащих же государственных учреждений дополнительным стимулом продолжить работу выступало желание сохранить за собой и будущими детьми права на пенсию. И если этих представительниц «интеллектуального труда» еще можно заподозрить в стремлении работать не только из-за денег, но и ради «интереса», то последнее мало вероятно в случаях, когда замужняя дворянка тратила свое время и силы на работу в конторе, магазине, столовой и т.д. А число последних постоянно росло, так что к концу XIX в. заявление дворянки о том, что они вместе с мужем открыли мебельный магазин, где и торгуют по очереди, уже никого не могло ни удивить, ни шокировать⁴⁰.

Важнейшей типологической чертой «новой практической семьи» являлось то, что ее члены, в подавляющем большинстве случаев, не считали ее «новой». Если в «новых идейных семьях», несмотря на патриархальную в целом структуру супружеских отношений, сам факт работы жены или даже возможность ее простого «саморазвития» оценивались как удар по устоям, как демонстрация новых, товарищеских взаимоотношений между мужчиной и женщиной, то «практические семьи» видели в том же самом «временное явление». И муж, и жена, надеялись, что «все, наконец, образуется», может мужчина начнет получать «достаточную» зарплату, может, откуда-нибудь, «ну хотя от тети Ани или Нат. Ив.»⁴¹ достанется наследство, а может еще как-нибудь появятся деньги. В этом гипотетическом случае жена должна была прекратить работать, а в доме должно было появиться необходимое число пусть дорогой, но «хорошей прислуги». И все стало бы «как надо». Некоторые женщины предпринимали для достижения своего семейного идеала даже определенные шаги. Так, например, О.Г. Базанкур «собрала все свое мужество и энергию, поехала к Горемыкину» просить о назначении своего мужа. «Сначала он было ответил решительным отказом, но я все-таки продолжала свой разговор <...> говорю теперь вот муж просится в экспедицию заготовки гос. бум. Не могли бы Вы замолвить словечко князю Голицыну?» Характерно, что предпринятые ею действия оказались в итоге вполне успешными — муж получил новую должность. Правда и с повышением заработка главы семьи все равно не хватало для того, чтобы жена могла отказаться от роли квартирной хозяйки⁴².

Итак, 60–80-е гг. XIX в. стали поворотным пунктом в жизни дворянской семьи. Изменения коснулись двух аспектов супружеских отношений. С одной стороны зна-

---

⁴⁰ РГИА. Ф. 1412. Оп. 212. Д. 61. Л. 16.

⁴¹ ИРЛИ РАН. (Пушкинский дом). Ф. 15 — О.Г. Базанкур. Д. 3. Л. 110.

⁴² Там же. Л. 159–165 об.

чительно возросло число разъездов супругов, причем как по идейным, так и по финансовым соображениям. А с другой стороны, к существовавшему ранее «старому» типу внутрисемейного распределения труда супругов, прибавилось еще два «новых». Вместе с тем, суть патриархального уклада дворянской семьи, строящейся на признании главенства мужа, вне зависимости от того, является ли он единственным «добытчиком» или жена также (или даже исключительно) участвует в «приискании» средств к существованию, не подверглась практически никакому изменению.

С 80-х гг. XIX в. начинается лавинообразный рост числа разъездов супругов, отголоски которого прослеживаются по материалам Канцелярии прошений. Только с 1881 по 1886 гг. количество обратившихся в это учреждение за отдельным видом на жительство женщин возросло более чем на порядок и составило около 1500 чел. в год⁴³. При этом среди дворянок процент просительниц был самым высоким⁴⁴. Однако к «монаршей милости» люди «припадали» только в самых крайних, исключительных случаях. В большинстве своем «разъезды» осуществлялись без привлечения суда и администрации, а в данные органы заинтересованные лица обращались уже после того, как совместная жизнь супругов закончилась, да и то, если остались неразрешенные вопросы (об отдельном виде, о содержании, о детях и т.д.).

В эти же годы начинается медленное, а затем все более и более ощутимое увеличение числа разводов, прежде всего, по прелюбодеянию. Так, в 40–50-е гг. XIX в. количество разводов по прелюбодеянию исчислялось единицами и не имело тенденции к росту. За десятилетие с 1841 по 1850 г. по данной причине был оформлен 31 развод. Причем были годы, когда ежегодно происходил всего 1 развод (1842, 1849), а были такие, когда их число доходило до 7 (1841). Крайне малые цифры и отсутствие в их колебаниях какой-либо закономерности указывали на случайный характер данного явления. В следующее десятилетие (1851–1860 гг.) существенных изменений не произошло: было совершено 33 развода, причем и в эти годы ежегодное их число могло колебаться в промежутке от 1 до 7. Ситуация начала меняться с середины 1860-х гг., когда четко проявилась тенденция к буквально пошаговому росту количества разводов в связи с прелюбодеянием: в 1866 г. — 11, в 1867 — 17, в 1868 — 19, в 1869 — 28, в 1870 — 47, в 1871 — 58. Всего за десятилетие с 1867 по 1876 г. по данной причине было разведено 450 супругов. В следующие 10 лет (1877–1886) было уже 1202 развода, т.е. произошел рост в 2,7 раза. Серьезно изменилось и соотношение между поводами к разводу. В 1867 г. из всех разводов по прелюбодеянию состоялось только 2%, в 1886 г. — уже 12,7%⁴⁵.

В начале же XX в. преобладание разводов по прелюбодеянию стало подавляющим: с 1905 по 1913 г. произошло 23087 православных развода, из которых 18801 (97,4 %) — по прелюбодеянию. Причем и в рамках указанного периода мы наблюдаем ежегодное лавинообразное увеличение расторжений брака по прелюбодеянию: от 1216 в 1905 г. до 3430 — в 1912 г. Таким образом, только за 8 лет произошел рост в 2,8 раза⁴⁶.

⁴³ РГИА. Ф. 1412. Оп. 241. Д. 15. Л. 95 об.-96 об

⁴⁴ Там же. Л. 46б.; Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 Января 1897 года. СПб., 1905. Т. 1. С. 216–217.

⁴⁵ РГИА. Ф. 1412. Оп. 241. Д. 22. Л. 64..

⁴⁶ Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств на 1916 год. Пг., 1916. С. 43.

Именно развод по прелюбодеянию в связи с особенностями русского законодательства и существовавшей практики был в наибольшей степени востребованным дворянами способом официального прекращения брачного союза. Ведь, во-первых, «организовать» развод могли позволить себе лишь достаточно обеспеченные люди, имевшие связи и определенный образовательный багаж. Во-вторых, оценка развода по иску, как явления «неприличного», напрямую зависела от степени его распространности в той или иной среде: чем чаще встречался развод в данной социальной группе, чем более терпимо к нему относились, тем, следовательно, более он распространялся. В-третьих, серьезным фактором являлась частота общения людей с иностранцами (европейцами), и качество влияния на членов данной социальной группы западных норм, правил, обычаев поведения. Чем чаще выезжали люди за границу, чем больше времени там проводили, тем, следовательно, более спокойно относились к уже достаточно широко распространенным в Европе разводам, принося такой же взгляд на родину. Все факторы, действуя в комплексе, приводили к тому, что в наибольшей степени развод по прелюбодеянию был распространен среди дворян и верхушки городских сословий.

На наш взгляд, причиной бурного роста количества разводов и даже разводов в дворянской среде стало то, что к уже выявленным нами двум факторам, мешавшим сохранению стабильности супружеских отношений — материальным проблемам и влиянию «новых веяний», прибавился еще один — новый характер заключения брака и связанное с ним переосмысление роли «любви» в супружеских отношениях. Именно со второй половины 1870-х гг. дворяне формируют идеологию брака по свободному выбору и взаимной склонности. К концу же века эта идеология становится общепринятой и господствующей. В результате первые «плоды» самостоятельного брака дают о себе знать через 5–10 лет после начала его заметного распространения, а наиболее очевидные результаты проявляются в начале XX века.

Создав семью по «любви», молодые люди мечтали о сохранении в ней существовавших до брака взаимоотношений. Высокие требования к поведению партнера в семье, нежелание мириться с его «недостойными поступками» значительно усложняли межличностные отношения супругов. Если любовь ушла, и рядом оказался «чужой человек», то образованную по «склонности» семью ожидали тяжелые испытания. В большинстве случаев, не реализованные мечты о «личном счастье», ставшем столь значимой частью жизни человека, выплескивались в стремлении создать новую семью, пусть даже не оформленную официально, но строящуюся «на любви». В такой ситуации, пожалуй, только «параллельная семья» могла стать для мужчины альтернативой открытому разводу. Для женщины же главным препятствием к разрыву отношений, как правило, являлись соображения «приличия» и страх оказаться без поддержки и помощи со стороны «кормильца». Однако эти доводы оказывались все менее действенными по мере того как с одной стороны возрастало число «разноживших семейств», что делало это явление вполне «допустимым», а с другой, все большее число дворянок на практике убеждались в возможности обеспечить себя и даже детей из самостоятельного заработка. Если же речь шла уже не только об «утрате любви», но и о жестоком обращении, пьянстве, развратном поведении, и прочих ранее вполне понятных «мужских недостатках», то сохранение даже видимости подобной семьи становилось все менее вероятным.

При раздельном проживании супругов статус женщины значительно изменялся. Она уже не являлась исключительно «помощницей и товарищем» мужа. И вопросы «хозяйства», и проблемы «обеспечения» в одинаковой степени становились предметом ее заботы. Материальные трудности, которые в отличие от вдов замужние женщины, жившие отдельно от мужа не могли даже частично переложить на государство или общество, вынуждали их искать любой заработок. Таким образом, для раздельных семей нормой постепенно становилась работающая дворянка, а редким исключением — женщина, имевшая возможность посвятить себя исключительно «дому». Однако, несмотря на формировавшуюся привычку рассчитывать исключительно на себя, и эти женщины, и мужчины, оценивали такую «самостоятельность», как явление вынужденное и «ненужное» в «нормальных условиях» «хорошей семьи». Неудивительно поэтому, что и в начале XX века даже многие высокообразованные дворянки, привыкшие жить без опоры на «мужское плечо», все равно продолжали исповедовать идеи, характерные для их бабушек, говоря о том, что женщина может быть «лишь каменщиком — перекладывать камни под руководством мужчины, который знает, зачем это делается»⁴⁷.

С началом Первой мировой войны, возросла как заинтересованность замужних дворянок во внедомашнем труде, так и потребность общества в такого рода их деятельности. Наблюдатели, с удивлением замечая, как женщины замещают мужчин всюду, от университетских аудиторий до места кондукторов конок, говорили о том, что «наступает, хотя и против воли, бабье царство»⁴⁸. Но если и в мирные годы, несмотря на широкое участие замужних женщин в обеспечении семьи подобные действия в большинстве своем оценивались дворянским обществом как явление «временное», то война еще более усилила ореол «исключительности» над этой уже давно ставшей повсеместной, нормой.

Итак, в течение второй половины XIX — начале XX веков в супружеских взаимоотношениях в дворянской семье произошло два крупных изменения. С одной стороны, значительно ослабла прочность семьи, разъезды приобрели массовый характер, а количество разводов, вопреки невероятной сложности их осуществления стало ежегодно измеряться тысячами. С другой стороны, видоизменилось внутрисемейное распределение труда в дворянских семьях за счет расширения участия замужних женщин в их материальном обеспечении. Характеризуя этапы этой эволюции, необходимо выделить следующие основные рубежи:

— середина XIX в. — дворянская семья представляет собой достаточно стабильное образование с крайне редкими разъездами и, единичными разводами супругов. Внутрисемейное распределение обязанностей строится на практически исключительном участии мужа в общественной деятельности и добывании материальных средств, в то время как в сфере деятельности жены включено управление домашним хозяйством;

— 60–70-е гг. XIX в. — возрастает число разъездов супругов, преимущественно под воздействием «новых веяний» и материальных проблем. Во внутрисемейном распределении отношений формируются три типа — наряду со все еще господству-

---

⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 326 — Е.П. Казанович. Д. 18. Л. 15–17.

⁴⁸ РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 40. Л. 49 об.

ющей «старой дворянской семьей», появляются «новая идейная дворянская семья» и «новая практическая дворянская семья».

— 80–90-е гг. XIX в. — разводы супругов становятся повсеместным явлением, начинается рост числа разводов по прелюбодеянию. Главным фактором семейной нестабильности является изменение характера дворянского брака и вызванное этим переосмысление роли «любви» в семейных отношениях. «Старая дворянская семья» сдает позиции двум новым типам, среди которых в данный период все же нет определенного лидера.

— начало XX в. — разводы супругов приобретают массовый характер, развод перестает быть исключительным явлением. Основным типом внутрисемейного распределения обязанностей становится «новая практическая дворянская семья»;

— Первая мировая война — усиление всех отмеченных выше явлений. В рамках «новой практической семьи» наиболее востребованным способом «трудового вклада» замужней женщины в семейный бюджет становится ее участие во внедомашней производственной деятельности.

Наряду с выявленными выше серьезными изменениями в жизни дворянской семьи в указанный период произошла консервация патриархального идеала супружеских отношений, строящегося на идее взаимной помощи и поддержки со стороны мужчины — главы семьи и женщины — его младшего товарища и помощницы.

СОСЛОВИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ В РОССИИ

КУПЧИХА ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В 60–90-х ГОДАХ XIX ВЕКА В СЕМЬЕ И СЕМЕЙНОМ БИЗНЕСЕ¹

Е. Н. МЕНЬШИКОВА

Любая женщина, воспитанная в семье купеческого сословия Центрального Черноземья России, с детства знала, что ей непременно надо выйти замуж. Сам брак представлялся той сферой, вне которой купеческая женщина не могла существовать, заключение его - критерием жизненного успеха. Российское семейное законодательство второй половины XIX века переводило данное представление в правовую плоскость: главная обязанность родителей по отношению к дочерям состояла в том, чтобы по достижении надлежащего возраста отдать их в замужество².

Удачное замужество, по распространённому в женской купеческой среде суждению, могло принести женщине весомые дивиденды: самостоятельность, «защиту от обидчиков», «довольство и спокойствие, радость материнства; только в браке женщина «могла достичь своего высшего развития, полнейшего расцвета»³, «только в пределах мирной домашней жизни душа женщины могла развиваться благотворно и безопасно»⁴. Всё предшествующее этому событию время жизни девушки из купеческой среды посвящалось подготовке к выполнению в будущем функций жены, матери, хозяйки дома.

Не стоит забывать и того, замужество в то время было для женщины единственной альтернативной возможностью освобождения от всеобъемлющей, порой принимающей тираническую, форму власти отца. Но создание собственной семьи не избавляло личность женщины от мужской власти вообще. В сущности, вся протяжённость семейной жизни купчихи сопровождалась подчинением мужчине — мужу, а в случае его смерти — старшему сыну. Такая жизненная зависимость от мужчины осознавалась в полной мере: «Молода — так отцу <...> работница, а выросла да замуж отдали — так мужнина раба беспрекословная»⁵. Подчинение основывалось на представлении о мужчинах как о более развитых существах, на долю которых приходилось выполнение «трудных и тяжёлых занятий». «Без мужского ума не проживёшь!», «Мужики всем владычат, у них забот больше нашего, они вон строят церкви, фабрики» — так рассуждали купчихи⁶. В патриархальном обществе подобные рассуждения соответствовало

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Эволюция женского мира купеческого сословия Центрального Черноземья в 60–90-е гг. XIX в.», проект №06-01-55104а/Ц.

² Свод законов Российской Империи. Том X. Ч. I. / Сост. И.М. Тютрюмов. СПб., 1900. Ст. 92.

³ Бюхнер Л. Призвание женщины и её воспитание. СПб., 1857. — 123 с. — С. 91

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Островский А.Н. Горячее сердце. Сочинения в 3-х т.: Пьесы / А.Н. Островский. М., 1987. Т. I С. 141.

⁶ Горький М. Дело Артамоновых. — Петрозаводск: Карелия, 1972. С. 57.

представлению о второстепенности женского пола, о чем неустанно говорят в нынешнем, XXI веке, исследователи гендерных композиций предшествующих эпох⁷.

Сами женщины купеческого сословия, по сути, не претендовали в своей семейной жизни на право проявить свою индивидуальность. Основы их семейного воспитания предполагали подчинение мужчине, жизнь без мужской власти над собой они считали неполноценной, сродни сиротству. Эта установка объясняет и природу уничижительного представления о женщинах, не сумевших выйти замуж. Девушки после 25 лет в купеческой среде считались засидевшимися в невестах. Не вышедшую (несмотря на обеспеченность солидным приданым) по каким-либо причинам замуж женщину ожидала незавидная судьба — «весь век скитаться в девках»⁸. Она становилась обузой для купеческой семьи, вызывала сожаление, презрение многочисленных родственников и соседей. В семейной иерархии такая женщина занимала более низкое положение по сравнению с тем, какое имела, будучи невестой.

В купеческой среде Курской и Воронежской губерний в 60–90-е годы XIX века было принято выдавать замуж дочерей в 18–20-летнем возрасте. Вошедших в «невестины лета» дочерей стремились выдать замуж пораньше. Считалось, что устройство жизненной карьеры дочери требует гораздо больших затрат, нежели воспитание сына. «С дочерьми только хлопоты: и деньги на них трать» — такое рассуждение было типично для представителей купечества⁹. Немаловажным аргументом в удачном заключении брачного союза в купеческой среде выступала репутация девушки-невесты. Отцы купеческих семейств полагали, что, воспитывая дочь в строгости, сохраняя её от греха «по глупости осквернить девство», можно с выгодой отдать её замуж, тем самым сделать «великое дело». В дальнейшем невинностью своей дочери было не стыдно «и в любом обществе похвалиться»¹⁰.

При выборе партии для дочери родители руководствовались соображениями экономической целесообразности будущего брачного союза. Заботы обоих родителей девушки сводились к поискам «хорошего человека», чтобы её «поскорее пристроить», а таковым считался человек, у которого «водились денежки, да приданого поменьше ломил»¹¹. Стратегические расчёты в отношении будущего мужа для дочери осуществлял отец, практические шаги в данном направлении предпринимала мать. Местные купчихи в этом деле обращались к услугам «матримониальных дел мастериц» — свах. Во многих купеческих семьях сваха считалась «первобытной, миллион раз осмеянной и всё-таки живущей формой брачной конторы»¹². Но она была частой посетительницей купеческих домов с живущими в них девушками-невестами и, как никто дру-

---

⁷ Современный австралийский исследователь Роберт Коннелл ввел в современное гуманитарное знание понятие «*гендерной композиции*», обозначающее совокупность практик повседневного (взаимо)действия и структурных условий. Гендерная композиция, по Р.Коннелу, возникает как совокупность стратегий, осуществляемых в рамках конкретно-исторических взаимодействий и формирования социальных групп. (Connell R. Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics. New York, 1987. P. 116–117).

⁸ Наше купечество и торговля с серьёзной и карикатурной стороны. Вып. 3. М., 1867. С. 104.

⁹ Там же. С. 106.

¹⁰ Домострой / Сост., перевод, статья В.В. Колесова. СПб., 2000. С. 33.

¹¹ *Островский А.Н.* Свои люди — сочтёмся // Островский А.Н. Сочинения в 3-х т.: Пьесы. М., 1987. С. 40.

¹² Сведения о купеческом роде Вишняковых (1762–1847), собранные Н. Вишняковым. Ч. II. М., 1905. С. 50.

гой, могла представить в положительном свете своих клиенток — купеческих дочерей, акцентировать внимание женихов на достоинствах невест — указать на их материальную обеспеченность. Вот почему помощь свах была востребована.

Выгода от женитьбы на купеческой дочери была очевидна. В случае успешного исхода добрачных переговоров жених получал чаще всего внушительное приданое, так что купеческая дочка всегда рассматривалась как источник получения прибыли. В уста героя литературного произведения 60-х годов XIX века вложены слова: «Здесь сидят откормленные куски, сытые и жирные куски: одна есть в триста тысяч, блондинка; есть вдовушка — красивая женщина и фабрика, товар идёт отлично и денег куча»¹³. В купеческой среде были нередки и обманы с приданым, о чём немало говорилось в художественных произведениях того времени, написанных авторами-дворянами в ироничном свете. Случалось так, что «по купеческому обыкновению» родители, пообещав дать за дочерью определённую часть своего имущества, оттягивали его выплату до свадьбы и, в конце концов, ничего не давали. Несомненно, «эти ловкие операции портили отношения людей, влияли на судьбу молодой жены, которая не [была] повинна в этом обмане»¹⁴. Обман с приданым впоследствии мог стать «источником бесконечных укоров и семейных сцен самого грубого свойства»¹⁵.

Девушка из купеческой семьи связывала с претендентом на свою руку ожидания на создание такой модели супружеских отношений, которая основывалась бы на существовании взаимной приязни, говоря современным языком, рассчитывала на психологическую совместимость и недопустимость такого способа разрешения семейных разногласий, как насилие.

Что касается женского определения мужской привлекательности, бытовавшего в купеческой среде Центрального Черноземья исследуемого периода, то к внешним коррелятам идеала спутника жизни относились такие разнородные свойства, как физическая сила, здоровье, представительность, «незлобивость характера», благочестие, финансовое благополучие, проявляемое в «широком ведении дома». Не на последнем месте в данном ряду стояли приверженность трезвому образу жизни, пренебрежение азартным играм и «распутству».

Анализ посемейных списков купцов, потомственных и личных Почётных граждан Курской и Воронежской губерний показал, что подавляющее большинство купеческих женщин являлись многодетными матерями. Нередко число детей в купеческих семьях превышало десять человек. Межродовое время составляло в ряде случаев всего несколько месяцев и совпадало с лактационным периодом женщины. Так, согласно данным за 1894 год, белгородская купчиха почётная гражданка 57-летняя Мария Фёдоровна Гуреева имела 10 детей (шесть сыновей и четырёх дочерей)¹⁶. Своего первого сына Ивана она родила в 1859 году в возрасте 22 лет; последних детей — сына Сергея и дочь Неонилу — в 1872 году, когда ей было 35 лет. В итоге за 13 лет в семье Гуреевых родилось 10 детей. Из того же источника доступны сведения о количестве детей в

¹³ Ушаков А. Из купеческого быта. Ч. I. М., 1852. С. 8.

¹⁴ Сведения о купеческом роде Вишняковых (1762–1847), собранные Н. Вишняковым. Ч. II. М., 1905. С. 44.

¹⁵ Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина. / М.Е. Салтыков-Щедрин. М., 1950. С. 4.

¹⁶ Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. 22. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.

купеческой семье Глушецких¹⁷. Купчиха Мария Гавриловна Глушецкая к 46-летнему возрасту в 1894 году имела семерых детей. Свою первую дочь она родила в 24 года, последнего сына Владимира — в 45 лет, то есть репродуктивный период растянулся на 21 год. У 2-й гильдии купеческой жены Антонины Васильевны Лавровой в 38 лет было уже девять детей: своего первенца она родила в 20 лет, последнего ребёнка (на момент составления списков) — в 36 лет¹⁸.

В посемейных списках рыльских купцов за 1863 год также зафиксировано немало многодетных, по современным представлениям, семей. Так, у 44-летней 2-й гильдии купчихи Татьяны Ивановны Мальцевой было семеро детей, старшему из них было 18, младшему — 5 лет¹⁹. А 3-й гильдии купчиха Авдотья Фёдоровна Жижина имела шестеро сыновей, родившихся в течение 21 года (первый ребенок был рождён в 1819 году, последний — в 1840 году)²⁰. Восемь детей имела борисоглебская 3-й гильдии купчиха Прасковья Фёдоровна Гаврилова; девять — Наталья Семёновна Ефимова, Ирина Яковлевна Клачкова, одиннадцать — Марья Никифоровна Морчукова; двенадцать — Ирина Евдокимовна Иванова²¹.

Частота деторождения в купеческих семьях во многом была связана с принадлежностью (в своей основной массе) чернозёмного купечества православной конфессии и неприменением методов искусственного регулирования рождаемости. Таким образом, зачастую процесс деторождения в купеческих семьях растягивался на весь биологически заданный репродуктивный период женщины.

Ещё один штрих в картину семейной жизни купеческой женщины Центрального Черноземья в пореформенный период добавляет исследование психоэмоциональной стороны семейных отношений. Отношения между мужем и женой в купеческой семье были весьма разнообразными, охватывали широкий спектр человеческих эмоций — от любви и уважения до острой неприязни, даже до ненависти. У кого-то в семье были мир и любовь, взаимная заинтересованность и эмоциональная близость, у кого-то же наблюдалось полное равнодушие друг к другу, подчеркнутое неравенство, подчиненность женщины.

Воспитываемые с детства у женщины купеческого сословия Центрального Черноземья покорность и почтение к старшим, к мужчине как олицетворению силы со временем трансформировалась в сложный комплекс чувств, испытываемых к мужу. Одной из отличительных черт их был страх. Сами же мужчины-купцы полагали, что «бабе — всякой и всегда — страх на пользу»²².

Неограниченная власть в купеческом семействе, принадлежащая мужчине, охотно им подчёркивалась. Часто в купеческих домах без мужчин «ничего не делалось, будь это существенное или мелочь»²³. И внешними проявлениями самодержавного начала в купеческом семейном строе были такие ситуации, когда женщине в отсут-

¹⁷ Там же. Л. 30.

¹⁸ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 28.

¹⁹ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 299. Оп. 1 Д. 746. Л. 174.

²⁰ Там же. Л. 245.

²¹ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 135. Оп. 1. Д. 225. Л. 1–117.

²² *Островский А.Н.* Не всё коту масленица. С. 389.

²³ Сведения о купеческом роде Вишняковых (1762–1847), собранные Н. Вишняковым. Ч. II. М., 1905. С. 147.

стве мужа не разрешалось выезжать из дома (даже в церковь), навещать своих родственников и прочее. Неподчинение женщины правилам, принятым в купеческих домах, расценивалось как нарушение семейной дисциплины.

Нередко страх был вызван угрозой применения физического насилия. Парадоксально, но женщины купеческого сословия, подвергавшиеся воздействию физической силы, не считали это чем-то экстраординарным. Подобное «мужнино ученье» было вполне допустимо в отношениях между мужем и женой и социально не осуждаемо. Вообще во многих литературных произведениях пореформенного периода, авторами которых являлись представители дворянства или выходцы из интеллигентской среды, о купчихах отзывались не иначе как о существах страдательных, вынужденных подчиняться «всем этим патриархальным порядкам по необходимости»²⁴, более того, «по понятию большинства» считалось, что «жена у купца — раба»²⁵.

Существует и диаметрально противоположный взгляд на роль женщины в супружеских отношениях в купеческой среде²⁶. Источники личного происхождения и художественная литература сохранили и обратные примеры — доминирования женщины в личностных отношениях между супругами. Часто возвышение купчихи при живом муже вызывалось тем, что муж в силу личностных характеристик (слабоволие, нерешительность и пр.) и поведенческих особенностей (расточительство, пьянство, пристрастие к азартным играм и т.д.) не был способен успешно управлять семейным делом, быть деятельным хозяином домашнего обихода. В таких случаях женщина, от природы обладавшая сильным характером и «приобретательными» способностями, брала на себя «деловую сторону» семейной жизни и становилась сущей «командиршей в доме»²⁷.

Такие женщины исподволь завоёвывали себе полную независимость в браке, подчиняя своей воле «плохонького» мужа²⁸. Любопытно, однако, что в таких случаях купеческая женщина тяготилась взятой на себя «силою» и сожалела по поводу отсутствия рядом настоящего, мужского влияния и защиты.

Женщина купеческого сословия Центрального Черноземья в пореформенный период играла решающую роль в духовной коммуникации членов всего купеческого семейства, от неё зависела эмоциональная окрашенность внутрисемейных отношений. Немалый интерес поэтому представляет доступный для изучения (благодаря хорошо сохранившимся письмам белгородской купчихи почётной гражданки Марии Ивановны Слатиной своим родителям) пример многолетнего поддержания женщиной-купчихой родственных связей²⁹.

В переписке дочери с родителями в первую очередь заметна частота обмена письмами. Так, за время с января по май 1872 года их было написано четырнадцать.

Во-вторых, заслуживает внимания информационная насыщенность писем, разнообразие их тематики — от поздравлений с праздниками (Новым годом, Рождеством,

²⁴ Наше купечество и торговля с серьёзной и карикатурной стороны. Вып. 1. М., 1865. 185 с. С. 42.

²⁵ Там же. Вып. 2. М., 1886. С. 6.

²⁶ См., например: *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь в доиндустриальной России. X — начало XIX в. Невеста, жена, любовница. М., 1997 (глава «„Любозная картина вседневного счастья...“ (Повседневный быт женщин разных социальных слоев в XVIII — начале XIX в.)

²⁷ *Салтыков-Щедрин М.Е.* Указ. соч. С. 24.

²⁸ *Михневич В.* Москвичка. СПб., 1891. С. 141.

²⁹ ГАКО. Ф. 724. Оп. 1. Д. 67, 69.

Пасхой, днями рождения и именинами и др.) и сообщений о самочувствии домочадцев, ходе домашних дел (в письме от 14 января 1874 года Мария Слатина делилась с родителями приятной новостью: её сын Александр получил новую должность — Белгородское общество избрало его директором банка³⁰), предпринимаемых деловых командировках до извещения о пожарах, случившихся в Курске в 1872 году³¹.

Перечисленные моменты свидетельствуют о крепкой душевной привязанности дочери и родителей, других членов семьи (невзирая на объективные препятствия, вызванные переездом Марии Ивановны в Белгород после замужества). Вербально эмоциональная близость купчихи Слатиной и членов семейства Гладковых выражалась в проявлении заботы, в подчёркнуто вежливых формах обращения: к родителям — «любезнейший папенька и милая дорогая маменька, с истинным почтением, имею честь быть вашей покорнейшей слугою», «любящая вас и уважающая всей душой, дочь ваша» и др.; к мужу — «Илюша», «Илинька», «милый и любезный друг души моей», «любящая вас сердечно супруга ваша, друг вечный», «целую вас без счёта, милый мой супруг, и остаюсь всегда послушная жена и верная супруга, душой и сердцем преданная».

Как главная семейная воспитательница купеческая женщина отвечала за исполнение членами семьи всех элементов религиозной жизни — ежедневных молитв, соблюдение постов, регулярное посещение церковных служб и др. Она же была ответственна за отношения с многочисленным духовенством, приём которого входил в понятие хорошего тона среди богатого чернозёмного купечества. В пореформенное время священнослужители были частыми гостями в купеческих домах, которые посещали с целью получения денежных средств для церковных нужд.

Надо сказать, что в силу исторически сложившихся реалий брак в купеческой среде характеризовался изначальной асимметричностью, которая, впрочем, со временем могла смягчаться. Традиционную купеческую семью центрально-чернозёмного региона во второй половине XIX столетия в значительной мере отличало то, что, во-первых, преобладали сложные, как по типу внутренней структуры, так и по поколенному составу, семьи³². Ведь для сохранения единства семейного капитала с целью его дальнейшего поступательного приумножения, по представлению глав купеческих семейств Центрального Черноземья, необходимо было всячески содействовать недопущению дробления семейного бизнеса между членами купеческой семьи — участниками торгового предприятия. Данный принцип организации семейного дела отражался и на внутреннем укладе большой купеческой семьи — нередким было многолетнее сосуществование под крышей одного дома нескольких поколений семьи. Для женщины, входящей замужеством в неразделённую купеческую семью, такое сосуществование с многочисленными родственниками мужа означало минимизацию возможностей для создания эмоционального пространства собственной малой семьи при постоянной угрозе постороннего вмешательства в этот микромир. Правда, к концу XIX века ускорение и расширение модернизационных процессов, происходивших в пореформенный период, привели к тому, что среди купеческого сословия преобладающими стали нуклеарные семьи.

³⁰ Письмо И.В. Гладкову от М. Слатиной, 14 января 1874 г. // Курский областной краеведческий музей. Отдел досоветского периода. Архив Гладковых.

³¹ ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4199.

³² *Лернер Л.А.* Частная жизнь русского провинциального купечества в XIX в. (на примере Курской губернии): Автореф. дис. ... к.и.н. / Л.А. Лернер. Курск, 2002. С. 19.

Во-вторых, супружеский союз в купеческом сословии являлся важным средством обеспечения корпоративных связей внутри делового мира Центрального Черноземья. Поэтому в купеческой среде доминировала деловая установка на брак — экономические интересы превалировали над личными симпатиями и предпочтениями в выборе брачного партнёра. Подобная брачная стратегия не исключала для женщины некоторой свободы выбора: родители могли прислушиваться к мнению своей дочери относительно личности претендующего на её руку мужчины. И всё-таки наилучшим вариантом брачного союза в купеческой среде считалось достижение им целей повышения или, по меньшей мере, сохранения достигнутого экономического и социального статуса.

И, в-третьих, в связи с тем, что для обзаведения собственной семьей мужчине-купцу необходимо было добиться определённой материальной обеспеченности и самостоятельности в делах, распространённым явлением была существенная разница в возрасте между супругами (разумеется, в пользу мужа), исчислявшаяся иногда десятилетиями (особенно, когда брак был для овдовевшего мужчины повторным). Именно этот момент часто становился «главным исходным пунктом будущих несогласий» супругов³³.

Перечисленные причины консервировали патриархально-иерархическую модель внутрисемейных отношений в купеческой среде и изначально заключали в себе потенциал для возникновения половых, возрастных противоречий, что в конечном итоге и приводило к появлению проблем в психоэмоциональной сфере жизни семьи.

Конфликтные ситуации, возникавшие в купеческих семьях по сентиментальным причинам, часто переходили в правовую плоскость и заканчивались судебными разбирательствами. Итогом судебных тяжб становились решения о примирении противных сторон либо же, напротив, о возбуждении судебного процесса с последующим расторжением брака. Впрочем, к разводу как радикальной мере разрешения семейного конфликта в купеческой среде во второй половине XIX века прибегали нечасто. Наибольшее количество разводов в купеческих семьях наблюдалось в конце 80-х, и особенно, в 90-е годы XIX столетия и было связано с коренной ментальной перестройкой, проходившей в пореформенный период. Вообще, развод был экстраординарным событием в жизни провинциальной купеческой семьи. Во-первых, потому что в процессуальном плане это было сложным и долговременным делом, ведь для расторжения узаконенного в Российской империи церковного брака требовалось одобрение Святейшего Синода. Во-вторых, развод означал нанесение существенного ущерба репутации семейного торгового предприятия. И, наконец, в-третьих, традиционная картина мира, характерная для купеческого сословия, исключала представление о возможности прижизненной смены брачного партнёра — в повторный брак можно было вступить только после смерти одного из супругов. Исходя из этих объективного характера обстоятельств и прочно утвердившихся в сознании представлений, члены купеческих семейств Центрального Черноземья в 60–90-х годах XIX века старались решить семейные конфликты полюбовно.

Как показал анализ сохранившихся в архивах материалов, во всех случаях возбуждения судебных разбирательств в целях разрешения конфликтных ситуаций их инициаторами выступали мужчины-купцы. В своих официальных прошениях они мотивировали привлечение властных институтов (государства, церкви) к решению

---

³³ Салтыков-Щедрин М.Е. Указ. соч. С. 23.

проблем в приватной сфере семейной жизни. И основными причинами возникновения конфликтов мужчины называли нарушение их жёнами главных принципов супружества, закреплённых в семейном законодательстве и церковном праве, а именно — совершение прелюбодеяния, своевольный уход из дома, а также ведение беспорядочного, несообразного с православной моралью, образа жизни. Доказанный факт совершения прелюбодеяния влёт за собой помимо прочего уголовную ответственность — признанному виновным супругу грозил арест³⁴. Супружеская измена в российском гражданском законодательстве XIX столетия являлась едва ли не единственным весомым основанием для начала бракоразводного процесса. Помимо этой причины в качестве серьезного аргумента для расторжения брака признавалось нездоровье одного из супругов (душевная болезнь, «болезни женщины, не позволяющие ей продолжать брачное сожитие, ввиду опасности такого для её жизни», а также «прилипчивые и отвратительные болезни» — сифилис, проказа)³⁵.

То обстоятельство, что мужчины-купцы инкриминировали своим жёнам многочисленные нарушения условий супружества, безусловно, не является основанием для формирования представления о купеческих женщинах как о единственных виновницах семейных конфликтов. Детальное изучение архивных документов рисует сложную картину жизненных практик чернозёмного купеческого семейства в 60–90-е годы XIX века.

Впечатляющими иллюстрациями того, насколько остро отражались выделенные выше обстоятельства в жизни женщин, принадлежащих купеческим семействам, служат следующие примеры.

В апреле 1896 года Курский окружной суд на своём публичном заседании рассматривал дело, инициированное в сентябре 1895 года курским купцом, почётным гражданином Николаем Александровичем Мещерским о признании виновной в совершении прелюбодеяния его жены Анастасии Михайловны Мещерской и оспаривании законности рождения в этом браке дочери Зинаиды³⁶. По заявлению Н. Мещерского, его жена ушла из дома в ноябре 1893 года, «сошлась и жила совместно» с курским мещанином Константином Петровичем Чернышевым³⁷. Спустя некоторое время (в феврале 1894 г.) Анастасия Михайловна вернулась к мужу, а потом — вновь ушла от него жить на отдельную квартиру. В сентябре 1894 года она родила «вполне доношенную дочь», крещённую в Троицкой церкви города Курска.

После тщательно проведённого судом дознания истца, ответчицы и свидетелей выяснилось, что Анастасию Мещерскую заставили оставить совместную с мужем жизнь «нестерпимые» внутренние реалии жизни неразделённой купеческой семьи. Как оказалось, главой этого семейства была вдова Фаина Михайловна Мещерская. По мнению свидетелей, это была женщина крутого нрава, часто проявлявшегося в неприязненном, сварливом отношении к своей невестке³⁸. Ввиду этого между свекровью и невесткой систематично вспыхивали ссоры, часто заканчивавшиеся побоями последней старшим братом мужа, Михаилом. Регулярные скандалы принудили А.М. Мещерскую уйти из

---

³⁴ *Евангулов Г.Г.* Уголовное уложение. СПб., 1903. Ст. 408–426.

³⁵ Там же. Ст. 164.

³⁶ ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4199.

³⁷ Там же. Л. 1.

³⁸ Там же. Л. 7

дома мужа, сохранив при этом супружеские отношения (встречи происходили в собственном доме её отца, курского купца М.Н. Гладиллина).

В результате расследования, опиравшегося и на медицинские свидетельства, было объявлено о несостоятельности обвинения купцом Н. Мещерским своей супруги в совершении прелюбодеяния; отвергнуто прошение о возможности расторжения брака; рождение ребёнка в данном браке было признано законным. Поведение Анастасии Мещерской суд счёл вынужденным, вызванным грубым вмешательством родственников мужа в развитие супружеских отношений и боязнью совершения над ней физического и психологического насилия.

Как видно, приведённая выше ситуация получила вполне благополучное правовое разрешение. Однако часто завершённая судебная тяжба с резолюцией о нерасторжении брака ещё не означала для купчихи разрешение семейных противоречий де-факто. Неудачно для купеческой жены закончилось в марте 1892 года разбирательство сложной истории развития конфликта в семье белгородского 2-й гильдии купца Александра Фролова³⁹.

Купец Александр Михайлович Фролов обратился с иском в суд, в котором содержалось требование принудить его супругу, купчиху Прасковью Ивановну Фролову, восстановить совместную с ним жизнь или, в противном случае, «отсудить» у неё четырёх малолетних детей (пяти-, четырёх-, двухлетних и восьмимесячную дочь) с их последующей передачей ему на попечение. Александр Фролов обвинял жену в самовольном уходе из дома; в отдельном проживании на снятой даче близ Белгорода, в селе Чёрные Палаты; в сожительстве с неким господином Г. Дьякиным; в безнравственном поведении и наличии пороков, при которых «совсем нельзя быть воспитательницей малолетних детей»⁴⁰.

А.М. Фролов, живший в городе Белгороде в собственном доме по улице Короченской, был единственным сыном престарелых родителей, державших большую мануфактурную торговлю, владевших недвижимостью, кирпичным заводом, лавками. Он был «занят большим делом у отца по торговле», получая за этот труд жалованье, а также имел доходный дом, приносивший ему регулярную прибыль⁴¹. Такая материальная обеспеченность, а также «скромный и тихий образ жизни» позволяли купцу Фролову претендовать на единоличное право по воспитанию детей. По его мнению, в случае оставления на его попечении детей, он смог бы окружить их «вполне правильной и приличной обстановкой», дать любовь и попечение, строгое по-христиански нравственное воспитание и школьное образование, «здоровое и тёплое помещение и содержание», а также материально обеспечить будущее⁴².

Но купеческая жена Прасковья Фролова называла обвинения мужа несправедливыми. Она объясняла отъезд из дома потребностью найти в деревне покой, который был ей необходим ввиду заболевания, доказывала, что муж разрешил воспользоваться его лошадьми при переезде на дачу, более того, сам неоднократно посещал их с детьми, привозя с собой необходимую провизию. По истечении летнего сезона, по

---

³⁹ Там же. Д. 3461.

⁴⁰ Там же. Л. 2 об.

⁴¹ Там же. Л. 1 об.

⁴² Там же. Л. 2.

мнению купчихи Фроловой, она хотела вернуться вместе с детьми в дом мужа, но он «не пожелал их принять, пустить в дом»⁴³. Прасковья Ивановна отклоняла все упреки мужа в свой адрес следующими словами: «Намеки мужа на характер моего поведения и отношения к детям, намеки на опасность оставить у меня детей ввиду моей беспорядочной жизни представляются, выражаясь крайне умеренно, крайне смелыми и необидительными»⁴⁴. Однако Курский окружной суд и Духовная консистория признали аргументы и объяснения П.И. Фроловой необидительными. Ее сочли виновной в осквернении святости брачного союза прелюбодеянием и самовольном уходе на раздельное с мужем место жительства. В итоге брак был расторгнут, дети были переданы на попечение отцу.

Таким образом, последствия развода для купеческой женщины, признанной виновной в распаде семьи, были очень серьезными. Разрушение семьи в результате адюльтера воспринималось провинциальным обществом крайне негативно: совершение прелюбодеяния считалось тяжелейшим грехом. Посему купеческая женщина — сама носительница особой, характерной для своего сословия ментальности — при признании её виновной в «нарушении святости брака» подвергалась серьезному социальному прессингу, выражавшемуся в проявлении по отношению к ней всеобщего презрения, лишении привычных средств коммуникации. Такую женщину часто ожидало непонимание или даже осуждение ближайших родственников — родителей.

Помимо этого, официальное расторжение брака вносило в дальнейшую жизнь купеческой женщины другие важные отрицательные изменения. Во-первых, по российским законам, «супруг, изблещенный в прелюбодеянии, подвергался заключению в монастырь, в тюрьму на срок от шести месяцев до одного года»⁴⁵. Во-вторых, вступал в силу запрет на повторный брак — женщина была обречена на «всегдашнее безбрачие». В-третьих, за разводом следовали церковные санкции: наложение на семилетний срок епитимьи под наблюдением приходского священника. В-четвертых, её ожидал имущественный раздел. И, наконец, драматичное по своему характеру наказание — «отсужение» детей. Последняя мера была также закреплена законом: при разводе мужчина как глава семейства обладал преимущественным правом в вопросах, касающихся воспитания всех детей⁴⁶. Вместе с этим, разрыв супружеского союза не означал для купеческой женщины потерю прав состояния, приобретённых ею по случаю замужества⁴⁷.

Рассматривая истории разрешения конфликтов в отдельных купеческих семьях Центрального Черноземья в 60–90-х годах XIX века, представляется возможным приблизиться к пониманию всей сложности внутрисемейных отношений между мужчинами и женщинами в купеческой среде, и, тем самым, воссоздать объёмную картину их жизненной реальности.

Мужскому сознанию купеческого сословия была присуща характерная для традиционных обществ модель фемининности, содержанием которой было уничижи-

⁴³ Там же. Л. 6 об.

⁴⁴ Там же. Л. 17.

⁴⁵ Собрание законов российской империи (далее — СЗРИ). Т. XV. Законы уголовные. СПб., 1857. Ст. 2156.

⁴⁶ СЗРИ. Т. X. Ч. I. СПб., 1900. Ст. 107, 164.

⁴⁷ Там же. Ст. 101.

тельное представление о женщинах как о существах легкомысленных, даже глупых, несамостоятельных в принятии правильных решений по организации домашнего обихода, неспособных к занятиям торговой деятельностью. Однако эта умозрительная модель противоречила реально играемой роли женщины в хозяйственной жизни купеческого семейства, когда функционально купчиха выполняла или контролировала все работы по ведению домашнего хозяйства — самостоятельно или с помощью прислуги, была осведомлена о семейных финансово-экономических делах.

Главной обязанностью женщины в семье была организация семейного быта. Управленческая деятельность женщин в богатом купеческом домохозяйстве заключалась в определении основного направления хозяйственных работ, в целенаправленном распределении занятий среди слуг, в наблюдении за своевременным исполнением своих распоряжений. При этом каждая купеческая женщина Курской и Воронежской губерний в 60–90-х годах XIX века владела «надлежащими навыками различных домашних работ», что позволяло «легко и быстро обеспечить семейное довольство», поддерживаемое порядком, опрятностью, правильным распределением занятий и времени⁴⁸.

Повседневность купеческой женщины была наполнена «мелочными, ежедневно возобновляющимися хлопотами и заботами о домашнем хозяйстве»⁴⁹. Образцовыми хозяйками признавались те из купеческих жён, которые могли «всегда устроить своему мужу хорошую жизнь» — так писалось в постоянно переиздаваемом уже которое столетие «Домострое». Такие женщины никогда не упускали своей хозяйской выгоды, и поэтому «издалека вбирали в себя богатства»⁵⁰; могли экономить, беречь, приумножать благосостояние семьи; были способны целесообразно распорядиться средствами, выделяемыми на домашний обиход: покупку продуктов питания, средств гигиены, одежды и обуви, топлива, корма для домашних животных. Роскошь в купеческой среде считалась смертным грехом, а потому у хорошей хозяйки во всех отраслях домашнего хозяйства были заведены мера, вес и счёт⁵¹. Рачительное ведение домашнего хозяйства требовало от купеческой жены соблюдения строгой экономии денежных средств. Этой цели служило тщательное изучение цен на необходимые в домашнем хозяйстве товары, с тем, чтобы впоследствии осуществить их покупку по оптимальной цене. Вообще в купеческой среде Центрального Черноземья в пореформенный период было распространено представление, согласно которому забота о сохранении и сбережении того, что приобретает муж, является нравственным долгом жены⁵².

Помимо организации хозяйственной жизни дома, женщина в купеческой семье могла отвечать за конкретные участки семейного торгового дела. Так, например, белгородская купчиха почётная гражданка Мария Ивановна Слатина (урождённая Гладкова) инициативно участвовала в совместной с мужем предпринимательской деятельности, о чём можно судить по письмам, написанным ею в 70-е годы XIX века своим родителям — курским 2-й гильдии купцам почетным гражданам Ивану Васильевичу и Аграфене Алексеевне Гладковым. Мария Слатина — супруга белгородского 2-й гильдии купца

---

⁴⁸ Бюхнер Л. Указ. соч. С. 23.

⁴⁹ Там же. С. 15.

⁵⁰ Домострой / Сост., перевод, статья В.В. Колесова. СПб., 2000. С. 36.

⁵¹ Салтыков-Щедрин М.Е. Указ. соч. С. 100.

⁵² Бюхнер Л. Указ. соч. С. 98.

Илья Ильича Слатина, занимавшего во второй половине 70-х годов XIX века должность городского головы Белгородской городской думы. Экономический интерес семьи Слатиных был сосредоточен во многих городах Курской губернии, Харькове, Чернигове. Основное внимание они уделяли торговле хлебом, кроме того, владели предприятием по переработке сельскохозяйственной продукции. Судя по письмам, написанным в первой половине 70-х годов XIX века Марией Ивановной своему отцу, она в полном объёме владела информацией об экономических делах своего мужа, более того, имела свою точку зрения на развитие тех или иных направлений семейного бизнеса. В одном из писем она сетует отцу на высокий банковский процент по кредиту и на то, что реальное количество зерна на продажу не соответствует запланированной массе на 100 четвертей. Помимо этого, Марию Ивановну глубоко волновало и то обстоятельство, что брат Василий (старший сын И.В. Гладкова — наследник всего семейного состояния) взял в долг у её мужа, по-видимому, крупную сумму денег. По каким-то причинам Василий Гладков не смог вовремя вернуть долг. Мария Слатина многократно просила отца, ссылаясь на его авторитет в семье, повлиять на брата и потребовать от него возврата долга. Красноречива по этому поводу её фраза: «...из кармана прибыль за прибылью... вот бы любезный братец хоть годика два или три побыл немного на моём месте, тогда бы не только под ложечкой заболело и, быть может, и голова бы с плеч слетела, а живши за головой такого отца, как вы милый, папенька, он ничего не знает, ему ни горе, ни нужда недоступны, и потому он никому не сочувствует...»⁵³. Даже этот единичный пример указывает на высокую степень вовлечённости женщины, принадлежащей к элите купеческого мира Курской губернии, в семейную экономику.

Участие купеческих женщин в семейном бизнесе обуславливало их поведенческую активность, поскольку занятия торговой деятельностью требовали от купчихи «писать деловые письма, считать деньги, встречаться и совещаться с должностными людьми и т.д.»⁵⁴.

Всякое начало «бизнес-истории» купеческой женщины в центрально-чернозёмном регионе в 60–90-х годах XIX века было неразрывно связано с жизненным сценарием ее супруга. Чаще всего женщины начинали требовать передачи на своё имя купеческого свидетельства при складывании неблагоприятной ситуации в семье. Например, в случае смерти мужа или в связи с оставлением мужем «торговли по купеческому званию» и переходом в мещанство, но без объявления его несостоятельным⁵⁵. Это объясняется желанием женщины в купеческой семье сохранять непрерывное пребывание в сословии. Но не только потеря супруга или другие неблагоприятные обстоятельства толкали женщин-купчих на взятие торговых дел в свои руки. Торговое законодательство России, представленное Торговым и Кредитным уставами, предполагало вариативный подход к участию женщин в предпринимательстве. Согласно ему, женщинам из купеческой среды разрешалось становиться организаторами собственного дела и при жизни законного супруга, причем теоретически без согласия последнего⁵⁶. При самостоятельном предъявлении отдельного от мужа

---

⁵³ ГАКО. Ф. 724. Оп. 1. Д. 69. Л. 5.

⁵⁴ Салтыков-Щедрин М.Е. Указ. соч. С. 24.

⁵⁵ СЗРИ. Т. XI. Ч. II (2). Устав торговый. СПб., 1857. Ст. 17.

⁵⁶ Там же. Ст. 44.

особого капитала, женщина могла стать инициатором создания параллельного дела в рамках одного семейства. Воспользовалось этим правом в пореформенный период, как показало изучение источников, немалое число представительниц торгового сословия. Ещё одной возможностью официального представительства купеческой женщины в семейном бизнесе было её участие в торговом деле своего мужа. Для этого купец был обязан при покупке гильдейского свидетельства внести в него имя своей жены, а также детей. Все члены купеческого семейства в таком случае имели право заниматься совместным бизнесом в рамках одного семейственного капитала⁵⁷.

Купеческое сословие Центрального Черноземья в начале 60-х годов XIX века по демографическим показателям было немногочисленно, но в силу экономического потенциала и социальной активности представляло чрезвычайно влиятельную сословную группу в социальной структуре провинциального общества. Изучение источников позволило выяснить динамику численности купеческого сословия в пореформенный период (60–90-е годы XIX века). Так, в 1860 году в Курской губернии общая численность купечества губернии составляла 11658 человек (6148 — мужчин, 5510 — женщин)⁵⁸. В Воронежской губернии в 1863 году к купеческому сословию было причислено 11079 человек (5911 — мужчин, 5168 — женщин)⁵⁹.

Пореформенная модернизация всех сторон жизнедеятельности российского общества внесла свои коррективы и в историю развития купеческого сословия Черноземья. Следствием известных реформ 1863–1865 гг. и 1898 г. в сфере регулирования предпринимательства в России стало изменение к 90-м годам XIX века численности представителей купеческого сословия в сторону общего снижения. Иллюстрируют указанную тенденцию следующие данные. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года зафиксировала показатели, определяющие численность купеческого населения в исследуемом регионе. На 2371012 жителей Курской губернии приходилось 4587 купцов (2194 — мужчины, 2393 — женщины) и на 2531253 жителя Воронежской губернии — 3181 представитель купеческого сословия (1495 — мужчин, 1686 — женщин)⁶⁰. В целом, можно констатировать, что к концу XIX века черноземное купечество в процентном отношении от всего населения составляло 0,1% — в Воронежской губернии и 0,2% — в Курской.

Очевидно, что приведенные выше цифры, характеризующие общую численность купеческого сословия в пореформенное время, не дают полного представления о реальном количестве женщин из купеческой среды, непосредственно участвовавших в предпринимательской деятельности — в совместном с мужем семейном бизнесе или в самостоятельно организованном торговом деле. Для выяснения последнего необходимо привлечение иных источников, а именно тех, которые показывают прямое вовлечение купеческой женщины в «производство торговли». К таким источникам относятся, прежде всего, Книги об объявлении купеческого капитала и Книги регистрации выданных промысловых и сословных купеческих свидетельств.

⁵⁷ СЗРИ. Т. XI. Ч. II (2). СПб., 1857. Ст. 35.

⁵⁸ Памятная книжка Курской губернии на 1860 г. Курск, 1860. С. 170–171.

⁵⁹ Памятная книжка Воронежской губернии на 1863–1864 гг. Воронеж, 1864 г. С. 87.

⁶⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XX. Курская губерния. СПб., 1904. С. 291; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. XIX. Воронежская губерния. СПб., 1901. Тетр. I. С. 2.

Имеющиеся архивные материалы позволяют нарисовать следующую картину представленности мужчин и женщин в предпринимательской среде Центрального Черноземья в 60–90-е годы XIX столетия.

В 1856 году в городе Борисоглебске Воронежской губернии 147 купцами было объявлено о своих капиталах, из них — 31 женщиной (21% от общего числа купцов)⁶¹.

В 1860 году в городе Белгороде, втором по величине городе Курской губернии, о своих капиталах объявили 145 купцов, из них — 15 женщин-купчих (11 — вдовы, остальные четыре купчихи объявили особый от мужа капитал), то есть 10% от белгородских купцов⁶².

В 1891 году в городе Короче Курской губернии из 391 купеческого свидетельства 31 было выдано женщинам, а в 1899 году купцов было зарегистрировано 38 человек, из них — 4 женщины, что составило 8 и 11% соответственно⁶³. В городе Белгороде в 1894 году всего было выдано 195 купеческих свидетельств, 42 женщины-купчихи выбрали их на своё имя, то есть 22%⁶⁴.

Таким образом, можно говорить о том, что на протяжении исследуемого времени абсолютные показатели лично участвовавших в торговле женщин-купчих изменялись в сторону снижения, однако в процентном отношении они в среднем составляли 10–11% от общего числа представителей чернозёмного купечества.

Женская деловая активность в исследуемом регионе была представлена весьма широко. Наибольший интерес у женщин-купчих вызывала собственно торговля, по форме — периодичная и стационарная. Именно она была главным источником дохода для наибольшего числа женщин в купеческой среде Центрального Черноземья в пореформенный период. Вековые торговые традиции региона выражались в проведении в течение года многочисленных ярмарок и базаров, на которых женщины-купчихи полноценно могли представлять свои товары. Ярмарка официально признавалась неким общим торгом, на котором в продолжение определенного законом или обычаем времени разрешалось свободно и беспрепятственно осуществлять торговлю разного рода товарами для всех состояний⁶⁵. Ярмарки делились на главные и обыкновенные⁶⁶. На территории Центрального Черноземья статусом всероссийского торгова обладала курская Коренная ярмарка. Помимо этой крупной ярмарки, в Курской и Воронежской губерниях было зарегистрировано большое количество ярмарок регионального и местного масштаба. Так, в Белгороде в 1860 г. было три ярмарки, проводившихся в канун больших церковных праздников⁶⁷.

В 1872 году в Воронежской губернии было 517 ярмарок, на которых было продано товаров на сумму в 5 121 108 рублей⁶⁸. А к 1892 году в Воронежской губернии насчитывалось 678 ярмарок⁶⁹.

---

⁶¹ ГАВО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 225. Л. 1–117.

⁶² ГАВО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 441. Л. 21–292.

⁶³ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–85; Д. 1. Л. 1–119.

⁶⁴ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 14. ЛЛ. 1–20.

⁶⁵ СЗРИ. Т. XI. Ч. II (2). Устав торговый. СПб., 1857. Ст. 2808.

⁶⁶ Там же. Ст. 2809.

⁶⁷ Памятная книжка Курской губернии на 1860 г... С. 154.

⁶⁸ Воронежский календарь на 1874 год. Воронеж, 1873. С. 44.

⁶⁹ Обзор Воронежской губернии за 1892 г. Воронеж, 1872. С. 33.

Говоря об участии купеческих женщин в ярмарках, следует указать на эпизодичность и ограниченность этого представительства; отметить мелкооптовую ориентацию женской купеческой торговли. Примерами оптовой торговли на Коренной ярмарке в областях, традиционно представляющих собой поле острого конкурентного соперничества среди купцов-мужчин, являлись заключавшиеся купчихами удачные торговые сделки. Так, в государственном архиве Курской области хранятся документы — контракты, обширная деловая переписка — 2-й гильдии курской купчихи, потомственной почётной гражданки Аграфены Алексеевны Гладковой, которая вела независимо от мужа самостоятельную торговлю, а также, занималась сдачей в аренду принадлежавшего ей недвижимого имущества (лавок, складов, земельных участков). Источники указывают на существование у А.А. Гладковой группы представителей её торговых интересов. Например, на Коренной ярмарке в июне 1846 года суджанский купец И.И. Богомазов через маклеров продал Гладковой топлёное баранье сало 1 сорта, имевшее характеристики высококачественного товара, а именно — «сало, вытопленное и без тяжёлого запаха, без всякой подмеси других сортов», в количестве 300 пудов, на сумму 720 рублей. Проданное сало купец Богомазов обязывался доставить Аграфене Алексеевне в Курск спустя некоторое время, в октябрь-ноябре, в своих собственных бочках⁷⁰. Ещё одна сделка, совершенная на Коренной ярмарке в то же время представителями Гладковой, заключалась в покупке крупной партии «превосходного» мела, добытого в Белгородском уезде⁷¹.

Примером занятия в 70-х годах XIX века оптовой торговлей железными, скобяными товарами, керосином, маслом, дёгтем, а также владением постоянно функционирующего склада этих товаров на Коренной ярмарке служит деятельность 2-й гильдии корочанской купчихи Марии Прокофьевны Романенковой, занимавшей заметное место в ряду оптовиков, специализировавшихся на продаже промышленных товаров⁷².

И всё же, в основном внимание купчих на ярмарках было сфокусировано на мелкооптовой торговле. Они торговали галантерейными и косметическими, москательными (продукция химического производства — краски, клей, керосин, дёготь), гончарными, скобяными товарами, а также различными пищевыми продуктами (вино, рыба, мясо, хлебобулочные изделия).

Сезонная прибыль, получаемая торговавшей на ярмарке женщиной, позволяла существенным образом упрочить финансовое положение семейного торгового предприятия, расширить горизонты его деятельности. Но более надёжный доход в бюджет купеческой семьи приносила стационарная торговля. В губернском Курске, Воронеже и в уездных городах купчихи активно занимались торговлей. Они держали лавки (одну или несколько), винные погреба и пивные склады, открывали модные магазины, посещение которых становилось важной составляющей светской жизни провинциального города.

Купеческие женщины в лавках и магазинах торговали теми товарами российского и импортного производства, которые находили спрос у различных состояний горожан и сельских жителей. Это были и продукты питания, и одежда с обувью, и

---

⁷⁰ ГАКО. Ф. 724. Оп. 1. Д. 24. Л. 8.

⁷¹ Там же. Л. 9.

⁷² Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

предметы быта и роскоши, средства гигиены. Случалось им торговать и топливом, строительными материалами. Нередко они же удовлетворяли культурные и религиозные запросы клиентов — продавали книги, музыкальные инструменты, церковные свечи и другие вещи для оправления религиозного культа.

Например, сужданская купчиха Ефросинья Алексеевна Несмачная в 1892 г. в своих лавках одновременно с разными сортами рыбы и морепродуктами торговала железными товарами⁷³. А белгородская купчиха М.И. Кошкарова специализировалась в 1894 г. на торговле съестными припасами и мануфактурными остатками⁷⁴.

Не вписывается в стереотипную схему представлений о женской купеческой торговле и деятельность борисоглебских купчих А.М. Дьячковой и Е.Ф. Кочерминой. В 70-е годы XIX века они обе вели успешную торговлю железно-скобяными товарами. Позже получили разрешение губернских властей на торговлю оружием: пистолетами, револьверами, пистонами и средствами ухода за ними⁷⁵.

В конце 50-х — начале 60-х годов XIX века преуспевала в торговле канцелярскими товарами и книгами воронежская купчиха Настасья Фёдоровна Семёнова, содержавшая большую лавку в доме купца Борисова на Новомосковской улице Воронежа⁷⁶. В 1863 году в Воронеже купчихе Фёкле Лихачёвой принадлежал магазин, размещавшийся на Московской улице, в Рыбном ряду. В нём продавались бакалейные, колониальные товары (сахар, чай, кофе, сигары, закуски). Параллельно она владела винным погребом и успешно конкурировала с девятью подобными предприятиями, являвшимися собственностью мужчин-купцов⁷⁷. В 90-х годах в городе Короче продажей винной продукции занимались в собственных лавках 13 корочанских 2-й и 3-й гильдии купчих⁷⁸. Большие пивные склады в 90-е годы XIX века содержали белгородские 3-й гильдии купчихи Квилиц и В.Х. Арнольд⁷⁹.

Впечатляющим примером масштабности и представительности принадлежащего женщине-купчихе торгового предприятия, организованного в уездном городе, могут служить данные, извлечённые из подробной описи движимого имущества рыльской 2-й гильдии купчихи М.Д. Золотаревой за 1889 год⁸⁰. Купчиха Золотарёва владела в городе Рыльске лавками, в которых торговала красным товаром и свечами — церковными и для бытовых нужд. На момент составления описи в лавках находилось 222 наименования красного товара на сумму 23260 рублей 77 копеек и свечей (венчальных, поминальных, для освещения помещений) на сумму в 350 рублей.

Модные магазины, в которых производилась «значительная торговля» одеждой, красными, галантерейными и юфтевыми товарами⁸¹ содержали в конце 50-х — первой половине 60-х годов XIX века на центральных улицах Воронежа купчихи А.М. Пиме-

⁷³ Памятная книжка Курской губернии на 1892г. Курск, 1892. С. 2 Приложения.

⁷⁴ ГАБО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 14. Л. 16.

⁷⁵ Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 8315.

⁷⁶ Памятная книжка Воронежской губернии на 1856 г. Воронеж, 1855 г. С. 32.

⁷⁷ Памятная книжка Воронежской губернии на 1863–1864 гг. Воронеж, 1864 г. С. 164.

⁷⁸ ГАБО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1. Лл. 2–110.

⁷⁹ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 14. Л. 16.

⁸⁰ ГАКО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 15. Лл. 2–122.

⁸¹ Юфть — вид бычьей кожи особой выделки «по русскому способу» — с применением чистого дегтя. Использовалась для пошива сапог.

нова, Е.Л. Понамарёва, Е.П. Николаева, А.С. Крапивина, А.Г. Кривошеина, А.В. Борисова, А. Наумова, М. Остроумова, Скулатова, Порембская, Шингарёва⁸².

Другой сферой женского купеческого предпринимательства было промышленное производство. Наибольшее распространение в пореформенный период в Черноземье получили принадлежащие купчихам предприятия, специализирующиеся на обработке сельскохозяйственной продукции — маслобойное и мукомольное производства, салотопенные заводы, шерстомойные и пенькотрепальные заведения, винокуренные заводы, табачные фабрики и пр. Женщины из купеческой среды владели кирпичными и мыловаренными заводами. Часть промышленных предприятий, управляемых ими, были оснащены современным оборудованием, в том числе на них использовались паровые машины; по числу рабочих они относились к заведениям фабричного типа. Такими заводами были, например, паровое шерстомойное предприятие белгородской купчихи Ольги Соловьевой, крупчатый завод курской купчихи Д.А. Васильевой, спиртоочистительный завод щигровской купчихи Анны Михеевой и её сыновей⁸³.

Интересной иллюстрацией участия представительницы купеческого сословия в промышленном производстве служит деятельность воронежской купчихи Ю.Ф. Шуваевой⁸⁴. Этой женщине в 60-х годах XIX века принадлежала новейшая по тому времени табачная фабрика, размещавшаяся на Большой Дворянской улице Воронежа в арендуемом доме купцов Русиновых. Фабричное производство существовало в состоянии постоянной конкурентной борьбы с подобными предприятиями, принадлежащими крупным воронежским купцам-заводчикам Е. Кофели, А. Айваде, Ф. Петрову, Н. Некрасову. Фабрика была оснащена двумя ручными крошильными машинами. Штат предприятия включал в себя 16 человек: работа велась под руководством двух мастеровых тремя рабочими, четырьмя мальчиками и пятью поденными женщинами, кроме того, на фабрике находились два приказчика. Фабрика производила исключительно курительный табак из сырья, поставляемого из Крыма, Бессарабии, Турции через Одесский порт. Готовую продукцию — табак и папиросы — купчиха Шуваева сбывала в самом Воронеже и уездах губернии. Полугодовой объем производства (с августа 1864 по февраль 1865 г.) на данном предприятии составлял 329 пудов 60 фунтов табаку. Помимо этого, было произведено 234500 штук папирос. Всего продукции было изготовлено на сумму 7424 рубля.

В условиях быстро меняющейся в 60–90-х годах XIX века рыночной конъюнктуры, возрастания конкуренции между представителями купеческой корпорации и других сословий, особенно мещан, немаловажный дополнительный источник дохода купеческие женщины видели в организации сопутствующих с торговлей предприятий.

Одной из таких дополнительных сфер профессиональной занятости женщин купеческого сословия была сфера услуг. Предпринимательство в этой сфере включало в себя занятие гостиничным и трактирно-ресторанным бизнесом. Нередко такие занятия были для женщин «смежными»: купчихи, содержавшие номера, постоялые дворы и гостиницы, предоставляли своим клиентам богатый выбор продуктов пита-

⁸² Памятная книжка Воронежской губернии на 1856 г... С. 32.; Памятная книжка Воронежской губернии на 1863–1864 гг. ... С. 164.

⁸³ Памятная книжка Курской губернии на 1892 г... С. 2 приложения.

⁸⁴ Воронеж в историческом и современно-статистическом отношениях / Сост. Г.М. Веселовский. Воронеж, 1866 г. С. 156.

ния и спиртных напитков. Так, гостиницу с комфортабельными номерами для приезжих и существовавшее при ней питейное заведение держала в Белгороде в середине 80-х — начале 90-х годов XIX века на Смоленской улице в собственном доме купчиха Александра Васильевна Пацева⁸⁵. В 80-е годы 3-й гильдии купчиха Елена Фроловна Стрельникова содержала в городе Короче номера для приезжих⁸⁶.

Дополнительные средства в семейный бюджет купеческая женщина получала путём сдачи в своём доме жилых комнат для постояльцев. Например, в Воронеже в 1877–1878 г. домовладелицы-купчихи содержали в течение года от 2 до 6 таких «гостей»⁸⁷.

Не менее доходной сферой предпринимательства было для женщин рассматриваемого социального слоя участие в казённых подрядах и откупках, деятельность в области арендных отношений и финансов. Масштабы данных видов женского предпринимательства были несравнимо меньше мужских да и для многих купчих эти сферы не были приоритетными — ими занимались в сочетании с торговлей или промышленным производством. И все же! В июне 1863 года курская купчиха Татьяна Никитична Свешникова, занимавшаяся в основном торговлей мануфактурным товаром, выиграла устроенный губернскими властями конкурс на получение подряда на строительство в городе Новый Оскол каменной тюрьмы⁸⁸. Для производства строительных работ ею по контракту были наняты государственные крестьяне, отец и сын — Семён Романович и Пётр Семенович Лохутины. По причине «лености и пьянства» строители не смогли справиться с заданной работой в срок. В итоге купчиха Свешникова была вынуждена обратиться в Старооскольский уездный суд с иском о взыскании с крестьян денег, потраченных на это предприятие.

Чрезвычайно распространённым видом женского купеческого предпринимательства в Центральном Черноземье в пореформенное время была сдача в аренду торговых помещений под различные лавки, магазины, склады; жилых площадей в так называемых доходных домах — для долговременного проживания в городе представителей различных сословий. Рента от аренды недвижимой собственности также являлась для женщин-купчих многолетним дополнительным источником дохода. К примеру, курская 2-й гильдии купчиха почетная гражданка А.А. Гладкова в течение многих лет (по архивным данным с 1848 по 1871 годы) сдавала в аренду лично принадлежащие ей лавки, находившиеся во 2-й части города Курска, на углу Пушной линии и Московской улицы. Наниматели лавок купчихи Гладковой были обязаны соблюдать следующие условия: исправно выплачивать арендные платежи, а кроме того, «содержать караул, очищать мостовую напротив лавки, в торжественные дни освещать лавку плошками»⁸⁹. Купеческие женщины не только сдавали объекты недвижимости, но и сами становились арендаторами хозяйственных площадей.

Относительная финансовая обеспеченность купчих центрально-чернозёмного региона обуславливала наличие у них личного недвижимого имущества, сделки с которым были весьма популярным видом предпринимательской деятельности. Нередко

---

⁸⁵ Памятная книжка Курской губернии на 1892 г. ... С. 2 приложения.

⁸⁶ ГАБО. Ф. 18. Оп.1. Д. 2. Л. 80.

⁸⁷ ГАВО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 7. Лл. 12–31.

⁸⁸ Курские губернские ведомости. № 7 (суббота, 16 февраля). 1863 г. С. 48.

⁸⁹ ГАКО. Ф. 724. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

они заключали подобные сделки с членами своего семейства. Так, в ноябре 1863 года некая невестка Прасковья Игнатова купила у своего свёкра 2-й гильдии старооскольского купца П. Игнатова усадебное место в слободе Рыльской близ реки Осколец⁹⁰. Нередко купчихи приобретали дома, усадебные места, ранее принадлежавшие дворянам. Имевшиеся «свободные» они пускали в оборот. В 60–90-е годы XIX века они все чаще давали деньги в долг под проценты, под залог недвижимого имущества, помещали в банки на «вечное хранение» с правом пользования процентами, вкладывали в государственные ценные бумаги. Операции с денежными капиталами приносили им внушительную прибыль. Но подобного рода деятельность была сопряжена с серьезным риском не получить обратно одолженных денег. В этих случаях приходилось прибегать к помощи властных институтов. Многочисленные подтверждения этого явления можно найти в объявлениях губернских газет о судебных разбирательствах дел по взысканию долгов и просроченных закладных. Так, в 1863 году Курское губернское правление рассматривало дела, связанные с разбирательством подобных случаев. Например, в феврале было объявлено о продаже дворового места с домом в городе Курске курского мещанина Н. Попова, взявшего в долг 2700 рублей серебром у курской купчихи Маргариты Поповой под залог⁹¹. В это же время курская купеческая жена Александра Лаврова вела тяжбу с женой фатежского коллежского секретаря Н. Лукашевой по взысканию с последней долга в сумме 7150 рублей, взятых под залог дворового места с домом и всеми надворными строениями⁹².

Как и в случае с торговлей и арендой недвижимостью, купчихи осуществляли финансовые операции с членами своей семьи. Например, в 1862 году Воронежская гражданская палата рассматривала дело об уничтожении закладной, выданной 3-й гильдии купцом Е. Петровым своей жене Ф. Петровой⁹³. Усманский купец Елизар Петрович Петров по закладной, совершённой в 1859 году, занял у своей супруги Фёклы Петровой пять тысяч рублей серебром под залог принадлежащего ему земельного участка в три десятины и расположенной на нём водяной мукомольной мельницы о двух поставках с постройкиками. По условиям сделки в случае неуплаты долга перечисленное имущество купца Петрова переходило в собственность его жены. Разбирательство данной сделки закончилось возвращением всей суммы долга купчихе Петровой.

Ярко выраженная сельскохозяйственная ориентация исследуемых губерний центрально-чернозёмного региона России в 60–90-х годах XIX века прямо отразилась на хозяйственной деятельности предпринимательниц: многие из них энергично занимались аграрным бизнесом — сдавали принадлежащую им землю в аренду или организовывали собственные хозяйства. Анализ такого пласта архивных материалов, как описи имущества, духовных завещаний представительниц купеческого сословия Курской и Воронежской губерний, позволил выявить место аграрного бизнеса и его модификаций в общей структуре экономической деятельности купчих. Аграрный сектор не имел приоритетного значения в хозяйственной деятельности женщин, а являлся, скорее, подспорьем — т.е. ещё одним дополнительным источником поступления денежных средств в бюджет семьи.

---

⁹⁰ Курские губернские ведомости. № 7 (суббота, 16 февраля). 1863 г. С. 251.

⁹¹ Там же. С. 178.

⁹² Там же. С. 160.

⁹³ ГАВО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 17154. Л. 1–4.

* * *

Скрупулезный анализ разнотипных источников позволил нарисовать некую общую картину участия представительницы купеческого сословия в предпринимательской деятельности Центрального Черноземья в 60–90-х годах XIX века. Как оказалось, наиболее привлекательными сферами предпринимательства для женщин-купчих являлись собственно торговля, промышленное производство, ориентированное на обработку сельскохозяйственной продукции, сфера услуг (содержание постоянных дворов, гостиниц, трактиров, харчевен и др.). Арендные отношения и финансы, аграрный бизнес (получение доходов от сдачи в аренду земли сельскохозяйственного назначения) и организация личного хозяйства оказались для них, скорее, второстепенными, но также освоенными областями деятельности.

Оценивая профессиональную самореализованность купчих в 60–90-х годах XIX века, нельзя не отметить важные характерные особенности женского купеческого предпринимательства. Энергичное участие в семейном бизнесе являлось для женщины-купчихи, независимо от её семейного положения, социально не осуждаемой поведенческой моделью. Деловой интерес «бизнесвумен» того времени был сосредоточен сразу на нескольких видах торговых действий. Персонифицировано женская торговля в большинстве случаев была представлена вдовствующими купчихами, продолжавшими возглавлять семейный бизнес после смерти мужа с целью сохранения семейного капитала и преемственности социального положения детей. Препятствием к полновесному занятию предпринимательством для замужней женщины было исполнение широкого спектра домашних обязанностей — от воспитания детей и управления всем домашним хозяйством до представления своего супруга в публичной сфере его деятельности.

Модернизационные процессы, происходившие в российском обществе в пореформенное время, непосредственно коснулись и жизни женщины купеческого сословия Центрального Черноземья. С одной стороны, для купчих в исследуемое время брак и семья по-прежнему оставались единственным общественным предназначением. Их жизненная энергия была направлена на составление удобного и приятного для мужчины быта, на заботу о сохранении и укреплении благосостояния семьи, её хозяйственной обеспеченности. Вместе с тем, взгляд на положение женщины в иерархии купеческой семьи не может быть однозначным. Роль купчихи в семейных отношениях определялась многочисленными факторами, среди которых лидировали её личностные характеристики. Причастность (в той или иной степени) к различным видам предпринимательской деятельности, требующим проявления поведенческой активности, поддержания деловых и личных контактов с многочисленными людьми (клиентами, деловыми партнёрами), выводила ее за узкие рамки семьи. Так происходило размывание жестких гендерных норм разделения труда в купеческой семье, при которых женщина была заключена исключительно в частной сфере дома, а мужчина — во внешнем мире.

СТИЛЬ ЖИЗНИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА В КАЗАНИ: XX ВЕК

С. Ю. МАЛЫШЕВА, А. А. САЛЬНИКОВА

Российская университетская культура XIX–XX вв. безусловно представляет собой и может рассматриваться как целостное явление, как феномен. Причем, термин «культура» в данном случае подразумевает некий «общий концепт» — понятие для обозначения стиля жизни определенной человеческой общности. Этот стиль жизни разделяется подавляющей частью членов данного сообщества, которые постоянно воспроизводят его в своей повседневной практике. Культура в данном понимании имеет всеобъемлющий характер и выполняет важные функции: она образует и держит структуру, которая соединяет социальные практики, представления и ценности в единый сплоченный ансамбль, «изменчивый и сохраняющий все присущие ему оттенки, как в нашем восприятии, так и в восприятии современников»¹.

Одновременно феномен университетской культуры являет собой и сложное многокомпонентное образование, складывающееся из множества культур и презентуемое, соответственно, множеством жизненных стилей. Это множество порождено самой неоднородностью университетского сообщества, структурированного по социальным, национальным, половозрастным и другим признакам. Поэтому исследование общего — «большого стиля» — университетской культуры, представляющего общеуниверситетскую традицию и воплощающего в себе университетскую историю, должно проводиться с учетом специфики ее многочисленных «малых стилей», взаимодополняющих и взаимовлияющих друг на друга².

В течение XIX в. университетские люди претендовали на роль носителей «высокой» культуры в пространстве провинциальной Казани. Но как не была однородной университетская корпорация, так же не была одномерной и университетская культура. На ее полюсах присутствовали крайности — от элитаризма на уровне профессорской корпорации до культурного нигилизма, проявлявшегося в студенческой среде. При всем том эта культура существовала как специфическая, корпоративная — в XIX в. противостоявшая культурным нормам городского окружения, а в начале XX столетия ставшая лидером городской жизни. В условиях Казани именно университетская, а не мещанская культура (как на Западе или в российских столицах), стала тем медиатором, который соединил культурные модели и образцы

---

¹ Смелова М.Н., Ястребицкая А.Л. Коммуникация и повседневность в позднее Средневековье и раннее Новое время // Культура и общество в Средние века — раннее Новое время: Методология и методики современных зарубежных и отечественных исследований. М., 1998. С. 233.

² О понятиях «большого» и «малого» стилей университетской культуры см.: Лейбович О.Л. Большой стиль управления университетом: Заметки культуролога // Мир российского университета: Интернет-конференция, сентябрь-октябрь 2002. — URL: http://www.auditorium.ru/aud/v/index.php?a=vconf&c=getForm&r=thesisDesc&CounterThesis=1&id_thesis=1583&PHPSESSID=e3ff21375bd937f37

с традиционными нормами жизни перебравшегося в город сельчанина. Университетская культура сформировала из этого сплава специфическую масс-культуру города.

В советское время весь уклад жизни «дореволюционной» университетской корпорации был сначала размыт, а потом устранен вместе с людьми, его воплощавшими. Примечательно, что особенно недолговечной оказалась культура «дореволюционного» студенчества. Юноша-интеллигент, с его тоской о судьбах страны и неизменным чувством вины перед народом, в 1920-е гг. полностью ушел со сцены. Его место в университете заняла жизнерадостная разнополая, разновозрастная толпа, лицо которой определяли сыновья и дочери «гегемона истории». Они исповедовали иные ценности, поклонялись иной морали и создавали новый образ и стиль жизни студенческой молодежи.

Культурный тип дореволюционного профессора сохранялся в Казани дольше, чем культурный тип студента. Память о профессорах «из старого времени» хранится в университетском сознании Казани и поныне. Долгое время после революции 1917 г. «бывшие» служили сотрудниками кафедр, научных кабинетов, музеев, архива и библиотеки. Их манера одеваться, держаться, их образ жизни так контрастировали с унифицированным советским укладом повседневности, что делали их объектом повышенного внимания и не всегда здорового любопытства. Кто-то их обвинял, кто-то их откровенно боялся, а кто-то им подражал. Сохранению этой маргинальной культуры в университете способствовали и периодические «вливания старого вина в новые меха». В конце 1940-х гг. университетскую корпорацию Казани «разбавили» представители российской интеллигенции, выехавшие из Шанхая. А в середине 1950-х гг. в Казанский университет были отправлены (фактически, сосланы) вернувшиеся в Россию ученые-эмигранты.

В целом, в советское время статус и социальная роль университетской культуры подверглись значительным изменениям. С одной стороны, эта эволюция явилась закономерным результатом тех политических процессов, которые происходили в стране, а с другой — итогом последовавших вслед за 1917 г. культурных экспериментов. В образовательном поле советского государства университеты оказывались то на грани уничтожения, то в ранге элитарных школ. В постсоветское время целый ряд специализированных институтов и академий стали университетами, вступив тем самым на путь перерождения. А следствием данного процесса стало появление в массовом сознании понятия «классический университет», под которым подразумевалась и подразумевается «заповедная» форма высшей школы.

На протяжении всего XX в. стиль жизни университетского человека постоянно и неоднократно менялся, приспосабливаясь к условиям новой реальности, а после 1917 г. — все отчетливее наделяясь элементами «советскости». Иначе и быть не могло, поскольку университетское сообщество не было отграничено от окружающей его радикально преобразуемой действительности, а каждый его представитель так или иначе соприкасался с имевшими место преобразованиями и, по большому счету, являлся их объектом. Другое дело, что изменение стиля жизни могло осуществляться университетскими людьми сознательно, а могло происходить помимо их желания и воли, под давлением складывавшихся обстоятельств. Университетский локус как пространство обитания университетариев, их

питание, одежда, повседневная трудовая и учебная деятельность, способы времяпрепровождения, формы общения и особенности взаимоотношений, ценностные установки, манеры поведения, жесты, мимика, речь — все оказывалось вовлеченным в формирование нового жизненного стиля и испытывало на себе его нередко неотвратимое влияние.

Стиль жизни университетского человека в советский период — это сложный, подчас странный и причудливый конгломерат традиций, правил и норм нового, «советского» поведения и устойчиво сохранявшихся (а иногда и свято хранимых), трудно искореняемых и разделяемых абсолютным большинством преподавателей и студентов специфических особенностей собственно «университетского» бытования. История интеллектуального сообщества Казани демонстрирует устойчивость и живучесть этого особого «стиля». В самом деле, после «революционного» обновления состава корпорации в неё влились люди, многие из которых прежде отстояли довольно далеко не только от университетской культуры, но и вообще от «высокой» культуры, как таковой. Войдя в состав университетского сообщества, они привнесли в него не просто отдельные черты своего традиционного жизненного уклада, но — в связи с массовостью присутствия — и весь свой стиль жизни как особый тренд, как особую характеристику повседневного поведения и межличностных отношений. К тому же, «новая культура жизни» пропагандировалась властями, поощрялась и насаждалась «сверху», что, безусловно, способствовало ее распространению и укоренению.

Однако вот что странно. Носители «нового» уклада довольно быстро оказались под обаянием магии Университета. Сначала они присматривались, а затем воспроизвели «университетский стиль», его правила, черты и манеры, ибо оказалось, что без них университетская жизнь лишена своей «самости» и смысла. Без них это был уже не университет, куда большинство этих людей, действительно, искренне стремилось попасть, не храм науки, а обычное советское учреждение, населенное советскими служащими. Конечно, интеграция в интеллектуальную культуру была и тяжелой, и болезненной. Выстроить свой стиль жизни в соответствии с университетскими традициями удавалось не каждому и не сразу. Но, так или иначе, молодые люди, пришедшие сюда из иной культурной среды, встраивались в академическую повседневность, наполняя «большую» университетскую жизнь опытом «маленьких» частных жизней.

На примере Казанского университета — одного из старейших классических университетов России, расположенного в центре полиэтничного, мультикультурного и мультиконфессионального региона — Среднего Поволжья, можно проследить, как мучительно трудно происходило приобщение университетского сообщества к «советскому» стилю жизни и что особенного, специфически «университетского» привносило оно в этот стиль. Процессы, происходившие в Казанском университете, расположенном не в столичных городах страны, а в провинции, как нельзя лучше демонстрируют, с одной стороны, специфику властных стратегий в отношении университетской культуры, а, с другой, рецепцию указанных стратегий со стороны университетской корпорации и техники выживания университетского человека в новых советских условиях. Сферы труда и отдыха, сфера академической и непрофессиональной деятельности — это те сферы жизни университета, где

специфика его «жизненного стиля» проявлялась и обозначалась особенно очевидно, наглядно и остро.

Новые ритмы и формы учебной жизни. В первые послереволюционные годы в университете начались эксперименты с хронологией учебной жизни. В 1919 г. был введен летний семестр (триместр), продолжавшийся с 21 апреля по 20 июля³, в декабре 1929 г. — «пятидневка», а в 1932/33 учебном году — «шестидневка» (с единым днем отдыха, приходившимся, соответственно, на пятый или шестой день)⁴. В военные годы учебное время еще более уплотнилось. КГУ перешел на трехлетнюю форму обучения, были отменены выходные дни и отпуска преподавателей, сокращены до одного месяца летние каникулы и до одной недели — зимние⁵. В те годы учебная нагрузка преподавателя составляла 42 часа в неделю. Только в 1946 г. в университете был восстановлен 8-часовой рабочий день, ежегодные оплачиваемые отпуска, воскресный выходной. Студентам вернули каникулы: двухнедельные зимой и двухмесячные летом. С тех пор структура времени труда и отдыха университетского человека практически не менялась.

Учебное время в любом университете размечено часами занятий. Их форма сохраняется в неизменном виде столетиями: лекция, семинар, практикум, коллоквиум, зачет, экзамен, публичный диспут (защита результатов исследовательской работы). Судьба Казанского университета показала, что попытки отменить классические для нашей страны формы обучения ведут к разрушению университетской жизни. Наиболее радикальными они были во второй половине 1920-х гг. и сильнее всего коснулись жизни рабочего факультета. Уже в 1924 г. выпускные испытания там были заменены «коллективным зачетом», в ходе которого группа студентов выясняла у своего товарища качество усвоения учебного материала, дисциплинированность и активность в общественной работе⁶. После введения в 1926 г. новых учебных программ многие лекционные курсы были ликвидированы вовсе и заменены практическими занятиями⁷. Вместо параллельного изучения нескольких предметов было введено «циклическое» освоение блока дисциплин — студенты изучали одновременно не более 3–4 учебных курсов⁸. Это, по мнению сторонников «концентрации», должно было освободить преподавателей для исследовательской работы и повысить успеваемость студентов. В 1927–1928 учебном году было введено свободное посещение. Полученные знания оценивались в категориях «удовлетворительно» и «весьма удовлетворительно»⁹. Срок обучения студентов сократился до

---

³ Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. Р-1337. Оп.2. Д.1. Л.25 об.

⁴ *Сидорова И.Б.* От «великого перелома» к началу стабилизации: 1930–1940 гг. // Очерки истории Казанского университета. Казань, 2002. С. 196, 197.

⁵ *Телишев В.Ф.* Военное лихолетье: 1941–1945 гг. // Очерки истории Казанского университета. С. 223.

⁶ *Корбут М.К.* Об учетной кампании на рабфаках // Голос пролетарского студенчества. 1924. № 2. С. 21–22.

⁷ *Бикташева А.Н.* Вместо императорского — государственный: 1922–1929 гг // Очерки истории Казанского университета. С. 174

⁸ *Сементовский В.* О концентрации дисциплин и распределении академического года // Ленинец. 1929. № 4 (14).

⁹ *Курбангалиева Х.М.* Годы учебы в Казанском университете // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета (далее — ОРПК НБЛ КГУ). — Ед. хр.10083/2. Л. 4.

трех-четырёх лет. А сам учебный год начинался в разные осенние месяцы. К тому же с декабря 1929 г. было отменено семестровое расписание, так как в университете занимались по пятидневкам¹⁰.

В 1930 г. университет перешел на заимствованный из практики средней школы так называемый «активный бригадно-лабораторный метод обучения». При нем академические группы должны были делиться на бригады, состоящие из 3–5 студентов¹¹. Эти группы самостоятельно занимались «проработкой» учебных заданий, а затем на особых проверочных встречах коллективно отчитывались перед преподавателем. Соответственно этому, и оценка знаний производилась на основании коллективных отчетов бригад. Место лекционных курсов заняли вступительные лекции, предваряющие самостоятельную работу студентов.

По заверениям инициаторов бригадно-лабораторного метода, его применение должно было способствовать развитию у учащихся чувства коллективизма, взаимопомощи, а, следовательно, привести к лучшему овладению знаниями. Реально же его введение имело протекционистскую подоплеку — нужно было создать особые условия для неподготовленных к обучению в университете выходцев из числа рабочих и крестьян¹². Та же идея лежала в основе созданного в эти годы института «выдвиженцев» — своеобразной пред-аспирантуры, зачисление в которую осуществлялось по направлению партийных и комсомольских организаций.

Творческий подъем и энтузиазм, охвативший многих студентов и преподавателей в годы первой пятилетки, некоторое время скрывал несостоятельность «бригадно-лабораторного метода», хотя уже в первый год его применения были отмечены такие серьезные недостатки, как отчужденность профессорско-преподавательского состава от студенчества и низкая успеваемость учащихся. Но приверженцы «метода» объясняли это его новизной, неумелым применением и не допускали критики самой системы. «Старая» же профессура откровенно бойкотировала новый метод, что послужило поводом для специальной проверки Казанского университета Рабоче-крестьянской инспекцией. По ее результатам 13 декабря 1930 г. вышло постановление Наркомпроса, в котором указывалось на «недопустимо оппортунистическое отношение некоторой части профессорско-преподавательского состава» к бригадно-лабораторному методу, коллективу предлагалось «выявлять» и разоблачать его «срывателей»¹³.

---

¹⁰ Сидорова И.Б. От «великого перелома» к началу стабилизации. С. 196..

¹¹ Однако, из-за дефицита преподавателей в КГУ они обычно составляли 6–8 человек. (См.: Афанасьева Т.П. Прошлые эпохи университета // ОРПК НБЛ КГУ. Ед. хр. 10074. Л. 4).

¹² Учебные бригады комплектовались таким образом, чтобы в их числе были и «гегемоны», и студенты, пришедшие в университет со школьной скамьи. Вчерашние школьники должны были «внимательно слушать и конспектировать лекции, изучать по учебникам и дополнительной литературе читаемые курсы, а затем передавать приобретенные знания старшим товарищам по бригаде, готовить их к зачету». При этом «старшие товарищи» напоминали «молодым», что «мы девятилеток не кончали, поэтому ваша обязанность и долг помочь нам овладеть университетской наукой хотя бы за то, что мы своим трудом помогли вам получить полное среднее образование». (Трофимук А.А. Казанский университет — моя «альма матер» // ОРПК НБЛ КГУ. — Ед. хр. 10100/1. Л. 4).

¹³ Так, профессор-физиолог А.М. Алексеев отказался ставить зачет одной из студенток. В ответ вся «бригада» отказалась покинуть аудиторию. Профессору пришлось вызвать служителя, который и выставил бунтарей. (См.: Курбангалиева Х.М. Годы учебы в Казанском университете. — Л. 4–5). Бурно проходили заседания и так называемых студенческо-преподавательских «пред-метных комиссий», когда студенты упрекали профессоров за приверженность буржуазным методам преподавания, а преподаватели

Почва для такого рода конфликтов исчезла только в 1932 г., когда постановлением ВЦИК СССР в университет была возвращена индивидуальная форма проверки знаний в форме зачетов и экзаменов. В эти же годы в учебный процесс стали возвращаться испытанные десятилетиями формы и ритуалы: трехбалльная система оценок, полугодовые зачетно-экзаменационные сессии, пятилетний срок обучения и защита дипломных работ (с 1937 г. — госэкзамены), шестидневная неделя с единым днем отдыха и твердым расписанием занятий. Лекция вновь стала одной из основных форм обучения. Однако пережитки бригадно-лабораторного метода сохранились в Казани вплоть до 1936 г.

Общественная активность как стиль жизни. Важной частью повседневности советского преподавателя и студента была общественная работа. Партийные, профсоюзные и комсомольские собрания, ленинские уроки и зачеты, чтение лекций по линии общества «Знание», освоение целины, сбор колосков и веточного корма, работа в колхозе, на стройках, на подшефных предприятиях, на хлебозаводах и овощных базах, уборка городских территорий, участие в культмассовых и спортивных мероприятиях, в избирательных и переписных кампаниях заполняли день университетского человека. Количество общественных нагрузок подчас достигало полудюжины, а то и больше.

Конечно, в университете всегда были энтузиасты общественной работы, многие из которых создавали свою, отличную от академической, карьеру. Университет оказывался для них стартовой площадкой в административной или политической сфере. Рядовыми же участниками коллективных мероприятий общественная жизнь воспринималась несколько по-иному: принудительное распределение поручений создавало сложную ситуацию для людей, стремившихся к научной и педагогической карьере. Особенно тяжело приходилось начинающим преподавателям. При раздаче общественных нагрузок им доставалось больше всех. Уклонение же от поручений или от их выполнения грозило университетским людям серьезными неприятностями. У преподавателя могли возникнуть проблемы при перевыборах на новый срок, студент-отличник лишался повышенной стипендии. «Общественное» в те годы ставилось выше «личного», а потому ссылки на семейные обстоятельства или на неспособность заниматься общественной работой в расчет не принимались. Против них выдвигался один, но непобедимый контраргумент: «Вы же комсомолец (член партии, советский преподаватель и т.д.)!»

В 1920-е гг. вопрос о том, что важнее — учеба («академика», как ее тогда называли) или политическая активность — решался однозначно в пользу общественной деятельности. Но, начиная с 1930-х гг., приоритеты изменились¹⁴. Однако, признав значимость учебы для университетской жизни, власти и местная администрация не

осуждали воспитанников за нежелание учиться. (См.: *Арбузов Б.А.* Из воспоминаний о Казанском университете // ОРРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 10099/1. Л. 9).

¹⁴ В 1930 г. университетская газета «Ленинец» опубликовала рассказ в виде дневниковой записки студента-«активиста», предстающего перед читателем как персонаж высмеиваемый и негативный: «4 часа — заседание профделегатов курса, 5 часов — заседание АПО комиссий коллектива КСМ, 5 часов 30 минут — собрание фракции научного кружка, 6 часов — заседание комиссии по работе с переростками, 7 часов — собрание корреспондентов, 7 часов — собрание агитационной группы». Герой рассказа судорожно мечется с одного заседания на другое, ничего не успевая и катастрофически запуская учебу. Вывод автора таков: «Этот активист — он не только не нужен, но он вреден для организации. Занимаясь всем, он не делает ничего». (*Л.П. Активист* // *Ленинец*. 1930. № 9. С. 7).

освободили студентов ни от участия в общественной работе, ни от использования их в качестве бесплатной рабочей силы.

Специфика организации трудовой повседневности университетских преподавателей — отсутствие фиксированного 8-часового рабочего дня, что обычно является предметом зависти людей, не посвященных в тонкости педагогического ремесла. При этом напряженная подготовительная работа остается как бы «за занавесом» и не очевидна для стороннего наблюдателя. Но каждый, кто когда-либо читал лекции, знает: сколько бы лет не читался лекционный курс, его необходимо постоянно совершенствовать и обновлять, вводить в него результаты собственных научных исследований. Увлечь большую аудиторию в несколько десятков, а то и сотен человек, заставить ее не просто слушать лектора, а стать активным соучастником процесса обретения знания способен далеко не каждый. Лекция — это маленький спектакль или «маленькая жизнь», проживаемая преподавателем и его слушателями. Завоевать доверие и любовь «зрительного зала» — счастье и творческая удача для университетского человека.

Ни дня без науки! В отличие от коллег из многих других учебных заведений, неотъемлемую часть трудовой повседневности университетского преподавателя составляет научно-исследовательская работа. Университетский человек осуществляет перевод «научного» знания в «нормативное» посредством создания лекций и учебников. Все это вместе взятое обеспечивает сложный, но столь необходимый процесс непрерывности и преемственности научных идей и традиций, сосуществования научных направлений и школ. В практике большинства сотрудников Казанского университета научная работа поглощает все время, остающееся после проведения занятий и осуществления административной и методической работы. Научные успехи даются либо за счет безумной интенсивности труда, либо за счет частной жизни и «минимализма» повседневных желаний. Но когда у молодого исследователя появляется соблазн сделать науку приоритетной по отношению к преподаванию, то качество его учебных занятий охраняется не только формальным контролем администрации, но и профессиональной честью корпорации. И потому на исследовательскую работу остаются только выходные дни, долгожданные праздники, каникулярные месяцы¹⁵.

К счастью, сегодня научное творчество университетских людей поддерживается системой стипендий и грантов. Они позволяют войти в международное научное сообщество, освоить новые технологии производства знания. Вместе с тем, система распределения и получения финансовой поддержки устанавливает иерархию исследовательских проблем, ориентированную на вкусы учредителей фондов или их экспертов. Но как бы к ней не относились, эта система вошла в университетскую жизнь и стала ее характерной чертой. Сегодня она в значительной мере определяет ритм и стиль жизни университетского преподавателя.

---

¹⁵ Даже пребывание «на больничном» воспринимается университетскими людьми как случай занять нужной работой. Одна из опрошенных респонденток вспоминала, как навещала в больнице коллегу, перенесшего инфаркт: «Заглядываю в палату. Палата — на четверых. Трое лежат, отдыхают, один — прилегнул бочком и что-то пишет». Он-то и оказался заболевшим профессором, писавшим очередную научную статью — «ведь неудобно, обещал же!». Тема «профессор в больнице» — одна из популярных в шутках казанских врачей. Это самые неудобные, «сумасшедшие» пациенты, вечно рвущиеся на работу. (Архив авторов).

Учебная, научно-исследовательская, общественная работа — важнейшие компоненты трудовой повседневности университета. Но рассказ о его стиле жизни был бы явно не полным, если обойти вниманием непрофессиональную сферу жизни университетского человека.

Специфика досуговой культуры советского университета. В XX в. университетский человек — будь то преподаватель или студент — располагал достаточным запасом времени, которое мог проводить вне университетских кафедр и аудиторий. Именно в этом временном поле складывалась особая досуговая университетская культура, в чем-то так похожая на досуговую культуру века предшествующего, но в общем так разительно от нее отличавшаяся.

Да, безусловно, после 1917 г. в университетской досуговой культуре был силен элемент «советскости». Свободное времяпрепровождение было той сферой жизни, которая имманентно и изначально располагала поистине неисчерпаемым «воспитательно-преобразовательным» потенциалом в силу своей продолжительности, повторяемости и (если можно так выразиться) «приятности» самих методов воспитательного воздействия. И советская власть этим активно пользовалась.

Начиная со 1920-х гг., внеучебная жизнь университетского человека испытала на себе мощный прессинг политики. Она была жестко интегрирована в систему сформированной в СССР унифицированной развлекательной культуры. Качество повседневной жизни тех лет (отсутствие и некомфортность жилья, перенаселенность коммуналок и общежитий и т.д.) заставляло значительную часть свободного времени проводить вне дома. Наличие развитой сети общедоступных учреждений и публичных пространств для организации «культурного досуга» (клубы, дворцы культуры, библиотеки, кинотеатры, парки отдыха, водные станции), мощное воздействие массовой пропаганды «здорового образа жизни» (в частности, спорта), подкрепленной созданием спортивных обществ и стадионов формировали некую массовую усредненную модель советского досуга, общую не только для университетских людей, но и для советского общества в целом.

Приобщаясь к советским развлечениям и праздникам, участвуя в них и находя в них свои прелести и достоинства, университетский человек не мог отринуть от себя прежние досуговые формы, складывавшиеся в университете десятилетиями и представлявшие по существу образцы классического времяпрепровождения российской духовной элиты (отдых на дачах, чтение, коллекционирование, посещение театров, выставок и концертов, проведение музыкальных и литературных вечеров, балов и вечеринок, создание интеллектуальных объединений). В университетской среде своеобразно переплелись традиции «нового» (советского) и «старого» (университетского) досуга, причем последние сохранялись достаточно долго. В этом переплетении и заключалась специфика непрофессиональной сферы жизни университетских людей в советское время.

Праздники и празднования в университете. В первые послереволюционные годы в стране был введен новый праздничный календарь. С 1918 г. нерабочими днями стали 1 января (Новый год); 22 января (день 9 января 1905 г. — Кровавое воскресенье); 12 марта (день низвержения самодержавия); 18 марта (день Парижской Коммуны); 1 мая (день Интернационала); 7 ноября (день Пролетарской революции). Религиозные праздники, называемые тогда «особыми днями отдыха», еще не были

запрещены, но ограничены 10 днями в году¹⁶. В 1920-е гг. пышно, ярко, с широко-масштабными театрализованными представлениями проводились революционные праздники, в которых неизменно принимали участие университетские преподаватели и студенты. Студенчество (в немалой степени уже «красное») шумно приветствовало такие мероприятия: так, в ноябрьском праздновании 1922 г. участвовало две тысячи юношей и девушек¹⁷.

В 1930-е гг. советская праздничная культура стала проявлять себя в новых формах. Повсеместными и привычными стали октябрьские и Первомайские демонстрации. Для участия в них факультеты КГУ формировали праздничные колонны. Во главе с командирами, со знаменами, транспарантами, плакатами и портретами вождей они проходили через главную площадь города, демонстрируя корпоративное единство и лояльность тогдашней власти¹⁸. Первым всегда шел тот факультет, который показал самые высокие учебные и научные результаты¹⁹.

По свидетельству опрошенных, университетские люди ходили на демонстрацию с удовольствием. Веселье в праздничных колоннах было искренним и искрометным. После демонстрации все собирались за праздничным столом, вечером в университете проводились празднования с танцами, уличными гуляниями. Обязательным атрибутом политических празднеств были проводимые в стенах университета торжественные митинги. Таким образом, праздник охватывал как публичное, так и частное пространство, создавая в пределах университета особые сакрально-рекреационные зоны (Актовый зал, спортивный зал, позднее — площадь перед главным зданием университета и т.д.).

К 1960–1970-м гг. политические праздники стали перерождаться в официальные «обязаловки». К тому времени в советской стране выросло поколение людей, которое не испытывало восторга от публичного выражения своей политической лояльности²⁰. Отмену обязательных демонстраций в 1980-е гг. университетские люди восприняли как облегчение. А вот сейчас в воспоминаниях старшего поколения звучат ностальгические ноты по ушедшим советским праздничным ритуалам.

Окончание Великой Отечественной войны дало жизнь новому, любимому и священному для многих поколений университетских людей празднику — Дню Победы²¹.

¹⁶ Декреты Советской власти: Т. 4: 10 ноября 1918 — 31 марта 1919 гг. М., 1968. С. 123–124; Масовые празднества. Л., 1926. С. 56 и др.

¹⁷ НАРТ. Ф.Р-732. Оп.1. Д. 127. Л.34 об., 72, 96.

¹⁸ Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф.6951. Оп.1. Д. 19. Л. 18.

¹⁹ *Бондаренко В.А.* Наш Плакатин // ОРПК НБЛ КГУ. Ед. хр.10070. Л. 2.

²⁰ Принудительность праздничных мероприятий не добавила им привлекательности в глазах молодежи. Особенно «горевали» те участники демонстрации, которым приходилось нести атрибуты праздничной символики — флаги, транспаранты, портреты и т.д. Всё это выдавалось и возвращалось «под расписку». Как вспоминал один из студентов 1970-х гг., «мало того, что я, как дурак, должен был маршировать по площади с этим флагом, так потом еще следовало тащить его в университет». (Архив авторов).

²¹ 9 мая 1945 г. был незабываемым днем. В ночь со вторника 8 мая на среду 9 мая по радио передали сообщение о капитуляции фашистской Германии. Услышав это, весь город высыпал на ночные улицы. Военные на радостях стреляли в воздух, раненые выходили из госпиталей, чтобы примкнуть к ликующим толпам. На площадях и улицах Казани колыхалось людское море. Играли оркестры, звучали песни, люди танцевали, фронтовики поднимали на руки и качали, женщины вручали им цветы. Незнакомые люди обнимались и целовались. (См.: *Дьяконов В.М.* Воспоминания // Жить историей: 60 лет историческому факультету Казанского университета. — Казань, 1989. С. 60–61; *Носов Н.* Версты любви // Казань. 1994. № 9–10. С. 24–25). 9 мая студенты и преподаватели собрались на стихийный митинг. В

«Я много бы дал, чтобы вернуть тот день»²², — говорил нам один из университетских профессоров. Никогда в университете День Победы не воспринимали как советский праздник: он был национальным праздником скорби и радости, днем поминовения памяти погибших родственников, коллег, соотечественников.

Трепетное отношение к войне сохранила и студенческая молодежь. Пример тому — военно-патриотическое движение «Снежный десант», возникшее в университете в 1960-е гг. В зимние каникулы 1967 г. в рейд по местам сражений отправился первый «Снежный десант», а к лету 1984 г. в КГУ функционировало уже 27 таких отрядов²³. Люди приходили в «Десант» по зову души, и именно этим можно объяснить успешность и стабильность этого общественного объединения.

После войны праздничный календарь в университете изменился мало. По существу, все советские праздники сохранились и в постсоветской России (правда, некоторые из них изменили дату и первоначальный смысл), отмечаются в современном Казанском университете, но празднование их обрело более камерный характер, их политическое происхождение стёрлось.

Общественные организации как организаторы досуга университетского человека. Важную роль в воспитании студента призваны были сыграть создававшиеся советской властью многочисленные общественные объединения и организации. Молодежь 1920–30-х гг. мечтала о приключениях, подвигах, дальних перелетах и путешествиях. Культ здорового, красивого, сильного тела прекрасно подпитывался этими мечтами и устремлениями. Не удивительно поэтому, что многие общественные организации того времени носили спортивный, более того — военно-спортивный характер. Ведь идеал спортсмена, выработавшийся в СССР, был близок к идеалу воина — здорового, атлетически сложенного мужчины, готового ко всему (кроме эротики, которая из идейных соображений табуировалась очень жестко), некоего советского супермена, достойно выходящего из любой кризисной ситуации. Студенты (да и студентки) с удовольствием вступали в Осоавиахим, сдавали нормы «Ворошиловского стрелка», ГТО, сплавились по Волге, посещали курсы подготовки снайперов, летчиков, парашютистов, сандружинниц, кружки планерный и шахматный, легкоатлетический, охотничий, боксерский, альпинистский²⁴. С предвоенных лет в университете проводилась общеуниверситетская олимпиада²⁵, ставшая затем традиционной. И в годы войны студенты и преподаватели устраивали военно-спортивные соревнования: так, в 1943 г. в рамках празднования 25-летия Красной Армии в университете прошли лыжно-стрелковые командные гонки²⁶.

завершение ректор объявил, что, по случаю Победы, вечером в Актовом зале будут устроены танцы. Потом университетский народ отправился гулять по городу. С балконов домов разлетались листовки с последними информационными сводками. Из раскрытых окон кинотеатра «Электро» слышались духовые залпы победного марша. (См.: *Муньков Н.П.* Вспоминая прошлое // Жить историей. С.173; *Иванова Р.Г.* Студенческая жизнь в годы Великой Отечественной войны // ОРПК НБЛ КГУ. — Ед. хр. 10078. — Л. 24; *Калинин Н.Ф.* Казань. Казань, 1955. С. 337).

²² Из беседы с Г.Н. Вульфсоном // Архив авторов.

²³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 6951. Оп. 1. Д. 399. Л. 136–137.

²⁴ *Кузнецова Н.К.* Перелистывая дневники // ОРПК НБЛ КГУ. Ед. хр. 10093/2. Л. 2.

²⁵ *Вульфсон Г.Н.* Воскрешают в памяти первые годы истфака // Жить историей. С. 164.

²⁶ НАРТ. Ф. 624. Оп.1. Д. 203. Л. 1, 30–31. Спортом занимались даже профессора. Так, профессор П.Н. Толстой каждое воскресное утро отправлялся из университета на лыжах, вызывая почтительное изумление швейцара. (*Краснов П.А.* Учителя и ученики // ОРПК НБЛ КГУ. — Ед. хр. 10085. Л. 32–33).

Эти спортивные традиции университет сохранял и в послевоенные десятилетия. Вплоть до начала 1990-х гг. регулярно проводились университетские спартакиады, зимний профсоюзно-комсомольский кросс, «спортивные понедельники», дни бегуна и лыжника и общефакультетские спортивные праздники²⁷. Постепенно спорт «демитаризовался». Нынешние физкультурные праздники и мероприятия приближаются скорее к праздничному шоу.

Советские студенты и аспиранты были «активными общественниками»: они ликвидировали неграмотность рабочих, проводили антирелигиозные вечера в Доме Красной Армии, обсуждали вопросы философии в Клубе научных работников, участвовали в работе МОПРа и Доброхима, по поручению комсомольской организации ездили по деревням и селам с просветительскими и антирелигиозными беседами, ставили там агитационно-пропагандистские спектакли. Многие преподаватели и учащиеся являлись активными членами «бригады милиции» (бригады помощи милиции) и в этом качестве боролись со стилистами («джанти») — насильственно стригли длинноволосых модников на месте поимки²⁸. И в 1960–1980-е гг. студенты патрулировали городские улицы в составе добровольных народных дружин (ДНД), принимали участие в оперативной работе ОКОД. Однако уже в 1970-е гг. деятельность ДНД формализовалась: комсомольские организации обязывали всех студентов (в том числе и девушек) патрулировать улицы, что придавало в общем-то хорошей идее шаржированный характер.

Художественная самодеятельность и вечера отдыха. Самой приятной разновидностью «общественной деятельности» была художественная самодеятельность. В конце 1920-х — 1930-е гг. в университете пользовались большой популярностью татарский и русский хоры, струнный и духовой оркестры, кружок сольного пения, балетный кружок, ансамбль красноармейской песни и пляски, драматический кружок. В марте 1936 г. в КГУ впервые прошла олимпиада художественной самодеятельности, ставшая позже ежегодной. С конца 1950-х гг. в университете стали проводиться весенние факультетские фестивали-смотры. Зачинателем в этом деле был геологический факультет²⁹. На их основе родилась традиция университетских фестивалей «Студенческая весна», проводившихся уже в 1960-е гг.

Студенты с удовольствием занимались в кружках. Однако содержание самодеятельных концертов и спектаклей строго контролировалось комсомольской и партийной организациями³⁰. Студенты должны были петь «советские» песни, танцевать «советские» танцы, читать «советские» книги, смотреть «советские» фильмы. Другое дело, что делали они это с радостью, вдохновенно и талантливо.

Во второй половине 1920-х и особенно в 1930-е гг. широкое распространение в Казани получили танцевальные вечера. В университете существовала своя платная

---

²⁷ ЦГАИПД РТ. Ф. 6951. Оп. 1. Д. 32. Л. 163–164.

²⁸ Габбасова М.А. Незабываемое // ОРПК НБЛ КГУ. Ед. хр. 10076. Л. 4.

²⁹ Тефанова Т.А. Из истории геологического факультета Казанского университета // ОРПК НБЛ КГУ. Ед. хр. 10096/1. Л. 30.

³⁰ Когда в 1930 г. студенты-первокурсники геолого-почвенного факультета организовали в общежитии «капустник» и прошлись по своим «чересчур партийным» наставникам из числа старшекурсников, их подвергли товарищескому суду с вынесением строго предупреждения. (См.: Трофимук А.А. Казанский университет — моя «альма-матер». Л. 14).

танцевальная школа³¹. В городских клубах и домах культуры, в общежитиях и даже в учебных аудиториях студенты осваивали такие модные в то время «уродливые порождения буржуазной культуры», как шимми, танго, румба, чарльстон и фокстрот³². Самым любимым был, конечно, фокстрот. В университетской многотиражке и на комсомольских собраниях его обличали как «нечто расслабляющее, возбуждающее, грубое, пошлое, принижающее достоинство человека»³³. Несмотря на обличительную критику, в казанском Доме ученых продолжали проводить конкурсы фокстрота, а победителей награждали трудами Ф. Энгельса³⁴.

«Развращающим» танцевальным вечеринкам и танцплощадкам противопоставлялись организуемые в университете советские вечера отдыха. Как правило, они приурочивались к какому-нибудь празднику — 1 мая или 7 ноября и предварялись лекцией «о международном положении» или «текущем политическом моменте». Молодежь с нетерпением ждала окончания «вступительной» части, чтобы, наконец, вволю потанцевать. Для проведения вечера нередко объединялись два факультета (например, «мужской» физмат и «женский» биофак). Такие совместные вечера получили название «смычки»³⁵.

Музыкальные предпочтения университетского человека. Четкому контролю подлежали и музыкальные пристрастия советского студента. «Прежний студент хорошо знал „Gaudeamus“, — писал по этому поводу в 1924 г. представитель „красной профессуры“ Казанского университета М.К. Корбут. — Новый студент его совершенно не знает, даже нередко и по названию. Новый студент поет общепролетарский гимн „Интернационал“, чем он подчеркивает свое органическое сродство с рабочим классом, задачами коего живет и к целям которого стремится»³⁶.

Всячески поощрялись и пропагандировались революционные, патриотические и народные песни. Ничего не имела советская власть и против классики: в Актговом зале университета постоянно устраивались симфонические и камерные концерты, а исполнителями нередко были сами преподаватели и студенты³⁷.

А в конце 1920-х гг. в жизнь казанской интеллигенции властно ворвался Его Величество Джаз. Джазовая музыка была в те годы настолько любима, что студенты создали свой мюзик-холл³⁸. Были в Казани и студенческие джазовые коллективы.

---

³¹ Кузнецова Н.К. Перелистывая дневники. Л. 2.

³² Наумов В. Три Казани // Казань. 1998. № 7–8. С. 16–17.

³³ Адо В.И. Вспоминая о прошлом... Записки русского интеллигента XX века // Казань. 2000. № 10. С. 103

³⁴ Донская И., Подольская М. Благородное собрание казанских ученых // Казань. 1999. № 7–8. С. 132.

³⁵ Иванова Р.Г. Студенческая жизнь в годы Великой Отечественной войны. — Л. 8. Как вспоминали студенты тех лет, «в Актговом зале танцевать было одно удовольствие, пол был всегда чист и натерт до блеска, да к тому же еще техническая служащая ходила среди танцующих, отстригивая от свечки и роняла на пол кусочки стеарина, отчего паркет делался более скользким. Ноги, казалось, сами неслись по полу». (Носов Н. Версты любви. С. 14).

³⁶ Корбут М.К. Рабочие факультеты и высшая школа // 5 лет рабочего факультета Казанского гос. университета им. В.И. Ульянова (Ленина). Казань, 1924. С. 9.

³⁷ В воспоминаниях неоднократно упоминались музыкальные вечера, которые готовил аспирант физмата А.Н. Хованский. (Иванова Р.Г. Студенческая жизнь в годы Великой Отечественной войны. Л. 24).

³⁸ Носов Н. Версты любви. С. 14.

Современники помнят джаз-оркестр Бориса Евлампиева, который играл на танцплощадке Ленинского сада³⁹.

В послевоенные годы приверженцами и пропагандистами джаза были, в первую очередь, казанские стилиги. С помощью старенького приемника они часами охотились за обрывками западных музыкальных передач, записывали их на самодельные пластинки, изготовленные из рентгеновских пленок («джаз на костях»). В те годы их центром был Дом ученых, директор которого Лазарь Ванштейн покровительствовал «нестандартной» молодежи. По субботам здесь играл студенческий джаз-оркестр, которым руководил физик Юрий Яковлев. Тон этих вечеров задавал лидер казанских «чуваков» и «чувих», студент-медик и будущий писатель Василий Аксенов⁴⁰.

Гонения на джаз — «музыку толстых», по крылатому определению М. Горького, — и на стилиг обрушились в контексте борьбы с космополитизмом. Длинноволосых стали исключать из комсомола и отчислять из университета. Поклонникам джаза, среди которых было немало университетских людей, приходилось скрывать свои музыкальные пристрастия.

Своеобразной контркультурой российской интеллигенции периода «оттепели» стал такой музыкально-поэтический феномен, как бардовская песня. Университетские студенты исполняли песни «всероссийских» бардов и ходили на концерты местных авторов («на Бокова» или в мединститут «на Муравьева»).

В 1960-х гг. на западном музыкальном небосклоне взойшли две яркие звезды, ставшие кумирами советской «продвинутой» молодежи 1960–1970-х гг. — группы «The Beatles» and «The Rolling Stones». Студенты КГУ — выпускники спецшкол, хорошо владевшие английским языком, знали их песни буквально наизусть. Тогда же появилась необычайно модная и стильная музыкальная «фишка» — рок-опера «Jesus Christ — Super Star». Любовь к западным группам доходила подчас до неистового поклонения: в университете имелись «битломаны», одетые в узкие брюки, пиджаки без воротников, круглые очки, были и любители «Роллинг Стоунз», облаченные в узкие джинсы и пятнистые футболки. Видимо, это было протестное музыкальное движение, противостоящее сладкозвучному, политизированному и зачастую бессодержательному лепету советской «попсы». Позднее аналогичную протестную роль стали играть российские рок-группы «Машина времени», «Аквариум», «Воскресенье». Таким образом, музыкальные вкусы университетской молодежи нередко шли вразрез с официально одобряемыми и поощряемыми. Так было всегда, но 1950–1980-е гг. в этом отношении были особенно «диссидентскими». Именно тогда сложился двойной стандарт музыкальных идеалов советского студенчества: один — «на показ», другой — «для себя».

Чтение как стиль жизни. Важную роль в структуре досуга университетского человека занимало чтение. Опросы студентов, проведенные в середине 1920-х гг., показали, что наибольшей популярностью у юношей пользовались авантюрные романы (22,4 % опрошенных), у девушек — «изящная» литература (21 %); из писателей — Тургенев (14,4 % и 12 % соответственно), Толстой (11,2 % и 10,5 %) и До-

---

³⁹ Там же. С. 65.

⁴⁰ Там же. С. 66.

стоевский (9 % и 10,5 %) ⁴¹. Позднее структура чтения сильно изменилась. В круг литературных пристрастий университетских преподавателей и студентов стали входить произведения советской литературы, однако работы современных литераторов воспринимались в университете весьма настороженно и критично. Так, когда в 1927 г. в Казанском университете выступал В.В. Маяковский, «по запискам угадывалось, что в зале немало людей, недооценивающих или плохо знающих поэзию Маяковского, или даже отвергающих» ее ⁴². Конечно, впоследствии и советская литература создала свою «классику», признанную университетскими людьми. Но в силу концентрации здесь особо образованных читателей, в университете существовала критическая среда для апробации литературных новинок.

Власти стремились управлять умонастроениями масс: из библиотек изымалась религиозная и философская литература, произведения «неугодных» писателей, труды вчерашних лидеров, объявленных «врагами народа». Все они были спрятаны в «спецхраны» и тем сохранены. Свой спецхран существовал и в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета.

В годы борьбы с космополитизмом круг чтения университетского человека вновь подвергся ограничениям: из библиотеки были изъяты книги Михаила Зощенко, Анны Ахматовой, Лидии Сейфуллиной, Сергея Есенина, норвежского писателя Кнута Гамсуна ⁴³. Но преподаватели и студенты их все равно читали, так как немало такой литературы отложилось в домашних библиотеках ⁴⁴. «Оттепель» рубежа 1950–1960-х гг. ознаменовалась возрождением романтической лирики — это было время легендарных и триумфальных выступлений поэтов в Политехническом институте в Москве. «Культовая поэзия», рожденный в те годы, спровоцировал мощный всплеск поэтического творчества студентов и преподавателей. В редакции газеты «Ленинец» начала работать поэтическая студия «АРС», из которой вышло немало талантливых поэтов ⁴⁵.

В жизни вузовской интеллигенции Казани, как и у их дореволюционных предшественников, были «обязательные» для прочтения книги и статьи. Власти хотелось, чтобы это были, в первую очередь, партийные и комсомольские периодические издания: подписка на газету «Правда» для коммунистов и «Комсомольская правда» для комсомольцев была обязательной. Но университетские люди всегда стремились выйти за рамки дозволенного: широкое хождение в этой среде получила запрещенная литература. Еще в 1956 г. по рукам у студентов ходила рукописная копия доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС ⁴⁶. Учащиеся умудрялись доставать и читать запрятанные в спецхраны труды философов. Но за это приходилось расплачиваться.

---

⁴¹ *Рубинштейн М.М.* Юность по дневникам и автобиографическим записям. М., 1928. С. 107.

⁴² *Ключевич А.С.* Воспоминания химика-выпускника КГУ. Казань, 2002. С. 38.

⁴³ *Носов Н.* Версты любви // Казань. 1995. № 1–2. С. 57, 59, 63.

⁴⁴ Домашние библиотеки университетских людей были настоящим кладом сокровищ. Вспоминается, как в начале 1980-х гг. при работе в спецхране тогдашней библиотеки им. Ленина в Москве одному из авторов этой книги отказали в доступе к работам Л. Троцкого («На Троцкого нужно особое разрешение!»). Выход был найден быстро — Троцкий оказался в личной библиотеке старшего коллеги — профессора исторического факультета КГУ.

⁴⁵ *Королев В.С., Жигунин В.Д.* «Эпоха Нужи́на» (1954–1979 гг.) // Очерки истории Казанского университета. С. 298.

⁴⁶ НАРТ. Ф. 624. Оп. 1. Д. 311. Л. 45–56.

В 1959 г. был исключен из комсомола и университета студент юридического факультета, читавший А. Шопенгауэра⁴⁷.

В 1970–1980-е гг. по университету «ходили» бледные переплетенные машинописные экземпляры изданных за рубежом (как тогда говорили, в «тамиздате») книг эмигрантов и диссидентов (например, «Двадцать писем к другу» С. Аллилуевой), «самиздатские» книги А. Солженицына, В. Набокова, И. Бродского, Б. Пастернака, Д. Мережковского, И. Мандельштама, Н. Гумилева, М. Цветаевой. Их украдкой давали друг другу почитать на день или «на ночь», ни в коем случае не называя «первоисточник» — человека, который дал книгу, хорошо представляя, что может быть за «распространение антисоветской литературы». Читали в университете и не запрещенных, но и не приветствуемых властями авторов — братьев Стругацких, В. Высоцкого, М. Зощенко, С. Есенина, И. Бунина, а также одну из культовых книг той эпохи — «Мастера и Маргариту» М. Булгакова.

Кстати, раздобыть книги в «самой читающей стране мира» было непросто: приходилось выстаивать многочасовые очереди, разыгрывать книги в лотерею в Обществе книголюбов, ездить за ними в сельские магазины, где книжный спрос был ниже. Тогда книга, действительно, была «лучшим подарком».

Старые и новые зрелищные формы досуга. Одной из базовых доминант советской культурной политики был театр. Казань всегда была городом «театральным». Спектакли Большого и Малого драматических театров, театральных трупп Коммунистического клуба и Народного дома, татарских коллективов «Сайяр» и «Нур», Казанской экспериментальной мастерской современного театра (КЭМСТ) уже в 1920-е гг. вызвали ожесточенные споры в интеллектуальной среде города⁴⁸. В 1930-е гг. театральная жизнь Казани стала еще более насыщенной. В распоряжении местной интеллигенции были Большой драматический театр им. А.Н. Луначарского, Дом Красной Армии, Татарский академический театр, Театр юного зрителя, открытый в 1939 г. Татарский театр оперы и балета⁴⁹. В этой ситуации университетское студенчество выступало в качестве «организованного зрителя», приобщаемого к театру в контексте борьбы «за новый быт» и «повышение уровня культуры».

Быть театралом в университетской среде всегда считалось престижным. Правда, если преподаватели более охотно посещали оперу, то студенты предпочитали драматические спектакли. При всём том театр оставался элитарным видом досуга. Такой же налет элитарности лежал на музеях, хотя советская власть расценивала музейно-экскурсионную деятельность как один из реальных и широкодоступных способов «окультуривания масс». В 1920-е гг. в понятие «культурного досуга» студента КГУ входило обязательное посещение Центрального музея, Музея революции, санитарно-гигиенического музея, музея социальной гигиены, музея при Доме крестьянина. А вот кинематограф относился к более популярным видам досуга. Причем эта популярность росла из года в год. Осенью 1917 г. количество работающих кинотеатров в Казани

⁴⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 6951. Оп. 1. Д. 91. Л. 38–42.

⁴⁸ Благов Ю.А. Кешнер и К^о: История одной казанской семьи. Казань, 2001. С.19; *Габаши А.* Верность призванию // Казань. 2002. № 3–4. С. 134.

⁴⁹ *Тарасова Г.Б.* Немного об отце (Векслине Носон-Бер Залмановиче) // ОРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 10087. Л. 4; *Липтнев Б.Л.* Воспоминания о П.А. Широкове // Очерки истории НИИ математики и механики имени Н.Г. Чеботарева. Казань, 1989. С. 147.

резко сократилось. Но после их муниципализации в 1918 г. они вновь возобновили свою работу. Посещения кинотеатров «Электро» (после войны — «Татарстан»), «Унион» (после войны — «Родина»), «Пионер», «Красная звезда», «Чаткы», «Маяк», а также любимейших студентами разных поколений «Вузовца» и летнего кинотеатра «Комсомолец» было распространённым и приятным времяпрепровождением. Спрос на фильмы был так велик, что стационарные кинотеатры не могли его удовлетворить. В 1920-е гг. немые фильмы показывали даже в студенческой столовой, а в 1930 — начале 1940-х гг. в 1-ой учебной аудитории КГУ.

Художественный кинематограф был той одушиной, где интеллектуальные приращения университетского человека могли быть удовлетворены наиболее полно. Он предоставлял выбор: хочешь — смотри «высокое» кино, хочешь — комедию или мелодраму, хочешь — отечественный фильм, а хочешь — западный (с вырезанными кадрами и даже целыми частями). Вот только «прелюдия» оставалась неизменной: хроникальная документалистика или сатирический «Фитиль». От менторского глаза власти советскому человеку было не скрыться в темноте зрительного зала. Но что не вытерпишь ради хорошего фильма! Ради них же сбегали с лекций. Билеты в «Татарстан» и «Родину» брали заранее. Легче было попасть в «Спутник» — там, как правило, шли «некассовые фильмы», в частности, ленты А. Тарковского.

В 1950-е гг. у кинематографа появился достойный конкурент. Уже в 1955 г. несколько энтузиастов, в том числе физики — преподаватели университета, создали в Казани любительский телевизионный центр, который вел передачи местных программ. С 1959 г. начал функционировать большой, государственный телецентр, а 16 марта 1962 г. началась трансляция телепередач из Москвы. Тогда телевизоры были редкостью. Но уже в конце 1960-х гг. они стояли даже в холле студенческих общежитий. Телевидение вызвало изменения в традиционной структуре досуга университетского человека: просмотр фильмов плавно переместился из публичной сферы — кинотеатров и домов культуры — в сферу частную, домашнюю, из самостоятельной формы досуга стал частью «культурной программы» дружеских или семейных посиделок. Телевидение потеснило чтение.

Университетский человек в досуговом пространстве города. «Советизация» досуговых форм в равной степени коснулась и закрытых, и открытых рекреационных пространств. Последние еще с дореволюционных времен занимали важное место в структуре отдыха университетского человека. Правда, революция 1917 г. и гражданская война свели к минимуму прежние городские развлечения. Многие популярные до революции сады и парки — «Русская» и «Немецкая Швейцария», «Эрмитаж» и «Панаевский» (переименованные, соответственно, в «Рабочий отдых» и «Красноармейский»⁵⁰), — пришли в запустение. С наступлением сумерек здесь просто опасно было появляться.

Но уже в начале 1920-х гг. ситуация изменилась кардинально. Начавшаяся эпоха грандиозных революционных праздников способствовала оживлению традиции народных гуляний и возродила городские парки. И хотя профессора и члены их семей не разделяли «бунтарского запала» участников манифестаций, возможности погулять по тенистым аллеям были рады и они. А студенты с удовольствием отправлялись

---

⁵⁰ НАРТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 126. Л. 69.

на летние купания и катания на лодках по озеру Кабан, зимой катались с гор на санках⁵¹.

На рубеже 1920-х — 1930-х гг. сложилась новая городская инфраструктура досуга, ориентированная на формирование советской «культурности». Весь город должен был стать пространством «окультуривания», а парки — одним из основных «очагов культуры». Все они были созданы по единому образцу и подобию: с одинаковыми аттракционами, убранством и украшениями, с едиными агитационно-пропагандистскими и воспитательно-развлекательными мероприятиями. В Казани такой парк появился в 1935 г.: это были хорошо известные всем «Швейцарии», носящие отныне гордое название Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького. В теплое время года университетские преподаватели с семьями и студенты проводили здесь довольно много времени⁵².

Популярным видом зимнего отдыха было катание на коньках — развлечение, сохранившееся еще с дореволюционных времен. На катки стадионов «Динамо», «Трудовые резервы», а также самый любимый казанцами каток в парке «Черное озеро» по вечерам приходили не только учащиеся, но и учащие. Здесь работала «раздевалка», буфет, коньки можно было взять напрокат. Ледовые пары и одиночки кружились под усиленные динамиками звуки радиол, а по праздникам — под музыку духового оркестра⁵³.

Каникулярный досуг. Одной из форм поощрения и, следовательно, управления обществом в советское время был отдых «по путевке» — бесплатной или льготной. Льготы, их ожидание и использование делили людей на привилегированных и непривилегированных. В 1920–1930-е гг. сотрудники, преподаватели и студенты университета имели возможность во время отпуска или каникул отдохнуть и подлечиться в санаториях и домах отдыха республики «Ключищи», «Васильевский», «Берсутский», «Казанский», «Петровский», Ютазинской кумысолечебнице, Морквашином доме отдыха рабочей молодежи. Но желающих ими воспользоваться было много, а путевок (и самих санаториев) — мало, так что «заветные» путевки доставались не всем, а только «наиболее достойным» гражданам. Стать обладателем их было сложно. Пример тому — неоднократные обращения профессора М.К. Корбутова в университетскую администрацию: в качестве одного из условий его работы над юбилейным двухтомником по истории Казанского университета он называл предоставление ему санаторной путевки⁵⁴.

В 1923–1937 гг. Татарская комиссия по улучшению быта ученых, а затем Комиссия содействия ученым при ТатЦИКе распределяла лишь по несколько путевок в месяц. Так, в мае 1924 г. было выдано 8 бесплатных и льготных путевок в санатории Крыма, в Кисловодск, а 6 платных путевок остались невостребованными⁵⁵. Особой популярностью среди преподавателей пользовался расположенный недалеко от Казани дом отдыха научных работников в Шеланге, созданный в 1932 г.⁵⁶ А в 1942 г.

⁵¹ Адо В.И. Вспоминая о прошлом // Казань. 2000. № 8. С. 50–55; № 9. С. 48–50.

⁵² НАРТ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 136. Л. 109.

⁵³ Носов Н. Версты любви // Казань. 1995. № 1–2. С. 53.

⁵⁴ НАРТ. Ф.Р-1337. Оп. 36. Д. 14. Л. 53.

⁵⁵ НАРТ. Ф. 644. Оп. 1. Д.136. Л. 109.

⁵⁶ Вульфсон Г.Н. Воскрешают в памяти первые годы истфака. С. 164.

в Шеланге университет организовал пионерский лагерь для детей сотрудников и эвакуированных ученых⁵⁷.

В 1970–1980-е гг. среди казанской интеллигенции получил распространение отдых за границей — в братских социалистических странах, особенно в Болгарии. С финансовой точки зрения отдых на море был вполне доступен, но реально путевки было не достать. Поэтому многие отправлялись на отдых «дикарем» — покупали билет до черноморского города или в Прибалтику и снимали там комнату у местных жителей. Справедливости ради, нужно заметить, что при наличии соответствующих медицинских показаний любой университетский сотрудник и студент мог рассчитывать на санаторную путевку (правда, молодым преподавателям она обычно доставалась «не в сезон» — поздней осенью или ранней весной).

Для молодых и здоровых в 1960–1980-е гг. была организована специфическая форма каникулярного труда-отдыха — стройотряды. Первые стройбригады появились в Казанском университете в 1957 г. К концу 1960-х гг. летом на стройки страны из КГУ отправлялось до 30 отрядов⁵⁸. Такая практика просуществовала вплоть до конца 1980-х гг.

«Профессорской» формой летнего отдыха в советское время оставались дачи. В 1920-е гг. профессора и преподаватели из «бывших» жили на дачах, многие из которых стали символом научных династий, местом сбора выдающихся ученых. Позднее, в канун войны и в первые послевоенные годы дача стала непозволительной роскошью для университетского человека. Владение ею было сопряжено со множеством экономических и политических неудобств. Так, с имевшего дачу профессора Н.М.Пауткина власти собирались взимать «мясной» налог⁵⁹. Земля под летние домики и лес для их строительства выдавались лишь как льгота военным инвалидам. Поэтому большинство преподавателей снимали на лето комнату в сельских домах по берегам Волги⁶⁰. В 1950–1960-е гг. «дачный ареал» университета расширился, в 1980-е гг. дачи были практически у всех университетских преподавателей, а в 1990-е некоторые из них стали превращаться в загородные коттеджи, мало чем отличающиеся от городского жилья.

Досуговые объединения и культ общения в университетской среде. Итак, советская власть создавала новые досуговые формы и наделяла «советскостью» формы устойчивые, традиционные, исторически сложившиеся. Но у университетского человека всегда существовало свое, особое «досуговое» пристанище — те сферы и области свободного времяпрепровождения, которые оставались относительно свободными от властного контроля и вмешательства, те заповедные уголки, где он был предоставлен сам себе и где он мог конструировать досуг по собственному усмотрению. До начала 1930-х гг., а в отдельных случаях — и гораздо дольше университетским людям удавалось сохранить некоторые дореволюционные, характерные для университетской среды, привычки и традиции досуговой культуры. Они оказались необычайно живучими и не утрачены до сих пор.

---

⁵⁷ Шехтер А. «Грелки» душевной теплоты // Казань. 1999. № 7–8. С. 60–61.

⁵⁸ Королев В.С., Жигунин В.Д. «Эпоха Нужина». С. 297.

⁵⁹ НАРТ. Ф. 732. Оп. 1. Д. 2126. Л. 306.

⁶⁰ Крылова Н. Свет любви и милосердия // Казань. 1997. № 3–4. С. 141.

Университетские люди любили отдыхать компаниями «по интересам». В результате этого рождались интереснейшие досуговые объединения. Одними из самых ранних, еще дореволюционных видов подобных объединений были интеллектуальные салоны университетских профессоров, где собирались их коллеги, друзья и даже студенты. В 1920–1930-е гг. такие «салоны» действовали на квартире у профессоров М.Н. Чебоксарова, А.Ф. Самойлова, Н.К. Горяева⁶¹. Преподаватели организовывали домашние спектакли, придумывали шарады, устраивали детские праздники. Как вспоминала дочь ректора Н.-Б.З. Веклина, в их доме часто проходили семейные концерты, детские инсценировки⁶². В доме Арбузовых, где царило «дружелюбие, простота и неподдельное веселье», для гостей затевались игры, все вместе пели волжские песни⁶³. Заведующий кафедрой геометрии П.А. Широков приглашал к себе домой знакомых музыкантов и вместе с коллегами слушал в их исполнении фортепьянные переложения симфоний⁶⁴.

Интенсивность дружеского общения резко снизилась в конце 1930-х гг. Многие казанцы перестали устраивать домашние праздники, встречаться компаниями вне общественных мест. Люди боялись, что их могут обвинить в организации антисоветских сборищ: так, созданное в конце 1920-х — начале 1930-х гг. молодыми преподавателями математиком Б.Л. Лаптевым, астрономом А.Д. Дубяго и физиком Б.М. Козыревым (будущими известными учеными) шутовское общество «Три кита», участники которого проводили вместе свободное время, разгадывали шарады и устраивали розыгрыши, послужило поводом для ареста А.Д. Дубяго⁶⁵.

«Оттепель» 1950-х — начала 1960-х гг. сделала «роскошь человеческого общения» кумиром интеллигенции. Выпускники биофака вспоминали шуточные затеи конца 1950-х гг., организованные профессором В.В. Марковым. Одной из них был «конкурс» на лучшую рекламу мыла, который инициировал Марков, положивший на полочку мыло «Экстра» и снабдивший его табличкой со стихами: «„Экстра“ лучше прочих мыл как ликвидатор грязных рыл!».

В 1960-е гг. в среде интеллигенции сложилась традиция «кухонных посиделок» с разговорами о политике, об искусстве, о литературе. Именно здесь рождался новый городской фольклор — анекдоты, остроты, песни, формировавшие общественное мнение. «Посиделки» как жанр процветали и на университетских «кухнях». По инициативе того же профессора В.В. Маркова на биофаке устраивались субботние чаепития. Их участники рассказывают об атмосфере искрометного творчества, «размах и жанровое разнообразие которого невозможно передать».

Культ общения сохранился в университетской среде и после того, как «оттепель» ушла. Вузовские преподаватели Казани создавали корпоративные досуговые сообщества. Таким был учрежденный в 1977 г. студентами и преподавателями истфилфака «Эскадрон имени поручика Ржевского». Вот уже более 25 лет он собирает

⁶¹ *Болгарский Б.В.* Мои воспоминания о КГУ // Музей истории КГУ. Фонд «Б.В. Болгарский».

⁶² *Тарасова Г.Б.* Немного об отце. Л. 4.

⁶³ *Богоявленский А.Ф.* Воспоминания о химфаке КГУ // ОРПК НБЛ КГУ. Ед. хр. 10097/1. Л. 5; *Арбузов Б.А.* Из воспоминаний о Казанском университете // ОРПК НБЛ КГУ. Ед. хр. 10099/1. Л. 8.

⁶⁴ *Тарасова Г.Б.* Немного об отце. Л. 4; *Лаптев Б.Л.* Воспоминания о П.А. Широкове. С. 147.

⁶⁵ *Козырева Е.* Жажда прекрасного: Соприкосновение с духовным миром Б.М. Козырева // Казань. 1999. № 7–8. С. 102.

друзей на сплав в мае и на августовские «съезды» в марийских лесах. Другой долгожитель — созданный в КГУ в 1985 г. литературный клуб любителей фантастики «Странники». Под влиянием «миров» английского писателя Д.Р.Р. Толкиена и молодежного движения ролевых игр «Странники» дали жизнь целому ряду общегородских объединений — клубу «Факел» (директор — выпускница химфака Л. Смеркович), военно-патриотическому клубу «Витязь» (директор — выпускник истфака В. Хабаров), общественной организации «Игровые технологии в образовании». В 1991 г. в КГУ стартовал первый всесоюзный фестиваль фантастики и ролевых игр «Зиланткон», ставший ежегодным⁶⁶. В 1996 г. в университете появились клубы интеллектуальных игр «Что, где, когда?» и «Брейн-ринг».

Табуированные формы досуга. Помимо «нейтральных», официально не поддерживаемых, но и не осуждаемых форм досуга, в университетской культуре жили и табуированные по идейным или по морально-этическим соображениям формы времяпрепровождения. Таковым являлось, например, посещение церквей и мечетей. Если в 1920-е гг. университетские люди ходили туда по убеждению, то в 1960–1980-е гг. это во многом стало данью моде или проявлением протестного поведения. Всеми правдами и неправдами студенты стремились проникнуть на богослужение в одну из трех действовавших в городе церквей или в единственную действовавшую мечеть. Часто такие попытки пресекались нарядами милиции. На Пасху пространство вокруг Куртинской церкви на Арском кладбище было занято толпами народа. Студенты заранее занимали лучшие места — на заборах и деревьях, «чтобы не упустить ни одного мгновенья из этого чудного зрелища»⁶⁷. На факультетах вплоть до 1980-х гг. перед Пасхой проводилась «Неделя по атеистическому воспитанию»⁶⁸.

Никогда в университете не поощрялось «бесцельное болтание» по улицам и «вечерние сборища» на «Сковородке» (полуциркулярная площадь перед Главным зданием университета). Однако погулять так хотелось! До середины 1950-х гг. «гуляли» в основном по улице Чернышевского — от университета до Кремля и далее по кремлевскому бульвару. Влюбленные парочки предпочитали старинные улицы и парки «старой» Казани — здесь легко было спрятаться от посторонних глаз, а взгляд отдыхал на уютных домиках с ажурной деревянной резьбой. С конца 1950-х гг. молодежная «тусовка» спустилась на улицу Баумана, получившую тогда на молодежном сленге название «Брод»⁶⁹ (в подражание Бродвею).

Приметной особенностью студенческого образа жизни были драки. Дрались много и охотно. Делали это из-за девушек, из-за оскорбленной чести, защищая товарища, в пылу застолья, а иногда и вовсе без причины. Рассказы тех лет полнятся воспоминаниями о драках «один на один», о столкновениях студенческих групп, и даже отдельных факультетских баталиях⁷⁰.

Казанские студенты были, как правило, небогаты и не могли позволить себе посещение респектабельных питейных заведений. Тем не менее, желание «шикануть»,

---

⁶⁶ Федорова Н.А., Ермолаев А.И. Университет накануне XXI века: 1980–2000 гг // Очерки истории Казанского университета. С. 327.

⁶⁷ Интервью с Т.Д. Коршуновой // Архив авторов.

⁶⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф. 6951. Оп. 1. Д. 407. Л. 13.

⁶⁹ Носов Н. Версты любви // Казань. 1995. № 1–2. С. 63.

⁷⁰ Аксенов В.П. В поисках грустного бэби. М., 1991. С. 265.

даже и на последние деньги, присутствовало всегда. Еще с довоенных времен весьма популярной у университетских студентов была пивная «Львица». Там собиралась пестрая публика — рабочие, интеллигенты, а также бродяги и другие «сомнительные личности». В воздухе стоял гул голосов, висел густой табачный дым. Эта пивная была своеобразным неформальным «клубом» общения для казанского студенчества. В конце 1950-х гг. у университета появилось свое «культовое» место — кафе-мороженое «Елочка». В 1970–1980-е гг. ее славу перехватило кафе «Ял», расположенное рядом с университетом. Туда ходили целыми студенческими группами. Однако основная масса студентов в кафе и рестораны посещала редко. Богемный образ жизни вели лишь некоторые обеспеченные молодые люди. Встречая своих воспитанников в залах ресторанов, педагоги ворчали по поводу «студенческой вседозволенности» и осуждали вольные нравы нынешней молодежи.

Осуждению подвергались и карточные игры. Впрочем, большинство «старых» профессоров сами с удовольствием играли в карты, причем играли много и профессионально (особенно летом на даче), знали массу пасьянсов. Но в этой среде признавались лишь «аристократические» карточные игры — покер, вист. Это были следы дореволюционной досуговой культуры. Что же касается студенчества, то самой распространенной карточной игрой в этой среде был, несомненно, преферанс. По воспоминаниям одного из воспитанников мехмата 1970-х гг., «в преф играл весь факультет. Играли везде — в аудиториях, коридорах, на лестницах. В общегитии — все ночи напролет. Ставки были небольшие, но играли только на деньги». Ни партком, ни комсомольская организация оказались не в силах противостоять этой «пагубной страсти». Впоследствии из «преферансистов» выросли весьма уважаемые университетские преподаватели.

Итак, досуговые формы советского университетского человека были весьма разнообразны. Несмотря на то, что выбор досуга, по сути своей, был делом весьма индивидуальным, преподаватели и студенты как носители некой советской субъективности подпадали под воздействие и воплощали в своей повседневной практике унифицированные формы массового советского досуга. В его функционировании и бытовании наличествовало противоречие между коллективным и частным, публичным и интимным, санкционируемым и добровольным, поощряемым и осуждаемым. На разных временных этапах баланс в этих оппозициях сдвигался в ту или иную сторону. Это было вызвано политическими процессами, происходящими в стране («оттепель»), их отражением в сознании общества и личности («шестидесятничество»), изменением качества жизни советских людей и многими другими факторами. Но при том, что напряженная зависимость университетской жизни от политики и идеологии была всегда очевидна, частная досуговая сфера преподавателей и студентов устойчиво расширялась и обретала значимость и автономию. Именно в пространство частной жизни — в городские квартиры, кухни, дворы, в компании друзей, единомышленников, близких по духу людей — «перекочевали» досуговые практики, ранее используемые лишь в публичной сфере (в клубах, в публичной библиотеке, дворце культуры, в трудовом коллективе или в кругу «товарищей по партии и комсомолу»). Университетские люди стремились уйти от формализма и заорганизованности коллективного досуга, и тем самым — от государственного контроля. На исходе XX века сфера досуга университетского человека пережила своеобразную

«эмансипацию», связанную с ростом потребности людей в частной жизни, в пространстве, свободном от государства.

В советское время досуг как неотъемлемая сфера человеческой жизни недооценивался. Он совмещался с другими видами деятельности и наделялся идеологическими и воспитательными функциями. В постсоветский период досуг стал весьма разнообразен, альтернативен и временами даже изыскан. Однако приобщиться к формам «обновленного отдыха» для нынешнего университетского человека не так-то просто. Причина одна — на престижное потребление далеко не у всех есть средства. Досуговые возможности сегодня очень широки, но чтобы их реализовать, люди вынуждены использовать свое потенциально досуговое — свободное — время для материального обеспечения этого самого досуга. Таким образом, мы имеем новую бинарную оппозицию, едва ли легче разрешимую, чем противоречия предыдущего периода.

Стиль жизни человека есть категория нравственная. Он менялся на протяжении существования казанского университетского сообщества, но сохранял особое, только ему присущие признаки и черты. Университетская жизнь была сложной, закрытой, с претензией на элитарность и вместе с тем демократичной. Она была иногда радостной, иногда — страшной, но в общем — счастливой. Она была насквозь пронизана и связана с историей, которую шла будто бы вокруг университетских людей, но в которой сами они всегда оказывались главными героями.

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА

ЛЕНИНСКИЙ ПРИЗЫВ 1924–1925 ГОДОВ: НОВЫЕ ЛЮДИ, НОВЫЕ МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

В. С. ТЯЖЕЛЬНИКОВА

Вопрос о формах политического поведения, специфических для авангарда «неуловимого советского рабочего класса»¹, является основным при оценке массовых кампаний по приему в партию 1924 и 1925 гг. В современной историографии ответ на этот вопрос носит дискуссионный характер. Обобщая многочисленные суждения, можно выделить две противоположные точки зрения.

Первая, идущая от работ Иссака Дойчера 1950-х гг., сводится к признанию полного деклассирования пролетариата и, как следствие, исчезновению его авангарда². Вторая — основывается на том, что значительное численное сокращение пролетариата не обязательно означало его дезурбанизацию, а изменения в социальном и гендерном составе не обязательно свидетельствовали о депролетаризации. Проявления классовой сознательности, считают эти историки, просто приняли иные формы³. Внутри русского рабочего класса, считают они, были своего рода «центробежные силы», основанные на различном уровне квалификации, навыков, гендерных различиях⁴. Результатом наличия таких «центробежных сил» было выраженное многоголосие в артикуляции рабочими классовой идентичности — ключевого вопроса первого послереволюционного десятилетия.

Несомненным достижением историографии последних лет можно считать становление основных подходов к анализу этой поливалентной ситуации. Наиболее полно, на мой взгляд, эти подходы были реализованы в книге Д. Конкер (Diane P. Koenker) «Республика труда»⁵. Идентичность рабочих-печатников автор анализирует через их культуру — как цеховую, так и домашнюю, включая в пространство повседневности питание, досуг, жилище, семейные отношения, любовь, гендер. Автор приходит к выводу, что уже в середине 1920-х гг. печатникам были присущи два типа классовой идентичности⁶ — идентичности «официального класса, нового социалистического

¹ См.: об «иллюзорном советском рабочем классе»: *Siegelbaum L.H., Suny R.G. Class Backwards? In Search of the Soviet Working Class // Making Workers Soviet. Power, Class, and Identity / Ed. by L.H. Siegelbaum, R.G. Suny. Ithaca, 1996. P. 12–21.*

² *Deutscher I. The Prophet Unarmed: Trotsky, 1921–1929. New York, 1959. P. 7.*

³ *Koenker D. Urbanization and Deurbanization in the Russian Revolution and Civil War // Journal of Modern History. 1985. Vol. 57. P. 424–450.*

⁴ *Chase W. Workers, Society and the Soviet State: Labour and Life in Moscow, 1918–1929 Urbana (Ill), 1987. P. 175–210.*

⁵ *Koenker D. Republic of Labor: Russian Printers and Soviet Socialism, 1918–1930. Ithaca, 2005. P. xii, 343.*

⁶ Там же. P. 208.

класса, правящего класса государства диктатуры пролетариата» и идентичности «неформального класса», который ценит потребление также, как производство, который любил не только работать, но и хотел веселиться и развлекаться. Важно, что эти два типа классовой идентичности, как считает автор, не были разделены, прекрасно сосуществовали в контексте рабочего и домашнего пространства рабочих. Автор показывает как на протяжении 1920-х гг. классовая идентичность рабочих становилась еще более многоголосной — внутри самого советского общества все отчетливее звучал голос мелкой буржуазии, женщин, молодежи, антисоциальных элементов, которые имели мало общего с ожидаемыми нормами пролетарского поведения⁷. Представляется, что исторические особенности звучания этих новых голосов, сосуществование их с официальной пролетарской идентичностью, приспособление к ней и влияние на нее и составляет основную интригу советской истории межвоенного периода, а гораздо более отчетливое представление об особенностях этого многоголосия является основным достижением советской социальной истории за последние годы⁸.

В контексте такого многоголосия совершенно по-другому встает вопрос о взаимоотношениях рабочих с партией большевиков, утративший популярность у историков как на Западе, так и в России. История взаимоотношений рабочих и партии на уровне ячейки, как предмет анализа «снизу», на основе последних тенденций социальной истории и истории повседневности, была в последнее десятилетие предметом внимания довольно узкого круга специалистов. Приятным исключением является книга британского историка С.Пирани, которая должна выйти из печати в феврале 2008 г.⁹ Автор фокусируется на отступлении от революционных ценностей в годы НЭПа, анализируя сложный комплекс действий и реакций политических, профсоюзных лидеров тех лет и, что наиболее важно и интересно, простых рабочих московских заводов — как партийных, так и беспартийных. Проследивая крайне противоречивые отношения рабочих и большевиков в процессе становления рабочего класса как правящего, С.Пирани показывает отступление рабочих от революционных ценностей взамен на приемлемые для них условия социального контракта, предложенного правящей партией. Сложность этого отступления для действительно сознательных рабочих проявилась, в частности, в феномене рабочей беспартийности, которая была на начальном этапе одной из форм политического несогласия рабочих с новыми реалиями¹⁰.

Учитывая все выше сказанное, мне представляется, что наиболее интригующим предметом исследования социальной истории КПСС, то есть истории правящей партии снизу, как истории обыденной рутины низовых ячеек, является приспособление

---

⁷ Там же. Р. 297–298.

⁸ На примере советской рабочей истории последние историографические тенденции блестяще проанализированы в обзоре Л. Сигельбаума: *Siegelbaum L.H. The Late Romance of the Soviet Worker in Western Historiography // International Review of Social History. Vol. 51. 2006. P. 463–481.*

⁹ *Pirani, S. The Russian Revolution in Retreat, 1920–1924. Soviet Workers and the New Communist Elite. New York, 2008.*

¹⁰ *Pirani, S. The Moscow Workers' Movement in 1921 and the Role of Non-Partyism // Europe-Asia Studies. Vol. 56. № 1. 2004. P. 143–160.*

организационных форм низовой партийной жизни к ситуации послереволюционного социального многоголосия. Это делает актуальным исследование особенностей поведения коммунистов на уровне заводских партийных организаций (*ячеек*), ставит вопросы о восприятии их (*ячеек*) рабочими, взаимоотношениях между ячейкой и районным комитетом партии в период «между первой и второй жизнью российского пролетариата»¹¹, об изменениях в производственной среде. Анализ динамики указанных взаимоотношений позволяет приблизиться к пониманию факторов, под воздействием которых из «поливалентного» пролетариата первой половины 1920-х гг. сформировалась «главная сила коммунистического наступления».

Выводы, предлагаемые для обсуждения в настоящей статье, сделаны на основе анализа генеральной совокупности протоколов первичных партийных ячеек московских заводов — Телеграфно-телефонного завода¹², завода «Динамо»¹³ и шелкоткацкой фабрики «Красная Роза»¹⁴. Эти заводы существенно отличались по квалификации и гендерному составу рабочих, а также среде повседневного общения. Так, коллектив фабрики «Красная Роза» на 60% состоял из женщин подмосковных деревень, живших в фабричном общежитии в осенне-зимний период и частично возвращавшихся домой в аграрный сезон (впоследствии гендерный баланс мог меняться). Коллектив телеграфно-телефонного завода был эвакуирован в 1918 г. из Петрограда (на нем производились телеграфно-телефонные аппараты «Морзе», и предприятие имело оборонное значение). Хотя значительная часть петроградцев покинула завод в ходе мобилизаций, оставшиеся — сохраняли влияние в рабочей среде. Характер труда на этом предприятии требовал высокой квалификации, в составе коллектива преобладали мужчины. Тот же квалификационный и гендерный состав был на заводе «Динамо»; его коллектив составляли москвичи и жители пригорода. Существенное влияние на заводскую атмосферу имело расположение завода в Рогожско-Сомоновской слободе, где концентрировались машиностроительные предприятия и металлургические производства, а слободской микроклимат отличался тесным общением рабочих нескольких заводов, составлявших, по сути, единое локальное сообщество.

1. ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ДО МАССОВЫХ КАМПАНИЙ

В 1918–1921 гг. солидаризация рабочих на всех перечисленных заводах была теснейшим образом связана *со стратегиями выживания*, предполагавшими *активное действие*. Рабочие обеспечивали себя продуктами, организуя экспедиции в хлеботородные губернии и выращивая овощи в черте города и ближайших пригородах, заготавливали дрова, и даже держали при фабрике корову. Характерными чертами такой внутризаводской хозяйственной активности была инициатива снизу (из рабочей среды, предложения от рядовых коммунистов), а не распоряжения райкома. Анализ таких инициатив показывает высокую степень солидаризации внутри рабочего коллектива — тщательное и заинтересованное обсуждение порядка действий

¹¹ Siegelbaum L.H. and Suny R.G. Указ. соч. Р. 13.

¹² Центральный архив общественных движений г. Москвы (ЦАОДМ). Ф. 264.

¹³ ЦАОДМ. Ф. 432.

¹⁴ ЦАОДМ. Ф. 484.

во всех деталях, обилие конструктивных предложений, критический разбор инициатив. Завком и партийная ячейка действовали, как правило, как единое целое, решения часто фиксировались в едином протоколе, четкой границы между заводскими организациями и ячейкой не было. Высказывания рабочих показывают, что они воспринимали ячейку и завком как единое активное ядро в заводской среде.

Действия, которые рабочим приходилось предпринимать по добыванию продовольствия и топлива часто требовали активности военного типа. Характерный пример тому — организация весной 1918 г. Огородной коммуны внутри партийной ячейки телеграфно-телефонного завода¹⁵. Членам ее приходилось с оружием патрулировать периметр огорода, охраняя урожай. С риском были также сопряжены экспедиции за хлебом в плодородные губернии, не говоря уже об участии в продовольственных отрядах.

Военно-мобилизационные приемы были апробированы и на телеграфно-телефонном заводе. Не последнюю роль в этом играл тот факт, что Замоскворецкий райком партии Москвы тогда возглавляла Р.С.Самойлова (Землячка), выступившая на VIII съезде РКП(б) в составе «военной оппозиции». На телеграфно-телефонном заводе организация частей особого назначения (ЧОН) началась в феврале 1919 г.¹⁶ Четыре часа в неделю коммунисты должны были посвящать обучению стрельбе из пулемета, а коммунистки — пулеметному или санитарному делу¹⁷. По всей вероятности для этих занятий в партийной ячейке завода расположенного в 20 минутах ходьбы от Кремля до ноября 1923 г. хранился пулемет с полным боекомплектом¹⁸. Такая полувоенная атмосфера прослеживается до поражения ноябрьской революции в Германии в 1923 г.

Для периода военного коммунизма характерны независимые отношения рабочих с райкомами, горкомами и другими высшими органами. Иногда руководители первичных партийных ячеек вели с райкомом переговоры с позиции хозяев положения. Распространенным явлением был отказ коммунистов от многочисленных мобилизаций райкома (от «нарядов» на фронт, на пилку дров, на демонстрацию и пр.). Так, при выборе агитаторов на чехословацкий фронт 25 июля 1918 г.¹⁹ среди коммунистов телеграфно-телефонного завода из 20 человек, включенных в список, согласился ехать только один; предложение к работницам фабрики «Красная Роза» 4 июня 1919 г.²⁰ в порядке мобилизации поехать на Тульский патронный завод также было встречено отказом и даже одним выходом из партии. По мобилизации согласилась поехать лишь одна коммунистка.

Иерархия отношений между ячейкой и райкомом находилась в состоянии генезиса. С одной стороны, заводские коммунисты считали, что заводская ячейка «есть

---

¹⁵ Упоминания об огородной коммуне Московско-Казанской железной дороги встречаются в воспоминаниях рабочего Петрова, приведенных в отрывке «Из истории Московско-Казанской железной дороги». Рукопись была подготовлена в рамках проекта А.М. Горького «История фабрик и заводов», ее фрагмент опубликован в периодическом издании проекта «История заводов» (История заводов. Сб. Вып. 2. М., 1932. С. 36).

¹⁶ ЦАОДМ. Ф. 264. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

¹⁷ ЦАОДМ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

¹⁸ ЦАОДМ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 23. Л. 50.об.

¹⁹ ЦАОДМ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.

²⁰ ЦАОДМ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

школа, где надо учиться и, что должны быть учителя», чему тут же противопоставлялся аргумент, что «районной организации неоткуда взять учителей — „откуда их взять, когда все они завалены работой, что все силы берутся только от нас. Мы должны такую организацию создавать, которая давала бы силы в верха“»²¹. Границы между ячейкой, с одной стороны, и вышестоящими партийными органами, с другой, достаточно размыты, на практике связь между райкомом и ячейкой осуществляли бывшие рабочие этого же завода, проявившие свою активность при вооруженном захвате власти в Москве²². Диалоги на собраниях с участием представителя райкома происходили в режиме «свой» со «своим». При возникновении кризисных ситуаций рабочие понимали свою значимость и обращались к высшим партийным органам в требовательной форме. Так, в пик продвольственного кризиса в декабре 1919 г. ячейка телеграфно-телефонного завода была инициатором протестного собрания с резкой резолюцией против «советской власти в лице ее продвольственных, хозяйственных и других учреждений»²³.

Характер отношений между заводской ячейкой и райкомом резко изменился после Кронштадтского мятежа 1921 г. и X съезда РКП(б). Раздел VIII «Ячейки и их работа»²⁴ резолюции съезда «О партийном строительстве» детально регламентировал порядок деятельности на низовом уровне. Это нашло отражение в установлении **жесткой цензуры** протоколов партийных собраний со стороны райкома. С марта 1921 г. все протоколы первичных партсобраний и бюро в обязательном порядке отправлялись в райком, регистрировались, после чего их возвращали на завод. На каждом протоколе остался регистрационный номер райкома и пометки инструктора орготдела, детально вникавшего в текст протокола, отмечавшего знаком вопроса на полях сомнительные, с его точки зрения, решения собраний и бюро. Он же подчеркивал красным карандашом фамилии коммунистов, выступавших с критикой вышестоящих органов или высказывавших точку зрения, расходящуюся с официальной.

Вопросы укрепления дисциплины постоянно обсуждались на собраниях. Особенно активно это стало происходить с началом общепартийной дискуссии 1923 г. Укрепление дисциплины часто понималось коммунистами как усиление *изолированности* ячейки от рабочих. Так, 19 декабря 1923 г. выступавший по основному вопросу «О партдисциплине» Буйский обратил внимание на неаккуратное посещение коммунистами собраний, наличие у них религиозных и национальных предрассудков, отсутствие товарищеской спайки и должного доверия друг к другу. «Кроме того, — сказал докладчик, — у нас нет достаточной конспирации, закрытых совещаний. Вопросы, обсуждаемые на Бюро, на второй же день известны не только партийным, но и беспартийным. Этому нужно положить конец»²⁵.

---

²¹ ЦАОДМ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 2. Л. 26.

²² Подробно этот процесс можно проследить по воспоминаниям и статьям участников революционных событий в городе. См., например: Год борьбы. 1917. М., 1922; Октябрь в Замоскворечье. М., Л., 1957; Октябрь в Хамовниках. М., 1927.

²³ ЦАОДМ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 1. Л. 70–71.

²⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1984. С. 330–332.

²⁵ ЦАОДМ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 7. Л. 36.

Переход к нэпу был ознаменован восстановлением традиционных для русской фабрики патерналистских отношений²⁶.

Анализируя просьбы о национализации фабрик и заводов после осознания рабочими неэффективности рабочего контроля, один из современных исследователей отметил, что, «по сути дела, это явилось лишь обнажением того „патерналистского“ духа, для которого существенным была не передача фабрик и заводов в руки пролетариев, а требование стабильности и гарантированных заработков, независимо от того, кто это обеспечивал»²⁷. В отношениях «хозяин — работник» завком, партийные ячейки, даже делегатские и женские собрания постепенно занимали место «хозяина». Их деятельность лишь отчасти была связана с производством, главное же ее содержание состояло в создании (в рамках предприятия) системы обеспечения рабочих и членов их семей жильем, продуктами через рабочий кооператив, системой организации досуга рабочих, местами в детских садах для детей из рабочих семей и пр. *Распределение ресурсов* означало реальную власть, что вполне адекватно осознавалось рабочими. Характерной чертой советских патерналистских практик стала их выраженная идеологизация.

Внутри же ячейки с началом нэпа резко усилились проявления *девиантного поведения* и, прежде всего, пьянства и хулиганства²⁸. Девиантность этого периода связана с окончанием войны и выходом из стрессового напряжения военных лет. Справедливы в этом отношении наблюдения инструктора ЦК ВКП(б) Смирнова, обследовавшего Московскую губернскую организацию летом 1922 г.²⁹. Он отмечал, что повсеместно чувствовалась усталость от мобилизационного напряжения времен гражданской войны — более 70% коммунистов губернии были на фронте.

«Большинство коммунистов, — писал инструктор, — особенно в уездных организациях, политически и культурно очень слабо развиты. В связи с низким уровнем развития коммунистов, влияние НЭП и др. причинами индивидуального характера — масса проявляет формальный подход к делу и небрежность к партийной работе. Пьянство прогрессирует в рядах отв. работников хозяйственников–администраторов. На почве перехода к мирному строительству, пережитой обстановки гражданской войны — наблюдается усталость членов партии, некоторая недисциплинированность и отрицательное отношение к переброскам и переездам: коммунисты жаждут спокойной мирной жизни у семейного очага»³⁰.

Случи пьянства постоянно разбирались на партийных собраниях московских заводов. На фабрике «Красная Роза» были отмечены случаи редкого для того периода женского алкоголизма, в том числе среди коммунисток. В мужских коллективах типичным явлением стало возникновение микро-сообществ заводских пьяниц, в том числе и внутри ячейки. Характерным явлением для партийной среды этого периода

---

²⁶ См. подробнее: Тяжельникова В.С. Повседневная жизнь московских рабочих в начале 1920-х гг. // Россия в XX веке. Люди, идеи, власть / Отв. ред. А.К. Соколов, В.М. Козьменко. М., 2002. С. 194–218.

²⁷ Яров С.В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб, 1999. С. 23.

²⁸ Специфической формой хулиганства была угроза применения оружия. См. подробнее: Тяжельникова В.С. «Военный синдром» в поведении коммунистов 1920-х гг. // Военно-историческая антропология. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002, С. 291–305.

²⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 68. Д. 106. Л. 55–63.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 106. Л. 57.

стало и *склочничество*, которое постоянно критиковалось в партийных документах. Суть этого явления можно определить как подмена дискуссии выяснением личных отношений, либо использование крайне негативных эпитетов в отношении оппонента, переход в споре на обсуждение личности оппонента. Часто склоки перерастали в противостояние группировок внутри ячейки, члены которой испытывали личную неприязнь друг к другу в течение длительного времени. Наличие противостояния таких групп оказывалось важным при голосованиях, особенно — при обсуждении кадровых вопросов. В обстановке склочного выяснения отношения, в зависимости от ситуации, получило распространение присвоение оппоненту политических характеристик, навешивание на него на партийном собрании ярлыков. Изучение протоколов показывает, что этот механизм имел особое распространение в небольших по численности ячейках, где преобладали рабочие, в сильной степени «связанные с землей».

Протоколы сохранили многочисленные примеры таких яростных обсуждений. Характерную иллюстрацию их дискурса можно найти в описании форменной драмы, разыгранной на собрании ячейки фабрики «Красная Роза» 9 августа 1922 г.³¹. На собрании подводилась черта конфликту, лихорадившему фабрику все лето 1922 г.

Суть его состояла в замене «красного директора» Матвеева, не сумевшего наладить работу фабрики, новым, Гроссманом, способным администратором и «хорошим партийным товарищем», работавшим до того в правлении Шелкотреста. 9 августа 1922 г., после того как выяснилось, что в райком поступила «информация на Гроссмана» и вся она является клеветнической, коммунисты предприятия выступили с предложением немедленно снять Матвеева, попутно исключив его из партии. Запись прений показывает типичный механизм развития склоки³²:

Доклад Бюро о члене Ячейки тов. Матвееве. Открыто прение.

т. Трубин считает, что оглашенное заявление в МКК составлено слишком мягко и настаивает на его переработке

т. Розин высказывает опасения, достаточно ли осторожно бюро подошло к этому вопросу, ибо исключение из рядов партии — это очень серьезный шаг и нужно дитально (так в тексте — *В.Т.*) его обсудить и чтобы все высказались пространно.

т. Завеличинская заявляет, что руководя кружком безпартийных работниц, она всегда слышала нарекания и жалобы на грубость и дерзость Матвеева и подчеркивает его нетерпимость, хотя и в скрытой форме к евреям.

т. Кочегарова указывает на невозможность работы фабкома с Матвеевым из-за вечно его оппозиционного настроения и что в Матвееве ничего коммунистического нет.

т. Гарнелис подтверждает, что рабочие и работницы часто указывали на недопустимость поведения Матвеева и на его чрезмерно разгульную жизнь, это роняет авторитет всех коммунистов.

т. Филиппова указывает, что Матвеев — шкурник, а не коммунист и что благодаря его ухваткам уж одна женщина сошла с ума, требует его исключения из партии.

т. Трубин вторично в своем слове указывает, что то, что предлагает т. Розин это есть проповедь на тему непротввления злу и т.д.

т. Шалаев говорит, что Матвеев весь состоит из одних только пакостей и вся его работа только и заключалась в интригах, ссорах и склоках.

³¹ ЦАОДМ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 4. Л. 31–32.

³² Документ приводится в орфографии оригинала.

т. Рожкова заявляет, что Матвеев всегда отклонял от себя всякие партобязанности, не приходил на собрания ячейки, если не пошлешь за ним и относился ко всем грубо и дерзко.

т. Чиликина тоже высказывается против Матвеева, но указывает, что слишком много чести будет для Матвеева, если заявление в МКК писать, что он чуть было не разложил ячейку. Ячейка довольно сильна и сумела его оценить этого типа и принять меры.

т. Фролова Высказывается против Матвеева.

т. Розин В своем вторичном слове присоединяется всецело к словам всех высказавшихся и заявляет, что он нарочно впервые заговорил об осторожности, дабы узнать мнения всех товарищей. Он доволен, что участие в прениях приняли почти все.

т. Старожилов Резюмируя все сказанное констатирует единодушие всех.

Прения закрываются и внесенные предложения принимаются

ПОСТАНОВИЛИ: Поручить Бюро передать все материалы, протоколы бюро и заявления на имя МКК, Исполбюро, Райкома, и просить Райком означенный материал с требованием всей ячейки об исключении Матвеева из рядов РКП передать МКК³³.

В приведенном отрывке видно, как меняется позиция по ходу обсуждения (например, позиция Розина), как используются, на первый взгляд, дикие, но совершенно убийственные аргументы (*«благодаря его ухваткам уж одна женщина сошла с ума»*, что он *«весь состоит из одних только пакостей»*, что *«в нем нет ничего коммунистического»*), как Матвеев обвиняется во всех возможных и невозможных «грехах», хотя по существу выполнения им директорских обязанностей из этого обсуждения мы ничего не узнаем. Так называемые «моральные качества», характер личных отношений внутри ячейки как микро-сообщества, несомненно, имеют для обсуждавших первостепенное значение. Именно они являются основой отторжения ячейкой Матвеева, его перехода из авторитетных, уважаемых коммунистов в совершенно противоположную ипостась.

Таким образом, заводская партийная ячейка первой половины 1920-х гг. представляла собой жестко подчиненную районному комитету партии структуру, тяготеющую к замкнутости, деятельность ее была связана с распределением внутризаводских ресурсов. Для коммунистов заводских ячеек был характерен высокий уровень девиантности в поведении, личные отношения внутри ячейки имели первостепенное значение при обсуждении многих вопросов. Если участие в распределении ресурсов могло быть привлекательным фактором для вступления в партию, то девиантное поведение и склочничество вело к формированию негативного имиджа ячейки, отталкивало их наиболее сознательных представителей от вступления в партию.

2. ПРИЕМ В ПАРТИЮ И ПРОВЕДЕНИЕ МАССОВЫХ КАМПАНИЙ 1924–1925 гг.

Вовлечение в партию рабочих стало первостепенной задачей в деятельности заводских парторганизаций приблизительно с 1922 г. Хотя предыдущие пять лет необходимость этого и декларировалась на всех уровнях, говорить о более или менее планомерной работе в этом направлении не приходилось. Массовые кампании по приему в партию в прежние годы были вызваны чисто военной необходимостью. До 1924 г. немногие вступавшие подавали заявления действительно по собственно-

---

³³ ЦАОДМ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 4. Л. 32–33.

му желанию, со стороны же партийных организаций никакой агитации рабочих к вступлению в партию не проводилось.

Первое упоминание о «намерении беспартийных лояльных Р.К.П. и распределение среди членов Ячейки для ведения среди них работ» встречается в протоколе заседания бюро партячейки телеграфно-телефонного завода от 28-го сентября 1922 г.³⁴ То, что работа среди беспартийных была для заводских коммунистов делом новым, подтверждает также характер обсуждения на заседании бюро, состоявшемся через месяц — 23 октября 1922 г.³⁵ Так, Петров, отчитываясь о своей работе среди беспартийных, сказал: «ребята все ничего, но не охотно ходят на собрания, отговариваясь отсутствием свободного времени». Аренсон добавил, что «те беспартийные, которые ему поручены заявляют, что они потому не в партии, что малограмотны, заявляют, что с вступлением в партию нужно и работать, и отдать все силы, поэтому считают возможным пока остаться не в партии».

Со своей стороны, Замоскворецкий райком стал активизировать усилия в этом направлении. Уже 13 ноября 1922 г. на бюро ячейки телеграфно-телефонного завода было заслушано циркулярное письмо орготдела райкома по работе среди беспартийных³⁶. Вместе с тем, отношение рядовых коммунистов к нему было довольно осторожным. Все тот же Петров, лично знакомый с сутью вопроса, утверждал, вопрос об «ударничестве» среди беспартийных поставить трудно, вряд ли решение его будет успешным («ударности работу среди беспартийных нельзя ставить, потому что эта работа кропотливая и требует много трудов»). Его рассуждение было принято собравшимися к сведению и, как показало изучение протоколов, этот вопрос повис в воздухе.

Начиная с марта 1922 г. на собраниях ячеек с завидной регулярностью обсуждались тезисы Зиновьева «О партстроительстве». Но полного согласия в вопросе о приеме беспартийных рабочих в партию так и не было достигнуто. 16 ноября 1923 г.³⁷ общее собрание ячейки телеграфно-телефонного завода вновь обсуждало тезисы Зиновьева³⁸, главный вопрос которых (по мнению докладчика Максакова) был «вопрос о росте умственного развития среди беспартийных и о переросте их в этом иногда даже и партийные массы». В заключении Максаков «обратил особое внимание на привлечение в РКП беспартийных т.т. поднявших свой умственный уровень». На собрании 5 декабря 1923 г.³⁹ докладчик вновь указал собравшимся «на некоторые случаи, когда члены РКП отстают в культурном отношении от беспартийных масс». Как видно из высказываний рабочих, заложенная Г.Е.Зиновьевым идея противопоставления партийных и беспартийных болезненно воспринималась коммунистами.

Таким образом, до января 1924 г. никаких проявлений усиленного стремления рабочих вступать в партию, тем более в массовом порядке, не обнаружилось ни на одном из заводов. Инициатива по приему рабочих шла исключительно сверху и

³⁴ ЦАОДМ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 16. Л. 43.

³⁵ Там же. Л. 47.

³⁶ Там же. Л. 49.

³⁷ Там же. Д. 23. Л. 88.

³⁸ По всей видимости, собрание обсуждало статью Г.Е. Зиновьева «Новые задачи партии», опубликованную в «Правде» 7 ноября 1923 г., которую автор предлагал широко обсудить в партийных кругах.

³⁹ ЦАОДМ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 23. Л. 90.

принадлежала Г.Е. Зиновьеву, а ее практическое исполнение — Л.М. Кагановичу и В.М. Молотову. Как же удалось добиться действительной массовости кампаний? Наибольшее значение имели три обстоятельства: разное восприятие рабочими партии в целом и ячейки в частности; переход в январе 1924 г. к оплате в твердой валюте — так называемыми «золотыми рублями» и, наконец, смерть «вождя революции», Ленина, ставшая сильным культурным шоком для многих рабочих.

Остановимся на этих моментах подробнее.

Рабочие четко разделяли идеи, идущие сверху, от не совсем понятной им заговорщической деятельности заводских коммунистов, часто отличавшихся антиобщественным поведением. Как показало обследование ряда крупных предприятий, проведенное Орготделом ЦК ВКП(б) по итогам трех массовых кампаний⁴⁰ в первой половине 1928 г., причины невступления в партию, связанные с низким авторитетом ячейки, во время массовых кампаний отходили на второй план. Массовый приток рабочих в партию во время вербовочных кампаний шел «главным образом за счет общего авторитета партии и в меньшей мере» был «результатом повседневной систематической работы ячеек»⁴¹. Результаты обработки анонимных анкет, собранных по Надеждинскому заводу на Урале, Орготдел ЦК интерпретировал так:

«Когда партия начинает активно звать рабочих, привлекая весь свой авторитет, сдерживающее влияние таких рассуждений, как „партия-то у вас хорошая, да партийцы скверные“, ослабевает, приток в партию увеличивается, причем подаются заявления такие рабочие, на вступление которых ячейки совершенно не рассчитывали»⁴².

Эти механизмы коллективного поведения были приведены в действие событиями января 1924 г., когда рабочим, в частности, московских заводов, начали выплату зарплаты в твердой валюте, так называемыми «золотыми рублями»⁴³ при одновременном частичном сокращении штата рабочих и служащих. Вопрос о сокращении обсуждался на том же заседании бюро ячейки, где принимали в партию ленинский призыв⁴⁴. В обстановке сокращения рабочих мест на телеграфно-телефонном заводе проходил и «второй ленинский призыв», 1925 г.

Характер обсуждения кандидатур вступавших в партию показал, что при приеме в партию связь между сокращением и демонстрацией политической активности члены бюро ячейки понимали отчетливо, но не считали это отрицательным моментом. Так, например, при обсуждении кандидатуры рабочего В.П. Жомова 3 февраля 1925 г.⁴⁵ член бюро ячейки Аханов сказал: «Жомов парень ничего, он его знает по мастерской, там он часто с рабочими ведет разговоры на антирелигиозные темы. Но почему сейчас Жомов идет в партию трудно сказать, может быть на него повлияло сокращение рабочих». И даже догадки других членов бюро «но его наверное в семье

---

⁴⁰ Три массовые кампании по приему в партию — Ленинские призывы 1924 г. и 1925 г. и Октябрьский призыв 1927 г., посвященный 10-летию революции. За три массовые кампании с января 1924 г. до середины 1928 г. в партию вступило более половины производственных рабочих. РГАСПИ. 17. Оп. 7. Д. 164. Л. 55.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 164. Л. 55.

⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 164. Л. 55.

⁴³ ЦАОДМ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 23. Л. 53.

⁴⁴ ЦАОДМ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 29. Л. 4/об.

⁴⁵ ЦАОДМ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 34. Л. 12.

подтолкнули на это, боясь сокращения»⁴⁶ не повлияли на результаты голосования — Жомов был принят в партию единогласно. Анализ протоколов за все первое после-октябрьское десятилетие показывает, что при сокращении штатов коммунистов не увольняли, часто сокращение проходило по составленным в ячейках спискам «политически неблагонадежных», от которых стремились избавиться во время кампании по сокращению.

Первый «Ленинский призыв» совпал, как известно, с январскими траурными днями 1924 г., о чем в советское время было написано огромное количество литературы. История призыва подавалась как один из наиболее ярких в эмоциональном плане фрагментов истории партии, подтверждавший мысль о слиянии партии с ее вождем, а класса с партией⁴⁷. И действительно, смерть Ленина, хотя уже и давно болевшего, была неожиданной. Как вспоминал рабочий завода Михельсона П.П. Ермаков⁴⁸, простые рабочие узнали о смерти Ленина на следующий день, 22 января, который был нерабочим днем в память Кровавого воскресенья⁴⁹. Все собрались на доклад, посвященный событиям 9 января 1905 г. Доклад отменили и рабочим сообщили о смерти Ленина. Заметим, что к таким революционным годовщинам на заводах усиленно готовили рабочих — проводили собрания с участниками революционных событий, приглашали лекторов, в соответствующем траурном стиле оформляли помещения, пели хором революционные песни и т.п. В результате такой подготовки достигался особый настрой аудитории, многочисленные упоминания таких слов, как «жертвы», «кровь» («кровавое»), оказывали на нее сильное эмоциональное влияние, по сути рабочая аудитория сознательно экзальтировалась пропагандистскими средствами.

Официальной коммунистической пропагандой смерть Ленина была использована как повод для внедрения идеи о бессмертии революции и даже об усилении революционного процесса⁵⁰. В экстренном выпуске центральных газет отмечалось: «Но его физическая смерть не есть смерть его дела. Ленин живет в душе каждого члена нашей партии. Каждый член нашей партии есть частичка Ленина. Вся наша коммунистическая партия есть коллективное воплощение Ленина... Смерть нашего учителя — этот тяжелый удар — сплотит еще сильнее наши ряды»⁵¹. Идеи Ленина (и, следовательно, революции) как бы «растворялись» в партии, продолжали жить жизнями ее членов, а потому многократно усиливались. Получалось, что его смерть не

---

⁴⁶ Там же. Л.12/об.

⁴⁷ *Вяткин А.Я.* Ленинский призыв в партию // Вестник Ленингр. университета. Серия истории, языка, литературы. 1980. № 8, С. 5–18; *Горбачев В.Д.* Октябрьский призыв в партию // Сб. трудов Моск. ин-та стали. 1958, Вып. 1; *Литлин Ю.А., Тарасов Ю.И.* Ленинский призыв в партию. Л., 1974; *Михаилицын М.В.* Из истории борьбы Коммунистической партии за укрепление рабочего ядра в своих рядах // Уч. зап. ВПШ при ЦК КПСС, 1975, № 4; *Плотников В.П.* Ленинский призыв в партию и его политическое воспитание // Жизненная сила ленинских идей. М., 1970; *Степанов В.М.* Ленинский призыв в партию. // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-т. Т. 424, Л., 1970, вып. 2; *Третьякова А.И.* Октябрьский призыв в партию в Белоруссии // Вопросы истории КПСС. Минск, 1985. вып. 16.

⁴⁸ Слово ветеранам партии, коммунистам // Политическое самообразование. 1974. № 1. С. 50.

⁴⁹ Годовщина приходилась на 22 января за счет разницы между старым и новым календарным стилями.

⁵⁰ Смерть Ленина, воспринятая как «священная жертва во благо будущего» была и популярной, частой темой советской поэзии 1920-х гг. См.: Левченко М.А. Капля крови Ильича. Сотворение мира в советской поэзии 1920-х годов // Независимая газета. 1998. 5 ноября.

⁵¹ Экстренный выпуск газет «Правда» и «Известия». 1924 г. 23 января.

была напрасной — ленинское жертвоприношение во имя революции материализовалось в усилении партии (количественном и, как это подавалось пропагандой, качественном).

Секретари райкомов и первичных организаций активно проводили мысль о продолжении ленинского дела рабочим классом. Так, выступая перед рабочими железнодорожного узла «Полога» Запорожской области, секретарь райкома партии Е. Соколов говорил о «нашем долге продолжить бессмертное дело великого вождя и учителя пролетариата, призвал крепить ряды созданной им коммунистической партии»⁵².

Смерть вождя и призывы вступать в партию соединились в сознании рабочих в причудливый симбиоз некоего сакрального действия, в котором смешивались черты *жертвоприношения* и *инициации*. В этом, по-видимому, ключ к пониманию тех лозунгов, под которыми проходил Ленинский призыв на местах. Например, реакцией на призывы уже упоминавшегося секретаря райкома Е. Соколова было выступление котельщика депо Захара Герасимова, сказавшего: «Лучшим венком на могилу вождя будет наше вступление в ряды ленинской партии»⁵³. В Компартии Туркестана одним из характерных лозунгов Ленинского призыва, в частности, был такой: «Десятки тысяч рабочих в партию — лучший венок на гроб Ильича!»⁵⁴.

Расхожей была также идея «*частично заменить собой умершего вождя*». Такого рода высказывания встречаются как в воспоминаниях, так и в заявлениях о приеме в партию⁵⁵. Вполне характерно в этом смысле заявление рабочего московского телеграфно-телефонного завода П.А. Демидова⁵⁶:

«Прошу Вас принять меня в члены РКП б, т.к. желаю быть членом, а кроме сего пришел в полное сознание и понимаю, что РКП есть авангард рабочего класса. А также желаю принести ту, маленькую пещинку для создания и построения рабочей диктатуры пролетариата всего Мира, а также ту блешь (т.е. *брешь*, дыра — *В.Т.*), которая образовалась в связи с утратой вождя учителя и товарища пролетариата всего мира, а по сему прошу не отказать мне в выше описанной просьбе»⁵⁷.

Вступление рабочих в партию в начале 1924 г. носило, без сомнения, массовый характер. В силу указанных выше факторов, кампания приобрела гораздо больший масштаб, чем планировали ее организаторы. На местах, как видно из документов, прием в партию проходил зачастую стихийно: записывались цехами, заодно с друзьями, не особо понимая, куда все вступают и что нужно будет делать. Комсомол и другие общественные организации «*передавали*» своих активистов в партию (довольно характерное слово, отражающее характер процесса). Об этом, в частности, свидетельствует Ф.В. Степанюк: «Месяц спустя после смерти Ленина комсомольская ячейка решила: вместе с двумя другими молодыми рабочими от станка — активными комсомольцами — рекомендовать или, как в то время говорили, *передать* меня

⁵² Балащенко Я. Коммунисты ленинского призыва // Коммунист Белоруссии. 1974. № 2. С. 33.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Новиков М. Ленинский призыв в партию. Из истории КП Узбекистана // Коммунист Узбекистана. 1968. № 12. С. 72.

⁵⁵ Васютин В. Ленинский призыв // Молодой коммунист. 1964. № 1. С. 96.

⁵⁶ Документ приводится в орфографии оригинала.

⁵⁷ ЦАОДМ. Ф. 264. Оп. 1 Д. 32. Л. 37.

в партию»⁵⁸. Как показывает анализ протоколов заседаний бюро заводских ячеек, запись в партию проходила по четким критериям классового отбора: рабочих и комсомольцев принимали сразу, не задавая им никаких вопросов. Всем интеллигентам по происхождению в приеме отказывали. Наиболее сложной категорией были состоявшие ранее в РКП. Подавших заявление из этой категории просили явиться на собрание, но шансы вступить в партию у них были незначительные⁵⁹.

Итоги массового вступления в партию подводились на заседании пленума ЦК партии 19 августа 1924 г., где с докладом Оргбюро «О политическом воспитании Ленинского призыва» выступал Л.М. Каганович. Он был одним из авторов идеи вовлечения в партию большого количества «рабочих от станка» и поэтому всячески старался показать результаты кампании в максимально выгодном свете. Об этом также свидетельствует характер правки, сделанной Л.М. Кагановичем в стенограмме своего выступления перед рассылкой текста в местные организации. Повышенное эмоциональное напряжение, фактически экзальтация, в которой проходил Ленинский призыв 1924 г., действительно, способствовала тому, что состав рабочих *по квалификации, производственному стажу, участию в общественной работе* был выше, чем при проведении других массовых кампаний. Однако столь идеальной, как в докладе Л.М. Кагановича, картина была далеко не везде.

Следует также иметь в виду известную условность основного в те годы критерия классовой идентичности как «*производственный стаж*». Что в действительности означал в начале 1924 г. производственный стаж 3–5 лет? На эти годы приходился процесс распада производства и, фактически, в советской России начала 1924 г. квалифицированный рабочий, тем более беспартийный, был редким явлением. Поэтому для своего доклада Л.М. Каганович старался подобрать примеры по образцовым организациям или оперировал усредненными данными, говоря о рабочих с производственным стажем 3–10 лет⁶⁰.

Следующим критерием оценки качественного состава Ленинского призыва Л.М. Каганович считал *участие в гражданской войне*. По его данным, «в среднем, в гражданской войне участвовало до 50% ленинского призыва. Нижегородская организация давала 53%, Брянская — 43%, Хамовническая — 51% и т.д. (в среднем до 50% т.т. ленинского призыва участвовало в гражданской войне). А рабочий, прошедший гражданскую войну, представлял уже рабочего, поднявшегося из общей среды»⁶¹.

Таким образом, в партию продолжало втягиваться воевавшее поколение. Однако, как представляется, это была уже не самая передовая часть «ветеранов красных фронтов», поскольку активные в политическом отношении элементы вступили в партию еще в Красной Армии. Довольно типичным из оставшихся беспартийных красноармейцев был С.В. Маркушенко, которого так характеризовали на бюро ячей-

⁵⁸ Слово ветеранам партии, коммунистам // Политическое самообразование. 1974. № 1. С. 51.;

⁵⁹ ЦАОДМ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 29. Л. 6.

⁶⁰ Данные по Краснопресненскому району Москвы: из 5806 вступивших в партию — 2841 чел. имели производственный стаж свыше 10 лет, 2100 чел. — от 10 до 3-х лет, т.е. 80% имели довольно высоким производственный стаж (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 138. Л. 7).

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 138. Л. 7–8.

ки: «Иванов П. говорит, что знает Маркушенко с 1919 г. по фронтам, он малограмотный, но революционный товарищ, когда он был в Армии, то в 1919 г. был в партии, но однажды он напился, и его исключили из партии с правом вступления через три месяца»⁶². При 6 голосах «за» и 2 «против» Маркушенко был принят в партию во второй раз.

Третьей характеристикой качественного состава ленинского призыва в докладе Оргбюро ЦК было названо *участие в общественной работе*. По данным доклада, «участвующих в профсоюзной, советской работе, в делегатских собраниях, в группах сочувствующих и т.д. — ...до 50%; Нижегородская организация дает цифру до 62%, но в общем нужно считать, что в среднем таких рабочих от 40 до 50%»⁶³. Таким образом видно, что для половины «ленинцев» вовлечение в общественную жизнь начиналось уже после вступления в партию. Никакого опыта общественной работы они до этого не имели и особой активности, судя по всему, не проявляли.

Хотя культурный уровень вступивших рабочих, Л.М. Каганович оценил как безусловно более высокий по сравнению с окружающими, но более низкий, чем у старых членов партии, даже он был вынужден признать, что в смысле грамотности ситуация существенно отличается по регионам. «По Краснопресненскому району безграмотных всего 1,1%, в Бакинской же организации — 16%, в Одесской — 0,4%; особенно, например, высок процент неграмотных и малограмотных в Иваново-Вознесенской, Харьковской организациях»⁶⁴.

Как показывает анализ документов территориальных партийных организаций, *Ленинский призыв был разнороден по своему составу и, скорее, отражал ситуацию внутри организации, чем способствовал улучшению ее качественных характеристик*. Эту тенденцию четко сформулировал Н.А. Угланов на Пленуме ЦК 19 августа 1924 г.: «...трудности, которые есть сейчас с ленинским набором в различных организациях, связаны с тем, что ленинский набор зависит от самих кадров»⁶⁵. Став основным резервом выдвижения на руководящие должности в советском и хозяйственном аппарате, коммунисты ленинского призыва не имели для этого достаточных знаний. Наиболее остро это проявлялось в национальных республиках и областях, испытывавших колоссальный дефицит мало-мальски грамотных кадров. Так, в отчете о работе учетно-распорядительного отдела ЦК Компартии Туркестана за период с 1-го июля по 1-е сентября 1924 г. отмечалось, что «есть, конечно, много чисто объективных обстоятельств, препятствующих расширению количества выдвинутых». Анализируя данные о Ленинском призыве, легко сделать вывод, что состав «ленинцев» был «в достаточной степени слабо квалифицированный», было «много неграмотных и технически, и политически, так что резерв, откуда можно было бы черпать новые силы, оказался недостаточно велик»⁶⁶. К отчету прилагалась таблица, включавшая некоторые характеристики вступивших (они представлены в таб. 1).

---

⁶² ЦАОДМ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 34. Л. 11/об.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 138. Л. 8.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. Л. 68.

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 142. Л. 20–21.

Таблица 1⁶⁷

Сведения о вступивших в кандидаты по организациям коммунистической партии Туркестана за март-июнь. 1924 г.

	Сыр-Дарьинская		Самаркандская		Ферганская	
	абс.	в % от всех вступивших	абс.	в % от всех вступивших	абс.	в % от всех вступивших
Вступило всего	4064	100.0	497	100.0	337	100.0
<i>из них:</i>						
в возрасте до 24 лет	706	17.4	77	15.5	60	17.8
в возрасте до 25–34 лет	1733	42.6	146	29.4	86	25.5
в возрасте 35–44 лет	1190	29.3	198	39.8	148	43.9
старше 45 лет	371	9.1	67	13.5	38	11.3
без указания	64	1.6	9	1.8	5	1.5
со средним образованием	5	0.1	0	0.0	1	0.3
с низшим образованием	1708	42.0	181	36.4	87	25.8
с домашним образованием	814	20.0	127	25.6	56	16.6
неграмотные	1537	37.8	189	38.0	193	57.3

По возрасту вступившие были зрелыми людьми — в Сыр-Дарьинской организации большинству из них было от 25 до 34 лет, в Самаркандской и Ферганской — от 35 до 44 лет. Вместе с тем, уровень образования оставлял желать лучшего — от 38 до 57.3% среднеазиатских коммунистов не умели ни читать, ни писать. Понятно, что Туркестанская парторганизация представляла наиболее крайний вариант состава партийных организаций национальных республик. Однако, ленинский призыв не был монолитным по своему составу и на севере. Так, в письме секретаря Вологодского губкома в ЦК и ЦКК также отмечалась неоднородность вступивших в партию по уездам:

«Вследствие пестроты социальной базы, наша организация преимущественно крестьянская с примесью служилого элемента. На 15 июня с/г из общего числа 4057 членов организации, мы имеем рабочих 2426, в том числе ленинцев 1728, из них 40% в той или другой мере сохранили связь с крестьянским хозяйством; крестьян и служащих 1631 чел, а в некоторых уездных организациях, как например, в Вельской на 88% организации составляют служащие, а потому, вполне естественно, что некоторые неокрепшие товарищи в связи с усилением мелкобуржуазной стихии подпадают под влияние НЭПа, особенно с наступлением летних месяцев эти явления усилились не только среди рядовых, но и ответственных работников; участились случаи выпивки, обывательского препровождения времени, яхания с буржуазными элементами и т.п. и т.д.»⁶⁸.

Несмотря на территориальную неоднородность, в целом Ленинский призыв 1924 г. обладал (по сравнению с последующими кампаниями) действительно высокими качественными характеристиками. Анализ протоколов партийных организаций московских заводов показывает, что в ходе проведения Ленинской недели годом позже (в

⁶⁷ Там же. Л. 36.

⁶⁸ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 69. Д. 403. Л. 86.

1925 г.) эмоциональная обстановка была куда спокойнее. Так называемый «второй ленинский призыв» был подготовленнее, и активность аппарата даже пришлось несколько притормаживать сверху. 23 января 1925 г. Л.М. Каганович отправил телеграмму всем Облбюро ЦК, ЦК нацкомпартий, губкомам и обкомам: «Ввиду проводимых в отдельных организациях кампаний массовой вербовки в партию рабочих, крестьян, связанной с годовщиной смерти Ленина ЦК указывает всем парторганизациям на нецелесообразность проведения ударных кампаний вербовки в партию»⁶⁹.

3. НОВЫЕ МОМЕНТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОВЕДЕНИИ КОММУНИСТОВ

На уровне первичных партийных организаций самой большой сложностью оказалась даже не безграмотность или отсутствие общественной работы у вновь вступивших, но дисбаланс партийных поколений на низовом уровне. Рассмотрим распределение коммунистов по партийному стажу в ячейке телеграфно-телефонного завода:

Таблица 2

Распределение членов партячейки телеграфно-телефонного завода по партийному стажу⁷⁰

год вступления в партию	количество коммунистов	доля от общего числа членов ячейки (в %)
1903	1	0.8
1911	1	0.8
1914	2	1.6
1917	10	7.9
1918	3	2.4
1919	11	8.7
1920	6	4.8
1921	2	1.6
1922	2	1.6
1923	2	1.6
1924	26	20.6
1925	60	47.6

Если в ячейке было в общей сложности 40 коммунистов с партийным стажем до 1923 г., то за два года массовых кампаний партийными на заводе стали еще 86 че-

⁶⁹ Известия ЦК КПСС. № 1 (288). январь 1989 г. С. 222.

⁷⁰ Таблица составлена по результатам обработки поименных списков членов ячейки Московского телеграфно-телефонного завода. ЦАОДМ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 37. Л. 9–15

ловек. Сводные данные статистического отдела ЦК партии по всей ВКП(б) подтверждают в целом несколько опережающий характер этой тенденции.

Таблица 3

Рост численного состава ВКП(б) с 1924 по 1928 г.⁷¹

	всего коммунистов абс.	в % к числу на 1.1.1924 г.
на 1 января 1924 г.	446089	100,0
на 1 июня 1924 г.	632633	141,0
на 1 января 1925 г.	741117	166,1
1 июля 1925 г.	911800	204,4
1 января 1926 г.	1002490	224,7
1 июля 1926 г.	1071560	240,2
1 января 1927 г.	1131300	253,6
на 10 января 1927 г. (данные переписи)	1061860	238,6
1 октября 1927 г.	1127497	252,8
1 января 1928 г.	1220836	273,7
1 апреля 1928 г.	1294503	190,2
1 июля 1928 г.	1317369	295,3

Таким образом, оба ленинских призыва (к 1 июля 1925 г.) привели к увеличению партии *вдвое*, а за три массовых кампании (до 1 июля 1928 г.) — *втрое*. Такой количественный рост вызывал качественно новые социальные процессы, особенно на уровне первичных ячеек, их характер определялся настроениями, которые выражали вновь принятые рабочие. Именно они, вновь вступившие, не зависимо от умения разбираться во внутрипартийной ситуации, фактически определяли позицию всей ячейки — исключительно за счет численного преобладания при голосовании.

Суть дискуссии на пленуме ЦК партии 19 августа 1924 г. состояла в анализе настроений среди принятых в ленинский призыв 1924 г. коммунистов, а также в определении социальных последствий массового приема в партию, фиксации тех качественных изменений, которые произошли в партийной жизни. С докладом Оргбюро ЦК «О политическом воспитании ленинского призыва» 19 августа 1924 г. на пленуме выступил Л.М. Каганович, обозначивший основные направления дискуссии. В центре внимания участников пленума были вопросы взаимоотношений нового партийного поколения и старых членов партии, отношений ленинского призыва с

⁷¹ Составлено по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 145. Л. 61

беспартийными рабочими и отражение молодыми коммунистами настроений рабочей среды. Поскольку более половины вновь принятых были детьми крестьян, то важное место в дискуссии занял анализ *крестьянских настроений* в новом партийном пополнении. Второй блок вопросов касался воспитания ленинского призыва как в рамках системы политучебы, так и в смысле ликвидации общей неграмотности, определения стратегического курса на выдвижение новых коммунистов.

Ярче всего новые явления обозначились на первичном уровне — уровне партийной ячейки. В ней разворачивался основной конфликт поколений, выразившийся в открытом противостоянии «ленинцев» ранее вступившим коммунистам. Не очень высокий авторитет партячек в рабочей среде до 1924 г. имел следствием то, что вновь вступившие четко разделяли партию вообще и мнение местной ячейки. И, если отношение к директивам высших партийных органов было, по утверждению Л.М. Кагановича, абсолютно бесспорное, то «не так бесспорно отношение к своей ячейке: это директива не партии, а только нашей ячейки»⁷².

Бурный характер агитации во время проведения кампании Ленинского призыва создало впечатление у тех, кто его проводил, «что они **спасали** партию». Главной причиной разногласий «стариков» и «вновь принятых» были обвинения старых членов в недостаточной защите в прежние годы интересов рабочих. Так, На Трубочном заводе в Пензенской губернии была даже остановка работы на два часа; заводилами частичной стачки были «ленинцы»⁷³. Но и коммунисты, вступившие в партию раньше, всячески старались показать собственную значимость. По утверждению Г.Е. Зиновьева, они даже проводили особые собрания без кандидатов ленинского набора⁷⁴. В этом проявился изоляционизм, свойственный заводским коммунистам до массовых кампаний.

Значительное партийное пополнение существенным образом повлияло на характер партийной работы на первичном уровне. «Ленинцы» проявляли невероятную активность на партийных собраниях, 30–40% выступавших составляли только что принятые в партию рабочие⁷⁵. Чрезвычайно острой в первой половине 1924 г. и, соответственно, 1925 г. была проблема голосования, когда большая часть участников собрания не имела права принимать решения, будучи только кандидатами. Типичное количественное соотношение привел в своем выступлении Н.А. Угланов: «Сейчас в некоторых ячейках на заседаниях вопрос голосования является болезненным. В ячейке 140 чел, из них 37 голосуют, а 103 сидят — кандидаты не имеют право голосования»⁷⁶.

В численном отношении ячейки увеличились в 1,5–2 раза и достигли в среднем 200 человек. В результате были созданы *цеховые ячейки* по 30–40 человек. Так, на московском телеграфно-телефонном заводе ячейка была разбита на четыре цеховые. Это обстоятельство *кардинальным образом изменило процесс принятия решений, который опустился с заводского уровня на уровень цеха*. Только что вступившие в

---

⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 138. Л. 11.

⁷³ Там же. Л. 11–12.

⁷⁴ Там же. Л. 27–28.

⁷⁵ Там же. Л. 9.

⁷⁶ Там же. Л. 67.

партию и часто плохо представлявшие себе смысл этого поступка «ленинцы» оказались объединены в относительно небольшие коллективы, где сами же и доминировали. Протоколы цеховых ячеек — совершенно иной по характеру источник. На собраниях, по крайней мере, первые два года после кампаний, стал утверждаться достаточно *бессвязный стиль, уровень аргументации снизился*. Собрания в цехах в основном одобряли директивы вышестоящих партийных органов. Персональные конфликты стали отражать отношения, свойственные цеховой культуре: в обсуждениях постоянно вплетались производственные противоречия (из-за инструмента, из-за простоев по вине мастера и т.п.). Склочничество вновь стало знаком времени, едва вступившие освоились со своей новой ролью. Модель политического поведения, характерная ранее для небольших в количественных организациях с преобладанием крестьянского элемента и женщин, распространилась на металлообрабатывающие предприятия, которым прежде эта модель была свойственна в меньшей степени.

Сильная связь с деревней отражалась в настроениях вновь вступивших, и это было отмечено Л.М. Кагановичем:

«Что касается связи с крестьянством,— то тут все признали, что ленинский призыв наиболее связан с крестьянством. Половина из них — дети крестьян. До 40% сохранили еще связь с деревенским хозяйством, естественно, что известное влияние должно быть. Судить, насколько это влияние велико, трудно, потому что отпуска только что окончились. <...> Однако, надо сказать, что ленинский призыв больше всего реагирует на болезненные явления в деревне. Это отмечают все доклады. Ленинский призыв реагирует на все беспорядки в деревне, на хаос, на взяточничество, на отсутствие честной и хорошей власти в деревне [часто сетуют на чрезмерность налогов]. Некоторые товарищи склонны это рассматривать как крестьянский уклон. Это неправильно»⁷⁷.

Резко высказывался по вопросу о крестьянских настроениях нового партийного пополнения и Н.И. Бухарин:

«Даже по Москве этот крестьянский, специфически крестьянский, иногда даже с антипролетарским душком, элемент, вместе с ленинским призывом проник (к нам) и этот элемент нужно будет (идеологически) преодолеть, используя, конечно, положительную сторону связи с крестьянством»⁷⁸.

Не менее значимой социальной проблемой ленинского призыва участники пленума считали отношения «ленинцев» с беспартийными. Многие «ленинцы» считали себя *представителями рабочих в партии, делегированными туда от класса для того, чтобы отстаивать свои права*. Известны многочисленные случаи участия «ленинцев» в забастовках. По мнению некоторых участников пленума, это были наиболее активные крикуны и «бузотеры». Характерный в этом отношении эпизод рассказал уральский секретарь Румянцев: «...я в Златоусте проводил рабочую конференцию, критика была невероятна, протянули несколько дней, а спустя некоторое время, (когда) в ленинский набор все эти крикуны, как активный элемент, вошли в нашу партию...»⁷⁹.

В экономических конфликтах, которые были частным явлением на промышленных предприятиях середины 1920-х гг., новое партийное пополнение безоговорочно занимало сторону рабочих. С приходом в общественную жизнь этого нового слоя на

---

⁷⁷ Там же. Л. 13–14.

⁷⁸ Там же. Л. 44–45.

⁷⁹ Там же. Л. 63.

предприятиях усилились антиспецовские и уравнилельные настроения⁸⁰, «махаевщина»⁸¹, антисемитизм. Вновь принятые в партию никак не могли взять в толк: почему они теперь должны выступать против рабочих, против их требований о пересмотре тарифов, о сокращениях и т.п. Эти проявления рабочей солидарности участники пленума объясняли тем, что «роли партии, как авангарда, как руководителя рабочей массы, который не плетется в хвосте рабочей массы, ленинский призыв еще не понимает»⁸². Можно сказать, что *жесткая граница между ячейкой и рабочими в результате массовых кампаний опять оказалась несколько размытой*.

Такая ситуация не устраивала высшее партийное руководство, поскольку усиление связи между ячейкой и рабочими на заводском уровне неизбежно означало ослабление влияния районного комитета на заводскую организацию. Вступившие в массовые кампании стали объектом массивированной пропаганды, проводившейся в форме политучебы. Комиссия по воспитанию Ленинского призыва, о деятельности которой и докладывал на пленуме Л.М. Каганович, контролировала, чтобы все кандидаты прошли через сокращенные школы политграмоты:

«Если взять в среднем, что ленинец, который прошел краткосрочную школу политграмоты, усвоил, то окажется, что он усвоил основные этапы истории партии, историю партии в общих чертах и т.д. В среднем надо считать, что успеваемость равна 30–40%. <...> Усваивать так, чтобы это оставалось в голове — очень трудно человеку, который только что пришел с работы и не привык воспринимать ни лекций, ни докладов»⁸³.

Даже на примере этих лекций по политграмоте видна невероятная тяга нового партийного поколения к знаниям, что отмечали многие выступавшие. Не случайно это отметил С.В. Коссиор:

«Что поражает в ленинском призыве, так это жажда живого слова. На собрании выступает десятистепенный оратор, говорит невероятные глупости, а его слушает сотня рабочих и не проронит ни слова. В ленинском призыве поражает факт не только терпения, а жажда слушать по 10 раз об одном и том же. На протяжении месяца 3–4 раза им говорят одно и то же и каждый раз они слушают как новую вещь»⁸⁴.

В информационных материалах с мест отмечалось, что «ленинский призыв особенно интересуется *вопросами производственными и профессиональными*. Эти конкретные вопросы являются доминирующими среди ленинского призыва»⁸⁵. «Вновь вступившие в партию стремились восполнить, по возможности, за счет политучебы недостаток грамотности и общих знаний.

Именно на эту черту нового партийного пополнения решили ориентироваться в работе с ним участники пленума. Г.Е. Зиновьев перевел это обстоятельство в плоскость обсуждения своей центральной темы того периода — о внутрипартийной демократии. Он сказал: «Среди „ленинцев“ есть активный слой людей у которых руки чешутся, которые выросли, которые стремятся к работе»⁸⁶. В качестве основной стра-

---

⁸⁰ Там же. Л. 23.

⁸¹ Там же. Л. 39.

⁸² Там же. Л. 12.

⁸³ Там же. Л. 15–16.

⁸⁴ Там же. Л. 33–34.

⁸⁵ Там же. Л. 10.

⁸⁶ Там же. Л. 31..

Таблица 4

Состав членов бюро и секретарей первичных ячеек по результатам перевыборов 1926–1927 гг.

	членов бюро ячеек со стажем до 1917 г.	членов бюро ячеек со стажем 1917–1920	членов бюро ячеек со стажем 1921–1923	членов бюро ячеек со стажем 1924 и позже	секретарей ячеек со стажем до 1917 г.	секретарей ячеек со стажем 1917–1920	секретарей ячеек со стажем 1921–1923	секретарей ячеек со стажем 1924 и позже
Рабочие ячейки после весенних перевыборов 1926 г.	1,7	35,3	10,0	53,0	1,5	49,9	13,0	35,6
Рабочие ячейки после весенних перевыборов 1927 г.	1,2	29,0	6,7	63,1	0,8	40,7	3,8	49,7
Рабочие ячейки после осенних перевыборов 1927 г.	1,1	26,5	6,4	66,0	0,9	35,9	9,0	54,2
Деревенские ячейки после весенних перевыборов 1926 г.	0,4	53,4	13,4	32,8	0,4	55,1	13,9	30,6
Деревенские ячейки после весенних перевыборов 1927 г.	0,3	37,6	8,4	53,7	0,2	39,3	9,6	50,9
Деревенские ячейки после осенних перевыборов 1927 г.	0,2	34,1	7,6	58,1	0,1	34,5	8,5	56,9

⁸⁷ Там же. Л. 12.

тегической линии работы с ленинским призывом было намечено их более активное выдвигание.

Таким образом, в результате массовых кампаний 1924 и 1925 гг. в партию вошли активные в социальном отношении рабочие, имевшие прочные связи с деревней и отражавшие наиболее типичные настроения крестьянской и полупролетарской массы. Именно этот социальный слой в середине 1920-х гг. в основном и пополнил советский рабочий класс настолько, что это стало определяющим. Отличительной чертой того слоя была невероятная тяга к знаниям, практическая сметка и сильное желание активно участвовать в общественной жизни. Быстро растущий слой вновь вступивших стал продвигаться на уровне первичных партийных организаций, что можно наблюдать по составу членов бюро 1926–1927 гг.

Как видно из таблицы 4, с каждым годом доля коммунистов ленинского призыва в составе секретарей и членов бюро ячеек повышалась. С весны 1926 г. по осень 1927 г. доля вступивших среди членов бюро рабочих ячеек увеличилась с 53 до 66%, а среди секретарей рабочих ячеек с 35,6 до 54,2%. С началом коллективизации коммунисты этого партийного поколения превысили половину актива и в деревенских ячейках. На фоне продолжавшегося бурного количественного роста партии уже через 2–3 года кандидаты ленинских призывов стали бывальми и опытными коммунистами. Старт их карьеры был действительно стремительный. Как показывает анализ первичных материалов Всесоюзной партийной переписи 1927 г. вступившие в массовые кампании коммунисты стали довольно быстро продвигаться по хозяйственной, профсоюзной, кооперативной линии. Однако, достигнув за 3–5 лет уровня районной номенклатуры, дальше они не продвигались — на более высоких постах обязательным условием был длительный партийный стаж. Стабильность номенклатуры от уровня города, губернии и выше была очень высока. На этом уровне кадры менялись редко и попасть туда у вновь вступивших не было шансов. Весьма значительная часть вступивших в годы массовых кампаний пошла учиться на рабфаки. Сложные отношения между новым партийным поколением и поколением гражданской войны были еще впереди, их развитие — основное содержание партийной жизни следующего, второго десятилетия советской власти.

ВЫВОДЫ

На основе анализа ситуации в заводских ячейках, в статье проанализированы особенности политического поведения коммунистов в период с 1918 по 1923 гг., а также те изменения, к которым привело проведение массовых кампаний по приему в партию в 1924 и 1925 гг.

Анализ политической активности на первичном уровне позволил выделить три этапа, отличающихся по формам политического поведения, а также по характеру отношений между заводскими коммунистами и рабочими, с одной стороны, и между заводскими коммунистами и районным комитетом партии, с другой. Для первого этапа, с 1918 по 1921 гг., характерны активные солидарные действия рабочих, связанные со стратегиями выживания. Несмотря на военно-мобилизационную обстановку в ячейках, отношения ячейки и районного комитета партии носили характер равного партнерства, границы между рабочими и заводскими коммунистами не было.

Второй период, с 1921 по 1923 гг., характеризуется подчинением заводских ячеек районным комитетам, полной цензуре протоколов первичных организаций. Курс на укрепление дисциплины стал пониматься заводскими коммунистами как усиление изолированности от рабочих. С оживлением производства были восстановлены свойственные русской фабрике патерналистские отношения. Заводская ячейка и общественные организации заняли прочное место в системе отношений «хозяин-работник», играя ключевую роль во внутривзаводском распределении ресурсов. Послевоенное состояние общества выразилось в эти годы в усилении девиантных проявлений, в том числе и в партийной среде, и прежде всего, пьянства и хулиганства. В организациях с преобладанием крестьянских элементов и женщин, получило распространение склочничество.

Вступление рабочих в партию до 1922 г. был проявлением индивидуального выбора, систематической работы по вербовке рабочих в заводские партийные организации не проводилось. Инициированная в рядах партийного руководства кампания по увеличению количества рабочих в партии приобрела в 1924–1925 гг. массовый характер. Прием в партию и отказ в приеме носил характер записи с жесткими элементами социального регулирования. На мотивацию рабочих к вступлению в партию в оба года сильно влияла угроза сокращения на заводах при переходе к оплате золотыми рублями. Запись в партию 1924 г. проходила в состоянии экзальтации, вызванной смертью Ленина, о которой многие рабочие узнали на собраниях, посвященных годовщине Кровавого воскресенья 1905 г.

Анализ протоколов заводских ячеек Москвы показал, что вступающие проводили четкую грань между идеями партии в целом и задачами работы местной ячейки, имевшей среди рабочих устойчивый негативный имидж. Это разделение сохранялось в дальнейшем.

Увеличение заводских партийных организаций более, чем вдвое, за годы кампании привели к разделению заводских ячеек на цеховые. В результате процесс принятия партийных решений на местах стал непосредственно связан с цеховой культурой, начав вбирать в себя такие ее проявления, как отношения между мастерами и рабочими, между рабочими разной квалификации и оплатой и пр. Склочничество, свойственное ранее преимущественно женским коллективам с преобладанием крестьян, распространилось и на цеховые ячейки металлообрабатывающих предприятий. Среди коммунистов усилились антиспецовские настроения. Вновь вступившие чувствовали себя рабочими, делегированными в партию. В частных экономических конфликтах того периода вновь вступившие безоговорочно занимали сторону рабочих. Резкая граница между рабочими и заводской ячейкой, характерная для 1921–1923 гг., после проведения массового приема в партию оказалась несколько размытой.

ЦК партии была принята стратегическая линия на перевоспитание ленинского призыва, которое выражалось в ликвидации неграмотности среди вступивших в партию рабочих и проведению среди них массовой политучебы. Наибольший интерес у вновь вступивших вызывали профессиональные и производственные вопросы. Новое партийное пополнение стало последним резервом выдвижения на руководящие должности в массовом порядке. За первые 2–3 года пребывания в партии «ленинцы» стали доминировать среди секретарей и членов бюро первичных ячеек. Но стремительный карьерный рост не имел серьезных перспектив: без длительного

партийного стажа вновь принятые были лишены возможности делать карьеру в партийных органах более высокого уровня, в течении 5–7 лет сферой их деятельности были руководящие должности на производстве, в трестах, кооперативах, профсоюзах, советских органах. Обратной стороной быстрой карьеры в первые несколько лет была уверенность вновь вступивших в огромных возможностях партии для простых рабочих, а также стремление взять от власти «положенные им возможности». Это обстоятельство усиливало конфликт между разными партийными поколениями внутри партии во второе послеоктябрьское десятилетие⁸⁸.

---

⁸⁸ Основные выводы статьи были впервые представлены на секции «Dissent and Difference Among Russian Communist after the Revolution» ежегодной конференции Британской Ассоциации восточноевропейских исследований (Fitzwilliam College, Cambridge, 3–5 апреля 2004).

КОНСТИТУЦИЯ 1936 ГОДА И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СТАЛИНСКОГО СОЦИАЛИЗМА*

А. К. СОКОЛОВ

Одним из важнейших событий общественной жизни в Советском Союзе 1930-х гг. стало обсуждение и принятие новой Конституции — неоднозначного документа, отражающего сложность и противоречивость советского времени. Названная с момента своего рождения «сталинской» и «самой демократической в мире», Конституция была призвана закрепить основы нового социалистического государственного и общественного устройства, создать привлекательный образ социализма для трудящихся СССР и всего мира. Между тем «социализм» — термин, в который изначально его теоретики вкладывали разное содержание. То, что предлагалось закрепить Конституцией, вытекало из логики происшедшей в стране революции, было своего рода ее «завещанием». Конституция, действительно, содержала целый ряд таких элементов демократии, которые были привлекательны, и, если бы были реализованы на практике, способствовали бы развитию правового гражданского общества.

Почему Сталину так уж необходим был этот заключительный аккорд «социалистического наступления» и почему он пошел на принятие по форме действительно одной из самых демократических конституций в условиях, когда его положение, казалось, было настолько прочным и всеобъемлющим, что он мог, наверное, обойтись и без этого? Было ли ее принятие очередной прихотью вождя или же отражало какие-то глубинные течения в жизни советского общества? Не преувеличиваем ли мы его реальную диктаторскую власть и недооцениваем ли роль пассивной оппозиции сталинскому режиму? Может быть, тот порядок, который нашел воплощение в содержании Конституции, и был выражением тех чаяний и надежд, которые существовали в обществе со времен революции? Какие признаки демократии наблюдались при разработке нового основного закона и в чем они заключались? Как выглядела эта демократия в действии? Случайно ли принятие Конституции практически совпадало с развертыванием в стране оголтелой репрессивной кампании, названной в народе «ежовщиной»? На эти, как и многие другие вопросы можно ответить, если обратиться к анализу материалов обсуждения проекта Конституции и обстановки, в которой оно происходило.

Конституционная комиссия во главе со Сталиным была образована на VII Всесоюзном съезде Советов в марте 1935 г. в составе 31 человека, включая партийных и государственных руководителей центра и республик. Были созданы также 12 подкомиссий — экономическая, финансовая, правовая и т.п., куда вошли соответствующие специалисты. Летом 1936 г., после года работы, проект новой Конституции

* Статья выполнена в рамках проекта «Social and Economic Agency and the Cultural Heritage of the Soviet Past» по гранту 047.011.2004.039 Нидерландской организации по научным исследованиям (NWO) и РФФИ

был вынесен на всенародное обсуждение, которое продолжалось пять месяцев до 5 декабря 1936 г.

Таким образом, полтора года страна жила в ожидании больших перемен, возможно, самых значительных с момента революции 1917 г. Предложение высказаться по самым насущным проблемам, волнующим общество, открыто говорить все, что думаешь, посылать свои предложения, письма, замечания внушали иллюзию демократии. Да и сам проект давал основания для оптимизма, ибо речь шла о всеобщем избирательном праве, равенстве всех категорий населения, свободе слова, печати, собраний, неприкосновенности личности, жилища, тайне переписки, отмене всех прежних ограничений «государства пролетарской диктатуры». Были записаны широкие права для советских граждан на создание общественных организаций, на труд, на отдых, на образование, на материальное обеспечение по старости и в случае потери трудоспособности. Многие и сегодня полагают, что именно в статьях новой Конституции заключались сущностные черты социализма.

Что еще привлекало в содержании проекта, предложенного для обсуждения? Провозглашение колхозников и единоличников равноправными гражданами СССР могло рассматриваться как косвенное признание властями несправедливости коллективизации с логичной постановкой вопроса о возможности выхода из колхоза и возврате отобранного имущества. Включение пункта о свободе совести вроде бы означало осуждение прежних преследований верующих, отказ от воинствующего атеизма. В памяти людей был еще жив решительный поворот большевиков от военного коммунизма к нэпу. Может быть и теперь должно было повториться нечто подобное?

Однако многие уже нутром чувствовали разницу и не спешили откровенно высказываться по поводу главных вопросов устройства жизни советского общества, тем более, что в процессе обсуждения завеса демократизма постепенно таяла и отчетливо проступала иезуитская задумка власти раскрасить яркими красками фасад созданного режима, пустить всем пыль в глаза, выявить недовольных и поймать на крючок наивных пескарей, клонувших на демократическую приманку. Сталину, как когда-то царице Екатерине II, понадобилось уловить настроения в обществе и сделать для себя определенные выводы.

Наибольший интерес населения, а следовательно, и большое количество откликов, вызвали те статьи проекта Конституции, которые затрагивали непосредственные интересы граждан. Люди как бы примеривали новую Конституцию на свой размер, на конкретную ситуацию и свою судьбу, на свои «города и веси». Не бытовое, а абстрактно-правовое мышление, воспитанное на уважении к закону, в отношении к проекту встречалось редко и чаще всего было косвенным свидетельством более высокой образованности авторов. Значительно меньше затрагивались вопросы национально-государственного, административного устройства СССР. По данным Президиума ЦИК СССР несколько более половины — 53% предложений приходилось на одну-единственную X главу конституции «Права и обязанности граждан». К ней тесно примыкали статьи 7–10 главы I, затрагивающие отношения собственности, и ст. 12, в которой говорилось о принципах социализма: «кто не работает, тот не ест» и «от каждого по его способности, каждому — по его труду».

Обсуждение проекта Конституции представляло собой одну из очередных кампаний, так свойственных советскому периоду истории, с традиционным трудовым

подъемом, единодушными поддержкой и одобрением, о которых во всю мочь трубила на своих страницах печать, сообщая о триумфальном шествии «великого исторического документа» по всей стране. С помощью такого обсуждения руководство намеревалось возбудить новую волну общественного энтузиазма, придать дополнительное дыхание стахановскому движению, как бы олицетворяющему творческие потенции нового строя. Надо было показать, что пришествие социализма знаменуется беспримерными трудовыми подвигами, блестящими рекордами и достижениями. Сознательно создавалась иллюзия единодушного одобрения проекта, которая перерастала в некий общественный гипноз в условиях насаждения коллективистского сознания и яростной борьбы с индивидуализмом — наследием «проклятого прошлого». Лишь в малых дозах давалась информация о существовании сомневающихся и недовольных — своего рода «паршивых овец в стаде». В то же время на стол Сталина и его аппарата ложились и другие аналитические материалы, мало похожие на ту идеологизированную жвачку, которой потчевали читателя советские газеты и журналы, и свидетельствовавшие о весьма широком диапазоне мнений, суждений, событий, связанных с принятием новой Конституции.

Разумеется, судьба подготовленного в недрах аппарата документа была предопределена еще до начала его всенародного обсуждения, а именно в тот момент, когда летом 1936 г. Пленум ЦК ВКП(б) решил «одобрить в основном проект Конституции», что на языке того времени означало, что в дальнейшем никаких принципиальных изменений в ее текст внесено уже быть не может. Тем не менее, если Сталин сказал: всенародное обсуждение, значит — всенародное. Приоткрывая шлюзы для открытого выражения мнений людей, нужно было обеспечить их массовое участие в кампании и при этом еще направить поток народного волеизъявления в нужное русло, что составляло задачу не из легких. И размах кампании не имел прецедентов в мировой истории. Наверное, ни одна из принятых прежде конституций не оставила после себя такого обширного шлейфа документов — своеобразного и уникального среза советского общества 1930-х годов, которые и поныне лежат в архивах¹.

Подробная информация о настроениях в обществе поступала также в виде сводок НКВД, в виде обзоров писем, замечаний, предложений, направленных в адрес руководителей страны, прежде всего самого Сталина, а также учреждений и организаций. При публикации материалов в печати особое внимание обращалось на «выверенность» и «правильную оценку» сообщаемых фактов. Цензура бдительно следила за тем, чтобы не только в центральных, но и в местных газетах, и даже в фабрично-заводских многотиражках не было ничего лишнего².

---

¹ Наибольшее количество материалов по обсуждению проекта Конституции хранится в фонде 3316 ЦИК СССР. (См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 3316. Оп.41.). Имеются материалы в республиканских и местных архивах, в сводках, составлявшихся органами НКВД и поступавших в партийные органы. (См., например: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 17. Оп. 120. Д. 232). Часть документов, хранящихся в российских архивах и касающихся обсуждения проекта Конституции приведено нами в книгах: 1930-е годы: общество и власть. Повествование в документах/ Под. ред. А.К.Соколова. М., 1998; *Stalinism as a Way of Life: Narrative in Documents* / Ed. by Lewis Siegelbaum and Andrei Sokolov. Yale, 2000. См. главы: «Сталинская Конституция» (The Stalin Constitution).

² См. например: Центральный архив общественных движений Москвы (ЦАОДМ) Ф. 4. Оп. 49. Д. 173. Л. 91.

Цифры участвовавших в обсуждении проекта могут поразить воображение. Согласно официальным данным, в стране состоялось 623 334 собрания, посвященных обсуждению проекта Конституции, на которых присутствовало 42 372 990 человек и было сделано 169 739 предложений, замечаний, дополнений³. Для специалиста столь «точная» статистика при анализе массовых мероприятий может, естественно, вызвать лишь скептическую улыбку. Очевидно, что за ней стояли «дутые» показатели. Не удивительно, что в более поздней советской литературе можно встретить и гораздо большие цифры⁴, вплоть чуть ли не до поголовного участия людей в обсуждении проекта. Но сами организаторы кампании все же заявить об этом не решились, несмотря на то, что с мест поступали бесконечные сводки о ее успешном проведении и небывалой активности населения. Кроме общих собраний, посвященных обсуждению проекта в целом, везде проводились мероприятия, связанные с углубленным изучением отдельных разделов и статей проекта. В национальных районах проект Конституции обсуждался на родных языках, о чем говорилось в отчетах о проведении кампании на местах.

Но в любом случае количество материалов обсуждения оказывается огромным. И не только принудилка и показуха были тому причиной. Значительное количество письменных откликов имело стихийный характер. В чем же дело? Искреннее желание перемен и иллюзия их возможности? Безусловно. Поддержка демократических тенденций и устранение прежней несправедливости? Бесспорно. Но и это еще не все. Если существовала возможность поговорить по душам, то почему и не поговорить, даже если была угроза понести наказание за «длинный язык». Сказалась и давняя традиция общения простонародья с властью, особенно с помощью переписки с ней. В ходе обсуждения было высказано немало предложений: дельных и пустяковых, очень конкретных и совсем уж фантастических, нелепых по своей сути.

Если взять все сохранившиеся материалы по обсуждению проекта, а не только те, которые были опубликованы в печати, то можно получить широкое панорамное видение состояния общественного мнения в 1930-е гг., равнозначное большому социологическому обследованию. Отсюда следует совершенно определенный вывод: чтобы получить объективную картину состояния общественного мнения, необходимо учитывать весь спектр документов, связанных с принятием Конституции, а не только те из них, которые прямо и непосредственно касаются ее отдельных статей и положений. Ясно также, что многие материалы, распыленные по различным инстанциям, не были приняты во внимание, а то и просто проигнорированы в те годы.

Многие отклики и предложения представляли собой косноязычные и корявые рассуждения, смесь газетных штампов и обыденной речи, характерные для малообразованного общества. К примеру, некто Шульгин путем длинных и маловразумительных рассуждений трансформировал основной принцип социализма «кто не работает, тот не ест» в примерно такой же, выражаемый русской поговоркой: «что

---

³ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 159.

⁴ Так, в многотомной истории КПСС указывалось 2 млн. предложений по проекту конституции. См.: История КПСС. В 6 т. Т. 4. Кн. 2. М., 1971. С. 513.

потопаешь, то и полопаешь», и предложил его в качестве дополнения к ст. 12 Конституции тогда, по его мнению, «у нас поднимется культура и граждане выдвинут от себя трудовых ударников»⁵.

Местная номенклатура, на плечи которой легла основная работа по обсуждению проекта и проведению соответствующих собраний, оказалась как бы между двух огней. С одной стороны, от нее требовали максимального количества участников, внушительного числа выступавших и внесенных предложений. С другой стороны, чем более широким и открытым было обсуждение, тем более вероятны были разные критические и негативные оценки советской действительности, а это могло обернуться непредсказуемыми последствиями. Инстинкт самосохранения толкал руководителей к тому, чтобы заранее предусмотреть все, подготовить проверенных ораторов, а значит, — к перестраховке, заорганизованности и формализму.

Был у местных руководителей и свой резон, чтобы избежать широкого обсуждения. Они, как огня, боялись, что оно может вылиться в критику их собственной деятельности, ее несоответствие конституционным положениям, и, как показывают документы, боялись не напрасно. В Горьковском крае только в одном Сосновском районе на собраниях выступили с критикой недостатков 331 человек, «обращая внимание на плохую работу по рассмотрению жалоб, о нарушениях демократии, о невыполнении наказов, о слабом вовлечении в Советы женщин и т.д.» Таких коротких фактов-сообщений приводилось много⁶.

Таким образом, обсуждение проекта можно рассматривать и как часть общей кампании сталинского руководства, направленной против местных администраторов, их некомпетентности, бюрократизма, неспособности претворять в жизнь указания руководящих органов. По крайней мере, так получилось на деле. В основном критика обрушилась на низовые советские органы, деятельность которых была у всех на глазах. Не удивительно, что за короткий срок обсуждения проекта, по официальным данным, более 15 тыс. депутатов местных Советов в 21 крае и области лишились своих мандатов⁷.

Ход обсуждения показывал малограмотность, неподготовленность, низкий культурный уровень «проводников советской демократии», неумение ответить на самые элементарные вопросы или принять самостоятельное решение. Содержание статей проекта вызывало у них смешанное чувство досады (напишут всякое, а ты, попробуй, разясни) и страха (скажут — а ты потом отвечай). Отсюда частые случаи растерянности, путаницы среди организаторов собраний. Например, докладчик на Горьковском заводе «Двигатель революции», поздравив рабочих с успешным завершением второй пятилетки, обрушил на их головы следующее разъяснение по поводу классового состава советского общества: «У нас стерты классы с лица земли..., но наше крестьянство не является трудящимся»⁸.

---

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 232. Л. 75–76.

⁶ Там же. Л. 46–48.

⁷ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 41. Д. 105. Л. 1.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 232. Л. 45. В первоначальном проекте Конституции, в черновом наброске ст. 102, говорилось о том, что в Союзе ССР уничтожено деление на классы, и это положение «проскочило» в печать, добавив путаницы для пропагандистов, хотя буквально в течение недели эта теоретическая посылка была признана неверной. Было указано на существование двух классов: рабочих и крестьян.

Обсуждение проекта для таких людей становилось тяжелым испытанием. Нередко они старались избежать вопросов, дискуссий, действуя по принципу «что же обсуждать, если все давно ясно», «умные люди писали проект Конституции, так что не нам вносить в нее исправления». Представитель Алма-Атинского горсовета в Казахстане Рудинский должен был организовать объединенный митинг колхозников пригородных сельсоветов. Колхозники начали съезжаться еще с утра и ждали начала митинга аж до 6 часов вечера. Основательно «помариновав» пятитысячную аудиторию, Рудинский явно рассчитывал, что все устанут, прослушают штатного докладчика и со вздохом облегчения разойдутся. Однако колхозники хотели во всем разобраться и пытались настаивать на дискуссии, что не устраивало представителя сверху, и он никому не дал выступить. Об аналогичных случаях сообщалось из ряда кантонов АССР Немцев Поволжья. «Предложений об изменении статей или дополнений к проекту вносить нельзя» — утверждал один из тамошних руководящих работников на собрании рабочих совхоза. «Проект охватывает все стороны жизни, поэтому никаких дополнений не вносить» — говорилось в постановлении другого собрания, несмотря на то, что участники высказали ряд предложений. Во многих районах Оренбургской области райисполкомы вместо организации работы по обсуждению проекта ограничились принятием решения о его «проработке». В Бурятии председатель колхоза посчитал излишним обсуждение, так как проект уже одобрили парторганы. Было зарегистрировано немало случаев фальсификации стенограмм собраний, исключения из них тех или иных предложений⁹. С большим трудом до местной номенклатуры доходило, чего, собственно, от нее хотят: нужно было поиграть в демократию, но так, чтобы это вылилось в многомиллионную демонстрацию преданности делу социализма и лично товарищу Сталину.

Работники НКВД тщательно отслеживая малейшие отклонения от истинной цели — отчитаться перед вышестоящими органами о максимально высоком количестве участников обсуждения. В одном из спецсообщений областных управлений НКВД в октябре 1936 г. говорилось, что на ткацкой фабрике им. Максима Горького (Гаврилово-Посадский район Ивановской области) «в целях обеспечения достаточного количества рабочих на собрании после работы двери во двор фабрики были закрыты и около них поставлен сторож»¹⁰.

Во что могло превратиться обсуждение проекта Конституции без участия «организаторов» говорит один любопытный документ. Это письмо в «Крестьянскую газету» колхозника П.И. Воронова из колхоза «Каретово» Солигаличского района Ярославской области, присланное им от имени всех односельчан.

Колхозники нашего колхоза приветствуют сталинскую конституцию с большой радостью. Слушали меня колхозники и одобряли эту сталинскую конституцию. Всего участвовало на собрании 25 человек, но высказаться из них никто не мог, и тогда я, колхозник Воронов, предложил дополнить еще несколько пунктов, и они стали просить меня написать эти пункты и послать. Так я, по согласию всех колхозников, и написал, и, когда я им прочитал, что я написал, и они с пеньем Интернационала все собрание [постановили]:

---

⁹ Там же.

¹⁰ Неизвестная Россия. XX век. Вып. II. М., 1992. С. 274.

1. Чтобы нам колхозникам пользоваться правом городского рабочего ничуть не ниже, чтобы мы рабочие-колхозники работали за деньги, а не за трудодни.
2. Чтобы сделать нас колхозников всех профсоюзниками и иметь профсоюзные книжки, чтобы могли иметь полное право, как у городского рабочего.
3. Чтобы колхозу отпуск леса был бесплатно на все колхозные нужды, хотя [бы] определенный процент для нужд колхоза отпускать бесплатно.
4. Чтобы была бесперебойная торговля в наших селах всеми товарами, а в особенности мукой, а то у нас очень редко забрасывают муку, и колхозники бегают за хлебом за 30 километров, чтобы достать печеного хлеба для прокормления семьи, и ряд других товаров не бывает в кооперациях, а на счет кожаной обуви даже нигде и не видим здесь никакой.
5. Еще просим наладить у нас в колхозах работу, чтобы мы работали не все вместе, а каждый на своем прикрепленном участке, которые прикрепят за нами на все лето, и записи чтобы были в трудовые книжки каждую декаду, и давали нам их на руки, чтобы было у нас известно каждому колхознику, а то мы работаем все лето и не знаем, кто что заработал. Бригадиру говорим, чтоб выдавал нам каждый месяц и каждую декаду. Он говорит — не успеваю, работы много, а что делает? Он ничего не делает у нас в колхозе. Имеем председателя и счетовода, и бригадира, а дела никакого не видим. Председатель гуляет и бригадир, а счетовода совсем не видим нигде. Дали ему 225 трудодней — ничего не делает и просим помочь изжить все недостатки в наших колхозах. У нас в колхозе всего рабочих 20 человек. Он и предколхоза и он бригадир и хорошо устраивается, когда у нас во всем колхозе всего рабочих 20 человек, а у нас никто нам ничего не помогает исправить дело; в нашем колхозе живет избачка, и та не принимает никакого участия, — эти, конечно, неполадки имеются во всем Солигаличском районе¹¹.

Документ буквально проникнут духом ожидания перемен и от пункта к пункту постановление колхозного собрания, составленное автором, превращается в жалобу на нелегкую колхозную жизнь. Подобное сочетание постановки больших вопросов с житейскими заботами людей и будничными сценами очень характерно для многих материалов, спонтанно пришедших снизу в связи с обсуждением проекта. Однако рядом с такого рода положительными откликами оказалось немало таких, которые пришлось не по вкусу организаторам кампании. Колхозница Ф.М.Плиндина из Богучарского района Воронежской области писала, что «...колхозом все недовольны, что голодными по углам говорят, но явно боятся говорить», надо, чтобы «крестьянин работал всяк себе, а государству сколько должен с гектара отдать»..., « работаем-работаем, а есть нечего»¹². Об аналогичных «антисоветских» требованиях об отмене принудительных поставок государству хлеба, молока и мяса сообщали и местные сводки НКВД¹³.

Весьма активно откликнулось население на призыв руководства подытоживать путь, пройденный страной к социализму. Однако оно вряд ли ожидало получить ту разноголосицу мнений, которая рисуется на основании обсуждения. Конечно, немало оказалось положительных откликов, отражающих разнообразие жизненных судеб людей до и после революции. Многие принятие новой Конституции рассматривали как милость, благодеяние руководства, обеспечивающих им счастливую жизнь.

---

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 232. Л. 74–75.

¹² Там же. Л. 83.

¹³ Неизвестная Россия. XX век. Вып. II. С. 278.

«Пришествие социализма», действительно сопровождалось усиленным насаждением мифа о счастливой и веселой жизни, о чем заявил сам товарищ Сталин, обосновывая необходимость стахановского движения. Между тем представления о счастье и свободе у людей всегда были весьма относительными. В разные времена, в разных странах и у разных людей представления об этих ценностях расходились очень значительно. Но общая закономерность была очевидной: чем больше исстрадались люди, чем больше лишений и невзгод выпало на их долю, тем ниже у них планка счастья. Социальное раскрепощение, равноправие полов, наций и народностей, демократизация образования, возможность учиться и развивать свои способности, стать инженером, профессором, и даже наркомом — немаловажные факторы для самооценки и оценки последствий революции¹⁴. Вот, например, мироощущение в связи с ее принятием Конституции в отклик старого рабочего Бермана из Днепропетровской области: «Говорят, мы когда-то были молоды, но это неправда. Я в прошлом не помню молодости, ее у меня не было. Молодость пришла в преклонном возрасте. Я молод потому, что только в 1934 г. окончил техникум, я молод потому, что мои сыновья — один профессор, другой директор предприятия, третий горный инженер и четвертый студент транспортного института. Я молод потому, что радостно жить в нашей стране»¹⁵.

Многие своими откликами выражали очень важное и характерное социально-психологическое явление, присущее советскому обществу 1930-х гг. и обусловленное преобладанием молодых поколений в составе населения. Молодость — это пора ожиданий, реальных и смутных, время ученья, роста, первых свершений. Ставка делалась на молодежь, и страна, действительно, ощущала себя молодой, жила надеждами на будущее, в динамическом ритме полного сил молодого человека, которому казалось все по плечу. Часть этого мироощущения передалась среднему и старшему поколению. Ради будущего многие люди готовы были идти на любые жертвы, закрывать глаза на уродства и оправдывать мерзости. С этой точки зрения момент для принятия новой Конституции был выбран удачно. К тому же в головы людей постоянно вдальбивалась мысль, что и до коммунизма осталось поднажать совсем немного.

Иначе, например, оценила путь, пройденный деревней за годы советской власти колхозница К.В.Шестакова из Свердловской области: «Я часто вспоминаю Ленина, какой он добрый был для нас, для крестьян, отобрал землю от помещиков, отдал крестьянам и приказал поделить на едока. В те годы были сыты все, не было голодных. Рано помер Ленин. Теперь нам, бедным вдовам, хуже того порядка, что был до революции... Почему коммунисты поступают с нами так плохо, как не делали капиталисты, не морили голодом бедных крестьян?»¹⁶. Автор мыслила и ощущала себя в социальных категориях прежних лет, а именно — принадлежащей к классу бедняков, обездоленных и угнетенных, которым жить стало совсем невмоготу и на-

---

¹⁴ В книге: *Маркевич А.М., Соколов А.К.* «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот». М., 2005 только на примере одного завода приводилось много фактов быстрого профессионального продвижения молодых рабочих в 1930-е гг. (см. гл. 3), что служило немаловажным фактором поддержки проводимой политики.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 232. Л. 36.

¹⁶ Там же. Л. 80–82.

много хуже, чем до революции, а тем более по сравнению с нэпом. «Государство, — писала она, — покупает все дешево, а крестьянам продает все дорого», а ведь «колхозник — тоже человек». Единственная надежда у нее, как и у многих других, на новую Конституцию, о которой она имела весьма смутное представление, но вроде бы там записаны равенство для всех, свобода слова и свобода печати. Они ей нужны, чтобы сообщить в газету о своем тяжелом положении и с ее помощью записать в проект пункты, освобождающие таких бедняков, как она, от госпоставок. Увы! Письмо попало в разряд «враждебных откликов».

Часто при «накатанном» обсуждении проекта вдруг у кого-то из собравшихся (чаще всего у более эмоциональных женщин) не выдерживали нервы. Так сообщалось, что в Булаевском районе Карагандинской области (Казахстан), когда один из выступающих после прочтения проекта Конституции, делаясь с присутствующими своими воспоминаниями о прошлом, сказал о том, в каких условиях раньше служили в царской армии до 25 лет, присутствующая на собрании крестьянка Хулюпова со злобой в голосе крикнула: «Ну что же, что служили 25 лет, зато все были сыты, обуты, одеты».

Призыв оценивать прошлое в сравнении с нынешними достижениями, как свидетельствуют материалы обсуждения, показал, что в памяти людей совсем не угасли и реквизиции продовольствия в годы Гражданской войны, и хлебозаготовительные кампании, и «перегибы», и брошенная на произвол судьбы голодная деревня 1932–1933 гг., и совсем недавняя карточная система. Данный факт подтверждается анализом сводок НКВД и писем граждан в газеты и журналы. Отклики часто оказывались совсем не такими, на которые рассчитывало руководство. Отчетливо слышны были отзвуки только что прошедшей сплошной коллективизации. Это и понятно, ведь в количественном отношении колхозники — недавние единоличники — по-прежнему составляли большинство населения. Кроме того, в центре обсуждения оказался вопрос о неравенстве рабочих и колхозников, о том, чтобы на деле обеспечить оплату труда в соответствии с его количеством и качеством. Колхозные трудодни не случайно были названы «палочки», т.е. только отметки, что работал.

Вернемся к приведенным ранее предложениям колхозника П.И. Воронова. Они, с одной стороны, вроде бы содержат признание колхозного строя, а с другой — просьбу наладить работу так, «чтобы мы работали не все вместе, а каждый на своем прикрепленном участке». Обратим внимание на первые два пункта письма. В них автор просит уравнивать крестьян в правах с рабочими как в отношении оплаты труда (работа за деньги, а не за трудодни), так и социальной защищенности (членство в профсоюзе). Подобный мотив был очень распространенным в письмах снизу. Об этом же красноречиво свидетельствуют и сводки НКВД. Как говорилось в одной из них, в Козелецком районе Черниговской области в колхозе «Новая жизнь» колхозница Погребная заявила: «Колхозники, которые работают по полеводству, недостаточно получают за труд против всех, которые работают на производстве. Мы работаем по 20 часов, а они по 8 часов в день. Мы имеем общую нужду в одежде и обуви, ходим в рваных платьях и рубашках, а они, рабочие, обеспечены всем полностью. Мы не имеем свободных мест на курорты, а они, рабочие, — имеют»¹⁷. Ей

---

¹⁷ Там же. Л. 50.

вторил в своем письме И.Савурин из Воронежской области: «Надо бы добавить в новой Конституции зарплату на трудодень, а то мы работаем и не знаем за что. С весны нам всегда обещают много, а когда станем получать, то на год не хватает на мамалыгу»¹⁸. Работа за трудодни обычно расценивалась как нарушение принципа равного вознаграждения за равный труд. Более того, многие сельчане в своих письмах стремились доказать, что их труд намного тяжелее и весомее для страны и просили отразить этот факт в Конституции. Именно подобного рода замечания чаще всего игнорировались и откладывались в сторону.

Внимание сельских жителей не могли не привлечь те пункты проекта, в которых определялись контуры колхозного строя — основы «социализма в деревне». Вряд ли кто мог предположить, что признание самостоятельной колхозной собственности станет фундаментом крайне лицемерной политики государства в отношении колхозному крестьянству и не только не устранил прежнее неравенство между рабочими и крестьянами, но и усугубит его. В то время как колхозы должны были строго рассчитываться по своим обязательствам перед государством и даже сверх того, оно же, государство, к своим обязательствам перед колхозами относилось спустя рукава, ссылаясь на то, что сами колхозы должны заботиться о благополучии своих членов, об их социальной защите и т.п. Однако некоторые колхозники при обсуждении проекта уже поняли, «куда ветер дует». Так, член Храповского сельсовета Киржачского района Миронов при обсуждении 120 ст. проекта (о материальном обеспечении в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности) заявил: «Чем мы, колхозники хуже рабочих, однако нам в случае инвалидности по новой Конституции государство не будет оказывать никакой помощи. Эта Конституция хороша только для рабочих, а нас, крестьян, опять будут гнуть, да еще вдвое против прошлых лет»¹⁹. Таким образом, не устранив прежних противоречий между городом и деревней, государство и тут способствовало возникновению новых. Деревенские жители, как и прежде, рассматривались в общественном мнении как люди нижней социальной иерархии вопреки социальному равенству, провозглашенному Конституцией, а слово «колхозник» превратилось едва ли не в бранную кличку. К тому же колхозная «обираловка», изъятие продуктов производства при отсутствии удовлетворительного снабжения и обеспечения вели к тому, что сельские жители устремлялись в города, дабы что-либо там приобрести и, в условиях повсеместных дефицитов, рассматривались горожанами как «нахлебники». Такое положение сохранялось вплоть до конца советского строя.

Тем не менее, в момент обсуждения многие положения новой Конституции могли восприниматься колхозниками вполне оптимистично. С этой точки зрения закрепление земли за колхозами в бессрочное пользование рассматривалось как естественная мера по отношению к крестьянам. Это была их земля, на ней они хозяйствовали до коллективизации, здесь им и теперь долго еще предстояло приспособляться к новой жизни, но как отголосок прежних землеустроительных споров следует рассматривать возражения против закрепления земли за колхозами в бессрочное пользование в ст. 8. «Это надо изменить, — писал один из них, — сделать на срок до

---

¹⁸ Там же. Л. 86.

¹⁹ См. сб. документов: Неизвестная Россия. XX век. Вып. II. С. 274–275.

15 лет, колхозные границы, может быть, понадобится изменять между колхозами. Нам очень не нравится статья..., в некоторых колхозах земли много, а у некоторых мало..., в колхозе может вся рабочая сила уничтожиться по случаю голода, болезни или просто могут все разехаться, а акт навечно будет крепить участок земли. Надо сказать, что земля остается в пользовании всего трудового крестьянства и все»²⁰.

«Хорошую», однако, перспективу для колхозов держал в уме автор. С чего бы это? Но о том, какая чехарда с колхозными землями последует в скором будущем, насколько мало государство будет склонно считаться с данной конституционной нормой, рассматривая колхозную собственность лишь в качестве придатка к государственной и поступаая с ней, как заблагорассудится, вряд ли кто тогда мог предполагать.

Огромный энтузиазм сельского населения вызвали статьи о допущении мелкого частного хозяйства, основанного на личной собственности и исключаящего эксплуатацию чужого труда (ст. 9). Для одних это означало частичное признание вины за насилие, осуществленное в период «колхозного разворачивания», для других — надежду когда-нибудь снова обрести свое хозяйство. Немногие оставшиеся единоличники тоже воспряли духом, наивно полагая, что с постоянным нажимом на них теперь будет покончено. Другие просто выразили надежду, что их теперь не выбросят «за борт», т.е. лишат всех прав, как, например, группа единоличников в 25 человек из Чувашии²¹.

Сводки НКВД показывают, что в связи с этим получили широкое распространение следующие разговоры: «Ну теперь, согласно новой Конституции, единоличник будет жить, прошло то время, когда над нами издевались, а теперь мы покажем, как надо жить»²². «Имущество нам придется вернуть, единоличников теперь будут наделять землей, а тем из них, у кого нет лошадей, землю будут вырезать под самым селом». «Можно в колхоз не вступать, землю одинаково будут давать, а главное то, что никакого натиска, как раньше на единоличников не будет, а кого лишали права голоса будут восстанавливать. Теперь мы заживем, как и раньше». В течение 20–22 августа от единоличников с. Н. Слободы Путивльского района Черниговской области в райисполком поступило 19 заявлений, и в том числе одно коллективное от 13 человек, о возврате им имущества и усадеб²³. А один из крестьян пошел еще дальше, предлагая любопытную перспективу сосуществования двух форм собственности: «Прошу добавить к статье, которая допускает существование единоличных хозяйств, чтобы приказом в сельсовете организовали один единоличный поселок со всеми удобствами для жизни»²⁴. Данное предложение показывает, что ценили крестьяне в колхозном строительстве — создание коллективных «удобств для жизни»: клубов, библиотек, школ, медицинских учреждений и т.д. В сводках НКВД говорится также, что в связи с обсуждением проекта широко распространились разговоры и слухи о том, что теперь раскулаченным можно вернуться из ссылки, что их вос-

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 232. Л. 64–65.

²¹ ГАРФ. Ф.3316. Оп. 41. Д. 79. Л. 51(об).

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 232. Л. 50.

²³ Там же. Л. 51.

²⁴ Там же. Л. 65.

становят в правах, возвратят имущество и будет «полная свобода всем»²⁵. После принятия Конституции было, однако, совсем противоположное. Массовые репрессии в 1937 г. происходили, прежде всего, как «кулацкая операция», инициированная сверху.

Одобрительно отнеслись к ст. 9 проекта городские кустари, пережившие в начале 1930-х гг. эпидемию закрытия сапожных, починочных мастерских, ателье по пошиву одежды, парикмахерских, частных заведений торговли, общепита и т.п. Поступило немало писем, в которых выражалась надежда на перемены к лучшему, на то, что людям дадут спокойно работать и жить, как им хочется.

Ничего подобного, однако, не было после принятия Конституции. Да и в ходе обсуждения проекта, в связи с подобными выступлениями и высказываниями на места выезжали ответственные работники «для разъяснения»²⁶. О том, какого рода проводились «разъяснения», не сообщается, но уже сам факт отнесения таких высказываний к разряду «антисоветских» говорит о многом. Не случайно, в сводках приводились такие разговоры: «Все равно будет не по нашему», «как Сталин сказал, так и будет»²⁷.

В большинстве откликов получила горячую поддержку статья Конституции о защите государством личной собственности граждан (ст. 10). Многие, помня недавние «перегибы» в ходе коллективизации, расценили ее как гарантию от того, что нечто подобное может повториться. В колхозе «Пионер» Усвятского района Западной области прошла проработка проекта, где подробно был проработан каждый пункт. Особенное одобрение получила ст. 10: «Все колхозники радостно говорили, что дома и огород предусмотрены законом. Признание права на личное подсобное хозяйство в какой-то мере означало для колхозника сохранение прежнего единоличного крестьянского хозяйства, только в миниатюре (по колхозным уставам в размере от 0,4 до 0,5 га в зависимости от района страны). Одновременно в этом как бы консервировались старые проблемы деревни. Многие колхозники писали о том, что «неверен устав сельхозартеля насчет приусадебных огородов», что многосемейные получают столько же, сколько малосемейные: «Это большая ошибка. Надо или целиком и полностью отобрать приусадебные огороды все в колхоз, или же наделить большие семьи большими участками, чем малые семьи, которые не нуждаются в колхозной работе и от усадьбы прокармливаются..., только многосемейные устремляются на колхозную работу», но им все равно придется терпеть голод и нужду»²⁸.

Колхозный строй уже пустил свои корни в деревне. В связи с обсуждением проекта поступало немало предложений вообще отменить возможность ведения как личного подсобного, так и мелкого частного хозяйства. Сказывалось влияние прежней уравнилельной психологии. Один из низовых работников писал: «Не знаю, почему в Конституции предвидится существование единоличника. По-моему, он должен быть или колхозником или рабочим, потому что в этой пятилетке предвидится ликвидировать классы». Для многих подобных «теоретиков», помимо опасений, что придет-

---

²⁵ Там же. Л. 49.

²⁶ Там же.

²⁷ Неизвестная Россия. XX век. Вып. II. С.273.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 232. Л. 63–64.

ся отвечать за прежние ошибки или возвращать несправедливо отобранное имущество, означало бы и моральное поражение в многолетней войне за поголовную коллективизацию. «Ввиду окончательного прихода всех трудящихся к социализму на основе личных убеждений, — писал один из них, — в ст. 9 поставить обязанностью вступить в социалистический сектор единоличным крестьянам в колхозы и социалистические объединения кустарей-ремесленников мелким кустарям..., у нас в Союзе ССР отдельных категорий трудящихся быть не должно, так как одна власть и один нужен дух. У нас при сельсовете имеется 14 единоличных крестьянских дворов, и если рассматривать их работу, то они живут как будто не в Стране Советов»²⁹. Вот это — заставить, но «на основе личных убеждений» — выражает собой суть «советской демократии», сформировавшейся в 1930-е гг. В этом и память о том, что «перегибы» неоднократно осуждались, и что всеми доступными средствами надо было «убедить» людей в правильности проводимой политики и жить, как все. «Ст. 9 нужно написать так, — указывал другой местный руководитель, — что единоличные хозяйства в советской стране не должны существовать долго, так как мелкое частное хозяйство единоличных крестьян может влиять на колхоз»³⁰. О том, как влиять, он не сказал, но, само собой подразумевается, что разрушительно. Надо ли говорить, что соответственно пожеланиям подобных руководителей продолжалось наступление на единоличный сектор весь советский период, вопреки конституционной норме.

Не менее острой проблемой, взволновавшей общество, стало провозглашение, согласно новой Конституции, свободы совести и отправления религиозных культов (ст. 124). Часто они сопрягались со ст. 125 (о свободе слова, печати, собраний) и с ст. 135 из главы XI «Избирательная система», где говорилось, что все граждане, в том числе и независимо от вероисповедания, имеют право участвовать в выборах. «Как понимать в проекте новой Конституции пункт о свободе собраний? — спрашивал, в частности, В.Ф.Новожилов из Украины. — Разрешается ли этим пунктом свобода религиозных собраний общественно-богослужебного характера вне стен церкви, т.е. в частных домах, где нет здания церкви? В настоящее время на подобные собрания нужно брать разрешение у соответствующих органов советской власти, но они вообще ни в коем случае не разрешаются»³¹.

Сводки НКВД показывают, что немалая часть населения пришла к выводу, что война с религией прекращается, а политика закрытия церквей, мечетей и запрещения деятельности религиозных общин признается ошибочной. Многие верующие восприняли духом, причем разных конфессий³². В сводках говорилось, что оживились сектанты. «Члены секты молокан подали заявления об открытии молитвенных домов, в частности в г.Рассказово Воронежской обл.»³³. Но подобные настроения в обществе не были господствующими. Даже формальное подтверждение свободы вероисповедания нередко встречало непонимание. Давали себя знать почти два десятилетия активного наступления на религию, травли верующих, разрушения храмов. Люди

---

²⁹ Там же. Л. 65.

³⁰ Там же. Л. 67.

³¹ Там же. Л. 80.

³² Там же. Л. 49.

³³ Неизвестная Россия. XX век. Вып. II. С. 278.

отказывались верить своим глазам, прочитав в проекте, что допускается не только свобода совести, но и участие в выборах священнослужителей, ранее лишенных избирательных прав. На одном из собраний в Воронежской области был задан вопрос в том смысле, что, дескать, неужели и «попы тоже будут голосовать?». «Знающий» представитель сельсовета пояснил, что ко дню выборов они будут лишены права голоса³⁴. Этот ответ показал, что принцип всеобщего избирательного права, заложенный в Конституцию, настолько явно противоречил духу времени, что человек счел за лучшее положиться на свое «пролетарское чутье». А в одной из сводок НКВД, сообщалось, что в Винницкой области представитель райисполкома совсем зарпортовался. При ответе на вопрос, кто такие умалишенные и почему их лишают права голоса, он разяснил, что это «все, кто верит в бога»³⁵. На этой почве возникла обида среди тех, кто чувствовал себя в советском обществе ущемленным: «В новой конституции для колхозника никакой разницы нет, кулаку и попу путь открыли, а для нас без перемен»³⁶.

В то же время, несомненно, они бы несколько утешились и меньше терзались сомнениями, если бы знали, что все случаи проявления религиозных чувств, попытки восстановить церкви, надежды избежать колхозной участи, отстаивать самостоятельность и независимость суждений, свободу выражения мнений тщательно берутся на заметку органами НКВД.

Но особенно тщательно фиксировались ими как «антисоветские высказывания» мнения людей по поводу изменений политической системы советского общества, личных прав и свобод граждан. Сами отклики на эту тему приобретают подчас весьма странную «гибридную» форму. Наряду с одобрением проекта в них затрагивались наиболее большие моменты советской действительности. В качестве примера можно привести письмо В.Е. Мельникова, как он сам пишет «колхозника из самой дальней деревенской глуши» (с сохранением орфографии письма):

«Опубликованный проект Конституции СССР от 12/VI — 36 г. есть одно из ценнейших дарований советской власти народам Союза за время ее существования.

Если будущему съезду советов угодно будет утвердить ее полностью, после всеобщего обсуждения, то для народов СССР действительно наступит новая эра жизни, ибо думы и чаяния передовых умов старого и нового света будут в натуре осуществляться и воплощаться в жизнь.

Мы тогда будем вправе сказать западникам: граждане! мы тоже не бесправные рабы, а свободные граждане, самобытно строящие свою жизнь, костью и кровью выковывающие права гражданства и отечество, которое будем ценить и охранять как зеницу ока. Эти неотъемлемые права гражданства, безусловно, будет могуче и крепко во всех отношениях общественной жизни и если кто захочет изнутри или извне на Союз ССР с такой Конституцией, тот получит всеокрушающий отпор.

При будущих выборах в советы на основании ст. 134 народы СССР будут верховными обладателями власти, следовательно, будущие органы власти будут иметь источник воли народа.

Из всех различных форм правительства тут надо считать наилучшей, которая полнее обеспечивает народное счастье и безопасность и которая представляет наиболее гарантии против дурного управления.

---

³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 232. Л. 75.

³⁵ Там же. Л. 46.

³⁶ Там же. Л. 86..

Ведь каждый мыслит и чувствует, что покушение на основные важнейшие права человеческой личности и гражданина не только притупляет гражданственность, но даже возбуждает в человеке чувство ненависти к государству и стремление разрушить и уничтожить ту государственную власть, которая сводит к нулю главный смысл человеческого и гражданского существования.

Для того, чтобы законы и распоряжения правительства были более благоразумны и устойчивы, главу III ст. 34 по-моему надо дополнить: в Верховный Совет избирать людей в возрасте не менее 50 лет и с высшим образованием.

В Совет национальностей в возрасте не менее 30 лет с широким жизненным охватом.

Главу IX ст. 102 дополнить: смертная казнь отменяется, как мера социальной защиты унижительная для человечества в XX веке, заменить ее мерой наказания высылкой за пределы СССР с конфискацией имущества.

108 ст. дополнить: Крайсуды или Облсуды при разборе дел нарсудов имели в своем заседании очередных заседателей от рабочих 4 чел., от крестьян — 6 чел. 10% нарсудей должен быть с высшим образованием.

Глава X ст. 125 — дополнить так как свобода печати есть один из величайших устоев свободы политической, поэтому всякое ограничение печати следует считать актом тирании, а предоставить право всем гражданам выражать свое мнение в печати без всякой цензуры, без препятствий выписывать и получать из-за границы газеты и журналы различных партий и оттенков.

129 ст. дополнить: предоставить право всем гражданам Союза свободно выезжать за границу, работать, путешествовать или с научной целью, во все страны света.

141 ст. дополнить: по избирательным округам заносить в списки кандидатов не только организациям, но и частным лицам, потому что не все организации знают всех хороших людей вокруг себя.

Моя искренняя просьба к уважаемой редакции «Крестьянской газеты» в следующем: широко ознакомить читателей нашей газеты в ближайшее время с конституциями передовых стран всего земного шара, ибо большинство населения не имеют даже малейшего понятия об основах этих государств...»³⁷

Ясно, что «рядовым колхозником» автора считать вряд ли стоит. Это — размышления человека о настоящем и будущем страны, за которую он болеет душой и искренне хочет ей счастья. Письмо, с одной стороны, — крик отчаяния, с другой, — надежда на чудо. Автор полностью поддерживает проект Конституции, называя ее «ценнейшим дарованием Советской власти народам Союза за время ее существования» и обращает внимание прежде всего на те ее положения, с которыми советское государство находилось явно не в ладах. Сколько смелости нужно было, чтобы написать о необходимости ознакомиться с конституциями «передовых стран мира», а не так, как полагалось их называть, — стран «загнивающего капитализма». Мало того, автор пошел дальше проекта и предлагал закрепить в Конституции совершенно неприемлемые для режима вещи: отмену смертной казни, отмену цензуры, свободу выезда за границу и др.

Автор не был одинок в своих устремлениях. Ленинградский инженер Глебов посчитал принятие новой Конституции началом великих реформ. Народное представительство, писал он, избранное всеобщим избирательным правом представляет величайшую силу, способную влиять на прочнейшие организованные правительства. Учитывая будущее, при установлении крупных государственных реформ, предпочтительно исходить из всех возможных следствий. Вот почему полезно предположить

---

³⁷ Там же. Л. 83–85.

образование под сенью законодательных палат других политических партий, кроме коммунистической. Лучше предусмотреть условия их формирования открытыми путями. Иначе это *проявление самостоятельности населения будет ютиться при общественных организациях иного назначения*³⁸(выделено авт.). Как показывает дальнейшая советская история, так и вышло.

Высказывались предложения подчеркнуть в Конституции независимость от государства общеобразовательной школы, свободу критики деятельности высших и центральных органов, отмену смертной казни, право выдвигать депутатов в Советы не только общественным организациям, но и отдельным гражданам, объявить амнистию политических заключенных³⁹. Были предложения предусмотреть отказ от военной службы в силу убеждений⁴⁰. Высказывались мнения о необходимости внести в Конституцию пункт о свободе выбора места работы и проживания. Были возражения против обязательного распределения молодых специалистов. Многие колхозники жаловались на невозможность оставить колхоз и поехать на производство⁴¹. А.И. Башарин из Армавира писал, что «в стране 10-миллионная армия заключенных — большинство по ложным доносам». Он рассматривал это как результат сведения личных счетов, преступной безответственной работы местных следственных органов, судов и прокуратуры, просил разобраться и навести порядок⁴².

В письмах и сообщениях часто затрагивался этот один из ярких феноменов общественной активности сталинского времени — массовое доноительство. Конечно, доносы — явление, свойственное любому обществу, но в советское время оно получило особый размах. Идеи советского социализма предусматривали всемерное участие граждан в борьбе со старым, отжившим, с недостатками и отклонениями от социализма. Каждый, однако, по-своему понимал, что правильно, а что неправильно в советской действительности и сообщал об этом в своих письмах властям. Сложилась массовая практика досмотра людей за своим окружением, всячески поощряемая сверху, поскольку считалась показателем активной жизненной позиции, а недонесение о враждебных настроениях, намерениях и действиях рассматривалось как государственное преступление. Добавились многие проблемы, связанные с тяжелыми жизненными условиями, завистью, корыстными побуждениями, стремлением свести счеты с обидчиками путем доносов, карьерные соображения. Доносы передавались в политические и карательные органы, служа основанием для преследования и репрессий⁴³. Однако они могли затрагивать интересы многих людей, в том числе руководящих работников, и могли обернуться и против авторов доносов, особенно если в них сообщались неверные факты. Поэтому из года в год возрастало количество анонимок, в которых авторы без подписи или под вымышленными именами сообщали о различного рода «злоупотреблениях». Анонимки стали настоящей болезнью

---

³⁸ Там же. Л. 52.

³⁹ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 41. Д. 84. Л. 33–34.

⁴⁰ Там же. Л. 80.

⁴¹ Там же. Д. 81. Л. 22–24, 27, 30, 32–33, 51.

⁴² Там же. Д. 14. Л. 100–101.

⁴³ О доносах в материалах личных дел репрессированных подробно рассказывается С.В. Журавлевым в главе «Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация» в книге: Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М., 2004. С. 153–211.

сталинского времени и его культурным наследием. Многие письма содержали заведомую ложь и клевету. Невозможность отличить, где правда, а где нет, необходимость длительных проверок, вынудили руководство после смерти Сталина ограничить разбор анонимок, однако приобщение их к материалам личных дел сохранялась вплоть до конца советского строя. В современной России практика поощрения агентов-осведомителей органов безопасности государства тоже сохраняется, служа одним из способов контроля за оппозицией.

Среди «враждебных откликов и предложений» оказалось одно письмо из Ярославской области. Оно любопытно тем, что показывает, насколько живучей в крестьянстве оказалась идея создания Крестьянского союза, пережившая даже кошмар сплошной коллективизации. Автор, встретившись с произволом советских низовых органов, обратился к ст. 126 и попытался «встроиться» в нее со своим предложением: «Чтобы не было в будущем такого произвола, предлагаю, согласно спущенного проекта конституционной комиссии, внести в статью 126, *в целях развития организационной самостоятельности* (строка из ст. 126) дать право всему колхозному и единоличному крестьянству организовать непосредственный Крестьянский союз при каждом сельсовете и каковой бы непосредственно сносился во всех нуждах и пояснениях с центральными земельными управлениями ввиду бюрократического отношения сельских советов и правлений колхозов, каковые в большинстве случаев ведут колхозное крестьянство не к зажиточной культурной жизни, а к развалу колхозов и их ухудшению и благоустройство крестьянской жизни должно учитываться не вообще — в государственном масштабе, а согласно местных условий жизни»⁴⁴.

Следует обратить внимание, что критика 126 статьи Конституции, где наряду с правом объединения трудящихся в общественные организации: профсоюзы, кооперативы, молодежные, спортивные, оборонные организации, культурные, технические и научные общества, мало касалась пункта, фактически закрепляющего особую роль коммунистической партии в советском обществе, которая рассматривалась как «ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». Объединение в партию, правда, рассматривалось как *право* принадлежать к наиболее сознательным и активным гражданам, передовому отряду трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя. Прямо закрепить «руководящую и направляющую роль партии» в советском обществе составители Конституции еще не решились. Это было сделано позже, в Конституции 1977 г. (ст. 6). Но на практике это мало что меняло. Вступление в партию не столько по идеологическим соображениям, сколько, и даже больше, чем раньше, стало рассматриваться признаком принадлежности к кругу «посвященных», как необходимая ступень успешной карьеры и продвижения, объясняющее массовый приток в ряды партии вплоть до конца советского строя и тщательный отбор граждан при приеме в нее. В соответствии с этим сама партия стала делиться на рядовых коммунистов и членов партии, занимавших ответственные посты в советской бюрократической номенклатуре. Подобная практика «партийного строительства» надолго пережила свое время и весьма напоминает политический процесс в современной России. В этом смысле удачно

---

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 232. Л. 79.

выразился один из известных деятелей нашего времени: как ни выстраивай партию, все равно выходит КПСС.

В первоначальном проекте Конституции в высших эшелонах сталинского руководства обсуждалась возможность альтернативных выборов, выдвижения в органы власти не одного, а нескольких кандидатов, однако это встретило особенно резкие возражения партийных чиновников, опасавшихся за сохранение своих постов. Как правило, они апеллировали к уже сложившимся традициям в избирательной системе. После принятия Конституции формулировка на этот счет оказалась крайне расплывчатой и туманной. Теоретически можно было ставить вопрос о альтернативных выборах, но на практике все это свелось к выдвижению одного проверенного кандидата, представлявшего «блок коммунистов и беспартийных». Всяческие попытки иного рода немедленно пресекались и считались «антисоветскими проявлениями». Выборы в результате приобрели ритуальный характер, превратились в демонстрацию преданности советскому строю и единодушия, успешно обеспечиваемого тщательно подобранными избирательными комиссиями.

Конституция недостаточно четко определяла роль и место различных органов в управлении государством и, думается, умышленно. Если за Верховным Советом закреплялась в основном законодательная роль, то его взаимоотношения с СНК не определялись. Между тем страна вплоть до падения коммунизма стала жить в основном по партийным директивам и многочисленным инструкциям, составляемым в недрах аппарата, содержание которых было известно в основном партийным и советским бюрократам, но не большинству граждан.

В процессе обсуждения проекта Конституции 1936 г. довольно часто звучали антибюрократические настроения, отчасти поощряемые сверху. Правда, разоблачать можно было только конкретного советского бюрократа-чиновника, творящего произвол и злоупотребления. Нельзя было критиковать бюрократизм как характерное явление советской жизни под угрозой попасть в «черные списки», особенно если дело доходило до критики властного устройства и системы в целом. В печати, например, прошло активное обсуждение случая с преследованием знаменитого стахановца И. Бусыгина, которого администрация пыталась уволить за то, что он украдкой от завсехом перекрыл нормы. «Сотни тысяч есть случаев, — писал по этому поводу в адрес VIII съезда Советов другой стахановец М. Голосов, которого, как он сам пишет, здорово потрепали, — когда хозяйственники по самопроизвольному капризу увольняют трудящихся...»⁴⁵. В то время высшее руководство страны было явно на стороне стахановцев. Кстати, иногда создание им особых условий, их постоянные разъезды с целью пропаганды своего опыта расценивались рядовыми рабочими как нарушение права на труд: дескать, «они прогуливают, а мы их труд оплачиваем»⁴⁶.

Красноармеец Ф.Л. Счастливый из Читы писал, что «многих руководителей, хозяйственников, инженеров, техников жены не работают, имеют прислугу, это форменная эксплуатация»⁴⁷. Колхозник М.Е. Филиппов, несмотря на то что в проекте Конституции было заявлено о полной ликвидации эксплуататорских классов в СССР,

---

⁴⁵ ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.81. Л.9 (с об.).

⁴⁶ Там же. Л. 8.

⁴⁷ Там же. Д. 77. Л. 96.

настаивал, чтобы внести в нее добавление о необходимости охраны трудящихся от волокиты и бюрократизма, ибо, по его мнению, бюрократы и волокитчики эксплуатируют трудящихся незаконными решениями, постановлениями и являются «осколками капиталистических классов»⁴⁸. С деятельностью администрации на местах часто связывались социальная несправедливость, самоуправство, бесправие людей, а также, как ни странно, жестокая репрессивная политика и преследования по политическим мотивам. И. Савурин писал, например (с сохранением орфографии):

«Выпустить нужно такую конституцию, чтобы каждый жил свободно, чтобы за нами бригады не кричали — Эй, ты почему не пошел на работу, а то с вами справлюсь. В защиту себя слова сказать нельзя, начинают угрожать: «Поменьше говори, а то я тебе пришью 58-ю статью. Ваньке дали 10 лет возить тачки и тебе туда пора. А Гришка 5 лет отбыл, так теперь не говорит, почему твоя жена на работу не ходит, мы таким скоро дадим, нам стоит клочок бумажки [имеются в виду доносы] и ты на канале». С моей стороны политзаключенным нужна амнистия. У нас таких политикантов, что они 58 раз дурак, а ему применили 58 статью и дали 10 лет. Я человек малограмотный читаю газету и некоторые старики рассказывают, как раньше плохо жилось, задолжаешь лавочнику, старшина требует его долг, в случае неуплаты бьет по зубам. Теперь — около двора не убран сор — сажали суток на 15 в клоповку, я вздумал и мне стало стыдно, живем в свободной стране, а столько заключенных и за что. За килку [пучок] колосков 10 лет, конь холку набил — 10 лет, папироску не дал — 10 лет, и так, ежели бы знал наш дорогой вождь товарищ Сталин, что на селе творится, то никогда бы не простил»⁴⁹.

В 1930-х гг. процесс номенклатурного оформления нового руководящего слоя ускорился и он все более заявлял о себе и своих собственных интересах, пытаясь закрепить их в Конституции. Некто Чубуков из Московской области вносил следующее предложение к проекту: «К ст. 10 нужно добавить, что комфорт и роскошь, являвшиеся ранее признаком буржуазности, сейчас при социализме отображающие признак зажиточности и культуры, также охраняются законом»⁵⁰. После многолетней проповеди аскетизма и всеобщего поравнения это было небывалое прежде явление. Во многих письмах-откликах на проект Конституции люди отмечали зарождение «новой советской буржуазии» и возмущенные этим обстоятельством по своей наивности предлагали бороться способом, применявшимся в прежней Конституции — лишением политических прав⁵¹.

Можно представить, как легко было в такой обстановке, с одной стороны, разжечь в обществе пламя ненависти, натравить подчиненных на своих непосредственных начальников, а с другой, — свалить на них вину за переклесты и якобы неверную трактовку руководящих установок. Очень часто выразителями антибюрократических настроений были наиболее бедные и полуголодные слои общества. Жалуясь на колхозно-совхозный беспредел и ежегодную голодуху, они надеялись исправить положение с помощью новой Конституции.

Как избежать превращения так называемой социалистической собственности в кормушку для избранных, как предотвратить ее расхищение и разбазаривание? Ма-

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 232. Л. 88.

⁴⁹ Там же. Л. 87.

⁵⁰ Там же. Л. 69.

⁵¹ Там же. Л. 70.

териалы обсуждения проекта показывают, что в советском обществе не было найдено иных рычагов для этого, кроме как ужесточение карательной политики. На эту тему шел буквально вал предложений, в массе которых тонули голоса тех, кто призывал к законности, смягчению наказаний, убеждению, милосердию и другим способам воздействия на общество. При принятии Конституции это нашло отражение в дополнении к ст. 131: «Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа».

Иной раз просто поражает буквальное обыденное толкование принципа «Кто не работает, тот не ест» и связанный с этим избыток жестокости и непримиримости в обществе 1930-х гг. Существовала высокая степень готовности общественного сознания к новой войне — на сей раз с «врагами народа». «Сталинская Конституция, — сообщил сотрудник газеты «Ударник» из Чистоозерного района Западно-Сибирского края, — исторический документ. При закончании проработки актив вносит добавление к ст. 12 — всех лиц, которые злостно уклоняются от работы и не хотят честно трудиться (лодыри, рвачи, бракоделы, разгильдяи) считать их как врагов народа»⁵². Молодой техник 1-го Государственного подшипникового завода Яков Огуз пошел еще дальше, призывая объявить врагами народа также лиц, покушающихся на личную собственность граждан, приобретенную на трудовые доходы. «Это дополнение, — писал он, — будет играть большую роль не только для нашей повседневной жизни, но и прозвонит в грядущем огромным резонансом. В самом деле, в Советском Союзе нет богатей, ни бедняков. Все одинаково трудятся. Стало быть, вор — паразит, враг народа. С введением Конституции нужно бы объявить вора — пусть это будет вор [личной] собственности — врагом народа, также как вора социалистической собственности карать со всей строгостью революционного закона. Надо дать понять, что у нас нет безработицы, а следовательно нет причины, порождающей воровство. И что воровство — тяжелое преступление против государства (при социализме не должно быть воров), против народа»⁵³. Это — доведенная до абсурда логика усвоенных автором догм исторического материализма, вступающая в противоречие с действительностью и здравым смыслом. Но то, что борьба с врагами народа «прозвонит в грядущем огромным резонансом», им было предсказано точно.

Очень много откликов поступило на ст. 120 и 122, касающиеся прав стариков и женщин, проблем семьи, охраны материнства и детства. Это, видимо, не случайно и обусловлено постоянно обострившимися в 1930-е гг. социальными и демографическими проблемами. Обсуждение проекта Конституции совпало с принятием закона об охране материнства и детства, расцененного, однако, в духе времени и более известного как «закон о запрещении аборт»». Экспериментирование в области семьи и брака, происходившее в предшествующие годы, дало негативные результаты, привело к увеличению разводов, легкомысленному отношению к семейным обязанностям, сокращению рождаемости и т.п. Это вынудило руководство принимать меры, в том числе и законодательные, направленные на укрепление семейных устоев, в которые были внесены элементы административного запрещения и принуждения.

---

⁵² Там же. Л. 70.

⁵³ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 41. Д. 193. Л. 55.

Все это не могло не вызвать заинтересованные отклики при обсуждении проекта. Звучали и протесты против запрещения аборт как нарушающего права граждан⁵⁴. Однако больше было материалов, напоминающих бытовые разборки и жалобы на семейной почве⁵⁵. Женщины, принявшие участие в собрании по проработке проекта Конституции в Бердянском районе Днепропетровской области, числом около 500, видимо, основательно, по-бабьи, все обсудив, решили написать письмо с предложениями в ЦК ВКП(б) о включении в Конституцию раздела «Об алиментах и распутстве», где говорилось:

<...> 1. Если девушка рождает от холостого (брак не зарегистрирован) — дать ей 50% его зарплаты «чтоб не было насмешек над женщинами». Если он то же самое сделает с другой, то второй дать 1/4 на ребенка (чтоб она знала, что у него есть дитя и жена его чтоб не мечтала — он одну бросил, меня нет — не бросит — и этим мужчины остепенятся). Но если и с третьей, то дитя забрать на воспитание, а ему и ей выплачивать по 300 руб. в воспитательный дом плюс дать им по три месяца принудительных работ.

2. Если прижила дитя вдовушка или девушка с семейным мужчиной, то то же самое — ему три месяца и 400 руб., а ей три месяца и 300 руб. на воспитание дитя. Когда мужчины платили 1/3 зарплаты на алименты, то мужчины немного остепенались, но когда 1/4 — то уровень распутства поднялся на 50% — «дана мужчинам свобода» — мы требуем ее прекратить. За аборт женщине три месяца тюрьмы, так как очень распространились сейчас аборт и удушье родившихся продолжается. Особенно просим ударить холостых, то что делается невыносимо — по 5 штук детей. Уровень распутства дошел до такого, что мужчина прижил 5 душ детей с 5 женщинами.
<...>⁵⁶

В заключение женщины просили, чтобы в паспорте и военном билете делались отметки о детях, чтобы легче было искать алиментщиков. Удивительное созвучие с памятниками обычного права, вроде древней «Русской Правды», и новой Конституции, как видно из обсуждения, многие стремились придать такой же характер.

В отличие от рядовых женщин житель Ленинграда Л.В. Кашкин, хорошо знакомый с основами современного законодательства и осознававший остроту демографических проблем в советском обществе предлагал дополнить Конституцию целым разделом об ответственности граждан за свое здоровье и долголетие, а также учредить соответствующий Народный комиссариат. Своему предложению автор ниспослал теоретическое обоснование в виде «записки», где попытался творчески развить тезис Маркса о том, что органы человеческого тела являются естественными орудиями производства. «Записка» состояла из семи глав, содержание которых может составить конкуренцию самому Олдосу Хаксли и его знаменитому роману «Этот прекрасный новый мир», вышедшему, кстати, в 1932 г. Автор, как он писал, понимал, что может быть обвинен в покушении на личную свободу и права граждан, но «забота об интересах социалистического общества и государства для него — превыше всего»⁵⁷.

Новый раздел Конституции, составленный автором на основании «записки», должен был называться «Трудоспособность и долголетие населения» и содержать 13 ста-

⁵⁴ Там же. Д. 82. Л. 1–2.

⁵⁵ Там же. Д. 79. Л. 16.

⁵⁶ Там же. Д. 82. Л. 13–15.

⁵⁷ Там же. Л. 51.

тей (для сравнения X глава «Основные права и обязанности граждан» состояла из 16 статей). В ст. 1. речь шла об обязанности граждан беречь и укреплять свое социалистическое здоровье и ответственности за причинение ему вреда, которое должно было рассматриваться как преступление против народа. Предполагалось также обеспечивать право граждан на здоровье системой государственного контроля и обеспечения ее соответствующими учреждениями. В ст. 2 говорилось о том, что «каждый гражданин СССР обязан соблюдать все условия, обеспечивающие зародышу, утробному и внеутробному плоду законченное и совершенное развитие всех органов его тела». Здоровье граждан родового возраста (началом родового возраста автор предлагал считать зачатие, концом — отнятие от груди) и есть социалистическое здоровье. «Лица, причиняющие по своей вине вред зародышу, утробному и вне утробному плоду, совершают преступление против народа». В ст. 3. говорилось о безусловном праве каждой гражданки СССР «на производство гражданского природа (по бытовому: детей, потомства, ребят, сыновей, дочерей и т.п.)». В ст. 6. указывалось, что каждый родовой гражданин СССР должен был зачисляться в один из установленных правительством разрядов в зависимости от его родового здорового уровня. Родовой здоровуровень вноситься в метрическое свидетельство гражданина, а впоследствии и в паспорт как постоянное неизменное данное о его личности. Родовой здоровуровень одновременно должен был служить показателем и будущей трудоспособности самого гражданина и, с другой стороны, — показателем выполнения родовой дисциплины. В ст. 7. родовое право женщины на производство граждан и зачатное право мужчины на оплодотворение зародыша предлагалось отделить от личного, индивидуалистического брачного права на половое сожительство супругов. Родоспособные женщины и зачатоспособные мужчины по их вступлению в брак должны были давать обязательство принимать необходимые предупредительные меры против зачатия зародыша. В случае решения дать стране нового гражданина, женщины должны были до зачатия обратиться в родовое управление, получить формальный развод, а также справку о зачатоспособности мужчины, намечаемого ею для зачатия и о нормальном родуровне ее будущего ребенка. Возобновление брака должно было допускаться только после окончания родового возраста гражданина, т.е. после отнятия от груди. Согласно ст. 8, каждый гражданин СССР должен был «заботиться о доброкачественности и полноценности своего оплодотворяющего зачала». По «степени полноценности зачала мужчины делиться на официально установленные разряды, регистрируемые родовыми управлениями». В ст. 9. говорилось о государственном родовом социальном обеспечении в зависимости от родового разряда граждан; в ст. 10 — об обязанности мужчин уплачивать родовой налог пропорционально своему заработку и прекращении уплаты ими индивидуальных алиментов; в ст. 11 — об обязанности женщин давать «природ», уровень которого «был бы не ниже указанного ей родовым управлением нормы». В ст. 12 речь шла о праве граждан не использовать свое родовое и зачатное право, однако предусматривалось введение всеобщей обязательной родовой повинности женщин «в том случае, если этого требуют две трети родоспособных женщин и если правительство найдет это целесообразным». В ст. 13 — о запрещении стерилизации и объявлении ее государственным преступлением⁵⁸.

---

⁵⁸ Там же. Л. 70–71.

Усиление государственного вмешательства в решение демографических проблем вызвало необузданный полет фантазии со стороны автора, который своими предложениями довел эту идею до абсурда, но не учел, что государство решило взять другой курс — на укрепление семьи и брака. Можно было бы посмеяться и отложить в сторону этот документ как любопытный казус и проявление болезненной идиосинкразии, однако этого сделать нельзя по двум причинам.

Во-первых, автор был не одинок в своих идеях. «В целях полной справедливости и равенства людей ввести в Конституцию статью об обязательности или человеческом долге каждому мужчине и женщине по способности оплодотворять, оплодотворяться, иметь вместе до 40-летнего возраста не менее 2-х детей» — писал один гражданин из Тулы⁵⁹. А изобретатель инженер В.Д. Романов из Москвы предлагал «считать изобретения собственностью страны с момента их зарождения (а не с момента подачи автором заявки), поскольку это тоже достояние всего народа». Одновременно возражал против авторского права на интеллектуальную собственность. «Все покушения на изобретения, — писал он, — особенно изобретения оборонного значения являются преступлением против Советского Союза и виновные объявляются врагами народа». Он предлагал также создать Наркомат изобретательства и науки, так как, писал он, «основная масса хозяйственников и промышленников — масса косная, идущая по пути эволюционного развития представляемых ею областей техники, а изобретателей, не эволюционеров, а революционеров техники за редким исключением они душат»⁶⁰.

Во-вторых, отдельные элементы идей, подобных тем, которые были изложены Л.В.Кашкиным и его единомышленниками, нашли отражение в советском гражданском и семейном праве. На протяжении многих лет, начиная с революции, печать писала о семье и браке как пережитках старого общества, об освобождении женщины от домашнего рабства через участие в общественно-полезном труде и общественной жизни, о снятии с нее семейных обязанностей, в том числе по воспитанию детей и передаче заботы о них обществу, о свободной любви, о социальной гигиене и т.п. Были предложения внести в семейный кодекс право замужней женщины выбирать любого мужчину в качестве отца предполагаемого ребенка, встречаемые, впрочем, похабными шутками и смехом. Очевидно, откуда автор поднахватался подобных идей. Между тем осуществление их на практике наложилось на старые представления, на пораженное язвами и болезнями общество, на страшные последствия войн и разорения и породило целый ряд новых проблем социально-демографического свойства.

Обширный пласт документов принадлежит к области социального прожектерства, порожденного революцией. Оно было характерно и для 1920-х гг. в форме рассуждений о социализме. При обсуждении же проекта Конституции 1936 г. появились новые моменты. Поскольку Конституция уже провозглашала построение социалистического общества, теперь перед руководством вставал вопрос о том, куда и как «вести дальше», о решении новой задачи — строительстве коммунизма. Но поскольку о нем у руководства было еще более смутное представление, чем о социализме,

---

⁵⁹ Там же. Д. 82. Л. 3.

⁶⁰ Там же. Д. 81. Л. 3–4.

то всячески поощрялись различные инициативы и раздавались требования к интеллигенции более четко разработать контуры будущего коммунистического устройства. Провозглашая новую задачу, руководство преследовало две основные цели. С одной стороны, нужно было отвлечь внимание от текущих реалий, с другой — возбудить новую волну энтузиазма и обеспечить себе массовую поддержку, подвигнуть советских людей на новые свершения и жертвы во имя светлого будущего, закрывая глаза на многие неурядицы и несовершенства в существующей системе.

Обсуждение проекта новой Конституции стало поводом для размышлений о будущем. Сказывалось и наследие Гражданской войны и военного коммунизма, в частности, предлагалось записать в Конституцию, что «все граждане СССР составляют Армию социалистического труда и Армию обороны трудящихся»⁶¹. В.В. Попов выступил с большим проектом реорганизации центральных учреждений и создания Высшего индустриального совета страны⁶². Много выдвигалось предложений по проведению природоохранных мероприятий, строительству транспортных путей, линий связи, нефтепроводов и газопроводов. Вносилось предложение о том, как школы и другие учреждения должны заниматься выявлением способностей детей и направлять их на соответствующее обучение⁶³. Техник завода № 1 им. Авиакима Г. Добрушкин требовал даже записать в Конституцию, когда именно наступит коммунизм⁶⁴.

С 1936 г. новая кампания стала набирать обороты, накануне войны она шумела уже вовсю. С тех пор обсуждение будущего коммунистического общества, попытки внести в содержание Конституции его элементы составляла постоянную заботу политического руководства. Этим занимались специальные конституционные комиссии, созданные в послевоенный период при Сталине, Хрущеве, Брежнев. В 1977 г. была принята новая Конституция, которая не вносила принципиальных изменений в устройство фасада советского общества, определяя черты развитого социализма. Более многословная, более идеологизированная, она значительно уступала Конституции 1936 г. Как и тогда, проводилась кампания по обсуждению ее проекта, от которого не оставались в стороне все советские граждане. То, какие мысли и идеи высказывались и что из них получилось в результате, — предмет специального конкретно-исторического исследования той особой «цивилизации», которую некоторые ученые и философы окрестили «советским коммунизмом».

25 ноября 1936 г. VIII Всесоюзный Чрезвычайный съезд Советов одобрил доклад Сталина, сделанный им по поручению конституционной комиссии. Около недели ушло у членов редакционной комиссии на постатейное обсуждение внесенных поправок и дополнений. Однако подавляющее их большинство было не востребовано. 5 декабря съезд утвердил новую Конституцию. Этот день был объявлен всенародным праздником. Вслед за ее принятием началась новая кампания по ее «массовому разъяснению» и подготовке выборов в новые органы власти, установленные Конституцией. Этой кампании партийные органы придавали не меньшее значение, чем обсуждению проекта, и представляется, что главное, на что она была нацелена — за-

---

⁶¹ Там же. Л. 38.

⁶² Там же. Д. 79. Л. 2–8.

⁶³ Там же. Д. 81. Л. 44–45.

⁶⁴ Там же. Д. 77. Л. 92–93.

крепить в массовом сознании мысль о руководящей роли ВКП(б) в советском обществе и о тех благодеяниях, которыми партия его осчастливила. В школах был введен предмет «Конституция СССР» для гражданского воспитания юного поколения. Позднее, когда разительные противоречия между положениями Конституции и действительностью стали бросаться в глаза, этот предмет был снят во избежание «лишних вопросов». Многие статьи и положения Конституции действовали частично или не полностью, другие вообще остались только на бумаге, поскольку не было условий и механизмов их реализации. Реальная жизнь зачастую оказывалась слишком далекой от идиллии конституционных норм. Дальнейшие события показали, что Конституция во многом оказалась «фиговым листком» советской демократии, так как не сумела поставить законодательные преграды массовым репрессиям, захлестнувшим страну вслед за ее принятием. Ирония истории состояла в том, что большинство тех, кто разрабатывал новый Основной закон, сгорели в огне массовых репрессий 1937–1938 гг.

Кампания по вступлению в действие новой Конституции, конституций советских республик и выборы в новые органы власти совпали по времени с «ежовщиной» — еще одной кампанией, оголтелой и крикливой, по выявлению и расправе с «врагами народа». О массовых репрессиях в СССР существует огромная литература. Хотелось бы, тем не менее, обратить внимание на несколько моментов. Кампания, безусловно, была инициирована сталинским руководством и контролировалась сверху, но, учитывая настроения в обществе, не могла не «выйти из берегов». Были арестованы и осуждены сотни тысяч людей, в том числе по ложным обвинениям и доносам. Всего за два года было арестовано более 1,5 млн чел., в том числе почти 1,4 млн по 58 статье УК, т.е. как «враги народа». Почти столько было осуждено. Если раньше суды часто освобождали арестованных, то теперь такие случаи были редкими. За два года 682 тыс. человек было приговорено к расстрелу, кроме того немало — «к 10 годам без права переписки», что тоже означало расстрел. Среди «врагов народа» оказались «члены контрреволюционных и националистических организаций», как правило бывшие оппозиционеры, «шпионы», «диверсанты», «предатели», изменники», «бывшие кулаки», «расхитители социалистической собственности» и т.д. Миф о вездесущих врагах народа легко воспринимался неискушенной общественностью, использовался, чтобы оправдать неурядицы, постоянные трудности на производстве и в быту, провалы на различных участках, которых при провозглашенном социализме, не должно было быть. Необходимо было сгладить нарастающие напряженность и раздражение, противоречие между тем, что было обещано, и тем, что было в действительности. Все беды можно было списать на козни врагов, на предателей, изменивших делу социализма. Подобные представления легко воспринимались массовым сознанием. Большинство людей не было способно осмыслить истинные причины трудностей и склонно списывать на конкретных людей, независимо от их положения. Так, была репрессирована примерно треть избранного по Конституции и обладавшего неприкосновенностью депутатского корпуса Верховного Совета СССР, значительно больше людей пострадало в руководстве целого ряда важнейших наркоматов и других ведомств.

Уничтожение «врагов народа» ничего, однако, не дало для преодоления трудностей. Напротив, они скорее усугубились вследствие чекистских налетов, арестов и дезор-

ганизации управления. «Ежовщина» как проявление беззакония и террора была осуждена, аппарат НКВД как их «главный виновник» сам пострадал в наибольшей степени, но массовые репрессии продолжались в течение всего сталинского времени.

Последствия их для советского общества были ужасными. Среди них страх, который поселился в душах советских граждан и определял их поведение, неизбежная потеря общественной инициативности из боязни отклониться от «правильной линии», подвергнуться обвинениям и доносам; неизбежное раздвоение личности: внешняя демонстрация лояльности вне зависимости от того, что люди думали на самом деле, ложь и лицемерие, которые «правили бал» в течение последующего времени; формирование образа врага, как способ проверки на преданность, неоднократные вспышки ненависти к «другим», не таким, как все, вплоть до требований массовой расправы с ними, и др.

Но провозглашение Конституцией, что социализм в СССР уже построен, имело свою оборотную сторону, о которой руководство едва ли полностью отдавало себе отчет. Пока перед обществом ставились великие цели, легче было зажигать его энтузиазмом, поднимать людей на свершения и подвиги, нагнетать страсти. Теперь же было заявлено, что в основном цели социализма достигнуты. Наступало время посмотреть вокруг, подвести итоги. Несмотря на шумную пропаганду достигнутых успехов, червь сомнения поселился в душах людей, особенно тех, кто помнил в своей жизни лучшие времена. Разочарование было бы еще большим, если бы каждый знал истинное положение дел. Однако сталинский период был отмечен отсутствием какой-либо правдивой информации. Судить о стереотипах массового сознания тех лет по прессе, книгам и многочисленным кинофильмам, созданным в традициях социалистического реализма, вселяющим бодрость, оптимизм, радостное настроение, было бы неправильно. Они лишь отдаленно схожи с повседневными реалиями. Поэтому в общественном сознании необратимо начали происходить перемены.

Продолжительный марш, под знаменем которого прошли предшествующие годы, заканчивался. Жизнь обрела будничные черты, проникнутые постоянными нуждами и заботами. Попытки воодушевить общество программой построения коммунизма «под знаменем Ленина, под водительством Сталина», намеченной на третью пятилетку, уже не сопровождалась массовым общественным порывом, сравнимым с периодом «социалистического наступления». Волны энтузиазма пошли на убыль, хотя внешние формы его проявления оставались те же: лозунги, призывы, бесчисленные митинги и собрания, эффект от которых становился меньше и меньше. Стало заметным возрастание политической апатии, уклонение от общественной активности.

Еще одним противоречием с провозглашенной Конституцией, правом на труд и нормами, принятого в 1922 г. Трудового кодекса, стало ужесточение накануне войны трудового законодательства. 20 декабря 1938 г. СНК принял постановление об *обязательном введении единых трудовых книжек* на всех предприятиях и учреждениях СССР, которое было направлено на борьбу с текучестью, свободными передвижениями работников. В трудовых книжках отмечались все перемещения работников со ссылками на документы, должны были записываться как все поощрения (материальные и моральные), так и наказания, взыскания, причины увольнений. Трудовые книжки становились предметом тщательного изучения и проверки отделов кадров, докладывающих руководству о «лице» того или иного работника, его политической и прочей благонадежности. Тру-

довые книжки стали инструментом прикрепления работника к предприятию и организации и в качестве реликта советского прошлого сохранились вплоть до настоящего времени. В колхозах вводилось положение об обязательном минимуме выработки трудодней, нечто похожее на дореволюционную барщину. 26 июня 1940 г. был принят указ Президиума Верховного Совета о переходе на восьмичасовой рабочий день и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений. Закон запрещал «одностороннее расторжение трудового договора и фактически привязывал работника к предприятию, вводя уголовное наказание за прогулы, опоздания и самовольный уход с работы. В июле 1940 г. он был дополнен указом об уголовной ответственности за выпуск бракованной продукции. В августе 1940 г. появился указ об усилении ответственности за мелкие преступления (пьянство, хулиганство, воровство и пр.). Осенью 1940 г. была объявлена мобилизация и призыв молодежи в школы трудовых резервов, носившая добровольно-принудительный характер, а зимой 1940 г. вышло постановление, запрещающее учащимся самовольное оставление школы под страхом уголовного наказания.

Запретительные и уголовные меры следовали одни за другими, касаясь различных сторон общественной жизни. Многие из них вводились как чрезвычайные, т.е. действующими только в чрезвычайных обстоятельствах и объяснялись необходимостью подготовки к войне. Введение этих чрезвычайных мер проводилось как кампания, в результате которой суды подвергнули уголовным наказаниям сотни тысяч людей и заметно пополнился ГУЛАГ. Хотя меры и назывались чрезвычайными они действовали в течение длительного времени. Так, закон от 26 июня 1940 г. был отменен только в 1956 г. Но и после него вплоть до принятия нового Трудового кодекса в 1970 г. трудовые отношения в стране регулировались многочисленными инструкциями и постановлениями, выходящими за рамки Конституции.

Таким образом, Конституция 1936 г., определяя формальные рамки советского строя, в действительности оказывалась фиктивной, не отвечавшей реалиям повседневной жизни и тем действительным организационным рамкам, которые устанавливались подзаконными нормами и актами. Хотя большинство советских людей и оставались законопослушными гражданами, поле деятельности, выходящее за рамки конституционных норм, оставалось весьма широким, особенно для партийно-советской номенклатуры. Еще при Сталине обозначился процесс «окаменения» созданной им системы, черты которой, несмотря на все дальнейшие перипетии истории, сохранились вплоть до конца советского периода, и следы ее прослеживаются вплоть до настоящего времени. И, тем не менее, значение принятой в 1936 г. Конституции не стоит недооценивать, ибо она долгие годы служила той точкой отсчета, с которой в советском обществе всегда происходило сопротивление беззакониям, злоупотреблениям властью, бесправию и произволу. С апелляции к Конституции, как правило, начинались попытки реформирования системы.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГРАЖДАН*

И. Ю. НОВИЧЕНКО

Советская власть непрестанно боролась с врагами, причем, в основном, с внутренними. Традиционное для царской России подозрительное отношение властей к добровольным объединениям граждан, сохранилось и при большевиках. Официально провозгласив свободу объединений, советская власть вначале не мешала созданию различных обществ неполитического характера, а затем (в несколько этапов с 1922 по 1932 гг.) строго регламентировала все аспекты их деятельности. Добровольная коллективная общественная активность была запрещена в политической, экономической, социальной, религиозной, благотворительной, правозащитной и ряде других сфер деятельности. Жесткая иерархическая система массовых общественных организаций, включавшая ВКП(б), а затем — КПСС, ВЛКСМ (пионерскую организацию под контролем ВЛКСМ), профсоюзы, кооперативные объединения, оборонные, спортивные, культурные, технические и научные общества, — должна была удовлетворить любые запросы населения. Правда, эти самые «запросы-потребности» большевики ограничили только участием в социалистическом строительстве и укреплении обороны страны, причем строго в соответствии с народнохозяйственным планом, под прямым контролем правоохранительных и ведомственных органов. Эта абсолютно покорная, всецело зависимая от властей, подконтрольная и управляемая структура была закреплена в Конституции СССР 1936 г. (ст. 126), в Конституции РСФСР 1937 г. (ст. 130), а затем и Конституции СССР 1977 г. Руководила этим процессом КПСС. Директивные решения ее высших органов (съездов, конференций, пленумов) лежали в основе законодательной и практической деятельности не только ее самой, но и государства, а также комсомола и других массовых организаций. В общем, власть делала всё возможное, чтобы «помочь» гражданам справиться с общественной активностью, направить ее в нужное русло.

Как же поступали в те времена власти предрержащие, если кто-то не вписывался в систему массовых общественных организаций и пытался создать свое объединение (группу, коллектив, организацию, общество, ассоциацию) без предварительного одобрения «сверху»? Чем грозила советскому человеку подобная самодеятельность? Какие именно деяния при создании общественных объединений считались преступными и преследовались в рамках советского уголовного законодательства? Существовала ли на практике свобода объединений в советский период? Каких организаций боялись власти, с кем и чем они боролись?

---

* Статья подготовлена в рамках проекта «Social and Economic Agency and the Cultural Heritage of the Soviet Past» по гранту 047.011.2004.039 Нидерландской организации по научным исследованиям (NWO) и РФФИ.

Чтобы найти ответы на поставленные вопросы, обратимся не к конституционному уровню законодательства, на котором советская власть неизменно провозглашала свободу ассоциаций, а к уголовному и уголовно-процессуальному, и попытаемся выяснить, существовали ли специальные статьи в отношении «самовольного» создания добровольных объединений и, если существовали, то какие именно и для борьбы с какими явлениями они предназначались, какие наказания по ним предусматривались. Картина будет неполной, если не предпринять попытки исследовать также и правоприменительную практику по этим статьям.

На первый взгляд, поиски ответов на поставленные вопросы дело несложное. Однако в отечественной историографии отсутствуют специальные работы по истории советского уголовного права, его развития и эволюции, особенно — анализирующие систему защиты прав человека. Трудности возникают уже с выстраиванием хронологической последовательности принятия ключевых правовых документов уголовного законодательства. Многочисленные подзаконные акты, которыми зачастую и руководствовались советские правоохранительные органы, остаются по-прежнему малоизвестными. Практически все факты, характеризующие то, что происходило в рассматриваемой нами сфере, рассказано пострадавшими или извлечено из их судебных дел. Таким образом, представление о масштабах, специфике и жестокости государственных репрессий исследователь получает благодаря воспоминаниям диссидентов и правозащитников¹. Публикации архивных источников, а также работы историков созданные на их основе, продолжают раскрывать некогда потаенную советскую реальность². Это придает подобным публикациям особую окраску: исследования характеризуют прежде всего умонастроения и позицию неких противников режима, «крамольников», «инакомыслящих», противостоявших власти и уже в силу этого непохожих на рядовых советских граждан.

Свою аналитическую задачу мы видим в том, чтобы найти и выделить из массы пострадавших тех, кто был наказан за создание объединения и, насколько это возможно, установить, какого именно. Нужно также определить, насколько это соотносилось с уголовным законодательством, его толкованием, с советской Конституцией. Итоговая цель — понять, позволялось ли, действительно, в советский период пользоваться правом на создание добровольных общественных объединений?

---

¹ См. ключевые публикации — *Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., 2001 (первое издание в 1984 г.) (далее — *Алексеева Л.А.* История инакомыслия...); *Документы Московской Хельсинкской Группы, 1976–1982.* М., 2001; *Алексеева Л.М., Голдберг П.* Поколение оттепели. М., 2006; *Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу. М., 1991; *Погружение в трясину (анатомия застоя).* М., 1991 и др.

² См. ключевые публикации: 58.10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об анти-советской агитации и пропаганде. Март 1953–1991. Аннотированный каталог. М., 1999 (далее — 58.10. Надзорные производства...); *История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах.* М., 2004 (далее — *История сталинского Гулага*); *Крамолы. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР.* М., 2005 (далее — *Крамолы*...); *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 — начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999; *Козлов В.А.* Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М., 2006 (далее — *Козлов В.А.* Неизвестный СССР); *Аксютин Ю.В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004; *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006 и многие др.

Свобода создания общественных объединений или ассоциаций — одно из ключевых политических прав, существование которого было признано в России, наравне с другими демократическими свободами. Упомянутое еще в царском Манифесте 1905 г., закрепленное в законе о свободе ассоциаций 1917 г., принятом Временным правительством, оно присутствовало во всех советских Конституциях, начиная с Конституции РСФСР 1918 г.

В досоветский период общественные объединения именовались «частными обществами и союзами», в демократический — «обществами и союзами, не имеющими целью извлечение прибыли», в советскую эпоху — «добровольными обществами и союзами», а с 1930-х гг. — «общественными организациями». Поскольку о создании любых общественных организаций, тем более массовых, без одобрения партийного руководства не могло идти и речи, постольку в сферу нашего внимания попадают все попытки создания общественных объединений (в форме группы, ассоциации, общества, союза, секты и т.д.), в которых присутствовали первоначальные признаки организации, или в которых власть видела наличие этих признаков, а потому считала нужным прибегать к репрессиям.

СВОБОДА ОБЪЕДИНЕНИЙ И УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Судебная практика революционных трибуналов и народных судов 1917–1921 гг. долгое время лежала в основе советского уголовного законодательства. Следы подобного подхода к решению правовых вопросов прослеживаются и в первых УК и УПК РСФСР, и в уголовно-процессуальном кодексе СССР (1922 г.). Многочисленные, подчас весьма важные, позднейшие дополнения и изменения советского уголовного законодательства как общесоюзного, так и союзных республик можно рассматривать как «дальнейшее усовершенствование здания советского уголовного права». «Действующее советское уголовное право в основном воспроизводит, — полагали авторы известного учебника по истории уголовного права, изданного в 1947 г., — конечно, с рядом существенных изменений, дополнений и уточнений главнейшие нормы Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.»³.

Поначалу никакой особой угрозы для легально действовавших общественных организаций, не преследовавших «контрреволюционных» целей (явного вооруженного сопротивления существующей власти), уголовное законодательство еще не представляло. Однако с самого начала, в особой части советских УК (в отличие от Общей части), а также отдельных законах, не включенных в УК, содержался полный перечень общественно-опасных деяний, признаваемых преступными. Так, особая часть УК РСФСР 1922 г. открывалась главой, в которой перечислялись главные государственные преступления. К ним были отнесены любые «контрреволюционные

---

³ История советского уголовного права. Под ред. А.А. Герцензона, Ш.С. Грингауза, Н.Д. Дурманова, М.М. Исаева, Б.С. Утевского. М., 1947. С. 239. Этот учебник 1947 г. до настоящего времени был чуть ли не единственным учебным пособием по истории советского уголовного права. О нем см. также: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917–1954. М., 1955; История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу. 1955–1991. Сборник правовых актов. М., 1997.

преступления» (ст. 57), организация восстаний и вторжений на советскую территорию (ст. 58), сношение с иностранными государствами (ст. 59). Далее, в последующих статьях (с 60-й по 66-ю), шло перечисление карательных мер, применительно к тем, чье преступление сводилось к «участию в организации». Среди вариантов такого участия были перечислены: участие в организации, действующей в целях совершения преступлений, означенных в ст. 57–59 и др. и «участие в организации, действующей в целях... возбуждения населения к массовым волнениям, неплатежу налогов, невыполнению повинностей, противодействующей в контрреволюционных целях нормальной деятельности советских учреждений». Следом перечислялись кары за «участие в выполнении в контрреволюционных целях террористических актов, участие в шпионаже всякого рода...». Наказывались все эти деяния одинаково строго — «высшей мерой наказания и конфискацией всего имущества» с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и, опять-таки, конфискацией всего имущества. При установлении судом неосведомленности участника о конечных целях — лишением свободы на срок не ниже трех лет⁴.

Союзная Конституция 1922 года оставила УК в компетенции республик, в 1924 г. появились их обновленные варианты.

При этом все республиканские УК были приведены в соответствие с Основами уголовного законодательства СССР. К компетенции общесоюзных ведомств, решающих вопросы уголовного права, были отнесены также Положение о преступлениях государственных 1927 г., Положение о преступлениях воинских 1927 г. и ряд других содержательно аналогичных актов.

Что касается УК РСФСР, то его обновленный вариант вступил в силу 1 января 1927 г.⁵ и действовал на территории, выходящей за пределы России⁶. УК Украины действовал и на территории Молдавии (до 1960 г.)⁷. УК других союзных республик могли отличаться от УК РСФСР структурой, нумерацией статей, определявших преступность и наказуемость деяний. Все это касалось частных и не относилось к статьям, воспроизводящим нормы общесоюзных законов. Так, 25 февраля 1927 г. ЦИК СССР утвердил для включения в кодексы союзных республик «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)». Это положение, воспроизводящее норму как раз общесоюзного законодательства, вошло в уголовные кодексы всех

⁴ См., подробнее: *Росси Ж.* Указ соч. Ч. 2. С. 485–488.

⁵ В литературе УК датируют не по дате вступления в силу, а по дате утверждения (УК РСФСР 1926 г., УК РСФСР 1960 г., хотя он вступил в силу 1 января 1961 г.).

⁶ Действовал в Казахской и Киргизской ССР, Карело-Финской республике, ранее входивших в РСФСР как автономные, с 1940 г., временно, — в Литовской, Латвийской, Эстонской ССР (до 1960 г.). См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 ноября 1940 г. «О временном применении уголовного, гражданского и трудового законодательства РСФСР на территории Литовской, Латвийской и Эстонской Советских Социалистических республик» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1940, № 46. По «просьбе правительств республик» разрешалось применение на их территории следующих кодексов РСФСР: уголовного, уголовно-процессуального, гражданского, гражданско-процессуального, кодекса законов о труде и кодекса законов о браке, семье и опеке.

⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 декабря 1940 г. «О временном применении кодексов Украинской ССР на территории Молдавской ССР» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1940, № 51.

союзных республик и действовало — с изменениями и дополнениями — до конца 1958 г.

Оба УК РСФСР (1922 и 1926 гг.) состояли из общей (6 разделов) и особенной (10 глав) частей, включавших 205 статей. Свое место среди них (в особенной части УК) занимало такое «преступление» как создание общественных объединений, могущих считаться контрреволюционными, направленными против порядка управления или нарушающими принцип отделения церкви от государства. Определение контрреволюционного преступления (ст. 58.1) раскрывалось в содержании последующих пунктов этой статьи (58.2–14)⁸.

Поясним, что термин «контрреволюционные преступления» присутствовал исключительно в риторике советского уголовного права (как и, впоследствии, пришедший ему на смену термин «антисоветские»). Таковыми считались преступления, направленные против установленного революцией нового государственного и общественного порядка. Толкование «контрреволюционности» было в те времена не просто широким, но чуть ли не всеобъемлющим. Его использовали как жупел для борьбы, как с явными противниками режима, так и с мнимыми. Не случайно постановлением ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г., приуроченным ко дню убийства С.М. Кирова, был установлен особый порядок рассмотрения дел о терактах и террористических организациях. Согласно этому документу, должны были быть немедленно свернуты все, даже слабые, процессуальные гарантии, срок следствия ограничивался 10 днями, обвинительное заключение выдавалось (если выдавалось вообще) за сутки, процесс стал проходить без участия сторон, приговор обжалованию не подлежал, а приговор к высшей мере наказания приводился в исполнение немедленно. В таких условиях обвинения в подготовке терактов и участия в террористических организациях стали не просто частыми — а обыденными и излюбленными.

Облегчало работу карательным органам и то обстоятельство, что понятие «контрреволюционная организация» (позже — «антисоветская организация») в советском праве отсутствовало. Поэтому практически любое не инициированное властью стремление граждан создать общественное объединение часто безосновательно признавалось не только преступным, но и контрреволюционным. Прочно осевшее в общественном сознании убеждение, что «участие в организации» и «создание организации» усугубляют вину, находит свое подтверждение в советском уголовном праве.

---

⁸ Из УК РСФСР, в редакции от 1950 г., — «ст. 58.1 — контрреволюционные действия, 58.2 — вооруженное восстание или контрреволюционное вторжение, 58.3 — сношение с иностранным государством, 58.4 — оказание помощи международной буржуазии, 58.5 — склонение иностранного государства или групп в нем к вооруженному вмешательству в дела СССР, 58.6 — шпионаж, 58.7 — подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, 58.8 — совершение террористических актов против представителей Советской власти, 58.9 — разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей... государственного или общественного имущества, 58.10 — пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собою — лишение свободы на срок не ниже шести месяцев. Те же действия при массовых волнениях, или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собою — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства и изгнанием из пределов СССР навсегда...».

Помимо традиционно утяжеляющих вину и распространяющихся, естественно, на все составы преступлений, «уголовных» формулировок («те же деяния, совершенные группой лиц», «деяния, совершенные по предварительному сговору или организованной группой» — см. Ст. 47, п. «в»), УК РСФСР 1926 года содержал также статью 58.11. В ней говорилось: «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе (гл. 1) преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки и совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собою меры социальной защиты, указанные в ст. 58–2 настоящего кодекса — т.е. расстрел или объявление врагом трудящихся, с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества».

Закон о государственных преступлениях от 25 декабря 1958 г., заменил статьи 58 и 59 УК РСФСР, но продолжил квалифицировать как особо опасные преступления не только вредительство, диверсии, террористический акт, шпионаж, измену родине, но также антисоветскую агитацию и участие в антисоветской организации.

Новые основы уголовного законодательства, разработанные в 1956–1961 гг., ставили обновить УК в республиках.

В утвержденном 27 октября 1960 г. УК РСФСР (введен в действие 1 января 1961 г.), в Особенной части, в перечне конкретных видов преступлений по-прежнему была глава 1 «Государственные преступления». Среди «особо опасных» значилась (согласно Ст. 70) «антисоветская агитация и пропаганда — распространение измышлений, хранение и распространение литературы», что каралось наказанием «от 6 месяцев до 7 лет», а также «ссылкой на срок от 2 до 5 лет» (при повторности: «от 3 до 10 лет со ссылкой от 2 до 5 лет или без ссылки»).

В рассматриваемом документе появилась Ст. 72 «Организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению особо опасных государственных преступлений, *к созданию организации*, имеющей целью совершить такие преступления, а равно участие в антисоветской организации — наказывается соответственно по статьям 64–71 настоящего Кодекса». Если учесть, что ст. 64 — измена Родине, ст. 65 — шпионаж, 66 — террористический акт, 67 — террористический акт против представителя иностранного государства, 68 — диверсия, 69 — вредительство, 70 — антисоветская агитация и пропаганда, 71 — пропаганда войны, со сроками наказания от 7 до 15 лет с конфискацией имущества со ссылкой или без ссылки или смертная казнь с конфискацией имущества, то создание организации или участие в ней, в случае признания ее деятельности антисоветской, оказывалось *тягчайшим уголовным преступлением против государства*.

Главу 9 Особенной части кодекса («Преступления против порядка управления») с 1966 года «обогатили» статьями 190.1, 190.2 и 190.3. Статья 190.1 — предусматривала уголовное наказание «за распространение измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» (отменили 11 сентября 1989 г.), статья 190.2 — уголовную ответственность за надругательство над государственными гербами и флагами, и статья 190.3 — наказание за «организацию или активное участие в групповых

действиях, нарушающих общественный порядок». Уголовно преследовались не участие в группе или ее создание, а последствия деятельности группы: 1) грубое нарушение общественного порядка, 2) явное неповиновение законным требованиям представителей власти, 3) нарушение работы транспорта, 4) нарушение работы государственных, общественных учреждений и предприятий. Наказывались, преимущественно, организаторы массовых акций — лишением свободы на срок от трех лет, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей.

В УК РСФСР, в редакции от 27 октября 1960 г., в главе о преступлениях против общественной безопасности, присутствовала статья 227 — «Создание группы, деятельность которой, проводимая под предлогом проповедования религиозных вероучений, сопряжена с причинением вреда здоровью граждан или половой распущенностью, а равно руководство такой группой или вовлечение в нее несовершеннолетних — наказывается лишением свободы на срок до пяти лет со ссылкой или без таковой, с конфискацией имущества или без таковой». На основании этой статьи часто наказывали «сектантов». 18 марта 1966 г. Президиум Верховного Совета РСФСР издал специальное постановление о практике применения статьи 142 Уголовного кодекса РСФСР, в которой разъяснял, что под нарушением законов об отделении церкви от государства и школы от церкви, влекущем уголовную ответственность по статье 142 Уголовного кодекса РСФСР, понимается принудительное взимание сборов и обложений в пользу религиозных организаций и служителей культа; организация и проведение религиозных собраний, шествий и других культовых церемоний; организация и систематическое проведение занятий по обучению несовершеннолетних в религиозном духе, нарушающем установленные законодательством правила. Эта статья также часто применялась для преследования верующих.

Массовый террор, начавший затухать со смертью Сталина, постепенно менял формы. В 1956 г., после принятия указа Президиума Верховного Совета СССР «О подсудности дел о государственных преступлениях», политические дела (включая дела об антисоветской агитации и пропаганде) стали рассматривать в общегражданских судах, что привело если не к снижению числа осужденных, то к смягчению наказаний⁹. С середины 1960-х годов, правоохранительные органы постепенно отошли от «карательной практики» и сосредоточились, преимущественно, на надзоре и сборе информации. В следственный процесс возвращались обязательные свидетельские показания, вещественные и письменные доказательства, заключения экспертов. «В 1972 г. применение предупредительных мер получило законодательное подтверждение. 25 декабря 1972 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят указ «О применении органами госбезопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия». Документ не подлежал опубликованию. В результате применения этого указа КГБ резко активизировал агентурную работу»¹⁰. В последующие годы КГБ, похоже, действительно активно занимался всем «антисоветским» — диссидентами, националистическим подпольем, самиздатом.

УК РСФСР, будучи принят в 1960 г., благополучно «дожил» до 1996 года и, несмотря на несметное количество поправок, сохранил (вплоть до принятия нового

---

⁹ См. подробнее: Крамола... С. 26.

¹⁰ Козлов В.А. Неизвестный СССР. С. 431.

Кодекса и вступления его в силу 1 января 1997 г.), вышеназванную Ст. 72¹¹. «Массовая фабрикация дел о контрреволюционных организациях при Хрущеве прекратилась, но применение статьи 58.11 по-прежнему имело широкие границы»¹². Для Прокуратуры было неважно, имелся ли у группы устав, членские билеты и другие признаки организации, главным было, чтобы обвиняемые сознавали, что «их действия направлены против Советского государства, что они *действуют вместе* в силу общности своих убеждений...»¹³.

Действительно ли попытки создания «неформальных» объединений преследовались даже в после-сталинский период? И если «да», то деятельность каких именно из них пресекалась?

СВОБОДА ОБЪЕДИНЕНИЙ НА ПРАКТИКЕ

Больше всего опубликованных источников и исследовательских материалов о методах борьбы советской власти с внутренними «врагами» касаются судебных правозащитников и инакомыслящих. Практически все упоминаемые ими организации относятся к объединениям, не признанным властью, официально не зарегистрированным, действовавшим подпольно, «нелегально» или «неформально». В знаменитом обзоре, посвященном инакомыслию в СССР, Л.М. Алексеева¹⁴ детально систематизировала протестные движения, выделив национально-демократические, религиозные и правозащитные акции. Привлекая внимание к любым попыткам противодействия властям или демонстрации инакомыслия, она упомянула по меньшей мере около сотни групп и организаций¹⁵, не только не признанных властями, но и активно преследовавшихся. Сам факт существования неофициального общественного объединения стоит считать попыткой побороться за право свободно их создавать.

Именно правозащитники первыми осмелились открыто потребовать от советского режима свободы ассоциаций. В Обращении по поводу 30-летия Всеобщей Декларации прав человека от 8 декабря 1978 г. Московская Хельсинкская группа (МХГ) отмечала, что — наравне со многими другими нарушениями статей Всеобщей декларации прав человека — в СССР не существует свободы создания общественных объединений и требовала «обеспечить гарантии свободы профсоюзов и других ас-

---

¹¹ «Статья 72. Организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации... наказываются... по статьям 64–71 настоящего Кодекса». [т.е. от трех до пятнадцати лет лишения свободы] — см.: УК РСФСР (редакция 30.07.1996 г.) С 1970-х годов были в ходу и другие, юридически неграмотные ярлыки: «реформистская», «ревизионистская», «политически вредная» и др.

¹² Крамола... С. 27.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Алексеева Л.М. История инакомыслия...

¹⁵ 17 подпольных организаций, раскрытых на Украине в 1950-х — 1960-х гг. (не считая религиозных), в 1974–1982 гг. — несколько правозащитных, националистических и религиозных. В Литве — 4, «не столько организации, сколько группы, основанные на личных связях», национальное и религиозное движение; в Эстонии — 3 плюс национально-демократическое движение; в Латвии — 7, национально-освободительное и религиозное движение; в Армении — 4; Грузии — 2; у крымских татар — 1; еврейских — 4; советских немцев — 2, русское национальное движение — 2. Помимо них, упомянуты группы евангельских христиан-баптистов, пятидесятников, верных и свободных адвентистов седьмого дня, православных. Групп социалистической ориентации выявлено 20. Движение за социально-экономические права было представлено 6-ю.

социаций»¹⁶. И в последующие годы та же МХГ неоднократно выступала в защиту лиц, пытавшихся создать независимые объединения для защиты социально-экономических прав¹⁷, прав инвалидов¹⁸ и религиозных групп. В 1980 г. члены МХГ забили тревогу по поводу обысков у членов неофициальных групп и ассоциаций¹⁹.

Так могли ли обычные советские граждане реализовать на практике право на объединение и что с ними происходило, если они на это отваживались? История правозащитной деятельности приоткрывает некоторые стороны существования советского режима, но не позволяет воссоздать в деталях картину поведения обычных советских граждан в условиях жесткого государственного контроля. Простые люди редко оставляют воспоминания, не собирают архивов, о них не снимают фильмов. Тем не менее, некоторые из официальных документов государственных архивохранилищ могут прямо и косвенно рассказать о том, насколько свободно жило людям при советской власти, как жизнерадостная идеология соотносилась с репрессивной практикой государства для тех, кто пытался создать (без санкции «сверху») хоть некое подобие самостоятельной организации. Публикации источников из Государственного архива Российской Федерации помогают составить лишь первое представление о масштабах проблемы.

Нам не удалось отыскать статистических данных об осужденных именно по статьям 58.11 и 72, поскольку специальных исследований по этой теме не проводилось. Нелегко составить представление о масштабах преследований за попытки создания организаций во время действия этих статей. Документы, однако же, свидетельствуют, что люди порой попадали в тюрьму за одну только мысль о создании организации, изложенную в дневнике, особенно, если человек размышлял о создании группы для защиты каких-либо прав. Наказание следовало и за создание группы, и за руководство ее деятельностью, и за само намерение создать общественное объединение, рассматриваемое властями как «контрреволюционное» (с 1950-х гг. именовавшееся «антисоветским»). Сведения о количестве осужденных участников групп никогда не выделялись в официальных обзорах Прокуратуры, но в справках КГБ, направленных в ЦК КПСС, содержатся отрывочные данные о количестве «вскрытых и пресеченных» групп «политически вредного характера» (включая националистические). В соответствии с ними, с 1967 по 1976 гг. было выявлено 3615 подпольных групп и организаций, осуждено — 526 (1961–1965 гг.) и «профилактровано» 14834 участников²⁰.

Эти обобщенные цифры мало что говорят об обстоятельствах создания и направлениях деятельности тех групп, но они убеждают в том, что попытки создания общественных объединений советскими гражданами предпринимались постоянно. Трудно понять, как органы КГБ определяли степень «враждебности» того или иного общественного союза; можно допустить, однако, что любое коллективное действие или действие совершенное в группе рассматривались как стремление к созданию общественного объединения.

---

¹⁶ Документы Московской Хельсинкской группы. С. 342–343.

¹⁷ Там же. С. 355–359, 409–410.

¹⁸ Там же. С. 360–361.

¹⁹ Там же. С. 490–492.

²⁰ Крамола... С. 318–319.

В «Аннотированном каталоге надзорных производств Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде»²¹, изданном ГАРФ, по статье 58.10²² за 1953—1991 гг. оказался отражен (по оценке составителей) итог судебных примерно 60% граждан, осужденных за «антисоветскую агитацию, пропаганду и распространение заведомо ложных сведений, порочащих советский государственный и общественный строй»²³. Надзорные производства — это вторичный источник, состоящий отчасти из копийных документов, отчасти — из результатов обработки и обобщения первичных материалов следствия, поэтому в нем отсутствуют многие нюансы и подробности. Но он дает возможность понять, в чем государство видело особую опасность для правящего режима. Составители сборника выявили 98 организаций, существовавших в 1953–1991 гг., в которых состояло по 3–5 человек, в общей сложности — не больше 350 участников²⁴.

Нами использовался несколько иной метод подсчета общественных объединений. При анализе надзорных производств была сделана выборка случаев упоминания об общественных объединениях (обществах, группах, организациях, сектах и др.). Такие данные появляются в названиях и индивидуальных, и групповых дел. Иногда, как можно понять из текстов, судебному преследованию подвергался гражданин, обвиненный в создании организации или в членстве в ней, однако не каждое групповое дело имело отношение к организации. Группу лиц могли судить не за создание группы, а за распространение самиздата или националистической литературы.

Первичная обработка выявленных упоминаний об организациях позволила разделить их на три группы: религиозные, националистические/антисоветские, «разные». Более подробная типология невозможна в силу скудости информации.

К первой группе, самой массовой, относились *религиозные объединения (общины, группы, секты, кружки-группы)*. Государство сурово наказывало верующих (сроками от 6 месяцев до 14 лет лишения свободы) как за попытки, так и за само создание групп с религиозными целями, за членство в них, за распространение религиозной литературы, за проповедническую деятельность. Судебному преследованию подвергались и отдельные верующие, и проповедники, и группы лиц от 3 до 18 чел. География преследований включала всю территорию СССР — от Литвы, Молдавии, Украины, Закарпатья, южных и центральных регионов РСФСР, Казахстана, Киргизии до Свердловской и Иркутской областей, Сахалина. Подавляющее большинство осужденных на протяжении всего срока наблюдения (1953–1991 гг.), были сектантами

---

²¹ 58.10. Надзорные производства...

²² Всего по статье 58.10 в 1956–1960 гг. было осуждено 4676 человек. Большинство (3380 или 72,3%) были жертвами политических репрессий 1957–1958 гг., оставшиеся (27,7%) подпали под определение «хулиганская антисоветчина» («ехал пьяный в электричке и ругал Хрущева, был задержан милицией», «нецензурно выражался в адрес руководителей партии и правительства», «порвал портреты Ленина и Хрущева» и т.п.) См.: *Козлов В.А. Неизвестный СССР*. С. 116.

²³ 58.10. Надзорные производства... С. 6. В результате проработки 70 000 дел из Отдела по надзору за следствием, отложившихся в архивах органов госбезопасности Прокуратуры СССР, фонда Верховного Суда СССР в ГАРФ, а также данным КГБ СССР, за неполные 30 лет (1957–1985 гг.) было осуждено за антисоветскую агитацию и пропаганду, распространение заведомо ложных сведений, порочащих советский строй, 8124 человека (2955 индивидуальных и 531 групповое дело, то есть около 1900 чел., что составляет около 60% от общего числа осужденных).

²⁴ Крамола. С. 318.

(«Свидетели Иеговы»²⁵, баптисты-пятидесятники, «Истинно-православные христиане», «Адвентисты седьмого дня»). Встречались случаи повторного осуждения верующих-сектантов по одной и той же статье. Реже преследованиям подвергались иннокентьевцы-архангелисты, апокалипсисты, молодежная католическая организация «Атейтининкай», секта прыгунов, «Христиане евангельской веры», «Единение во Христе».

Любопытно, что среди надзорных производств аннотированного каталога почти нет упоминаний о преследованиях церковных православных. С представителями других конфессий власти боролись тоже без особого рвения, в каталоге присутствуют лишь по одному упоминанию о мусульманской сектантской группе «Кунта Хаджи» чеченцев-спецпоселенцев в Гурьевской области КазССР и о секте кришнаитов «Сознание Кришны» действовавшей в 1985–1986 гг. в Грузии, Абхазии и в Виннице.

Вторая группа — *националистические/антисоветские организации*²⁶ — объединены нами условно, поскольку основываясь на кратких данных аннотированного указателя, нелегко четко определить политическую направленность таких организаций. Практически все националистические группы, в той или иной степени, намеревались бороться с существовавшим строем. С другой стороны, к данной группе нами отнесены и те антисоветские организации, которые выдвигали культурно-националистические требования. Большинство подобных групп (3–9 человек) создавались в Прибалтийских и Среднеазиатских республиках, Западной Украине, Закавказье²⁷. Довольно часто «националистические/антисоветские» организации обнаруживались властями в лагерях²⁸. Сроки заключения, в той мере, в которой это можно проследить по «Аннотированному указателю надзорных производств», были умеренными — от трех месяцев до трех лет.

К третьей группе — *«разные»* — отнесены объединения, выдвигавшие социальные, политические, экономические требования, занимавшиеся правозащитной деятельностью, пытавшиеся не свергать строй, а усовершенствовать каким-либо образом жизнь в государстве (они были настроены иногда и просоветски, но надеялись что-то изменить — «ЦК рабочей партии», «Группа революционных марксистов», «Лига демократического возрождения», «Союз беспартийных», «Голос народа», «Рабоче-крестьянская трудовая партия», «Ленинец», «Украинская общественная группа содействия выполнению Хельсинских соглашений» и др.). Организаторов и участников таких обществ власти преследовали не только за «намерение создать», «за

---

²⁵ См., подробнее: История сталинского Гулага. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. С. 542–543. Л.М. Алексеева выделила — евангельских христиан-баптистов, пятидесятников, адвентистов седьмого дня, православных.

²⁶ Л.М. Алексеева выделяет Литовское национально-религиозное движение, Эстонское национально-демократическое движение, инакомыслие в Латвии, Украинское, Армянское и Грузинское национальные движения.

²⁷ См., подробнее: История сталинского Гулага. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. С. 391–392, 522–524.

²⁸ «Из циркуляра 3-го отдела ГУЛАГ № 262 (16 декабря 1939 г. № 12) о дополнительных мерах по вскрытию антисоветских формирований из числа заключенных в лагерях. ... Содержащиеся в лагерях участники антисоветских формирований (троцкисты, правые, эсеры и т.п.) ведут активную работу по созданию антисоветских формирований из числа заключенных, а также, используя малейшие возможности, стремятся выйти за пределы лагеря для восстановления разгромленных связей на воле»... См., подробнее: История сталинского Гулага. Т. 6. Восстания, бунты и забастовки заключенных. М., 2004. С. 126, 175–176, 178–179.

создании», «за участие» в группе. Отягчающими обстоятельствами для них считались уже и такие действия, как «систематически собирались вместе и обсуждали текущие политические события; вели между собой антисоветские разговоры; изготовили и распространили...» и т.п. «Я не знала ни одного противника социализма в нашей стране, — комментировала ситуацию Л.М. Алексеева, — хотя нас и возмущала негуманность нашего общества»²⁹.

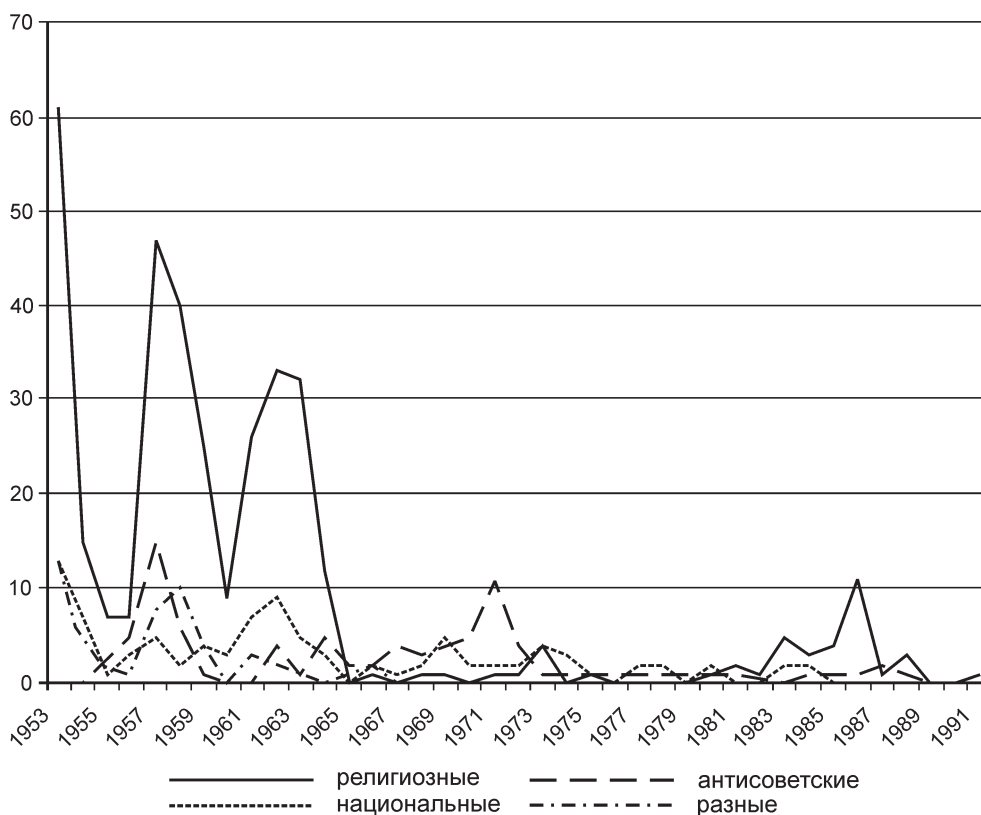
Результаты выборки упоминаний об общественных объединениях в аннотированном указателе «58.10. Надзорные производства Прокуратуры СССР. Март 1953–1991» представлены в таблице:

Годы	Религиозные организации	Националистические/ Антисоветские организации		Разные организации	Всего по годам
1953	61	13	–	14	88
1954	15	7	–	6	28
1955	7	1	2	3	13
1956	7	3	5	1	16
1957	47	5	15	8	75
1958	40	2	6	10	58
1959	25	4	1	5	35
1960	9	3	–	–	12
1961	26	7	–	3	36
1962	33	9	4	3	49
1963	32	5	1	2	40
1964	12	3	5	–	20
1965	–	–	2	1	3
1966	1	2	2	1	6
1967	–	1	4	–	5
1968	1	2	3	–	6
1969	1	5	4	2	12
1970	–	2	5	1	8
1971	1	2	11	–	14
1972	1	2	4	1	8
1973	4	4	1	1	10
1974	–	3	1	–	4
1975	1	1	–	–	2
1976	–	–	1	–	1
1977	–	2	1	–	3
1978	–	2	1	–	3
1979	–	–	1	–	1
1980	1	2	1	–	4
1981	2	–	1	–	3
1982	1	–	–	–	1
1983	5	2	–	–	7

²⁹ Алексеева Л., Голдберг П. Поколение оттепели. М., 2006. С. 14.

1984	3	2	1	–	6
1985	4	–	1	–	5
1986	11	–	1	–	12
1987	1	–	2	–	3
1988	3	–	1	1	5
1989	–	–	–	1	1
1990	–	–	–	–	–
1991	–	1	–	1	2
Всего по группам орг-ций	355 (58,7%)	97 (16%)	88 (14,6%)	65 (10,7%)	605 (100%)

Таким образом, с 1953 по 1991 г. удалось выявить 605 случаев, когда люди преследовались властями или за намерение создать организацию, или за создание ее, или за членство в ней. Принадлежность к организации утяжеляла вину подсудимого даже тогда, когда судили его за «распространение или изготовление или хранение литературы». Трудно сказать, насколько репрезентативна данная выборка, например, в сравнении с предыдущим или с последующим периодами российской истории. Не

нужно забывать, что данные «Аннотированного справочника» содержат только около 60% всех случаев осуждений по статье 58.10. При выборке случаев, не ставилась задача определить истинный размах репрессий государства против независимых организаций. Хотелось лишь попытаться установить основные тенденции во взаимоотношениях государства с общественными негосударственными объединениями. Более того, учитывая предвзятость, своеобразную терминологию и ограниченность правоохранительной бюрократии, нельзя сбрасывать со счетов и ненадежность основного источника — надзорных производств Прокуратуры СССР. В советский период было принято называть «антисоветскими», «националистическими», «вредительскими» любые действия, не вписывавшиеся в жесткую иерархию общественных взаимоотношений. Словом, когда власти был нужен враг, его находили.

Данные выборки показывают, что самыми опасными, с точки зрения режима, были религиозные группы и объединения (58,7%), за ними следовали националистические (16%), антисоветские (14,6%) организации (вместе взятые, они упомянуты 185 раз или в 30,4% случаев). Замыкали этот ряд «другие» (или «внутрисистемные реформаторы») (10,7%).

Динамика случаев упоминания в надзорных производствах о негосударственных общественных группах с 1953 по 1991 гг. представлена на приведенном ниже графике.

Таблица с выборкой и особенно график наглядно демонстрируют, что после 1953 г. стала складываться общая тенденция к снижению репрессивной политики государства в отношении неофициальных общественных объединений. Однако вплоть до 1965 г., власти, с особым пристрастием на протяжении целых 12 лет преследовали религиозные группы. Заметное снижение преследований в 1955–1956 гг. сменилось резким ростом арестов в 1957–1958 годах, затем последовал не менее существенный спад в 1961 году, а последний, массивный всплеск преследований пришелся на 1962–1963 гг.³⁰ К 1965 г. вал репрессий сошел на нет. На протяжении последующих двадцати лет уровень преследований религиозных организаций оставался минимальным, и только в середине 1980-х гг. вновь произошла активизация преследований со стороны властей³¹. Всплески государственной агрессивности в 1957–1958³², 1962–1964 и 1969–1971 гг. затронули и другие типы общественных групп, но в более умеренной форме. Всплески преследований на графике связаны, похоже, не с ростом числа религиозных организаций, а с перипетиями антирелигиозных кампаний. Но, как показывает история, запрос на организации рождает и процессы против них.

Так какие же общественные объединения преследовались властями?

---

³⁰ Косвенно это подтверждается и В.А.Козловым: «В начале 1960-х гг. заметно активизировалось создание подпольных антисоветских групп. В первом полугодии 1962 г. органы госбезопасности «вскрыли» 60 таких групп, а за весь 1961 г. — только 47» — Козлов В.А. Неизвестный СССР. С. 273.

³¹ С 1983 по 1986 гг. преследованиям подверглись секты баптистов-пятидесятников, «Сознание Кришны», «Свидетели Иеговы», евангельские христиане-баптисты.

³² Всплеск репрессий 1957–1958 гг. подтверждается многочисленными данными: Крамола... С. 36.

ОБЪЕДИНЕНИЯ ВЕРУЮЩИХ

Серьезными проступками перед государством, которые влекли за собой уголовную ответственность в рамках статьи 58.10, считались: «создание антисоветской организации и пропаганда с использованием религиозных предрассудков»; принадлежность к общине баптистов, участие в секте «Свидетели Иеговы», «Адвентистов седьмого дня», менонитов и других; руководство «нелегальной сектой евангельских христиан»; организация религиозной школы для детей при синагоге; проповедническая деятельность; организация нелегальной группы «молодых баптистов»; организация нелегальной группы последователей «Истинно-православной церкви»; по возвращении из заключения повторное вступление в секту. Семь колхозников из Александровского района Томской области посадили, например, за то, что в 1950–1952 гг. они «собирались, «высказывали злобную клевету на Советское правительство», ссылаясь на Библию, проповедовали неизбежную гибель Советского Союза в предстоящей войне»³³.

Среди надзорных производств удалось также отыскать упоминания о проверках Прокуратурой СССР жалоб со стороны верующих на действия правоохранительных органов. Так, с 1944 г. группа евреев, жителей города Любомля Волынской области, систематически собиралась в различных квартирах в дни иудейских религиозных праздников для совершения обрядов. 9 октября 1954 г. 17 человек собрались для совершения религиозного обряда в праздник «Симхам Тойра». Обряд был прерван сотрудниками МВД и КГБ, которые произвели обыск и изъяли религиозную литературу. По жалобе группы евреев в Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР в конце 1954 г. была проведена проверка, в результате которой были установлены нарушения уголовно-процессуального кодекса со стороны работников КГБ, которые проводили допросы без возбуждения уголовного дела и незаконно изъяли литературу³⁴.

В 1962 г. Прокуратура СССР рассматривала жалобу верующих из Тульской области, направленную Хрущеву, Брежневу, Органову, Руденко и другим руководителям партии и правительства (всего 7 адресов) о преследовании баптистов в СССР³⁵. В 1964 г. Прокуратура проверяла заявления Временного совета родственников узников-баптистов, осужденных в 1961–1964 гг. (в списках упомянуты 102 человека)³⁶.

Верующие не только использовали легальные средства сопротивления властям в форме жалоб, но и прибегали порой к более решительным действиям. «Активные баптисты-раскольники» 21–23 февраля 1966 г. организовали во Фрунзе (Киргизия) демонстрации у здания республиканской прокуратуры с требованием освободить арестованную руководительницу подпольной детской религиозной школы Е. Чернецкую³⁷.

---

³³ 58–10. Надзорные производства. С. 134.

³⁴ Там же. С. 212.

³⁵ Там же. С. 592.

³⁶ Там же. С. 625.

³⁷ Там же. С. 671.

НАЦИОНАЛИСТЫ И БОРЦЫ С СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ

Обвинения в националистической и антисоветской деятельности часто бывали необоснованными, а порой и просто абсурдными. Одинаково сажали, как за намерения, так и за попытки создания и принадлежность к организации. Так, в 1953 г. был осужден некто Герус П.В. (1933 года рождения, украинец, инспектор по сырью на спиртовом заводе, Львовская область), который в течение ряда лет вел дневник, в котором *«излагал намерение создать антисоветскую организацию из числа националистически настроенной молодежи»*³⁸. Незавидной оказалась и участь пожилого Б.И. Сандро (1887 года рождения, еврей, работал в проектной организации, г. Киев), которого заподозрили в «сионистской деятельности, ведении антисоветских сионистских записей» (вел дневник на иврите); когда же не удалось доказать его причастность к сионистской организации, то его обвинили в «хранении антисоветской литературы» (т.е. его дневника)³⁹ и посадили.

Власти преследовали радикальные националистические и антисоветские организации в Латвии, Литве, Эстонии, Грузии, Украине, Москве, Казахстане, Таджикистане и других регионах⁴⁰. Но националисты быстро возвращались из тюрем (сроки заключения были невелики) и вновь создавали свои организации. В 1956 г. В.Э. Круклиньш (1937 года рождения, латыш, без определенного места работы, Латвийская ССР) был осужден за «намерение создать молодежную группу для борьбы с советской властью и хранение оружия». В 1961 г. он был осужден повторно — уже за участие в организации⁴¹.

Зафиксированы — и вовсе не единичные — и случаи создания националистических организаций в лагерях. В 1953 г. судили троих заключенных Дубравлага (Мордовская АССР), объединившихся в 1951 г. в группу украинцев-националистов и ставивших целью не допустить сотрудничества украинцев с администрацией лагеря. Они искали способы связи с националистами, находившимися на свободе и в подполье, вербовали молодежь в организацию, на нелегальных собраниях рассказывали историю ОУН, читали националистические стихи, пели песни (по данным Аннотированного указателя все они были реабилитированы 31 октября 1956 г.)⁴².

Другой пример антисоветской деятельности: 3 русских, 1 украинец, 1 белорус — заключенные в Горьковской области — в ноябре 1951 г. объединились в организацию «Русская освободительная армия» для организации массового вооруженного побега из лагеря путем нападения на охрану и ее разоружения. На то, что речь шла не о сговоре, а именно об организации, говорит текст составленной ими «Присяги»⁴³.

Режим не только жестко расправлялся с явными проявлениями национализма, но и сурово пресекал даже намеки на «борьбу с режимом», в том числе среди подрост-

---

³⁸ Там же. С. 31.

³⁹ Там же. С. 76.

⁴⁰ Подробнее по этой теме, например о русских националистах в СССР, см. книгу Н. Митрохина «Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы». М., 2003.

⁴¹ 58.10. Надзорные производства... С. 262.

⁴² Там же. С. 86.

⁴³ Там же. С. 110.

ков, особенно если эти случаи выливались в создание группы или организации. Теперь уже трудно сказать, действительно ли существовали те группы или были выдуманы преследователями.

Так, в 1953 г. Сипатов И.К. (1935 года рождения, ученик 9 класса средней школы, Рязанская область) был осужден за то, что *решил создать антисоветскую организацию «Земля и воля»* с «целью вредительской деятельности, проведения антисоветской агитации, свержения советской власти и колхозного строя». Он незаконно хранил холодное оружие — кинжал и кортик. Реабилитировали его 14 августа 1954 г.⁴⁴

В 1956 г. был осужден И.И. Донченко (1936 года рождения, украинец, член ВЛКСМ, учащийся 10 класса школы, г. Шахтерск Сталинской области). В 1955 г. он организовал «Союз борцов за национальную Украину», разработал шифр, клятву, давал задание приобретать оружие. В группу входили еще три человека. В 1955–1956 гг. они распространяли листовки и лозунги за отделение Украины от СССР⁴⁵, чем и привлекли к себе внимание. А вот четверо молодых литовцев из Каунаса пострадали в 1954 г. за то, что «увлекались литературой, разделяли националистические идеи, в 1951–1954 гг. образовали литературный кружок, собирались, читали и обсуждали свои произведения»⁴⁶.

Студенты медицинского института из Минска также пострадали за создание в 1954 г. литературного кружка, который в дальнейшем планировали превратить в подпольную организацию⁴⁷. Попытки создания организаций помощи евреям, немцам и другим гражданам, решившим выехать из СССР, также считались проявлениями националистической и антисоветской деятельности. В 1953 г. три еврея из Николаева (члены КПСС, работавшие в торговой сфере) были обвинены в том, что в 1946–1952 гг. *говорили о притеснениях евреев в СССР*. Это было квалифицировано как «создание еврейской буржуазно-националистической группы» (реабилитированы 4 марта 1960 г. по ст. 54 УК УССР)⁴⁸. В этом же году пятеро одесских евреев были обвинены в «национализме, антисоветской агитации и создании сионистской организации с целью выезда в Израиль». Реабилитировали их 30 ноября 1955 г.⁴⁹ В 1971 г. были привлечены к суду девять интеллигентов из Ленинграда, по национальности евреев. Их обвинили в «активном участии в сионистском движении, в требовании права выезда евреев в Израиль, в членстве во «Всесоюзном координационном комитете», ведении правозащитной деятельности и распространении антисоветской литературы»⁵⁰. Примеры могут быть умножены. Так, Гофман В.А. (1936 года рождения, образование 8 классов, электромонтер, г. Архангельск) в феврале 1957 г. был осужден за то, что создал из немецкой молодежи нелегальную группу «Голос нации». Члены ее составляли и посылали в посольство ФРГ и немцам-колхозникам Алтайского края письма-требования репатриации немцев из СССР, равно как листовки с

---

⁴⁴ Там же. С. 167.

⁴⁵ Там же. С. 256.

⁴⁶ Там же. С. 231.

⁴⁷ Крамола... С. 330.

⁴⁸ 58.10. Надзорные производства... С. 138.

⁴⁹ Там же. С. 162.

⁵⁰ Там же. С. 728.

призывом к советским немцам добиваться от правительства разрешения на выезд в Западную Германию⁵¹. В 1983 г. посадили в Москве В.М.Бараца (1946 года рождения, украинец, образование высшее, не работал, правозащитник, деятель баптистского движения), за то, что «распространял самиздат; в 1981 г. создал и возглавлял «Общественный комитет — право на эмиграцию из СССР», передавал материалы для публикации за границей»⁵².

Судя по всему, режим считал все организации, созданные представителями одной национальности, опасными. По крайней мере, принадлежности к одной национальности было вполне достаточно для выдвижения обвинений в национализме. В 1962 г. осудили как националистов двух татар — заводского рабочего и студента юридического факультета Ташкентского университета, создавших 7 апреля 1962 г. «Союз крымско-татарской молодежи» и написавших его устав. Следствие изъяло протоколы пяти заседаний⁵³.

Карательная советская машина не утруждала себя вопросами о степени охваченности граждан чувствами принадлежности к своей национальной культуре. Она видела угрозу режиму во всех попытках создания организаций на национальной основе — от радикальных вооруженных националистических групп до литературных кружков и методично преследовала их, не делая поправок на возраст, социальное положение или место жительства участников.

«ПРОСОВЕТСКИЕ» ОБЪЕДИНЕНИЯ

Хотя случаи упоминаний «других» организаций и составили только 10,7%, но именно они позволяют понять, какие еще области были закрыты в советской системе для коллективного отстаивания групповых интересов и прав в рамках режима. Эти организации не были антисоветскими, но были неудобны властям.

Создание независимых организаций для защиты экономических прав и интересов, особенно в среде рабочих, не допускалось. Приведем несколько примеров. Дружков П.Г. (1934 года рождения, русский, образование 5 классов, член ВЛКСМ, кочегар на пароходе, г. Астрахань) был осужден за то, что «намеревался организовать из молодежи «Союз честных тружеников», в конце 1955 г. изготовил листовки под заголовком «Союз честных», в которых призывал к проведению митингов с требованием улучшения материального положения рабочих, листовки распространил на территории судоремонтного завода»⁵⁴. В 1957 г. оправили отбывать срок Сергеева С.Н. (1926 года рождения, русский, рабочий завода, г. Армавир, Краснодарского края) и Сальникова В.Г. (1931 года рождения, русский, рабочий завода), которые в конце 1956 г. договорились о создании независимой организации для борьбы за интересы рабочих, исправления действий правительства, чтобы «одернуть руководителей, которые обюрократились»⁵⁵.

---

⁵¹ Там же. С. 400.

⁵² Там же. С. 800.

⁵³ Там же. С. 600.

⁵⁴ Там же. С. 241.

⁵⁵ Там же. С. 318.

Рост организаций в рабочей среде считается отличительной чертой хрущевского периода⁵⁶. Проанализировав названия рабочих организаций второй половины 1950-х — начала 1960-х гг. («Союз борьбы за справедливость», «Социалистическая партия Советского Союза», «Российская трудовая партия» и др.), Э.Ю. Завадская и О.В. Эдельман пришли к выводу, что рабочие требовали, преимущественно, «правильного социализма»⁵⁷.

В 1978 г. члены Московской Хельсинкской Группы (МХГ) выступили против преследования лиц, пытавшихся создать независимые ассоциации для защиты трудовых прав («Свободного профсоюза» и «Свободного Межпрофессионального Объединения Трудящихся», это была одна из первых попыток создания независимых профсоюзов)⁵⁸. Основателей этих объединений или сажали в тюрьму, или отправляли в психиатрические больницы. Помогали же им члены МХГ и Инициативная группа защиты прав инвалидов в СССР⁵⁹; последняя открыто объявила о своем существовании и намеревалась легализоваться, создав Всесоюзное общество инвалидов. Почувствовав опасность, власти объявили деятельность Инициативной группы «незаконной» и «антисоветской», пытались под давлением правоохранительных органов заставить замолчать ее организаторов, а зарегистрировать новое общество инвалидов не позволили.

Воспрещалось не только коллективно бороться за улучшение материального положения, но и публично критиковать экономическую политику, выдвигать собственные идеи реформирования экономики. В 1957 г. судили троих студентов горьковских вузов, создавших в 1956 г. организацию «От и до»: после XX съезда партии они решили, что молодежи необходимо вырабатывать «свободное мировоззрение». Члены партии «От и до» считали, что личность важнее массы, ставили целью «самоусовершенствование — не в толстовском смысле», а в смысле изучения «ряда наук, и прежде всего философии». «За основу брать не теорию Маркса, а П.Л. Лаврова»⁶⁰ — заявляли они. В 1958 г. к суду привлекли четырех студентов (1936 года рождения) Уральского госуниверситета и их товарища из Кургана, которые создали организацию «Союз экономического равенства» и разработали ее устав. Правда, для финансирования деятельности своей организации они пытались взломать сейф в строительном управлении⁶¹. Из текста надзорного производства осталось неясным, за что посадили студентов — за создание «Союза», за попытку взлома или за оба проступка одновременно. А.В. Ковбасюка (1945 года рождения, не работал, г. Горький) посадили в 1964 г., поскольку в августе 1963 г. он создал антисоветскую организацию из трех студентов историко-филологического факультета Горьковского университета. Они провели три нелегальных собрания, приняли устав и программу и составили листовку о преступлениях хрущевского режима. В программе у них стояло «достижение экономической свободы», получение политических свобод⁶².

---

⁵⁶ Крамола... С. 325.

⁵⁷ Там же. С. 326.

⁵⁸ Документы Московской Хельсинкской Группы. С. 355.

⁵⁹ Документы Московской Хельсинкской Группы. С. 360–361.

⁶⁰ 58.10. Надзорные производства... С. 324.

⁶¹ Там же. С. 457.

⁶² Там же. С. 653.

Власть боялась любых проявлений самостоятельности в среде учащейся молодежи, даже если их активность не выходила за пределы учебного заведения⁶³. В 1949 г. студенты пятого курса механико-математического факультета МГУ, державшиеся вместе и именовавшие себя «товарищество» были исключены из состава ВЛКСМ, хотя никакой политикой они не интересовались. Тем не менее, партийная организация факультета и комсомол увидели в этой дружбе попытку создания «тайной организации»⁶⁴. Анализ надзорных дел Прокуратуры СССР показал, что «молодые люди в возрасте от 16 до 25 лет составляли больше половины общего количества участников групп (186 из 350)»⁶⁵.

В 1968 г. сурово наказали студента сельскохозяйственного техникума в Анапе Краснодарского края, который в феврале-марте 1968 г. организовал нелегальную группу «Организация массовой борьбы за справедливость» из 11 учащихся техникума, придумал присягу, устав, призвал собирать членские взносы. Группа ставила задачей борьбу против злоупотреблений в техникуме; некоторые из ее членов демонстрировали антисоветские настроения, собирались вести вооруженную борьбу за отделение Кубани от СССР, считали, что руководители КПСС «отошли от Ленинского пути»⁶⁶.

Целенаправленная романтизация большевистского прошлого, призыв хрущевских времен восстановить ленинские нормы в партии, жажда обновления — все вело к созданию различных молодежных групп, часто не выходящих за пределы марксистско-ленинской риторики, тем не менее, преследовавшихся властями как общественно-опасные.

Намерение создать или же само создание организаций, критически настроенных по отношению к советской системе, являлись для властей уголовно-наказуемыми деяниями. Два ученика 10 класса и преподаватель русского языка школы рабочей молодежи увлекались литературой, в 1956–1957 гг. неоднократно обсуждали собственные стихи и статьи, в которых писали о советской действительности, о необходимости борьбы с существующим строем и новой революции. Часть этих статей поместили в школьной стенгазете⁶⁷, после чего их судили и отправили отбывать срок. Еще несколько примеров «противоправных действий». Пикалов А.С. (1936 года рождения, русский, член ВЛКСМ, студент машиностроительного техникума, работник завода г.Чирчик Ташкентской области) с 1956 г. создавал нелегальную молодежную организацию «Всесоюзный демократический союз молодежи». В октябре 1956 г. оформил организацию и вовлек в нее 10 человек. Принимал меры к созданию аналогичных организаций в других городах для борьбы с «недостатками»⁶⁸. В 1962 г. получили сроки два ученика технического училища в Пензе. В 1959–1961 гг. они решили создать «молодежную организацию для борьбы с существующим строем», составили программу, устав и декларацию. В описи их дела упомянуто, что они

---

⁶³ О молодежных организациях в Челябинской области в 1946 году см., подробнее: Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003. С. 332–354.

⁶⁴ См. подробнее: *Алексеева Л.М., Голдберг П.* Указ. соч. С. 113–114.

⁶⁵ Крамола. С. 320.

⁶⁶ 58.10. Надзорные производства... С. 689.

⁶⁷ Там же. С. 350.

⁶⁸ Там же. С. 370.

«делали надписи: призывы к отстранению Хрущева от руководства, против коммунистов; нарисовали свастику, призывали к вступлению в «Общество спасения России». Слушали «Голос Америки»⁶⁹. И в 1970 г. посадили шесть студентов из Рязани за создание в 1967–1969 гг. группы, члены которой составляли «статьи антисоветского содержания», намеревались «распространять листовки»⁷⁰.

Участников большей части упомянутых в надзорных производствах организаций, отнесенных к типу «другие» в данном обзоре, судили (преимущественно) за «создание молодежной группы», «намерение создать антисоветскую организацию», «сочинение и распространение антисоветских листовок», «написание лозунгов в общественных местах»⁷¹. Практически любая «политическая коллективная деятельность», не организованная «сверху», считалась преступной.

В 1950-х гг. некий гражданин Панин В.Г. (1911 года рождения, русский, член КПСС, образование высшее, экономист, заместитель директора пищеторга, г. Баку) увлекался филателией, поддерживал связь с филателистами в разных городах СССР, обменивался с ними марками, и, одновременно, как считали «органы», «распространял антисоветскую литературу в виде почтовых марок фашистской Германии, с изображением Гитлера, фашистской свастики и нацистскими лозунгами», за что и был лишен свободы с 28 апреля по 10 октября 1953 г.⁷²

Таким образом, если до смерти И.В.Сталина считалось предосудительным даже собирать марки «неправильной тематики», то в 1960–1970-е гг., формулировки немного изменились. Но оставалось опасным просто быть верующим, проявлять национальные чувства, возмущаться режимом, пытаться отстаивать экономические и политические права, коллективно выступать в защиту одного человека. Так, в 1966 г. члены литературного кружка при Литературном музее, узнавшие в декабре 1965 г. о призыве в армию Е.Евтушенко, решили, что это было сделано властями с целью удалить его из Москвы, и стали с помощью друзей готовить митинг на площади Маяковского. Он был назначен на 16 января 1966 г. Отпечатали 420 листовок с призывом выступить в защиту Евтушенко, сделали 17 плакатов с цитатами из стихов Евтушенко⁷³. Организаторов мероприятия осудили по статье 58.10.

В 1970-х — 1980-х гг., когда преследовать стали за «хранение и распространение самиздата» и за «активную правозащитную деятельность»⁷⁴, формулировки сменились еще раз. И всё же, режим преследовал не все попытки создания независимых общественных объединений в стране, некоторые из них выглядели вполне полезными, благонадежными и до поры — до времени могли не вызывать подозрений. А.А. Екимов (1949 года рождения, русский, член ВЛКСМ, образование высшее, техник отряда геологоразведочной экспедиции, г. Москва) с несколькими друзьями создали группу «Отряды Грина», увлекались туризмом, геологией, романтической литературой, изготовили два сборника собственных стихов. Власти отнеслись с пониманием к молодежной инициативе. Но весной 1971 г. «Отряды

⁶⁹ Там же. С. 583.

⁷⁰ Там же. С. 711.

⁷¹ Там же. С. 167, 436, 478, 527 и т.д.

⁷² Там же. С. 84.

⁷³ Там же. С. 672.

⁷⁴ Там же. С. 769, 801, 827 и т.д.

Грина» взорвали вход в Съянские пещеры в Подмосковье, чтобы прекратить туда доступ хулиганов. Тут-то и выяснилось, что члены «Отрядов Грина» читали книги А. Солженицына, мемуары Е. Гинзбург, решили устроить в пещерах подпольную типографию. Любопытно, что даже после этого никаких карательных мер со стороны правоохранительных органов не последовало: возможно, власти еще не знали обо всем. И только когда Екимов осенью 1971 г. привез из экспедиции взрывчатые вещества для взрыва входов в пещеры, тогда его и задержали⁷⁵. Но судили не за хищение взрывчатых веществ, а за «хранение, создание и распространение антисоветской литературы».

Словом, в поздний советский период можно было уже совершенно безбоязненно создавать группы для занятий туризмом и геологией, для чтения романтической литературы, лишь бы только интерес участников не переключался на политические, национальные, социальные, религиозные или экономические вопросы. Правозащитные же группы и ассоциации активно преследовались, их членов арестовывали, проводили обыски, выгоняли с работы, запугивали близких. Это продолжалось и в начале 1980-х гг.⁷⁶

* * *

Таким образом, ситуация с правом на создание общественного объединения в советский период была сложной. Закрепленной во всех советских Конституциях свободой объединений пользовалась, прежде всего, власть, остальные же граждане, теоретически, могли создать угодную режиму организацию, но только после долгих согласований и разрешений «сверху». Советское законодательство никогда прямо не запрещало создавать общественные объединения, но оно на протяжении всех лет содержало целый ряд статей, направленных против инициирования (поначалу) «контрреволюционных» объединений, а позже — религиозных и антисоветских организаций. При этом статьи законодательства, в том числе Уголовного Кодекса, толковались весьма расширительно, и в понятия «контрреволюционное» и «антисоветское» включались практически все сферы жизнедеятельности. Правоприменительная практика по этим статьям приводила к необоснованным репрессиям в отношении разнообразных инициатив по созданию общественных объединений.

При анализе аннотированного каталога надзорных производств Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде за 1953–1991 гг. не удалось выявить ни одного случая создания хорошо организованной группы — действительно массовой, достаточно большой (более 20–30 человек), с разветвленной филиальной сетью. К таковым условно можно отнести лишь религиозные общины, которые имелись во всех регионах СССР и сохраняли связи между собой, совместно помогали осужденным и их семьям. Все остальные организации быстро выявлялись и попадали в зону внимания правоохранительных органов. Деятельность их пресекалась или на стадии «намеревался(лась) создать», или на этапе «создал(и) группу из двух (и более) человек», «изготовили и распространили листовки». Ликвидация организаций и преследование руководителей становились возможными: в двух первых слу-

---

⁷⁵ Там же. С. 736.

⁷⁶ См. подробнее: Документы Московской Хельсинкской Группы. С. 490–491.

чаях — благодаря явному доноительству знакомых или участников группы, в третьем — помимо доноительства, имела значение проявленная бдительность соседей и агентурная сеть органов.

Собранные данные показывают, что самыми серьезными врагами советской власти считались объединения верующих. На их долю приходилось почти 60% случаев преследований и предусматривались очень серьезные наказания (от 6 месяцев до 14 лет). Но репрессивные меры применялись весьма избирательно и в подавляющем большинстве касались только представителей различных протестантских сект и групп.

Парадоксально, но участники националистических и антисоветских организаций рассматривались властями как куда менее опасные (около 30% случаев преследований), поэтому их наказывали слабее (от 3 месяцев до 3 лет). При этом в разряд националистических и антисоветских могла попасть практически любая группа, большая часть членов которой принадлежала к одной национальности. Удивительно также, но одинаковые наказания применялись как к членам вооруженных националистических формирований, так и к инициаторам создания любых национально-культурных кружков и обществ или, к примеру, к группам евреев и немцев, пытавшимся отстоять свое право на выезд из СССР.

Около 10% преследований за создание объединений пришлось на различные объединения, члены которых хотели не уничтожить, а по-своему усовершенствовать советский строй. Именно репрессии против этих групп и отдельных людей наглядно показывают, что в советский период для коллективной несанкционированной властями деятельности были полностью закрыты политическая, правозащитная, социальная и экономическая сферы. Любые попытки коллективной критики или обсуждения политики властей в этих областях сурово пресекались. Режим боролся не столько с антисоветскими организациями, сколько с любыми попытками и намерениями просто объединиться для проведения религиозной церемонии, для обсуждения культурных, политических, национальных, экономических и других проблем. Авторы-составители сборника документов «Крамола» считают создание и подготовку к созданию оппозиционных групп и организаций в советский период «высшей формой оппозиционной деятельности»⁷⁷. По нашему мнению, она не всегда была таковой. Гораздо чаще люди стремились не к смене власти, а всего лишь пытались отстоять свое право на веру, на интеллектуальное общение, на частную жизнь.

---

⁷⁷ Крамола... С. 62.

ВОСПРИЯТИЕ XX СЪЕЗДА КПСС (ПО МАТЕРИАЛАМ НИЖЕГОРОДСКИХ АРХИВОВ)

Ж.-П. ДЕПРЕТТО

Тридцать лет тому назад, в 1976 г. парижский Институт славянских исследований организовал первое научное обсуждение событий XX съезда в СССР¹. Французские историки и, прежде всего, Жорж Огт пытались понять, как знаменитый съезд повлиял на коллективную советскую ментальность, хотя и утверждали, что такой термин представляется «расплывчатым, плохо определяемым». Он использовался «за неимением лучшего», чтобы описать «сложную совокупность систем представлений, ценностей, верований, установок и поведения», характерную для людей, живших в этом государстве². «В некоторых слоях советского общества, в частности, среди интеллигенции, XX съезд воспринимался буквально как землетрясение, если судить по тому, какие надежды он породил и какую волну энтузиазма и оптимизма вызвал», — отмечалось тогда.

Действительно, съезд как историческое событие, имел два отсроченных, долгосрочных последствия: во-первых, как внутри, так и вне коммунистической партии возникла оппозиция; во-вторых, «появились различные точки зрения <...>, а также социальные, политические или литературные явления, которые помогли обнаружить факт, до сих пор остававшийся скрытым или прямо отрицавшийся: советское общество изнутри разрываемо самыми разными тенденциями, будь то идеи, методы или устремления».

Вышеупомянутый Жорж Огт не спешил с окончательными выводами: он отмечал, что источники (официальные документы, самиздат, биографии диссидентов и «либералов»-шестидесятников) «значительно сужают область исследования и затрагивают довольно узкую среду, составляющую лишь незначительную часть того, что мы продолжаем, с основанием или без оно, называть *интеллигенцией*. В какой мере ее поведение отражает черты, присущие советскому обществу в целом?». Действительно, историк сталкивается здесь с серьезной проблемой: каким образом выявить отношение к XX съезду в среде рабочего класса, этого «великого немого»? Что означают «просталинские» народные демонстрации 1960-х гг.?³

Ж.Огт пришел к заключению о сравнительно небольшом влиянии «события, каким был XX съезд», на ментальные структуры; с этой точки зрения съезд не выдерживал сравнения с Великой Отечественной войной, потрясение от которой оста-

---

¹ Стоит подчеркнуть особо роль инициатора этого круга стола, историка-советолога, профессора Сорбонны Рене Жиро (1929–1999). См.: *Le Vingtième congrès: mythes et réalités de l'Europe de l'Est en 1956* / Ed. by R. Girault. Paris, 1977.

² Там же, Р. 32 и 34–35.

³ Там же, Р. 64.

вило долгий и глубокий след в жизни всех советских людей⁴. Исследователь сформулировал свои вопросы так прозорливо, что нам хотелось бы вновь обратиться к нему, воспользовавшись материалами из открывшихся советских архивов. Мы ставим себе совершенно конкретную цель: исследовать реакции на Закрытый доклад Н.С. Хрущева сразу после XX съезда, во время собраний, организованных для обсуждения итогов съезда. Рассматриваемые документы хранятся в архиве коммунистической партии Горьковской области. Это, среди прочего, отчеты и протоколы партсобраний областного, городского и районного масштаба. Интересующая нас проблема — социальная история, увиденная «снизу»: мы попытаемся уловить, что говорил народ о данном событии, примерно так, как это сделала Арлетта Фарж относительно парижан XVIII века⁵, пытаясь расслышать «тихие голоса»⁶ «рядовых», «потонувшие в шуме государственных актов». И хотя подобное предприятие сталкивается с немалыми трудностями, оно представляется нам вполне плодотворным. Мы не можем смириться с молчанием «низов»⁷. Учитывая характер источников, мы услышим прежде всего точку зрения членов партии, однако наша гипотеза (которую следует проверить) состоит в том, что, в целом, она не сильно отличалась от точки зрения «беспартийных». Следует с самого начала очертить границы настоящего исследования: мы использовали исключительно письменные источники, не прибегая к устным опросам; десталинизация воспринималась нами скорее как *событие*, а не как длительный *процесс*: нет никаких доказательств, что выводы, сделанные нами из этого локального примера, поддаются обобщению.

Историография XX съезда получила новый толчок в начале 1990-х гг., прежде всего, благодаря открытию архивов. Можно даже сказать, что в этот момент в России *родилась* новая научная историография, не существовавшая во времена СССР. За отсутствием места мы не можем упомянуть здесь все многочисленные недавние исследования. Тем не менее, стоит выделить по крайней мере две основные идеи, содержащиеся в исследованиях российских историков по интересующей нас теме⁸.

⁴ Там же, P. 36–37.

⁵ *Farge A. Dire et mal dire. L'opinion publique au XVIIIe siècle. Paris, 1992.*

⁶ Это выражение заимствовано у главы течения «*Subaltern Studies*», индийского историка Ранажита Гуха (см. его статью *The Small Voice of History // Subaltern Studies IX Writings on South Asian History and Society / Ed. by S. Amin and D. Chakrabarty. Delhi, 1996, P. 3.* Об этом историографическом течении, см. *Merle I. Les Subaltern Studies. Retour sur les principes fondateurs d'un projet historiographique de l'Inde coloniale // Genèses. septembre 2004. P. 131–147.*

⁷ См. *Furet F. Pour une définition des classes inférieures à l'époque moderne // Annales ESC. 1963, № 3, P. 459.* Карло Гинзбург (в книге *Сыр и черви: Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке М., 2000*) подверг этот тезис критике.

⁸ *Барсуков Н.А.* Обратная сторона «оттепели» (Историко-документальный очерк). Кентавр. 1993, № 4, С. 129–143; *Зезина М.Р.* Шоковая терапия: от 1953-го к 1956 г. // Отечественная история. 1995. № 2. С. 121–135; *Zubkova E.* Russia after the War: Hopes, Illusions and Disappointments, 1945–1957. New York. 1998; *Пыжиков А.* Политические преобразования в СССР (50–60 годы). М. 1999. С. 94–115; того же автора: Хрущевская оттепель. М. 2002. С. 259–289; его же: XX съезд и общественное мнение // Свободная мысль. 2000. № 8. С. 76–85; его же: Социально-психологические аспекты общественной жизни в годы «оттепели». Там же. 2003. № 6. С. 103–110; его же: Истоки диссидентства. Молодежь после XX съезда КПСС. Там же. № 12. С. 77–85; *Аксютин Ю.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в 1953–1964 гг. М. 2004. С. 163–198; того же автора: Новое о XX съезде КПСС // Отечественная история. 1998, № 2. С. 108–123; его же: *Popular Responses to Khrushchev // Nikita Khrushchev / Ed. by W. Taubman, S. Khrushchev and A. Gleason. New Haven. 2000, P. 177–208; Аксютин Ю., Пыжиков А.* Постсталинское общество: проблемы лидерства и трансформация власти М. 1999. С. 91–139.

Во-первых, реакция разных слоев общества на Закрытый доклад Хрущева не была одинаковой, были высказаны самые разные взгляды, но из-за имеющихся в распоряжении исследователей письменных источников обычно анализ ограничивается взглядами членов партии. Во-вторых, полагают историки, наиболее восприимчивыми к критике Сталина оказались интеллигенция и студенчество — это они подхватили ее и шли иной раз куда дальше, чем того хотел Хрущев.

Юрий Аксютин и Александр Пыжиков в своей книге противопоставляют отношение к этому событию интеллигенции и народа. Они пишут, что народ «в большинстве своем не понял и не одобрил такого резкого поворота от прославления и обожествления к развенчиванию» Сталина⁹. Необходимо выяснить, чем является кажущееся очевидным относительно безмолвие народных масс — не есть ли это исходное допущение исследователей? Не есть ли это перекокс, вызванный обращением к официальным источникам? Может быть, низы выражали свое мнение другим способом?

Несмотря на большой интерес, который представляют собой российские публикации, лучшей статьей по теме остается работа английской исследовательницы Полли Джонс, изучавшей «демифологизацию» Сталина на основе центральных и провинциальных (Волгоградская область) архивов¹⁰. Она подчеркивает, что Закрытый доклад не был написан догматичным языком сталинской риторики и почти не содержал ясных директив. По этой причине реформа преподавания сопровождалась импровизационностью и растерянностью: преподаватели были вынуждены придумывать новую версию советской истории исходя из весьма туманных указаний. Сходная ситуация имела место и в иконографии культа личности: не было сформулировано сколько-либо четкой государственной политики, поэтому в некоторых районах памятники были сняты, а в других — оставались на месте, что вызывало дезориентацию населения. Реакция народа на Закрытый доклад была неожиданно разнообразной. Весьма частыми были просьбы дать разъяснения по докладу, который с трудом поддавался интерпретации: с одной стороны, он обвинял Сталина в совершении тягчайших преступлений, с другой — подчеркивал его заслуги. Многочисленные вопросы отражают этот двойственный подход: был ли Сталин героем, учителем или врагом народа? Некоторые рабочие в Волгограде (бывшем Сталинграде) и Ростове выражали уверенность, что покойный вождь был врагом, и предлагали посмертно покарать его. Другой тип реакции, в основном присущий представителям высшего образования, был критическим в отношении к намерениям режима: аналитики того времени считали, что Хрущев обвинил Сталина во всех грехах, чтобы избежать вопросов о роли партии и своей собственной вине на протяжении этого периода. Некоторые шли еще дальше и требовали политических реформ (многопартийных выборов, свободы слова), необходимых «для окончательного преодоления культа личности» — этих вообще безжалостно наказывали. Наконец, Доклад подвергся сильной критике со стороны сталинистов, которые в частности вспоминали военные заслуги Сталина, яростно оспариваемые Хрущевым, и нередко выражали свою позицию в анонимных письмах.

---

⁹ Там же, С. 122.

¹⁰ Jones P. From Stalinism to Post-Stalinism : De-Mythologizing Stalin, 1953–1956 // *Redefining Stalinism* / Ed. by H. Shukman. London. 2003. P. 127–148.

Полли Джонс отмечает, что — несмотря на удивительное разнообразие позиций — все они чаще всего противоречили намерениям руководителей: десталинизация провалилась, поскольку она не была понята широкими массами и не смогла мобилизовать население вокруг главных ее идей. В этой связи Хрущеву пришлось занять более умеренную позицию по отношению к Сталину, сформулированную в резолюции Центрального комитета от 30 июня 1956 г. и опубликованную «Правдой» 2 июля.

Хрущев прочитал свой знаменитый доклад¹¹ 25 февраля 1956 г., на утреннем заседании и только перед делегатами съезда. Заседание шло «при закрытых дверях», не стенографировалось, доклад не обсуждался, однако был принят «единогласно»¹². Съезд принял решение не публиковать доклад, но направить текст его в парторганизации¹³. Следовательно, надо было отредактировать официальный вариант текста, что заняло несколько дней: Хрущев представил рукопись доклада Президиуму ЦК КПСС 1 марта 1956. Мы не знаем, в какой степени предоставленное соответствовало прочитанному докладу, так как до сих пор в архивах не удалось обнаружить никаких магнитофонных записей; вполне возможно, что в некоторых местах Первый секретарь импровизировал¹⁴. 5 марта Президиум ЦК КПСС принял «строго секретное постановление» — вот его полный текст¹⁵:

«1. Предложить обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик ознакомить с докладом тов. Хрущева Н.С. «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников.

2. Доклад тов. Хрущева разослать партийным организациям с грифом «не для печати», сняв с брошюры гриф «строго секретно».

Закрытый доклад был зачитан в общей сложности семи миллионам коммунистов и восемнадцати миллионам комсомольцев: партсобрания бывали иногда открытыми и для беспартийных. Иногда случалось, что доклад Хрущева зачитывался и на профсоюзных собраниях — в этом случае оповещали всех работающих на предприятии¹⁶. Иногда зачитывались лишь фрагменты доклада, а иногда вообще кляли доклад под сукно. Трудно сказать, какой процент населения слышал закрытый доклад: с некоторой осторожностью приведем здесь цифры, полученные в ходе опроса, проводившегося силами студентов Московского Педагогического университета в 1996–1999 гг. (цифры от года к году, как ни странно, разнятся)¹⁷:

---

¹¹ Доклад был представлен не от имени ЦК, но от его собственного имени.

¹² XX съезд Коммунистической Партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 2. М. 1956. С. 402 и 498; *Фурсенко А.А., Афиани А.Ю.* Доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях» (из истории подготовки и издания) // Археографический ежегодник за 2001 год. М. 2002. С. 70–72.

¹³ См. коллективную монографию Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М. Росспен. 2002. С. 250.

¹⁴ *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти 1945–1991. Новосибирск. 2000. С. 128.

¹⁵ «Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина...» см. Указ. соч., С. 253.

¹⁶ Беспартийная писательница Лидия Чуковская узнала о Закрытом докладе во время собрания Союза Писателей. См. *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Том второй — 1952–1962. М. 1997. С. 195–197.

¹⁷ *Аксютин Ю.* Указ. соч. С. 173–174.

Дата опроса

1996	1997	1998	1999
------	------	------	------

Слышали текст этого доклада лично на партийном или комсомольском собрании

33%	18%	25%	33%
-----	-----	-----	-----

Не слышали доклада, но узнавали о его содержании от других

33%	15%	32,5%	33%
-----	-----	-------	-----

Источники информации для лиц второй категории были самыми разнообразными: обсуждения на собраниях, организованных после XX съезда, политинформация, рассказ родственника, зарубежное радио¹⁸. По замыслу советских руководителей, *Закрытый доклад* должен был выслушиваться молча и не вызывать никакого обсуждения; более того, запрещалось даже записывать что-либо. Однако из официальных протоколов собраний мы знаем, что, несмотря ни на что, обсуждения имели место.

28 февраля 1956 г. секретарь Горьковского обкома партии послал в ЦК отчет о «проведенных митингах трудящихся (Горьковской области), посвященных окончанию работы XX съезда КПСС»¹⁹. Он сообщал, что подобные митинги прошли накануне «на всех предприятиях, в колхозах, МТС, совхозах, учебных заведениях и учреждениях области»²⁰. Митинги следовали обычному ритуалу: трудящиеся «городов и сел (области)» горячо одобряли решения съезда, «сотни рабочих» обещали перевыполнить план²¹. Речи на митингах свидетельствовали о патернализме режима: «Работницы швейной фабрики № 1 горячо благодарят партию за большую заботу о нуждах трудящихся»²². В этом отчете главный руководящий работник области даже не упоминал *Закрытый доклад* или публичную критику Сталина Микояном²³. Все происходило в соответствии с обычными процедурами: обязательное единодушие и отсутствие политических дебатов. Можно даже утверждать, что вообще отсутствовало какое-либо упоминание о политике — говорилось только о необходимости решить экономические задачи²⁴. Отчет напоминает по содержанию предыдущие, касавшиеся откликов трудящихся Горьковской области на открытие XX съезда КПСС²⁵. Сопоставляя документы, трудно представить, что XX съезд привнес хоть что-то новое.

¹⁸ По воспоминаниям Р.И. Пименова, *Закрытый доклад* циркулировал и в самиздате; эта запрещенная форма распространения текста составляла одно из главных обвинений против этого молодого математика, арестованного в марте 1957 г. «за антисоветскую агитацию и пропаганду»; см. Память. Исторический сборник, 2, Москва 1977 — Париж, 1979, С. 161.

¹⁹ Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО), ф. 3, оп. 2, д. 416, л. 87.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, л. 89.

²² Там же, л. 88. О выражении благодарности руководителям, см. *Brooks J. Thank you, Comrade Stalin! Soviet Public Culture From Revolution to Cold War. Princeton. 2000, P. 199–204.*

²³ XX съезд Коммунистической Партии Советского Союза. Стенографический отчет, Т. 1. М. 1956. С. 323.

²⁴ ГОПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 416, л. 88–89.

²⁵ Там же, л. 83–86.

Однако, начиная с 12 марта, информация об ознакомлении коммунистов с Закрытым докладом становится иной. Она показывает, что XX съезд был действительно *событием* — в том значении этого слова, которое имел в виду Ханна Арендт²⁶. Он привнес «непредсказуемые» и «непредвиденные» элементы: вызвал к жизни стремление высказаться, положил начало плюрализму²⁷. Явка коммунистов на собрание стала «исключительной» — некоторые приходили, чтобы напомнить о «больших заслугах Сталина перед партией и государством» («несмотря на ошибки»²⁸), а вот пострадавший от «садизма банды Берии», «безвинно» арестованный, наоборот, «щеликом и полностью разделял точку зрения тов. Хрущева в отношении культа личности и его вреда для партии и государства»²⁹.

Многие задавали себе вопрос, почему «не были приняты меры по пресечению культа личности при жизни Сталина» и задумывались о бессилии других руководителей перед лицом этого явления. Несколько раз возникал вопрос о необходимости снять портреты Сталина и вынести его тело из Мавзолея. Некий председатель колхоза заявил, что «незамедлительно» снимет портрет вождя. Не следует, тем не менее, преувеличивать то новое, что принес съезд, как это видно из стенограммы заседания областного актива КПСС, состоявшегося 13 марта 1956 г. Секретарь обкома Игнатов в течение почти двух часов зачитывал длинный доклад, занявший примерно половину стенограммы (54 стр. из 119, то есть 45 %); в зале присутствовало 1626 человек, 31 из них записались в прения, однако слово было дано только 15, а затем, председатель прекратил обсуждение³⁰.

Вот как распределились эти 15 выступивших³¹:

областные партийные и комсомольские руководящие кадры	3
секретарь первичной организации КПСС	1
государственные руководящие кадры (из них 4 — директора предприятий)	9
председатели колхозов	2
рабочие	1
профессия неизвестна	1

Практически молчали представители народа: между тем, в зале были и колхозники, и рабочие. Молчала, чаще всего и интеллигенция города и деревни, а высказывались, в основном, «советские бонзы». При этом государство было представлено шире партии, что на первый взгляд кажется парадоксальным. Доминировали хозяйственные кадры, в частности, один из выступивших ответственных работников — представитель обкома — отвечал за машиностроение.

Секретари же парткомов промышленных предприятий, находившиеся в зале, не просили слова, хотя на рассматриваемом заседании присутствовали директора двух самых крупных предприятий тогдашнего Горького: Сазанов (автозавод им. Молото-

²⁶ Cf. *Amiel A.* Hannah Arendt. Politique et événement. Paris. 1996. P. 42.

²⁷ ГОПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 416, л. 90–92.

²⁸ Там же, л. 90–91.

²⁹ Там же, л. 90–91.

³⁰ ГОПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 416, л. 93 ; д. 320, л. 115.

³¹ Там же, д. 416, л. 93; д. 320, л. 58–115.

ва) и Ляпин («Красное Сормово»). Они выступали, но их выступления касались производственных вопросов и не затрагивали политических тем³². В выступлении Староверова, секретаря обкома комсомола, тоже не упоминался никакой «культ личности», не было ни слова об обсуждении XX съезда молодежью. Он лишь с сожалением упоминал об «алкоголизме и хулиганстве», «довольно часто» — по его словам — встречавшихся среди молодежи³³.

Участники собрания единогласно, без каких-либо изменений, проголосовали за трехстраничную резолюцию, одобряющую решения XX съезда. Абзац на первой странице недвусмысленно посвящался «культу личности», в конце текста к нему вновь возвращались, но — косвенно, когда подчеркивалась необходимость соблюдения законности, «ленинских норм партийной жизни» и «борьбы с догматизмом и начетничеством»³⁴. Игнатов, в своем длинном докладе дважды прибегал к критике Сталина (п.1.40–42 и 49–50). Он ссылаясь на Закрытый доклад и заявлял: «Со всеми этими материалами в ближайшие дни будут ознакомлены все коммунисты». Он вкратце изложил содержание доклада Хрущева; что же касается практических выводов из разоблачений Сталина, то подчеркнул, в основном, необходимость «укрепления социалистической законности». Малейшее ослабление ее, сказал он, приведет к тому, что этим пользуются враги советского государства, вроде банды Берии. КПСС реабилитировала невинно осужденных, установила контроль над Госбезопасностью и усилила власть прокурора, — подчеркнул он и в конце собрания «ответил на вопросы участников»³⁵ (списка вопросов и ответов не сохранилось). Из другого документа мы узнаем, что в президиум из зала поступило тогда несколько (наверняка анонимных) записок, содержащих следующие вопросы³⁶: «Почему вопрос о культуре личности возник сейчас, а не раньше? Как быть с портретами, бюстами Сталина — оставлять их или снимать? Как быть с трудами Сталина и нужно ли ими пользоваться в пропагандистской работе? Куда смотрели члены Политбюро, когда видели неправильные действия Сталина, и почему его не поправляли? Как рассказать детям в школах о Сталине?»

В этих записках вопросы, неприятные для руководства, перемежались с чисто прагматическими, заданными скорее всего преподавателями или партийными работниками, дезориентированными докладом, которые ждали новых инструкций. К сожалению, мы не знаем, какими были ответы.

Ниже мы остановимся на двух выступлениях, отличавшихся от всех остальных тем значением, которое в них уделялось «культу личности». Первое из них, принадлежит тов. Дуркину, редактору местного издательства и характеризуется высоким уровнем критики, даже сарказмом, вызывавшим смех в зале. Может быть, именно по этой причине один из сохранившихся вариантов этого текста урезан³⁷. Дуркин воспользовался официальным дискурсом о «культе личности» для конкретной кри-

---

³² Там же, д. 320, л. 96–98, л. 109–111.

³³ Там же, л. 105–107.

³⁴ Там же, л. 117–119.

³⁵ Там же, л. 115.

³⁶ Там же, д. 416, л. 96.

³⁷ Там же, л. 99–101 (отрывки из речи без указания купюр); д. 320, л. 91–94 (длинная версия).

тики местного руководства³⁸: «Ведь, товарищи, были же до недавнего времени в обкоме партии работники, которые действовали по принципу Тараса Бульбы: «Я тебя породил, я тебя и убью». Любил же тов. Морозов приговаривать: «Смотрите же, мы вас выдвинули, оказали честь, мы вас можем и снять, и прогнать. (Оживление в зале). Ко мне, правда, он применил деликатную формулу, сказав: «Мы не встанем поперек дороги тебе, если тебя направят работать куда-нибудь в Среднюю Азию». (Смех в зале).

«Культ личности», утверждал выступавший, вел к удушению критики (иллюстрируя это примером, Дуркин рассказал, как рядовой журналист газеты «Горьковская правда» был подвергнут «издевательству» за критику бывшего главного редактора), влек за собой «забвение интересов трудящихся», заставлял «работать напоказ». Культ развратил власть местное руководство, считал он, которое перестало обращать внимание на народные заботы. Призывая вернуться к «ленинской традиции» «писать статьи и книги по политике для народа», Дуркин — по сути — представил интересную картину функционирования власти в советской провинции. В его словах содержалось живое описание ответственных работников Горького, искренние упреки морального характера, разоблачения «эгоизма, карьеризма, угодничества, деспотизма, властолюбия, стремления внушить страх и создать обстановку слежки, запугивания».

Задумавшись о мотивах, которыми руководствовалось начальство при цензурировании текста этого выступления. Возможно, речь Дуркина не понравилась потому, что не содержала пустых общих мест. Он подробно описал приметы каждодневной советской политической жизни. Говоря о местной конференции членов партии, он сказал, что гости «были очень тщательно процежены сквозь мелкое сито», а журналистов вообще не пригласили под предлогом, что здание было слишком маленьким. Доклады, зачитывавшиеся во время конференции, зачастую были такими скучные, что от них — сказал он — «мухи мрут». «Члены президиума, преодолевая дремоту, вынуждены рисовать лошадки в блокнотах». Для сравнения Дуркин привел случай из ленинской эпохи: в 1918 г. была опубликована стенограмма V конференции большевиков Нижнегородской области. «В этом документе помещены все доклады, все выступления, даже реплики. Надо предполагать, что отчет издавался без присяжных литераторов, которые в наше время, совсем недавно, так зализывали речи ораторов, что последние не узнавали в них себя». В заключении той конференции Каганович подчеркнул роль масс, которые он противопоставил отдельным личностям, вождям и героям. Напоминая об этой позиции, Дуркин констатировал: «А мы до недавнего времени глаголили: «Господи, господи, помоги нам и помилуй нас, наше ясное солнце, наш великий вождь» и добавлял, что простые люди про себя говорили: «Ну, началась аллилуйя!». (Аплодисменты)»³⁹.

Несмотря на крайнюю критичность выступления, Дуркин был «избран» в комиссию по редакции резолюции; тот же Игнатов поддержал его, когда Дуркин выразил надежду, что его замечания в адрес некоторых сотрудников «Горьковской правды» не будут подвергнуты цензуре в газете.⁴⁰

---

³⁸ Там же, д. 320, л. 92–94.

³⁹ Там же, л. 95.

⁴⁰ Там же, л. 93 : эта реплика не воспроизводится в д. 416, л. 100.

Второе выступление, которое мы здесь рассмотрим, — речь токаря завода «Красное Сормово» А.М. Годяева, члена партии с 1943 г., побившего все производственные рекорды и избранного делегатом XX съезда — иными словами, речь идет не о рядовом рабочем. Текст его выступления занимает почти 4 с половиной страницы, из которых одна посвящена «культу личности». Все остальное касается проблем его предприятия⁴¹. Начинался рассказ с описания бытовых забот: Сормовский район, сильно выросший за последнее время, говорил выступавший, испытывает большой дефицит воды и транспортных средств. Несмотря на острую нехватку жилплощади, Министерство срезало им социальный кредит наполовину. При таком темпе, чтобы удовлетворить нужды 4800 семей, понадобилось бы 24 года. Вызывали особую озабоченность токаря и технологические проблемы: часть оборудования «Красного Сормова» устарела, «рядом с новыми установками разлива стали, на заводе «Красное Сормово» существуют старые мартиновские цеха, — говорил он, — которые построены первыми в России»⁴², то есть очень устарели. Техническому прогрессу завода мешают высшие инстанции, в том числе министерство, закладывая в планы установку оборудования с амортизацией более 10 лет, в то время как проектные институты отрезаны от жизни. Молодые специалисты, окончившие институты, сетовал Годяев, знают производство по книгам и понаслышке, их преподаватели давно отстали от жизни. Эта технологическая ментальность кажется нам типичной для элиты квалифицированных промышленных рабочих — она напоминает «рабочий сенсимонизм» Франции до 1914 г., проанализированный Мишель Перро⁴³.

Оценивая текущий момент, Годяев произнес: «Рабочие с очень большим интересом и вниманием слушают и обсуждают доклад тов. Хрущева о культуре личности и его последствиях». Можно ли предположить, что эта фраза — готовое клише? По правде сказать, мы не знаем ответа на этот вопрос.

Как бы то ни было, оратор воспринимал Закрытый доклад сквозь призму заводской жизни: «...если мы имели таких богов, которые были у нас в свое время воспеты и не без помощи может быть нас, то мы сейчас имеем маленьких божков на местах, которые не считаются ни с мнением рабочих, ни с мнением коллектива, а ставят выше всего свое собственное я. Это есть на местах и среди мастеров, и среди другого начальства». Годяев констатировал, что «культ личности» повлиял на «нижестоящих руководителей», ждущих приказа сверху. «Будет установка, будет указание — он будет шевелиться», иронизировал он и задавал вопрос: можно ли было раньше известить центральную власть о «мыслях, настроениях и требованиях» низов, и сам же ответил, что это было «очень трудно и невозможно», поскольку московские организации «были отгорожены от непосредственной жизни большой дистанцией». Его выступление закончилось выражением доверия КПСС.

Отчет, направленный в ЦК КПСС (в Отдел партийных органов по РСФСР) и датированный 3 апреля 1956 г., подводил итог обсуждению, состоявшемуся «во всех городах и районах области и в более чем в двух с половиной тысячах первичных

⁴¹ Там же, д. 320, л. 73–77.

⁴² Предприятие было основано в 1849 г.

⁴³ *Le regard de l'Autre: les patrons français vus par les ouvriers (1880–1914) // Le patronat de la seconde industrialisation / Ed. by M. Levy-Leboyer. Cahier du «Mouvement Social» № 4. Paris, 1979. P. 300–302. О профсоюзном движении в начале XX века см. также С. 304.*

партийных организаций⁴⁴). Он подчеркивал «большую явку и высокую активность коммунистов». На собраниях присутствовало 17 597 человек, 658 просили слова и 496, то есть 2,8 % присутствовавших, выступили в прениях. Сходные цифры касались и части области⁴⁵:

	Присутствовало	Попросили слова	Выступило
8 районов Горького, города Дзержинск и Богородск	около 6000	?	более 100 (1,6%)
5 районов	1998	67	59 (2,9%)
Город Бор и 2 района	989	57	35 (3,5%)

Из этих данных можно сделать вывод, что выступавших было немного; даже если прибавить тех, кто во время обсуждения задавал вопросы, все равно высказавшихся было меньшинство. А что думали другие?

Давайте слегка изменим подход и проанализируем внутренние различия по области. Мы знаем, что в СССР существовала целая пропасть между городом и деревней; среди колхозников членов КПСС было немного. Отчет о двух сельских районах лесной зоны (Красные Баки и Варнавино)⁴⁶ ни разу не упоминает о «культе личности»: возможно, официальная тематика была далека от местных забот, а может — присутствие местных руководителей парализовало критику? Как бы то ни было, ни один крестьянин не попросил слова, как о том свидетельствует следующая таблица:

Выступавшие

Красные Баки	Варнавино
3 председателя колхозов директор лесопильного завода «Ударник» председатель райисполкома может быть, другие (неизвестно, кто именно)	работники леспромхозов директор МТС председатели колхозов

Выступления касались, прежде всего, общеизвестного дефицита в советской деревне — в магазинах не было товаров первой необходимости. Кроме того, подчеркивалось существовавшее напряжение между организациями — несколько председателей колхозов высказались за предоставление им большей свободы и помощи со стороны райкомов и райисполкомов; МТС не выполнило «договорные обязательства с колхозами о вывозке минеральных удобрений, подвозке кормов и других видах зимних работ», — заявили председатели ряда колхозов. Эти деревенские районы занимались не только сельским хозяйством — в их сферу входила также эксплуатация тайги. Комбинат «Горьклес», отвечавший за эксплуатацию, был подвергнут критике со стороны директора лесопильного завода «Ударник»: он не проявлял интереса к предприятию, которое вот уже два года ожидало установки пилорамы. Несколь-

⁴⁴ ГОПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 416, л. 132–133.

⁴⁵ Там же, л. 105, 114, 124.

⁴⁶ Там же, л. 125–127. Эти города находятся на севере Нижегородской области. Отчет касается города Бора (л.124–125).

ко руководителей сурово критиковали этот комбинат: леспромхозы «не имеют металла для ремонта механизмов», «весь зимний сезон не выдавали рабочим рукавицы», снабжение продуктами и промтоварами неудовлетворительное. Коллективный договор рабочих предусматривал постройку клуба и бани, а также снабжение горючим, но руководители комбината отменили договор. Является ли ситуация в Краснобакинском и Варнавинском районах исключительной? В нашем распоряжении находится еще один отчет⁴⁷, посвященный четырем сельскохозяйственным районам⁴⁸: Семеновскому, Тонкинскому, Хмелевицкому и Сосновскому, к которым следует добавить еще и Кировский район города Горького. «Культ личности» упомянут в нем всего один раз, в конце текста, где говорится, что «выступавшие высказывали свое удовлетворение мерами, принятыми ЦК КПСС, изложенными в докладе т. Хрущева». Разумеется, мы располагаем лишь неполной информацией, но из нее следует, что скорее всего ни один из колхозников не принимал участия в обсуждениях:

Выступавшие

Семенов	Сосновское	Тонкино	Хмелевицы
директор чугунолитейного завода, 1 коммунист (профессия неизвестна)	8 человек, из них: председатель колхоза, директор МТС, секретарь райкома партии	информация отсутствует	2 председателя колхоза, другие выступавшие (неизвестно, кто именно)

Если верить отчету, в Семеновском районе речь о сельском хозяйстве не шла. Директор чугунолитейного завода (им. Трех Коммунистов), расположенного в самом Семенове, говорил о трудностях на своем предприятии. Коммунист, чью профессию мы не знаем, обличал разбазаривание средств: на льнозаводах не хватает мощностей, льнотреста складировается под открытым небом и гниет. В то же время в трех других районах обсуждение вращалось в основном вокруг сельскохозяйственных вопросов. В Тонкине участники расширенного пленума парткома критиковали бюрократические методы управления: первый секретарь райкома и его окружение судят о ситуации в колхозах по сводкам, не появляясь на местах. В Сосновском районе запаздывала подготовка к весеннему севу — и снова несколько ораторов подвергли критике МТС. В свою очередь, директор МТС обвинял обком партии, который слишком мало требует от ученых: он не обязывает их чаще приезжать в колхозы и оказывать практическую помощь при применении научных открытий в сельском хозяйстве. Вполне по-соседски секретарь райкома партии отмечал, что руководители Сельхозинститута не сдержали слова: они организовали в МТС всего один семинар по «конкретной экономике» и на этом остановились. На собрание Хмелевского райпартактива выступали в основном два председателя колхоза. Первый из них, Березин, говорил о реформах, проведенных в его колхозе: об уменьшении числа административных работников, об изменении производственных норм, о введении новой системы оплаты труда. Затем Березин и его коллега Соколов потребовали, чтобы промкооперация

⁴⁷ ГОПАНО, ф. 3, оп.2, д. 416, л. 114–116.

⁴⁸ Первые три района находятся на севере области, последний — на юго-западе центра (хочу поблагодарить здесь Михаила Зеленова за помощь в географических вопросах).

увеличила производство колес, телег и другого сельскохозяйственного оборудования. Они также высказали пожелание, чтобы потребкооперация обеспечила продажу резиновой обуви и ватников для животноводов. Все выступления, касавшиеся сельского хозяйства, имели одну общую, поразившую нас черту: они недооценивали серьезность ситуации и совершенно не упоминали о последствиях недавнего прошлого и его влиянии на настоящее положение дел.

Но ведь Н.С. Хрущев в своем Закрытом докладе⁴⁹ говорил об ответственности Сталина в этой области: «Отрыв Сталина от жизни, незнание им действительного положения дел на местах можно наглядно показать на примере руководства сельским хозяйством». В выступлениях, которые мы читали, эта мысль практически нигде не воспроизводилась. В крайнем случае, говорилось о «ликвидации отставания сельского хозяйства *области* (курсив наш)⁵⁰», что не имело того же масштаба. К счастью, мы располагаем протоколом собрания Павловского партактива (города и района)⁵¹: некоторые из участников приехали из сельской местности, другие — из небольших городков (Павлово, Ворсма)⁵². Здесь «культ личности» упоминался несколько раз, но в очень общем смысле⁵³. Слово брали только руководящие работники различных уровней. Председатели колхозов выражали претензии к городу⁵⁴: «В разгар летних работ к нам с заводов города направляются люди, и, как правило, такие, значительная часть которых работает недобросовестно...» «Один завод из г. Дзержинска строил в колхозе силосное сооружение и парники, но это не сооружение, а чистый брак».

Председатель горсовета Ворсмы говорил о проблемах своего небольшого города⁵⁵: предприятия не ведут жилищное строительство или ведут недостаточно; не хватает стройматериалов и топлива; в магазинах «нет крупяных и кондитерских изделий». Такую же мрачную картину рисовал и секретарь Павловского горкома⁵⁶: заводы с преобладанием ручного труда показывают плохие результаты; себестоимость строительства высокая, несмотря на низкое качество; больше половины жилищного строительства за пятилетку (1951–1955) осуществлено в частном секторе. В двух выступлениях говорилось о практически неизвестном нам рабочем слое — промышленных металлургических артелях, изготавливавших товары повседневно спроса (ножи): тяжелая работа, пренебрежение безопасностью и гигиеной (отсутствие вентиляции), плохие условия жизни, вызывавшие легочные заболевания⁵⁷. Эти рабочие летом привлекались к сельскохозяйственным работам в колхозах. Местные коммунисты также были озабочены проблемой досуга: в Павлово имеется всего один кинотеатр; про-

---

⁴⁹ Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина... см. Указ. соч., С. 108. В резолюции XX съезда по докладу ЦК говорится о «запущенности ряда отраслей сельскохозяйственного производства...». См. XX съезд Коммунистической Партии Советского Союза, Указ. соч., т. 2, С. 418.

⁵⁰ ГОПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 416, л. 134.

⁵¹ Там же, ф. 1985, оп. 26, д. 136, л. 53–72.

⁵² Они расположены на юго-западе от Нижнего Новгорода.

⁵³ Мы знаем, что слушатели задавали вопросы первому секретарю обкома партии, но, к сожалению, не знаем, какие именно.

⁵⁴ Там же, л. 56–58. См. также другое выступление на тему «нет союза рабочих и крестьян», л. 64–65.

⁵⁵ Там же, л. 61–62.

⁵⁶ Там же, л. 66–70.

⁵⁷ Там же, л. 65–66.

летариату, особенно молодежи, негде «культурно»⁵⁸ проводить свободное время. «Отдельные из них заходят в ресторан, пьянствуют, отсюда нарушения общественного порядка, хулиганство и т.п.» Павловский комсомольский секретарь жаловался на то, что Дом культуры завода им. Сталина занимался только коммерцией и организовывал платные танцы в ущерб другим видам деятельности⁵⁹.

В целом, нам удалось показать, что в сельских партийных организациях тема «культы личности» представлена очень слабо. Мы видели, что и в Павлово дело обстояло именно так.

Возьмем в качестве примера другой маленький город — Бор, расположенного недалеко от Горького: ни одного упоминания о «культе личности». Разговор шел, в основном, о бытовых проблемах: жилье, городское обустройство, недостаточное снабжение в сельской местности, слабые места в образовательной и культурной работе в деревнях, перебой со снабжением хлебом рабочих торфяного предприятия⁶⁰. Те же материальные проблемы, что и в Дзержинском и Богородске, городах по соседству с Горьким: рабочий отмечал отсутствие вентиляции в столярной мастерской, что плохо сказывалось на производительности труда; в Богородске никак не могли закончить строительство жилого дома, так как облисполком не выделил средств; в Куйбышевском районе города Горького медицинские службы были в плохом состоянии, а в яслях все еще не хватало примерно 200 мест⁶¹. Мы присутствуем, однако, при попытках повернуть тему «культы личности» против руководителей всех уровней⁶²: механик депо станции Горький-сортiroвочная заявил, что «культ личности» «распространился и на низах» и обличал «начальников, которые требуют к себе уважения, каждый из них за безобидные замечания грозит понизить по работе, отобрать права и т.д.»; двое коммунистов Куйбышевского района (город Горький), «осуждая культ личности, резко критиковали председателя облпотребсоюза <...> за то, что он не терпит критики и замечаний, <...> попирает кооперативную демократию, отменяя единолично решения президиума правления». Они критиковали также раздутые штаты начальников и разбазаривание средств кооперативов, но самая резкая критика без сомнения исходила от работницы шорно-седельной фабрики (Богородск): «она слышала, что В.И. Ленин <...> остро выступил против проявления культа личности⁶³, не боялся прямо сказать правду <...> а почему проявилась боязнь у членов Политбюро <...> по отношению к Сталину. Культ личности <...> распространился даже и в низах — на производстве, где всегда можно слышать от начальников и мастеров такие слова «мой участок», «мой цех», «мой рабочие», «я хозяин, что захочу, то сделай» и т.д.»

Нам кажется, что здесь мы присутствуем при истинной попытке высказаться⁶⁴, выдвинуть требования, пользуясь лозунгом, запущенным властями. Но лозунг вос-

---

⁵⁸ Там же, л. 58.

⁵⁹ Там же, л. 61.

⁶⁰ ГОПАНО, ф. 3, оп.2, д. 416, л. 124–125.

⁶¹ Там же, л. 105–106.

⁶² Там же, л. 107.

⁶³ Ссылка на начало Закрытого доклада Хрущева, напоминающего о неодобрении «классиками марксизма-ленинизма» культа личности. См. Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина..., С. 52–53.

⁶⁴ Об индивидуальном высказывании как историческом событии см. Farge. Указ. соч. Р. 23, 86, 154, 173 и 190.

принимали не только рабочие — так, директор завода «Красный якорь» объяснял, что «культ личности портит людей <...>, порождает безответственность за порученное дело», а затем критиковал одного из своих коллег⁶⁵. Его слова перекликались со строками Закрытого доклада, где коротко говорилось о том, какую бюрократизацию повлек за собой культ личности Сталина⁶⁶. Подобным же образом секретарь парткома управления Горьковской железной дороги хоть и не называл никаких фамилий, все же позволил себе, потребовать уменьшения бюрократического аппарата и перевода лишних работников «на производство»: меры в этом направлении были разработаны еще в 1954 г., но два года спустя все еще не были проведены в жизнь⁶⁷. В официальном докладе на XX съезде Н.С. Хрущев действительно призывал продолжить сокращение административных кадров, начатое в 1954–1955 гг., и перевести освободившийся персонал на заводы, в шахты, в колхозы и т.д.⁶⁸ Руководящие партийные и хозяйственные работники Кировского района (Горький) обвинялись в том, что мало общались с рабочими, не прислушивались к их мнениям и медленно реагировали на их критику. Слесарь-коммунист завода «Красная Этна» упрекал их в том, что они давали согласие на изготовление фальсифицированных производственных отчетов; секретарь территориальной парторганизации поднял вопрос о безнаказанности партийно-государственных кадров, которые вынуждают нарушать закон, и назвал имена виновных в этом в самом Горьком⁶⁹. В Ждановском районе областной столицы обвинения подвергся председатель горисполкома за то, что пренебрегал жалобами рабочих и слишком редко показывался на предприятиях. На том же собрании напоминалось о том, что депутаты Верховного Совета СССР и РСФСР должны регулярно отчитываться перед избирателями о своей работе. Эти «антибюрократические настроения» нашли свое выражение и в сельской местности — мы уже цитировали выше, например, в Залесном районе выступавшие жаловались на то, что местные начальники-коммунисты плохо знают обстановку в колхозах; в других случаях звучали упреки, что они редко разговаривают с простыми крестьянами⁷⁰. Во всех этих случаях «культ личности» вообще не упоминался — однако это не уменьшает важности того факта, что критика руководящих работников происходила в ходе обсуждения итогов XX съезда, где Хрущев обрушился на бюрократов, процитировав сатирическое стихотворение Маяковского⁷¹. Разумеется, как показывает история СССР при Сталине, эти «антибюрократические» сюжеты неоднозначны: они могут выражать реальный протест низов, но также служить орудием во внутренней бюрократической борьбе⁷². Во всяком случае, критикуя бюрократов, нельзя было переходить определенные границы — об этом напоминала секретная резолюция ЦК (от 3 апреля), озаглавленная «О враждебных вылазках на собраниях парторганизации

⁶⁵ ГОПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 416, л. 107..

⁶⁶ Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина..., см. Указ. соч., С. 108.

⁶⁷ ГОПАНО, ф. 3, оп.2, д. 416, л. 105–106.

⁶⁸ XX съезд Коммунистической Партии Советского Союза, Указ. соч, т. 1, С. 92.

⁶⁹ ГОПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 416, л. 114.

⁷⁰ Там же, л. 135..

⁷¹ XX съезд Коммунистической Партии Советского Союза, Указ. соч, т. 1, С. 45–46.

⁷² Примеры напряженности в хозяйственной бюрократии можно найти в ГОПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 416, л. 133–134.

теплотехнической лаборатории Академии Наук СССР по итогам XX съезда КПСС»⁷³. Имелось в виду собрание в Дубне, проходившее 23 и 26 марта, где выступления носили «подрывной» характер⁷⁴. «Мы говорим о силе партии и власти народа, ее не было и нет. Мы со Сталиным пошли бы к фашизму... Мы и сейчас повторяем культ личности, возвеличивая Хрущева, его доклад о культе «с умом» не обсуждали на съезде... Хрущев навалил нам великую кучку всяких фактов, а нам надо разбираться, почему это не сделали на съезде» (Г.И. Щедрин, техник) «Народ бессилён, поэтому удалось небольшой группе людей установить свою диктатуру... Самой радикальной мерой изжития вредных явлений в нашей жизни может быть вооружение народа...» (Р.Г. Авалов, научный работник). Однако в центре обсуждения оказалось выступление молодого физика Юрия Орлова: «Наша страна социалистическая, но недемократическая. Неправильно делаем, когда сравниваем социализм с капитализмом, тогда почему не сравнивать с рабовладельческим строем... У нас такое положение, когда собственность принадлежит народу, а власть — какой-то кучке прохвостов... Наша партия пронизана духом рабства. Большинство членов партии приспособляются, так получилось и на XX съезде... Заседания Верховного Совета производят жалкое впечатление. Смешно сказать, что доклад т. Хрущева о культе личности не обсуждался на съезде. В основном в нашей партии все осталось по-прежнему: старый дух подхалимства, наш государственный и партийный аппарат завален такими людьми. Пресса состоит из проходимцев и приспособленцев. В лице госбезопасности мы вырастили такого ребенка, который бьет нас по морде».

Однако несмотря на усилия президиума, резолюция, осуждающая эти заявления, получила всего на два голоса больше, чем другой ее вариант, поддерживавший их. Это было недопустимо, и партийная организация теплотехнической лаборатории была распущена — мера исключительная, в оправдание которой были приведены следующие причины⁷⁵: (коммунисты лаборатории) «порочили демократический характер советского строя, восхваляли фальшивые свободы капиталистических государств, ратовали за распространение в нашей стране враждебной буржуазной идеологии». Резолюция от 3 апреля рекомендовала исключить Орлова и его товарищей из партии, что и было сделано⁷⁶, и в будущем проводить обсуждение итогов X съезда, не допуская подобных «враждебных вылазок». Это решение было опубликовано 5 апреля в «Правде», разоблачившей Авалова, Орлова, Щедрина и некоего Нестерова⁷⁷. ЦК направил эту резолюцию в провинцию с тем, чтобы организовать закрытые партсобрания на эту тему⁷⁸. Именно поэтому среди коммунистов Горького было проведено чтение трех статей из «Правды»⁷⁹: двух передовых и перевода документа Китайской компартии, озаглавленного «Об опыте диктатуры пролетариата» из

⁷³ Барсуков Н.А. Указ. соч. см. прим. 8, С. 135.

⁷⁴ Аксиутин Ю. Указ. соч. С. 175–176; Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 131–132.

⁷⁵ Зезина Указ. соч. см. прим. 8, С. 130.

⁷⁶ Других членов партии заставили перерегистрироваться, а начальника политотдела лаборатории сняли с работы.

⁷⁷ Правда, от 5 апреля, С. 3.

⁷⁸ Барсуков Н.А. Указ. соч. С. 135.

⁷⁹ От 28 марта, С. 2–3; от 5 апреля, С. 2–3; от 7 апреля, С. 2–4.

«Народной газеты». Судя по документу, слова попросили семь человек⁸⁰. Вот что отмечал рабочий швейной фабрики № 2 Артемов: «даже нам, рядовым коммунистам, было заметно, что в последние годы своей жизни И.В.Сталин очень уж поощрял культ личности, чем нанес партии и стране значительный ущерб». Он выразил согласие с «борьбой против культа личности для того, чтобы быстрее ликвидировать его последствия». Небезынтересно отметить также выступление Румянцевой, секретаря парторганизации того же предприятия: китайская статья вызвала у коммунистов «большой интерес»; в ней «правдиво и доходчиво дается положительная деятельность И.В. Сталина в годы после смерти В.И. Ленина и вскрывает (sic) его ошибки в последние годы своей (sic) жизни». Коровин, начальник цеха швейной фабрики № 7, как и Артемов, одобрили официальную линию партии. Другие выступления гораздо более агрессивны. Вот что говорил работник профсоюзного комитета о недовольных: «Мы обязаны поднять политическую бдительность и давать решительный отпор таким людям, как Авалов, Орлов, Нестеров, Щедрин и подобным им, которые пытаются использовать внутрпартийную демократию для выступления с клеветой на нашу партию». Столь же суровы и три преподавателя, выступивших после него. Для Кузнецова, проректора Государственного университета, всякий, кто осмеливается сомневаться в справедливости политики властей «или еще хуже считать нашу демократию менее совершенной, чем американская демократия, тот не достоин звания члена нашей коммунистической партии». С точки зрения замдиректора Педагогического института Ермакова, XX съезд не является «термидорианским переворотом»: тот, кто считает его решения «недостаточно демократичными», «тому не место в рядах КПСС». Эти люди — «распоясавшиеся невежды или даже прямые враги нашей родины». А Зайцев, преподаватель истории партии в медицинском институте, требовал не только осуждения антипартийных выступлений Авалова, Нестерова, Щедрина и других, но и «исключения их из рядов нашей партии» и без каких-либо изменений повторял в их адрес фразу из статьи в «Правде» за 5 апреля⁸¹. Это собрание вполне ясно предупредило, какой риск брали на себя те, кто хотел идти в критике Сталина дальше властей. Однако при ознакомлении с отчетом об «иконоборчестве», посланным обкомом партии в Москву⁸², создается впечатление, что отношение руководителей к этому вопросу несколько неопределенно. Во время собраний актива «многие коммунисты» спрашивали у докладчиков, следует ли убирать портреты и статуи Сталина; им отвечали, что они могут сами решать, убирать или оставлять изображения вождя; чтобы успокоить аудиторию, докладчики говорили даже, что за «иконоборчество» не будет никаких преследований⁸³. Автор добавлял, что «никаких других указаний по этому вопросу ни обком, ни горком, ни райком партии никому не давали». вполне возможно, что Москва не дала никаких четких указаний по этому поводу, потому что на верхуш-

⁸⁰ ГОПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 416, л. 139–141.

⁸¹ Примеры напряженности в хозяйственной бюрократии можно найти в ГОПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 416, л. 133–134. С. 3.

⁸² Скорее всего этот отчет был составлен в первой половине апреля 1956 г. Он был предназначен для ЦК КПСС (Отдел партийных органов по РСФСР).

⁸³ Это подтверждает замечание Полли Джонс о роли страха, см. Указ. соч. 3. 132. Термин «иконоборчество» мы заимствовали у этой английской исследовательницы.

ке власти мнения разделились. Судя по тому же тексту, «стихийное иконоборчество» в общественных местах было очень ограниченным⁸⁴ — приводятся лишь два случая: «В средней школе № 1 г. Горького и в Шахунской средней школе⁸⁵, прослушав доклад т. Хрущева о культе личности и его последствиях, работники школ тут же сняли все портреты и убрали бюсты и барельефы И.В. Сталина». Автор отмечал также случаи повреждения статуй Сталина (отбитые руки) молодежью, но не приписывал этим акциям никакого политического значения, объясняя эти действия «хулиганскими побуждениями».

До сих пор мы в основном цитировали выступления на собраниях мужчин или — реже — женщин, имена и профессии которых мы знали: тем самым речь идет об индивидуальных выступлениях, отфильтрованных системой⁸⁶. Но в СССР существовала традиция после выступления задавать докладчикам вопросы: их писали на клочках бумаги и отправляли в президиум. Вероятнее всего, они были анонимными, что объясняет гораздо более свободный тон вопросов: для историка это большая удача, так как у него создается впечатление (впрочем, возможно, и ошибочное), что он «имеет дело с живым словом»⁸⁷, но есть у этого явления и обратная сторона, а именно — мы не знаем кто были авторы записок. Кроме того, сегодня эти записки иногда трудно интерпретировать: некоторые вопросы ясно показывают ход мыслей их авторов, но это не всегда так. Члены партии, прежде всего, хотели узнать, как проходил XX съезд⁸⁸: «Обсуждался ли доклад т. Хрущева о культе личности? Если да, кто выступал по этому вопросу?» «Были ли представители компартий других стран на закрытом заседании съезда 25/II?» Другие просят уточнить содержание Закрытого доклада: «Тов. Хрущев на XX партсъезде говорил, что формированию культа личности способствовали двурушники⁸⁹ <...> и аллилуйщики. Кого это тов. Хрущев подразумевал, может быть, некоторых литераторов, художников, композиторов, так усердно прославляющих мнимое величие Сталина». Критика Сталина в принципе вызывает вопросы: для Хрущева «опорочить» Сталина — не есть ли то же самое, что «опорочить» самого себя? Впрочем, замечает другой слушатель, руководители сам себе противоречат: «На первом заседании делегаты почтили память Сталина вставанием. Как это сочетается с докладом т. Хрущева о культе личности?» Удивляет и широкое, вопреки обыкновению, распространение доклада, прочитанного на закрытом заседании: «Как объяснить такое широкое обнародование доклада т. Хрущева «О культе личности?» Некоторые пытаются оценить практические последствия XX съезда: «Почему в некоторых учреждениях снимают портреты Сталина, разве он вычеркнут из числа видных деятелей?» «Можно ли сейчас снимать портреты <...> Сталина и все уничтожить и сжигать, за его варварство? Не будут ли за это привлекать к ответственности?» «Можно ли пользоваться учебником «Краткий курс истории партии?»»

⁸⁴ ГОПАНО, ф. 3, оп.2, д. 416, л. 142.

⁸⁵ Город Шахунья находится на северо-востоке Нижегородской области.

⁸⁶ Farge A. Указ. соч. P. 158.

⁸⁷ Там же, P. 159.

⁸⁸ ГОПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 416, л. 109–110, 137–138.

⁸⁹ «Двурушники» — типично сталинский эпитет, использовавшийся в эпоху Большого террора, который не встречается в докладе Хрущева. См. Доклад..., Указ. соч., С. 108.

Многих беспокоит, что ценности, до недавнего времени пользовавшиеся уважением в обществе, рискуют подвергнуться пересмотру⁹⁰: «Как быть с значками лауреатов Сталинских премий, с медалями «За победу над Германией», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне и другими?»

Хрущев хорошо понимал опасность критики Сталина и боялся, что народ потребует отчета у сталинского окружения, то есть у него. Поэтому в Закрытом докладе он подчеркивал, что члены Политбюро не могли ничего предпринять против Сталина⁹¹. По-видимому, этот тезис наткнулся на определенный скептицизм, поскольку коммунисты все время задавали следующие вопросы: «Как реагировали члены Политбюро ЦК на деятельность Сталина в последние годы его деятельности, как в войну, так и перед войной, начиная с XVII съезда партии? Были ли попытки с их стороны вернуть коллегиальность в работе ЦК партии, а также поправить Сталина, а если же этого не делалось, то почему?» «Маленков был ближе к Сталину, чем другие, как он себя вел в период массовых репрессий, выступал ли он на закрытом заседании?» Коммунисты пытались таким образом найти объяснение тому, что случилось с их страной. Поэтому их интересовало не только ближайшее окружение Сталина. Они задавали и другие вопросы о прошедших событиях: «Кто пострадал из военных специалистов от репрессий Сталина? Кого имел в виду В.И. Ленин на должность генсека вместо Сталина?» Простое напоминание о фактах ставило под сомнение официальные тезисы: «Кто руководил страной до 1953 года, Сталин или Коммунистическая партия? Если партия, почему она допустила издевательство над народом?» Разумеется, невозможно было избежать ярлыков, часто употреблявшихся при Сталине: «Как Сталина считать по отношению к Родине, как враг народа или еще как?»

Знакомство с Закрытым докладом вызывало также критику деятельности Хрущева: «Почему съезд не сделал никаких выводов из злоупотреблений Сталина партийной, советской и военной властью и какие пути исправления его злоупотреблений принимаются, пока еще мне кажется они недостаточны». Снова ставятся под сомнение партийные руководители: «Сколько рабочих избрано в состав ЦК КПСС?» Осуждается их оппортунизм: «Тов. Некрасов, не вы ли, отчитываясь о XIX съезде, говорили о своих личных впечатлениях о деятельности Сталина, о его кипучей энергии. Сами подхалимничали. Не похвалите ли сейчас Хрущева?...» Их роль при Сталине вызвала довольно щекотливые этические и политические вопросы: «Как быть с теми, кто по указанию Сталина бил людей, пытал их и истязал? Ведь многие из них сейчас преблагополучно получают за это солидные пенсии и давно получили ордена за побои, звания за умелое «разоблачение». Два вопроса ясно показывали эгалитаристские устремления, верные духу Октября: «При жизни В.И.Ленина, по его предложению, был введен партмаксимум в оплате труда и это способствовало сближению руководителей с массами, а теперь, при приближении к коммунизму, разница в оплате труда сильно возросла. Не пора ли навести в этом деле соответствующий порядок?» «Как увязываются с ленинским принципом оплаты труда высокие оклады министров, крупных партийных и хозяйственных руководителей, пакеты депутатов?»

⁹⁰ ГОПАНО, ф. 3, оп.2, д. 416, л. 108.

⁹¹ Доклад Н.С. Хрущева о культуре личности Сталина..., см. Указ. соч., С. 95 и 112–115.

Не мешает ли это решению крупных вопросов, не является ли это одним из способов зажима критики?»⁹²

Полли Джонс выделила следующие пять тематических пунктов в откликах на доклад⁹³: 1) Закрытый доклад не отличался ясностью, тем самым дезориентировал и сбил с толка советских людей, реакция которых приняла различные формы; чаще всего народ требовал разъяснений; 2) сталинская идея черно-белого разделения на героев и врагов глубоко укоренилась в сознании людей — вчерашний вождь становится «вредителем» и «врагом народа»; 3) попытка дать новый отрицательный образ Сталина подверглась нападкам, часто злобным, со стороны тех, кто ссылаясь на его военные заслуги; 4) часть интеллигенции полагала, что Хрущев не довел критику Сталина до конца и удовлетворился «дьяволизацией» его образа, отказываясь признать ответственность партии; 5) десталинизация провалилась: Хрущеву пришлось отказаться от большей части своей критики Сталина, в основном из страха перед расколом.

Наши исследования в партархиве Нижнего Новгорода подтверждают разнообразие реакций на Закрытый доклад и желание получить разъяснения по его содержанию. Но нам кажется, что не следует преувеличивать значение черно-белого подхода: если попытки защиты Сталина и имелись, то они вовсе не были частыми, хотя, возможно, это зависит от выбора источников: мы вообще не использовали анонимные письма⁹⁴. Не следует забывать, что в это время апология диктатора шла в разрез с официальной линией и, поэтому происходила, хотя бы частично, не в публичной сфере. Тем не менее, ни один из вопросов, заданных во время собраний, не продемонстрировал явного желания реабилитировать Сталина. Что же касается отношения интеллигенции, наших источников недостаточно для какого-либо заключения. Мы не знаем, провалилась ли десталинизация в масштабах страны, но в Нижнем Новгороде она в большой степени осталась под контролем властей, которым удалось удержать ее в заданных рамках.

Вообще нам кажется, что не следует преувеличивать широту дискуссии вокруг «культ личности» — это становится совершенно ясно при чтении текстов, исходящих от заводских парторганизаций (автозавод, верфь «Красное Сормово»)⁹⁵. Тот факт, что обсуждение «культ личности» было достаточно ограниченным и что чаще всего звучали обвинения местных руководителей, подтверждают три типа документов. К первому относятся «критические замечания», высказанные по ходу обсуждений, посвященных итогам XX съезда⁹⁶: «культ личности» открыто упоминался всего один раз. Зато местные руководители снова оказались на скамье подсудимых⁹⁷: «на собрании сказано, что XX съезд большое внимание уделяет материально-бытовым условиям трудящихся, а Куйбышевский РК КПСС и Райисполком этой заботы проявляют мало». Второй тип документов — это материалы районного отдела агитпропа. Его руководи-

⁹² ГОПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 416, л. 109–110, 137–138.

⁹³ Jones P. Указ. соч. P. 130–136.

⁹⁴ За этот период в архивах Нижнего Новгорода не сохранилось писем, адресованных в газеты.

⁹⁵ ГОПАНО, ф. 39, оп. 6, д. 350, л. 1–2; ф. 1244, оп. 12, д. 185, л. 13–14, 16–17; л. 18–23, 24–26, 32–37, 43–44, 45–48; 15–16, 27–29, 53, 38–39.

⁹⁶ ГОПАНО, ф. 30, оп. 11, д. 207, л. 76–77, 80–81, 84–85.

⁹⁷ Там же, л. 77, 81, 84.

тель подводил итоги «агитационно-массовой работы по разъяснению трудящимся решений XX съезда КПСС»⁹⁸. В отчете много говорится о положении дел в сельском хозяйстве и ничего — о Сталине. В этих же материалах содержится ориентировочный план занятий по XX съезду, предназначенный для политшкол, кружков, семинаров и вечерних школ — в нем нет ни одной темы, связанной с «культом личности»; однако второй документ, предлагавший примерную тематику лекций, докладов и бесед по тому же съезду несколько раз упоминал критику Сталина⁹⁹. Другое досье агитпропа касалось местной прессы, в нем содержались, в том числе, девять отчетов¹⁰⁰, каждый из которых представлял собой критический обзор печатного органа какого-либо предприятия. Разумеется, их чтение не заменяло исчерпывающего анализа самих газет, но оно создавало впечатление, что их содержание было преимущественно ориентировано на жизнь предприятия или треста: поразительно, но знаменитый доклад Хрущева, за одним исключением¹⁰¹, и XX съезд там не упоминаются. Можно подумать, что парткомы, бдительно следившие за местной прессой, сознательно держали рабочих исключительно в рамках узко производственных интересов. Третий тип документов освещал результаты внутренних выборов в КПСС, проходивших осенью 1956 г.¹⁰²: голосование, по крайней мере, в некоторых случаях, было закрытым. В Горьком примерно треть присутствовавших членов партии попросила слова, что представляет собой очень повышенную, по сравнению с обычной, пропорцию¹⁰³. В их выступлениях все время повторялась одна и та же тема: обвинения по адресу мелких руководителей партии и предприятия, отрезанных от масс и глухих к их жалобам¹⁰⁴. Грубость по отношению к рабочим занимала важное место среди жалоб: говорилось даже, что они «не по-человечески к трудовым людям относятся», что для них характерно «грубое — издевательское отношение к рабочим и мастерам, доходившее до оскорблений»¹⁰⁵.

Каковы же результаты этих выборов? Источники дают нам лишь частичную информацию о тех, кого не избрали: в Горьком — 80 партийных и хозяйственных работников. Сама по себе эта цифра еще ни о чем не говорит, мы знаем только, что после этих выборов «пришло много новых товарищей»¹⁰⁶. В Канавинском районе не избрали семь человек (директор завода, начальник вокзала и т.д.), из них троих — за грубость. На автозаводе то же самое произошло даже с начальником кузнечного корпуса¹⁰⁷ Шепелевым и секретарем парторганизации Зайцевым: им поставили в вину неумение бороться с нарушениями производственной дисциплины. Однако критические замечания на этом не закончились¹⁰⁸: «Партийное бюро не занималось воп-

---

⁹⁸ Там же, ф. 3, оп. 2, д. 427, л. 87–93.

⁹⁹ Там же, л. 96.

¹⁰⁰ Там же, д. 434, л. 99–107, 114–136, 140–144.

¹⁰¹ Там же, л. 134.

¹⁰² Там же, ф.30, оп.11, д. 207, л. 107–131.

¹⁰³ Там же, л. 107. Советский район города сигнализирует однако о «невысокой явке коммунистов» на собрания, см. л. 118.

¹⁰⁴ Там же, л. 111–112.

¹⁰⁵ Там же, л. 112, 115, 119, 121, 124, 129 (грубость к командному коллективу), л. 112, 130.

¹⁰⁶ Там же, л.114.

¹⁰⁷ В корпусе находилось несколько цехов.

¹⁰⁸ Там же, л. 120–121. Другие примеры см. л. 121–123, 125.

росами планирования заработной платы рабочих, которая по заявлению членов КПСС тт. Лапина, Назаркина, Молова ежегодно снижалась и за счет этого по корпусу была достигнута большая экономия, в то время как имеют место убытки больше <...> от брака». «Тов. Шепелев, Зайцев оторвались от рабочих, бездушно относятся к ним, не вникают в их нужды, даже не реагируют на жалобы, из-за плохих условий труда и быта большая текучесть кадров, особенно молодых». В цехе завода им. Сталина (Горький) коммунисты не рекомендовали к переизбранию ни одного члена бывшего партбюро¹⁰⁹. Нам хотелось бы знать действительные масштабы этой «мягкой чистки», но их трудно оценить: надо было бы сравнивать эти выборы с предыдущими. Мы не располагаем информацией, которая позволила бы понять влияние этих неизбранных на авторитет руководителей предприятия, но, как бы там ни было, частоту подобных фактов скорее всего не следует преувеличивать¹¹⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что нам дают архивы Нижнего Новгорода, обзор которых мы провели в настоящей работе? Прежде всего, они позволяют нам взглянуть на каждодневную жизнь и постоянные сбои в функционировании советской системы: дефицит, перебои планирования, напряженные отношения между представителями бюрократии и т.д.; с этой точки зрения они подтверждают то, что нам уже известно, и могут заинтересовать специалистов по экономической и социальной истории. Кроме того, они позволяют взять прямо из жизни примеры господства местных государственно-партийных кадров в их взаимодействии с населением¹¹¹; асимметрия властных отношений особенно отчетливо проявлялась в деревне. Господство партии и государства очевидно в тенденции монополизировать выступления на собраниях, так что компартия становится прежде всего рупором жалоб и требований руководящих кадров¹¹². Архивы следует изучать, исходя из реальности: правила функционирования КПСС отфильтровывают голоса массы. Российские историки, с работами которых мы познакомились, слишком часто игнорируют этот факт и довольствуются цитированием критических замечаний, вырванных из контекста, будто бы таким образом мы можем услышать истинный «глас народа». На самом деле он прорывается лишь иногда; имеет смысл говорить не о несуществующем «общественном мнении», но скорее о «настроениях» или мнениях по поводу...

Кратковременное эхо XX съезда было реальным, но ограниченным¹¹³ — по-другому и не могло быть после 25 лет сталинского правления, характеризовавшегося

---

¹⁰⁹ Там же, л. 124.

¹¹⁰ См. Там же, л. 117, для Советского района. О выборах в парткомы на уровне районов и городов (конец ноября-декабрь 1956 г.), см. *Аксютин Ю. и Пыжиков А.* Указ. соч. С. 137: в некоторых случаях кандидатов было больше, чем мест, в результате чего не было избраны местные руководители; это встревожило руководство КПСС.

¹¹¹ О «господстве как социальной практике», см. *Herrschaft und Eigen-Sinn in der Diktatur. Studien zur Gesellschaftsgeschichte der DDR / Ed. by T. Lindenberger.* Köln. 1999. P. 21–23.

¹¹² См., например, случай Павлова, где они требуют административной реформы, состоящей в слиянии парткомов района и города; это требование фигурирует в принятой резолюции: ГОПАНО, ф. 1985, оп. 26, д. 136, л. 57–58, 60, 62, 64, 72.

¹¹³ По воспоминаниям М.С.Горбачева, в сельском Ставропольском районе «тема «культы» находила среди некоторых живой отклик», особенно среди молодежи, в интеллигентской среде и у людей, затронутых сталинскими репрессиями. См. его мемуары *Жизнь и реформы.* Кн. 1. М. 1995, С. 84.

уничтожением политики. Мы видели, что во время собраний многие выступления ограничивались хозяйственными или техническими вопросами и даже не упоминали Закрытый доклад Хрущева. Если же тема «культы личности» и упоминалась, то в связи с местными заботами: его критика служила для обвинения власть предержащих: руководителей предприятия или партийных работников¹¹⁴. Обвинения в адрес начальства со стороны «масс» не были новостью: кампании «самокритики» 1928–1929 гг. и 1936–1937 гг. породили похожие результаты. Обличая «грубость» и «издевательства»¹¹⁵, «низь» отстаивали свое достоинство. Подобные протесты против «грубости» уже звучали в Нижнем Новгороде в 1928–1930 гг.¹¹⁶ Они имели свою историю: еще с конца XIX века бастующие рабочие очень часто требовали, чтобы работодатели обращались с ними вежливо¹¹⁷. В 1912 г., когда после нескольких спокойных лет, вызванных провалом революции 1905 г., рабочее движение возобновилось, среди выдвинутых требований заметное место занимало требование, чтобы мастера перестали «тыкать» рабочим (тем самым подчеркивая их приниженное положение), а обращались к ним на «вы», как полагается в «культурном» обществе; помимо этого, они требовали увольнения начальников, обвиненных в грубости поведения или выражений¹¹⁸. Во время революции 1917 г. — те же требования, чтобы «начальство было вежливее с рабочими»; солдаты тоже, помимо всего прочего, жаловались на «грубый язык» офицеров¹¹⁹. Эта забота о достоинстве и внимание к вопросам морали составляют постоянную черту русской народной ментальности в XX веке¹²⁰.

Перевод с фр. А. В. Звонкина

---

¹¹⁴ Об оппозиции между простыми гражданами и начальниками в Ленинграде в 30 х гг. см. *Davies S. Us against Them: Social Identity in Soviet Russia, 1934–1941 // The Russian Review. 1997. Vol. 56. № 1. P. 71–72 и 79.*

¹¹⁵ Там же, р. 80–81, 83–84.

¹¹⁶ *Денпетто Ж.-П.* Рабочие региона и советская власть (1928–1932) // *Общество и власть. Российская провинция. Т.2. 1930 — июнь 1941.* Отв. ред. А.А. Кулаков, А.Н. Сахаров. Москва-Нижний Новгород. 2005. С. 676–677.

¹¹⁷ *Steinberg M.D.* *Voices of Revolution, 1917.* New Haven. 2001. P. 23; *Haimson L.H.* *The Problem of Social Identities in Early Twentieth Century Russia // Slavic Review. 1988. Vol. 47. № 1. P. 8.*

¹¹⁸ *Haimson L.H.* *Russia's Revolutionary Experience, 1905–1917.* New York. 2005. P. 117, 152, 178–180, 184, 190, 207–208, 214 и 223.

¹¹⁹ *Ferro M.* *La Révolution de 1917: la chute du tsarisme et les origines d'octobre.* Paris. 1967. P. 172 (требования рабочего класса) и P. 199 (чаяния солдат).

¹²⁰ Мы никоим образом не хотим сказать, что забота о собственном достоинстве есть специфически русская черта: например, она играла важную роль во французском рабочем движении до 1914 г.

АФРИКАНСКИЕ СТУДЕНТЫ В СССР. УЧЁБА И ПОЛИТИКА ВО ВРЕМЯ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ, 1960-Е ГОДЫ

К. КАТСАКИОРИС

«Поздравляю русских с гигантскими достижениями в науке и выражаю восхищение вашему отважнейшему человеку — Гагарину, который, рискуя собственной жизнью, во имя всего человечества добился такого великого успеха. Позволю себе повторить: он — великий человек. Несколько лет назад мы, африканцы, живя под колониальной властью, даже не знали о существовании такой высокоразвитой страны — России, и наши колонизаторы несут всю ответственность за наше положение. Слава Богу, мы полюбили русских, которые прекрасно знают людей. Мой отец намеревался послать меня в Америку для продолжения образования, но когда в статье в одной из русских газет я прочитал, что существуют стипендии для африканцев, я вскоре отклонил решение отца и подал заявление на обучение в великом университете, носящем имя великого африканского руководителя, недавно скончавшегося Патриса Лумумбы. Я много узнал о наших империалистических колонизаторах, а теперь я решил узнать многое и о русских»¹.

«Я хочу стать навеки безупречно преданным коммунистом. И для того чтобы глубже узнать эту партию, я прошу Вас, 2-н Генеральный секретарь, принять меня в ряды студентов вверенного Вам университета. Если бы Вы могли принять меня, я был бы бесконечно благодарен и постарался бы привлечь на Вашу сторону, по крайней мере, половину Черной Африки, и в особенности моих друзей в Дагомее»².

В начале 1960-х гг. получение высшего образования в Советском Союзе или в другой зарубежной стране было мечтой для многих молодых африканцев. Они были лишены этой возможности в эпоху колониальной зависимости, но их шансы выросли в годы национально-освободительного движения и позднее, когда западным странам пришлось увеличить число стипендий, чтобы сохранить свое влияние на континенте и создать противовес влиянию социалистических стран. Последние стали

---

¹ Письмо молодого жителя Ганы с заявкой на стипендию, 3.05.1961 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9576 (Союз советских обществ дружбы с зарубежными странами (ССОД)). Оп. 14. Д. 4. Л. 161.

² Письмо молодого жителя Дагомеи с заявкой на стипендию, 7.08.1961 г. // Там же. Д. 8. Л. 109.

развивать свою собственную культурную дипломатию и учебные обмены с постколониальной Африкой. В этих условиях объявление в 1960 г. Никитой Хрущевым открытия Университета Дружбы Народов (УДН), задачей которого было давать образование студентам из Африки, Азии и Латинской Америки, породило большие надежды у африканской молодежи. Советская ассоциация дружбы с народами Африки, основанная в 1959 г. и ставшая одним из учредителей и членов Совета Университета, каждый год получала две-три тысячи писем от африканцев, большинство из которых не скрывало своего намерения пройти обучение, или стажировку в одном из советских образовательных учреждений³. В своих письмах африканские друзья Советского Союза постоянно выражали свой энтузиазм по поводу значительных научных достижений страны, благодарность за политическую поддержку в борьбе против западного империализма, в них при этом звучит восхищение тем, что, по их мнению, являлось коммунизмом, советскими системой и обществом.

Прибытие африканских студентов в Советский Союз стало одной из важнейших составляющих советско-африканских отношений в том виде, в котором они окончательно сложились в течение шестидесятих годов. В данной работе я попытаюсь сначала поместить эволюцию советско-африканских учебных обменов в исторический контекст деколонизации и обязательств Советского Союза в отношении афро-азиатских стран. Это позволит уяснить, какие важнейшие политические и идеологические цели и задачи Москва ставила перед этим академическим и научным сотрудничеством, а также проследить, какое сопротивление встретила советская культурная политика со стороны государств-партнеров. Далее, перейду в своем анализе от межгосударственного уровня к уровню студентов и стажеров, которые получили образование в советских вузах и техникумах. Рассматривая, как они учились, какой приобретали опыт, какой социально-политической деятельностью занимались, я попытаюсь выяснить, как эволюционировали политические идеи, как студенты самоопределялись по отношению к политике СССР, стран Запада и африканских государств. Таким образом, постараюсь сделать определенные выводы относительно влияния обучения в Советском Союзе на первое африканское постколониальное поколение (а это влияние нередко не совпадало с тем, какие надежды и опасения первоначально связывали с ним государства-участники процесса), и, наконец, разобраться, какую пользу, в целом, принесло советско-африканское партнерство как самим студентам и студенческому движению, так и африканским «суверенным» государствам.

ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ И ЗАДАЧИ СОВЕТСКО-АФРИКАНСКОГО КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Деколонизация большей части Африки открыла новые возможности для развития советско-африканских отношений. Советский Союз пришел на африканский континент, чтобы расстроить отношения «Север-Юг» — отношения между бывшими колониями и метрополиями — и заменить их отношениями «Восток-Юг». Иначе говоря — вывести африканские страны из-под опеки западных стран и вовлечь их в

---

³ Справки и отчеты сектора корреспонденции СОДа // Там же. Оп. 1. Д. 397. Л. 89–92; Д. 398. Л. 1–7; Д. 402. Л. 1–5; Д. 405. Л.13–16; Д. 480. Л. 42–45 (значительная часть этой переписки находится в описи 14 того же фонда).

сферу влияния советского блока. СССР взял на себя эту большую и непростую задачу в тех исторических условиях, когда конференция в Бандунге 1955 г., образование Африканско-азиатского Движения (1955–1958 гг.), Суэцкий кризис 1956 г. и, конечно, деколонизация Африки внушали убеждение в том, что верховенство Запада стало рушиться. Считалось, что поддержка со стороны Советского Союза и других социалистических стран не только ускорит это крушение, но и наложит свой отпечаток на рождающийся новый мир, распространяя советскую модель социализма в «суверенных» постколониальных государствах.

Программы учебных обменов и подготовки кадров для африканских государств стали важнейшей составной частью африканской политики Советского Союза. С одной стороны, эта политика отвечала настоятельной необходимости постколониальных государств сделать свои административные и образовательные системы «более африканскими» или «более арабскими». Советская политика, тем самым, внесла значительный вклад в реконструкцию этих систем. С другой стороны, она оказалась очень эффективным способом воспитывать первое постколониальное поколение и насаждать посредством такого воспитания идеологию и научную парадигму марксизма-ленинизма.

Подразумевалось, что студенты, которые изучают марксистскую философию, общественные, экономические и политические науки в рамках советской парадигмы, если и не примут марксистско-ленинскую идеологию, то станут специалистами, которые впоследствии будут применять в своих профессиональных областях — будь то экономическое планирование или международные отношения — теорию и методы советской науки. Обучение кадров с опорой на теорию и методологию «научного социализма» составляло необходимое условие для того, чтобы постколониальные страны могли встать на путь социалистического, или — как тогда выражались — некапиталистического развития. Установление постоянных связей между новыми африканскими элитами и академическим истеблишментом Советского Союза посредством организации коллоквиумов и семинаров, обмена литературой и контактов между африканскими специалистами и советскими научными институтами также были неотъемлемыми элементами кадрового обеспечения и необходимыми предпосылками успешной политики подготовки кадров⁴.

Что касается сугубо идеологической стороны вопроса, то прием студентов в советские вузы стал замечательной возможностью убедить их в преимуществах социалистического строя и привить им марксистско-ленинскую идеологию. Именно в таком духе ЦК КПСС давало конкретные директивы, обязывая «партийные, комсомольские, профсоюзные организации и руководителей вузов повседневно заниматься вопросами обучения, воспитания и быта иностранных студентов, аспирантов и стажеров с тем, чтобы они вышли из советских высших учебных заведений не только высококвалифицированными специалистами, но и людьми с прогрессивными

---

⁴ О теоретических аспектах связи между общественными науками и социально-экономическим развитием см. введение Фредерика Купера и Рэндалла Паккарда к работе *International Development and the Social Sciences. Essays on the History and Politics of Knowledge* / Ed. by F. Cooper and R. Packard. Berkeley, 1997, P. 1–36. Некоторые сравнения с культурной дипломатией США, которая изучена лучше, см.: *Liping Bu. Educational Exchange and Cultural Diplomacy in the Cold War* // *Journal of American Studies*. 1999. № 33 (3). P. 393–415; *Ninkovich F.A. The Diplomacy of Ideas*. Cambridge, 1981.

взглядами, искренними друзьями Советского Союза»⁵. Желание влиять на политические воззрения было недвусмысленным, но при этом не входило в противоречие с постоянными усилиями выпускать очень хороших специалистов: они затем сами по себе должны были свидетельствовать о превосходстве социалистической модели и образовательной системы в СССР.

После объявления Хрущевым этой культурной политики число африканцев, обучавшихся в университетах и техникумах Советского Союза, неуклонно возрастало. Приводимые ниже таблицы дают нам фрагментарную, но достаточно наглядную картину того, как изменялось число африканских студентов и как оно соотносилось с количеством студентов из стран Азии и Латинской Америки, а также отражают их распределение по географическим регионам.

Таблица 1

Африканские студенты, аспиранты, стажеры и учащиеся в СССР 1960–1980 гг.⁶

Учебный год	ВСЕГО	Студенты	Аспиранты	Стажеры	Учащиеся	Приём в год
1959–1960	611	251	170	–	–	190
1960–1961	925	–	–	–	–	–
1961–1962	1693	916	–	–	–	777
1962–1963	1938	–	199	78	–	–
1963–1964	2937	2262*	150**	–	–	525
1964–1965	3498	2114	160	23	260	941
1965–1966	4446	2780	202	25	455	984
1966–1967	5070	3170	238	35	625	1002
1967–1968	5441	3319	319	51	732	1020
1968–1969	5692	3527	335	60	761	1009
1969–1970	6007	3625	468	90	696	1128
1970–1971	5156	3704	404	50	588	410
1971–1972	–	–	–	–	–	1091
1972–1973	6520	4031	582	71	542	1294
1973–1974	7078	4482	689	98	601	1208
1974–1975	6968	4553	596	53	710	1056
1975–1976	8450	4920	574	119	836	2001
1976–1977	10326	6178	674	153	766	2555
1977–1978	12101	7734	564	186	952	2665
1978–1979	13654	9066	629	186	1006	2767
1979–1980	15563	10027	612	243	1429	3252

⁵ Постановление ЦК КПСС «О мерах по улучшению работы среди студентов, аспирантов и стажеров стран Азии, Африки, Латинской Америки и некоторых стран Запада, обучающихся в высших учебных заведениях СССР», 3 октября 1960 г. Совершенно секретно // Россия и Африка. Документы и материалы XVIII в. — 1960 г. / Под ред. А.Б. Давидсона, С.В. Мазова. Том 2. М., 1999, С. 326.

⁶ Студенты, аспиранты и часть стажеров учились в вузах. Большинство стажеров и все учащиеся учились в техникумах. Подавляющее большинство тех, кто прибывал в СССР (категория «Приём в год») учились в течение года на подготовительном факультете. Данные, указанные в приведенных двух таблицах, основаны на статистике Министерства высшего и среднего специального образования СССР (МВССО). Впрочем, импровизация в расчетах за первые годы, путаница в ряде категорий статистики, порой даже в отношении данных к странам, например, Конго (Браззавиль) и Конго (Леопольдвиль) не позволили избежать ошибок. Источники: ГАРФ. Ф. Р-9606 (МВССО). Оп. 1. ДД. 521, 869, 1235, 1322, 1638, 1948, 2369, 2381, 2699, 3090, 3533, 3957, 4387, 5938, 6485, 6841, 7244, 7663, 8151, 8661 и 9122. Прочерк «-» означает: нет данных. * — Студенты и учащиеся вместе. ** — Аспиранты и стажеры вместе.

Таблица 2

Распределение африканских студентов по географическим и «колониальным» регионам, 1960–1980 гг.*

Учебный год	1 Магриб	2 Северо-восточная Африка	3 Западная Африка, Сахара и Сахель	4 Центральная Африка	5 Восточная Африка, Африканский Рог	6 Португалоязычная Африка	7 Южная Африка	ВСЕГО
1959–1960	42	415**	103	16	35	0	0	611
1960–1961	77	437**	289	45	72	2	3	925
1961–1962	142	524**	630	137	230	12	18	1693
1962–1963	183	520	638	191	363	16	27	1938
1963–1964	190	420	1287	215	672	93	60	2937
1964–1965	214	490	1291	282	1026	116	79	3498
1965–1966	–	–	–	–	–	–	–	4446
1966–1967	229	740	1730	578	1536	159	98	5070
1967–1968	329	803	1803	698	1584	127	97	5441
1968–1969	374	860	1957	770	1539	106	86	5692
1969–1970	539	1009	1963	817	1475	127	77	6007
1970–1971	573	858	1664	772	1181	51	57	5156
1971–1972	–	–	–	–	–	–	–	–
1972–1973	872	987	2005	1185	1286	116	69	6520
1973–1974	942	1109	2162	1293	1371	116	85	7078
1974–1975	944	904	2254	1241	1369	175	81	6968
1975–1976	1214	905	2871	1660	1441	233	126	8450
1976–1977	1250	974	3602	1923	2103	311	163	10326
1977–1978	1362	940	4283	2112	2705	498	201	12101
1978–1979	1620	924	4958	2125	3203	534	290	13654
1979–1980	1994	942	5428	2261	3855	727	356	15563

* Там же. Критерий «колониального региона» соответствует 6-ой группе, именно португалоязычной Африке, которая находилась под колониальным гнётом до 1975 г. Студенты из этого региона приехали в СССР «клетально», через освобождённые африканские страны. Подробно, группы соответствующих следующим странам: Магриб: Алжир, Тунис, Марокко и Западная Сахара; Северо-восточная Африка: Египет, Судан, Ливия; Западная Африка: Сахара и Сахель; Бенин, Берег Слоновой Кости, Верхняя Вольта, Гамбия, Гана, Гвинея, Либерия, Мавритания, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Того, Сьерра-Леоне, Чад; Центральная Африка: Бурунди, Габон, Экв. Гвинея, Замбия, Заир, Камерун, Н.Р. Конго, Руанда, Центрально-африканская Республика, Малави, Сан-Томе и Принсипи; Восточная Африка и Африканский Рог: Эфиопия, Джибути, Кения, Коморские о-ва, Маврикий, Мадагаскар, Реюньон, Сомали, Танзания, Уганда; Португалоязычная Африка: Ангола, Гвинея-Бисау, Зелёный Мыс, Мозамбик; Южная Африка: Ботсвана, Зимбабве, Лесото (Басутоленд), Намибия, ЮАР.

** К гражданам Египта отнесены также сирийцы. Это был короткий период Объединенной Арабской Республики (1958–1961 гг.).

Студенты арабских стран, Африки южнее Сахары, Азии и Латинской Америки в СССР, 1960–1980 гг.*

Учебный год	Арабские страны	Африка южнее Сахары	Азия	Латинская Америка	ВСЕГО
1959–1960	1331	154	287**	25	1797**
1960–1961	1272	411	624**	319	2626**
1961–1962	2272	1027	6730	745	10774
1962–1963	2398	1235	7093	1185	11911
1963–1964	2244	2327	1796**	1658	8025**
1964–1965	2618	2794	7917	2111	15440
1965–1966	–	–	–	–	–
1966–1967	2986	4101	7698	2348	17133
1967–1968	3273	4309	7632	2086	17300
1968–1969	3392	4458	8671	2068	18589
1969–1970	3994	4459	7634	1931	18018
1970–1971	3460	3725	9215	1928	18328
1971–1972	–	–	–	–	–
1972–1973	5128	4661	10235	2861	22885
1973–1974	5881	5027	10305	3248	24461
1974–1975	5852	5120	10169	3933	25074
1975–1976	7099	6331	10210	4708	28348
1976–1977	7697	8102	10121	6121	32041
1977–1978	8718	9799	11601	7534	37652
1978–1979	9714	11110	14017	9781	44622
1979–1980	11162	12627	16574	11390	51753

* Там же.

** Без азиатских соцстран (Китай, Корея, Вьетнам и Монголия).

С самого своего начала политика подготовки кадров для африканских стран в СССР вызвала неодобрительную реакцию со стороны стран Запада. Повод для этого дало отчисление в июне 1960 г. студента из Уганды Стенли Окулло, который, по версии советских властей, был одним из авторов письма протеста, направленного Никите Хрущеву. В письме выражалось возмущение физическими притеснениями и словесными оскорблениями, которым подвергались африканские студенты в Советском Союзе. Инцидент немедленно привлек внимание западной пропаганды. На следующий день после своего возвращения из Москвы в Лондон Стенли Окулло дал интервью газете «Дэйли Экспресс», в котором он свидетельствовал о фактах расизма и идеологического надзора в советских университетах. Другой африканский студент, нигериец Энтони Окоча, который некоторое время проучился в УДН, 16 июля 1961 г. опубликовал в английской газете «Санди телеграф» вымышленный рассказ под заголовком «В Москве из меня готовили организатора восстания в Африке». В нем шла речь о занятиях иностранных студентов военной подготовкой, целью которых была организация коммунистических революций в странах, откуда они прибыли⁷.

Западная пропаганда была мобилизована не только в европейской прессе, но и, главным образом, в странах Африки. Целью кампании было не допустить развития их культурных и образовательных связей с Советским Союзом. Одной из таких стран стало Сомали, премьер-министр которой, глава правящей партии «Лига молодых сомалийцев», Абдирашид Али Шермарк, активно выступал за развитие отношений с Москвой и странами соцлагеря⁸. Шермарк встретился 25 мая 1961 г. в Кремле с Хрущевым и его правительством и подписал с советским правительством ряд соглашений об экономическом, техническом, торговом и культурном сотрудничестве между СССР и Сомали. Соглашение о культурном сотрудничестве предусматривало, помимо прочего, отправку сомалийских студентов в Советский Союз и поддерживало сотрудничество «между неправительственными организациями обеих стран»⁹.

Между тем визит Шермарка в Москву и подписание этих соглашений совпали с отчислением семерых сомалийских студентов из МГУ — событием, которое в такой момент не могло пройти незамеченным для западных наблюдателей. Как докладывает советский посол в Могадишо, «в настоящее время западники продолжают использовать исключенных из МГУ семь сомалийских студентов для ведения антисоветской пропаганды как в Сомалийской Республике, так и за пределами. В частности, усиленно распространяется в Могадишо изданная на итальянском языке брошюра под названием „Коммунисты говорят... Африканцы отвечают. Десять истин об Университете дружбы в Москве“»¹⁰.

---

⁷ Мазов С.В. Африканские студенты в Москве в год Африки (по архивным материалам) // Восток. 1999. № 3. С. 89–103.

⁸ Характеристика Абдирашид Али Шермарка (секретно); Справка. Республика Сомали (МИД) // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 365. ЛЛ. 89–91 и 92–104.

⁹ Выступления Хрущева и Шермарка в Кремле, совместное советско-сомалийское коммюнике и соглашения о сотрудничестве см. в кн.: СССР и страны Африки 1946–1962 гг. Документы и материалы. Том 2. М., 1963, сс. 295–297 и 303–319.

¹⁰ Письмо посла Г. Фомина А.А. Шведову, заведующему Первым Африканским отделом МИД СССР, Могадишо, 22.05.1961 г. // ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 14. Д. 18. Л. 78.

Трудно сказать, насколько повлияла на Шермарка западная пропаганда, но два месяца спустя в посольство СССР в Могадишо поступила памятная записка Министерства иностранных дел Сомали, в которой сообщалось о создании специального бюро, которое впредь будет сосредоточивать все стипендии, выделенные Сомали зарубежными странами, и следить за их распределением и использованием¹¹. Это означало, что советские неправительственные организации более не имели права решать, кому из кандидатов выделять стипендии, и что возможности, открывшиеся после заключения Соглашения о культурном сотрудничестве, теоретически ограничивались. Причиной такого поворота в отношениях была, безусловно, не только западная пропаганда, хотя ее влияние на общественное мнение Сомали было довольно значительным. Гораздо больше повлияло то, что советские неправительственные организации выделили в 1961 г. 71 стипендию на обучение членам «Лиги Великого Сомали», оппозиционной партии, которая считалась более прогрессивной, чем «Лига молодых сомалийцев» Шермарка¹². Сомалийское правительство, хотя и нуждалось в советской помощи, но неодобрительно относилось к мотивам, которыми руководствовались советские власти, рассчитывало созданием этого бюро поставить учебные обмены под строгий контроль. И оно не было одиноко в таком желании.

ПОЛИТИКА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СТИПЕНДИЙ

Действительно, большинство африканских правительств не скрывали своей сдержанной реакции на предоставление стипендий и культурную дипломатию Москвы. Интерес Советского Союза к африканскому континенту, а также участие общественных организаций — теоретически неправительственных — таких, как Комитет солидарности стран Азии и Африки, Ассоциация дружбы с народами Африки или Комитет молодёжных организаций подогревали атмосферу недоверия. Стереотипы, которые внедряла в сознание людей западная пропаганда: красная угроза, опасность проникновения коммунизма, — несомненно, способствовали укреплению подозрения, что Москва хочет готовить не столько специалистов, сколько поколение коммунистически настроенной молодежи. Одно за другим в странах Африки открывались агентства, в ведение которых было передано распределение стипендий, то есть отбор стипендиатов и контроль за ними; эти же службы должны были выдавать стипендиатам разрешения на выезд за рубеж. Студентам, не имевшим такого разрешения, приходилось либо выезжать на учебу «подпольно», с паспортом страны, у которой отношения с Советским Союзом были более близкие, либо подвергаться такой же опасности, как четверо стипендиатов из Дагомеи: молодые люди, *«направлявшиеся в Москву для учёбы в Университете дружбы народов им. П. Лумумбы, были сняты 21 августа с самолёта. ...За пять минут до отлёта самолёта полицейский комиссар предложил им покинуть самолёт»*¹³.

¹¹ Копия памятной записки на русском языке, 16.8.1961 г. // Там же. Л. 182–183.

¹² Записка МИДа, секретно, 12.04.1962 // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 398. Л. 28–30 (МИД СССР рекомендует советскому посольству в Могадишо проявлять бдительность при связях с сомалийской оппозицией, но контактов не прекращать).

¹³ Запись беседы с директором политического департамента МИДа Дагомеи Жаком Аданде, 22.08.1966 г. (А.Н. Абрамов, посол СССР в Республике Дагомея) // ГАРФ. Ф. 9606. Оп. 1. Д. 2703. Л. 21–22.

Очень часто в советские посольства в странах Африки поступали ноты протеста от министерств иностранных дел. Чаще всего в них критиковалась роль советских общественных организаций и высказывалась просьба: запретить прием африканских студентов в УДН им. Патриса Лумумбы, в университет, которым управляли общественные организации и который воспринимался как главный центр идеологической обработки и в то же время — как учебное заведение с очень низким академическим уровнем. В этом смысле показательна реакция марокканского правительства:

«Правительство Марокко не планирует отправлять студентов в Университет «Дружба народов».

Отправка студентов в СССР имела бы смысл, если бы они получали возможность контактировать с советскими культурными и студенческими кругами, а не оказываться среди афро-азиатских или латиноамериканских студентов, которые в основном учатся в Университете Дружбы народов и с которыми они могут общаться и в странах, откуда те приехали.

Кроме того, Правительство Марокко официально признает лишь дипломы, выданные государственными учебными заведениями, и не признает дипломов, выданных частными или полугосударственными учреждениями»¹⁴.

В другом протесте марокканского МИДа видение вопроса представлено следующим образом:

«Как для руководства СССР было бы неприемлемым, чтобы марокканское посольство в Москве занималось отправкой советских студентов в Марокко без согласования с их правительством, так же было бы желательно, чтобы при предоставлении стипендий студентам советское посольство работало совместно с Отделом культурных связей этого Министерства, одной из важнейших функций которого является именно координация отношений между зарубежными странами и университетскими и студенческими кругами Марокко»¹⁵.

Понимание задач подготовки кадров из африканских стран в Советском Союзе было различным у Москвы и у государств Африки, но, несомненно, то и другое резко шло в разрез с политическими расчетами западных стран. В Москве была убежденность в том, что студенты, приезжавшие на учебу в СССР по линии общественных организаций, были наиболее лояльны, что из всех иностранных студентов именно они станут лучшими друзьями Советского Союза. В Африке правительства охотно соглашались на предоставление стипендий по государственной линии через МВССО — именно потому, что они могли выбирать кандидатов по своему усмотрению, при этом выделение стипендий по линии общественных организаций они стремились строго контролировать. В начале 1960-х гг. аналогия этих двух разновидностей стипендий выглядела следующим образом:

---

¹⁴ Нота марокканского МИДа, Рабат, 20.10.1960 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. Посольство СССР в Марокко. Оп. 3. Папка 3. Д. 3. Л. 50.

¹⁵ Там же. Л. 48–49.

Таблица 3

Распределение стипендий странам Африки по линии МВ ССО СССР и общественных организаций в 1963, 1964 и 1965 гг.¹⁶

Год	1963	1964	1965
МВССО СССР	568	1157	1015
Общественные организации	368	402	438
ВСЕГО	936	1559	1453

С течением времени африканские государства поставили отношения с советскими организациями под свой жесткий контроль, и это отчетливо отразилось на объеме набора в УДН. Если в 1962 г. около четверти африканских студентов в СССР учились в УДН, то в 1971 г. лишь 9% принятых студентов направляли в университет, носивший имя конголезского лидера-националиста, еще десять лет спустя, в 1981 г., эта доля еще уменьшилась до 5,6%¹⁷. Давление со стороны африканских государств, настаивавших на выделении государственных стипендий для государственных вузов, безусловно, возымело действие. По существу даже малой части студентов УДН не выбирали общественные организации, управлявшие университетом, — этим занимались министерства соответствующих африканских стран. Последние соглашались на отправку малого количества студентов в УДН в рамках «пакета стипендий», который Советский Союз предоставлял ежегодно и в котором они чрезвычайно нуждались. Таким образом, они косвенно признали диплом УДН.

Так еще по одной причине вновь сузилось пространство для маневра у советских общественных организаций, которые занимались общественно-культурными связями с Африкой. Если незадолго до обретения независимости в большинстве стран Африки существовали некие «гражданские общества», с которыми и взаимодействовали советские организации, то впоследствии эти общества постепенно поглотили постколониальные режимы. В результате, африканские ассоциации дружбы с Советским Союзом, африканские комитеты афро-азиатской солидарности, молодежные и другие неправительственные организации, через которые поступали стипендии, либо прекращали существование, либо становились «агентствами» единственной партии или продолжением МИДов африканских стран, наподобие советских общественных организаций. Последним пришлось приспособливаться к новой ситуации, и следствием этого подхода было, с одной стороны, уменьшение трений с африканскими режимами, с другой — разочарование в прогрессистских африканских организациях. Так было, например, в отношениях с Марокко: стипендии, которые предоставлялись по линии Советской ассоциации дружбы с народами Африки, стали распределяться

¹⁶ Справка о распределении стипендий странам Африки и Латинской Америки по линии МВ ССО СССР и общественными организациями в 1963, 1964 и 1965 годах // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 3М (Комитет молодежных организаций (КМО) СССР). Оп. 5. Д. 82. Л. 3–5. (подчеркну, что в этой таблице представлены стипендии, которые каждый год предоставляли МВССО и общественные организации, что, как можно видеть, не всегда соответствует числу студентов, прибывавших в СССР).

¹⁷ Справки о контингенте и об итогах приёма иностранных граждан на обучение в СССР // ГАРФ. Ф. 9606. Оп. 1. Д. 1235. Л. 13–17; Д. 4754. Л. 2–3 и Д. 9524. Л. 2–4.

через молодежную организацию правящей партии Истиклал. Члены прогрессивной организации Национальный союз студентов Марокко, которых нередко исключали из марокканских университетов и которые теперь не получали советских стипендий, выразили протест советскому посольству, осуждая этот «оппортунистический шаг», который явно не улучшал репутацию их организации¹⁸.

С точки зрения радикальных молодежных организаций политическое сближение Советского Союза с непопулярными режимами и контакты через подконтрольные им организации были компрометирующей политикой. Ожидания радикальных молодежных организаций и их представления о формах, которые должна принимать борьба против империализма, часто оказывались несовместимыми с духом советской дипломатии, которая в эпоху Хрущева отстаивала мирное сосуществование. Такое положение дел имело свои последствия для отношений между африканскими радикальными организациями и советскими организациями — последствия, которые зачастую давали о себе знать, когда студенты уже оказывались в СССР.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Студенты, приезжавшие на учебу в Советский Союз и другие социалистические страны с конца 1950-х гг., принадлежали к поколению деколонизации. Это была молодежь, жившая в переходное время после обретения их странами независимости и принимавшая самое активное участие в политических и идеологических дебатах о будущем страны и всего африканского континента. Среди них были и участники национально-освободительных движений в Алжире и Анголе, и те, кто пережил глубокий кризис в своей стране — например, кризис в Конго, который привел к убийству Патриса Лумумбы и к гражданской войне. Опыт борьбы с колониализмом и надежды, которые связывались с будущим постколониальной Африки, несомненно, оказывали важнейшее влияние на политическую ориентацию африканских студентов.

Алжирские студенты, которые находились в СССР во время Французско-алжирской войны — их было семь в 1959 г., 22 — в 1960 г. и 34 в 1961 г.¹⁹ — с самого начала выступили за национальное освобождение. На стипендии, предоставленные советскими общественными организациями, они собирали деньги на покупку советского оборудования, которое должно было поступить в распоряжение алжирских профсоюзных организаций²⁰. Кроме того, студенты пользовались любыми возможностями для того, чтобы рассказывать о борьбе за национальное освобождение и

---

¹⁸ Запись беседы с вице-президентом национального союза студентов Марокко Ахмедом Лахлими и секретарем Национального бюро НССМ по культурным вопросам Ларешу Мехди, 9 декабря 1961 года // ГАРФ. Ф. Р-9518 (Государственный комитет по культурным связям с зарубежными странами (ГККС). Оп. 1. Д. 511 (27.12.1961 г. А. И. Кузьмин, представитель ССОДа в Марокко и 2-й секретарь посольства). Л. 6–8.

¹⁹ АВП РФ (Реферантура по Алжиру). Оп. 3. П. 1. Д. 5. Л. 24. ГАРФ. Р-9606. Оп. 1. Д. 521. Л. 42–43 и Д. 1948. Л. 1–4.

²⁰ Письмо генсека Абделкадера Маашу секретарю Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов (ВЦСПС) Соловьеву, Тунис, 14.7.1960 г. // ГАРФ. Ф. Р-5451 (ВЦСПС). Оп. 45. Д. 1560. Л. 65 (речь шла о грузовичке для Союза алжирских рабочих).

требовать от правительства Советского Союза официального признания Временного правительства Алжирской Республики (ВПАР)²¹. Эти требования, выдвигавшиеся многими алжирскими и арабскими активистами почти до самого дня провозглашения независимости, игнорировались Советским правительством, которое хотело избежать разрыва с Францией.

Еще один крупный кризис того времени — гражданская война в Конго — оказал значительное влияние на сообщество конголезцев, обучавшихся в СССР, которых к концу 1961 г. насчитывалось 64 студента. Прибывшие в Советский Союз по рекомендации просоветского лидера и сторонника Лумумбы, Антуана Гизенка, студенты из Конго устроили бунт после убийства Патриса Лумумбы и вмешательства западных держав, поддерживавших планы отделения горнодобывающих провинций страны. Бойкотируя занятия, они требовали отправки их *«на Родину, где они хотят бороться против колонизаторов. Они просили организовать им месячные курсы по изучению военного дела, научить их делать гранаты, изготавливать порохи, научить стрелять, а также разрешить им послать делегацию в Каир для выяснения положения в Конго»*. Ситуацией занялись службы ЦК КПСС, и волнения утихли лишь когда к ним лично обратился брат Антуана Гизенка, который в это время находился в Москве²².

Африканцы, учившиеся в СССР, пристально следили за тем, как разворачивались события в Африке. Последние представляли собой постоянный источник напряжения, что ставило советские власти в щекотливое положение²³. Диаспора марокканских студентов как в Западной Европе, так и в социалистических странах Европы отреагировала манифестациями, осуждавшими репрессии и смертный приговор членам партии Национальный союз народных сил на судебном процессе, который проходил в 1963–1964 гг. в Рабате. Марокканские студенты из московских вузов не стали исключением: группа самых отчаянных смельчаков вторглась в марокканское посольство и захватила часть здания, откуда затем была выдворена милицией. Посол Марокко в СССР несколько раз требовал высылки из Советского Союза семерых молодых людей, участвовавших в захвате, но согласия советского правительства не получил. В качестве «наказания» было решено лишить студентов государственных стипендий, при этом у них осталась возможность получать стипендии через общественные организации, которые теоретически были неподотчетны советскому правительству. На принятие столь мягких мер, несомненно, в значительной степени повлияло то, что политические отношения между Марокко и СССР были в это время весьма холодными, и Советский Союз не рассматривал Марокко в качестве потенциального союзника²⁴.

---

²¹ Выступление алжирского студента Мустафы Хегади на вечере представителей стран Африки, обучающихся в советских вузах, Москва, 01.12.1958 г. // ГАРФ. Ф. Р-9540 (Советский комитет солидарности стран Азии и Африки (СКССАА)). Оп. 1. Д. 22. Л. 19.

²² Из выступления декана Московского автодорожного института, «Стенограмма заседания секции представителей министерств и ведомств, проректоров вузов по работе с иностранцами, деканов подготовительных факультетов и зам.деканов по работе с иностранными студентами», 14.02.1962 г.// Там же. Р-9606. Оп. 1. Д. 1024. Л. 59–60.

²³ Под «советскими властями» я подразумеваю прежде всего: МИД СССР, МВССО, СКССАА, КМО, комсомол, Советскую ассоциацию дружбы с народами Африки и учебные заведения.

²⁴ Документы о дискуссиях и переписка между послом Марокко А. Эль-Фасси, заместителем министра иностранных дел СССР, Я.А.Маликом, министром ВССО СССР Елютиным В.П. и председателем

По-иному сложилась судьба около 40 студентов-гвинейцев, подписавших петицию с осуждением режима Секу Туре, когда тот жестоко подавил демонстрации преподавателей и молодежи и обвинил участников в заговоре против существующего режима. Этого диктатора с самого прихода его к власти поддерживали Советский Союз и другие социалистические страны. Гвинея предприняла несколько политических демаршей с целью нажима на СССР, и высшей точкой напряжения стала высылка в декабре 1961 г. советского посла в Конакри Д.С.Солода по обвинению во вмешательстве в беспорядки. Затем последовала «драматическая» дискуссия дипломатов из гвинейского посольства с представителями советских министерств и с самими студентами. В итоге было объявлено окончательное решение: студентам надлежало вернуться в Конакри. В отличие от марокканцев, захвативших здание посольства своей страны, гвинейские студенты, подписавшие петицию, стали заложниками стратегических отношений, которые выстраивали Советский Союз и страны социалистического блока с режимом Секу Туре. Участь московских студентов разделили их коллеги в Польше и Чехословакии, тогда как некоторым стипендиатам, учившимся в ГДР, удалось бежать на Запад²⁵.

Таким образом, точками приложения социально-политической активности африканских студентов в СССР были как борьба за национальную независимость, так и внутривнутриполитическая борьба после падения колониальных режимов, в которой студенты чаще всего примыкали к самым радикальным течениям. Возникло явление, которое было характерно для всей диаспоры африканских студентов от Москвы и Берлина до Парижа и Лондона, где уже существовали очень крупные ассоциации африканских студентов — такие, как ФЕАНФ (FEANF — Fédération des Etudiants d’Afrique Noire en France) и ВАСУ (WASU — West African Students Union). Однако в Советском Союзе и других соцстранах для социально-политической активности чернокожих студентов были еще и те причины, которые коммунистическая пропаганда приписывала исключительно капиталистическим обществам: это инциденты на расовой почве, возникавшие с самого момента прибытия студентов на подготовительные факультеты.

Действительно, то, что происходило после приезда африканских студентов в социалистические страны, не всегда согласовалось с теоретическим принципом международной солидарности, который так активно превозносила коммунистическая пропаганда. В советском обществе не обходилось без расизма и расовой дискриминации — они как раз и стали основной причиной стихийного объединения студентов вокруг организаций, целями которых были, помимо прочего, защита их прав и предание глас-

---

ГККС Романовским С.К. // Там же. Р-9518. Оп. 1. Д. 512. Л. 170–174, 179, 195–199, 231. (Возможно, что советские власти во избежание неприятностей, которыми была чревата неконтролируемая социально-политическая активность, перевели некоторых организаторов студенческих мероприятий в разные провинциальные университеты. Ассоциации марокканских студентов во Франции и ГДР располагали такой информацией, но студенческий совет СССР такие факты отвергал. Материалы переписки см.: РГАСПИ. Ф. 3М. Оп. 3. Д. 32. Л. 34, 36 и 145.

²⁵ ГАРФ. Р-9606. Оп. 1. Д. 1314. Л. 31–36. См. также: Горбунов О.Л. Два года в Гвинеи // Африка в воспоминаниях ветеранов дипломатической службы. М., 2000, С. 45–64. Викторюк Ю.П. Мои африканские эпизоды // Африка в воспоминаниях ветеранов дипломатической службы. Т.5 (12). М., 2004, С. 71–72. Amadou Booker Sadjji. Le rôle de la génération charnière ouest-africaine. Indépendance et développement. Paris, 2006. P. 264–265.

ности фактов насилия на расовой почве. Подобные организации были основаны еще в 1960–1961 гг. в Москве и Киеве студентами из стран южнее Сахары, которые в большинстве своем учились на подготовительных факультетах МГУ и КГУ²⁶. Появление таких организаций, которые не были ни зарегистрированы, ни официально признаны, означало, что студенческая социально-политическая активность может принять непредсказуемые масштабы и формы и его будет трудно придать управляемость и ввести в некоторые рамки, и что подобные движения ни в коей мере не будут способствовать поддержанию благоприятного имиджа Советского Союза в странах Азии и Африки.

Власти, отвечавшие за прием иностранных студентов были в курсе культурных разногласий и инцидентов, которые возникали между африканскими студентами, с одной стороны, и советскими студентами и прочими гражданами — с другой. По сообщению одного из работников комсомольской организации Украины, отвечавшего за работу с иностранными студентами, «особенно неблагоприятное положение сложилось в Киеве», где африканские студенты протестовали против расовой дискриминации и сетовали на «нередкие случаи избиения африканских студентов». «После известного прошлого года случая избиения, приведшего к демонстрации, хулиганские выходки не прекратились. Совсем недавно, 1-го мая хулиганы избили двух студентов из Басутоленда, что вызвало резкое ухудшение отношений между иностранными и нашими студентами. <...> Хотя в Одессе и Харькове среди иностранных студентов нет такой напряженной атмосферы, однако случаи избиения, нетактичного поведения и грубости со стороны наших граждан и студентов далеко не единичны»²⁷.

Советские руководители на самом высоком уровне признавали наличие серьезных проблем и уверяли посольства африканских стран в том, что меры принимаются. «Соответствующие компетентные советские органы принимают строгие меры к правонарушителям из числа советских граждан, допускающих оскорбительные действия в отношении граждан африканских государств. В частности, советскими судебными органами в 1962 были привлечены к уголовной ответственности и строго наказаны пять советских граждан, допустивших хулиганские выпады в отношении африканских студентов»²⁸. И все же советские власти никогда не признавали, что причиной подобных случаев насилия был расизм — явление, которое теоретически было окончательно искоренено в советском социалистическом обществе.

Взаимоотношения африканских студентов и советских организаций пережили ряд серьезных кризисов, связанных со смертью нескольких студентов при обстоятельствах, в отношении которых до сих пор нет ясности. В Киеве погиб студент из Басутоленда, Лифапанг Молапо, получавший стипендию от Советского комитета солидарности стран Азии и Африки (СКССАА). Этот инцидент, произошедший в

---

²⁶ О недостатках работы с иностранными студентами в вузах Украинской ССР 30.10.1961 г. (инструктор отдела студенческой молодежи СССР Галичев) // РГАСПИ. Ф. 1 М (ЦК ВЛКСМ). Оп. 46. Д. 293. Л. 144 (об ассоциации, действовавшей в Киеве). О московской ассоциации см. также: Мазов С.В. Африканские студенты, с. 90.

²⁷ Справка о работе комсомольских организаций Украинской ССР с иностранными студентами. 11.06.1962 г. // РГАСПИ. Ф. 1 М. Оп. 46. Д. 310. Л. 103–104.

²⁸ Копия ответа МИДа СССР на ноту посольства Ганы, июнь 1963 // ГАРФ. Ф. Р-9518. Оп. 1. Д. 545. Л. 233.

1962 г., вызвал выступления африканских студентов против насилия на расовой почве и подогрел антисоветские настроения среди землячества студентов Басутоленда — настроения, которые не смогла преодолеть делегация от Партии Конгресса Басутоленда, прибывшая в Киев расследовать положение дел²⁹. В декабре 1963 г. студент из Ганы Эдмунд Ассаре Аддо, учившийся в медицинском институте в Калининине, был найден мертвым на проселочной дороге в окрестностях Москвы. После вскрытия тела власти заявили, что смерть наступила вследствие переохлаждения в состоянии опьянения, но африканские студенты усомнились в этом объяснении и настаивали на версии о преступлении на расовой почве. По инициативе ганских студентов — они к тому моменту как раз собрались в Москве, чтобы протестовать перед посольством своей страны по поводу материальных проблем — была организована манифестация на Красной площади против расизма, в которой приняли участие от 500 до 700 африканских студентов. Это событие, о котором стало известно во всем мире, стало ярким свидетельством разочарования африканских студентов в Советском Союзе, а также повредило имиджу СССР как страны, принимающей на учебу студентов из западных стран³⁰. В марте 1965 г. еще одно трагическое событие испортило отношения студентов и советских властей. При невыясненных обстоятельствах, на этот раз в Баку, умер еще один студент из Ганы, Джордж Даку. Происшествие вызвало возмущение 29 кенийских студентов, которые в итоге уехали из Азербайджана, что привлекло внимание международной прессы³¹.

То, что социально-политическая активность студентов выходила из-под контроля и выливалась в антисоветские манифестации, стало тревожить советские власти, которые искали способы установить руководство, чтобы направить её в нужное русло. В ситуации, когда спонтанно возникали неофициальные всеафриканские ассоциации, а также национальные объединения — землячества, которые были официально признаны, но зачастую работали под контролем посольств африканских стран (например, ассоциации студентов Ганы или Египта), советские власти оказали содействие созданию Федерации африканских студентов в Советском Союзе (ФАССС). ФАССС, неофициальная по статусу, была основана 18 марта 1962 г. узкой группой представителей землячеств африканских студентов в Москве без демократически проведенного учредительного конгресса. Первым генеральным секретарем был «избран» камерунский студент Камин Чапею, стипендиат СКССАА, участник 1-ой советской конференции солидарности народов Азии и Африки в Душанбе, студент, пользовавшийся доверием и поддержкой советских властей³². Имелось в виду, что ФАССС

---

²⁹ Там же. Ф. Р-9540. Оп. 1. Д. 137. Л. 24–27, 34–35, 38, 41, 44, 51–52, 60. Точная дата и обстоятельства этого события не вполне ясны. СКССАА хранил молчание и постарался охладить пыл студентов, не дав, впрочем, разъяснений, из которых бы следовало, что убийства не было. О реакции Партии Конгресса Басутоленда и землячества студентов Басутоленда в Киеве и о беседах с СКССАА.

³⁰ *Hessler J.* Death of an African Student in Moscow. Race, Politics, and the Cold War // *Cahiers du Monde russe*. Vol. 47. № 1–2. 2006. P. 33–64.

³¹ Землячество студентов Ганы, 1965 // РГАСПИ. Ф. 1 М. Оп.46. Д. 342. Л. 13; Информация о землячествах учащихся из стран Африки в Советском Союзе см.: Там же. Ф. 3М. Оп. 3. Д. 39. Л. 139. См. также краткий обзор ТАСС: Там же. Оп. 3. Д. 39. Л. 31–35.

³² Информация о Федерации африканских студентов в Советском Союзе (ФАССС) накануне 2-го конгресса // Там же. Ф. 3М. Оп. 3. Д. 33. Л. 14–21. См. также выступление Камин Чапею на конференции в Душанбе, 10–12 октября 1960 г.: ГАРФ. Ф. Р-9540. Оп. 1. Д. 52. Л. 9–16.

представляет интересы африканских студентов, обучающихся в СССР, как в стране, так и за ее пределами. Зарубежная часть работы организации состояла в отправке делегатов на всеафриканские и международные конференции для создания благоприятного образа СССР и советско-африканского сотрудничества. Она также должна была препятствовать распространению негативной информации, а это случалось нередко³³. В пределах страны ФАССС должна была предупреждать акции протеста и смягчать конфликты между африканскими студентами и советскими властями. Она, например, попыталась сделать это после смерти Ассаре Аддо, подписав заявление с осуждением демонстрации на Красной площади и о несогласии с лозунгами, которые на ней выдвигались³⁴.

ФАССС, однако, не смогла выполнить свою «миссию» и завоевать авторитет в среде африканских студентов в СССР. Она немедленно подверглась критике со стороны ряда ассоциаций за свою просоветскую позицию, а Камин Чапею на первом конгрессе федерации в октябре 1963 г. в Москве был смещен с поста. Конгресс избрал нового генсека — студента из Кении Муруа Мофуоко, а также новый Исполком, в котором преобладали студенты-маоисты, весьма близкие к ФЕАНФ (Федерации студентов Чёрной Африки во Франции). После ряда заседаний, которые были закрыты для представителей советских организаций и посольств африканских стран, конгресс принял ряд заявлений в поддержку международной политики Китая и провалил резолюцию о поддержке Московского Договора о запрещении ядерных испытаний — договора, против которого постоянно выступала китайская пропаганда. ФАССС, которая, по замыслу, должна была разделять «прогрессивные советские взгляды», попала в руки «лево-сектантских элементов», навязывавших организации новую политическую линию³⁵.

Конфликт между новой ФАССС и советскими организациями стал очевидным во время «Всемирного форума солидарности молодёжи и студентов в борьбе за национальную независимость и мир», который открыл в Москве в сентябре 1964 г. Никита Хрущев. Вице-президент Союза Африканских Студентов в Европе (САСЕ) и член исполкома ФАССС, Леопольд Агбатон, «установил тесный контакт с членами китайской делегацией» и открыто поддержал «позиции китайцев на форуме». Генсек ФАССС, Муруа Мофуоко, «утверждал, что КПСС якобы не поддерживает революционную борьбу во Вьетнаме, Корее и Конго и что единственной надеждой для освобождения народов является Китай». Член Исполкома ФАССС, сенегалец Исмаил Юсуф, студент УДН, «пытался выступить без предоставления ему слова» и «рассказать о трудностях и „плохих условиях жизни“ африканских студентов в СССР, а также о том, что КМО не считается с ФАССС и не отвечает на их обращения». Слухи о том, что делегаты конгресса и африканские студенты готовят манифестацию перед американским и другими западными посольствами в Москве против вторжения в Конго, дополнили картину того, как политические организации представителей Черной Африки вышли из-под контроля советских организаций³⁶.

³³ *Amadou Booker Sadjì*, Указ. соч. Р. 262.

³⁴ Заявление Африканских студентов с СССР. ФАССС // РГАСПИ. Ф. 3М. Оп. 3. Д. 37, без номера.

³⁵ Там же. «1-й Конгресс африканских студентов в Советском Союзе».

³⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 456. Л. 41–61 (ежедневные «секретные» отчёты о Форуме председателя КГБ В. Семичастного, заместителя председателя КГБ Н. Захарова и генсека ЦК ВЛКСМ С. Павлова).

С учетом столь неблагоприятных итогов Форума, КМО и комсомол в преддверии II конгресса ФАССС развернули последовательную работу с целью отстранения «лево-сектантских элементов». Эта работа состояла в привлечении к работе ФАССС тех землячеств, которые до той поры оставались в стороне от деятельности этой организации — например, землячества студентов арабских стран Африки, в поддержке «прогрессивных» просоветских землячеств и даже в проведении объяснительных дискуссий с руководителями землячеств, которые проходили в доме отдыха «Елочка»... Эта работа увенчалась успехом, и на II конгрессе в феврале 1965 г. просоветские делегаты получили большинство в новом Исполкоме. Влияние прежнего руководства ФАССС оставалось при этом очень значительным, что помешало при принятии резолюций в поддержку международной политики СССР. По оценкам советских организаций, «землячества африканских студентов разбились на две почти одинаковых по численности группы» — прогрессивную и лево-сектантскую³⁷. И все же II конгресс обозначил существенный поворот как в политической самоидентификации Федерации, так и в ее отношениях с советскими организациями³⁸.

Этот поворот получил свое логическое завершение на III конгрессе Федерации, прошедшем в январе 1967 г. в Москве. На нем присутствовало около 350 делегатов из разных городов Советского Союза, а также иностранных наблюдателей. Согласно официальному докладу, «впервые за всю историю существования ФАССС её конгресс проходил в атмосфере особенной доброжелательности и доверия к советским организациям и между самими землячествами». Впервые на конгрессе уделялось большое внимание академическим вопросам, а на политическом фронте подчеркивалось «полное отсутствие прокитайских тенденций». Маоистское крыло, которое представляли франкоязычные студенты из стран Западной Африки, очень близкие к ФЕАНФ во Франции, оказались в изоляции и в конце концов покинули конгресс. На III конгрессе был принят ряд резолюций, полностью выдержанных в ключе международной политики СССР и отклонены проекты более резких резолюций, «которые могли бы нанести ущерб государственным отношениям между СССР и отдельными африканскими странами». ФАССС после III конгресса вполне соответствовала ожиданиям советских организаций как внутри страны, так и на международной арене. МВССО и общественные организации решили поощрить ее за это и выделили в отдельный бюджет средства для оказания материально-технической помощи при организации IV конгресса. Сфера активности ФАССС в международных делах была сужена. Впредь она должна была сосредоточиться в большей степени на диаспоре африканских студентов в Европе, чтобы создать противовес влиянию маоистской ФЕАНФ и занять свое место в Союзе африканских студентов в Европе (САСЕ). Предполагалось, что таким образом она будет формулировать идеологическую парадигму и

---

³⁷ Ильиченко В. (ответ. Секретарь), Аболин Е. (зав. отделом Стран Азии и Африки Общесоюзного Совета по делам иностранных учащихся). Отчёт о работе с группой руководителей землячеств иностранных студентов, обучающихся в СССР, в доме отдыха «Елочка» (только ДСП). 22.02.1965 г. // РГАСПИ. Ф. 3 М. Оп. 3. Д. 33. Л. 22–24.

³⁸ Информация о 2-ом конгрессе Федерации африканских студентов в СССР // РГАСПИ. Ф. 3 М. Оп. 3. Д. 33. Л. 30–35.

координировать деятельность африканских студентов как в социалистических странах Европы, так и в капиталистических³⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социально-политическая активность африканских студентов в Советском Союзе не закончилась после III конгресса ФАССС. Студенты по-прежнему выступали в поддержку национально-освободительных движений и против диктаторских режимов, которыми пестрила карта постколониальной Африки. Они протестовали против западного империализма в Анголе, Мозамбике и Вьетнаме, против режима апартеида в ЮАР. Они продолжали захватывать посольства этих стран, подвергать осуждению авторитарные режимы, которые поддерживали Советский Союз и социалистические страны, протестовать против актов насилия на расовой почве, жертвами которого они становились во многих советских республиках.

Тем не менее, социально-политическая активность в семидесятые годы была менее радикальной, чем в шестидесятые. Советским организациям удалось оказывать значительное влияние на ФАССС, в это же время, неоднократно принимались меры по улучшению условий жизни студентов. Африканские государства, с другой стороны, все больше подчиняли своему контролю отправку студентов в СССР, а их посольства в Москве расширяли сотрудничество с МВССО и самими студентами, чтобы сообща добиваться удовлетворения их просьб и требований. Эти требования постепенно все больше касались качества обучения и материальных условий. Если для первого поколения африканских студентов в СССР было характерно активное участие в политической борьбе за будущее африканского континента, то второе больше заботили вопросы учебы и профессиональной карьеры с ориентацией на свое национальное государство.

Отправка африканских студентов в Советский Союз с конца 1950-х гг. представляет собой чрезвычайно важный момент в истории студенческих движений в африканских странах. Студенческие организации, сложившиеся в Киеве, Ленинграде и в Москве — такие, как ФАССС — объединяли в своих рядах представителей почти всех стран африканского континента. В отличие от французской ФЕАНФ, в которую входили почти исключительно выходцы из стран франкоязычной Африки, или британской ВАСУ, которая объединяла студентов из бывшей Британской империи, ФАССС была организацией, которая не стала учитывать границы колониальных государств и объединила выходцев из англо-, франко-, португало-язычных и прочих стран. Хотя наследие колониального раздела Африки и последствия такого раздела для политической ситуации после крушения колониальных режимов неизбежно нашли свое отражение в ФАССС, это не помешало федерации стать организацией, представлявшей большинство африканских народов и решительно выражавшей свою приверженность идее африканского единства. Именно в Советском Союзе движение солидарности африканской молодежи получило новый мощный толчок благодаря возмож-

---

³⁹ Информацию об итогах работы 3-го конгресса Федерации Африканских Студентов в СССР см.: Журавлева М., Яровой В., Шостаковский В., Уфицев Б., Аболин Е., Софинский Н. (зам. председателя Общесоюзного Совета по делам иностранных учащихся). О проведении 4-го конгресса Федерации Африканских Студентов в Советском Союзе, 25.12.1967 г. // РГАСПИ. Ф. 3М. Оп. 3. Д. 274. Л. 70–75 и 214–216.

ности встречаться, которую получили студенты со всех концов африканского континента. Также на советской земле студенты португало-язычных африканских стран смогли встретиться со сверстниками из Бразилии — выходцами из Африки, напомнив друг другу о бедах, которые принесла народам Африки европейская колонизация, и поднять свой голос за деколонизацию португальской империи и за солидарность людей по обе стороны Атлантики⁴⁰.

Африканские студенты в Советском Союзе часто пересекали границы, которые провела Холодная война. Они ездили в Западную Европу на каникулы к своим родственникам, эмигрировавшим в Европу, встречаясь со студентами, жившими по другую сторону железного занавеса, участвовали в конференциях и политических конгрессах национальных или всеафриканских организаций. Такая мобильность людей и идей, такой обмен между коммунистическими и капиталистическими странами Европы стали явлением, которое на протяжении всей Холодной войны гораздо больше касалось африканских студентов, чем их западных или советских коллег. В этом один из «парадоксов» Холодной войны: у африканцев возможностей сравнить и оценивать две системы было гораздо больше, чем у всех прочих студентов. В этом парадоксе к тому же было неоспоримое преимущество африканской молодежи, получившей образование в соцстранах.

Политический проект Советского Союза, неотъемлемой частью которого было обучение африканских студентов, не удался — несмотря на некоторые видимые успехи. Этот проект предполагал создание широкомасштабного молодежного движения в странах Африки и Азии, которое бы под эгидой социалистических стран вело борьбу против западного империализма. Согласно политическим воззрениям, которые были скорректированы в годы правления Хрущева, союз угнетенных наций с социалистическими странами был единственным путем для преодоления господства империалистических стран. Этот проект предполагал сплочение африканских, азиатских и латиноамериканских народов на основе платформы, сформулированной Советским Союзом, и далеко не всех такая платформа устраивала. Успеху проекта не способствовало появление альтернативных идеологий: панафриканизма, насеризма, кастризма, заметные успехи коммунистического движения на расовой почве, каковым был маоизм. На уровне студенческого движения расовая и культурная солидарность возобладала над более глобальным советским проектом, и властям приходилось смиряться с фактическим расколом после возникновения ФАССС, а позднее — и СОСАС (Союза организаций студентов арабских стран в СССР).

Если же отвлечься от политических проектов и идеологических разногласий, то вклад Советского Союза в борьбу против колониализма в странах Африки и в превращение их в полноценные государства — трудно переоценить. Для африканской молодежи обязательства, которые взял на себя Советский Союз, расширили возможности для доступа к высшему образованию, для получения, в целом, образования очень высокого качества. Что касается африканских государств, то развертывание политического проекта СССР расширило их возможности для политического, эко-

---

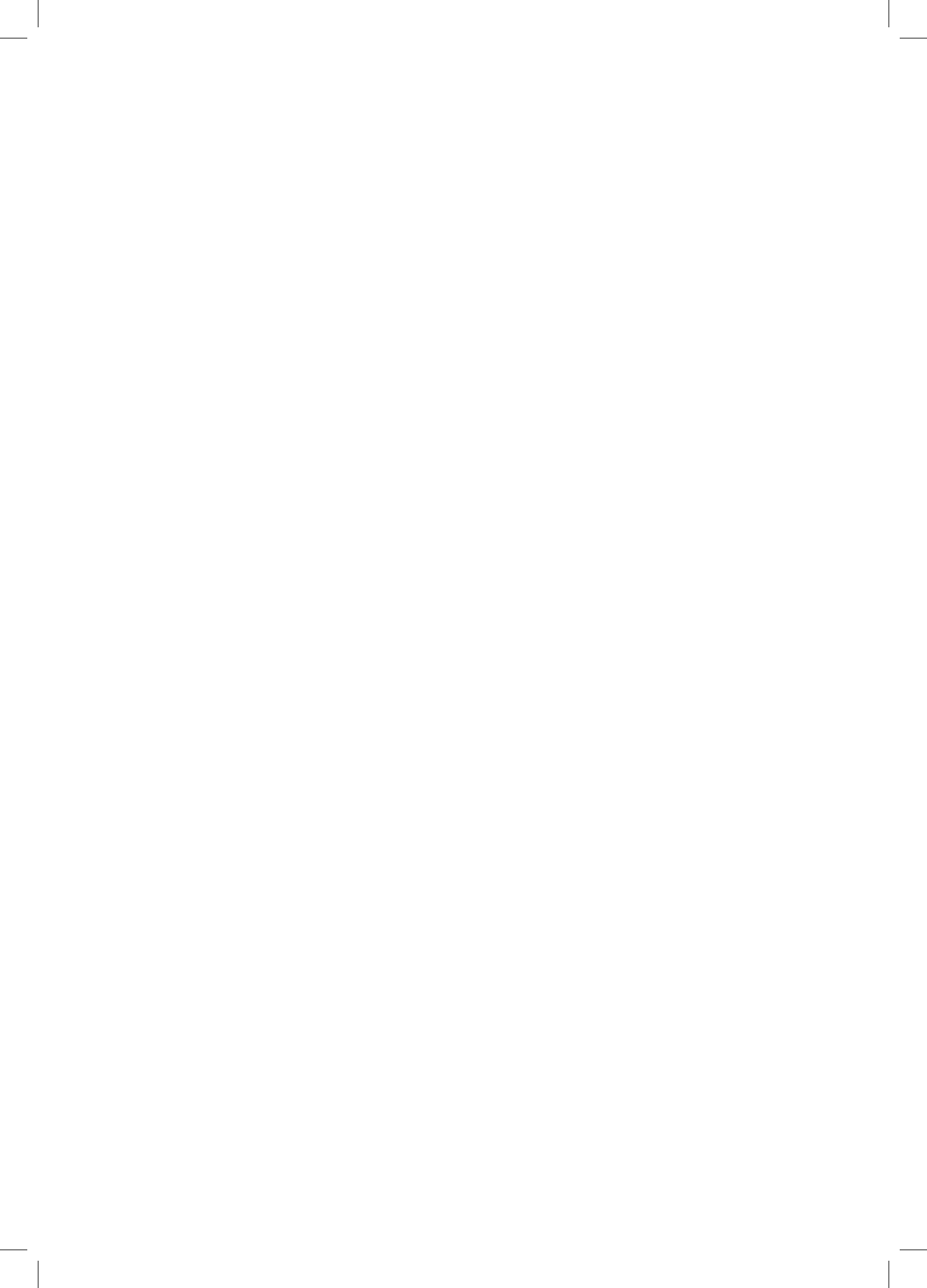
⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 3 М. Оп. 3. Д. 28. Л. 615. Некоторые сведения об этой встрече можно найти в архивах, например, в письме от 10 февраля 1963 г. за подписью ангольского и бразильского студентов Университета Дружбы Народов, которое свидетельствует о создании Африкано-Бразильского Комитета Солидарности (А.Б.К.С.).

номического и научного партнерства, целью которого было — противостоять влиянию западных держав и получить возможность вести с ними переговоры на более выгодных условиях. В биполярном мире эпохи Холодной войны деятельность, которую вел Советский Союз в интересах Африки, была чрезвычайно полезной как для государств, так и для африканской молодежи.

Перевод И. Назарова

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

«ДРУГ БЕЗ ДРУГА ОНИ СУЩЕСТВОВАТЬ НЕ СМОГУТ»: СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СРЕДИ КУСТАРЕЙ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Ю. А. КАШАЕВА

В составе крестьянства Пермской губернии конца XIX — начала XX в. выделялась социальная группа крестьян-кустарей. Их объединял, в первую очередь, элемент хозяйственной деятельности — производство изделий и извлечение прибыли путем продажи их на рынке. В отличие от рабочих мелких предприятий в городах, кустари как социальная группа были тесно связаны с сельским хозяйством и, в конечном счете, составляли в России XIX в. часть именно крестьянства (в большинстве своем). Обладая чертами сходства по объективному положению в системе социально-экономической структуры российского общества, рядом черт жизненного стиля, житейских установок и межличностных связей, кустари разных регионов огромной российской державы существенно различались по своему социальному поведению. Его определял, как правило, вид их промысла. Реконструкция социального облика кустаря Пермской губернии имеет существенное значение при решении вопроса о степени вовлеченности кустарей и крестьянства в целом в модернизационные процессы России конца XIX — начала XX в.

Вопросы социальных отношений между кустарями и скупщиками, мастерами и наемными рабочими активно изучались историками. Социальные конфликты и их почва, наличие устойчивых связей между субъектами социально-экономических отношений внутри названной группы, их характер, наличие объективных и субъективных факторов, влияющих на модели социального поведения — все это круг тем, так или иначе обсуждавшихся в литературе. Гораздо менее изучено пространство социальных отношений внутри самой социальной группы, сама социальная среда кустарного производства: вопросы самоидентификации представителей кустарных промыслов, отношение к представителям иных социальных слоев и властных структур, источники воспроизводства этой социальной группы. К этой группе вопросов примыкают и более частные: отношение кустарей к наемному труду и отходничеству, уровень их грамотности, ценностные ориентации, перспективы социальной мобильности и другие аспекты положения группы в социальной структуре российского общества.

Пермская губерния как составная часть Урала имела существенную региональную специфику в социально-экономическом пространстве Российской империи: речь идет о большой связанности рабочих-кустарей с землей. Среди кустарей Пермской губернии в 1894–1895 гг. основную часть вплоть до социальных потрясений 1910-х гг. составляли крестьяне-земледельцы (74%), а мастеровые закрывшихся или сокративших свою работу заводов — лишь четверть от общего числа (26%)¹. Следствием

¹ Подсчитано по: Очерк кустарной промышленности Пермской губернии. Пермь, 1896. С. 2–232.

различий кустарей-земледельцев от кустарей закрывшихся заводов были их различия в самоидентификации, производственной культуре и т.д. Они по-разному определяли себя и как субъекты социально-экономических отношений общего кустарного производства и социальных интересов.

Прилагая современную концепцию «моральной экономики» Дж. Скотта (о которой шла речь на одном методологических семинаров 15-летней давности)² к социальной иерархии пермской деревни, можно обнаружить и определить довольно четко место кустарей. Используя одновременно и деление по социально-классовому признаку (сельская буржуазия, середняки, бедняки) и по признакам отношения к собственности (земельный собственник, арендатор и наемный рабочий), в социальной группе кустарей могут быть выделены следующие субъекты социально-экономических отношений: собственник кустарного заведения (владелец, «хозяин» заведения), семейный рабочий, наемный рабочий, скупщик.

Владелец кустарного заведения был главной фигурой в кустарном производстве. Как правило, он являлся инициатором открытия кустарной мастерской и дальнейшего развития производства. Именно он следил за экономическим положением промысла, от него зависели объемы и условия производства, численность рабочих, формы сбыта изделий и т.д. При этом владельцы кустарных заведений не рассматривались земскими статистиками и исследователями второй половины XIX — начала XX в. как отдельная категория в кустарном производстве. Статистика отражала, скорее, вопросы семейного положения кустарей (поскольку многие кустарные предприятия были именно семейными предприятиями) и вопросы найма (численность наемных рабочих). Кроме того, известно, что наибольший процент кустарей-владельцев составляли мужчины 21–45 лет, ставшие самостоятельными владельцами в результате семейных разделов, наследования мастерских и обратившиеся к промыслу после нескольких лет ведения самостоятельного хозяйства. Главным инициатором открытия заведения выступал, как правило, глава семьи, за исключением чисто женских промыслов.

Мотивацию обращения к кустарному труду достаточно убедительно характеризует микроанализ ситуации по одному из уездов Пермской губернии — Осинскому. Эта территория достаточно показательна для Пермской губернии: здесь располагались как земледельческие волости, так и заводские, находящиеся в кризисном положении. Подворная перепись кустарных промыслов Осинского уезда (1914–1916 гг.) проводилась по трем программам: 1) районный бланк, 2) краткая подворная карточка, 3) расширенная подворная карточка.

В районный бланк вносилась информация о промысле во всем районе (в него входило несколько населенных пунктов), содержались сведения о повседневной жизни кустарей, что впоследствии вошло в опубликованные сборники подворных переписей в качестве комментариев, но в очень ограниченном объеме и, как правило, только по крупным центрам производства.

В краткой подворной карточке, которая заполнялась для всех кустарных хозяйств, содержались сведения о рабочем составе, числе грамотных, характере сбыта изделий,

---

² Современные концепции аграрного развития (Теоретический семинар) // Отечественная история. 1992. № 5. С. 20.

заготовке материала, размере надела. Отдельно указывалось время существования промысла в хозяйстве, содержались данные о том, чем до обращения к промыслу занимался кустарь и что заставило его («какие соображения») изменить занятие. Весьма подробные данные характеризовали место промысла в хозяйственной деятельности кустика (по трем градациям: «подсобное», «главное», «основное»), степень отрыва кустика от промысла для земледельческих работ. Имелись даже ответы на такие вопросы, как, например, считал ли кустарь, что «от работы на заводах, фабриках и пр. он может иметь лучший заработок» и что его «привязывало к промыслу», об изменении в технике промысла, и откуда они были заимствованы, о сортах изделий и их изменении. В той же подворной карточке указывалось место проживания кустика (волость, селение, община), его этническая принадлежность, фамилия, имя, отчество. Можно сказать, что в таких кратких подворных карточках прослеживаются целые судьбы кустарных производств в крестьянских хозяйствах, тут и основной вид хозяйственной деятельности до обращения к промыслу, и время возникновения промысла в хозяйстве, и его дальнейшее развитие.

В расширенной подворной карточке регистрировались производительность труда кустика, цены главных и побочных материалов, подробные условия их заготовки, цены изделий и пути их сбыта. Такие карточки заполнялись только для части хозяйств.

Изучение подворных переписей XIX — начала XX в. позволяет учесть комментарии регистраторов и земских статистиков, добиваясь репрезентативности получаемых данных и учитывая использованные тогда методы их сбора. В то же время, собранных данных достаточно, чтобы охарактеризовать мотивацию труда владельцев кустарных заведений, которые одновременно являлись мастерами.

В основу анализа были положены первичные материалы подворной переписи по тринадцати волостям Осинского уезда (1914–1916 гг.): по заводским волостям было обработано 98 кратких подворных карточек, по земледельческим — 252³. Программа исследования включала вопрос: «Какие соображения заставили переменить занятие?». Ответы кустика на него позволяют выявить мотивы обращения к промыслу. Все ответы кустика на этот вопрос были разделены на четыре основные группы: «статусные» мотивы (стремление к самостоятельности, независимости); «внешние условия»; «экономические стимулы»; «первичное обеспечение существования».

Первая группа ответов — это «статусные» мотивы, то есть сознательные устремления к открытию кустарных заведений (31,7% мастеровых и 12,5% земледельцев). Одним из таких мотивов было стремление к самостоятельности, к получению статуса владельца мастерской (31,7% мастеровых и 4,3% земледельцев): «хоть и не хуже жил у хозяев, а все же сам хозяин», «надоело ходить по людям», «до старости быть в работниках не хочется», «надоело работать под началом», «зачал жить своим домом, зачал сам работать», «захотелось жить дома», «дома работать лучше», «в своем доме работать лучше, чем в людях», «дома работать тепло», «захотелось самому хозяином». Столь существенная разница между мастеровыми и земледельцами объясняется тем, что для мастеровых кустарные промыслы, как правило, являлись

---

³ Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. 44. Оп. 1. Д. 279, 590, 253, 284, 280, 269, 252, 261, 259, 266.

основным или главным занятием, а для земледельцев — подсобным. И открытие кустарного заведения для большинства мастеровых означало повышение социального статуса до уровня самостоятельно хозяйствующего субъекта, «хозяина». Вторая часть ответов, которую можно включить в первую группу — это стремление открыть свой промысел, когда очевиден успех и успешный опыт соседей, других крестьян (8,2% крестьян ответили: «научились от соседа», «быть не хуже других», «все работают в деревне, чем хуже других, ну и начал», «смотрел, смотрел на других, завидно стало, дай, попробую сам, научился — стал работать», «в деревне все кулеванили, ну и начал», «народ ткет и мне надо»). Очевидно, что для земледельцев этот мотив занимал существенное место: промысел обычно привносился извне, опыт и успешность односельчан были существенны.

Внешние условия, порождавшие мотивы создания предприятия, сводились к семейным производственным традициям, задачам и необходимости обучения детей, малоземельем, свободным временем, семейными разделами и т.п. 54,7% мастеровых и 47,2% земледельцев ответили, что к кустарному промыслу их подтолкнули такие обстоятельства, как, например, «женитьба на дочери кожевенника», «исправник выжил за неблагонадежность, [поскольку мы] попа бить ходили», «выросли сыновья», «братья подросли, братьев учить надо», «лес вырубил, лесу мало, стал искать новое занятие», «кроме этого, не знал никакого промысла», «отделился от отца, стал один работать», «научился работать и стал работать». То, что со взрослением начали заниматься промыслом 30,2% мастеровых и 16,7% земледельцев, свидетельствует о сложившихся семейных традициях и значительной их роли в трудовой мотивации, особенно сильной в среде мастеровых.

Среди экономических стимулов двумя основными были временная экономическая выгода и возможность получения дополнительного заработка («куль стал дороже, вот и стал кулеванить»), «заработать на чай, сахар», «на приданое заработать дочери», «больше нет других приработков», «работать кули легко, лошадь не надо, в избе тепло», «зимой нечего делать, даром сидеть неохота», «ребята подросли, стали работать», «зимой никуда нельзя идти работать и стал дома за станком, тепло и шубы не надо», «ткет жена — в девках умела, (как) вздумает — ткет, если мочала готовы», «куль стал дороже, кули ткать выгодно», «сын подрос, надо ему какое-нибудь занятие», «дочь растет», «торговать барыша не стало, задумал куль ткать», «заработать на припас», «семья стала больше, стал сидеть дома», т.е. увеличение семьи, «заработать на мелочь», «заработать на расходы». Об этом сообщили 0,7% мастеровых и 20,5% земледельцев. Существенная разница в процентном отношении между группами свидетельствует, что для группы мастеровых экономические колебания не приводили к смене занятий, а для земледельцев — это было одним из важнейших стимулов к кустарному труду.

Четвертая группа — «первичное обеспечение существования» с целью удовлетворения бытовых нужд: «кормить ребят», «заработать на хлеб», «пить, есть охота»; «кушать надо», «надо чем-то кормиться», «нужда», «после смерти мужа иначе нечем», «муж ушел на войну, пришлось работать», «остались от отца сиротами — пришлось работать кули», «другой работы нет», «одна работа в деревне — привык», «привычка», «умер муж», «ушел на войну». Таковы ответы 3,9% земледельцев и 2,2% мастеровых.

Таким образом, первичные материалы подворных переписей, позволяют говорить о многообразии трудовых мотивов кустарей. Мотивация мастеровых и земледельцев имела, как вы видим, ряд отличий, но в обеих группах была велика роль семейных традиций. В научной литературе в качестве основных факторов обращения крестьянства к кустарным промыслам отмечены малоземелье и наличие свободного от сельскохозяйственных работ времени. Однако немало крестьян воспринимало промысел не только как вынужденное занятие, но и как возможность экономического и социального роста.

Сопоставляя данные по Московской губернии с данными, полученными по Уралу, можно найти параллели в трудовой мотивации кустарей: «работали с 11 лет в ученичестве или заведении отца», в основном также — «хлеба своего хватало». Но были и отличия (сказывалась близость Москвы): «многие уходили на фабрики и заводы, некоторые после наемных шли на службу: земство, почтамт и т.д. Стремление к собственному промыслу не отмечено»⁴.

Вторым субъектом социально-экономических отношений в кустарном производстве являлся семейный рабочий. Семейный рабочий находился в зависимом положении от главы семьи, который, как правило, являлся владельцем промыслового заведения. Эта категория была наиболее многообразна по своему половозрастному составу из всех четырех субъектов. Использование семейного труда для исследователей является определяющим признаком кустарного заведения. И действительно, если наемный труд использовала лишь определенная часть кустарей, то семейный — практически все. Число семейных рук, привлекаемых к промыслу, напрямую зависело от трудового ресурса семьи и технологии производства.

На половозрастной состав семейных рабочих оказывали влияние несколько факторов. Одним из них была доходность промысла (размер получаемого дохода влиял на долю кустарного промысла в бюджете хозяйства и на количество времени, которое отводилось на него). Другим — технологические особенности (там, где требовалась физическая сила — экипажный, кузнечный, сохоладный и др. виды — преобладал мужской труд, а там, где востребованы были изящество и тонкость работы — вышивка, кружево, ткачество и др. — женский). В большинстве промыслов, в первую очередь в тех, где существовало разделение труда (кирпичный, ложжарный, бондарный), использовался и мужской, и женский, и детский труд, и труд стариков.

Свое влияние имело и размещение кустарного производства: в крупном кустарном или земледельческом районах. В заводских районах, где промысел являлся, как правило, основным или главным занятием, число семейных рабочих, привлеченных к производству, было существенно больше, чем в земледельческих, где шел отток рабочих рук на сельскохозяйственные работы.

В кирпичном промысле мужчины мяли глину, оправляли кирпич и занимались его обжигом. Женский труд использовался для резки готовых изделий, носки глины на мяте, носки кирпичей и их подачи при нагрузке и выгрузке. Труд подростков в кирпичном промысле использовался в погонке лошадей, а также при нагрузке и выгрузке. Для кирпичного промысла было характерно широкое использование на-

---

⁴ Государственный исторический музей (ГИМ) Ф. 433. Оп. 1. Д. 18. Лл. 21, 26, 27об., 28.

емного труда. Так, в центре кирпичного промысла Пермского уезда — в Верхне-Муллинской волости — семейные рабочие составляли в 1912 г. только 32%, на одно хозяйство в среднем приходилось 1,6 семейных рабочих⁵. В Шадринском уезде в 1913 г. в кирпичном промысле семейный труд составлял 56%, на одно хозяйство в среднем приходилось 2,6 семейных рабочих⁶.

В мебельно-столярном промысле — возьмем к примеру Юговский завод Пермского уезда — использовался практически только мужской труд. Там в 1912 г. на долю семейного труда приходилось 57%. По возрасту большинство составляли мужчины 20 — 45 лет (67%), далее шли подростки от 14 до 20 лет (16%), люди пожилого возраста, 45–55 лет (12%) и, наконец, дети до 14 лет (6%). По подворной переписи было зафиксировано 133 хозяйства, занимавшихся промыслом, в среднем на одно хозяйство приходилось 1,3 семейных рабочих⁷.

Почти исключительно семейным производством оставался в начале XX в. бурачный промысел. В 52 заведениях Чусовской волости Пермского уезда (1912 г.) работали 89 семейных и 1 наемный рабочий. В промысле использовался в основном мужской труд, опять-таки большинство занятых составляли мужчины 20–45 лет (58%) и 45–55 лет (32%), меньше были заняты подростки (в возрасте 14–20 лет — 7%), девушки и женщины 14–20 лет (2%). Занятых женщин старшего возраста (45–55 лет) было всего около 1%⁸.

Женский труд широко использовался в гранильном промысле Березовского завода Екатеринбургского уезда (1887 г.): там 93% составляли женщины. Работницы отдавали весь свой заработок на нужды семьи, если семья была бедна, в зажиточных — тратили по собственному усмотрению. Полировщицы и сверлильщицы, жившие по соседству, часто занимали друг у друга материал, пользовались ступками, резцами, учили друг дружку отливать особые колёса (шкивы) и пр. Гранильщицы переносили даже свои станки к «соседкам-подружкам», чтобы «веселее работалось»⁹. Женским занятием был и ткацкий промысел, так, в Шадринском уезде (1913 г.) в нем было занято девушек от 14 до 20 лет — 41%, женщин 20–45 лет — 45%, 45–55 лет — 8%; дети составляли 6% работниц¹⁰.

Детей делили по возрасту: дети до 13 лет и подростки 14–16 лет. Детский труд использовался на несложных и легких работах, но эти работы приносили зачастую вред здоровью (выделение вредных паров, пыль, темные помещения и т.п.). Анти-санитарная обстановка оказывала негативное влияние на их здоровье.

Чем доходнее был промысел, тем более крепкое, сильное по возрасту население он привлекал. Но существовали промыслы, где работали только старики, убогие или калеки. В ложкарном промысле работала только молодежь до определенного возраста (до солдатчины и самостоятельного ведения хозяйства)¹¹. Труд детей и стариков использовался широко: по подворной переписи 1894–1895 гг. среди семейных рабо-

⁵ Подсчитано по: Очерк кустарных промыслов Пермского уезда. Пермь, 1913. С. 24.

⁶ Очерк кустарных промыслов Шадринского уезда. Пермь, 1915. С. 80.

⁷ Очерк кустарных промыслов Пермского уезда. Пермь, 1913. С. 8.

⁸ Там же. С. 15.

⁹ Гранильный промысел на Урале. Екатеринбург, 1887. С. 16, 17, 31, 38.

¹⁰ Очерк кустарных промыслов Шадринского уезда. Пермь, 1915. С. 90.

¹¹ Рыбников А.А. Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий. М., 1913. С.43.

чих, занятых в кустарном производстве, дети в возрасте до 11–13 лет составляли 19,9%, а старики (60 и более лет) — 5,3%¹².

Источники фиксируют случаи принуждения к труду подростков. «Подросток, желающий научиться ремеслу или которого принуждает отец, поступает в подмастерья к какому-нибудь ремесленнику. У последнего он работает года 3–4, только после такого учебного периода он может работать самостоятельно. Рабочими-подмастерьями являются местные же крестьянские дети — подростки. В подмастерья они идут не из-за заработной платы, а скорее научиться ремеслу. Живут они в своих домах у родителей» (сапожный промысел, земледельческая волость)¹³.

Семейный рабочий, получивший в подростковом возрасте технические знания и навыки работы в каком-либо кустарном промысле, как правило, стремился открыть после семейных разделов свою мастерскую. Опыт промысловой деятельности имел для подростков значение подготовки к самостоятельной жизни, но мог и подрывать их здоровье (особенно в таких промыслах, как пимокатный, гончарный, кожевенный). Занятия кустарной работой носило циклический характер. Объемы производства для большинства семей кустарей зависели от циклов смены поколений. В момент, когда глава семьи был в расцвете трудовой деятельности (около и более 40 лет), а дети (чаще именно сыновья) достигали рабочего возраста (16–25 лет, и еще не отделялись), семейное производство становилось наименее затратным и наиболее доходным. С уменьшением числа рабочих рук в семье иногда один промысел менялся на другой, посильный.

Третьим субъектом социально-экономических отношений в кустарных промыслах являлся наемный рабочий. Степень использования наемного труда для большинства исследователей является показателем степени капитализации кустарных промыслов, а также первым шагом в процессе перерастания кустарного заведения в фабричное. Но есть и другой аспект — вопрос об обоснованности привлечения наемного труда кустарями-владельцами предприятий. Что лежало в основе: стремление к увеличению масштабов производства, технология или что-то иное? Одновременно стоит задуматься над вопросом о продолжительности использования наемного труда: сдельно /поденно, постоянно/временно, на отдельные виды работ... Обратимся вновь к материалам подворной переписи Осинского уезда.

Сдельная форма распространялась тут в слабых хозяйствах, мелкопосевных, малошадных, наиболее промысловых. Применение ее обуславливалось недостатком живого и мертвого инвентаря и не создавало почвы для эксплуатации. Последняя порождалась срочковой формой, обращение к которой обуславливалось недостатком рабочей силы (хотя нет правил без исключений, так что и сильные хозяйства прибегали порой к сдельному наемному труду¹⁴).

В 1912 г. преобладающей формой найма в Пермском и Екатеринбургском уездах была как раз сдельная¹⁵. В Оханском — также сдельная, но в сапожном промысле

---

¹² Подсчитано по: Очерк кустарной промышленности Пермской губернии. Пермь, 1896. С.46.

¹³ ГАПО. Ф.44. Оп.1. Д 273. Л 2об., 3.

¹⁴ Кондратьев Н.Д. О крупнокрестьянских хозяйствах // Кондратьев Н.Д. Особое мнение. М., 1993. Кн. 1. С.45–46.

¹⁵ Очерк кустарных промыслов Пермского уезда. Пермь, 1913. С.4.

встречалась и сроковая (недельная)¹⁶. В Шадринском уезде, в 1913 г. встречалась как сдельная, так и сроковая (недельная, месячная, поденная) форма оплаты труда. Сроковый найм преобладал в сапожном, пимокатном, кузнечном промыслах, а сдельный — господствовал в кожевенном, овчинном, сыромятном, кирпичном, прядильном¹⁷.

Применение наемного труда в кустарных промыслах Пермской губернии в конце XIX — начале XX в. было существенным, но не определяющим. Причем разница в процентном соотношении применения наемной силы по уездам губернии была значительной. В конце XIX в. средний процент использования наемной силы по губернии составлял 25,4%. Наибольший процент наблюдался в Верхотурском, Екатеринбургском, Пермском, Чердынском, Красноуфимском уу., колеблясь от 30,1% до 40,5%. Наемные рабочие в Осинском, Оханском, Шадринском, Ирбитском, Кунгурском уу. составляли 18,8–28,8%. В Соликамском и Камышловском — наемная сила применялась незначительно и не имела существенного веса.

Абсолютные цифры применения наемной силы по уездам не вполне отражают повседневную реальность. В одних промыслах уезда наемная сила применялась широко, в других — не использовалась совсем. Большинство кустарей вообще не использовали наемную силу, ее значительное применение отмечено в кустарных заведениях, которые приближались к типу рассеянной мануфактуры.

В разных уездах Пермской губ. использование наемной силы в промыслах одного вида было сходно, но в масштабах одного уезда в разных промыслах — различно. Так, широкое ее использование наблюдалось в промыслах со сложной многофункциональной работой (кузнечные, токарные, слесарные, сборочные работы, окраска), требующих высокой квалификации. (машиностроительный, экипажный, сундучный, шорно-сыромятный, овчинный, посудо-клепальный, сапожный, кирпичный, кожевенный промыслы). Необходимое число рабочих на весь технологический цикл машиностроительного промысла было в среднем около 9 человек¹⁸, редкая семья могла иметь такое количество взрослых сыновей, приходилось нанимать рабочих. В Очерском заводе в 28 машиностроительных заведениях с общим числом рабочих 201 чел., наемными были 145 чел. (72% занятых)¹⁹. В Курашимском заводе Пермского у. в 15 сохолодных мастерских с общим числом рабочих 94 чел. процент наемного труда составлял 69,2%²⁰. А в целом по Пермскому уезду в сохолодном промысле насчитывалось до 66% наемных рабочих²¹; в промысле по производству сельскохозяйственных машин в Оханском у. — 72,1%²²; в Екатеринбургском (производство молотилок) — 92,0%²³.

---

¹⁶ Очерк кустарных промыслов Оханского уезда. Пермь, 1915. С.38, 53; Очерк кустарных промыслов Екатеринбургского уезда. Пермь, 1912. С.10.

¹⁷ Очерк кустарных промыслов Шадринского уезда. Пермь, 1915. С. 19–20..

¹⁸ Очерк кустарных промыслов Оханского уезда. Пермь, 1915. С. 33.

¹⁹ Там же. С. 26–27.

²⁰ Очерк кустарных промыслов Пермского уезда. Пермь, 1913. С. 37.

²¹ Там же. С. 4.

²² Очерк кустарных промыслов Оханского уезда. Пермь, 1915. С. 22.

²³ Очерк кустарных промыслов Екатеринбургского уезда. Пермь, 1912. С. 10.

В кузнечно-экипажном промысле Пермского у. доля наемного труда составляла 44%²⁴, Оханского — 32%²⁵, Екатеринбургского — 44%²⁶, Шадринского — 38%, Верхотурского уезда — 82%²⁷. В шорно-сыромятном промысле наемный труд в Шадринском уезде составлял 37%²⁸, в Верхотурском — 48%²⁹. В сундучном промысле наемные рабочие составляли в Верхотурском у. 65%³⁰, в Екатеринбургском — 80%³¹.

В Пермском у. наемный труд в сапожном промысле составлял 39,0%³², в Оханском — 41,5%³³, в Шадринском у. — 14,8%³⁴, в Верхотурском — 37,6%³⁵, в Екатеринбургском — 16,1%³⁶. В сапожном промысле наблюдались значительные различия по уездам в масштабах применения наемного труда. В Екатеринбургском у. низкий процент применимости наемного труда объяснялся упадком промысла, который на протяжении начала XX в. сокращался.

Промыслы, которые не требовали от кустика высокой квалификации по нескольким видам производств или одновременного участия нескольких рабочих, как правило, не приводили к привлечению значительного числа наемной силы. Это — гончарный, камнерезный, рогожно-кулеткацкий, пимокатный промыслы. Они были распространены в земледельческих волостях и носили, как правило, подсобный характер. Кустари не стремились к расширению собственного производства.

В гончарном промысле наемные рабочие составляли в Пермском у. до 15,4%³⁷, в Оханском — 4,8%³⁸. В рогожно-кулеткацком промысле Пермского у. наемный труд практически не привлекался, его доля составляла 9,7%³⁹. В пимокатном промысле Шадринского уезда 11,3% рабочих были наемными, в Екатеринбургском (Быньговский, Кыштымский и Каслинский заводы) почти половина работающих — до 45%⁴⁰. В гранильном промысле Екатеринбургского у. в 1887 г. наемные рабочие составляли всего лишь 0,9%, но в 1912 г. уже четверть всех занятых — 24,1%. Применение наемной силы возросло, хотя в целом число кустарных заведений сократилось на 50%, а рабочих — на 33%⁴¹.

---

²⁴ Очерк кустарных промыслов Пермского уезда. Пермь, 1913. С. 38.

²⁵ Очерк кустарных промыслов Оханского уезда. Пермь, 1915. С. 22.

²⁶ Очерк кустарных промыслов Екатеринбургского уезда. Пермь, 1912. С. 10.

²⁷ Очерк кустарных промыслов Шадринского уезда. Пермь, 1915. С. 18.

²⁸ Там же. С. 18.

²⁹ Очерк кустарных промыслов Верхотурского уезда. Пермь, 1915. С. 12.

³⁰ Там же. С. 12.

³¹ Очерк кустарных промыслов Екатеринбургского уезда. Пермь, 1912. С. 71.

³² Там же. С. 4.

³³ Очерк кустарных промыслов Оханского уезда. Пермь, 1915. С. 49.

³⁴ Очерк кустарных промыслов Шадринского уезда. Пермь, 1915. С. 18.

³⁵ Очерк кустарных промыслов Верхотурского уезда. Пермь, 1915. С. 52.

³⁶ Очерк кустарных промыслов Екатеринбургского уезда. Пермь, 1912. С. 46.

³⁷ Очерк кустарных промыслов Пермского уезда. Пермь, 1913. С. 28.

³⁸ Очерк кустарных промыслов Оханского уезда. Пермь, 1915. С. 62.

³⁹ Очерк кустарных промыслов Пермского уезда. Пермь, 1913. С. 20.

⁴⁰ Очерк кустарных промыслов Шадринского уезда. Пермь, 1915. С. 18.

⁴¹ Очерк кустарных промыслов Екатеринбургского уезда. Пермь, 1912. С. 33–34.

Половозрастной состав наемных рабочих имел очевидные различия по промыслам.

В основном, наемными рабочими были мужчины в возрасте от 20 до 45 лет или подростки 14 — 20 лет. Женщины, дети, старики шли в найм куда реже. В мебельно-столярном промысле Пермского уезда по данным подворной переписи 1912 г. 44% наемных рабочих имели возраст от 14 до 20 лет, дети составляли 18,2%⁴². Иная картина — в сапожном промысле: там велика была численность подростков, чей дешевый и даже бесплатный труд в качестве учеников и подмастерьев, активно привлекался кустарями (табл. 1).

Таблица 1

Половозрастной состав наемных рабочих в сапожном промысле Шадринского, Пермского, Верхотурского и Екатеринбургского уу.⁴³

Уезд, год проведения переписи	Мужчин, процент			Женщин, процент			Детей, процент до 14 л.
	14–20 л.	21–45 л.	46 и более	14–20 л.	21–45 л.	46 и более	
Шадринский (1913 г.)	18,9	48,2	2,9	16,1	2,2	0	11,7
Пермский* (1913 г.)	29,4	70,0	4,4	0	0	0	1,9
Верхотурский (1913 г.)	28,6	45,5	14,6	0,9	1,4	0	9,1
Екатеринбургский (1912 г.)**	46,1	46,1	2,2	1,1	1,1	0	3,3

* Данные только по Юговскому заводу, Чусовской и Успенской волостям Пермского уезда.

** Данные только по сапожному промыслу Березовского и Невьянского заводов.

Промысел по производству сельскохозяйственных орудий по своему технологическому процессу был, пожалуй, одним из наиболее сложных, что и определило состав наемной рабочей силы. В Екатеринбургском у. (производство молотилок в Каслинском заводе и Бруснятской вол.) по данным подворной переписи 1912 г. мужчины в возрасте 14–20 лет составили 15,6%, а 21–54 лет — 84,4% работающих по найму⁴⁴.

Экипажно-кузнечный промысел концентрировался в селениях, где, собственно, собирали экипажи; в нем в качестве наемных рабочих привлекались более взрослые мужчины, но в ряде уездов (например, Пермском) существенный процент составляли подростки.

Применение наемного труда в кустарных промыслах не следует рассматривать как одностороннюю эксплуатацию и признак явного расслоения крестьянства. В це-

⁴² Очерк кустарных промыслов Пермского уезда. Пермь, 1913. С. 8.

⁴³ Подсчитано нами по: Очерк кустарных промыслов Пермского уезда. Пермь, 1913. С. 4; Очерк кустарных промыслов Шадринского уезда. Пермь, 1915. С. 17–18; Очерк кустарных промыслов Екатеринбургского уезда. Пермь, 1912. С. 10; Очерк кустарных промыслов Верхотурского уезда. Пермь, 1915. С. 12.

⁴⁴ Подсчитано нами по: Очерк кустарных промыслов Екатеринбургского уезда. Пермь, 1912. С. 10.

лом ряде промыслов наемные рабочие в чужих мастерских проходили обучение, а когда получали необходимую квалификацию и обзаводились семьей, — открывали собственные заведения. Восприятие наемного труда самими кустарями, отношение к нанятым самими же кустарями работникам — одни из самых неразработанных в литературе.

Пытаясь восполнить этот пробел, сразу отметим, что основным фактором, влиявшим на объемы использования наемного труда, было трудовое положение семьи. Подтверждение тому — материалы подворных переписей. Судя по ним, и мастеровые, и земледельцы, не особо стремились (да и не имели возможности) к расширению кустарного производства за счет применения наемной силы. Главным фактором увеличения или уменьшения числа рабочих рук в промысле были семейные обстоятельства (смерть и достижение членами семьи трудоспособного возраста, уход на войну членов семьи и т.д.)⁴⁵, второстепенным — экономические причины. Материалы подворной переписи Осинского у. доказывают негативное отношение кустарей к труду по найму, противоположение его самостоятельной работе «на себя»: «заработок лучше», иной раз говорили они при открытии своего заведения, но «на хозяина работать тяжелее, а от людей нет уважения, а когда хозяин сам себе, при своей домашности, и от других почтение и себе легче: хочу — работаю, хочу — нет»... Этим словам вторят другие: «Всякий, кто научился быть мастеровым, стремится быть хозяином!», «Самому — прибытков больше!»; «не наживался наемной работой, походил от одного хозяина к другому, да недельку без работы не у дел, так и свое дело заведешь. Корову продал, купил кузницу»⁴⁶.

Отчего столь велико желание крестьянина стать собственником и так велик страх оказаться в рабочих, — задавались вопросом участники теоретического семинара по аграрной истории России XIX в. Разница в доходах часто бывала невелика (во всяком случае, несоизмерна стремлению стать хозяином), снижение по этой социальной лестнице означало бы резкое снижение гарантий существования, увеличения риска, — размышляли они⁴⁷. Но так или иначе, абсолютное большинство наемных рабочих среди кустарей стремились к открытию собственной мастерской.

Кустарные промыслы в Пермской губернии и в 1910-е годы не достигли стадии массового перехода к формированию предприятий. Мастеровые обладали большими возможностями для привлечения наемной силы, нежели земледельцы. Статус наемного работника в крестьянской среде был существенно ниже, чем статус владельца хоть маленькой, но собственной мастерской. Все лица наемного труда в среде кустарей и отходников мечтали изменить свой социальный статус, и в целом в кустарном производстве наблюдалась высокая трудовая мобильность.

Четвертым субъектом социально-экономических отношений в кустарных промыслах, тесно связанным с социальной группой кустарей, был скупщик, который нередко был и торговцем. Часть скупщиков совмещала торговую и производственную деятельность, другая же объединяла выходцев не из среды кустарей, а пришлый люд.

---

⁴⁵ ГАПО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 279, 590, 253, 284, 280, 269, 252.

⁴⁶ ГАПО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 267. Л. 14 об.

⁴⁷ Современные концепции аграрного развития (Теоретический семинар) // Отечественная история. 1992. № 5. С. 6.

Скупщик оставался всегда неотъемлемым элементом в производственно-бытовой цепочке кустарных промыслов, и роль скупщиков оценивалась не раз — и как правило — негативно. Причина тому — не только методологическая предрешенность, но и привлечение неких усредненных данных, как правило, по селениям, располагавшимся вблизи крупных городов и промышленных центров. Так, В.И. Ленин в своей работе «Кустарная перепись 1894/1895 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности» писал, что «работа на скупщика есть... отсталая форма капитализма, и в современном обществе эта отсталость ведет в ней к особому ухудшению положения трудящихся, эксплуатируемых целым рядом посредников..., раздробленных, вынужденных довольствоваться самой низкой заработной платой, работать при условиях крайне антигигиенической обстановки и чрезмерно длинного рабочего дня, — а главное, при условиях, крайне затрудняющих возможность общественного контроля за производством»⁴⁸.

Л.В. Ольховая отмечала, что на Урале в начале XX в. степень кооперирования мелких товаропроизводителей была довольно низкой, а деревенское ростовничество — процветало. Подавляющая масса кустарей, с ее точки зрения, работала на скупщиков, крупных перекупщиков и купцов⁴⁹. Однако стоит рассмотреть поездные данные, как картина меняется. Более половины кустарей (52,8%) Оханского у. Пермской губ. в 1913 г. были кустарями-ремесленниками, работающими на заказчиков-потребителей. На вольный рынок работали 33,6% кустарей, а на скупщиков только 13,6%⁵⁰. В Екатеринбургском у. кустари, работавшие на вольную продажу, составляли 15,6%, на скупщика — 18,4%, заказчика-производителя — 5,1%, заказчика-потребителя — 38,4, неопределенно — 22,5%⁵¹. кустари Верхотурского у., работавшие на заказчика-потребителя, составляли 46,92%, на «вольный рынок» — 34,83%, на скупщиков — только 18,25%. Таким образом, говорить о господстве скупщиков в кустарном производстве Пермской губ. в начале XX в. как-то не приходится.

Одной из важнейших проблем, стоявших перед кустарем, был недостаток оборотного капитала, что и порождало скупщичество. Скупщик был, как правило, единственным кредитором. Вот почему самым распространенным способом закабаления мелкого производителя было предоставление ему сырья в счет будущих изделий (под их залог). При этом скупщик навязывал кустарю сырье не лучшего качества и по ценам выше рыночных, а готовые изделия принимал по ценам ниже рыночных. Широко распространенной была браковка товара скупщиком, что приводило к значительному понижению ранее оговоренной цены. Но хотелось бы отметить, что случаи предоставления кустарями на земский склад, выставки и ярмарки некачественного и даже бракованного товара, фиксировались неоднократно. И, возможно, браковка товаров кустарей скупщиками, имела под собой почву, и являлась не только путем достижения личной наживы. Стоит учитывать, что в целом ряде случаев скупщик был необходим кустарям, они находились во взаимозависимом положении.

⁴⁸ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд-е пятое. Том 2. М., 1958. С. 399.

⁴⁹ Ольховая Л.В. Мелкая промышленность Урала в годы Первой мировой войны // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 341–342

⁵⁰ Очерк кустарных промыслов Оханского уезда. Пермь, 1915. С. 3.

⁵¹ Очерк кустарных промыслов Екатеринбургского уезда. Пермь, 1912. С. 7.

Материалы районных бланков обследования кустарных промыслов Осинского у. и свидетельства современников свидетельствуют, что в среде кустарей-земледельцев социальных конфликтов и противоречий было куда меньше, чем среди кустарей-мастеровых. А все потому, что скупщиками в среде кустарей-земледельцев были сами кустари-производители, просто более состоятельные, которые могли скупать изделия других и имели возможность доставить их к местам сбыта (как правило, это ярмарки). Так, сапожники дер. Кокуй Медянской вол. Осинского у. работали исключительно на скупщика, который являлся одновременно и заказчиком-производителем. Сапожники не работали на вольную продажу из-за «несостоятельности», а работу на заказчика-производителя-скупщика считали более выгодной, постоянной. Материал сапожники получали от заказчика-производителя, который жил в Воскресенской вол. Заказчиком— производителем был крестьянин Федор Андреев Новокрещенных, который жил в соседнем селе Воскресенском, находившемся за 8–10 верст от деревни Кокуй. Привозя материал на дом кустарю, заказчик-производитель заказывал определенное количество изделий и выдавал материала и соответственно оплачивал кустарю только работу. При этом заказчик сам скупал по соседним деревням овчину и кожу выдывал в своей кожевне. «Из разговоров регистратора с кустарями выяснилось, что они были довольны и даже благодарны ему за то, что он обеспечивал им постоянный и приличный заработок»⁵².

Но и среди земледельцев были скупщики, не занимавшиеся промыслом. Так в с. Рубежево Ординской волости Осинского у. гончарным промыслом занималось до 90 хозяйств. При этом многоземельные и богатые крестьяне в промысле не участвовали, а лишь скупали изделия и развозили по базарам. У рядовых же крестьян не было возможности самим ездить с продажей изделий на ярмарки: «рад бы поехать сам по базарам, да, во-первых, нет лошади, а затем не в чем ехать», говорили они. Один из информаторов записал тогда: «Усомнившись в последнем, должен был признать правильность слов кустаря, когда тот сбросил всю одежду, какая была, на полатах. В ней далеко не уедешь»⁵³. Бедные кустари находились полностью в руках скупщиков: те выдавали деньги вперед, а кустари впоследствии отработывали их по низкой цене, которую им устанавливали заранее⁵⁴. Сами кустари хоть и понимали, что цена скупщика низкая, но находили свою выгоду: «Нам не приходится ждать за скупщиком, пока тот продаст, потому голодом насидишься» (под «голодом» понимался «голод чаю и сахару») ⁵⁵. Стоит учитывать, что крестьяне часто при ответах переписчиком сознательно ухудшали картину своей жизни. Например, кустари хоть и «плакались горько», что продавали глазированную посуду по 6–7 руб. за сотню изделий, на самом деле негласно договаривались, что дешевле 8 руб. за сотню изделия скупщикам не отдадут. А один из гончаров получал и 8 руб. 30 коп. за сотню своего товара. При усилении спроса (перед праздниками и, особенно, в Великий пост) закупочная цена увеличивалась⁵⁶. Так что кустари-владельцы производств вырабаты-

---

⁵² ГАПО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 273. Л. 3об., 7, 7 об., 10.

⁵³ ГАПО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 273. Л. 3об., 7, 7 об., 10.

⁵⁴ Там же. Л. 17 об.

⁵⁵ Там же. Л. 23 об.

⁵⁶ ГАПО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 267. Л. 27 об.

вали сами механизмы противостояния скупщикам, одним из них был сговор о ценах, ниже которых изделия не сдавались в продажу.

Среди кустарей-мастеровых отношения со скупщиками складывались сложнее. В заводских селениях различия между ними были значительнее, поскольку скупщики занимались только скупкой (а не доставкой материалов, подручных инструментов и т.п.). Так, мастерские Камбарского завода получили землю (по 2 десятины земли на душу), к тому же неважного качества, очень поздно — в 1913 г. Земледелие в их хозяйстве так и не стало играть главной роли, «жили» и прирабатывали кузнечно-экипажным промыслом. К скупщикам изделий на этом заводе наблюдалось острое «неприятие», ведь единоличные кустари самостоятельно заготавливали материал, а могли и сбывать изделия на ярмарках Перми, Ирбита, Мензелинска, Тюмени и Нижнего Новгорода. С 1904 г. зажиточные кустари по договоренности с сибирскими покупателями, торговцами и представителями торговых компаний на ярмарках (Ирбитской и Нижегородской) получали оптовые заказы, и заказчики могли сами приехать в Камбарку. Менее богатые кустари вынужденно обращались к скупщикам, иначе несли убытки на ярмарках. Когда цены на материал (дерево и железо) возросли, а доступного кредита кустари так и не получили, это способствовало окончательному разорению мелких и средних кустарей. Положение же зажиточных — укрепилось, и они сами стали выступать в роли скупщиков («кустари-заимщики»). В 1914 г. их насчитывалось тут 10 человек. Самостоятельные мелкие кустари были в 20–30 хозяйствах. Общее же число кустарей, занимавшихся кузнечно-экипажным промыслом, достигало 200 хозяйств. Большинство кустарей-экипажников Камбарки работало на «заимщиков», пользуясь их материалами. В среднем на одного мастера-«заимщика» (без кузнецов) приходилось до 15 человек наемных рабочих. Традиционным явлением для Камбарки считался весенний отход на работы по рубке, погрузке и сплаву леса. И как только начинала спадать вода, камбарцы «тянулись за Пермь». В это горячее для промысла время «заимщики» теряли рабочие руки, что вело к повышению заработной платы. Когда же сплавные работы прекращались (1 октября), и рабочие возвращались, оплата труда уменьшалась, достигая своего минимума зимой (разница оплаты в поденной работе достигала 1 рубля). Кустари говорили об этом так: «С 1 октября пятаки пойдут». Регистратор же, проводивший подворное обследование, записал так: «Если бы выросли у кустаря-ремесленника и особенно наемного... клыки, то они не преминули бы разорвать их (заимщиков — Ю.К.)... То же чувство питают и заимщики к рабочим, но не рвут друг друга, потому что друг без друга существовать они не смогут...». Наемные рабочие более двух недель на одного скупщика или кустаря не работали, часто переходили от одного хозяина к другому в поиске «лучшего». Эта ситуация обосновывалась экономически. При сужении рынка наемной рабочей силы, цены по оплате возрастали, при расширении — понижались. Часть заработной платы скупщики выдавали мукой, сахаром, чаем, маслом и т.п. по завышенным ценам⁵⁷.

В камнерезном и гранильном промыслах Екатеринбургского у. скупщики оказывали очевидно негативное влияние на развитие промысла. «Скупщики стараются скупать наивозможно большее количество изделий, нисколько не заботясь об их качестве, так как, например, граненые камни ныне почти все сбываются на вес... В расчет

⁵⁷ ГАПО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 268. Л. 1, 1 об., 2, 3, 4, 14.

скупщиков, главным образом, входит — выгнать возможно больше веса в камнях, хотя бы и получить при этом некоторое понижение в цене. Не преследуя лучшей отделки изделий, скупщики назначают на них самые низкие цены, при которых мастера только стараются изготовить возможно больше вещей. При таких условиях заботиться о более художественной стороне изделий рабочему, конечно, не приходится»⁵⁸. На масштабы промысла, его техническую сторону непосредственное влияние оказывал скупщик, в руках которого находились практически все кустари. Скупщиками выступали и Екатеринбургские магазины, принимавшие от кустарей изделия промысла. Взаимоотношения осложнялись соперничеством Березовских скупщиков и Екатеринбургских торговцев, которые всячески пытались не допустить самостоятельной продажи Березовскими скупщиками изделий на ярмарках⁵⁹. В Мраморском заводе кустари работали на подрядчиков, иногда цепочка от покупателя к кустарю включала несколько звеньев. Кустари за свою работу получали очень незначительный заработок, в то время как подрядчики 57% и даже 89% прибыли⁶⁰.

Снижение стоимости изделий и получение высоких прибылей было возможно за счет исключения из цепочки «кустарь — скупщик — потребитель» скупщика, который во многом определял цену товара. Именно он, между тем, не только назначал цену, но и продавал сырье кустарю по завышенной стоимости. Скупщик был и кредитором, и это совмещение функций на определенном этапе стало тормозить развитие кустарного производства, сокращая получение прибыли в среде кустарей до минимума. Правда, в условиях российского рынка конца XIX — начала XX в. отдельный кустарь не мог свободно выходить на рынок, требовался посредник. И таким посредником на отдельных территориях стало земство. Например, гвозди кустарей Бисертского завода сбывались при посредстве Красноуфимского уездного кустарного склада и лавки Бисертского общества потребителей. Кустарям выдавалась полная стоимость представленных в склад гвоздей. Эта мера была нацелена на ликвидацию влияния скупщиков на кустарей⁶¹.

Ответом на такие действия стало стремление скупщиков скрыть свой статус и доходы в ходе переписей. «Замечалось, что кустари, работающие на скупщика, из боязни последнего, умалчивали о нем. На вопрос: чьи изделия сбывает кустарь, только свои или покупные, у редкого являлось желание оказать себя сбывающим и покупные изделия, так как это обстоятельство указывало бы на благосостояние опрашиваемого, находящегося выше уровня других крестьян»⁶². Главной причиной этого, как можно предположить, являлась боязнь повышения налогов со стороны властей. Крупные скупщики в экипажном промысле Пермского уезда «всячески старались не посвящать в результаты своих оборотов посторонних»⁶³.

Таким образом, скупщик в российской деревне занимал прочное положение и играл очень неоднозначную роль. В ряде случаев он был необходим кустарям, они

⁵⁸ Павловский Б. Камнерезное искусство Урала. Свердловск, 1953. С. 109.

⁵⁹ Гранильный промысел на Урале. Екатеринбург, 1887. С. 28–29.

⁶⁰ Там же. С. 77.

⁶¹ Обзор Пермской губернии за 1897 г. Пермь, 1898. С. 44.

⁶² Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии: Заводской район. Казань, 1894. Вып. V. С. 11.

⁶³ Обзор Пермской губернии за 1911 г. Пермь, 1912. С. 50.

находились во взаимозависимом положении, поэтому однозначно утверждать, что скупщик и кустарь в начале XX в. были лишь в состоянии социального конфликта, неверно. К тому же в Пермской губ. широкого использования наемного труда так и не началось и немногие из кустарей прибегали к расширению производства за счет наемных рабочих. Кустарные производства там были в полной мере «полутрудовыми хозяйствами» (Н.Д. Кондратьев) — то есть такими хозяйствами, «в котором организационная роль лежит на хозяйствующей семье или ее главе, исполнительная роль выполняется одновременно и семьей и наемным трудом, доход поступает в распоряжение семьи, в которой — наряду с отношениями сотрудничества — имеются отношения эксплуатации наемного труда»⁶⁴.

Для большинства земледельцев кустарные промыслы были подсобным делом, а для мастеровых — основным или главным. Промыслы оказывали влияние на положение этих групп по-разному. Анализ ответов кустарей о виде их деятельности до открытия собственного кустарного заведения позволяет понять, какому виду деятельности сам кустарь придавал особое значение и с каким сравнивал свой промысел. Правда, ответы кустарей иногда были весьма расплывчаты. Так, говоря, что ранее он занимался «вывозкой леса», кустарь мог подразумевать и то, что зимой он занимался работами в лесу, а летом — земледелием. Согласно ответам, земледелием мастеровые не занимались вовсе, а 36% земледельцев были заняты приработками как кустари; в качестве наемных рабочих в промысле работало 62% мастеровых и 13% земледельцев, работой в семье («с малолетства этим занимался») — 26% мастеровых и 24% земледельцев. По тем же данным, работали на заводах — 3% мастеровых и никто из земледельцев, торговлей — по 1% мастеровые и земледельцы, лесными работами — 2% мастеровых и 14% земледельцев, извозом — 2% мастеровых и опять-таки никто из земледельцев, другими промыслами — 5% земледельцев и никто из мастеровых.

Хотелось бы заметить, что пункт о работе в семье для кустарей-земледельцев включал в себя и полевые работы, так как промысел для таких семей являлся подсобным занятием. Таким образом, число кустарей-земледельцев, занимавшихся до открытия кустарного заведения исключительно земледелием, приближается к 60%.

Горнозаводский кризис промышленности на Урале высвободил значительную часть мастеровых, которые оказались в сложном социально-экономическом положении. Наделение земель их затянулось, некоторые не получили земли и к 1914 г. Как показали земские обследования, большинство мастеровых, получивших землю в 1880-е гг., перешли к земледелию, и оно стало для них основным хозяйственным занятием. Мастеровые же, наделенные землей в начале XX в., как правило, ориентировались на кустарные промыслы и отходничество.

В среднем по губернии промысловая семья получала прибыли (без вычета из нее стоимости работы членов семьи) 176 руб. 38 коп. в год, по отдельным промыслам та же прибыль варьировалась от 22 руб. (производство сит) до 958 руб. 94 коп. (медноиздельный промысел)⁶⁵. Мастеровые обращались, как правило, к более, а земледельцы — к менее доходным промыслам.

⁶⁴ Кондратьев Н.Д. О крупнокрестьянских хозяйствах // Кондратьев Н.Д. Особое мнение. М., 1993. Кн. 1. С. 45.

⁶⁵ Записка Пермской губернской управы о мерах к обеспечению горнозаводского населения в продовольственном отношении. Пермь, 1901. С. 74.

Смена трудовых занятий для мастеровых не проходила безболезненно, им постоянно приходилось делать выбор между различными видами хозяйственной деятельности: земледелием, кустарными промыслами, работой на рудниках и приисках и т.д. Размер получаемого надела не позволил многим заняться исключительно сельским хозяйством. «Заводские рабочие, отставшие от работ, выброшенные за борт крупного производства, не скоро выходят из инерции... Куда только не бросается тогда заводской рабочий, пробует он и землю пахать, ищет работ по своей специальности на других заводах, уходит на работу в рудники... и наконец мало-помалу начинает приниматься за какой-нибудь постоянный промысел»⁶⁶.

Вопрос об имущественной дифференциации крестьянства имеет существенное значение в изучении социальных отношений в среде кустарей. Ухудшение экономической ситуации для промысловой деятельности (повышение цен на сырье, снижение цен на изделия и др.) вело к постоянному сокращению числа семей, занимавшихся промыслом. Богатые отказывались промышлять, если промысел не принесил существенной прибыли, бедняки забрасывали промысел из-за недостатка средств. Промысел сохранялся лишь за счет средних слоев. Такова была ситуация, например, с производством кирпичей в с. Орда Осинского у. в 1910–1914 гг.⁶⁷

Мастеровые, для которых кустарные промыслы являлись основным или главным занятием, не меняли основы своей хозяйственной деятельности. В заводских волостях богатые кустари шли на усиление эксплуатации наемных рабочих, бедные в таком случае уходили в работу по найму, середняки — сокращали производство. При наличии другой, более выгодной, работы кустари уходили в отход. «Никогда не приходилось ему, — говорит кузнец про брата ушедшего в отход на лесные работы в Верхотурский у. — рубить топором дерева и пилить дрова, а вот сильная сбавка за работу от «заимщиков» и особенно в зимнее время, заставила бросить его струг (ушедший подеревщик) и взяться за топор». «Ушедшие на лесные работы (зимой) человек 10–15 кустарей,... ликвидировав дела, покупают лошадь и работают на вновь строящейся железной дороге Екатеринбург-Казань»⁶⁸.

Мастеровые в силу исторического опыта (заводские работы, отвлечение на кустарные промыслы) были готовы к частой перемене вида деятельности, что создавало основу для высокой трудовой мобильности мастеровых, определяя их преимущества перед кустарями-земледельцами. Вообще для мастеровых, в меньшей степени для земледельцев, было характерно учитывать экономическую выгоду. Некоторые кустари сменили за свою жизнь несколько видов кустарных промыслов. Так, Ксения Григорьевна Шерстобитова (1905 г.р., с. Сажино)⁶⁹ вспоминала: «Раньше робили сита, рогожи для кошев ткали, сумки рогожные ткали, гребни. Я все переделала.»⁷⁰. «Многие по два ремесла имели» (с. Бым)⁷¹. Ей вторит Наталья Евгеньевна Балашова (1895 г.р., с. Березовка): «Муж был бондарь, делал колеса, телеги, сани. Работал

⁶⁶ Скалозубов Н. Очерк экономического положения заводского населения в Красноуфимском уезде по сведениям 1888 г. // Сборник Пермского земства. 1889. № 5. С. 101.

⁶⁷ ГАПО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 266. Л. 2.

⁶⁸ ГАПО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 268. Л. 4.

⁶⁹ Пермский краевой музей (ПКМ). Ф. 2157. № 19814/586. Л. 102.

⁷⁰ ПКМ. Ф. 2157. №. 19814/589. Л. 360–361.

⁷¹ ПКМ. Ф. 2157. №. 19814/587. Л. 190.

по заказу. Кто придет, попросит, тому делает. Был пимокат и ремонтировал сапоги — Гаврила Оверьянович Балашов, он же бондарь, муж наш»⁷².

Социальная мобильность внутри крестьянства была настолько высока, что отдельные крестьяне за свою жизнь могли переходить из бедняков в середняки и даже зажиточные несколько раз за свою жизнь. Как отмечал Т. Шанин, основной характеристикой социально-экономической мобильности крестьянских хозяйств России в начале XX в. была разнонаправленность. Одновременное действие тенденций поляризации и выравнивания выражалось в крестьянской социо-экономической мобильности как разнонаправленность и, возможно, цикличность⁷³. Все это в полной мере применимо к кустарям: как к мастеровым, так и земледельцам. За свою жизнь кустари вследствие семейных обстоятельств (убыль или прирост семьи, семейные разделы и т.п.) и экономических изменений (существенное понижение спроса на изделия, резкое увеличение затрат на сырье и т.п.) несколько раз меняли свое социально дифференцированное положение, что было ожидаемо и предсказуемо крестьянами.

Со временем неприятие, социальная «непрестижность» статуса наемного рабочего и отходника усилилась. Статус собственника и самостоятельного хозяина повысился, но в рамках уже индустриальных ценностей, а не прежних, общинных. Подворные карточки дают возможность понять отношение кустарей к отдельным дополнительным заработкам и к отходничеству в целом. На основе сравнения отходничества кустарями (это в основном наемные рабочие) с кустарными промыслами, можно утверждать: многие считали отход более прибыльной работой, но «дом и семья» играли важнейшую роль, особенно после создания своей семьи и вступления, таким образом, в статус взрослого человека: «Лучше ближняя копейка, чем дальний рубль»⁷⁴, «дома работать лучше», «в своем доме работать лучше, чем в людях», «дома работать тепло и лошадь не надо»⁷⁵. Дом и семья держали кустарей в деревне, сдерживая их отход. Хотя определенная часть деревни и занималась отхожими промыслами, все же делали это крестьяне в поиске более значительного дохода, и этот отход носил временный характер.

Отношение кустарей к органам местной власти и земству — важный показатель, характеризующий самоидентификацию представителей этой части социума. Кустари воспринимали властные структуры как репрессивный механизм, что проявилось в сознательном занижении ими уровня своих доходов во имя сохранения рентабельности хозяйств. «Опрашиваемому приходится сразу, особенно при значительном производстве, говорить, довольно солидную сумму, а между тем он все-таки находится под страхом, чтобы не вышел какой-нибудь налог на его производство, а потому старается, как можно больше сократить его»⁷⁶. «При опросе о размерах промыслов некоторые кустари стремились скрыть свой промысел из боязни обложения его земскими сборами или какими-либо пошлинами»⁷⁷. «Я редко замечал у крестьян

⁷² ПКМ. Ф. 2157. №. 19814/589. Л. 373, 374.

⁷³ Шанин Т. Социально-экономическая мобильность и история сельской России 1905–1930 гг. // Социологические исследования. 2002. №1. С. 30–40.

⁷⁴ ГАПО. Ф.44. Оп. 1. Д. 285. Л. 10.

⁷⁵ ГАПО. Ф. 44. Оп. 1. ДД. 253, 259.

⁷⁶ Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии. Казань, 1894. Вып. V. С. 11.

⁷⁷ Там же. С. 11.

стремление скрыть свой промысел, хотя бы он был и мало развит, да если бы это и делал опрашиваемый, то соседи не позволили бы ему скрыть его. Я не могу объяснить причины этого явления, но неоднократно замечал, что крестьяне, присутствующие при опросе односельца, позволяют ему умалить значение своего промысла, уменьшить заработок сколько ему угодно, но не позволяют ему совсем скрыть его»⁷⁸. Стоит отметить общее недоверие кустарей к различным статистическим обследованиям. «Во всех промышленниках живет упорное убеждение, что всякое соби­рание статистических сведений о положении промысла должно повлечь за собою повышение налогов и установление какого-либо нового сбора, и поколебать такое убеждение удастся у ничтожного процента занятых промыслом лиц»⁷⁹. Вопрос об отношении кустарей к представителям власти показателен при обращении к ситуации в селе Орда Осинского у. В 1914 г. около половины кустарей-кирпичников там не имели сараев для хранения продукции, а все потому, что «избегали земских налогов, правда весьма незначительных — 1 руб. 20 коп. — 1 руб. 50 коп. с сарая». По этому поводу они оправдывались: «Не тяжело, а обидно платить»⁸⁰.

Среди неблагоприятных для развития промыслов факторов прежде всего отмечались «земские налоги за мастерские»: «как они ни малы (1–2 руб. за мастерскую), для кустаря крайне тяжелы. Тяжесть эта не столько материальная, сколько моральная». «Все до одного санника ругали земство... за неравномерное обложение кустарей. По всей Ординской волости и во всех видах промыслов. Приходишь в мастерскую и слышишь: «Вот, вот, спасибо, что приехали, давно ждем!» — ?? — «Ты видно по мастерским оцениваешь? — Нет!» Физиономия кустаря вытягивается...»⁸¹.

Можно отметить и другую сторону отношения кустарей к земству — порой последние рассматривались все же как органы покровительства и помощи, правда в крайнем своем выражении это отношение могло вылиться в потребительство и иждивенчество (попытки и желание получения беспроцентной и даже безвозвратной ссуды, факты подлога, обмана в процессе сбыта, кредитования и другие). Патерналистское отношение земства к кустарям было распространенным явлением в центрах кустарных производств, при этом практически отсутствуя в отдаленных от них селениях.

Новые черты трудовой этики кустарей, которые начали было формироваться в конце XIX — начале XX в., были такие, как строгое выполнение взаимных партнерских обязательств, уважение к потребителю, склонность к новаторству. Формирование у кустарей новых ценностей проходило под воздействием внешних факторов: деятельности земства и правительства (посредством государственных заказов). Отметим, однако, что эти процессы прослеживались не всегда.

Обратимся к положению мастеровых Каменского завода Камышловского у. Пермской губ. в 1880-е гг. — начале XX в. и попытаемся проследить влияние трудовых воззрений мастеровых на развитие кустарных промыслов.

---

⁷⁸ Там же. С. 10..

⁷⁹ Обзор кустарных промыслов Екатеринбургского уезда. Екатеринбург, 1909. С. 3.

⁸⁰ ГАПО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 266. Л. 5 об.

⁸¹ ГАПО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 264. Л. 22,22 об.

В 1880-х гг. Каменский завод сократил свое производство, что повлекло за собой и сокращение численности рабочих завода. Многие мастеровые завода обратились к кузнечному промыслу. Отношение кустарей к своему производству разделило их на две категории: кузнецы, работавшие на рынок, и кузнецы-старьевщики (те, кто занимался починкой старых вещей, т.е. мелкой заказной работой). Работа кузнецов-старьевщиков приносила им хотя и нестабильный, но вполне достаточный доход, чему способствовал проходивший рядом с заводом Исетский тракт.

В 1880 г. Каменский волостной старшина, предоставляя информацию в Камышловское земство, писал о моральной обстановке в среде кустарей: «В местном населении, хотя есть песни о его промыслах, но большею частью непечатного содержания. Уровень грамотности незначительный и стремления к обучению незаметно, зато пьянство очевидно, и кабаков в Каменском заводе находится тринадцать. Вообще кустарному промыслу в Каменском заводе в будущем не представляется уничтожение. Примеров выселения кустарей в другие места нет, разбогатевших кустарей также нет. Польза учреждения школ и мастерских в видах развития промысла может быть полезна, ибо они будут поддерживать ремесла и содействовать развитию промыслов в крае»⁸².

Несколькими годами позже свое обследование провело земство, и его результаты были во многом схожи с характеристикой данной старшиной. Один из кустарей, Василий Бабинов, заявлял: «Иногда за получасовую работу сдерешь с проезжего 5 рублей». В течение многих лет кустари не стремились к улучшению своего производства. Когда же земство проводило обследование района, они жаловались на свое тяжелое положение, например на отсутствие выгодного кредита на покупку сырья. Понимая, что лучше требовать по максимуму, тогда есть возможность получить хоть что-то, кустари высказывали пожелание получить ссуду в размере 100–300 руб., желательно — безвозвратно. Однако такая благотворительная акция не могла бы изменить положения⁸³.

Для кузнецов-старьевщиков Каменского завода стало нормой получение легкой прибыли, «недобросовестное» отношение к заказчикам, к проезжающим и даже к местным клиентам. «Слесарные работы Саранинских кустарей также не отличаются тщательностью, кустари исполняют их как-то по пути, между прочим»⁸⁴ — сетовал переписчик.

С ростом численности кустарей и объемов производства, шел процесс усложнения этоса человека, занятого трудом в сфере индустриального производства. Торможение процесса формирования индустриальных ценностей вызывалось сохранением семейных (традиционных) ценностей в крестьянской среде, а также особенностью Пермской губ. — заимствованием производственной культуры кустарей извне. Часто промысел привносился в пермскую деревню вятскими отходниками. Кустари, решавшиеся начать промысел или улучшить технику, приглашали мастера из других местностей губернии — и те приезжали, что свидетельствовало об отсутствии страха конкуренции. Так гончары Ординской вол. приглашали мастера из с. Беркутова,

---

⁸² ГАПО. Ф. 319. Оп. 1. Д. 3. Л. 78.

⁸³ ГАПО. Ф. 319. Оп. 1. Д. 4. Л. 137–139 об.

⁸⁴ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 375. Оп. 1. Д. 234. Л. 8.

который научил их делать глазированной посуду⁸⁵. Дети, начиная с раннего возраста, участвовали наряду с взрослыми, почти во всех домашних и сельскохозяйственных работах, исключая самые трудные и ответственные. Обучение навыкам стояло на первом месте; к 15 годам девушки и юноши становились полноценными работниками, способными выполнять все крестьянские работы⁸⁶. Семейная преемственность трудовых занятий была высока в центрах кустарных производств. В некоторых семьях занятие определенным производством становилось потомственным и переходило из поколения в поколение. Так производство подносов переходило из рода в род в семье Перезоловых, производство сундуков — в семьях Перезоловых и Кокушкиных, роспись по металлу (на подносах, шкатулках, сундуках) — в семье знаменитых тагильских художников Худояровых⁸⁷. Анна Григорьевна Патласова (д. Карнаухова): «Я с 12 лет сапожничала. Отец да братья мастерскую [держали] и шили на Сартаковых»⁸⁸. Зависимость передачи кустарных навыков в семье от вида промысла не была нами выявлена.

Современная американская исследовательница Дж. Паллот совершенно справедливо подчеркнула гендерный фактор — парадоксальность влияния работы в системе кустарных и отхожих промыслов женщин-крестьянок рассматриваемого нами промышленного центра России. С одной стороны, повышался вклад женщин в семейный доход: за счет увеличения трудовой нагрузки они активно включались в занятия земледелием и кустарной промышленностью на дому, что приводило к нарушению традиционного разделения труда по полу. С другой стороны, неравенство с мужчинами в новых условиях воспроизводилось вновь и всюду⁸⁹. В уральской деревне считалось, что — коли девушка какая занимает свое время в доходном промысле (вышивание, ткачество, резьба по камню), то делает она это не для повышения дохода семьи, а для удовлетворения собственных потребностей («заработать на мелочи»).

С одной стороны, ситуация постепенного сокращения производства, а в дальнейшем и полного закрытия завода была типичной для Урала, с другой — материалы по его истории в конце XIX — начале XX вв. наглядно показывают всю неоднозначность протекавших процессов.

В результате реформ 1860-х гг. и позже система ценностей крестьянства пережила трансформацию, в их поведении стал заметен рост рационализма, прагматизма, расчетливости и индивидуализма. Эти процессы активнее шли в кустарном производстве, нежели в земледельческом хозяйстве Пермской губ. Но этот процесс шел чрезвычайно медленно и постепенно. Роль семейных традиций в начале XX в. оставалась главенствующей. Отходничество — в гораздо большей степени, нежели кустарные промыслы — приносило в российскую деревню индустриальные ценности. Особенности исторического развития уральского региона и его геополитическое расположение оказали существенное влияние на социальный облик кустарей

⁸⁵ ГАПО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 267.

⁸⁶ Там же. С. 238–239.

⁸⁷ Крутянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала конец XIX — начала XX в. М., 1971. С. 31.

⁸⁸ ПКМ. Ф. 2157. № 19814/586. Л. 106.

⁸⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). М., 1999. Т. 1. С. 249.

Пермской губ. Кустари в рассматриваемый период представляли собой социальную группу с двумя ярко выраженными категориями — кустарями-мастеровыми и кустарями-земледельцами. Определяющим для их идентичности было то обстоятельство, что кустарные промыслы обеих групп были пронизаны неформальными семейными связями (привлечение к промыслу семейных рабочих), к чему присовокуплялось влияние традиционных ценностей крестьянства.

Отношения самих кустарей друг с другом детерминировались внутренней логикой развития отношений между социально-дифференцированными субъектами, их социальным статусом. Велико было стремление каждого к самостоятельности и экономической независимости, что, прежде всего, проявлялось в негативных оценках статуса наемного рабочего. С другой стороны, отношение к скупщику, который не воспринимался как субъект непосредственных социально-экономических отношений внутри группы кустарей, было противоречивым. Его оценка кустарями зависела во многом от личностных характеристик и степени участия каждого конкретного деятеля такого рода в кустарном производстве.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КГБ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ ЛИТВЫ В 1965–1985 ГОДАХ

С. ГРИБКАУСКАС

ВВЕДЕНИЕ

Тема деятельности КГБ на промышленных предприятиях Литвы весьма широка. Она включает и тему индивидуальной морали и этики (поскольку речь идет о сотрудничестве — в разных формах — с «органами»), и оценку социально-политических детерминант становления индустриального общества в СССР, которое сопровождалось урбанизацией, миграцией рабочей силы, усложнением национальных отношений. Все эти вопросы были серьезным испытанием для советской системы, для власти, которая, как и все авторитарные режимы, пыталась удержать общество под контролем. Комитет государственной безопасности был и оставался в рассматриваемое время ключевым элементом этой системы контроля. В его компетенцию входили, в том числе, и налаживание агентурной сети, и профилактические мероприятия и оперативная работа. Все они должны были отвечать вызовам времени и сложившимся обстоятельствам.

С экономической точки зрения, тема деятельности КГБ в промышленности тесно связана не только с конкретным управлением последней, т. е. выяснением вопроса о том, как и какие решения в сфере промышленности принимались и выполнялись на местах, но и с самой сутью экономической системы. По мнению экономистов, исследующих экономику недемократических систем, развитие такой экономики напрямую зависит от способности власти осуществлять принуждение¹. Причем, как доказывается, принуждение такого рода не может быть бесконечным. Степень его использования ограничивают не только отсутствие стимулов к труду при сверхдавлении на экономического агента, но и издержки, связанные с мониторингом ситуации и контролем со стороны власти².

Разумеется, что в отношениях власти и предприятий органы безопасности играли не второстепенную роль. Следуя выводам Д.К. Гэлбрейта, деятельность КГБ можно оценивать как вторжение внешней власти в сферу руководства предприятий³. В советской экономической системе формальные правила часто препятствовали эффективным производственным решениям⁴, зачастую, инженеры и рабочие были вынуждены их нарушать. Более того, работники предприятий нарушение этих правил обыч-

---

¹ *Wintrobe R.* The political economy of dictatorship. Cambridge, 1998. P. 209.

² *Харрисон М.* Стабильны ли командные системы? Почему потерпела крах советская экономика? // Экономическая история. Обзорение. Вып. 6. М, 2001. С. 128.

³ *Galbraith J.K.* The New Industrial State. New York, 1979. P. 352, 353.

⁴ *Gregory P.R.* The Political Economy of Stalinism. Cambridge, 2004. P. 6.

но даже не считали серьезным «грехом»⁵. Власть через агентуру КГБ, своего рода мониторинг, исходящий из самого предприятия, должны были бороться с «незаконными» действиями на производстве и пресекать все неформальные явления.

Советская экономическая система страдала не только от разных спекуляций и производственных нарушений. Системный характер носили дефицит объективной информации «снизу», присущий всем авторитарным режимам, а также стремление производителей снизить производственные плановые задания. Власть, конечно, знала, что производители были заинтересованы в невысоких планах. Но для «навязывания» коллективу задачи выполнения заданий со все более возрастающими показателями, нужны были не только административный ресурс власти, но и достоверная информация о реальных возможностях конкретного предприятия. В этой сфере мог помочь КГБ, агентура которого действовала внутри самого предприятия. Являлись ли «органы» серьезными помощниками власти в этом деле?

Конкретные методы работы КГБ на промышленном предприятии еще практически не изучены в историографии. Это приводит не только к демонизации деятельности органов госбезопасности и распространению мифов о всеобщем контроле со стороны власти, но и создает серьезные помехи для теоретических рефлексий, касающихся экономического и исторического моделирования. Достаточно привести в пример работы Р. Винтроба и М. Хариссона. Вот почему представляется уместным замечание их коллеги о том, что подобные исследования (имелась в виду книга Р. Винтроба) «более приемлемы в аналитическом смысле, нежели в историческом плане»⁶. В рассуждениях о советском режиме, авторам, как правило, не хватает фактического материала. Скажем, тезис об усилении политики принуждения в начале правления Л. Брежнева в работе Р. Винтроба опирается только на одну ссылку — на ход кампании замены партийных билетов⁷. М. Хариссон упоминает лишь о существовании военизированной охраны на предприятиях и пространно говорит о своеобразном партийном контроле над производителями⁸. Понять авторов нетрудно — отсутствие глубоких исследований периода брежневского правления создает дефицит знаний об этом времени.

В данной статье предпринимается попытка осветить деятельность Комитета государственной безопасности на промышленных предприятиях Литвы на базе архивных материалов КГБ⁹. Исследование не претендует на исчерпывающую полноту в изучении темы. Осознавая «национальную специфику» Литовской ССР, мы полага-

---

⁵ Clarke S. Formal and Informal Relations in Soviet Industrial Production // Management and Industry in Russia: Formal and Informal Relations in the Period of Transition / Ed. by S. Clarke. New York, 1995.

⁶ Boettke P.J. The Political Economy of Dictatorship by Ronald Wintrobe, Journal of Economic Literature. 2000. Vol. XXX III. P. 947.

⁷ Wintrobe R. Указ. соч. P. 220.

⁸ Harrison M. Coercion, Compliance, and the Collapse of the Soviet «Command Economy» // Economic History Review. 2002. Vol. XV. № 3. P. 405, 410.

⁹ В основе данной статьи — доклад автора «Партийные наказания и компроматы КГБ в управлении промышленностью в советской Литве в 1965–1985 г.», прочитанный на международном летнем семинаре 22–24 июня 2005 в Москве, организованном Международным центром изучения России. В докладе предпринималась попытка оценить деятельность КГБ на промышленном предприятии с точки зрения отношений между союзной республикой и союзными министерствами. Автор исходил из того, что деятельность КГБ была очень важной для республиканских властей, поскольку они имели малое воздействие на те ветви промышленности, непосредственный контроль над которыми после Косыгинской реформы был передан союзным министерствам.

ем, что выявление основных принципов воздействия КГБ на предприятия достаточно показательным, тем более что в таком централизованном государстве, каким был СССР, существовало множество общих приемов «работы с населением». Деятельность КГБ на промышленном предприятии мы не только рассматриваем как деятельность своеобразного уполномоченного агента экономической системы, но и стремимся оценить эффективность и роль этой деятельности.

Для более детального исследования темы, безусловно, необходимы документы высшего руководства КГБ СССР. Но в Литве не всегда их получали, да и не все они сохранились. Тем не менее, многие важные решения центра фрагментарно присутствуют во вторичных источниках — в разнообразных планах по выполнению указаний Лубянки, в ссылках на них в отчетах об оперативной деятельности, в годовых планах и отчетах. В этом смысле очень полезными для исследования оказались документы 2-го управления КГБ ЛССР, выполнявшего контрразведывательную работу, которые хранятся в Особом архиве Литвы (*Lietuvos upatingsis archyvas*, дальше — ОАЛ), в описи 3 фонда К-1. Годовые отчеты и ежегодные планы работы, переписка с руководством КГБ республики и 2-м главным управлением КГБ СССР неплохо отражают общие тенденции работы органов безопасности в республике.

Более подробно изучались документы третьего отдела 2-го управления (с 1983 г. — шестого отдела), который вел разведывательную работу на объектах промышленности, транспорта и связи. Эти документы можно разделить на две группы. К первой группе материалов относятся планы и отчеты отдела, планы оперативных мероприятий, справки о деятельности, переписка с руководством управления, с другими структурными и территориальными отделами КГБ ЛССР. Большинство документов о деятельности 6-го отдела хранятся в коллекции, сформированной архивом из «разных остатков» (так называемая 46 опись).

Вторую группу источников составляют разные инструкции, конспекты, черновики докладов и отчетов, литературные дела предприятий — также хранящиеся в этой описи. Дела составлялись в КГБ в отношении конкретного предприятия специально обученным оперативным работником. В литературных делах можно найти планы оперативной деятельности на заводе (комбинате), агентурную сеть, доносы агентов и информацию об оперативной базе, в понятие которой входили не только специфика и секретность производства, но и списки работавших на нем политически неблагонадежных — бывших политических заключенных, высленцев. Типичное литературное дело завода состояло из 3–4-х томов. В первом томе обычно хранились руководящие документы, информация об объекте. В нем присутствовали также контактная информация на руководителей, планы, отчеты, указания руководства. Во втором — содержались оперативные данные, указания на агентурную сеть и собранный агентами агентурный материал, в третьем — распоряжения для «особого времени», т. е. мобилизационные документы, планы производства на случай войны. Нам удалось найти в ОАЛ литературные дела десяти предприятий. Самое раннее из них — дело Вильнюсского завода радиоизмерительных приборов, заведенное оперативником госбезопасности в 1952 г., тогда этот завод назывался заводом № 555 и находился в ведении министерства авиационной промышленности СССР¹⁰.

---

¹⁰ Особый архив Литвы (ОАЛ) Ф. К-1. Оп. 46. Д. 2082–2085, 2106.

Для исследования деятельности КГБ на предприятиях и учреждениях интересны также личные дела работников промышленности и других сфер, подвергнутых специальной проверке для оформления допусков к секретным материалам. Они помогают изучить использование системы «допусков» (определить, кого именно и почему допускали работать с секретными документами).

СТРУКТУРНЫЕ РАМКИ КОНТРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ — СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРЕТЬЕГО ОТДЕЛА 2-го УПРАВЛЕНИЯ

История кураторства КГБ на промышленных предприятиях Литвы начинается со сталинских времен. После смерти И.В. Сталина, в апреле 1953 г. был реорганизован 5 отдел, и его Первому подразделению было поручено присматривать за промышленными предприятиями¹¹. В конце 1950-х годов контроль над деятельностью промышленных предприятий был передан Второму подразделению 4-го отдела. В 1959 г. это подразделение вело разведывательную работу на 53 промышленных объектах республики, причем с целым рядом предприятий поддерживались оперативные контакты¹². Этот отдел просуществовал недолго. Уже 20 марта 1960 г. на базе железнодорожного отдела, ранее упомянутого промышленного подразделения 4-го отдела, и группы охраны государственных секретов того же 4-го отдела был создан третий отдел 2-го управления¹³, которому было поручено заниматься контрразведкой в промышленной сфере почти до конца изучаемого периода — до 1983 г. Дальше эстафету подхватил вновь созданный шестой отдел¹⁴.

Как структура, так и деятельность Третьего отдела позволяют судить о том внимании, которое уделялось органами госбезопасности сфере промышленности. В начале деятельности отдела по работе на промышленных предприятиях отводили только третье по значимости место — после контрразведки на железном транспорте и охраны морского бассейна. Это наблюдение вытекает из формулировки главных задач, поставленных перед отделом: «Организация контрразведывательной работы на железнодорожном и водном транспорте, на важных промышленных объектах, расследование фактов утечки секретных сведений»¹⁵. Из 25 оперативных сотрудников, работавших в 1960 г. в третьем отделе только 6 курировали промышленные предприятия, не имея даже статуса подразделения: в документах они проходят под названием — «промышленная группа города Вильнюса».

Дальнейшая индустриализация республики способствовала росту значимости работы на промышленных предприятиях. В 1960-е годы оперативников, обслуживавших

---

¹¹ *Truska L., Anušauskas A., Petravičiūtė I. Sovietinis saugumas Lietuvoje 1940–1953 metais.* Vilnius, 1999. P. 47.

¹² Справка о деятельности 2 отделения 4 отдела Лит. ССР 1959// ОАЛ. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 618. Л. 7.

¹³ Справка о 3 отделе 2 управления КГБ ЛССР (1960г.) // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 618. Л. 56.

¹⁴ Есть основание полагать, что цифры отделов и подразделений отражали номер или название структурной единицы в КГБ СССР. Так 2-е управление КГБ ЛССР подчинялась не только руководству КГБ ЛССР, но и 2-му главному управлению СССР, 5-й отдел ЛССР — в 1967 г. созданному 5-му управлению КГБ СССР (идеологическая контрразведка), 6 отдел — относился к 6-му управлению КГБ СССР (отсюда чекистское название предприятий военно-промышленного комплекса — «шестерки»).

¹⁵ Справка о 3 отделе 2 управления КГБ ЛССР (1960г.) // ОАЛ. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 618. Л. 56.

промышленность, зачислили в первое подразделение отдела. Если первый начальник отдела (подполковник Жупиков), был переведен с поста начальника отдела контрразведки на железнодорожном транспорте, то его преемниками уже были офицеры, ранее курировавшие промышленные предприятия (Моркунас, В.Мишкинис). За 15 лет деятельности этого отдела число «промышленников» удвоилось: в 1975 г. в третьем отделе работали 27 оперативников, из них 12 — в первом подразделении¹⁶.

В других городах республиканского значения Литвы по линии того же Третьего отдела работали отделения или промышленные группы, которые подчинялись городским отделениям КГБ, но методическое руководство ими все равно осуществлял все тот же Третий отдел республиканского комитета.

Анализируя распределение сотрудников оперативного состава третьего отдела, можно сделать вывод: за каждым оперуполномоченным закреплялось 2–3 завода или организации, а также оперконтакты с 1–3 военными или важными в экономическом плане объектами. Например, в 1968 г. оперативный состав 1 подразделения третьего отдела состоял из начальника подразделения и 13 оперативных работников. Из них 9 офицеров курировали промышленные предприятия, двое — присматривали за профильной работой в городских и районных подразделениях КГБ и организовывали контрразведывательную работу среди иностранных специалистов, еще двое — были ответственными за контроль над функционированием системы допусков к секретным работам и документам на предприятиях республики¹⁷.

С первых дней работы Отдела перед ним стояла проблема оправдания своего существования и деятельности. В Литве было мало заводов военно-промышленного комплекса, для контрразведывательной работы на которых и были в основном предназначены создаваемые отделы. Хотя в отчетах и переписке Отдела с другими министерствами и ведомствами республики присутствует множество упоминаний о «почтовых ящиках», требования об обязательном секретном поведении часто оказывались, мягко говоря, преувеличенными. В документах и письмах в Москву, в выступлениях на всесоюзных мероприятиях признавалось, что — по сути — в Литве просто нет особо режимных, головных оборонно-промышленных предприятий по выпуску и разработке образцов вооружения и военной техники. Так, в 1989 г. председатель КГБ ЛССР сообщал, что в республике действуют 10 производственных объединений оборонных отраслей (радио, связи, электронной и кораблестроительной промышленности); они работали в качестве смежников и соисполнителей¹⁸. Это очень незначительное число предприятий: в меньшей по территории и численности жителей Эстонской ССР в 1984 г. на ВПК работало 14 объектов¹⁹.

Тем не менее, «почтовый код» в Литве имело немалое число предприятий тяжелой промышленности.

В утвержденном председателем КГБ ЛССР Ю. Петкявичюсом списке организаций и учреждений от 18 июня 1968 г., на которых 2-му управлению приказывалось вести

¹⁶ Выписка из справки о работе 3 отдела КГБ Лит. ССР в 1975 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 724. Л. 28.

¹⁷ Растановка опер. состава 3 отдела 2 управления КГБ при СМ Лит. ССР // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 664. Л. 111–125.

¹⁸ Письмо председателя КГБ ЛССР Е. Еймунтас начальнику 6 управления КГБ СССР Ф. Щербакову от 1 февраля 1989 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 46. Д. 2120. Л. 206.

¹⁹ Тезисы доклада начальника 6 отдела КГБ ЭССР В. Пооля // Там же. Ф. К-1. Оп. 46. Д. 2120. Л. 17.

контрразведывательную работу, числилось 112 объектов. Среди них особо выделено 42 промышленных предприятия, 20 из которых имели код «почтового ящика»²⁰.

Режимным предприятиям республики присваивали статус «режимного предприятия, имеющего открытые подразделения» или «открытого предприятия, имеющего режимные подразделения». В Каунасском радиоизмерительном институте, который обладал статусом «открытого предприятия, имеющего режимные подразделения» секретными считались только две лаборатории. В них производился — по заказу военных — некий «компонент „Русалка“»²¹. На одном из секретнейших предприятий ЛССР — Вильнюсском объединении радиоизмерительных приборов (одним из подразделений которого и был Институт) со статусом «режимного предприятия, имеющего открытые подразделения», военные компоненты, в общей структуре производства, в 1985 г. составляли всего лишь 7,6%²².

Сотрудникам третьего отдела постоянно приходилось объяснять центру на Лубянке, почему в республике регулярно составляются и в ЦК КПЛ утверждаются списки заводов, на которых ведется оперативная работа, но которые не являются режимными. Ссылки на большое количество антисоветских проявлений и существующую «особую базу» в Литве не воспринимались серьезно в КГБ СССР. Еще в начале работы отдела в 1960 г. его оперативники утверждали, что в Литве сложилась «особая база», под которой они подразумевали большой «антисоветский элемент»²³. В центре «особенности» не очень-то признавали. Например, в 1960 г. по указанию КГБ СССР был составлен список предприятий, на которых ведется или должна вестись оперативная работа. Этот список согласовали с ЦК КПЛ, поскольку он подписан вторым секретарем ЦК КПЛ Шарковым. На Лубянке список восприняли скептически. Руководство 2-го главного управления КГБ СССР отмечало, что в списке отдела числится много нережимных предприятий и указывало своим подчиненным в республике на приказ председателя КГБ СССР от 31 мая 1960 г., который предусматривал контрразведывательные действия на нережимных предприятиях только в случае подозрения ЧП (чрезвычайного происшествия) — диверсии²⁴.

КГБ республики нашел другую формулировку: нережимные предприятия нужно оперативно обслуживать потому, что на них работают «политически неблагонадежные люди», а за последними нужен надзор не только потому, что они «националисты», но из-за угрозы безопасности заводу, создаваемой якобы политически незрелыми лицами. В эту формулировку как бы входило подозрение в создании ЧП, диверсий. Наличие политически неблагонадежных людей определялось как «база оперативной работы», для создания которой организовывалась агентурная сеть, а для систематизации информации составлялось литерное дело завода.

---

²⁰ Там же, ф. К-1, оп.3, д. 664, л. 121–132.

²¹ Справка КГБ ЛССР о Каунасском радиоизмерительном институте // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 668. Л. 120.

²² Справка о Вильнюсском объединении радиоизмерительных приборов в 1985 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 46. Д. 2082. Л. 26.

²³ Справка о 3 отделе 2 управления // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 618.

²⁴ Письмо заместителя 2 главного управления КГБ СССР Бетина временно исполняющему обязанности председателя КГБ ЛССР полковнику Синицину от 31 октября 1960 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 618. Л. 157.

АГЕНТУРНАЯ СЕТЬ

Работе с агентурой придавалось большое значение. Источниками информации для КГБ служили не только агенты, но и «доверительные лица», внештатные работники КГБ и другие лица, особенно те, которых не устраивала деятельность администрации. Так, начальник отдела кадров Утянского завода «Электropечь» в 1969 г. информировал третий отдел КГБ, что жена директора завода — бывшая «высыльная», что он выдвигает на руководящие посты бывших партизан из антисоветского подполья и других политически неблагонадежных лиц²⁵.

Авторитет «органов» особенно вырос с приходом Ю. Андропова на пост генерального секретаря ЦК КПСС. Обращавшихся в КГБ явно не устраивала не только деятельность заводских администраций, но и ощущаемая ими ограниченность в профессиональной и социальной мобильности, особенно свойственная 1980-м годам. В глазах обращавшихся, КГБ был как бы последней инстанцией, которая могла не только помочь найти «правду», но и устроиться на лучшую работу. Например, в 1983 г. в КГБ обратился бывший секретарь партийной организации цеха крупного производственного объединения «Вильма», который выразил неудовлетворенность зажимом критики на заводе, преследованиями за критику со стороны руководства объединения. На замечание оперативника, что эти вопросы не входят в компетенцию КГБ, партсекретарь ответил, что администрация завода имеет хорошие связи с «органами власти», и ему может помочь только КГБ²⁶. В том же году в КГБ обратился бухгалтер того же завода, который жаловался на бесперспективность своей работы, просил помочь ему найти работу на другом предприятии²⁷. Из похожих заявлений неудовлетворенных работников предприятий вместе с агентурными донесениями составлялась особая «коллекция» компроматов на руководителей предприятий.

Важнейшим источником информации КГБ была все-таки всегда агентурная сеть. В 1971 г. по линии третьего отдела на контакте числилось 750 агентов. На промышленных предприятиях работало 323 агента, 133 из них поддерживали контакты с оперативниками третьего отдела (т.е. — были агентурой Первого подразделения)²⁸.

Агентура на промышленных предприятиях распределялась неравномерно. Изменения социального режима в целом влияли на численность агентов на предприятии. При этом на «почтовых ящиках» действовало гораздо больше агентов, нежели на нережимных заводах. Как видно из агентурного списка в литерном деле Вильнюсского завода радиоизмерительных приборов, начиная с 1952 г. (когда было заведено дело) и до 1967 г. только на этом предприятии действовали 56 агентов²⁹.

Принимая во внимание, что на том же заводе вообще работало много людей³⁰, а указанное число агентов действовало не в одно и то же время (они менялись), может

---

²⁵ Письмо начальника 3 отдела КГБ ЛССР в Утянский районный отдел КГБ. 1969 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 668. Л. 55.

²⁶ Там же. Ф. К-1. Оп. 46. Д. 2087. Л. 29.

²⁷ Там же. Л. 35.

²⁸ Справка о деятельности 3 отдела 2 управления в 1971 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 682. Л. 276, 277.

²⁹ Список агентов предприятия // Там же. Ф. К-1. Оп. 46. Д. 2082. Л. 12, 13.

³⁰ Численность промышленного персонала этого предприятия в 1970-х годах не удалось найти. Во второй половине 1980-х здесь работало свыше 7 тысяч чел. Там же. Ф. К-1. Оп. 46. Д. 2171. Л. 3.

показаться, что количество агентов было сравнительно небольшим. Однако для исследователя важны не только количественные, но и качественные показатели, т.е. места дислокации агентуры. Информаторов расставляли на наиболее актуальных для КГБ участках — в режимных подразделениях, в администрации и среди начальников служб. Поиск и вербовка агентов производились в целях оперативной надобности, согласно заранее составленным планам. Так, скажем, в 1967 г. в планах 1-го подразделения Третьего отдела была поставлена задача произвести вербовку на предприятии «п/я 52³¹» — а именно: на участке производства секретного прибора 5-с. Аналогично: на предприятии Р-6856 (это и есть упомянутый выше Вильнюсский завод радиоизмерительных приборов) — в 3-м отделе для усиления агентурных позиций и улучшения работы агентов³².

Еще один пример: в Каунасском научно-исследовательском институте радиоизмерительной техники, где работало 1217 человек (из них 450 инженеров, 280 техников), в 1969 г. действовало 7 агентов КГБ и 25 доверенных лиц³³.

На нережимных предприятиях численность агентуры была меньше.

Как свидетельствуют материалы литерного дела станкостроительного завода «Жальгирис», в 1982 г. на нем работало 1835 человек (в 1982–1988 гг., в разное время), в том числе — действовало 13 агентов. Четырех завербовали в 1983 г. (трех из них исключили из списка агентов в 1986 г.), еще четырех — в 1984 г. и, наконец, еще четырех — в 1986 г. (одного исключили в 1988 г.)³⁴. Если перепроверить эти цифры по литерному делу, порядок цифр представится верным — там значится 21 доверенное лицо³⁵.

Архивные материалы свидетельствуют, что КГБ располагал подробной информацией о заводских администрациях, о настроениях руководителей. Залогом благонадежности был высокий процент присутствия работников администраций предприятий в агентурном списке. Так, 1-е подразделение третьего отдела в апреле 1977 г. сообщало о работе 124 агентов. 42 из них работали в руководстве предприятий, были начальниками цехов и отделов. Агентами являлись также 77 служащих среднего звена и всего 5 рабочих³⁶. Со временем агентура 1-го подразделения численно почти не изменилась, в марте 1980 г. числилось 120 агентов и 198 доверенных лиц³⁷.

---

³¹ Литовский приборостроительный завод, позже — объединение «Вильма», на котором производилась звукозаписывающая аппаратура, магнитофоны. Для нужд КГБ здесь изготовляли приборы секретного прослушивания «Мошка» и «Лавр» и другую аппаратуру.

³² План агентурной-оперативной работы 1 подразделения 3 отдела на 1967 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 654. Л. 53.

³³ Справка КГБ Каунасского отдела о Каунасском научно-исследовательском институте радиоизмерительной техники // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 668. Л. 120, 121. Руководство КГБ республики такая ситуация не устраивала, и оно настаивало, чтобы Каунасский отдел усилил оперативную работу и увеличил численность агентуры на этом предприятии (См.: Письмо заместителя председателя КГБ ЛССР М. Александрова начальнику КГБ Каунасского отдела от (? — неразборчиво) ноября 1969 г // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 668. Л. 123).

³⁴ Выписка из плана гражданской обороны завода «Жальгирис» // Там же. Ф. К-1. Оп. 46. Д. 2112. Л. 2, 5. (при агентурном имени еще одного агента даты не указаны).

³⁵ Там же. С. 8, 9.

³⁶ Справка о деятельности 1 отделения 3 отдела // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 742. Л. 65.

³⁷ Справка о деятельности 1 подразделения 3 отдела от 26 марта 1980 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 761. Л. 113.

Что касается характеристики самих агентов, то они отличались достаточно высоким уровнем образования. Среди них на 1977 г. значились: один доктор технических наук, 17 кандидатов наук, 77 человек с высшим образованием, 7 с незаконченным высшим. Только 22 агента, или около 18% от общего числа, имели среднее образование³⁸. Если обратить внимание на «производственный стаж» и активность агентов, то заметные изменения в составе имели место в середине 1970-х годов. С начала 1975 г. до апреля 1977 г. из агентурного списка исключили 17 «неработоспособных» и завербовали 22 новых. «Обновление» агентуры периодически повторялось. Из отчета 2-го подразделения 4-го отдела за 1959 г. видно, что и в конце 1950-х происходило сужение агентурной сети³⁹, или точнее — замена многочисленной, но неработоспособной агентуры более эффективными и молодыми агентами.

Доминирование работников администрации и инженерно-технического персонала среди агентуры не должно нас удивлять. Во-первых, советские заводы отличались достаточно высокой текучестью кадров, особенно среди рабочих, поэтому инженер или управленец среднего звена был более стабильным агентом. Во-вторых, информационное поле инженера, по сравнению с рабочим, охватывало гораздо более широкий диапазон. Исходя из служебной компетенции своего агента, оперативники могли ставить перед ним и более сложные задачи.

Немалую роль играло и положение инженерно-технических работников в советском обществе. Модернизация в СССР, как и во всем мире, не могла не повысить влияния профессионалов — технократов. Возможно, власти и КГБ были не вполне осведомлены о новых тенденциях социальной теоретической мысли на Западе, равно как об идеях «менеджерской революции», но они практически интуитивно чувствовали возрастающую роль технической интеллигенции. Западные тенденции влияли на деятельность эмигрантских кругов, на их рассуждения об экономическом развитии СССР, на выбор тактики поведения. Все это не могли не учитывать чекисты. Так, вернувшийся из ФРГ в июне 1976 г. агент Владас информировал КГБ, что в литовской эмиграции большие надежды возлагаются на инженерных работников, которые якобы не так легко поддаются влиянию советской идеологии, по сравнению с гуманитариями⁴⁰.

Следует также иметь в виду, что представители администрации и инженерно-технических работников имели куда более широкие цели и более откровенные желания. Поэтому иной раз они и сами искали пути сотрудничества с КГБ, надеясь извлечь из этих отношений административную пользу.

Хорошо образованная и компетентная сеть агентов позволяла оперативникам собирать компрометирующие материалы на руководителей предприятий. Например, в записях оперуполномоченного, обслуживавшего один завод из приборостроительного объединения «Сигма», можно найти информацию о том, что начальник отдела технического контроля дружит с бывшей любовницей директора... Другой пример: в доносе сказано, что о заместителе директора по коммерческим вопросам говорят,

---

³⁸ Справка о деятельности 1 отделения 3 отдела // Там же. Ф.К-1. Оп. 3. Д. 742. Л. 65.

³⁹ Справка о деятельности 2 отделения 4 отдела КГБ Лит. ССР за 1959 год // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 618. Л. 8.

⁴⁰ Агентурное донесение // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 733. Л. 152–154.

что «он выносит все, что возможно» с завода, а начальник отдела по работе и заработной плате — скрытый националист, а потому не пользуется уважением, но «рвется на пост заместителя директора по экономике»⁴¹.

РАБОТА КГБ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ

Работа КГБ с агентурой, особенно в плане вербовки, — один из наиболее успешных аспектов деятельности Комитета. Здесь деятельность КГБ приносила очевидные положительные экономические результаты.

Так в 1970 г. (именно не без помощи агентуры) третий отдел выявил нарушения финансовой дисциплины на Вильнюсском опытно-промышленном заводе ферментных препаратов. По данным справки начальника отдела Моркунаса, на этом предприятии работали «мертвые души» — т.е. люди числились, но не работали, за них получали зарплату. Из тех же агентурных доносов можно узнать, что директор (якобы за взятки) распределял квартиры предприятия, а кладовщик, назначенный формально председателем профсоюзного комитета, бесконтрольно списывал материальные ценности⁴².

Конечно, подобного рода «открытия» были единичными и случайными, они не являлись результатом системной работы по выявлению финансовых нарушений.

Как показывают архивные материалы, деятельность КГБ далеко не всегда была экономически полезной. Причина тому — недостаточная компетентность и неширокий круг познаний оперативников, равно как контрразведывательная направленность деятельности органов КГБ в промышленности. КГБ редко брал то или иное предприятие в разработку, если не получал информации о признаках диверсии или другой «враждебной» деятельности, да и оперативники не всегда оказывались способными использовать характерологические качества агентов. Это признавали сами «чекисты». Очень часто руководство упрекало оперсостав в том, что перед агентурой ставятся обобщенные задачи, что вопросы носят абстрактный характер, что агентурный потенциал используется неэффективно. Часто чекистов подводила элементарная нехватка знаний. Уровень экономической и технологической подготовки агентов значительно превосходил образованность оперсостава. Вот почему остается предположить, что в деятельности КГБ сильной стороной являлось оперативное наблюдение и агентурная сеть, а не аналитические и системные способности. Агенты были не только «ушами» и «глазами» органов, но и — похоже! — «мозгом» КГБ.

Хорошей иллюстрацией этому могут послужить аналитические справки, представлявшиеся по требованию партийных властей или руководства самого КГБ. В них содержался не столько глубокий и детальный анализ различных ситуаций, сколько поверхностные суждения и цитаты из агентурных донесений. Эта «зависимость» от агентуры имела свои последствия, отразившиеся на деятельности КГБ как части административной системы СССР. Интерес КГБ к экономическим вопросам и деятельности конкретных предприятий имел следствием повышение рабочей дисциплины

---

⁴¹ Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 47. Л. 43, 44.

⁴² Справка начальника 3 отдела Моркунас от 18 февраля 1970 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 678. Л. 31.

лины на заводах, рост мобилизационных мероприятий, уменьшение финансовых и других нарушений.

Насколько проникали сотрудники КГБ в деятельность предприятия и насколько они эффективно работали, показывает пример раскрытия признаков диверсии в 1982 г. на станкостроительном заводе «Жальгирис». В сущности, это было первое и последнее наиболее серьезное дело в республике, в котором — с некоторым усилием — можно проследить действительно элементы диверсии.

В ночь с 21 на 22 декабря 1982 г. неустановленные лица проникли в цех № 6 и в подразделение экспортных станков цеха № 7, где «механическими ударами» повредили 35 уже готовых к отправке заказчикам станков, 4 станка на технологической линии, а также другие компоненты. Общий убыток составил 33 000 рублей⁴³. Для расследования этого происшествия в КГБ было заведено дело оперативного розыска «Диверсанты», в разработке которого участвовали не только 2-е управление и 5-я служба (идеологическая контрразведка) КГБ ЛССР, но и приезжали специалисты из ОТУ КГБ СССР⁴⁴. В ходе следствия выявили множество махинаций и нарушений, конкретно не связанных производством. Так, было установлено, что начальник отдела капитального строительства завода будто бы укрывал некую личность, которая разыскивалась городским управлением внутренних дел Свердловска за крупные грабежи; начальник административно-хозяйственного отдела был (как выяснили) связан с уголовной группой, уже укравшей ценностей на 150 тыс. рублей и имевшей планы продолжить свою преступную деятельность на заводе «Жальгирис». В результате произведенного расследования по делу «Диверсанты» к уголовной ответственности привлекли более 20 человек. Чекистами была проведена огромная работа: с декабря 1982 г. до января 1986 г. проверили 130 сигналов на 328 людей, провели более 1000 опросов, 113 оперативно-технических мероприятий (именуемых «Т» и «С»), 23 мероприятия под кодовым именем «Спутник», 110 экспертиз и обследований. Информацию по этому делу КГБ получил от 49 агентов и 43 доверенных лиц. Тем не менее, органам госбезопасности так и не удалось отыскать и наказать виновных: 18 марта 1986 г. дело закрыли. Одной из версий оперативников являлось предположение, что повреждение станков инициировали сами руководители предприятия, которые знали, что производственный план за 1982 год не будет выполнен и искали любые возможности снизить плановые задания. По мнению чекистов, повреждение только легко исправимой электронной части станков показывало, что серьезных диверсионных намерений у злоумышленников не было и «диверсантов» больше интересовали «убытки на бумаге», нежели в реальности. Используя факт повреждения станков и завышая нанесенный ущерб оборудованию, администрация завода не только добилась корректировки плановых показателей, но и создала резерв готовой продукции на 1983 г.⁴⁵

Именно подозрения в диверсии вызвали длительное и обширное проведение оперативных мероприятий на заводе. Экономические трудности других предприятий, если они не вели к забастовкам или другим «негативным явлениям», мало обраца-

---

⁴³ Справка о материалах дела оперативного розыска № 290 «Диверсанты» // Там же. Ф. К-1. Оп. 46. Д. 2111, Л. 8.

⁴⁴ Там же. Л. 8–11.

⁴⁵ Там же. Л. 12.

ли на себя внимание «органов». В тех редких случаях, когда велось расследование «экономических трудностей», деятельность КГБ не столько способствовала общей трудовой мобилизации, сколько вела к снижению плановых заданий. Одним из возможных объяснений может быть поиск наиболее легкого пути решения проблемы плюс — недостаточная компетентность органов. К примеру, в 1973 г. по указанию начальника 2-го управления Нараса, отдел Алитуского района КГБ ЛССР расследовал причины невыполнения производственных планов на Алитуском заводе холодильников. По плану на 1973 г. этот завод должен был изготовить 200 000 холодильников, но ожидаемое выполнение составило только 180 000 бытовых приборов. В письме отдела, направленного руководству завода утверждалось, что — через агентов, доверенных лиц и разговоры с ведущими специалистами предприятия — удалось установить шесть причин отставания от плана. Любопытно, что обозначенные чекистами причины или противоречили одна другой, или вообще были мало связаны между собой. Упомянулось, например, что одной из причин отставания было слишком резкое повышение плановых заданий (ставилась задача увеличить производство на 38%, в то время, как, по мнению специалистов, этот рост не мог превышать 20%)⁴⁶. Среди других причин неудач обращалось внимание на низкий уровень работы технических служб завода, а также на обычные трудности всех советских предприятий — на проблемы обеспечения деталями и материалами, на низкую оплату труда мастеров, низкие нормы выработки для рабочих — все это препятствовало повышению производительности труда⁴⁷. Схожая ситуация возникла в 1974 г., когда КГБ республики, в результате проведенного расследования обстоятельства обнаружения брака на двух кораблях, построенных заводом «Балтия», предложил снизить плановые задания этому заводу⁴⁸.

Обращение к истории организации деятельности агентуры КГБ на промышленных предприятиях помогает составить представление не только о роли органов госбезопасности в управлении промышленностью, но и дает возможность глубже вникнуть в вопрос о внутреннем управлении предприятиями. Агент КГБ и представитель администрации завода (или инженерного состава) — казалось бы, разные роли одной личности. Однако они оказывались тесно взаимосвязанными, когда эти роли объединялись, в связи с личными надеждами на продвижение и соответствующими мотивами поведения. Агенты в СССР почти никогда не были пассивными личностями, которые работали по принуждению на КГБ и помогали ему в извлечении информации, необходимой для управления экономикой и, одновременно, социального контроля.

Более того. Сотрудничество агента с КГБ порой оказывалось полезным как для информатора, так и для коллектива предприятия. Агентурная информация представляла собой своеобразный путь общения с властью, т.е. неофициальный информаци-

---

⁴⁶ Необходимо отметить, что Алитуский завод холодильников в описываемый период был новым, недавно построенным и оснащенным новой техникой, потому рост производственных планов был вполне обоснован.

⁴⁷ Письмо Алитуского отдела КГБ председателю КГБ ЛССР от 10 августа 1973 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 703. Л. 139, 140.

⁴⁸ Записка по ВЧ КГБ Лит. ССР в планово-производственное управление Министерства строительства кораблей СССР от 3 октября 1974 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 711. Л. 181, 182.

онный канал, по которому посылались «весточки» сверху — скажем, о необходимости снизить плановые задания. Любые контакты представителей администрации с КГБ играли свою роль в складывании внутренних отношений на предприятии. Они были некой «козырной картой», используемой во внутренних конфликтах на заводах. Так, документы литературного дела Вильнюсского института электрографии свидетельствуют о существовании «оппозиции»⁴⁹ директору и его «фаворитам» со стороны некоторых начальников отделов и технических служб, в том числе — заместителей директора. Агенты из представителей «оппозиции» умело пользовались ситуацией в борьбе с руководством предприятия: информировали о якобы обнаруженной ими некомпетентности директора, его «антисоветских высказываниях» (например, насмешка над вручением Ленинской премии «одному из руководителей партии»⁵⁰), о нарушениях при исполнении указаний инструкции по охране государственных секретов. И информаторы добивались порой результатов: в указанном деле говорится, что директору отказали в поездке за границу, а его «несоветское» поведение обсуждали на горкоме КПЛ Вильнюса⁵¹.

Со своей стороны, «директорский круг» тоже предпринимал попытки ограничить контакты «оппозиции» с КГБ. В справке 1979 г., подписанной начальником третьего отдела А. Гришечкиным, утверждается, что «отдельных работников института» неоднократно предупреждали «о необходимости избегать контактов с представителем органов госбезопасности»⁵².

Следуя другому агентурному донесению, во время одного из собраний представителей администрации и руководителей технических служб предприятия, директорский фаворит (и одновременно его «зам-по-кадрам»), объявил, что — пользуясь хорошими знакомствами в Комитете — руководству предприятия удалось заменить неудобного им оперативника, курировавшего институт, на другого офицера КГБ⁵³. Вряд ли это высказывание можно расценивать лишь как неосторожность выступавшего. Скорее всего, это была демонстрация власти и влияния администрации, стремившейся припугнуть «оппозицию»⁵⁴.

На базе информации, полученной агентурной сетью и другими источниками, объект брался в «оперативную разработку». Открывались оперативные дела, имевшие 4 главные формы — дело оперативной проверки (ДОП), дело оперативного наблю-

---

⁴⁹ Из агентурных донесений видно, что «фаворитами» директора были работники финансово-планового отдела, заместитель директора по кадрам и режиму. Но встречаются агентурные донесения о плохих отношениях директора с главным инженером предприятия, начальником секретного отдела и др.

⁵⁰ Справка об агентурном донесении агента «Немунас» от 4 сентября 1973 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 46. Д. 2091. Л. 191.

⁵¹ Справка о директоре Вильнюсского института электрографии от 27 февраля 1979 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 46. Д. 2091. Л. 222.

⁵² Справка от 31 января 1979 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 46. Д. 2091. Л. 213.

⁵³ Справка об агентурном донесении «Нямунас» от 23 августа 1979 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 46. Д. 2255. Л. 75.

⁵⁴ Архивные материалы показывают, что на этом предприятии весьма азартно разыгрывалась «карта КГБ», как со стороны правящей группы, так и со стороны «оппозиции». Например, в документе КГБ, несмотря на достаточно тщательное замазывание (скорее всего, произведенное рукой оперативника), все таки удалось прочитать: «[директор] позвонил заместителю председателя КГБ ЛССР тов. Вайгаускасу и извинился перед ним...». См.: Справка ЛССР КГБ 1987 г. о начальнике отдела кадров Института электрографии // Там же. Ф. К-1. Оп. 46. Д. 2306. Л. 115.

дения (ДОН), дело оперативного розыска (ДОР) или розыскное дело. Одной из отличительных черт, присущих содержанию этих дел, была их «окраска», т.е. предполагаемая виновность «объекта» — одной персоны или группы лиц. Самыми серьезными «окрасками» были «измена Родине в форме шпионажа» и «измена Родине в форме бегства за границу». Но чаще встречались иные, менее серьезные, в частности — «антисоветская агитация в устной форме».

В целом, число оперативных дел было небольшим. На 1 января 1972 г. по линии третьего отдела КГБ в ЛССР были открыты 73 дела оперативного учета. Большинство из них составляли дела по форме ДОН — 42 дела, из которых действительно велось Третьим отделом всего 13⁵⁵. Через три года велось 28 дел формы ДОР и 37 формы ДОН, из них конкретно в третьем отделе — 9 ДОР и 8 ДОП. Половина объектов проверялась «по окраске». Так, обозначенные как «измена Родине в форме шпионажа», в реальности было делом на работника Каунасского радио завода (дело «Радист»), резмигранта из Канады, а дело на начальника планового отдела Клайпедского судостроительного завода «Балтия» Коткова (дело «Жук»), было делом на работника, ранее работавшего на «особенно режимном» предприятии п/я 199 в Комсомольске-на-Амуре, имевшего какие-то связи в Госплане СССР и якобы проявлявшего «повышенный интерес» к военным секретам. Еще одно дело — «Невыносимый» — было открыто на главного инженера Паневежского завода кабелей; а дело «Цветовод» — на наладчика завода микросхем «Нуклон», которому было предъявлено обвинение в пособничестве немцам во время Второй мировой войны, к чему было добавлено ведение переписки и отсылка писем «военного содержания» корреспондентам в Канаде⁵⁶.

Все упомянутые дела, выделенные по содержанию и тяжести обвинений, в 1977 г. провалились. КГБ так и не удалось найти серьезных улик против «объектов» и доказать факты шпионажа, а также довести эти дела до суда. Большинство подозрений оказывалось излишними, а дела оканчивались профилактическими мероприятиями — официальным предостережением или вызовом «на разговор» в здание КГБ. Приемы такой «пофилактики» сформировались еще в 1950-е годы. Так, среди дел такого рода наиболее раннее — 1959 г., когда работниками 2-го подразделения 4-го отдела, которое курировало промышленность, было «профилактировано» 18 человек, половина из них проходила по делам оперучета⁵⁷. Двадцать лет спустя, к концу 1970-х гг., сами оперативники признали, что дела оперучета ранее нередко заводились без серьезной необходимости⁵⁸.

СИСТЕМА ДОПУСКОВ К СЕКРЕТАМ

Оперативные дела велись многими, если не всеми, структурами КГБ, но система допусков концентрировалась, главным образом, в Третьем отделе 2-го управления КГБ. Именно этот отдел проводил оперативную работу в научно-исследовательских

⁵⁵ Справка об агентурной оперативной работе 3 отдела 2 управления в 1971 г. // Там же Ф. К-1. Оп. 46. Д. 688. Л. 278.

⁵⁶ План работы 3 отдела 2 управления КГБ ЛССР на 1975 г. // Там же Ф. К-1. Оп. 46. Д. 724. Л. 31, 32.

⁵⁷ Справка о деятельности 2 отделения 4 отдела Лит. ССР 1959 // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 618. Л. 9.

⁵⁸ Справка об оперативной ситуации и методах по улучшению работы по сигналам шпионажа, 1975 г. // Там же, ф. К-1, оп. 3, д. 724, л. 86.

институтах, на режимных предприятиях, работники которых составляли основную часть всех приближенных к государственной тайне.

Система допусков достаточно очевидно влияла на социальную стратификацию советского общества. Напомню, что в современной исторической литературе часто упоминается термин «номенклатура», обозначающий список высших должностей, занятие которых гарантировало высокие доходы, власть и социальный престиж. Однако в тех же работах редко упоминается то, что параллельно в те годы существовали и другие номенклатуры, которые имели не меньшую значимость для социальной мобильности. Одна из них — список должностей, для занятия которых нужен допуск к секретным работам. Разумеется, эти списки (номенклатуры) допусков не были столь централизованы, сколь партийные, но и в них легко просматриваются обычные для номенклатуры функции кооптации членов, редких поощрений, зато частых мелких репрессий, в зависимости от того, был ли получен допуск или в нем отказали.

За системой допусков присматривала подчинённая Третьему отделу группа «З», работу которой координировала служба под тем же названием во 2-ом главном управлении КГБ СССР. В 1976 г. в группе «З» КГБ ЛССР состояло 6 оперативников⁵⁹. Списки должностей предприятия, для занятия которых требовались соответствующие допуски, составляли секретные (обычно — Первые) отделы предприятий и учреждений. Их утверждали в КГБ. Для секретной работы и работы с «секретными» документами работник должен был иметь так называемую «третью форму допуска», для «совершенно секретной» — вторую, а для работы с материалами «особой важности» и с документами, имеющими такой гриф, — первую⁶⁰.

Для оформления допуска работнику секретный отдел предприятия обращался в КГБ. Оперативный работник проверял личность (устанавливал биографические факты не только проверяемого, но и его окружения, членов его семьи — с помощью территориальных подразделений и архива КГБ, центрального архива республики). Собранные таким образом документы составляли содержание персонального допускаемого дела и служили оперативнику основанием для подготовки заключения и принятия решения — «согласовать» или «отказать». Секретный отдел, замдиректора по кадрам и режиму, руководитель предприятия узнавали о решении КГБ только после подтверждения заключения начальником отдела⁶¹. В случаях, когда у «органов» появлялись серьезные сомнения, решение о допуске принимали председатель или заместитель председателя КГБ республики⁶².

⁵⁹ Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 742. Л. 81.

⁶⁰ Из выписки инструкции 00166-72, которая хранится в ОАЛ, трудно установить связь формы допуска с уровнем секретной работы. Это обстоятельство не позволяет утверждать, что такой связи не было в полной инструкции. О ее существовании можно предположить, получив данные из вторичных источников. Связь формы допуска с уровнем секретности видна и по выписке из инструкции 1987 г. (инструкция по обеспечению режима секретности в министерствах, ведомствах, на предприятиях, в учреждениях и организациях, пункт 30 // Там же. Ф. К-1. Оп. 46. Д. 2184. Л. 16, 17.)

⁶¹ Конечно, это не исключает возможности об информировании представителей предприятия или организации еще при проведении проверки на допуск. Например, в 1982 г. КГБ имел компрометирующие материалы (среди родственников были политзаключенные) на претендента на пост заместителя председателя Госплана ЛССР. Процедура на допуск была отозвана Госпланом, что показывает его информированность о ходе проверки (Там же. Ф. К-1. Оп. 46. Д. 2270. Л. 1, 2).

⁶² В ОАЛ хранится регистрационная тетрадь 1986–1987 г., с таким оглавлением: «Учет лиц, которым согласован или отказано в допуске (ф. 1, 2) по заключению руководства Комитета (Там же. Ф. К-1. Оп. 46. Д. 4232).

Группа «З», занимавшаяся оформлением допусков, была буквально завалена работой. В документах КГБ присутствует явное недовольство «органов» ростом числа лиц, имеющих или запрашивающих новые допуски. Даже на нережимных предприятиях, имевших экономические связи с «почтовыми ящиками», своих работников старались обеспечить допусками как можно скорее — без них просто не пропускали на территорию режимного предприятия. Для однократного посещения его, даже несекретного участка, обязательно требовалась по крайней мере третья форма допуска⁶³. Росту количества людей с допусками способствовала и завышенная значимость производства для военных нужд, которая порой доходила до абсурда. В 1969 г. председатель КГБ ЛССР Ю. Петкявичюс докладывая заместителю председателя КГБ СССР Н. Захарову о причинах роста количества допусков, писал, что часто предприятия стараются оформить допуски всем работникам, хоть как-то связанным с производством продукции, в том числе, с фонарями, батарейками к ним, весами, кружками и другими мелочами⁶⁴.

Список секретных работ постоянно пополнялся новыми изобретениями, а морально устаревшие из него не исключались. Это не только препятствовало передаче технических новшеств в гражданскую промышленность, но и увеличивало число работников, для которых оформлялся соответствующий допуск. С расширением номенклатуры секретных работ и документов рос и список должностей, для работы в которых могли быть приняты только лица, получившие разрешение («допуски»).

Предприятия, заводы или учреждения не были заинтересованы в рассекречивании продукции, в которой уже не нуждалась оборонная промышленность. Проявляя подобную инициативу, представитель администрации или ведущий специалист рисковал обратить на себя внимание КГБ, его могли заподозрить во враждебных действиях или в халатном отношении к секретности. Например, в 1970 г. агент «Антанас» информировал КГБ, что Каунасское предприятие п/я 304 получило заказ от КГБ на изготовление электронно-измерительного прибора, степень секретности которого («секретно»), по мнению автора доноса, была явно недостаточной⁶⁵. Хотя информации о дальнейших действиях КГБ по этому доносу обнаружить не удалось, тем не менее, есть все основания предположить, что сигнал не оставили без пристального внимания.

Номенклатура должностей, для работы в которых был нужен соответствующий допуск, расширялась в соответствии с союзной инструкцией по сохранению государственной тайны. Инструкция № 00150–1965, принятая в 1965 г. и замененная новой — № 00166–72 в 1972 г., не давала четкого определения секретности научной работы, в особенности, использования грифов секретности для документов — «особой важности», «совершенно секретно», «секретно» или «ДСП» («для служебного пользования»). И хотя список особых и совершенно секретных работ — «Перечень

---

⁶³ Существование таких требований доказывает доклад оперативного работника. В выписке инструкция не удалось ее найти. В докладе говорится: «На наш взгляд, на многих режимных объектах союзных министерств не был решен четко вопрос о необходимости требования справок формы № 3 от работников, приезжающих в командировки по снабженческим и другим вопросам, не связанным с выполнением заданий оборонного характера, как требует пункт 44-й Инструкции 00166 (1972 г.)». (Там же. Ф. К-1. Оп. 3ю. Д. 74. Л. 37).

⁶⁴ Письмо Ю. Петкявичуса от 18 июня 1969 // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 670. Л. 125.

⁶⁵ Агентурная заметка об агентурном донесении «Антанаса» (1970 г.) // ОАЛ. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 678. Л. 27.

главнейших сведений, составляющих государственную тайну», утверждался Советом министров СССР, параллельно существовали ведомственные перечни, как бы дополнявшие первый. В ведомственных перечнях работы и документы тоже могли носить не только гриф «секретно», но и пометки: «особой важности» и «совершенно секретно». Ведомственные списки утверждались министерствами по согласованию с КГБ⁶⁶.

Проблемы, которые порождал рост количества допусков, хорошо понимало руководство госбезопасности. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1976 г. признавалось, что перечень главнейших сведений 1966 г. устарел и не отвечает современным требованиям⁶⁷. В начале 1977 г. по указу руководства КГБ СССР, служба «З» начала анализировать возможности введения более гибкого подхода к допускам. Предлагалось создать четвертую форму допуска, для получения которой не требовалось согласование с КГБ⁶⁸. В новом положении о порядке установления степени секретности, утвержденном постановлением Совета Министров СССР от 3 декабря 1980 г., к государственным секретам были отнесены только работы, документы особой важности и совершенно секретные, а «секретные» значились как служебная тайна⁶⁹. Под ней понимались сведения в области науки, техники, производства, разглашение которых может нанести ущерб государству⁷⁰. Четвертая форма допуска, позволявшая работать с секретными документами без согласования с КГБ, была введена только инструкцией 1987 г.⁷¹

«Эффективной работе» КГБ с допусками мешало «скромное» наказание, определенное в инструкции, за разглашение секретных сведений (кроме военных) или утрату документов с такими сведениями. 37-ой параграф 72–166 инструкции предусматривал лишь привлечение к строгой административной ответственности с после-

---

⁶⁶ Выписка из постановления СМ СССР 11 июля 1972 г. «Инструкция по обеспечению гос. тайны и режима секретности» // Там же. Ф. К-1. Оп. 46. Д. 2155. Л. 1–7.

⁶⁷ См. текст доклада работника 6 отдела от 12 января 1984. В нем говорится о постановлении ЦК КПСС и СМ СССР от 15 ноября 1976 г. № 941–323. В тексте строка об «устарелости» Перечня вычеркнута. Видимо, или информация была уже не актуальной (в 1980 вышел новый «Перечень»), а текст или часть его были взяты из более ранних источников, или докладчику не хотелось акцентировать внимание на недостатках в системе допусков. (Там же. Ф. К-1. Оп. 46. Д. 2159. Л. 48).

⁶⁸ Письмо службы «З» 2 гл. управлению КГБ СССР от 10 июня 1977 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 741. Л. 126.

⁶⁹ Выписка из Положения о порядке установления степени секретности категорий сведений и определения степени секретности сведений, содержащихся в работах, документах и изделиях (Там же. Ф. 46. Д. 2165. Л. 3).

⁷⁰ Положение о порядке установления степени секретности категорий сведений и определения степени секретности сведений, содержащихся в работах, документах и изделиях, утвержденный постановлением СМ СССР от 3 декабря 1980 г. № 1121–387 // Там же. Ф. 1771. Оп. 257. Д. 192. Л. 138.

⁷¹ Инструкция по обеспечению режима секретности в министерствах, ведомствах, на предприятиях, в учреждениях и организациях (выписка), утвержденная постановлением СМ СССР от 12 мая 1987 № 556-126 // Там же. Ф. К-1. Оп. 46. Д. 2184. Л. 17. В этой инструкции предусмотрена еще одна новая форма без согласования с КГБ — форма 12, по которой депутаты Верховного Совета СССР, работники, принадлежавшие номенклатурным спискам ЦК КПСС, ЦК КП республик, бюро крайкомов и обкомов КПСС, маршалы, генералы, и адмиралы получали допуск к «особой важности» и «совершенно секретным» работам без согласований КГБ и без оформления обязательства о неразглашении тайн. См. там же, л. 18. Этот факт еще раз ясно указывает на связь системы допусков с номенклатурной системой и их значимости для социальной стратификации в советском обществе.

дующим отстранением от работы с секретными документами⁷². В архивных документах КГБ республики не удалось найти ярких примеров разглашения государственной тайны. Правда, в Литве из-за недостатков в системе допусков в 1975 г. были освобождены от должностей начальник 1-го отдела и один его подчиненный с Каунасского радиозавода. Они обвинялись «органами» в выдаче справок для посещения режимных заводов работникам своего завода, не имевшим формы допуска⁷³.

Несмотря на принятые меры, факты разглашения государственных тайн в СССР встречались. В 1984 г. из КГБ Эстонской ССР чекисты республики получили доклад, в котором, для примера, упоминался случай разглашения государственной тайны. Директор одного завода, принадлежавшего Средмашу СССР, «потеряв всякую бдительность, в междугородном разговоре разгласил секретные сведения о предприятии». По утверждению автора этого доклада, начальника 6-го отдела КГБ Эстонской ССР В. Пооля, информация о происшествии была передана в ЦК КП Эстонии и директора освободили от занимаемой должности⁷⁴.

Не меньше чем разглашение гостайны, КГБ ЛССР волновало несоблюдение 66-го параграфа инструкции, когда на посты назначались лица, не имевшие соответствующего допуска. Проверая на предприятиях проводимую «допускную» работу, КГБ часто констатировал, что предприятия нарушают инструкцию № 72–166 в том смысле, что не согласовывают с «органами» назначения лиц на должности, где нужна форма допуска к секретным работам и документам. В частности, в феврале 1985 г. при проверке Каунасского радиозавода обнаружили, что свыше 20 ведущих конструкторов, инженеров не имели допусков, хотя их должности и значились в номенклатуре допусков⁷⁵.

Такие ситуации часто приводили не только к конфликтам «органов» с заводами, но и к противоборству КГБ с союзными министерствами. В 1976–1977 гг. КГБ провел проверки, в результате которых были отстранены от должностей три главных инженера крупных промышленных предприятий. В докладе оперативника отмечалось: «При выполнении этой работы возникают большие трудности, т.к. вступают в силу трудовое законодательство, а порой у некоторых таких лиц находятся солидные «заступники». Как это случилось недавно с главным инженером «Центролита» Ясинкосом, когда на его защиту встали ответственные работники Министерства станкостроительной и инструментальной промышленности СССР. Понадобилась вмешательство КГБ СССР, приведшее к увольнению Ясинкаса с этой должности»⁷⁶.

---

⁷² Выписка из постановления СМ СССР от 11 июля 1972 г. «Инструкция по обеспечению гос. тайны и режима секретности» // Там же. Ф. К-1. Оп. 46. Д. 2155. Л. 10.

⁷³ Справка о контрразведывательной работе по линии 3 отдела в 1975 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 733. Л. 7–15.

⁷⁴ Тезисы доклада начальника 6 отдела КГБ ЭССР В. Пооля от 25 сентября 1984 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 2120. Л. 19.

⁷⁵ Справка проверки 13–15 февраля 1985 г. работы по допускам к государственным секретам на Каунасском радиозаводе // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 2119. Л. 292.

⁷⁶ Тезисы выступления начальника 3 отделения Каунасского отдела КГБ В.Трухачева от 27 февраля 1978 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 748. Л. 34.

Недовольство системой допусков выражали не только руководители предприятий Литвы. Деятельность КГБ в этой сфере часто воспринималась администрациями заводов в СССР как своеобразное покушение внешней власти на управление предприятием, что подчеркивало административную уязвимость руководителей. В письме заместителя председателя КГБ ЛССР П. Ворошилова начальникам отделов, со ссылкой на указание СССР КГБ от 8 августа 1975 г., упоминается о многочисленных жалобах союзных министерств и учреждений на необоснованные отказы в допусках, а также на затягивание решений этих вопросов в КГБ⁷⁷.

Система допусков влияла на экономику: засекреченность способствовала росту экономических издержек в народном хозяйстве СССР⁷⁸. Царившая в допускной сфере неопределенность противоречила рационализации управления. Не удалось найти подтверждений наличия юридических оснований, запрещающих информировать работника о согласии или отказе КГБ на оформление допуска, но бывали случаи, когда не прошедшим проверку всё же сообщали об отказах. Это легко проверяется по данным вторичных источников. В конце 1970-х гг. КГБ вынес предупреждение директору Вильнюсского института электрографии, который сообщил своему подчиненному об отказе в допуске со стороны КГБ⁷⁹. Бывший директор завода Вильнюсского электросварочного оборудования И. Макмак в личном интервью, данном автору статьи, утверждал, что при освобождении работника, не получившего допуск КГБ, «ссылаться на комитет запрещалось; надо было найти другие недостатки в его личном поведении или в его деятельности по организации производства»⁸⁰. Следовательно, как бы хорошо не работал подчиненный, руководитель предприятия всегда должен был иметь аргументы не только для отказа специалисту в карьерном росте, но и для увольнения его с должности. Кроме того, ореол секретности и не всегда ясная аргументация причин увольнения с должности создавали атмосферу неуверенности, нервозности не только у самого работника, но и у его коллег, во всем трудовом коллективе. Вряд ли они не догадывались, что органы «что-то выкопали» — ведь работники не информировались, но возникавшие предположения и скрытность в таких вопросах сеяли обиду и социальный дискомфорт. В одном из агентурных донесений утверждалось, что после отказа КГБ в выдаче третьей формы допуска инженеру Вильнюсского завода радиоизмерительных приборов Фиштейну, он «очень изменился», то есть испытывал сильные внутренние переживания⁸¹.

---

⁷⁷ Письмо заместителя председателя КГБ ЛССР П. Ворошилова начальникам отделов от 20 августа 1975 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 722. Л. 138.

⁷⁸ *Harrison Mark*. Why Secrets? The Uses of Secrecy in Stalin's Command Economy. PERSA Working Paper no. 34. Original version received 14 June 2004. University of Warwick, Department of Economics URL: <http://www.warwick.ac.uk/go/sovietarchives/persa>

⁷⁹ Справка оперативного офицера КГБ Юрвичюса о директоре Вильнюсского института электрографии Л. Королковасе // ОАЛ. Ф. К-1. Оп. 46. Д. 2165. Л. 214.

⁸⁰ Запись интервью с И. Макмаком от 7 октября 2004 г., часть 2 // Архив рукописей института истории Литвы. Ф. 61. Д. 15. Минута 43.

⁸¹ Агентурное донесение кандидата на вербовку «МНП» от 29 июля 1985 г. // ОАЛ. Ф. К-1. Оп. 46. Д. 2083. Л. 33.

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Общая система и методы работы КГБ в промышленности почти не менялись на протяжении изучаемого времени, но все же со второй половины 1970-х гг. появились некоторые новые тенденции. Ослабление международной напряженности внесло свои акценты в деятельность КГБ. В 1976 г. в республике побывали 330 специалистов из капиталистических стран⁸². В 1977 г. в Литве приступили к работе 250 специалистов из капиталистических стран⁸³, а в 1978 г. — их было уже 292, причем они участвовали во внедрении, подготовке и ведении технологического надзора на 12 промышленных объектах⁸⁴. По советским меркам, количество иностранных специалистов в Литве было огромным. Любопытно, что даже в 1981 г., когда международные отношения заметно обострились из-за Афганистана, по экономическому и техническому каналам Литву посетили 313 специалистов из капиталистических стран, треть из них (102) — из США и ФРГ⁸⁵. В дальнейшем интенсивность контактов пошла на убыль, и в 1983 г. в республике побывало только 169 специалистов из капиталистических и развивающихся стран⁸⁶.

На первый взгляд может показаться, что интенсивное международное общение должно было привести к ослаблению контроля над предприятиями. Но документы КГБ свидетельствуют о совершенно противоположной интерпретации оперативной ситуации. В соответствии с ней, «разрядка международной напряженности» стала якобы поводом для активизации действий вражеской разведки. Экономическое сотрудничество рассматривалось как обстоятельство, способствовавшее более глубокому разведывательному проникновению противника в СССР. В отчете третьего отдела за 1975 г. КГБ республики утверждалось, что спецслужбы капиталистических стран, особенно США, ФРГ, Великобритании и Израиля, пользуясь разрядкой международной напряженности, стараются через контакты с СССР усилить разведывательную деятельность. С начала 1973 г. до середины в первого полугодия 1975 г. в республике было получено 100 сигналов о признаках шпионажа⁸⁷.

В 1975 г. коллегия КГБ Лит. ССР приняла распоряжение об усилении работы среди иностранных специалистов⁸⁸ и дополнила план работы третьего отдела. В документе указывалось, что, по данным центра не исключено, что спецслужбы противника, постараются использовать экономическое сотрудничество с СССР для нанесения экономического ущерба путем внесения неточностей в техническую документацию, путем снабжения некачественным, некомплектным оборудованием, путем

⁸² Отчёт о работе 2 управления КГБ Лит. ССР // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 737. Л. 59.

⁸³ Справка о работе по линии 3 отдела // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 755. Л. 144.

⁸⁴ Справка о агентурно-оперативной работе 3 отдела за 1978 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 749. Л. 178.

⁸⁵ Справка о деятельности 3 отдела в 1981 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 760. Л. 125.

⁸⁶ МИД Лит. ССР присланный документ для КГБ Лит. ССР «Международные связи ЛССР в 1983 г.» // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 768/. л. 167.

⁸⁷ Справка об оперативной ситуации и методах по улучшению работы по сигналам шпионажа, 1975 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 724. л. 82–84.

⁸⁸ Распоряжение коллегии КГБ Лит. ССР от 29 апреля 1975 г. « О состоянии контрразведывательной работы среди иностранных специалистов и мерах по её улучшению // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 724. л. 93.

неправильного его монтажа и путем нарушения условий контрактов. Ссылка на эту информацию, поступившую из КГБ СССР, дополнялась замечаниями отдела о плохой эксплуатации полученного и смонтированного зарубежными специалистами оборудования на Клайпедском целлюлозно-бумажном комбинате, на Алитуском домостроительном комбинате и на других предприятиях республики (монтаж проводился мастерами из ФРГ, Великобритании и Австрии)⁸⁹.

Расширение экономических связей заставляло работников третьего отдела более внимательно изучать экономические и технологические процессы, что требовало обширных технических познаний. Именно этим были вызваны в конце 1970-х гг. расширение целей работы отдела и наметившаяся специализация. В риторике документов появились такие понятия, как «экономическая безопасность», «защита экономики», борьба с «идеологическими диверсиями». В докладе, подготовленном в 1984 г. для руководящего состава КГБ ЛССР утверждалось, что в одном из документов Пентагона за 1983 г. заявлялось, что «в середине 1980-х годов русские столкнутся с серьезными экономическими трудностями» и что «Америка должна их использовать»⁹⁰. Если в начале 1970-х гг. в планах работы и отчетах в основном только упоминалась, то в документах конца 1970-х и начала 1980-х гг. уже четко акцентировалась важность защиты экономической и социальной системы. Например, в отчете Первого подразделения 6-го отдела КГБ ЛССР докладывалось: «В отчетный период принимались меры по своевременному выявлению и пресечению акций идеологической диверсии противника и антисоветской деятельности враждебных элементов, направленных на идеологическое разложение рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции, инспирацию политически негативных проявлений, дискредитацию социалистической системы хозяйствования»⁹¹. Несмотря на участвовавшие в словаре чекистов употребление экономических фраз, реальные методы работы в сфере экономики почти не изменились. Зато появились новые направления. Органы теперь сосредоточились, в основном, на борьбе с контрабандой и нелегальными валютными операциями, а также озаботились локализацией конфликтов и забастовок, которые участились с начала 1980-х гг., главным образом, из-за экономических трудностей на предприятиях и размаха движения «Солидарность» в соседней Польше.

Новая концепция деятельности КГБ, появившаяся в начале 1980-х гг., несколько изменила подход к производственным проблемам. На майском 1981 г. совещании руководящего состава КГБ органов и войск КГБ СССР был сделан акцент на предупреждении чрезвычайных происшествий (ЧП). ЧП рассматривалось не как неожиданное явление, а как событие, имеющие свои причины, которые надо своевременно выявить и устранить⁹². В телеграмме председателя КГБ Ю. Андропова комитетам госбезопасности республик подчеркивалось, что в направляемых из республик в ад-

---

⁸⁹ Дополнение к плану контрразведывательной работы 3 отдела 2 управления КГБ Лит. ССР // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 724. Л. 92.

⁹⁰ Текст донесения для семинара руководящего состава КГБ Лит. ССР 1984 04 19 // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 2159. Л. 82, 83.

⁹¹ Справка о деятельности 1 отделения 6 отдела в 1983 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 46. Д. 2116. Л. 149.

⁹² Текст донесения начальника 6 отдела КГБ Лит. ССР М. Мисюкониса для семинара руководящего состава КГБ Лит. ССР в 19 апреля 1984 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 46. Д. 2159, л. 85–88.

рес Центра и партийных органов донесениях «часто акцент делается на вопрос чисто производственного, организационного характера, а чекистский аспект как бы отодвигается в сторону». По мнению Ю. Андропова, в сфере государственной безопасности следовало больше внимания уделять предупреждению негативных и антиобщественных настроений, которые приводят к ЧП⁹³.

«Предупреждение ЧП» оказалось серьезным вызовом для работы органов безопасности. Едва ли сами органы были способны заметить или выявить причины, скрытые в социалистической хозяйственной системе как таковой. В отчетах первой половины 1980-х гг. постоянно сообщалось о «неблагополучных ситуациях», имевших место на ряде заводов. Но из документов КГБ трудно понять, что подразумевалось под «неблагополучной ситуацией»: технологические трудности или забастовка рабочих? В отчетах третьего отдела КГБ часто встречаются утверждения, что удалось локализовать, предупредить нежелательные явления. Были ли они зародышами чрезвычайных происшествий и ситуаций, сейчас сказать трудно. Но осмелимся предположить, что общий чекистский дискурс о «предупреждении ЧП» нивелировал само понятие ЧП. Признание в отчете факта забастовки, которая оценивалась как ЧП, означала бы признание факта плохо выполненной работы, ведь именно недостатки в превентивной работе могли привести к возникновению протестных действий на предприятии или в учреждении.

Переход на превентивный характер работы КГБ, скорее всего, нужно понимать как желаемую цель, а не как конкретное задание, которое реально выполнялось. Распознавать опасные элементы формирующегося происшествия гораздо труднее, чем выявлять причины уже случившегося. Используя лишь агентурную сеть на предприятии, достичь этих целей трудно. Требовалось установить более тесные отношения с представителями заводов. Между тем, изменчивые политические обстоятельства способствовали поиску способов более глубокого контроля. КГБ уже осознал, что вряд ли ситуацию можно переломить путем ужесточения контроля или проведения «репрессивных» мероприятий. Ориентация на командный стиль и окрики сменилась установлением своего рода партнерских связей с руководителями и другими работниками промышленных предприятий, а ссылки на советский патриотизм помогли использовать их лояльность в качестве одного из способов эффективного контроля. Так, в отчете третьего отдела за 1980 г. отмечалось: «Исходя из компетенции органов, помогли партийным организациям в решении производственных заданий, в воспитании трудовых коллективов в духе советского патриотизма и интернационализма»⁹⁴. На заводах и фабриках КГБ стали проводить занятия и читать лекции о защите государственных секретов, о вредительской деятельности иностранных спецслужб. В отчетах 3(6)-го отдела сообщалось о помощи руководству предприятий при решении конфликтных ситуаций с рабочими⁹⁵.

Своеобразная «либерализация» наблюдалась появилась на излете периода стагнации и в системе оформления допусков. Многим работникам предприятий, даже при наличии серьезных компрометирующих материалов, органы допуски выдавали.

---

⁹³ Телеграмма Ю. Андропова комитетам госбезопасности республик от 11 ноября 1981 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 46. Д. 767. Лл. 153, 154.

⁹⁴ Отчет 3 отдела за 1980 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 760. Л. 36.

⁹⁵ Отчет 1 подразделения 6 отдела за 1983 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д.2119. Л. 151.

Например, главному инженеру Вильнюсского завода сверл Э. Юркши, которому в 1971 г. отказали в допуске (и он работал главным конструктором завода так и не получив обязательной формы допуска), в 1982 г. допуск дали⁹⁶.

Более тесному «сотрудничеству» КГБ с промышленными предприятиями должен был способствовать набор новых кадров в отделе КГБ с промышленными предприятиями. По-видимому, чекисты сделали для себя выводы от набора работников в органы в середине 1970-х гг., когда председатель КГБ ЛССР Ю. Петкявичюс в своем письме в начале 1976 г. упрекал начальников отделов: «Контингент отобранных кандидатов из числа партийных, комсомольских, советских работников и лиц, прошедших закалку в трудовых коллективах, на заводах и фабриках, — крайне мал»⁹⁷. В середине 1978 г. был издан указ председателя КГБ СССР⁹⁸, в котором прямо говорилось о необходимости увеличения контингента работников КГБ за счет работников промышленности. В плане предусматривалось принятие в отделе 2-го управления новых сотрудников, обращалось особое внимание на «инженерно-технических работников и рабочих, имеющих трудовую, жизненную закалку, преданных делу коммунизма»⁹⁹. В конце 1980 г. руководство союзного КГБ приняло новое решение¹⁰⁰, акцентировавшее важность связи органов с работниками промышленности. В республике исполнение этого указания, спущенного из Москвы, воспринималось в свете польских событий, в частности — роста популярности движения «Солидарность». Реагируя на полученные сведения, 2-е управление КГБ республики составило план оперативных мероприятий по расширению связей с «трудящимися» на 1981–1982 гг. Он предусматривал дальнейшее развитие «служебных» контактов с администрациями, партийными, комсомольскими, профсоюзными организациями, создание с их помощью «внештатных групп» внутри предприятий, которые должны были повлиять на «попавшие под влияние вражеской идеологии лиц»¹⁰¹.

Существенные изменения наблюдались в начале 1980-х гг. и в системе формируемых КГБ «профилактических мер». Если всего десять лет назад в них преобладала индивидуальная форма профилактики, для проведения которой «виновник» вызывался для разговора в здание КГБ, то теперь придали больший вес «профилактике с помощью общественности». Роль «общественности», как правило, играли руководители предприятия. Так, в профилактической беседе на Вильнюсском заводе шлифовальных станков приняли участие оперативный работник КГБ, директор, секретарь партийной организации завода и два члена партийного комитета, начальник отдела кадров и начальник цеха¹⁰².

⁹⁶ Дело спец. проверки Э. Юркши для допуска по ф. 2 // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 2247. Л. 32–36.

⁹⁷ Письмо председателя КГБ ЛССР Ю. Петкявичюс начальнику 1 отдела 2 управления КГБ ЛССР от 7 января 1976 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 732. Л. 1.

⁹⁸ Указ председателя КГБ СССР от 20 июня 1978 г., см. План отбора кандидатов и принятия их на работу в КГБ ЛССР // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 768. Л. 5.

⁹⁹ План отбора кандидатов и принятия их на работу в КГБ // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 768. Л. 5.

¹⁰⁰ Письмо коллегии КГБ СССР от 3 ноября 1980 г. «О дальнейшем укреплении связи органов гос. безопасности с трудящимися», см. План оперативных предприятий 2 управления КГБ ЛССР для расширения связей с трудящимися на 1981–1982 гг. // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 770. Л. 98.

¹⁰¹ Там же. Л. 98–100.

¹⁰² Справка о проведенной профилактической беседе с В. Гецевичюсом // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 687. Л. 10, 11.

В документах КГБ двадцатилетней давности немало подобных фактов «профилактики»; это подтверждает попытки «органов» поддерживать тесные связи с руководителями предприятий. В более ранних справках (1974 г. — о проведенных 2-м управлением и 5-ой службой КГБ ЛССР профилактических мероприятиях) содержатся довольно значительные цифры «профилактированных» лиц (885 человек), в том числе упомянуто, что по отношению к 635 лицам была использована индивидуальная форма разговора оперативного работника с профилируемым. По мнению авторов справки, говорилось в документе, «практика показывает, что эта форма эффективна»¹⁰³. Но достаточно сравнить те документы с документами 1980-х гг., чтобы увидеть, насколько чаще встречается «профилактика с помощью общественности». Из 62 мероприятий «профилактики» — согласно отчету 2-ой службы КГБ ЛССР за 1977 г. — 38 были проведены в форме индивидуального разговора, 11 — с представителями общественности, 7 — на собраниях рабочих и служащих¹⁰⁴. Чем более поздние документы — тем чаще можно заметить в них «профилактику с помощью общественности». В черновике отчета, написанном в начале 1980-х гг., составлена уже некая устойчивая форма отчетности: «проведено ... профилактических мероприятий с привлечением общественности, непосредственно трудовыми коллективами», в нем же говорилось, что все «они имели большое воспитательное значение»¹⁰⁵.

Более тесным отношениям КГБ с производственниками способствовало и развитие новых методов разведки, применение в ней технических новшеств. Появление более развитых приборов отодвигало опасность простого разведывательного наблюдения как бы на второй план. Серьезной угрозой стало появление портативной и иной техники, с помощью которой можно раздобыть секретные данные. Наличие формальной агентурной сети на заводах стало явно недостаточной гарантией защиты секретов. В результате, специалистов предприятий начали активно привлекать для работы в местных советах, в группах по противодействию технической разведке. В 1984 г. даже завели отдельное дело под названием — «Материалы по противодействию иностранным техническим разведкам»¹⁰⁶.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Подводя итоги, трудно не прийти к выводу, что методы работы КГБ на промышленных предприятиях республики влияли на социальную стратификацию и мобильность в обществе. Допуски к государственным секретам, оперативные дела, агентурная сеть на предприятиях, «профилактические мероприятия» и многое другое являлось, наравне с другими приемами властей, такими, как кооптация в партийную номенклатуру, членство в КПСС, различные формы репрессий, составным элементом системы контроля над обществом, в том числе, и в экономической сфере.

---

¹⁰³ Справка о проверке профилактической работы в 2 управлении, в 5 службе, в Алитуском, Кедайняйском и Шакайском райотделах КГБ ЛССР // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 717. Л. 124.

¹⁰⁴ Отчет 2 управления КГБ ЛССР за 1977 г. // Там же. Ф. К-1. Оп. 3.

¹⁰⁵ Черновик отчета 6 отдела КГБ ЛССР // Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 2159. Л. 41.

¹⁰⁶ Там же. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 2120.

Деятельность КГБ на промышленном предприятии показывает, что власть постоянно искала новые способы воздействия на индивидов во все усложнявшейся политической, социальной и экономической реальности. Особенно заметными эти поиски стали во второй половине 1970-х годов, когда сложились тесные отношения, а порой и сотрудничество чекистов с руководителями и ИТР предприятий. Своеобразная «либерализация» системы допусков, проведение профилактик «с помощью обществественности», вовлечение специалистов в советы и группы по противодействию технической разведке свидетельствуют: жесткая внешняя интервенция КГБ на предприятиях призвана была заменить старые методы работы новыми, более эффективными, с точки зрения органов госбезопасности.

Но, как ни желали обратного центральные разведывательные органы, вмешательство органов госбезопасности в работу промышленных предприятий не всегда способствовало их развитию и процветанию. Контрразведывательная направленность работы, исконная подозрительность органов борьбы с иностранными «вредителями» мешала КГБ стать действительным экономическим агентом власти. Сформированные тоталитарным режимом прошлого, черты деятельности «гэбистов» не позволяли эффективно использовать имевшийся потенциал, в том числе и те возможности, которые открывала работа с высококомпетентной агентурой. Информация, полученная от агентов, обычно оказывалась слабо связанной с интересами экономической системы, в том числе, ее плановыми показателями. Из-за слабой экономической подготовки и невысоких аналитических способностей сотрудников КГБ, работа в основном концентрировалась на контрразведывательных целях, и КГБ так и не стал субъектом позитивного принуждения в советской плановой экономической системе. Чекистские расследования экономических вопросов на производственных предприятиях не усиливали административно-экономический нажим власти на производителей, а скорее наоборот, ослабляли его.

Конечно, для более широких выводов необходимы дальнейшие исследования.

Ключевым, по-прежнему, остается вопрос: существовали ли системные возможности более эффективного использования потенциала КГБ в экономике при двойственном положении его агентов на предприятиях (с одной стороны — они представляли интересы власти, с другой — лоббировали интересы своего завода). Этот вопрос связан не только с проблемами социальной идентичности агентов и исполняемыми ими ролями. Он заставляет задуматься над оценками самого советского общества, которые по-разному представлены в современных советологических исследованиях. Так, следуя тоталитарной парадигме, советское общество было сильно атомизированным, мало солидарным. В таком контексте агент КГБ (безусловно!) должен был быть ближе к власти, нежели к интересам завода. Если же следовать ревизионистской традиции, то в каждом достаточно солидарном коллективе должен был преобладать интерес завода, фабрики, научного учреждения. Вот почему детальное изучение деятельности агентов КГБ на местах, выяснение обстоятельств его вербовки, личных стратегий поведения и содержания его агентурных донесений, может дать информацию не только о деятельности КГБ как части властной, административной системы, но и позволить включиться в дискуссию между разными историографическими школами. Это даст возможность лучше понять тогдашнее общество.

Несмотря на низкий уровень представлений о хозяйственной деятельности предприятий, информация, собиравшаяся КГБ, представляла интерес как с точки зрения управления различными отраслями промышленности, так и всей экономикой в целом. Информация эта стекалась через неформальные каналы управления и находила выражение в отношениях патрон (представитель власти, особенно партийный функционер) — клиент (руководитель предприятия). В экономической системе, где «кадры решали всё» и многое определялось личными связями, хорошая информированность о личности «клиентов», в том числе компроматы на них, могли становиться ключевыми инструментами управления.

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

ПРОБЛЕМА «ЛИШЕНЦЕВ» В СЕВАСТОПОЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В 1920–1930-е ГОДЫ

Л. А. СЕРОК УРОВА

Лишение избирательных прав некоторых категорий советских граждан, считавшееся поначалу мерой, решительно необходимой для развития Советского государства, породило в 1920–1930-е гг. ряд проблем, имевших далеко идущие исторические последствия. Утрата политических и социальных прав, потеря движимого и недвижимого имущества, пребывание в невыносимых условиях концлагерей и ссылки, а также другие сопутствующие «лишенчеству» обстоятельства порождали глухой протест тех, кто был причислен к категории «лишенцев». Протест этот был действительно потаённым. И лишь в конце 1980-х гг., когда лишение избирательных прав было признано формой политического преследования, а создание института «лишенчества» как формы реализации социальной политики Советской власти, подверглось осуждению, ранние формы депривации и лишений оказались тематизированы в социальном дискурсе.

В категорию «лишенцев» попадали представители разных национальностей. Анклавное проживание национальных меньшинств Крыма, обусловившее сохранение тесных внутри-этнических связей, а также устойчивое представление о себе как о жертвах «имперской политики», немало способствовали тому, что их представители оказались весьма успешными в деле компенсации ущерба, нанесенного Советской властью, в том числе — и касаясь проводившейся ею политики лишения избирательных прав. Признавая неоднозначность социального поведения представителей национальных меньшинств Крыма в годы Великой Отечественной войны, трудно не заметить: многие потомки тех, кто был выслан за пределы полуострова в советский период, сейчас возвращаются на историческую родину, причем приезжают с огромным багажом претензий, имеющих политический и экономический, национальный характер.

Исследователь, изучающий историю проблемы «лишенчества» на полуострове, не может не принимать во внимание факта развития одного из его городов как военной базы. Севастопольский регион, географически относящийся к Крымскому полуострову, в течение долгого времени был особой административной единицей — и именно потому, что был главной базой Черноморского флота. Особенность, присущая этому региону, обуславливала экстренный характер проведения различных политических мер и кампаний, отражалась на характере и методах проведения мероприятий на всем полуострове, в т.ч. и на способах реализации политики лишения избирательных прав.

Тема эта в советской историографии практически не изучалась. Вопросы применения репрессивных мер в 1920–1930-е гг. нашли отражение лишь в некоторых, весьма немногочисленных работах, в основном предназначенных для узкого круга пользова-

телей. Лишение избирательных прав упоминалось в них лишь в контексте истории классовой борьбы, а проблема «лишенцев», их социального статуса в советской историографии отдельно вообще не рассматривалась. Общедоступные работы по истории Крыма, изданные до 1991 г.¹, в основном содержали сентенции общего характера — о трудностях социалистического строительства в Крыму и об успешности его проведения в городах и селах автономной республики. Первой работой, в некоторой мере отразившей состояние ряда актуальных и неизученных проблем полуострова, стал коллективный труд «Крымская АССР (1921–1945)»², выпущенный в 1990 г. Но даже в данной работе проблема «лишенцев» оказалась не затронутой. С развалом СССР и возникновением национальных историографий, тема «лишенчества» оказалась выдвинутой в число наименее освещенных. Оценки политики 1920–1930-х гг. весьма разнятся как в российской, так и в украинской историографии. В некоторых трудах, относящихся непосредственно к проблеме лишения избирательных прав, авторы не склонны выделять ее из социальной политики репрессивной направленности³; в других — воспринимает коллективизацию и лишение избирательных прав как два параллельных⁴ или как два взаимосвязанных процесса⁵, порой они представляются вообще как не связанные друг с другом явления⁶. Закономерности лишения избирательных прав в таких работах, как правило, выявляются через описание судеб отдельных «лишенцев», в общем контексте социальной политики Советского государства⁷.

На современном этапе широкое распространение получили новые методы исследования аналогичных по форме источников — таких, например, как анкеты и личные карточки. На основе огромного числа персональных дел могут быть созданы репрезентативные базы данных. Авторы исследований, опираясь на эвристические возможности подобных БД, могут предлагать типологии, обобщенные социальные ха-

---

¹ Очерки по истории Крыма. Часть III. Крым в период развернутого социалистического строительства 1921–1941 годы. Симферополь, 1964.

² Крымская АССР (1921–1945). Симферополь, 1990.

³ *Валуев Д.В.* Лишенцы в системе социальных отношений 1918–1936 гг. (на материалах западного региона РСФСР). Автореф. дис... канд. ист. наук. Брянск, 2003; История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е). Сб. статей. Екатеринбург, 1997 (далее — История репрессий на Урале); *Байда Е.В.* Социальный портрет лишенца, лишённого избирательных прав за занятие торговлей // История репрессий на Урале... С. 86–95. *Тайболина М.Н.* Документы Курганского облгосархива о лишении крестьян избирательных прав и восстановлении в них как источники по истории крестьянства 1920-х годов // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Вып. 7. Шадринск, 1994. С. 134–138; *Саламатова М.* Лишенные избирательных прав в Новосибирске в 1927–1936 гг. // Корни травы. М., 1996. С. 9–22; *Русина Ю.А.* Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920–30-е годы (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале... С. 119–129; *Мазур Л.Н.* Лишение избирательных прав крестьян в 20-е — первой половине 30-х годов (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале... С. 105–119.

⁴ Неизвестные страницы политических репрессий в Крыму. Права голоса лишены. Симферополь, 1998. С. 8.

⁵ «В сельской местности лишение избирательных прав вело к раскулачиванию и выселению» // *Омельчук Д.В., Акулов М.Р., Вакатова Л.П., Шевцова Н.Н., Юрченко С.В.* Политические репрессии в Крыму (1920–1940 гг.). Симферополь, 2003 (далее — Политические репрессии в Крыму...) С. 32.

⁶ *Килин А.П.* Категории граждан, лишенных избирательных прав в 1920-е годы (анализ инструкций о выборах в Советы) // История репрессий на Урале... С. 95–105; *Красильников С.А.* На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 — конец 1930-х гг.) // http://www.zaimka.ru/soviet/krasiln1_p1.shtml

⁷ *Тайболина М.Н.* Указ. соч. С. 134–138.

рактеристики «лишенцев», выявлять особенности применения политики лишения избирательных прав в различных регионах⁸.

Оценивая общий характер российской историографии по истории «лишенчества», стоит отметить, что она в гораздо большей степени ориентирована на выявление социальных аспектов той политики, нежели ее региональных особенностей. Косвенно интересующая нас тема затронута в обобщающих работах, освещающих историю страны в рассматриваемый период⁹. Исследования по общей истории Крымской АССР в новейшей российской историографии встречаются редко¹⁰, и это при том, что и Крым, и Севастополь долгое время были частью именно РСФСР.

Та же проблема в украинской национальной историографии освещена еще менее удовлетворительно. Это можно объяснить закрытостью дел о «лишенцах» во многих украинских государственных архивах¹¹. Не следует также забывать, что излюбленной темой украинских историков, относящейся к довоенному периоду истории СССР, на современном этапе является «голодомор» 1932–1933 гг. Идеологизация украинской историографии привела к тому, что в единичных изданиях, касающихся проблемы «лишенцев», встречаются недоработки и грубые фактологические ошибки. Например, население Крыма в 1920–1930-е гг. называют чаще всего «населением Украины»¹², а иногда и просто «украинцами».

Наиболее полно проблема «лишенцев» освещена в трудах крымских историков.

Так, авторы научно-редакционной группы «Реабилитированные историей»¹³, первыми получившие доступ к документам крымских «лишенцев», отмечали чрезвычайный характер всех проводимых в Крыму в 1920–1930-е гг. мероприятий, хотя и не объясняли причин. Они первыми изучили теоретико-идеологические обоснования политики «лишенчества», затронув и тему политических репрессий¹⁴. В меньшей степени им удалось охарактеризовать обстоятельства потери избирательных прав отдельными национальностями автономной республики¹⁵. Севастопольские историки

---

⁸ *Кириллов В.М.* Репрессированные в Нижнетагильском регионе Урала (Проблема формирования банка данных) // История репрессий на Урале... С. 21–28; *Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф.* Лишение избирательных прав Москве в 1920–1930-е годы (новые архивные материалы и методы обработки). М., 1998; *Морозова Н.М.* Личные дела «лишенцев» 1918–1936 гг.: опыт создания базы данных (на примере некоторых районов Мордовского края) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 30. Материалы VIII конференции АИК. М., 2002. С. 173–175.

⁹ *Земсков В.Н.* Спецпереселенцы в СССР. 1930–1960 гг. М., 2003; *Хлевнюк О.В.* 30-е годы. Кризисы, реформы, насилие // Свободная мысль. 1991. №17. С. 75–87; *Хлевнюк О.В.* Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996; *Гимпельсон Е.Г.* НЭП и советская политическая система в 20-е годы. М., 2000.

¹⁰ *Водарский Я.Е., Елисеева О.М., Кабузан В.М.* Население Крыма в конце XVIII — конце XX вв. (численность, размещение этнический состав). М., 2003.

¹¹ Персональные дела «лишенцев» в Государственном архиве Автономной республики Крым представляются только родственникам лиц, пострадавших от лишения избирательных прав.

¹² *Овод В.* Миграционные процессы в Крыму: история проблемы перспективы. Симферополь, 1997. С. 12; *Ченцов В.В.* Політичні репресії в Радянській Україні в 20-ті роки. Тернопіль, 2000. С. 108.

¹³ Неизвестные страницы политических репрессий в Крыму. Права голоса лишены. Серия реабилитированные историей. Симферополь, 1998; Политические репрессии в Крыму...

¹⁴ Политические репрессии в Крыму... С. 33, 57–79.

¹⁵ *Вакатова Л.* Лишение избирательных прав // Немцы в Крыму: очерки истории и культуры. Симферополь, 2000 (далее — Немцы в Крыму...) С. 87–94; *Возгрин В.* Исторические судьбы крымских татар. М., 1992.

и архивисты, по преимуществу изучая проблемы национальных меньшинств в Севастопольском регионе¹⁶, затронули неизученные аспекты периода 1920–1930-х гг., в том числе проблему лишения избирательных прав¹⁷. При этом в работах по истории Крыма 1920–1930-х гг.¹⁸ и трудах, посвященных собственно проблеме «лишенцев», нет указаний на стратегическое значение Севастопольского региона и всего Крыма, хотя этот важнейший фактор сказывался практически на всех мероприятиях Советской власти на полуострове.

В зарубежной историографии, посвященной репрессивной политике Советской власти, проблема «лишенцев», как правило, напрямую не затрагивается. Тем не менее, некоторые зарубежные авторы пытаются объяснить причины ограничения прав части населения СССР¹⁹. Например, были предприняты попытки (на наш взгляд, неудачные), классифицировать категории репрессированных²⁰. Лишение избирательных прав как наказание для некоторых категорий населения упомянуто в работах одной из самых много пишущих и квалифицированных исследовательниц сталинизма среди американских ученых Ш. Фицпатрик²¹. Но едва ли не единственной работой зарубежного историка, прямо посвященной проблеме «лишенцев» как таковой, является монография Гольфо Алексопулос. Она основывает свои заключения как на опубликованных, так и на малоизвестных архивных источниках²², что делает ее выводы репрезентативными. Рассмотрев практику «лишенчества» как одну из форм политических репрессий²³, исследовательница обнаружила, что (в противовес ярко выраженной социальной направленности самой этой политики) среди «пострадавших»

---

¹⁶ *Фесенко А.А.* Политика органов государственной власти в отношении мусульманских общин города Севастополя в 20–30 годы XX столетия // Севастополь: взгляд в прошлое: Сборник научных статей сотрудников государственного архива г. Севастополя. Сост. В.В. Крестьянников. Севастополь, 2006. С. 235–237; *Терецук Н.М.* Положение греческого населения Севастополя в 1920-е гг. // Севастополь: взгляд в прошлое: Сборник научных статей сотрудников государственного архива г. Севастополя. Сост. В.В. Крестьянников. Севастополь, 2006. С. 223–228.

¹⁷ *Фесенко А.А.* Лишение избирательных прав крымских татар в 20–30-е гг. XX столетия в г. Севастополе // Севастополь: взгляд в прошлое: Сборник научных статей сотрудников государственного архива г. Севастополя. Сост. В.В. Крестьянников. Севастополь, 2006. С. 257–262.

¹⁸ *Гузева С.Г.* О врагах народа в Крымской АССР (по материалам газеты Красный Крым 1937–1938 гг.). // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. 1994. № 5. С. 33–44; *Зарубин А.Г.* Сопроотивление «чрезвычайщине» в Крыму 1928–1931 гг. // Известия крымского краеведческого музея. 1993. № 4. С. 40–46; Политические репрессии в Крыму...

¹⁹ *Conquest R.* The Great Terror: a Reassessment. London, 1990. P. 56–57; *Bettelheim Ch.* Class Struggles in the USSR. Vol.1. 1917–1923. New York, 1976. P. 31; *Паїнс Р.* Россия при большевиках. М., 1997. С. 476.

²⁰ П. Хагенлох и Д. Шерер, перечисляя категории лиц, попавших в сферу интересов внесудебных органов, выделяют преимущественно кулаков и разного рода преступников. П. Хагенлох отделяет статус «лишенца» от категорий кулаков, мелких преступников, спекулянтов, и прочих «чуждых элементов», тогда как практика «лишенчества» предусматривала поражение в правах для всех вышеперечисленных категорий населения. См. подробнее: *Hagenloh P.* «Socially Harmful Elements» and the Great Terror // *Stalinism: New Directions* / Ed. by S. Fitzpatrick. London, 2000. P. 293, 303; *Shearer D.* Elements Near and Alien: Policing and Identity in the Stalinist State, 1932–1952 // *The Journal of Modern History*. 2004. December. P. 850, 876–877.

²¹ *Фицпатрик Ш.* Классы и проблема классовости в Советской России 20-х годов // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 27; *Fitzpatrick S.* Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // *Stalinism: New Directions* / Ed. by S. Fitzpatrick. P. 26–27.

²² *Alexopoulos G.* Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca, 2003.

²³ *Alexopoulos G.* Указ. соч. P. 4.

нередки были представители национальных меньшинств²⁴. Советское законодательство, касающееся лишения и восстановления избирательных прав было, с ее точки зрения, весьма тщательно, даже детально разработанным²⁵, а с конца 1920-х гг. ею наблюдалось и некоторое его ужесточение²⁶. О том, что в действительности это не так, пойдет речь в данной статье.

* * *

Источниковая база по заявленной теме представляет собой комплекс опубликованных и архивных материалов. Последние представлены фондами Государственного архива города Севастополя (ГАГС)²⁷, Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)²⁸, Российского Государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ)²⁹.

Видовое разнообразие эмпирического материала формируется за счет источников разных типов, отразивших особенности государственного строительства в СССР. Среди них значительную группу представляют материалы партии и правительства, в них, соответственно, выделяются общесоюзный, федеративно-республиканский (в отношении РСФСР), республиканский, региональный и городской уровни.

Наиболее изученной является законодательная база института «лишенчества», закреплённая в конституциях РСФСР и СССР, инструкциях ВЦИК о выборах. Кроме этого, хорошо изучены теоретико-идеологические основы этого явления, отраженные в трудах В.И. Ленина, И.В. Сталина, в резолюциях, постановлениях и решениях съездов РКП(б) / ВКП(б) и партконференций. Документы общесоюзного и федеративно — республиканского уровня отражают общие установки деятельности госаппарата СССР: стремление власти ограничить влияние на жизнь общества «контрреволюционно настроенных» «частнокапиталистических элементов»³⁰, которые, как «классово чуждые элементы», подлежали сначала «ограничению» и «вытеснению»³¹, после чего на них должно было вестись «решительное наступление вплоть до полной ликвидации»³². Такие установки были продублированы конституциями Крымской

---

²⁴ Там же. Р. 5.

²⁵ Там же. Р. 3.

²⁶ Там же. Р. 3, 185.

²⁷ Государственный архив города Севастополя (ГАГС). Ф. Р-79 — Исполнительный комитет Севастопольского городского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и военно-морских депутатов (Оп. 2 л. — материалы по «лишенцам» города Севастополя); Ф. Р-420 — исполнительный комитет Севастопольского городского районного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и военно-морских депутатов; Ф. Р-430 — Балаклавского районного исполнительного комитета (оп. 5 — персональные дела «лишенцев» Балаклавского района).

²⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235 — Всероссийский Центральный исполнительный комитет (Оп. 125, 122, 123 — отдел национальностей); Ф. Р-1318 — Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Оп. 1 — представительство Наркомнаца в автономных республиках и областях); Ф. 5674 — СТО СССР при СНК СССР.

²⁹ Крымский областной комитет ВКП(б) // Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 (ЦК КПСС) / Оп. 21. Д. 2427–2520.

³⁰ Резолюция X съезда РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 387–388.

³¹ Там же. С. 370–372.

³² Резолюция XV съезда ВКП(б) / КПСС в резолюциях..., Т. 4. С. 304–305; XVI конференция ВКП (б) // КПСС в резолюциях..., Т. 4. С. 454–455.

автономной республики (1921 г., 1929 г., 1938 г.³³), а также зафиксированы в протоколах заседаний конференций Крымского областного комитета партии³⁴. Кроме того, эти положения развиты в постановлениях центрального³⁵ и окружных³⁶ партийных комитетов. К той же группе источников нами отнесены разъяснения частных случаев применения избирательного законодательства и распоряжения республиканских и местных избирательных комиссий о мерах против ошибочного применения инструкций по лишению избирательных прав³⁷ и, соответственно, корректировке нормативных актов³⁸, т.е. директивные документы по применению избирательного законодательства, материалы о проведении избирательных компаний в Крыму и в Севастопольском регионе³⁹. Особенностью документов «низовых» исполнительных органов является то, что они подробно отражают региональные трудности («технико-экономическая отсталость, жилищный кризис», «сложный национальный и экономический переплет», «засоренность аппарата чуждыми элементами», «хлебные

---

³³ Конституция Крымской ССР (ноябрь 1921 г.) // Крымская АССР (1921–1945) (Прил.). Симферополь. 1990. С. 256–262; Конституция Крымской АССР 1929 г. // <http://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/1929.htm>; Конституция Крымской АССР 1938 г. Симферополь. 1938.

³⁴ Наряду с трудностями и успехами социалистического строительства в Крыму, освещены вопросы внутривластного характера — свидетельства обострения межнациональных отношений в регионе. См.: Резолюция XIII Крымской областной конференции ВКП (б) 20–26 ноября 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2427; Протокол и стенограмма заседаний XIV областной конференции ВКП (б) 22–28 декабря 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2428; Резолюция XV областной конференции ВКП (б) 6–12 июня 1930 г. // Там же. Д. 2429; Стенограмма заседаний XVII областной конференции ВКП (б) 17–18 ноября 1934 г. // Там же. Д. 2430; Стенограмма заседаний XVII областной конференции ВКП (б) 18–20 ноября 1934 г. // Там же. Д. 2431.

³⁵ Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) о выселении раскулачиваемых от 30 января 1930 года // Исторический архив. 1994. № 4. С. 147–152; Постановление ЦК ВКП (б) «О кулаках» от 20 марта 1931 года // Там же. С. 152–155.

³⁶ Постановление Секретариата Крым ОК ВКП(б) (Сентябрь 1929 года) (о сосредоточении внимания на работе в городах). Протокол № 5 межведомственного совещания г. Севастополя от 17 сентября 1930 года (о мобилизации средств населения) // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 406. Л. 177; Постановление Президиума ОК ВКП(б) по вопросу о результатах проверки выполнения контрольных цифр оборонного плана от 4 июля 1932 года // Там же. Оп. 4. Д. 41. Л. 67–68.

³⁷ Постановление ЦИК от 30 октября 1931 года «О запрещении государственным учреждениям требовать от граждан предоставления справок о наличии избирательных прав» // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2(л). Д. 2. Л. 8; Постановление ЦИК СССР от 27 мая 1934 г. «О порядке восстановления в правах бывших кулаков» // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2(л). Д. 2. Л. 27–30; Постановление Президиума ВЦИК «О мерах к устранению нарушений избирательного законодательства и об упорядочении производства дел, касающихся избирательных прав граждан» от 10 апреля 1930 года // СССР. Законы и постановления. Законодательство о лишении и восстановлении в избирательных правах. Л., 1930. С. 9; Копия Циркуляра ВЦИК № 686/3-0 от 25 октября 1933 года «о порядке лишения избирательных прав лиц, привлеченных к обложению с/х налогом в индивидуальном порядке» // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2(л). Д. 2. Л. 22–23.

³⁸ Выписка из протокола № 88 заседания Президиума ВЦИК от 10 января 1927 года (одобрение Ходатайства КрАССР о внесении дополнений и изменений в Инструкцию ВЦИК о выборах от 4 ноября 1926 года) // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 207. Л. 17.

³⁹ Объявление Севастопольской Горокружной Центральной Избирательной комиссии по выборам в советы рабочих, крестьянских, красноармейских и военно-морских депутатов (1922 год) // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 102. Л. 62; Материалы о перевыборах в Советы от 1925 г. // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 102. Л. 17–64; Информационный отчет о проведении предвыборной кампании по Севастопольскому району (кампания 1924–1925 годов) // ГАГС. Ф. Р-79. оп. 1. Д. 136. Л. 28–34; Справка КрымЦИКа об отчетно-выборной кампании 1928–1929 годов (12 ноября 1929 года) // Неизвестные страницы политических репрессий... (Прил.). С. 94–95.

затруднения»⁴⁰), как они виделись проводникам общегосударственной политики на местах⁴¹.

Именные дела «лишенцев» отражают общие тенденции и местные особенности применения избирательного законодательства в Севастополе⁴² и Севастопольском районе⁴³. В Севастопольском Государственном архиве среди документов текущего делопроизводства Балаклавского райисполкома⁴⁴ сохранился список «лишенцев» и кулаков, находившихся в концлагере «Георгиевский монастырь» (у мыса Фиолент, недалеко от Балаклавы), а также данные о нуждах и продовольственных запасах заключенных в нем «лишенцев»⁴⁵.

Учитывая особенности проблемы «лишенцев», к анализу необходимо привлекать не только материалы о лишении избирательных прав, но и документы, характеризующие мероприятия оборонного значения⁴⁶, а также национального строительства в регионе⁴⁷, социальной и антирелигиозной⁴⁸ политики Советской власти в Крыму.

---

⁴⁰ Отчет Севастопольского городского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и флотских депутатов IV созыва (1925г.) // ГАГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 159; Два года работы Севастопольского городского совета... С. 3–4; Год работы Севастопольского городского совета... С. 3.

⁴¹ Отчет о деятельности горсовета и его секций (июнь 1922— дек. 1923) // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 143. Л. 1–6; Два года работы Севастопольского городского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов VI созыва (апрель 1927 — октябрь 1928 г.). Севастополь, 1929; Год работы Севастопольского городского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов VII созыва (март 1929 — февраль 1930 г.). Севастополь, 1930; Четыре года работы Севастопольского городского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов IX созыва (1930–1934 г.). Севастополь, 1934.

⁴² ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2(л). Д. 110–162.

⁴³ ГАГС. Ф. Р-430. Оп. 5. Д. 1–14, 19–26, 28–57, 59–76, 78–103, 109–125, 130, 136, 140, 145, 155, 160, 165, 249.

⁴⁴ Балаклавский район был выделен из состава Севастопольского региона в 1930 г.

⁴⁵ ГАГС. Ф. Р-430. Оп. 5. Д. 643–644.

⁴⁶ Постановление Совета труда и обороны СССР «О мероприятиях по улучшению жилищно-коммунального и культурно-бытового обслуживания начальствующего состава, красноармейцев и рабочих г. Севастополя» // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 4. Д. 2. Л. 24–26; Д. 41. Л. 67–68; Пояснительная записка к заявке на строительство и другие нужды Севастопольской Морской базы на 1933/34 годов // Там же. Д. 2. Л. 14–15; Протокол заседания комиссии, образованной постановлением Секретариата ВЦИК 5 февраля 1930 года, Проект постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О мероприятиях в связи с жилищным кризисом г. Севастополе» от 6 февраля 1930 года // Там же. Д. 53. Л. 56–56 (об); Выписка из протокола №7 заседания Пленума Севастопольского Горсовета от 14 августа 1929 года (о военной угрозе) // Там же. Оп. 1. Д. 406. Л. 301–302; Докладная записка по вопросу о мероприятиях в связи с жилищным кризисом в г. Севастополе. Составленная зам. представителя РСФСР при СНК СССР Усиевичем А. // Там же. Оп. 4. Д. 53. Л. 1–2; Постановление Президиума ВЦИК от 1 августа 1933 года «О выделении Севастополя в самостоятельный в административном и бюджетном отношении город» // ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 45(а). Д. 87. Л. 1–2.

⁴⁷ Переписка отдела национальностей ВЦИК с ЦИК Кр. АССР по заявлениям частных лиц об условиях жизни татарского и цыганского населения в г. Симферополе // ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 125. Д. 320; Переписка отдела национальностей ВЦИК с ЦИК Кр. АССР по заявлению Кирыкова об условиях жизни греков на территории Крыма // Там же. Д. 321; Отчет Комиссии по землеустройству трудящихся евреев при президиуме ВЦИК за 1925–1926 гг. // Там же. Оп. 122. Д. 10; Дело по обследованию состояния по хозяйственному, советскому и культурному строительству Кр. АССР (22 июля 1928 года — 23 октября 1930 года) // Там же. 123. Д. 435; Дело по обследованию состояния по хозяйственному, советскому и курортному строительству Кр. АССР (18 января 1928 года — 16 августа 1929 года) // Там же. Д. 434; Отчеты и доклады крымского и карельского наркомна о их деятельности (12 мая 1921 — 16 октября 1923 года) // ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 173.

⁴⁸ Циркуляр № 57/4268 с инструкцией ЦАУ ККПроса Крыма о преподавании мусульманского вероучения на территории Кр. АССР от 14 марта 1925 года // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 139. Л. 5–6; Циркуляр о ненормальностях работе столов религиозных культов от 25 ноября 1925 г. // Там же. Л. 12; Инструкция

Комплекс перечисленных выше источников позволяет не только осветить проблему «лишенчества», но и представить объемную картину истории социалистического строительства на полуострове.

* * *

Обратимся к законодательной базе института «лишенчества». Теоретико-идеологические основы создания Советского государства, которые были обозначены в трудах вождей революции⁴⁹ и закреплены в резолюциях съездов, приобрели форму Основного закона РСФСР в 1918 г. Конституция РСФСР заложила основу института «лишенчества» в качестве меры социальной защиты новой власти от «классово чуждых элементов». Принципы построения советской государственности, отраженные в этом Конституции, были механически перенесены на «крымскую почву» в 1921 году⁵⁰. На начальном этапе лишение избирательных прав по классовому признаку должно было осуществляться посредством «беспощадного подавления эксплуататоров» — так называемых «бывших людей»⁵¹.

Под это определение попали экономически активные слои населения: лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли, а также живущие на доходы с предприятий и капиталовложений, торговцы, коммерческие посредники, служители церковных и религиозных культов, служащие и агенты бывшей полиции. К «бывшим людям» кроме этого отнесли осужденных за корыстные и порочащие преступления и душевнобольных⁵².

По аналогии с Конституцией РСФСР, в Конституции Крымской АССР, принятой в ноябре 1921 г., основной задачей Советской власти в Крыму было названо установление диктатуры пролетариата. Эту диктатуру следовало устанавливать посредством «путем проведения социалистических преобразований и беспощадного подавления всех контрреволюционных попыток, направленных со стороны враждебных классов и международного капитала против власти трудящихся»⁵³. Претворение в жизнь этой задачи, ввиду сложного этнического состава населения Крыма и Севастопольского региона, а также ряда пережитков «полуфеодальных отношений», наталкивалось на явные трудности⁵⁴. Эти обстоятельства не были учтены в должной мере при разработке основного закона Крымской республики.

«о порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства, школы от церкви в части, касающейся административных распоряжений и надзора» от 7 апреля 1925 года // Там же. Л. 25-74.; Постановление Президиума ЦИК Кр. АССР «об утверждении комиссии при КрымЦИКе по рассмотрению религиозных вопросов» от 15 июня 1931 года; Быков А. Докладная записка о состоянии, развитии в Севастопольском районе вероисповедания и проводимая церковная политика // Там же. Д. 502. Л. 55-59.

⁴⁹ Ленин В.И. Апрельские тезисы. О задачах пролетариата в данной революции. М., 1989; Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти (март 1918 г.) // Избранные произведения. Т. 2. М., 1975. С. 592-625.

⁵⁰ Окончательное установление Советской власти в Крыму в ноябре 1920 года, не означало перехода к мирному социалистическому строительству. Отправной точкой относительно мирного развития полуострова может быть принятие Конституции Крымской АССР 10 ноября 1921 г.

⁵¹ Конституция РСФСР 1918 г. Ст. 3.

⁵² Конституция РСФСР 1918 г. Ст. 65.

⁵³ Конституция Кр.ССР. (ноябрь 1921 г.). Ст. 1. С. 257.

⁵⁴ X съезд РКП (б) (март 1921 г.) // КПСС в резолюциях ... Т. 2. С. 362.

Со второй половины 1920-х гг. мероприятия республиканских и городских исполнительных органов, проводимые в Севастопольском регионе (в т.ч. выборы в Советы), оказались подчинены задаче укрепления обороноспособности. Избирательным комиссиям вменялось в обязанность своевременно оповещать население о собраниях, оглашать списки «лишенцев» и избирателей, информировать вышестоящие инстанции о нарушениях и результатах проведения избирательных компаний.

Одной из первых избирательных инструкций была Инструкция КрымЦИК от 31 мая 1922 г. по проведению выборов Горсоветов, Сельсоветов, созыву районных, окружных и Всекрымского съездов советов. Она определяла нормы представительства от организованного и неорганизованного населения, регламентировала обязанности избирательных комиссий⁵⁵. Обязательный раздел инструкций всех уровней посвящался избирательным правам. Пассивным и активным избирательным правом наделялись все члены профсоюзов⁵⁶, одновременно давались разъяснения о некоторых категориях «лишенцев», содержались пункты, отражающие особенности состава населения Крыма, сложившегося в годы Гражданской войны. Лица, прибывшие на территорию полуострова с 1 апреля 1919 г. по 15 сентября 1920 г. (за исключением эвакуированных белогвардейской властью рабочих) объявлялись «лишенцами»⁵⁷ наравне с теми категориями населения, которые подлежали лишению избирательных прав в соответствии с Конституцией РСФСР 1918 года. В дальнейшем, в годы НЭПа, права некоторых категорий населения были расширены, что изменило число «лишенцев» в Крыму в целом⁵⁸.

В силу специфики ведения хозяйства на полуострове, многие жители, особенно в «спекультурных районах» — а таковым являлся, например, Севастопольский — традиционно использовали наемный труд⁵⁹. Большая доля сельского населения, в основном состоящего из представителей национальных меньшинств, ведущих традиционное хозяйство, казалась «ощутимым препятствием» в деле построения социализма, поскольку не собиралась отказываться от этой традиционности. Вот почему представитель Наркомнаца в Крыму считал необходимым ходатайствовать перед Центральной избирательной комиссией о внесении поправок в избирательный закон, он считал необходимым дать «активные избирательные права» и разрешить крестьянам Крыма «пользоваться трудом одного наемного работника»⁶⁰. Применение жесткой нормы лишения считал он, уже привело к лишению прав «значительной группы крестьян, лояльно, и даже сочувственно относящихся к Советской власти»⁶¹.

---

⁵⁵ Инструкция по производству выборов Горсоветов, сельсоветов, и созыву районных, окружных и всекрымских съездов Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и военноморских депутатов. От 31 июня 1922 г. // ГАГС. Ф.-79. Оп. 1. Д. 102. Л. 79–81 об.

⁵⁶ Инструкция по производству выборов... от 31 июня 1922 года // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 102. Л. 79.

⁵⁷ ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 102. Л. 79.

⁵⁸ Циркулярное письмо КрЦИК от 29 июня 1929 г. // ГАГС. Ф. Р-420. Оп. 7(всп.). Д. 12. Л. 6–7.

⁵⁹ Хотя бы одного-двух работников т.к. среди традиционных занятий жителей района были — овощеводство, виноградарство, табаководство, садоводство ит.д., трудоемкие по своему характеру // Крымская АССР (1921-1945). С. 12–57.

⁶⁰ Доклад крымского представительства Наркомнаца «Об экономическом, политическом и культурном состоянии немецких колоний Крыма» от 14 октября 1921 года // ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 173. Л. 9 об.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 173. Л. 9.

КрымЦИК в целом неоднократно ходатайствовал перед центральными государственными учреждениями «об увеличении нормы сезонных рабочих до четырех человек для сельских хозяйств-трудовиков южных районов со спекультурами», мотивируя это особенностями ведения сельского хозяйства в Крыму⁶², но получал каждый раз отказ. В результате же от активной работы в администрации и политической жизни в целом были устранены не только «контрреволюционные элементы», но и лица, лояльно относящиеся к Советской власти.

С появлением первых общесоюзных инструкций о выборах появилась необходимость их разъяснения⁶³, ведь, несмотря на все попытки четко определить категории лиц и критерии лишения их прав, многое оставалось неясным. При этом в Севастопольском регионе общее число «лишенцев» вовсе не превышало общесоюзных показателей и на начальном этапе составляло около 2% взрослого населения⁶⁴. Среди них особенно много было служителей культа⁶⁵. В привилегированном положении некоторое время находились лишь представители мусульманского духовенства, которые лишению избирательных прав вначале не подлежали⁶⁶: согласно «инструкции к предыдущим выборам» в Крыму, на них запреты не распространялись, что обнаруживало противоречие Инструкции Основному закону вплоть до мая 1922 года.

Преодолеть это противоречие призвана была Инструкция ВЦИК о выборах 1926 года. Однако вместо незначительных коррективов, Инструкция искусственно расширила категорию «служители культа» до предела: к ней стали относить всех ревностно верующих, а также обслуживавших культовые здания⁶⁷. Одновременно некоторые священнослужители, подозреваемые в антисоветской агитации и арестованные «за контрреволюцию», подверглись высылке за пределы Крыма (1928–1931 гг.)⁶⁸. Иное дело — еврейские переселенцы. Для создания им комфортных условий устройства, вне зависимости от прошлых и настоящих занятий, их не лишали избирательных прав⁶⁹ и вообще всячески способствовали натурализации. По сути, из них формировали одну из немногих привилегированных категорий жителей Крыма, ведь

---

⁶² ГАГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 664. Л. 28.

⁶³ В преддверии очередных выборов нижестоящие комиссии поставили перед Крымской Центральной Избирательной Комиссией ряд затруднительных вопросов, касающихся предоставления избирательных прав. Один из них — об их предоставлении крестьянам, осужденным «за невзнос продналога» и попавшим под частичную амнистию // Разъяснение Крымцентризбиркома от 27 мая 1922 года // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 102. Л. 15; Таким же путем был решен вопрос о предоставлении избирательных прав «женам служащих». Их было принято считать «не пользующимися избирправами» // Инструкции и сведения по выборам (1922–1923 годы) // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 102. Л. 47об.

⁶⁴ Доклад Севастопольской Горуюездной избирательной комиссии (август 1921 г.) // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–1 об.

⁶⁵ *Фесенко А.А.* Лишение избирательных прав крымских татар в 20-30-е гг. XX столетия в г. Севастополе. С. 257.

⁶⁶ Разъяснение Крымцентр избиркома от 27 мая 1922 года // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 102. Л. 15; *Пайтс Р.* Россия при большевиках. С. 310.

⁶⁷ Хористы, певчие, псаломщики, члены «двадцаток» // Инструкция ВЦИК 1926 года. Ст. 15. Пункт «М»; *Фесенко А.А.* Лишение избирательных прав крымских татар в 20-30-е гг. XX столетия в г. Севастополе. С. 257.

⁶⁸ Переписка по лишению избирательных прав (1 ноября 1928 года — 22 марта 1929 года) // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2 л. Д. 1. Л. 17.

⁶⁹ Отчет Комиссии по земельному устройству трудящихся евреев при Президиуме ВЦИК за 1925–1926 годы // ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 10. Л. 2.

крымские еврей-«старожилы», в т.ч. и в Севастопольском регионе, подобных преимуществ не имели.

Инструкция ВЦИК о выборах 1926 года, расширявшая категории лиц, которые подлежали лишению прав, трактовалась разными чиновниками различно. Крымские органы обязывали местные избирательные комиссии доказывать факты применения наемного труда. Если трудовой статус хозяйства удавалось доказать, то применение в нем наемной рабочей силы считалось обоснованным. К трудовым хозяйствам относили те, где наемный труд имел подсобный характер, а число наемных работников было меньше числа работающих членов семьи. В таких семьях никто не лишался никаких прав⁷⁰. Не считался основанием для поражения в избирательных правах и уход кого-либо из семьи на трудовые сезонные заработки, на период которых семья нанимала подсобного рабочего. Продажа продукции своего труда тоже не являлась основанием для поражения в правах⁷¹. Наряду с сельскохозяйственными трудовыми хозяйствами в Инструкции по Крыму упоминались и овцеводческие. Сами овцеводы были отнесены к категориям трудового населения⁷². Им разрешили нанимать одного постоянного рабочего — чабана⁷³. Лицам, занимающимся определенными промыслами (кузнечное, котельное, спирто-порошковое производства, лесопильный промысел и т. д.) было разрешено использовать наемный труд 1 рабочего или 2-х учеников⁷⁴. Однако в практике применения избирательного законодательства эти указания не получили должного развития. Право личности на участие в выборах быстро превращалось в показатель ее политической благонадежности⁷⁵. Необходимость сочетания и соотнесения этой благонадежности в полиэтничном регионе заставило ввести в состав Центральной избирательной комиссии в Крыму 2-х представителей национальных меньшинств (закреплено в 1927 г. соответствующими поправками⁷⁶).

Несмотря на множество усилий, первые результаты применения Инструкции 1926 г. породили поток жалоб — в основном от владельцев спекультурных хозяйств (культивировавших табак, виноград и отличавшихся интенсивностью развития за счет применения большого числа наемных работников). Владельцы этих хозяйств жаловались на лишения их избирательных прав в кампанию 1926–1927 гг. и обращали внимание на то, что кооперативы активно агитировали расширять число спекультурных землевладений. С этой целью выдавались и ссуды для найма рабочих. Когда же экспорт спекультур из Крыма возрос в достаточной степени, избирательные комиссии, пересмотрев нормы применения наемной рабочей силы, лишили из-

---

⁷⁰ Выписка из Бюллетеня ВЦИК и СНК Кр. АССР от 24 декабря 1926 г. // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 207. Л. 26.

⁷¹ Там же.

⁷² Ходатайство Кр. АССР о внесении дополнений и изменений в избирательную Инструкцию ВЦИК от 4 ноября 1926 года // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 207. Л. 17; СССР. Законы и постановления. Законодательство о лишении и восстановлении в избирательных правах. С. 24.

⁷³ Выписка из протокола № 88 заседания Президиума ВЦИК от 10 января 1927 года // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 207. Л. 17.

⁷⁴ ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 207. Л. 30.

⁷⁵ Политические репрессии в Крыму... С. 42.

⁷⁶ Выписка из протокола № 88 заседания Президиума ВЦИК от 10 января 1927 г. // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 207. Л. 17.

бирательных прав владельцев этих спекультурных хозяйств как выполнивших «перед Советской властью свой крестьянский долг»⁷⁷.

Действия эти инициировались Областным комитетом ВКП(б) и лично его представителем тов. Грановым: «В связи с положением, как международным, так и внутренним мы имеем обратный нажим со стороны кулачества и духовенства...я считаю нужно возобновить работу по выселению помещиков и духовенства, которые мешают нам работать»⁷⁸. Этот подход и установка были объявлены ориентирами для дальнейших действий. Начался угрожающий рост числа «лишенцев», особенно в сельских районах, хотя явка на выборы сельского и городского населения не снизилась, а наоборот, возросла⁷⁹.

Местные руководители относились к обнаружившемуся явлению с заметной долей цинизма. Так, глава орготдела Евпаторийского района тов. Шидарёв на объединённом заседании заведующих орготделов райисполкомов заявил: «В нашем районе больше 10–15% лишенных избирательных прав не будет. Бить тревогу незачем, т.к. в процессе дальнейшей работы многие ошибки, имеющиеся теперь, будут исправлены»⁸⁰. Между тем, прав лишали все чаще не только по факту применения наемной рабочей силы или разворачивания торговли, но и по весьма условному причислению к тому или иному классу (прежде всего, кулаков и середняков). Получалось, что избирательные права должны были иметь только батраки. Эти предложения реализовывались в плановых показателях на лишение избирательных прав (от 10–15% до 80% населения в отдельных населенных пунктах)⁸¹. Более того, в Севастопольском регионе, усердствуя в применении Инструкции 1926 г., к «лишенцам» причислили горожан с различными физическими недугами: слепых⁸², безруких, инвалидов разных групп⁸³, лиц старше шестидесяти лет⁸⁴. ВЦИКу пришлось рекомендовать немедленно восстанавливать их в правах даже без наличия пятилетнего трудового стажа на общественно-полезных работах⁸⁵. Иногда на основе ложно предоставленных сведений «лишенцами» становились уже умершие граждане⁸⁶: администраторам нужно было выполнять план по числу «лишенных». К последним иной

---

⁷⁷ Жалоба на неправильное лишение избирательных прав Абдураман Темиркая (5 июня 1929 г.) // ГАГС. Ф. Р-430. Оп. 5. Д. 43. Л. 21 об.

⁷⁸ В 1924–1925 гг. эти категории населения уже подвергались высылке. Подробнее см.: Стенографический отчет XIII Крымской областной партийной конференции (20–26 ноября 1927 года) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2427. Л. 190.

⁷⁹ В 1926 году из всех избирателей-крестьян пришли на выборы 63%, в 1927 г. — 69%. Это говорит о возросшем значении выборной кампании для населения Крыма. (См.: Руководящие материалы ВЦИК и Крымской избирательной комиссии // ГАГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 664. Л. 85).

⁸⁰ Мнение заведующего орготделом Евпаторийского районного исполкома. См.: Руководящие материалы ВЦИК и Крымской избирательной комиссии // ГАГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 664. Л. 115.

⁸¹ Руководящие материалы ВЦИК и Крымской избирательной комиссии // ГАГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 664, Л. 153; *Вакатова Л.П.* Лишенные избирательных прав // Немцы в Крыму... С. 89.

⁸² Дело Белоножко М.Ф. о лишении избирательных прав // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2 л. Д. 132. Л. 3.

⁸³ Дело Бакши Г.В. о лишении избирательных прав // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2 л. Д. 128. Л. 26.

⁸⁴ Например: Богосьян К.А., крымчак, 1857 г.р.; Брацлавский И.А., еврей, 1868 г.р.; Асан Эмине, татарка 1863 г.р., лишена прав за то, что находилась на иждивении брата-торговца и дочерей; Балтаджи М.Ф., грек, 1870 г.р. был лишен избирательных прав за торговлю, выслан с женой за пределы Крыма // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2л. Д. 112, 116, 127, 137, 146.

⁸⁵ Неизвестные страницы политических репрессий в Крыму... С. 17.

⁸⁶ ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2 л. Д. 135. Л. 3.

раз могли причислить и представителей «привилегированных» категорий: рабочих и служащих, не имевших нетрудовых доходов, семей красноармейцев и членов профсоюзов. Все это обозначалось как «перегибы» и «сбои» «на местах», обусловленные несовершенством бюрократической системы.

Можно выделить основные виды деятельности национальных меньшинств Крыма и Севастопольского региона, за которые лишали избирательных прав. Для армян, евреев, крымчаков — характерным было применение ст. 15-з (лишение прав за торговую и посредническую деятельность) и ст.15-п (лишение прав для лиц, находящихся в материальной зависимости от вышеуказанных категорий «лишенцев») ⁸⁷. В отношении немцев Крыма в основном применялась статья 15-а (за применение в прошлом наемного труда) ⁸⁸. Крымские татары лишались избирательных прав по различным пунктам 15-й статьи — в основном за применение в прошлом наемного труда, а также торговую и посредническую деятельность. Представителей славянских народов лишали избирательных прав за различные виды экономической активности. Их число не уступало численности других групп, по отдельным этносам учет не велся.

Если признать общеизвестным тот факт, что особенностью отчетно-перевыборных кампаний 1928–1929 гг. была общая установка «на лишение избирательных прав всего кулацко-эксплуататорского и нэпманского элемента» ⁸⁹, то Крымская АССР в указанный период выступит бесспорным лидером по проведению в жизнь избирательного законодательства ⁹⁰. Для нее удельный вес «лишенцев» составил 9,5% населения городов и 8,7% населения, проживающего в сельской местности ⁹¹. Новая Конституция Крымской автономии (1929 г.), продублировала пункты Конституции РСФСР 1925 года о порядке проведения выборов и привела свои положения в полное соответствие с избирательным законодательством РСФСР и СССР ⁹².

Уже в 1930 и 1931 гг. в Крыму функционировали специальные комиссии по устранению нарушений избирательного законодательства ⁹³, созданные как общесоюзными, так и местными органами ⁹⁴. Постановление Президиума ЦИК Крымской АССР

---

⁸⁷ Именные списки лиц, лишенных избирательных прав, национальных меньшинств. ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2 л. Д. 106–107.

⁸⁸ *Вакатова Л.П.* Лишенные избирательных прав // Немцы в Крыму... С. 90.

⁸⁹ Справка КрымЦИКа об отчетно-выборной кампании 1928–1929 гг. (12 ноября 1929 года) // Неизвестные страницы политических репрессий в Крыму... (Прил.). С. 94–95.

⁹⁰ Общесоюзные показатели по удельному весу количества «лишенцев» составляли: 8,6% населения городов и 4,1% населения сельских местностей // Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система в 20-е годы. — С. 314; Для этого же периода Красильников С.А. дает общий показатель для городского и сельского населения 4,89 % населения страны, что говорит о том, что численность «лишенцев» Крымской АССР в 1928–1929 гг. почти вдвое больше // Красильников С.А. На изломах социальной структуры: Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 — конец 1930-х гг.) <http://www.zaimka.ru/soviet/kraslin1.shtml>.

⁹¹ Выписка из протокола № 53 заседания Президиума Центрального Исполнительного Комитета Кр. АССР от 5 июля 1930 года // Неизвестные страницы политических репрессий в Крыму... (Прил.), С. 94.

⁹² Конституция Крымской АССР (5 мая 1929 года). С. 27.

⁹³ В развитие постановления Постановление ВЦИК от 30 апреля 1930г., восстанавливающий в правах ряд лиц, лишенных прав не по признаку ведения сельского хозяйства и их иждивенцев // ГАГС. Ф. Р-430. Оп. 5. Д.6. Л.1; Д.д. 30, 24, 54.

⁹⁴ При Севастопольском Районном исполнительном комитете такая комиссия, созданная в апреле 1930 года, просуществовала около 5 месяцев.

от 21 августа 1933 г. указывало на «извращения при разборе дел по лишению избирательных прав», в частности — на применение мер, не предусмотренных избирательным законодательством (наложение твердого задания, исключение из колхозов и тому подобное⁹⁵). В этот период, несмотря на общую установку местных властей на обнаружение «чуждых элементов» (в основном кулаков и членов их семей) и выселение их за пределы Крыма, количество «лишенцев» сократилось⁹⁶.

Общесоюзные избирательные инструкции не учитывали местных особенностей ведения хозяйства и традиционные формы активности национальностей Крыма. В инструкциях КрымЦИК не было четких критериев оценки кулацкого и нетрудового хозяйства⁹⁷. Не удивительно, что лишение избирательных прав жителей сельской местности принимало весьма извращенные формы: оно могло повлечь конфискацию имущества, заключение под стражу (в тюрьме или концлагере), ссылку с семьей на спецпоселение⁹⁸.

Лишение избирательных прав практически всегда в Крыму сопровождалось применением мер экономического характера: отказом в получении хлебных (продуктовых) карточек, пособий, пенсий, завышенной ставкой налогообложения, отказом в трудоустройстве в госпредприятиях и учреждениях, а также социальной изоляцией — исключением членов семей «лишенцев» из школы, профсоюза, комсомола. Лишенных избирательных прав и членов их семей в городах в 48-часовой срок выселяли с государственной жилплощади; им отказывали в возможности поступления в ВУЗы, получении бесплатной медицинской помощи, зачислении в Красную армию (службу они проходили в тыловом ополчении). В 1930-х гг. «лишенцы», проживавшие в городах, не могли получить паспорта, т.к. для этого требовалась карточка избирателя.

Подводя итоги, можно сказать, что теоретические основы «лишенчества» в связи с практикой проведения выборов были дополнены рядом практических мер социальной и экономической дискриминации для лиц, подвергшихся каре. Эти меры мотивировались в ряде регионов Крыма стратегическим значением городов-портов, Севастополя прежде всего, да и всего полуострова, сложной этнополитической обстановкой и, не в последнюю очередь, спецификой ведения хозяйства.

* * *

Практика «лишенчества» в Севастопольском районе (гг. Севастополь, Балаклава плюс около 30 близлежащих сел и населенных пунктов) имела выраженную специфику. Развитие Севастополя как главной базы Черноморского флота (ЧФ) было продиктовано навязываемым идеологией мифом о постоянной угрозе военных действий на территории СССР⁹⁹. Военное столкновение со странами капиталистического окру-

⁹⁵ Циркуляры по столу гражданских прав (1929–1934 гг.) // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2 л. Д. 2. Л. 2.

⁹⁶ Протоколы заседания Тройки Севастопольского городского совета (1931–1934 гг.) // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2 л. Д. 59. Л. 1–4.

⁹⁷ Усредненный вариант показателей хозяйства кулака (согласно исследованиям): от 6 до 15 десятин земли, 1–3 лошади, 1–2 вола, 1–2 коровы, 10–40 овец. Сложнее определить критерии хозяйства рыбака-кулака (количество яликов, снастей и т.п.).

⁹⁸ Неизвестные страницы политических репрессий в Крыму... С. 30.

⁹⁹ XIV и XV съезды партии // КПСС в резолюциях ... Т. 3; Т. 4.

жения предписывалось ожидать в ближайшее время, а сам Севастополь, в котором расширение контингента военнослужащих ЧФ проводилось в кратчайшие сроки¹⁰⁰, ускоренными темпами превращали в часть укрепрайона¹⁰¹. Для начала в 1930 г. из Севастопольского района был выделен Балаклавский район с рядом сельских населенных пунктов¹⁰². Далее Севастополь выделили в самостоятельный в административном и бюджетном отношении город, что на практике означало его подчинение финансовым и планирующим органам РСФСР¹⁰³. Для обеспечения безопасности в тылу ЧФ, которой призвана была стать Крымская АССР в ожидаемой войне¹⁰⁴, были проведены экстренные мероприятия по выселению всего «кулацкого и нетрудового элемента», представлявшего эвентуальную угрозу для успешного ведения боевых действий.

С середины 1920-х гг. одним из основных направлений работы Севастопольского горсовета стала задача усиления внимания к вопросам «обороны и обслуживания нужд Красной армии и флота»¹⁰⁵. Заметно возросла численность населения города: за полтора года (1924–1926 гг.) в полтора раза (достигнув 49 371 человек старше 18 лет¹⁰⁶). Намотившийся жилищный кризис обострился. Преодолеть его пытались путем «немедленного выселения нетрудовых элементов и предоставления освобождающихся помещений по имеющимся заданиям»¹⁰⁷, а также — со второй половины 1920-х гг. — путем снижения нормы жилплощади. Положение ухудшилось в связи с землетрясением 1927 г.: требовалось увеличение затрат на ремонт и строительство жилья в 6 раз¹⁰⁸.

До 1930 г. все эти меры носили, как тогда говорили, ограниченный и временный характер. В связи с расширением военного порта и Севморзавода, а также приходом эскадры кораблей предполагалось форсированное жилищное строительство. Но на него нужно было, по меньшей мере, 2–3 года, между тем прибывшие военнослужащие с семьями, числом около 11 000, требовали предоставления жилья в кратчайшие сроки¹⁰⁹. Специальное постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 февраля 1930 г. довольно решительно разрубило gordiev узел возникших проблем. Согласно ему, предписывалось выселить из города 2 000 семей «лишенцев». Всему выселенному

---

¹⁰⁰ Резкое увеличение численности населения произошло еще в начале 1930 г., в связи с этим резко увеличилось рабочее население города // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 4. Д. 53. Л. 1.

¹⁰¹ Туда входила часть Южнобережья. См.: Протокол партийной тройки ОК от 2 апреля 1930 г. // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 4. Д. 53. Л. 12,17.

¹⁰² Четыре года работы Севастопольского городского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов IX созыва (1930–1934 годы). С. 45.

¹⁰³ Постановление Президиума ВЦИК от 1 августа 1933 года // ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 45а. Д. 87. Л. 2.

¹⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2427. Л. 120–122; Д. 2431. Л. 85.

¹⁰⁵ Два года работы Севастопольского городского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов VI созыва (апрель 1927 года — октябрь 1928 года). С. 5.

¹⁰⁶ ГАГС. Ф. Р-420. Оп. 7 (всп.). Д. 12. Л. 2.

¹⁰⁷ ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 143. Л. 2(а).

¹⁰⁸ Два года работы Севастопольского городского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов VI созыва (апрель 1927 — октябрь 1928 гг.). С. 20.

¹⁰⁹ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 февраля 1930 года и План политических и организационно-технических мероприятий в связи с проведением в жизнь Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 20 февраля 1930 года // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 4. Д. 53. Л.л.28–31, 55.

«нетрудовому элементу» было запрещено селиться в пределах Севастопольского укрепрайона и Южнобережья (что и соблюдалось вплоть до начала войны)¹¹⁰. Но, несмотря на эти драконовские меры, жилищный кризис в Севастополе преодолен не был.

Что касается жителей сельских населенных пунктов региона, то на начальном этапе политика лишения прав их практически не коснулась. В большей мере она затрагивала население городов — Севастополя и, отчасти, Балаклавы¹¹¹ (ввиду наличия там большого числа так называемых «контрреволюционных элементов»). В связи с изменением в 1924–1926 гг. текстов инструкций по лишению избирательных прав, число «лишенцев» уменьшилось — и не только по городу, но и по селам района (с 272 человека в избирательную компанию 1924/25 гг. до 177 человек в компанию 1925/26 гг.)¹¹². Соответственно в этот период возросло количество участвующих в выборах по городу: с 25% до 50,3%.

Инструкция 1926 г. увеличила число «лишенцев» из активных слоев города и деревни¹¹³, при одновременном росте активности избирателей из сельских местностей¹¹⁴. В последующий период и в Севастополе, и в районе число «лишенцев» продолжало расти, и к 1929 г. просто многократно увеличилось. Ведя учет лиц, лишенных избирательных прав, отслеживая их перемещения¹¹⁵, составляя именные списки «лишенцев» из состава национальных меньшинств (армян, греков, евреев, караимов, поляков, т. наз. «нацменов»)¹¹⁶, местные власти пытались управлять ситуацией. Между тем большинство лишенцев составляли представители славянских народов — русские с украинцами¹¹⁷ (хотя подробного учета «лишенцев» Севастопольского района по всем национальностям не велось). Политика раскулачивания была применительно к ним столь же жесткая, как и к представителям национальных меньшинств, большинство высылалось именно как «лишенцы», а не как кулаки¹¹⁸.

Попытаемся составить обобщенный социальный портрет лишенца.

Во время раскулачивания высылке подлежали около 43% из них.

---

¹¹⁰ Выписка из протокола № 75 суженного заседания СНК Кр. АССР от 25 июня 1932 года // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 4. Д. 41. Л. 63.

¹¹¹ В 1921 г. избирателей района насчитывалось 7612 человек, лишились прав 71 человек, что не превышало 1% от взрослого населения района. (См.: Доклад горездной избирательной комиссии (август 1921 года) // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

¹¹² Материалы по выборам в городской, районный и сельские советы // ГАГС. Ф. Р-420. Оп. 7 (всп.). Д. 12. Л. 2.

¹¹³ По городу в кампанию 1926/27 гг. было зафиксировано 1719 «лишенцев» по сравнению с 1151 в кампанию 1925/26 гг. // Материалы о выборах в Севастопольский горсовет IV созыва. ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 136. Л. 22 об., 26 об.

¹¹⁴ ГАГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 664. Л. 85.

¹¹⁵ ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2 л. Д. 61.

¹¹⁶ Армяне — 155 человек, греки — 296, евреи — 487 человек, караимы — 81, крымчаки — 68, поляки — 46, татары — 179; всего — 1312 человек. При указании оснований для лишения прав чаще всего фигурируют: ст. 15 пп. «з», «и», «п» (лишены прав как частные торговцы, перекупщики, коммерческие посредники, и их иждивенцы). См.: ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2 л. ДД. 105–106.

¹¹⁷ Из ближайшей округи Севастополя, с преимущественным русским населением (Инкерман, Бартењевка, Новая земля) также производились выселения.

¹¹⁸ Список высланных и раскулаченных из пределов Крыма с 1930 по 1931 г. // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2 л. Д. 13.

Наёмную рабочую силу применяло около 15%, хотя кулаками были признаны лишь 13% (остальные подпали под определение «потенциальных» кулаков). Раскулачивание с последующей высылкой и конфискацией имущества затронуло 28% лиц, не ведущих «кулацкого хозяйства» и не прибегающих к найму. Однако они, как и кулаки, были признаны неблагонадежными. Поэтому, стремясь обеспечить безопасность региона в условиях «агрессивного капиталистического окружения», власти проводили чрезвычайные мероприятия — выселения, конфискации¹¹⁹.

Наиболее жестокой мерой, применяемой к «лишенцам», было заключение в концентрационные лагеря, которые как пункты содержания «кулаков-лишенцев» были созданы после выхода Постановления Политбюро ЦК ВКП (б) о выселении раскулаченных. В нем предусматривалась конфискация у кулаков из районов сплошной коллективизации средств производства, скота, хозяйственных и жилых построек, предприятий по переработке, кормовых и семенных запасов¹²⁰, размещение раскулаченных в системе (сети) концентрационных лагерей, лагпунктов и спецпоселений.

В начале 1930 г. по инициативе местных исполнительных органов Крымская АССР была объявлена районом сплошной коллективизации, после чего все население, могущее считаться отнесенным к кулацким элементам, было разделено на 3 категории — в зависимости от их отношения к Советской власти («контрреволюционный кулацкий актив», просто «кулацкий актив», рядовые кулаки). Лишь для первой категории кулаков предусматривалось заключение в концлагеря (промежуточного этапа в их немедленной ликвидации). Вторые подлежали высылке в отдаленные местности СССР или, реже, в другие районы края. Третьи выселялись лишь за пределы колхозных хозяйств, после конфискации указанного имущества их оставляли в пределах районов их прежнего проживания. Концентрационные пункты (согласно политике ликвидации кулачества как класса) предназначались для *временного* содержания кулаков (в том числе кулаков-«лишенцев») и членов их семей. Только в Крыму таких пунктов было создано девять¹²¹. Часть из них предназначалась для постоянного пребывания, другие служили перевалочными пунктами на срок от двух месяцев до полугода (с последующей высылкой за пределы Крыма). Без выяснения действительного отношения к Советской власти всех попавших под «молох истории», без точной оценки их имущественного положения, лица, попавшие в концлагеря Крыма, считались априори «контрреволюционным кулацким активом».

Одним из наиболее известных лагерей в Севастопольском регионе был концлагерь «Георгиевский монастырь». Закрытый в 1929 г., Георгиевский монастырь стал довольно скоро пополняться кулаками и членами их семей, лицами, пораженными в правах, такими, как торговцы, посредники, священнослужители (монахи, дьяконы, муллы), кулаки-рыбаки¹²² и пр. По инструкции, выселение жителей Севастопольского района

¹¹⁹ ГАГС. Ф. Р-430. Оп. 5. ДД. 1–14, 19–26, 28–57, 59–76, 78–103, 109–125, 130, 136, 140, 145, 155, 160, 165, 249.

¹²⁰ Постановления политбюро ЦК ВКП (б) о выселении раскулаченных от 30 января 1930 г. // Исторический архив. 1994. № 4. С. 148.

¹²¹ В Джанкое, Инкермане, Керчи, Симферополе, Феодосии, Ялте; упоминаний о Концлагере Георгиевский монастырь в научной литературе нет. См.: Неизвестные страницы политических репрессий в Крыму... С. 76

¹²² Данное определение относится к балаклавским рыбакам, грекам по национальности. Степень их зажиточности определялась количеством яликов и наймом рабочей силы. Кулаками посчитали лиц, вла-

предусматривалось в течение 2 суток. Однако органы ОГПУ, занимавшиеся арестами кулаков, не соблюдали предусмотренных законом сроков¹²³. Чаще всего людей забирали в концлагерь без необходимых продуктов питания, одежды и утвари. Жесточайшие условия проведения акции характеризуют жалобы и ходатайства «лишенцев» из ссылки, в которых они просили о восстановлении их в правах и разрешении вернуться на прежнее место жительства. Так, в ходатайстве одного из середняков-татар говорилось: «жену в восьмиградусный мороз выселили в одном платье... на шесть человек семьи разрешили взять одну подушку». Из четверых детей этой семьи, заключенных вместе с родителями в концлагерь, двое умерло в ссылке¹²⁴.

Сведения о заключенных, собранные комендантом лагеря Цуприком (март 1930 года), позволили ему составить целый список кулаков и «лишенцев», находящихся в концлагере «Георгиевский монастырь»¹²⁵, нуждающихся в топорах, пилах, не говоря уже о продуктах питания¹²⁶. Отдельно он составил список лиц, нуждающихся в продовольствии и теплой одежде¹²⁷. Эти списки могут быть соотнесены со списком кулаков, подлежащих выселению за пределы Крыма¹²⁸. Очевидно, что заключенных изначально предназначали для выполнения трудоемких неквалифицированных строительных и лесозаготовительных работ. Нормальное продовольственное обеспечение отсутствовало.

Кулаки и другие категории «лишенцев» концлагеря в Георгиевском монастыре имели при себе 28 топоров и 2 пилы. Из продуктов на 557 человек (154 семьи) было прислано родственниками заключенных: 170 фунтов крупы, 4 пуда бобовых, 3 пуда пшена, 105 пудов картофеля, 64 пуда муки¹²⁹. В пересчете на современные меры веса это составляло: 46 кг крупы, 64 кг бобовых, 48 кг пшена, 1680 кг картофеля, 1024 кг муки. Даже на время пребывания в лагере (1–2 месяца), которое должно было считаться промежуточным на пути к местам «отбывания мер социальной защиты», этих продуктов на всех хватить не могло.

Семьи жили в лагерях трудно. Известно, что по просьбе семьи Э.Абдураманова (жители д. Чоргунь), в которой было 8 детей от полутора до 14 лет, родственники вместо 3 пудов муки и такого же количества картофеля смогли передать только 1 пуд муки. Продукты, требовавшиеся семье А. Бари (в его семье было 3 детей), односельчане так и не смогли ничего передать¹³⁰. Семья Е. Феодори просила о теп-

---

деющих в среднем 1–3 яликами и использующих труд 3–5 батраков. Норм кулацкого хозяйства рыбака выработано не было, поэтому они подлежали лишению прав автоматически, в силу традиционного характера рода деятельности.

¹²³ Барзали И.С., грек, (1896 г. р.), был выселен на следующий день после оглашения списков лишенцев, в которых он значился в числе кулаков. Подвергся выселению с женой и четырьмя детьми от 4 до 15 лет; ввиду сурового климата на Урале подавал ходатайство о возвращении его на прежнее место жительства. Граждане д. Скели трижды ходатайствовали о возвращении этой семьи. Их просьбы остались без внимания. См.: ГАГС. Ф. Р-430. Оп. 5. Д. 125. Л. 1, 35.

¹²⁴ ГАГС. Ф. Р-430. Оп. 5. Д. 315.

¹²⁵ ГАГС. Ф. Р-430. Оп.5. Д. 643. Л. 1–7.

¹²⁶ Там же. Л. 8–9.

¹²⁷ Там же. Л. 10–10 об.

¹²⁸ Там же. Л. 11–13.

¹²⁹ Там же. Л. 10–10 об.

¹³⁰ Там же. Л. 6, 8, 10.

лых вещах, но получила только 1 пальто и 1 пару ботинок ребенку¹³¹. Среди вещей, в которых нуждались «лишенцы» и члены их семей, чаще всего фигурируют детская обувь и одежда, примусы, топоры, сковороды, чайники, тазы. У. Бойченко из села Бартеньевка, попав в концлагерь без мужа, с 3-мя детьми от 2 до 11 лет, просила только чайник, кастрюлю и сковородку¹³².

В марте 1930 г. в концлагере «Георгиевский монастырь» содержалось 557 человек в возрасте от 1–2 месяцев (один одномесячный ребенок находился в Концлагере без матери) до 83 лет. Соотношение лиц обоего пола было примерно равным. База данных, составленная на основе списка 1930 г.¹³³, позволяет выделить основные возрастные группы заключенных. Дети до 5 лет составляли в них 16,9%, от 6 до 10 лет — 14%, от 11 до 15 лет — 10,5%, молодежь от 16 до 20 лет — 8,6%. Иными словами, несовершеннолетние составляли самую многочисленную группу содержащихся в концлагере — **46%**. Во вторую по численности группу — **32 %** — входили трудоспособные заключенные среднего возраста: от 21 до 25 лет — 6,5%, от 26 до 30 лет — 5%, от 31 до 35 лет — 6,1%, от 36 до 40 лет — 7,2%, от 41 до 45 лет — 4,3%. Заключенные зрелого возраста от 46 до 60 лет составляли **14,5%**, старше 60-ти — **6,3%**¹³⁴. Последнюю группу составляли люди преимущественно с различным увечьем и недугами. Например, Кефели И.С. (караим, потомственный почетный гражданин), 1859 г.р., до 1912 года был владельцем фабрики, продал её в 1912 году за долги. В годы Советской власти вернулся на ту же фабрику в качестве мастера. Согласно документам, «оказывал разлагающее влияние на рабочих». Как «фабриканту» старику дали твердое задание на заготовку и сдачу 150 пудов зерна. В его хозяйстве был сад из 10 деревьев; скота он не держал. Направленный в концлагерь «Георгиевский монастырь», этот старик, страдавший грыжей и слепой на один глаз, просил власти учесть беспомощность его положения. Его дети неоднократно ходатайствовали перед избиркомами о возвращении отца из ссылки для лечения, но им было отказано.

Таким образом, подавляющее большинство заключенных в концлагере составляла молодежь и несовершеннолетние — т.е. не имевшие избирательных прав по возрасту. Немалой была и группа лиц старше 60-ти лет, больных, что также противоречило распоряжениям и инструкциям. Но кто тогда ориентировался на них, если под раскулачивание попали в тот год даже кадры советских работников (представители Балаклавского райисполкома)¹³⁵.

¹³¹ Там же. Л. 10.

¹³² Там же. Л. 2 об., 10 об.

¹³³ Репрезентативность составленной базы данных высока. За ее основу был взят целиком сохранившийся «Список лишенцев и кулаков, содержащихся в Концлагере «Георгиевский монастырь» от 10 марта 1930 года. В списке содержатся следующие данные: фамилия, имя, отчество, место проживания, иногда сведения о высылке за пределы Крыма, дата ареста органами ОГПУ. См.: ГАГС. Ф. Р-430. Оп. 5. Д. 643. Л. 1–9 об.

¹³⁴ ГАГС. Ф. Р-430. Оп. 5. Д. 249.

¹³⁵ Д. Гани, житель деревни Биюк-Мускомия, был выслан в Воронежскую губернию, его жена с пятью детьми содержалась в лагере. См.: ГАГС. Ф. Р-430. Оп. 5. Д. 643. Л. 2 об.; Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 14. Л. 14 в.; Л. Бекир житель деревни Байдары, 39 лет, был арестован органами ГПУ 2 февраля 1930 года. В концлагере пребывал с женой, сына оставил у брата. Он был занесен в список кулаков, подлежащих выселению за пределы Крыма. Лишен избирательных прав за систематическую скупку и перепродажу скота. Имел один дом, сарай и одну корову. Был признан антисоветским элементом, ведущим разлагаю-

Некоторые из заключенных-лишенцев, вернувшись на прежнее место жительства после отбывания заключения, не уставали ходатайствовать о восстановлении в правах. Особенно активны были женщины. Так, например, жена высланного середняка Б. Гдаль писала: «Прошу вернуть... право голоса, т.к. я не имею никаких средств к существованию, я не имею даже дома, где жить, я должна иметь заработок, чтобы существовать самой и прокормить своего сына, а как лишенка я не могу иметь работы»¹³⁶. Р. Белял, жена высланного кулака, жаловалась: «Я не могу быть равным членом общества... Мои дети, которые находятся в бедственном положении, которых необходимо воспитывать и учить наравне с другими детьми, а они оказались отрезанными от общества». За некоторых заключенных неоднократно ходатайствовали односельчане¹³⁷.

Но и сами «лишенцы», находясь в ссылке, продолжали бороться за свои права.

К примеру, бывший заключенный концлагеря В. Андрюченко ходатайствовал, описав условия, в которых жили кулаки и кулаки-«лишенцы» из Крыма: «Заставляют мужчин строить землянки... Снег стоит в лесу в один метр. Помогите нам отсюда спастись»¹³⁸. В то время в концлагере «Георгиевский монастырь» находилось 7 заключенных из Севастополя¹³⁹, 49 — из Балаклавы, 17 — из Инкермана, остальные — из сельских населенных пунктов¹⁴⁰ (причем в основном — представители национальных меньшинств). Практически единовременная убыль полутысячи людей (из которых 46 были священнослужителями) не могла не сказаться на росте негативного отношения к властям среди представителей национальных меньшинств всего Крыма.

Судьбы заключенных лагеря складывались по-разному. Из 154 глав семейств высылке за пределы Крыма с семьей должны были подвергнуться две трети (96). В единичных случаях заключенным (например, Е. Градинар¹⁴¹, С. Брун¹⁴²) удавалось добиваться восстановления в правах. Среди рассекреченных персональных дел «лишенцев» Балаклавского района удалось найти сведения о местах высылки заключенных, это и Уральская область (Тагильский округ, Надеждинский район, Богословский За-

---

щую работу против всех мероприятий Советской власти. См.: Список кулаков и лишенцев, находящихся и находившихся в Концлагере «Георгиевский монастырь» // ГАГС. Ф. Р-430. Оп. 5. Д. 643. Л. 1, 14, 38; Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 14. Л. 14 в.

¹³⁶ ГАГС. Ф. Р-430. Оп. 5. Д. 119. Л. 3.

¹³⁷ Барзали И.С. (грек), арестован органами ГПУ на следующий день после лишения избирательных прав и направлен в Концлагерь с женой и пятью детьми. Был занесен в список нуждающихся в продовольствии и теплой одежде (детские сапоги). При высылке при нем было продуктов на полтора месяца; нехватку теплой одежды предполагалось компенсировать за счет конфискованного у него же имущества. За восстановление его в правах и возвращение из ссылки трижды ходатайствовали жители деревни Скеля. Он сам дважды подавал ходатайства о восстановлении с места высылки (Урал). Наемным трудом никогда не пользовался, считал свое положение результатом субъективного отношения со стороны представителя сельсовета, приложившего все усилия к лишению его прав. На Урале из-за сурового климата у И. Барзали усугубились головные боли и ревматизм. Дальнейшая судьба неизвестна. См.: ГАГС. Ф. Р-430. Оп. 5. Д. 643. Л. 5, 10 об.; ГАГС. Ф. Р-430. Оп. 5. Д. 125. Л. 2, 3, 40, 44, 49.

¹³⁸ ГАГС. Ф. Р-430. Оп. 5. Д. 233. Л. 3.

¹³⁹ Там же. Д. 643. Л. 4 об.

¹⁴⁰ Там же. Л. 2–2 об.

¹⁴¹ ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2 л. Д. 194; Ф. Р-430. Оп. 5. Д. 643. Л. 3 об.

¹⁴² ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2 л. Д.147; Ф. Р-430. Оп. 5. Д. 643. Л. 8 об.

вод)¹⁴³, и Новосибирск¹⁴⁴. В абсолютном большинстве случаев заключенные лагеря «Георгиевский монастырь» не могли вернуться в родные места, а должны были еще отбыть ссылку в течение 3–5 лет. Формально, после этого можно было вернуться домой, но чиновники делали все возможное, чтобы воспрепятствовать возвращению высланных, ведь их дома и квартиры уже были заняты.

Первый шаг к смягчению положения «лишенцев» был сделан в отношении членов их семей. При Севастопольском Райисполкоме в апреле 1930 г. была образована Комиссия по устранению нарушений избирательного законодательства. По итогам ее работы из ссылки возвратили ряд членов семей «лишенцев», попавших туда в результате «неправильного применения Инструкции о выборах»¹⁴⁵. Кроме того, Особым постановлением предусматривался порядок возврата детей кулаков «при возбуждении ходатайства от родственников о возврате и усыновлении» и с разрешения республиканских и районных исполнительных органов¹⁴⁶.

Для этой категории лиц не был предусмотрен запрет возврата на прежнее место жительства. Однако, когда выезд со спецпоселений стал массовым, бывшим «лишенцам» стали возвращать избирательные права без права вернуться домой, они так и оставались на учете спецпоселений¹⁴⁷.

Тех, кому все-таки удавалось вернуться, по возвращении ожидали новые испытания. Их имущество и земля, конфискованные при выселении, находились в руках односельчан, сельсоветов, колхозов и органов ОГПУ. «Лишенцы» должны были подвергнуться новым житейским испытаниям, которые власть цинично именовала называемым «трудовым перевоспитанием кулаков и эксплуататоров».

* * *

Подводя итог, следует отметить, что меры, которые были применены в отношении «лишенцев» в Севастопольском регионе, можно назвать беспрецедентными. При том, что процентное соотношение числа лишенцев и кулаков по Севастопольскому региону и Крыму было почти одинаковым, общесоюзные показатели доли «лишенцев» среди взрослого населения были примерно вдвое ниже. Печальное своеобразие Крыма и Севастопольского региона в частности объяснялось военно-стратегическим значением полуострова, общими трудностями и особенностями ведения там хозяйства.

Радикальные меры по выселению «нетрудового элемента» за пределы Севастополя и его укрепрайона преследовали цели создания безопасного тыла для советского Черноморского флота и развития города в качестве главной его базы. Высылка различных категорий населения в рамках преодоления жилищного кризиса в г. Севастополе и раскулачивание в районе говорит о том, что применение политики лишения избирательных прав стало главным инструментом в решении поставленных задач. В конечном счете это повлияло на политику лишения избирательных прав по

---

¹⁴³ ГАГС. Ф. Р-430. Оп. 5. Д. 31.

¹⁴⁴ Там же. Д. 28.

¹⁴⁵ Там же. Д. 10, 30, 39.

¹⁴⁶ ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2 л. Д. 2. Л. 1.

¹⁴⁷ Постановление ЦИК СССР «О порядке восстановления в гражданских правах бывших кулаков» от 27 мая 1934 года // ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2 л. Д. 2. Л. 27.

всему Крыму. С нашей точки зрения, политика лишения избирательных прав, имевшая социальную направленность в отношении экономически активных слоев населения и лиц, с ними связанных, не имела выраженного национального подтекста, как многие сейчас пытаются доказать. Этот вывод противоречит заявлениям представителей народов Крыма, депортированных в 1940-е гг. и считающих период 1920–1930-х гг. временем социального и экономического притеснения, ограничения гражданских прав именно национальных меньшинств. Возможно, сама идеологическая машина семидесятилетней давности индоктринировала идею о том, что репрессиям были подвергнуты представители определенных национальностей. Так или иначе, но эта идея сыграла печальную роль в истории эмиграции части крымского населения за пределы СССР, способствовала неоднозначному отношению национальных меньшинств к Советской власти в годы Великой Отечественной войны, лежала в основании этнополитической напряженности в предвоенный и постсоветский периоды.

Материалы данной статьи дают возможность увидеть, какие последствия имело формирование института «лишенчества», как он был связан со сталинской концепцией обострения классовой борьбы по мере строительства социализма. Лишение избирательных прав в Севастопольском регионе и Крыму было частью общегосударственной политики по ограничению прав эксплуататорских классов. Задачи превращения Севастополя в опорную базу Черноморского флота существенно скорректировали практику применения избирательного законодательства и применение его было в рассматриваемом регионе особенно жестоким и подчас необоснованным. К этим аспектам социальной истории полуострова в 1920–1930-е гг. нам и хотелось привлечь внимание, поскольку, несмотря на важность изучения проблемы, она все еще остается вне внимания научной и политической общественности.

«РЕШЕНИЕ» ЖЕНСКОГО ВОПРОСА В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ (1917–1941 ГОДЫ)

М. А. ТЕКУЕВА

Тема статуса женщины в традиционном обществе привлекала внимание всех авторов, реконструировавших историю северокавказского региона, они касались ее, независимо от основной проблемы, поднимаемой в работе¹. Публицисты дореволюционной поры освещали положение женщины в местном обществе, иллюстрируя ее собственную пассивность в семье и обществе, зависимость от воли отца и мужа, что в целом должно было характеризовать глубоко укорененную патриархальность коренных народов края². В первые годы после революции «женская тема» стала освещаться в контексте обсуждения «женского вопроса», необходимости его решения. Сюжеты, связанные с вовлечением женщины в открывшееся для нее публичное пространство, рассматривались довольно прямолинейно: «Борьба за новый быт — борьба за социализм!»³. Однако из публикаций 1920-х — 1930-х гг. видно, что их авторы находились в состоянии утраты прежних моральных ориентиров, неопределенности перспектив столкновения традиционалистских и модернистских тенденций развития общества и не без труда принимали новую систему ценностей. Это приводило к крайностям в оценках «угнетенного» положения женщины в прошлом, к тому, что равноправие горянки начинало пониматься только как вовлечение женщин в неженские профессии и занятия, как большая свобода нравов, проявляющаяся в стиле одежды, поведении. Вот почему долгие годы тема раскрепощения горянки вообще специально не изучалась, а рассматривалась лишь в связи с историей индустриализации, коллективизации, культурной революции⁴. В историографии Кабардино-Балкарии есть только одно монографическое исследование 40-летней давности, посвященное процессу эмансипации женщин, но оно носит не столько научный, сколько публицистический характер и несвободно от идеологических установок свое-

¹ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик, 1974.

² *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994; Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978; *Кешев А.-Г.* Записки черкеса. Нальчик, 1978; *Шаханов Б.* Избранная публицистика / Предисловие, составление и комментарии Т.Ш. Биттировой. Нальчик, 1991.

³ Карачайлы. От патриархальной семьи — к атеистической // Революция и горец. 1929. №7–8. С. 74; *Хубиев И.* Борьба против горских адатов — борьба за социализм // Революция и горец. 1932. № 8–9. С. 88; *Алиев У.* Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае (итоги и перспективы). Ростов н/Д, 1926; *Алиев У., Городецкий Б., Слюхов С.* Адыгея. Ростов н/Д, 1927; *Алиев У.* Очерки исторического развития горцев Северного Кавказа и чужеземного влияния на них ислама, царизма и пр. Ростов н/Д, 1927.

⁴ *Медалиев Х.Т.* Индустриализация национальных областей Северного Кавказа.; *Хутуев Х.И.* Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984; *Текуев А.К.* Осуществление ленинского кооперативного плана в национальных областях Северного Кавказа. Нальчик, 1978.

го времени⁵. В 1970–1990-е гг. «женский вопрос» затрагивался в ряде монографий, в особенности — этнографических, освещавших историю перемен в семейно-правовом статусе адыгских женщин после революции⁶. Но научное изучение проблемы борьбы за женское равноправие на Северном Кавказе не входило в круг приоритетных тем, носило вспомогательный, иллюстративный характер. Изучение истории «раскрепощения женщин» в СССР, в свою очередь, крайне редко учитывала различие гендерных контрактов по этническому признаку. В разных культурах, республиках, разных конфессиях существовали разные гендерные контракты, и их приходилось учитывать реализаторам великой идеи великого социального эксперимента.

Таким образом, обращение в предлагаемой статье к теме социалистической эмансипации горянки вызвано ошутимой лакуной в историографии. Мне хотелось бы, помимо анализа законодательной деятельности советских и партийных органов по вовлечению женщины в общественное производство и наделения ее равными гражданскими правами с мужчиной, рассмотреть трансформации привычного для нее образа жизни, изменения телесных практик, манеры поведения и женской этнической ментальности. Поэтому одними из важнейших источников для этой статьи стали не только архивные материалы, законодательные акты и статистические показатели женской публичной активности, но живые источники — эгодокументы: воспоминания активисток женского движения, написанные ими собственноручно в ученических тетрадках со свойственным эпохе стилем изложения, устные рассказы кабардинских и балкарских женщин, собранные мною в течение нескольких лет (1998–2006). Благодаря этим свидетельствам взгляд на проблему женской эмансипации должен стать более достоверным, детальным, без пренебрежения к эмоциональным нюансам.

В результате предпринятого анализа можно будет рассмотреть особенности процесса социального раскрепощения северокавказской женщины на примере коренных жительниц центральных областей Северного Кавказа (кабардинок и балкарок), больше связанных по сравнению с основным населением страны с патриархальными традициями, но при этом не готовых к радикальным переменам в своем положении из-за иного, нежели у обычных белых женщин среднего класса, восприятия «угнетенности», ощущения ее как «нормального». Мне хотелось бы приподнять завесу над реальными изменениями в повседневной жизни горянок, над тем, как они воспринимались ими самими.

В отличие от русской части РФ, на Северном Кавказе была своя специфика в борьбе за женское равноправие. Недостаточно было объявить о свободе расторжения брака, имущественном равноправии супругов, легальном признании права женщин на аборт и ввести обязательную регистрацию браков в светских учреждениях. Работа по раскрепощению горянки была напрямую связана с кардинальным реформированием быта, перераспределением половозрастных хозяйственных обязанностей, попытками заново отрегулировать семейно-брачную сферу традиционной жизни, внести существенные перемены в обрядность детского цикла и похоронных ритуалов, скорректировать этикетные нормы. На Северном Кавказе в целом и в Кабардино-

---

⁵ Кешева Е., Эфендиева Т. Дочери горного края. Нальчик, 1965.

⁶ См., например: Меретуков М. Семья и брак у адыгских народов. Майкоп, 1987.

Балкарии в частности, женщины не имели опыта участия в женском освободительном движении, как, например, их «сестры» в крупных российских городах — центрах активной общественно-политической мысли, с женскими образовательными учреждениями, концентрацией женской фабричной рабочей силы и пр. Кроме того, в Кабарде основной религией был традиционный ислам, утвердившийся тут на рубеже XVIII–XIX вв. как идеология национального сопротивления. Многие догматы мусульманской религии тут тесно переплелись с национальными традициями и мировоззрением кабардинцев и балкарцев. XIX в. — век кавказских войн — предопределил априори негативное отношение местного населения ко всем идеологическим, политическим и социальным идеям, идущим из России, как направленным на разрушение традиционной самобытности и ассимиляцию горских народов. Именно поэтому в 1920-е гг. деятельность властей по эмансипации горянки проходила в этом контексте достаточно сложно, конфликтно, сопровождалась болезненной ломкой традиционного сознания, т.к. естественную эволюцию заменила «спланированная революция»⁷.

«Революция быта» началась в Кабардино-Балкарии с законодательных мероприятий по запрещению калыма (выкупа за невесту) и умыкания девушек.

19 мая 1918 г. Нальчикский окружной народный Совет первым в созданной на кабардино-балкарской территории Терской республике поднял вопрос о калыме. В его постановлении декларировалось социальное равенство всех девушек, независимо от их происхождения, а как доказательство уравнивания — устанавливался единый по размеру выкупной платеж за невесту (калым) в пределах суммы, реальной для среднего крестьянского хозяйства. Эфенди (мулла), совершивший бракосочетание с нарушением этого условия и без согласия невесты на брак, навсегда — требовал закон — должен был быть отстранен от должности, а брак мог быть признан недействительным⁸.

Следующим шагом в направлении освобождения женщины-горянки стали приказы Нальчикского окружного ревкома от 28 июня 1920 г., полностью запрещающие калым и умыкание⁹, а следом — приказ № 37 Нальчикского окружного исполкома Советов от 5 марта 1921 г. об отмене калыма и запрещении похищения женщин. В документе давалось определение калыму как «слишком явному пережитку старины», и заявлялось о невозможности сохранять «торговлю свободными женщинами в свободной стране»¹⁰. Обычай похищения девушек, говорилось в последнем документе, должен осуждаться, хотя он и продолжал существовать согласно обычному праву, будучи распространенным явлением на Северном Кавказе. В этом смысле показательна переписка председателей сельсоветов селений Кызбурун-1 и Кызбурун-2 по поводу получения калыма после брачного сговора между жителями: «Прошу Вас с получением сего отобрать у Молова полученные им от Березгова в калым 2 коровы и 1 лошадь и таковые прислать сему исполкому, а на Молова составить протокол...

⁷ Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки по литературной теории и истории. Документальные материалы. М., 1998.

⁸ Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР) Ф. 198. Оп. 1. Д. 3. Л. 52.

⁹ ЦГА КБР. Ф. Р-3. Оп.1. Д. 17. Л. 51 и об.

¹⁰ Там же. Л. 79.

для привлечения Молова и Березгова к ответственности за нарушение приказа Окрревкома за № 6 (от 28 июня 1920 г.)»¹¹.

Согласно традиционным нормам обычного права, брак-умыкание мог быть воспринят родственниками девушки как оскорбление чести семьи и потребовать мести, если стороны как-нибудь сами не находили путей к примирению. Так, 5 мая 1921 г. в Нальчике представителями Большой Кабарды, Балкарии и русского населения округа был подписан акт, долженствовавший предотвратить возможность кровомщения: «Обсуждали вопрос об убийстве гражданина сел. Неурожайного Хамата Максидова гражданином сел. Арик Уля Геургиевым *на почве похищения первым сестры Геургиева с целью взять ее в жены...*¹² Мы, нижеподписавшиеся заручились честным словом коммуниста и гражданина т. Казгери Максидова, брата убитого Хамата Максидова не мстить кровнику за убийство брата, в чем он на сем и дает свою подпись, ибо мщение является позором для культурного человека и может породить целый ряд убийств и, следовательно гибель ни в чем не повинных жизней... Довести об этом до сведения граждан Малой Кабарды и ее райисполкома с предложением последним обсудить затронутый вопрос и немедленно примирить обе стороны»¹³. Упомянутый в тексте документа Казгери Максидов впоследствии стал председателем Кабардино-Балкарского суда. Можно предположить, что ему было нелегко отказаться от традиционных общественных установок и не дать волю своему чувству мести.

Единственно законной формой оформления брака после революции должен был быть признан т. наз. гражданский брак — то есть зарегистрированный в сельских исполкомах (таковы были распоряжения Гражданского кодекса РСФСР 1918 г. и требования Закона о браке, семье и опеке 1926 г.). Однако на рассматриваемой территории сугубо бюрократическое мероприятие по обязательной гражданской регистрации браков, рождений и смертей, вызывало пассивный, но упорный протест: никто добровольно не хотел заявлять в сельский исполком о рождении или смерти, никто не являлся туда для заключения брака. Поэтому на совещании секретарей сельисполкомов в январе 1924 г. было предложено «выработать понудительные меры заявкам сельисполкому о родившихся и умерших не позднее трех дней после рождения и смерти». Совещание воспретило сельским муллам под страхом уголовной ответственности производить религиозные обряды «до регистрации в сельисполкоме»¹⁴ брака, рождения или смерти, «а в отношении явно уклоняющихся от регистрации — вынести постановления о наложении на них штрафа: в административном порядке в первый раз, а в случае повторения — дела направлять в суд»¹⁵.

И все же запись актов гражданского состояния продолжала оставаться проблемой и позже, даже в 1929 г. Не справляясь с поступившим «сверху», из российского центра, распоряжением, 8 марта 1929 г. было вынесено решение о поручении облсуду в недельный срок разработать проект постановления «об обязательной регист-

¹¹ ЦГА КБР. Ф. 105. Оп. 1. Д. 16. Л. 60.

¹² Здесь и далее курсив мой — М.Т.

¹³ ЦГА КБР. Ф. Р-376. Оп. 1. Д. 6. Т. 1. Л. 603.

¹⁴ ЦГА КБР. Ф. 2. Оп.1. Д. 83. Т. 1. Л. 21об.

¹⁵ Там же. Л. 45; ЦГА КБР. Ф. 8. Оп. 1. Д. 77. Л. 261.

рации всех браков в сельских ЗАГСсах».¹⁶ Органы ЗАГС были привлечены с 1930 г. к массовой разъяснительной работе, в том числе обоснованию идеи охраны и защиты интересов женщин-горянок, пропаганды их юридических прав. Какие-либо родственные или свойственные сделки, ущемившие интересы женщин, следовало выявлять и сообщать о них судебно-следственным органам. По замыслу, это должно было помочь в борьбе с так называемыми бытовыми преступлениями. В оную категорию правовых нарушений включались: похищение женщин, принуждение к вступлению в брак, браки с несовершеннолетними, калым, многоженство и кровная месть. Очевидно, что все они соотносимы с правовым статусом женщины в семье.

И многоженство, и выдача замуж несовершеннолетних были достаточно распространенным явлением у народов Северного Кавказа, таких как чеченцы, ингуши, дагестанские народности. Несколько реже они встречались у адыгов. Правда, при отсутствии традиции письменной регистрации даты рождения, устанавливать совершеннолетие было затруднительно, и время официального вступления в брак обычно определялось физиологической зрелостью невесты. Что же касается, многоженства, то шариат допускал возможность иметь несколько жен при условии равнозначного отношения мужа к каждой из них. У адыгов многоженство чаще всего встречалось в форме двоеженства, когда от первой жены не было детей или она была нетрудоспособна из-за болезни. Классическое же многоженство встречалось редко: мужчина мог сменить одну жену на другую, выгнав из дома надоевшую, но пострадавшая могла просить «агента, чтобы он принял меры к обеспечению ее иска (об имущественных правах)»¹⁷.

Идеологи нового строя полагали, что многоженство и даже вышеописанная последовательная моногамия по инициативе мужчины недопустимы и должны считаться скрытой формой эксплуатации женщины: «Многоженство (полигамия) по существу необходимо признать также одной из многих форм эксплуатации (помимо закрепощения женщины), явным стремлением использования дополнительной рабочей силы в хозяйстве»¹⁸. На рассматриваемой территории ст. 66 Земельного кодекса РСФСР была дополнена следующим примечанием: «В случае осуждения одного из членов двора за двоеженство или многоженство, или за вступление в брак с лицом, не достигшим половой зрелости, женщины, потерпевшие от названного преступления продолжают пользоваться всеми правами лиц, входящих в состав двора вследствие брака». Эта поправка обеспечивала имущественные права женщин при разводе, стимулировала их обращаться в судебные инстанции (чего раньше не бывало) вопреки устоявшимся правилам.

Однако изменение обывденного сознания требовало несравненно больше времени, нежели замена одного строя другим. В патриархальной кавказской семье женщина была зависима не столько от мужа, сколько от власти рода и общественного мнения. В новой стране, объявившей о строительстве нового быта, функции родового/общинного контроля над социальными отношениями между полами взяло на себя государство, ставшее для горянок воистину отцом-патриархом. В этой связи обращу

¹⁶ ЦГА КБР. Ф. Р-5. Оп.1. Д. 289. Т. 1. Л. 116.

¹⁷ ЦГА КБР. Ф. 3. Оп. 3. Д.17. Л.72 об.

¹⁸ *Петровский П.* Как охраняется труд батраков в нацобластях / Революция и горец. № 3. 1930. С. 52.

внимание на опубликованную в 1924 г. газетой «Карахалк» заметку о Куце Берсековой из селения Ших-Исмаиловское, выданной замуж против ее воли за Жагафара Калова в 13-летнем возрасте. В течение двух лет замужества Куца трижды убежала домой, но каждый раз отец возвращал ее мужу: этого требовала традиция. После смерти отца женщина твердо заявила о своем намерении не возвращаться к супругу, но 17 июня 1924 г. муж с друзьями насильно увез ее к себе в сел. Кишпек¹⁹. Женщина обратилась за помощью в Кишпекский сельский совет, и тот принял меры: уже 6 июля Ж. Калов был привлечен к уголовной ответственности, а брак между супругами был расторгнут²⁰.

Аналогичный случай описан в газете за 1928 г.: «В селении Терек 13-летнюю девочку отдали замуж за мужчину средних лет, продали ее за 60 рублей. Но комсомольцы и коммунисты вернули девочку домой ввиду ее несовершеннолетия, а калым отдали комитету взаимопомощи»²¹. Любопытно, что в прессе тех лет этот пример приводился для иллюстрации женского бесправия, преодоление которого виделось тогда в получении девушками образования наравне с мужчинами.

Показательные судебные процессы, касавшиеся запрещенных форм брака, продолжали организовываться и позже. Так, например, 21 и 23 февраля 1926 г. в здании Нальчикского городского театра слушались два дела: о похищении Шебзуховой Х. девятью молодыми людьми из сел. Кызбурун-II и принуждении ее ко вступлению в брак с Хаховым М., и второе — дело по обвинению Товкуева Х. из сел. Нартан и трех его товарищей в похищении Хамуковой Х. и ее изнасиловании²². Все эти дела квалифицировались как факты женского социального бесправия, подверженности домашнему сексуальному насилию. Однако почти сто лет назад обыватели смотрели на события с позиций традиционного менталитета. Жестокость по отношению к несовершеннолетней невестам оправдывалась правотой отцовской власти, обыкновение похищать невесту — считалось обычным ответом на несогласие ее или ее родных на готовящийся брак. Изнасилование девушки было способом отрезать жертве дорогу домой, нанеся вред девичьей репутации. Так что девушкам надо было обладать достаточным мужеством и самоуважением, чтобы решиться вынести свои проблемы на публичное рассмотрение. Такие случаи в те годы не были редкостью, но в силу страха перед общественным мнением девушки редко обращались в суд.

Журнал «Революция и горец», публикуя в 1928 г. материалы III краевого съезда горянок, констатировал тот факт, что «широкие массы горянок» даже и не ведают о том, что «конституция предоставляет им полную возможность участвовать в управлении страной, признает общность имущества, добытого во время совместной жизни, не знают о праве получения алиментов и т.д.» «Кулаки и муллы используют неграмотность и отсталость трудящихся горцев и горянок» говорилось далее, чтобы держать их «под влиянием религии и старых обычаев. Поэтому до сих пор трудящиеся массы горцев и горянок не ведут необходимой борьбы с калымом, многоженством, похищением женщин и другими обычаями...». Съезд признал необходи-

---

¹⁹ Карахалк. 1924. № 410.

²⁰ ЦГА КБР Ф. 2. Оп. 1. Д. 83. Л. 225, 289, 291.

²¹ Карахалк. 1928 г. 1 января.

²² Карахалк. 1926. № 622.

мым широко распространять юридические знания среди горянок и «приблизить суд и прокуратуру к широким массам горянок»²³.

Для реализации задуманного — а именно: «привлечения работниц и крестьянок к партийной и советской работе и воспитания в них активных борцов за идеалы своего класса»²⁴ — при окружном и областных комитетах партии активно действовали созданные еще в 1922 г. отделы работниц и крестьянок («женотделы»). Такие отделы действовали по принципу делегирования полномочий отстаивания интересов трудящихся женщин и призваны были являть собой «связующее звено, соединяющее партию с широкими массами беспартийных работниц и крестьянок»²⁵. Одной из форм организации женского движения под идеологическим партийным контролем в первые годы Советской власти стали постоянно действующие делегатские собрания, избиравшие одну делегатку от 10–15 женщин на полгода — год. «Делегаткам на первых собраниях повязывали красные косынки как символ революции... В первом Клубе горянок, организованном в Нальчике на Кабардинской улице, обучали грамоте, шитью и кройке, рукоделию, домоводству, воспитанию детей... По окончании курса учебы их направляли в селения как организаторов клубов горянок на селе»²⁶. Работа специальных подразделений государственного аппарата для работы среди женщин — делегатских собраний — была нацелена на повышение грамотности женщин-горянок, им читались лекции по сельскому хозяйству, с ними обсуждали проблемы семьи, брака, воспитания детей, пропагандировались базовые санитарно-гигиенические знания. Однако главной целью женотделов все же была идеологическая обработка человеческого материала, внедрение в сознание большинства женщин коммунистических идей через изучение политграмоты, разъяснение партийных документов и законодательных актов Советской власти.

В 1918 по 1929 гг. при партийных комитетах и Советах работали десятки женотделов. Они способствовали распространению партийного влияния на женщин через различные формы политико-воспитательной работы. В национальных областях, где практически отсутствовало промышленное производство и городское население, а значит, классовый состав разительно отличался от центрально-российского, работа «женорганизаторов» была весьма специфична. Приходилось учитывать, что в местной крестьянской среде задачи повышения заработной платы женщинам, обеспечения права на труд, предоставления избирательного права, доступа к образованию и пр., казалось абсолютно ненужными. Поставленные женским движением центральных районов, на Северном Кавказе они казались абстрактными понятиями. Так что само вовлечение женщины-горянки в публичную жизнь было в этом районе уже завоеванием. Не удивительно, что созданная в июне 1921 г. в Кабарде первая окружная конференция женщин, в сущности, не приняла никаких значимых решений. Женщина-горянка была психологически не готова к активному участию в социальных преобразованиях. Консерватизм принятых в адыгском обществе традиционных стерео-

²³ Соколова О. Новый этап (К итогам III краевого съезда горянок) / Революция и горец. № 2. 1928. С. 27.

²⁴ Известия ЦК РКП(б). 1919. № 6. С. 1.

²⁵ Резолюции XII съезда ВКП (б) / КПСС в резолюциях... т. 1. С. 755.

²⁶ Из воспоминаний Аленской Е. // Личный архив автора. Запись биографического интервью 05.06.2004 г.

типов по распределению гендерных ролей ограничивал деятельность женщины стенами ее дома.

Но с начала 1920-х гг. в трех округах области: Мало-Кабардинском, Урванском и Нальчикском стало заметно некоторое оживление социальной активности женщин. Особой известностью пользовалась «Ячейка женщин-мусульманок, сочувствующих РКП(б)» в селении Верхний Акбаш. В 1922 г. в ней числилось 19 человек, ядро же ее состояло из 5 женщин: Люль Карашаевой, Муслимат Гидовой, Ханифы Татуевой, Алимы и Сайбат Шомаховых. Проявление с их стороны общественной активности было связано с высоким социальным статусом их родных и свойственников. Например, Люль Карашаева была женой видного большевика, героя гражданской войны Хажумара Карашаева, а Муслимат Гидова — вдовой повешенного белогвардейцами-серебряковцами красного партизана Ахмеда Мидова. Секретарь Мало-Кабардинского окружного комитета РКП (б) докладывал на пленуме областного комитета, что «с общей ячейкой, там же организованной, ее нельзя слить, так как мусульманки сторонятся мужчин и в их присутствии стыдятся даже выговорить слово». «Так еще темна и забита у нас женщина-мусульманка! — сетовал он, отмечая в то же время, что «члены... ячейки живо интересуются политическими вопросами и ждут предстоящей областной конференции женщин-мусульманок для посылки своих делегатов». Любопытно, что в итоге он приходил к выводу: «Работа среди женщин достигла бы больших успехов, если бы ее вели сами же мусульманки-коммунистки»²⁷. Одним из основных направлений деятельности женской ячейки из Верхнего Акбаша была организация женской школы и женского кооператива. Об успехах ячейки на этом поприще сообщила «Жизнь национальностей» — орган Народного комиссариата по делам национальностей республики.

Упомянутые примеры раздельных форм деятельности женской и мужской партийных организаций в Кабардино-Балкарии, раздельного школьного обучения и трудовой кооперации — свидетельства сохранности в регионе традиционного гендерного контракта, обусловленного традицией и канонами ислама и предполагавшего довольно жесткую половую сегрегацию. Этим объясняются специфические примечания в воззваниях к женщинам-горянкам, приглашающих принять участие в работе окружной конференции женщин: «Делегаткам, прибывшим на конференцию в Нальчик, будет отведено особое помещение, предоставлен стол и проч. с соблюдением всех бытовых и религиозных обычаев»²⁸. Принципы раздельного обучения до конца 1920-х гг. соблюдались теми, кто был призван ликвидировать неграмотность, долгое время сохранявшей «женское лицо». Для женских «ликпунктов» (пунктов ликвидации безграмотности) отводились отдельные помещения и применялись индивидуальные формы обучения горянок на дому²⁹.

Появление женщин в публичных местах, их участие в общественно-политической жизни расценивалось старшим поколением и духовенством как нарушение народных обычаев. Женщин-активисток объявляли безнравственными, и даже представители

---

²⁷ Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики (ЦДНИ КБР) Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 48.

²⁸ Культурное строительство... Т. 2. С. 303.

²⁹ ЦГА КБР. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 91. Л. 39.

новой власти — члены сельских парторганизаций (мужчины!) проявляли явную сдержанность и даже пассивность в отношении признания прав женщин на публичную деятельность. Неприятие традиционным сознанием идеи равноправия полов принимало весьма своеобразные формы — в том числе: контроля усилий партийных органов со стороны местных сельских авторитетов. В тексте протокола совещания секретарей коммунистических и комсомольских ячеек Кабарды от 17 июня 1922 г. читаем:

«Среди женщин нигде никакой работы не велось, и на вопрос, заданный на совещании, мулла, он же секретарь комячейки, заявил, что он как коммунист и как мулла готов повести борьбу за самое широкое раскрепощение женщин открыто, на основе Корана (с. Лескен II)... Прения по докладам с мест приняли широкую продолжительную дискуссию о методах подхода к раскрепощению женщины-мусульманки, выяснению отживших адатов, обычаев их старины в условиях новой советской жизни, методов воспитательной работы среди молодежи и т.д.»³⁰.

Таким образом, специфичность процесса эмансипации в северокавказских национальных областях выражалась еще и в том, что партийное руководство процессом женской эмансипации имело исключительно мужской облик в образе партфункционеров. Это уже само по себе порождало сложность восприятия излагаемых ими целей и проводимой ими работы. Отсутствие базисной идеологической подготовки самих функционеров и примитивно-плоское понимание ими же процесса эмансипации не способствовало «овладению идеей массами», а сам процесс чаще всего воспринимался как нивелировка национальной специфичности. Проблемы, возникавшие при попытках сломать старый гендерный контракт и добиться эгалитарности, были связаны в рассматриваемом регионе со стереотипами, сформированными долговременной, многовековой традицией. В справке отдела работниц и горянок Кабардино-Балкарского областного комитета партии 1922 г. отмечалось:

«Сами коммунисты считают предосудительным участие своих жен в общих собраниях и сходках — поэтому и не идет к нам женщина средних лет. Женская молодежь, хотя и тянется за комсомолом, но, зачастую боясь насмешки того же коммуниста, от нашего влияния уходит. Но если коммунисты от работы среди женщин всячески отнекиваются, то ею не брезгует мулла. В Терекском, в Кизляре мoulлы через своих жен, являющихся очень неплохими агитпропами, проводят колоссальную работу и обрабатывают женскую массу так, как это им нужно»³¹.

Очевидно, сами носители идей новой власти — коммунисты — не всегда были убеждены в том, что традиционные взгляды на общественное положение горянки устарели, а в новых не ощущали прежнего духа уважительного отношения к женщине. Носители новых идей смутно понимали, что в современных им условиях расширение сферы женской социальной активности повлечет за собой в перспективе перераспределение властных отношений между полами. Речь шла, таким образом, не только и не столько о «классовой сознательности», сколько о преодолении гендерных стереотипов. Идеологию нового быта внедряли секретари партячеек — а это были исключительно мужчины, а также русские женщины — носительницы иной ментальной культуры. В 1920-х гг. в женотделе обкома ВКП(б) работали «женорга-

³⁰ ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп.1. Д. 11. Л. 3.

³¹ ЦГА КБР. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 374. Л. 142.

низаторы» Полянская, Балятинская, Родина, Аленская, Волковская — по одним лишь фамилиям их можно догадаться, что они не были представительницами коренного этноса.

В одном из отчетов о работе Баксанского округа слабая работа партии среди женщин объяснялась «отсутствием инструктора-женщины», указывалось, что в некоторых случаях «женщины и девушки обращаются за помощью и советом в комитет партии»³², не находя ответов на свои вопросы. В партийных документах того времени постоянно отмечалась «острая нужда в работниках-женщинах», указывалось на тот факт, что «во главе женотдела стоит продолжительное время мужчина», а «среди женщин не находится опытного руководителя»³³. На сложность работы среди женщин в рассматриваемом районе указывают доклады бюро обкома РКП (б) о работе женотделов, составители их упоминают «*полулегальный*» и даже «*нелегальный*» характер подобной работы в национальных селах в 1922–1923 гг.³⁴:

«Работа среди женщин до сего времени проводилась *полуподпольно*, но в настоящее время намечаются новые пути работы... В первую очередь вовлечь в работу через членов партии их жен, а затем уже эти жены собирают своих соседок, и вот на такое собрание можно будет прийти какому-нибудь товарищу и поговорить с ними. Первоначально будут стесняться, закрываться, а затем уже привыкнут. Опыты такого метода уже были»³⁵.

Полулегальными методы реализации программы женской эмансипации в Кабардино-Балкарии названы еще и потому, что на начальном этапе повседневное бытовое воздействие на обыденное сознание людей имело большее значение, нежели государственные мероприятия. Если судить по отчету секретаря Мало-Кабардинского окружкома 1924 г., некоторые достижения в работе по социализации женщин-горянок объяснялись использованием коммунистами личного влияния на членов своих семей и распространением этого влияния (посредством соседских связей) в каждом селе. Теми же путями этим усилиям пыталось противодействовать духовенство и традиционалисты. Об этом свидетельствует текст протокола совещания секретарей окружных комитетов РКП (б) от 16 июля 1924 г.:

«Работа среди беспартийных ведется, среди женщин — слабо, но все-таки поддерживается: *привлекаем жен и сестер коммунистов* в кружок по изучению огородного дела. Коммунисты присутствуют на женских кружках. Женщины в свою очередь — на собраниях ячеек. Таким образом, *привлекая жен коммунистов, привлечем и других женщин*. В округе существует женское производство циновок и пр., пытаемся объединить их в артель, хотя бы сначала для сбыта... Женщина-коммунистка одна есть, которую хотели отправить в Нальчик для подготовки... Женщин-делегаток около 60, преимущественно кабардинки»³⁶.

Между тем, партия требовала ускорить решение «женского вопроса» на местах и решить его в нужном для нее идеологическом русле, поэтому нейтрализация влияния религии и силы традиции представлялась первостепенной задачей. Областная парторганизация области неустанно следила за тем, чтобы «вносить большую пла-

³² ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 157

³³ ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 101.

³⁴ ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 5–7; там же. Д. 9. Л. 101.

³⁵ ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 98.

³⁶ ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 159–161.

номерность в дело руководства работой женсовета» — достигалось это живой связью с «массами» («путем заслушивания докладов заведующих на бюро и пленумах обкома», «дачи новых указаний»). Отметив «начавшийся процесс пробуждения сознательности и активности женщины-горянки», она требовала:

«Укрепить работниками органы женотдела на местах; энергично вести работу путем агитации, а где это не поможет — партийным взысканием против тех членов и кандидатов партии, которые еще не изжили взгляда на женщину как на низшее существо. При наборе детей в школы стремиться привлечь как можно большее количество девушек»³⁷.

Женотдел областного комитета партии, в составе которого не было представительниц коренной национальности, учитывая региональную специфику — традиционные институты социального и гендерного регулирования и религиозное влияние на морально-нравственные критерии поведения, предложил поставить на обсуждение I областного съезда горянок (1922 г.) такие вопросы, как народное просвещение, земельный вопрос, продналог... В том же списке вопросов, не допускающих отлагательств стояли и такие, как «законодательство и мусульманка», «коммунистическая партия и мусульманка»³⁸. Повестка дня отразила убежденность, что добиться от горянок большей включенности во внесемейную жизнь можно и должно путем агитации, пропаганды «нового быта», через распространение грамотности, обязательное начальное образование их самих и их детей. Одновременно велась разъяснительная работа по основным вопросам крестьянского землепользования — об оформлении права на землю, о сути и размере продовольственного налога. Горянкам объяснялось, что отныне они также имеют право быть приобщенными к «производительному труду на весь общественный коллектив».³⁹ Тема полного равноправия с мужчинами в том числе и в праве на землю звучала при обсуждении вопроса «Законодательство и мусульманка», «Коммунистическая партия и мусульманка». Сам факт того, что после неудачной попытки объединения женщин, предпринятой весной 1921 г. (сразу следом за введением продналога), когда удалось собрать лишь небольшое количество делегатов от Нальчикского округа, не представлявших коренные национальности области, созыв съезда удался, уже был огромной удачей.

Всего за 8 лет до этих событий, в 1914 г., известный балкарский юрист и публицист Басият Шаханов в интервью, опубликованном газетой «Терская жизнь», скептически размышлял о невозможности создания просветительского общества женщин-мусульманок:

«Немыслима такая деятельность из-за церемоний... Допустим, что в аул явился лектор. Его, конечно, угостили бы в кунацкой, если угодно созвали бы девушек, устроили бы веселье: пение, пляски. Даже представили бы хозяйке. Но лекция... Лекция прямо-таки не вяжется с представлением о церемониальности. Ну, пришли бы женщины в аудиторию, начали бы распределять места по положению (общественному статусу — *М.Т.*) и т.д. Да и вообще я не могу никак себе представить в нашем ауле лекцию для женщин. Я не сомневаюсь, что всякая малограмотная кабардинка пошла бы навстречу начинаниям общества мусульманских женщин, но общая работа едва ли бы удалась»⁴⁰.

³⁷ ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 65–70.

³⁸ Красная Кабарда. 1922. 3 ноября.

³⁹ Коллонтай А.М. Труд женщины в эволюции народного хозяйства. М.; Пг., 1923. С. 4.

⁴⁰ Шаханов Б. Эмансипация мусульманской женщины // Терская жизнь. 1914. № 95. 29 июня.

Сомнения прогрессивного общественного деятеля по поводу социальной активности горянок обуславливались известной ему не понаслышке традиционной половозрастной субординацией. Кавказские традиции предполагали не только почтение к старшим, но и высокую значимость мнения женщины, находящейся в преклонном возрасте — она обладала значимым социальным статусом и имела немало возможностей для публичной самопрезентации. От молодежи же (вне зависимости от пола) требовалось понимание «своего места» и уважительное отношение к приоритетным позициям старших. Так что, судя по нарративным источникам, сомнения Шаханова имели серьезные основания. Не случайно — согласно воспоминаниям Евдокии Аленской — аудитория первых женских собраний состояла только из «пожилых неграмотных горянок». Это подтверждается и фотодокументами двадцатых годов прошлого века, которые отражают солидный возраст делегаток первых женских съездов⁴¹: в них участвовали те, кто по традиции имел «право слова» в силу возраста и семейного статуса. В продолжение этой мысли приведу сообщение Галины Роменской: она отметила, что распределение поощрительных подарков производилось в то время согласно возрастной очередности, а не в зависимости от действительного вклада каждой конкретной женщины⁴².

Важнейшей программой, в реализации которой советская власть видела решение «женского вопроса», было женское образование. Кроме задач образовательного характера, массовый набор девушек в советские учебные заведения обеспечивал подготовку национальных женских кадров как активисток женского движения и проводников нового сознания в сельскую (этнотрадиционную) среду.

Помимо реальных материальных трудностей в осуществлении программы всеобщего равного образования, партийные организации натолкнулись на консервативность воспитательных традиций адыгов. Недовольство исходило в основном от мужской части населения, его старшего состава, не желавших ставить педагогический эксперимент на собственных дочках. Выпускницы созданного в то время Ленинского учебного городка (ЛУГа) вспоминали впоследствии, что уезжали учиться втайне от матерей или вопреки их желанию:

«В 1924 году поступила в Ленинский учебный городок. Отец помог. Он вывез меня в Нальчик под видом проведать брата Алима, который в о время учился в ЛУГе. Так уехала от матери»⁴³. «Брат Альбахсит работал чекистом в Нальчике, он рассказал об открытии Ленинского учебного городка, где обучают девочек, захотелось очень поехать, мечтала выучить русский язык, но мать не разрешила. Дядя работал секретарем ячейки — Батоко Гукеев. По разверстке в первую очередь хотел меня послать, мать разругалась с ним. Сама молчу, громко не смею говорить... Как-то приехали Гошонов Хамид и дядя на тачанке, при матери спросили, хочу ли я учиться. Я ответила, что очень, но как мать оставить. Мать стала аргументировать, что мне нечего одеть. Гошонов обещал одеть и обувь. Уговорили мать, сразу же повезли в магазин и купили от чулок до пальто. В апреле 1924 года дядя отвез в ЛУГ. ...Два года первые домой не ездила, боялась обратно не отпустят»⁴⁴.

⁴¹ *Е.Т.Кешева, Т.П.Эфендиева*. Дочери горного края. Нальчик, 1965.

⁴² Тетради воспоминаний Г.Роменской, сотрудницы женотдела сел. Алтуд в 1928–1934 гг. // Личный архив автора. Запись биографического интервью 5.07.2004 г.

⁴³ Воспоминания Котовой Цуцы Мусовны из сел Залукокоаже // Личный архив автора. Запись биографического интервью 12.01.2003 г.

⁴⁴ Воспоминания Гукеевой Марьям из сел. Дейское Терского района // Личный архив автора. Запись биографического интервью 18.06.2002 г.

Неприятие вызывало не само намерение властей обеспечить образование девочек и ликвидацию неграмотности взрослых женщин, но форма такого образования, требующая вовлечения девочек и девушек в публичное пространство. Молодые девушки не имели социального опыта существования во внедомашнем пространстве. Для того, чтобы адекватно действовать в публичном пространстве необходимо было иметь специальный опыт — навык публичности, слагаемый из многих компонентов (опыт осознания себя самостоятельной личностью, опыт осознания и представления своих собственных и групповых интересов, опыт саморепрезентации), в том числе — и телесного опыта самостоятельного нахождения в регламентированном и иерархизированном обществе⁴⁵.

Первый набор в Ленинский учебный городок Нальчика в 1924 г. был сопряжен с большими трудностями. Сельские исполкомы отсылали извинения, сетуя, что «не находится ни одной женщины, которая хотела бы ехать учиться». «Пришлось бросать жребий и те, на кого он падал, хотели вешаться. Были случаи, когда их связывали и связанными везли до Нальчика и здесь сдавали в Учебный городок»⁴⁶, — сообщали очевидцы тех событий. Между тем, речь шла о первом наборе волонтеров числом всего около 50 чел. Отношение самих молодых адыжек к образованию никак не было негативным. Даже вышеупомянутый Басият Шаханов писал по этому поводу в 1914 г.:

«Все же я не назвал бы кабардинцев противниками женского образования, если бы школы устраивались на местах. В города же посылать дочерей для образования подавляющее большинство кабардинцев не согласится, придерживаясь опять-таки обычаев. Кабардинцы переживают переходное время. Теперь столкнулись два мира: старый, отживающий мир понятий, регламентирующийся обычаями, и новое культурное течение. И кабардинцы пока еще не разобрались — стоит ли давать дочерям образование»⁴⁷.

Это положение, сохранившись в начале 1920-х, получило большую политическую остроту. Вот почему в декабре 1924 г. IV съезд Советов КБАО принял постановление, в котором одним из первых пунктов определил перспективы в области образования девушек и девочек:

«Привлечь к обучению в Ленинском Областном Учебном Городке в 1928 году до 400 взрослых женщин и девушек-горянок и не менее 200 девочек. В состав каждой сельскохозяйственной окружной школы ввести не менее 30 слушателей женщин-горянок; принять все меры к тому, чтобы количество девочек, обучающихся в сельских школах, было не менее 25 % общего количества учащихся»⁴⁸.

Те же вопросы ставились партийными органами, которые определяли весьма сжатые временные сроки — 2 года — на реализацию программы по уравниванию возможностей получения образования мальчиками и девочками. На 2-м областном совещании секретарей и заворгов в январе 1925 г. тема женского образования вновь была поставлена с особой остротой: «Мы стремимся к тому, чтобы и женщина-горянка получила знания, необходимо сейчас же начать подготовку общественного мнения

---

⁴⁵ Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. С. 175.

⁴⁶ ЦГА КБР. Ф. Р-2. Оп 1. Д. 119. Л. 48.

⁴⁷ Шаханов Б. Указ. соч.

⁴⁸ ЦГА КБР.Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 119. Л. 48.

по всем аулам»⁴⁹. Обязательства в реализации задуманного возлагались на ячейки РКП (б). В 1927 г., накануне 10-й годовщины Октябрьской революции, были уже подведены некоторые итоги работы партии среди женщин:

«Кабардинка поняла значение учебы и сама просит о принятии ее дочери в школу, чего она боялась раньше, как огня, и запугивала детей, говоря, что в русской школе учитель-гяур бьет детей, сделает и тебя гяуром, что ты не попадешь в рай и т.д. Теперь кабардинки другого мнения о школе и каждая делегатка старается, чтобы ее ребенок учился в школе»⁵⁰.

Совместное обучение с юношами, включение девушек в пространство межгрупповых коммуникаций вело к формированию новых поведенческих паттернов, что, в конечном счете, меняло существующую систему гендерного взаимодействия. Она была в анекдотическом жанре устного народного творчества до наших дней дошел случай в Ленинском учебном городке. Председатель Облисполкома Бетал Калмыков пригласил на торжественный вечер в честь 8-й годовщины революции почетных стариков из кабардинских и балкарских селений. Курсанты ЛУГа подготовили концертные номера, несколько пар танцевали вальс. Гордясь успехами своего детища, ЛУГа, Б. Калмыков поинтересовался впечатлением от танцевальной программы. Старики искренне похвалили таланты, но добавили, что если те юноши, которые только что держали девушек в танце за руки и обнимали при всех за талию, не женятся на них, то у них нет совести, а девушки останутся опозоренными. С этим случаем коррелируют слова одного из жителей аула Хатажукай Адыгейской области, избранного делегатом X съезда Советов в 1922 году. Этот 75-летний старец, Хатко Мчух, впечатлился происходящим, самой столицей, съездом и завершающим концертом, кроме входящих в него балетных номеров. Он нашел, что в них женщины «почти оголены и делают слишком вольные движения»⁵¹.

Революционные преобразования, направленные на изменение социального статуса женщин, требовали изменения традиционных адыжских критериев половой идентификации: манер поведения, движения, жестов. Медленно, но верно конструировался новый женский образ, отличный от традиционного. «Кузницей раскрепощения горянок» стал в Нальчике Ленинский учебный городок:

«Физкультура курсанток — это яркий кусочек нового быта, пробивающегося через застарелую кору старых жизненных укладов. Первое время курсантки считали для себя неприличным «ломаться», а сейчас с большой охотой физкультурничают, не считая это позорным»⁵².

Девушки-«курсантки» ЛУГа призваны были стать положительным примером, доказывающим преимущества «новой женщины», не зависящей от условностей традиционной культуры, пропагандирующей новые поведенческие стереотипы, нормы общения и морально-нравственные принципы. Сознвая сложность восприятия односельчанами непривычных манер и облика девушек, несоответствующих сельским представлениям о разрешенном и допустимом для женщины, партийные организации пытались смягчить гендерный конфликт. Они ставили перед сельскими партийными

⁴⁹ ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 8.

⁵⁰ ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 484. Л. 233.

⁵¹ Сихов С. Хатко Мчух / С. Сихов. Избранное. Нальчик, 1997. С. 146.

⁵² Карахалк. 1926. № 629.

ячейками задачу «повести усиленную работу по подготовке к встрече курсанток... чтобы крестьяне встретили курсанток не как чужих, не как людей, которые нос кверху дерут, а как своих лучших друзей и помощников» (январь 1925 г.)⁵³.

Чтобы вовлечь женщин в публичную сферу деятельности, местные власти в 20-е гг. выносили решения о создании специальных утренних базаров, во время которых женщины получали возможность нарушить свое домашнее затворничество⁵⁴. Идея базаров была поистине новаторской для кабардинок, поскольку еще до Первой мировой войны современники отмечали, что «у многих народностей Кавказа обычным явлением считается участие девушек в торговле на базарах и других внедомашних работах; у нас [же] этого нет...»⁵⁵

С течением времени новые поведенческие нормы становились все более привычными, получали распространение в обыденной сельской среде, воспринимались как маркер нового прогрессивного образа жизни. Вспоминая опыт первых социалистических соревнований между женскими полеводческими бригадами, одна из активисток того времени из сел. Зарагиж, рассказала, как после своей победы в соцсоревновании с колхозницами сел. Заюково, вся их бригада отправилась к соперницам на велосипедах (ок. 65 км), с подарками, знаменами и цветами, устроив в сел. Заюково концерт самодеятельности⁵⁶. Эта история подчеркивает неформальный характер награждения за победу в соревновании, четче выявляет гендерное значение подобных мероприятий, позволявших расширить жизненный кругозор их участниц.

Борьба за социально-политическое равноправие женщин в национальных областях Северного Кавказа порой опиралась на пропаганду идеи нового, обеспеченного быта. Наглядный пример тому — громкая кампания «Пальто — горянке», придавшая широкий политический смысл обыденному бытовому предмету. История этой кампании такова. В 1927 г. Кабардино-Балкарский облисполком возбудил ходатайство перед вышестоящими органами о перенесении сроков перевыборов в местные советы с зимних месяцев на весенние, обосновывая свою просьбу тем, что проведение этого мероприятия зимой повлечет за собой сниженные показатели активности местного населения, особенно женской его части, «вследствие отсутствия теплой одежды и незначительности закрытых помещений для проведения общих собраний»⁵⁷. Проблема приобретения теплой верхней одежды особенно остро стояла перед женщинами в силу непубличного характера традиционных женских занятий и традиционной ограниченности внешних контактов, объясняемых частично обычаем избегания и полунатуральным характером большинства кабардинских хозяйств. Так что то, что партийные органы увидели в отсутствии у женщин теплой верхней одежды препятствие для приобщения их к общественной жизни, стало в рассматриваемом регионе шагом вперед. Многие девочки не посещали в холодное время года школу, общественные сходы и собрания, не участвовали в общественном производстве, поскольку у них просто не в чем было выйти из дома. Кампания «Пальто-горянке» развер-

---

⁵³ ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 8.

⁵⁴ Красная Кабарда. Нальчик. 1924. № 351.

⁵⁵ Шаханов Б. Указ. соч.

⁵⁶ Иванова Кура, 1910 г.р. // Личный архив автора. Запись биографического интервью 25.06.1999 г.

⁵⁷ ЦГА КБР. Ф. 5. Оп.1. Д. 252. Л. 139.

нулась в КБАО с 21 ноября 1928 г., когда решением комиссии был создан областной фонд в 25 тысяч рублей для проведения мероприятий по массовому обеспечению женщин теплой одеждой⁵⁸. Следом аналогичные комиссии были созданы в окружных и сельских исполкомах. Комиссии определяли степень нуждаемости в пальто, составляли списки, при этом коммунисты и комсомольцы имели право на первоочередное приобретение пальто для своих жен и сестер. Не стоит придавать этому факту значения медленно, но верно конструируемого неравенства коммунистов и беспартийных. В связи с непривычностью и нетрадиционностью, пальто как форма верхней женской одежды не находила должного признания среди населения, женщины не выражали желания его иметь (а потому быть обязанными выходить зимой на улицу для посещения собраний, курсов, школы). Неприятие верхней теплой одежды для женщин поддерживалось и противниками женской эмансипации, ассоциировавшими этот предмет одежды с чуждым городским и именно русским влиянием. Не случайно «женорганизатор» из с. Алтуд Г.А. Роменская писала в своих воспоминаниях:

«За хорошую и активную работу тов. Крупская прислала горянкам 29 пальто теплых с меховыми воротниками для того, чтобы одеть пальто на темную отстающую женщину-горянку, которая никогда [такого] не одевала и по закону ей одевать не полагалось... На созванном общем собрании села я доложила о том, что ... женщины-активистки, желающие взять пальто, могут получить его в Клубе горянок, бесплатно. Но тут выступили мужчины и заявили, что этого никогда не будет, чтобы горянка носила пальто, никто не может нарушить адата наших предков. Первое пальто одела зам. председельсовета Хазизат Хапацижева и пошла на собрание. На нее мужчины плевали и говорили, [что] она позорит нашу женщину, и велели снять его. На другой день надела пальто Сабанчиева, вышла на общее собрание и заявила там: „Мужчины одевают бурку, черкеску, бешмет, ноговицы, папаху — им тепло, а женщины дрожат от холода в ситцевом платье и шали. Больше у них ничего теплого нет...“ Не слушайте мужчин, в пальто тепло и хорошо, [говорила она — *М.Т.*] и призвала всех женщин взять себе пальто»⁵⁹.

Процесс распределения 29 подарочных пальто растянулся на долгих шесть месяцев. Чтобы изменить отношение женщин-горянок к пальто, бюро обкома партии приняло решение рекомендовать применение «партвзысканий к коммунистам, придерживающимся старого быта и препятствующим приобретению пальто горянкам»⁶⁰. При распределении пальто комиссии строго руководствовались классовым принципом, предоставляя особые условия (в том числе денежные кредиты) исключительно для беднячек и батрачек. Льготами по приобретению верхней одежды пользовались также женщины — члены сельских советов, клубов горянок, кооперативных объединений, Комитетов крестьянской общественной взаимопомощи. Девочкам, посещавшим школу, пальто выделялось бесплатно. В воспоминаниях Г.А. Роменской содержится характерная черта специфической возрастной субординации, проявившейся в период этой кампании. Она сетует на то, что несмотря на распоряжение местных властей о первоочередном распределении пальто среди политически активных мо-

⁵⁸ ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп.1. Д. 76. Лл. 50–51.

⁵⁹ Тетради воспоминаний Г. Роменской, сотрудницы женотдела сел. Алтуд в 1928–1934 гг. // Личный архив автора. Запись биографического интервью 5.07.2004 г.

⁶⁰ ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 584. Л. 7–8.

лодых девушек, домашние не разрешали им брать пальто и ходить в них, зато пожилые женщины выговаривали себе право на приоритетное приобретение тех бесплатных пальто, которые «прислала Крупская»: «Конечно, надо было одеть молодых, а нам пришлось одеть сперва старух, а потом молодых». Зато, когда в пальто в общественных местах появились женщины старшего поколения, они сделали эту одежду «легитимной» для всех женщин.

В 1928–1929 гг. было распределено около 1000 штук пальто. При погашении выделенных кредитов допускалась возможность выплаты задолженности натуральными продуктами. Уже первая зима после начала кампании, совпавшая с переборами сельских Советов, дала определенные результаты: участие женщин в переборах 1928–1929 гг., проходившее как раз зимой, дало двойное увеличение явки женщин на избирательные участки, по сравнению с предыдущей кампанией. На Первом краевом совещании комиссии по улучшению труда и быта горянок и наценок было отмечено, что «организованное проведение длительной кампании за теплую одежду горянок должно явиться наступлением в деле искоренения старых обычаев, оставлявших горянку в неравноправном положении...» Эта кампания, говорилось далее, «дает возможность провести в широких массах горянок разъяснение существующих законодательств Советской власти о равноправии горянки и борьбе с бытовыми преступлениями»⁶¹. На областном съезде горянок в 1928 г. вопрос о теплой одежде для женщин в Кабарде был вновь поставлен как вопрос политический:

«Пережитку прошлого, служащему одной из основных причин ослабленного организма женщины, — отсутствию пальто у горянки — должна быть объявлена решительная борьба. К очередному съезду горянок не должно быть ни одной горянки без пальто»⁶².

В ходе кампании «Пальто — горянке» стала прорабатываться идея отказа от национальной формы одежды в пользу европейского («городского», фабричного) платья, как более прогрессивного и современного. Наравне с пропагандистскими мероприятиями политического характера, в Нальчике и других городах проводились женские собрания, на повестке дня которых был поставлен, например, такой вопрос, как «О вреде нагрудников»⁶³. Чуть позже, на областном съезде общественниц в Нальчике в 1927 г. была объявлена борьба с ношением национальной одежды как «пережитком буржуазного общества», тот же вопрос прорабатывался и бытовыми комиссиями в 1929 г. Все это было равносильно борьбе с целым пластом материальной и духовной культуры, расценивалось местным населением как разрушение адыгских традиций и адыгской идентичности. В попытке вовлечь адыгскую женщину в процесс эмансипации, заставляя апробировать модель поведения «свободной женщины», имеющей равные с мужчиной политические свободы и социальные права, партийные органы видели в новом женском облике часть той перестройки быта, которая была ими задумана (семантическое соответствие внешнего образа содержанию процесса), а в явной унификации — составную часть решения проблемы равноправия.

---

⁶¹ ЦГА КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 231. Л. 7.

⁶² ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76. Л. 27.

⁶³ ЦГА КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 374. Л. 71, 164.

Особенностью «решения» женского вопроса в национальных областях Северного Кавказа было отсутствие опоры на исторический опыт: его (в женском вопросе) просто не было. То, что осуществлялось в этом регионе, инициировалось далеко от Кабарды и директивно спускалось «в массы» политической партией. А в отчетах партийные деятели лишь привычно рапортовали в центр о том, что «кабардинка все смелее объявляет войну вековым предрассудкам, во власти которых она находилась десятки и сотни лет; она строит новую жизнь»⁶⁴. По сути, лозунг «Борьба против горских адатов — борьба за социализм!», выдвинутый в 1928–1932 гг., имел прямое отношение к женщине-горянке. Не находя осмысленной поддержки среди населения, такие призывы вызывали скорее боязливое неприятие, нежели желание активной борьбы за их реализацию.

С 1928 г. в регионе все чаще стало ощущаться ужесточение в экономической сфере, идеологическая бескомпромиссность. С этого времени, можно сказать, начался поворот от политики «мирного сосуществования» с традиционными институтами и религиозными организациями — к политике их вытеснения, к жестким мерам по отношению к «пережиткам». Культурная революция 1920-х гг. трансформировала традиционные культурные структуры, изменила их в соответствии с новыми социалистическими политическими и экономическими запросами. Оценивая изменившуюся ситуацию, носительницы новой (точнее: обновленной) идеологии вспоминали, что трудности этого периода были связаны с тем, что «на пути стояло много преград — мусульманская религия, адат, мулла и кулак»⁶⁵.

Идеологическая монополия, на которую претендовала отныне компартия, предполагала быстрое завершение «преобразований быта», с перспективой подчинить государству сферу частной жизни. Это было начало периода «репрессивных политик» (И.С. Кон) и «экономической мобилизации женщин» (Г. Лapidус). 1930-е гг. представляются в связи с этим периодом активного наступления государства и партии на все виды свобод в частной жизни. Приватность маргинализировалась; поскольку она не могла вовсе исчезнуть, ее старались сделать поднадзорной. Воспитание детей (не по злему умыслу партфункционеров, а согласно их искреннему желанию освободить от этой обязанности женщин) было предложено передавать государству, для чего в республике была создана и начала быстро расти сеть детских дошкольных учреждений.

И в этом, казалось бы, простом вопросе власти столкнулись с неожиданными препятствиями и непримиримыми с новым бытом поступками прежде пассивных и сдержанных горянок. Один из них вспомнила современница «курсанток» Ленинского учебного городка, командированных в села для культурно-просветительной работы в период летних каникул. Отметив упорное сопротивление сельских женщин системе дошкольного воспитания, она сказала: «в селениях принимали хорошо во многом, но в вопросах создания детских учреждений бойкотировали»⁶⁶. Среди бой-

⁶⁴ ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 484. Л. 234.

⁶⁵ Из воспоминаний Е. Аленской, зав. женотделом обкома ВКП(б) в 1920–1930-х гг. // Личный архив автора. Запись биографического интервью 11.03.2002 г.

⁶⁶ Гужежева Марьям из сел. Дейское (1907 г.р.) // Личный архив автора. Запись биографического интервью 12.09.2002 г.

котируемых горянками мероприятий, вызывавших активное неприятие, можно назвать и попытки внедрения новой обрядности детского цикла. Например, вместо народных обычаев первого пеленания новорожденного в люльку (*гуцэхэпхэ*), празднования первого шага ребенка (*лэтеувэ*), культпросветучреждения пропагандировали «красные октябрины», представлявшие модернизированное повторение православных крестин.

Большевистский гендерный проект предполагал, что родительские воспитательные функции во многом возьмут на себя советские коммунальные учреждения. Однако воспитание маленьких детей (до 7 лет) всегда возлагалось на матерей в семьях кабардинцев, и они строго следовали традициям народной педагогики, закладывая своим воспитанием основы национального самосознания и характера, культивируя в детях определенные человеческие качества, транслируя социальные навыки и стереотипы поведения, принятые в данной этнокультурной среде. Женщины Северного Кавказа с большим сомнением относились к идее передачи подобных функций государственным дошкольным учреждениям. Они не хотели внутренне соглашаться с тем, что рождение ими детей стало восприниматься не как их частное дело, не как дело продолжения их родой или семей, а как воспроизводство «советских граждан» — членов большой трудовой семьи советского народа, строящего коммунизм в условиях враждебного окружения. Одна из активисток женского движения Кабардино-Балкарии, Г.А. Роменская вспоминала:

«Сельсовет долго не предоставлял нам помещения [для детских яслей], т. к. среди населения ходили слухи, что детей будут отправлять в Германию, и только через год мы добились помещения в школе. Детей посылали на площадки [рассчитанные на] больших — 12-ти, 13-ти[летних детей], а наше оборудование было рассчитано на дошкольников. Получалось: смех и грех»⁶⁷.

Как раз на тот же период времени пришлось кампания по массовому закрытию мечетей. Насильственно насаждаемый государством атеизм вызывал открытый протест женщин не только потому, что они были более религиозны в силу отсталости или консервативности сознания, но в первую очередь потому, что религиозная обрядность, переплетаясь и сливаясь с этническими традициями, упорядочивала и наполняла смыслом весь их жизненный путь. Решения о закрытии мечетей проводились через сельские сходы, и в протоколах тщательно фиксировалось, что жалоб на подобные постановления нет⁶⁸. Обком партии рекомендовал перед каждым закрытием мечетей проводить массовую разъяснительную кампанию, в ходе которой объявлять, что здания мечетей будут отныне использоваться в других целях, перепрофилироваться в детские учреждения, клубы горянок, дома культуры, амбары и склады. Сами участницы и очевидицы тех лет Г.А. Романская и Е.П. Аленская упомянули, что здание «клуба горянок» удалось создать не без труда: «На клуб стройматериала не было, пришлось поставить вопрос перед общим собранием — закрыть мечеть и разобрать для использования лесоматериала на отделку клуба. Собрание одобрило и постановило закрыть мечеть и разобрать. Однако наутро разобранные стены мечети были вновь кем-то сложены. Говорили, что это делали те же женщины, которые

⁶⁷ Тетради воспоминаний Г. Роменской, сотрудницы женотдела сел. Алтуд в 1928–1934 гг. // Личный архив автора. Запись биографического интервью 5.07.2004 г.

⁶⁸ Карахалк, №831, 10 июня, 1928.

днем помогали разбирать мечеть. Это повторялось несколько раз, после чего, как-то ночью, все было залито керосином и сожжено»⁶⁹. Так женщины ответили бессильным недовольством на решение властей, посягнувших на традиционные и религиозные ценности.

На рубеже 1920-х — 1930-х гг. пассивный протест женщин постепенно перерос в открытые выступления в связи с хлебозаготовительным кризисом. Так, в начале июня 1928 г. в адыгейском ауле Блечепсин группа женщин в 40–50 человек, собравшись у здания аульного Совета, потребовала прекращения хлебозаготовок и, одновременно, закрытия детских яслей и садов и т.д. Адыгейский обком ВКП(б), поставив на рассмотрение причины «Блечепсинского дела», отметил недостатки в работе партийной организации аула: «Решения областного комитета партии... осуществляются слабо, по казенному... Кулак и эфенди раздул эти недостатки и на основе их сумел организовать демонстрацию женщин, сумел прекратить заготовку хлеба, сумел выбросить ряд дополнительных лозунгов»⁷⁰. Недостатки в работе с женским населением стали чаще подчеркиваться в документах, именно на женщин возлагалась ответственность за несовершенство и ошибки в деле перестройки быта — ведь именно на них по-прежнему лежали и обязанности по воспитанию детей, уходу за пожилыми, по бытовому обслуживанию семьи, компенсировавшие недостатки социального сервиса и возникающего по-прежнему дефицита. Женщины представлялись как «отсталый элемент», нуждающийся в целенаправленном государственно-политическом воздействии, но (одновременно) не могли не рассматриваться как действительные или потенциальные матери и строители социалистического общества, в качестве каковых они и должны были быть политически мобилизованы пролетарским государством.

Язык и содержание документов 1920-х гг. определяет женщин-горянок как угнетенных, упоминая их в одном ряду с беднейшим крестьянством и батраками:

«...недостаточно четкое проведение классовой направленности в деле ликбеза, ...неудовлетворительное проведение бытовых мероприятий, направленных на максимальное вовлечение *бедноты, батрачества, рабочих и женщин* в сеть ликбеза (детские комнаты, приспособление работы к сменности, специальные женские ликпункты, предоставление льгот и пр.)...»; «Только четкой классовой линией, организацией бедноты, батрачества, колхозников и середняков, и в особенности женщин вокруг культпохода, парторганизации преодолению сопротивление классовых врагов...»⁷¹.

Приравнивая женскую несвободу, выражавшуюся в ограничении женской самостоятельности вне дома, в «домашнем заточении» — к социальному бесправию, большевики пытались «разбудить» классовое сознание горянки, научить ее бороться за свое равенство, проявлять общественную активность. На практике же все вышло не так, как задумывалось. Едва возникла опасность (мнимая или действительная) отчуждения женщин от детей, угроза нехватки хлеба для семьи, как женщины ре-

---

⁶⁹ Тетради воспоминаний Г. Роменской, сотрудницы женотдела сел. Алтуд в 1928–1934 гг. // Личный архив автора. Запись биографического интервью 05.07.2004 г.; Из воспоминаний Аленской Е. // Личный архив автора. Запись биографического интервью 05.06.2004 г.

⁷⁰ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2299. Л. 138–139.

⁷¹ Постановление Кабардино-Балкарского обкома ВКБ(б) о мерах по ликвидации неграмотности от 1 октября 1930 г. // Культурное строительство в Кабардино-Балкарии (1918–1941 гг.) Сб. док. и мат. Т. 1. Нальчик, 1980. С. 194, 197.

шились на открытое сопротивление программам их «раскрепощения». Женские аграрные волнения прокатились волной по Северному Кавказу, и были отмечены не только в Адыгее, но и Дагестане (Хасавюртовский район, 3 сентября — 5 октября 1926 г.), в Чечне (сел. Шали, 10–30 декабря 1928 г.), в Кабардино-Балкарии (Баксанский округ, июнь 1928 г.; сел. Верхний Курп, август 1929 г.; Балкарский округ, февраль-март 1930 г.), в Черкесии (март, 1930 г.).

Выдвигая тезис «политической отсталости», «закабаленности» и «темноты» женщин-горянок, власти попросту признавали их неготовность принять предназначенные им программы политической и экономической мобилизации. Потому-то «отсталая» женщина-горянка и представляла для них политически опасную силу. Женские бунты проходили в самых разных национальных областях Северного Кавказа и постоянно сопровождали мероприятия по хлебозаготовкам и коллективизации. Одним из центральных лозунгов женских волнений было требование закрыть детские сады и, особенно, ясли. Покушение на приоритет домашнего дошкольного воспитания подсознательно воспринималось как разрушение основ традиционного уклада жизни, а коллективное воспитание — как угроза обобществления детей, тем более достоверная, что неумелая агитация колхозных уполномоченных призывала «всех жить одним котлом».

Игнорирование социально-бытовой и религиозной специфики жизни народов края, политика воинствующего атеизма порождала атмосферу неуважительного отношения к верующим, издевательств над их религиозными чувствами (как, например, известный лозунг «свинья побеждает Коран», оскорбительный для мусульман). В связи с этим выступления того времени часто принимали религиозную окраску. На допросе в ходе следствия по делу о Баксанском выступлении один из его участников Х. Наурузов объяснял успех агитации «шариатистов» обобществлением имущества вступающих в колхоз, закрытием мечетей, в которых после закрытия «устраивались детские ясли»⁷². Другой участник событий Х. Апшев обвинялся в том, что разжигал страсти тем, что в своих речах утверждал, что «Советская власть отбирает детей, хочет их насильно учить вдали от родных»⁷³. Восставшие жители сел. Чегем-1 предъявили сельскому Совету свои требования, среди которых особое место занимала та же проблема «не открывать детплощадок и детяслей, дать возможность воспитывать детей по усмотрению родителей... дать людям жить так, как они считают нужным»⁷⁴.

В этих событиях женщины принимали самое активное участие.

Бештоков М.М. рассказывал, что когда волнения в Баксане перешли в вооруженное столкновение с милицией, он поехал к Кызбуруну II, чтобы «остановить женщин, шедших к Баксану»⁷⁵. По воспоминаниям очевидцев Верхне-Курпского восстания М. Гукежева и А. Карашаева, «женщины вышли на улицу вооруженные ножницами, спицами и т.д., кидали камнями в выступавших перед ними предста-

---

⁷² АУФСБРФ по КБР. Ф.8, д. 10524.Т.2, лл. 118–122. Цит. по: Мамбетов Г.Х., Мамбетов З.Г. Социальные противоречия в кабардино-балкарской деревне в 20–30-е годы. Нальчик, 1999. С. 90–101.

⁷³ Там же. Л. 247

⁷⁴ Там же. Л. 167.

⁷⁵ Мамбетов Г.Х., Мамбетов З.Г. Указ. соч. С. 85.

вителей сельского актива, требовали отмены продразверстки, яростно протестовали против «детясель»⁷⁶.

Вмешательство в частную, private сферу жизни народа как со стороны государства, так и со стороны идеологических институтов власти вызывало активное неприятие женской части населения. Женщины объявлялись отсталым элементом не только потому, что их уровень грамотности все еще статистически был гораздо ниже, чем у мужчин, но и потому, что они были оплотом традиционной семьи, оплотом традиционного распределения семейных ролей, частной сферы жизни. Неудачи в деле «осчастливливания» женщин-горянок представителям официальных властей признавать не хотелось. Вот почему официальные источники тех лет почти не содержат сведений о стихийных женских бунтах. Есть лишь мимолетные намеки в виде запротоколированных на сельских сходах по следам антисоветских выступлений вопросов о степени участия в них женщин. Некое акцентированное внимание к этому вопросу чувствуется и в тех документах, которые отразили историю идеологической работы партии, ее борьбу с влиянием мусульманского духовенства в деле освобождения от «старых обычаев»⁷⁷.

В конце 1920 — начале 1930 гг. наблюдается усиленное внимание партии к процессу вовлечения женщины в общественное производство, что прочитывалось как «освобождение ее от семейных оков и домашнего рабства». Семья по-прежнему была источником неподчинения и инако/свободомыслия, там сохранялся традиционный уклад жизни со своими авторитетами и семейными ценностями. Нейтрализовать влияние частной сферы на мировоззрение женщин для успешной идеологической обработки «человеческого материала» в данном регионе было для властей совершенно необходимо, но каждое из практических действий оказывалось труднопредсказуемым.

Связанные с женскими бунтами времен коллективизации исторические эпизоды наполняют ту эпоху подлинным драматизмом, меняя известные и устойчивые научные оценки и характеристики. Подобные «женские» аспекты привычной истории «позволяют глубже проникнуть в историю культуры, коллективных страхов, надежд и упований равно как проявлений массового сопротивления навязываемому властью образу жизни и образу мирозидения»⁷⁸.

* * *

Итак, трансформация гендерного порядка⁷⁹ в Кабардино-Балкарии в процессе кампании эмансипации женщин-горянок проходила в два этапа. В рамках первого этапа (1918 — 1928 гг.) была проведена корректировка части старых обрядов и традиционных установок (запрещение калыма, похищения невесты, выдачи замуж

---

⁷⁶ Текуева М.А. Опыт и уроки Кабардино-Балкарской парторганизации по преодолению пережитков прошлого. (1917 — начало 30-х годов) Рукоп. канд дис. Нальчик, 1990. С. 98–99.

⁷⁷ Там же. С. 90–91, 93, 94.

⁷⁸ Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. М., 2002. С. 114.

⁷⁹ Гендерный порядок, т.е. исторически заданные образцы властных отношений между мужчинами и женщинами, складывается в определенных обществах на институциональном, идеологическом, символическом и повседневном уровнях (См.: Connell R. Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics. N.Y., 1987. P 98–99).

несовершеннолетних, отмена многоженства), так или иначе (в основном в юридическом аспекте) затрагивающих статус женщины. Наиболее частыми «бытовыми преступлениями» оказались в то время такие, как уплата калыма за невесту, расцениваемая новой властью как унижение женского достоинства, а также похищение девушек, приравняемое к попытке изнасилования. Обеспечение имущественных прав женщин было основным направлением в работе законодательных органов в борьбе за равноправие полов, как при разрешенном отныне для женщин разводе, так и в обеспечении права наследования имущества в случае смерти мужа или отца. Продвигая социальную и идеологическую политику нового быта, ориентированную на «освобождение горянки» и коллективизацию быта, власти рассматривали свои действия в категориях борьбы с традиционностью понимаемой как отсталость. Декларированная задача освобождения женщин, вовлечения их в публичное пространство через просвещение предполагала *искоренение* привычных практик частной жизни (домашних, материнских, супружеских). В этом заключался стратегический ход тоталитарного государства: оно последовательно разрушало границу между приватной и общественной жизнью человека, пытаясь сконструировать «новую советскую женщину», отказавшуюся от ценностей и привычек традиционной (часто: именно мусульманской) семьи во имя построения светлого будущего.

На втором этапе (рубеже 1920–1930-х гг.) ставилась задача полного раскрепощения горянки путем вовлечения ее в сферу экономических и политических общественных отношений. Решение поставленной задачи осуществлялось через женотделы, делегатские собрания и клубы горянок, через созыв специальных женских конференций и, существовавших отдельно от мужских, женских партийных ячеек. Проблемы, связанные с социалистическим преобразованием женского статуса у адыгов лежали не столько в области общественных (классовых) отношений, сколько в сфере социальной психологии. Их изучение показывает, что перестройка нелегко давалась самим коммунистам-мужчинам, которые не без труда преодолевали традиционные взгляды на общественное положение горянки, с трудом соглашались признавать их навсегда устаревшими. Они не могли не понимать, что открытие для горянок публичного пространства предполагало в перспективе перераспределение властных отношений между полами. Между тем, «освобождение женщин» проводилось в рассматриваемом регионе поначалу почти исключительно мужчинами или прикомандированными из центральных районов России женщинами — носителями иной ментальной культуры. Это усложняло задачу политической и экономической мобилизации женщин Северного Кавказа. Местные женщины не совсем доверяли проводникам политики их раскрепощения, а мужчины — как смутно догадывались объекты направленных административных действий — не могли быть до конца искренними в пропаганде их освобождения «от мужского ига» и «содействия их начавшемуся пробуждению»⁸⁰.

Важнейшей программой, в реализации которой виделось решение «женского вопроса», было образование. Помимо реальных материальных трудностей в осуществлении программы всеобщего равного образования партийные органы натолкнулись

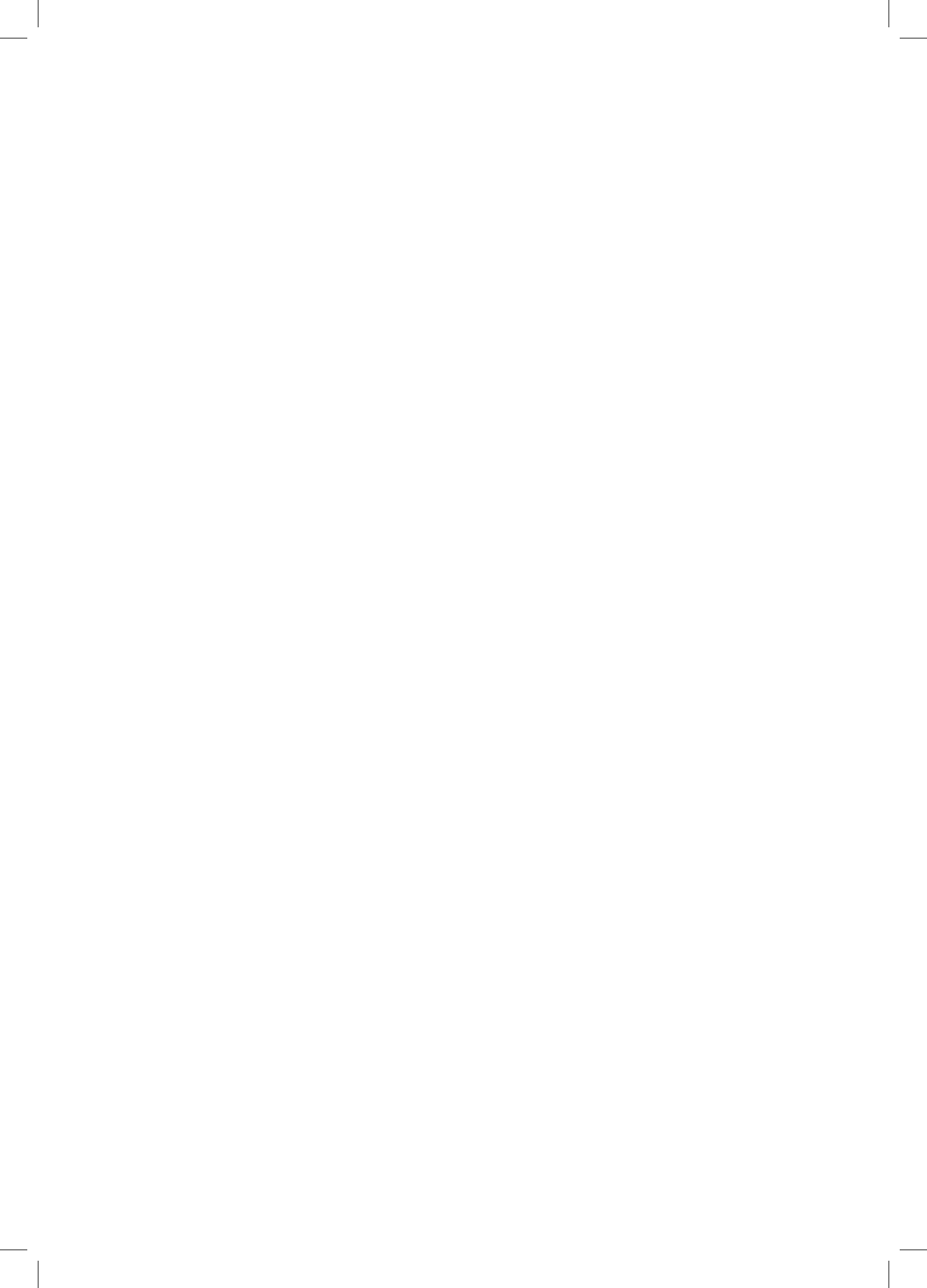
⁸⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть 1. 1898–1925. М., 1953. С. 755, 896.

на консервативность воспитательных традиций адыгов и нежелание подвергать педагогическому эксперименту своих дочерей. Революционные преобразования, направленные на изменение женского статуса, требовали модификации принятых в адыгском обществе критериев половой идентичности: манер поведения, разрешенных свобод движений и жестов, одежды. Танцевальные концерты, физкультурные праздники, массовые кампании (в том числе вышеописанная — «Пальто — горянке»), направленные на конструирование нового женского образа, призваны были вести активную пропаганду новых поведенческих стереотипов, норм общения и морально-нравственных принципов. С течением времени они стали восприниматься как дополнительный маркер прогрессивного социалистического образа жизни.

Особенностью политической и экономической мобилизации женщин в районе КБАО было отсутствие сформировавшихся социально-экономических оснований и общественных сил, которым были понятны лозунги женского «раскрепощения» и социально-политического «пробуждения». Все новое в этой области инициировалось и директивно спускалось «в массы» из центра страны, правящей партией. Это приводило к парадоксальной реакции адыгов на меры, предпринимаемые во имя женского равноправия. Приравнивая женскую несвободу, выражавшуюся в ограничении женщин в правах и домашнем заточении, с социальным бесправием, власти пытались разбудить женское социальное самосознание, научить женщин бороться за неведомые им социальные и политические права, проявлять общественную активность. Однако вмешательство извне в частную, приватную сферу жизни женщин и их семей как со стороны государства, так и со стороны идеологических институтов власти вызвало неприятие женской части населения. Исследование женской истории Северного Кавказа в 1920–1930-е гг. помогает не столько составить представление о степени участия женщин в революционных преобразованиях (оно было незначительным, если брать именно политико-административную историю), сколько о формах восприятия ими исторических перипетий. И не случайно первые же мероприятия советской власти в годы коллективизации оправдали опасения адыгских женщин по поводу шагов к «обобществлению» частной жизни, вызвав активный социальный протест. Женщины решались на крайние меры и методы сопротивления, решаясь на открытые выступления против властей во имя сохранения своей монополии на частное пространство.

ИСТОРИОГРАФИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВА О СЕБЕ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОЛЛАНДСКИХ ИСТОРИКОВ

Ю. П. ЗАРЕЦКИЙ

Последние два-три десятилетия в историографии отмечены заметным оживлением интереса к документам личного характера (в отечественной историографии и источниковедении их обозначают обычно как «документы личного происхождения»)¹.

Вопреки утвердившейся в постклассическом знании конструктивистской трактовке понятия «субъект» и знаменитому предсказанию Мишеля Фуко о вероятности исчезновения человека из поля зрения гуманитарных наук², в новой эпистемологической ситуации конца XX в. историки не потеряли интереса к Человеку. Скорее наоборот, в последние десятилетия прошлого века имел место стремительный рост их внимания к различного рода «свидетельствам о себе», переоценка значимости этих свидетельств и их широкое использование в практике исторических исследований³. Достаточно вспомнить в этой связи, что такие влиятельные работы, как «Монтайю» Эммануэля Леруа-Ладюри (1975)⁴, «Сыр и черви», Карло Гинзбурга (1975)⁵, «Семья, секс и брак в Англии. 1500–1800» Лоуренса Стоуна (1977)⁶, «Сир де Губервиль. Нормандский дворянин XVI в.» Мадлен Фуазиль (1981)⁷, «Дамы на обочине» Натали Земон Дэвис (1995)⁸ основаны именно на таких свидетельствах.

Другой пример — бурный рост числа историко-биографических исследований⁹, в огромной мере основывающийся на детальном изучении разного рода личных доку-

---

¹ Работа написана при финансовой поддержке индивидуального исследовательского гранта РГНФ № 06-01-00077а. Автор выражает благодарность Рудольфу Деккеру за любезно предоставленные материалы, легшие в основу настоящей статьи, а также за возможность принять участие в работе семинара по изучению эгодокументов в Институте Йохана Хейзинги (университет Амстердама).

² Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 404.

³ Повышенный интерес к текстам личного характера (прежде всего автобиографиям) примерно в это же время (или чуть раньше) начинают проявлять также историки и теоретики литературы (см. об этом: Зарецкий Ю.П. Теория литературных жанров и некоторые вопросы исторического изучения автобиографических текстов // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. М., 2005. С. 159–173).

⁴ Le Roy Ladurie E. *Montaillou*. Village occitan de 1294 à 1324. Paris, 1975. Рус. пер.: Ле Руа Ладюри Э. *Монтайю*. Окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург, 2001.

⁵ Ginzburg C. *Il formaggio e i vermi*. Torino, 1976. Рус. пер.: Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000.

⁶ Stone L. *The Family, Sex and Marriage in England. 1500–1800*. London, 1977.

⁷ Foisil M. *Le Sire de Gouberville: un gentilhomme normand au XVIe siècle*. Paris, 1981.

⁸ Zemon Davis N. *Women on the Margins. Three Seventeenth-Century Lives*. Cambridge (Mass.), 1995. Рус. пер.: Дэвис Н.З. Дамы на обочине: Три женских портрета XVII века. М., 1999.

⁹ См. об этом: Репина Л.П. «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1999. М., 1999. С. 76–100. Ее же. Вместо предисловия // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 5: Историческая биография и интеллектуальная история. М., 2001.

ментов. К сказанному можно добавить, что в историографии начали складываться отдельные направления, практически целиком опирающиеся на изучение автобиографических свидетельств (например, история чтения или история сновидений)¹⁰. Наконец, в ряде европейских стран (Нидерланды, Германия, Швейцария, Франция и др.) сложились коллективы ученых, собирающих, публикующих и интерпретирующих автобиографии, мемуары, дневники в рамках национальных и международных проектов¹¹. Известный голландский историк Рудольф Деккер связывает это невиданное ранее внимание к личным текстам с четырьмя наиболее важными общими эпистемологическими изменениями в историографии конца XX в.: культурным и лингвистическим «поворотами», возвращением нарративной истории после десятилетий доминирования истории структур, наконец, с тем, что он называет «изобретением микроистории»¹². Примечательной особенностью этого нового интереса к личным текстам является очевидный сдвиг акцентов исследовательского внимания: если раньше историков интересовали преимущественно свидетельства «великих людей» и «вершины» мемуарно-автобиографического жанра, то теперь они все чаще обращаются к массовому производству мемуарно-автобиографической «продукции» и к тем документам, созданным «маленькими» людьми, которые долгое время были никому не известны — за исключением, разве что, узких специалистов и работников архивов.

EGODOCUMENT

Одной из отличительных особенностей сегодняшнего внимания к «свидетельствам о себе» является стремление исследователей к обновлению терминов, которыми они определяют этот род документов. Раньше, например, такими словами-маркерами, как правило, были литературоведческие обозначения жанров: «автобиография», «мемуары», «дневники» и др. И такое положение дел продолжалось, по крайней мере, до конца 1970-х гг., пока не появилась потребность в новых маркерах, во-первых, более точно отражающих специфический исторический (т.е., прежде всего, отличный от литературоведческого) подход к изучаемым текстам и, во-вторых, яснее обозначающий определенный тип документов как некое смысловое целое. Потребность в обновлении понятийного аппарата была связана, по-видимому, и с частичным признанием анахроничности использования общепринятых обозначений жанровых форм европейской литературы Нового времени применительно к средневековым или ренессансным текстам, не говоря уже о текстах древневосточных или античных¹³. В итоге в 1980-е — 1990-е гг. в лексиконе европейской историографии появляются

---

¹⁰ См. Об этом: Dekker R. Introduction // *Egodocuments and History. Autobiographical writing in its social context since the Middle Ages* / Ed. by R. Dekker. Hilversum, 2002. P. 11–12.

¹¹ О них см.: Зарецкий Ю.П. Новые проекты изучения личных свидетельств (Нидерланды, Германия, Франция) (в печати). Следует добавить, что при этом сложилось вполне понятное (хотя и не всегда отчетливое) «разделение труда»: историки преимущественно сосредотачивают свое внимание на периоде от Средневековья до Нового времени, а литературоведы — на современности (XIX–XX в.).

¹² Dekker R. Introduction // *Egodocuments and History*. P. 10, 12.

¹³ Использование названий литературных жанров (наиболее распространенное из них — «автобиография») для обозначения исторических документов, в которых их авторы рассказывают о себе, впрочем, и сегодня продолжает оставаться чрезвычайно распространенным — см. об этом: Зарецкий Ю.П. Теория литературных жанров и некоторые вопросы исторического изучения автобиографических текстов. С. 159–162.

и постепенно начинают утверждаться такие новые понятия, как *egodocuments*, *Selbstzeugnisse*, *life-writings*, *les écrits du for privé*¹⁴.

Первое из этих понятий (и, вероятно, наиболее известное сегодня историкам) — «эгодокумент» (*egodocument*), впервые родилось в Нидерландах еще в середине 1950-х гг. «Отцом» неологизма стал профессор Амстердамского университета Жак Прессер (1899–1970)¹⁵, посчитавший необходимым найти слово, указывающее на группу исторических свидетельств, отличительной особенностью которых является их выраженный личный характер. По мысли Прессера, *egodocument* должен включать в себя различные типы этих свидетельств: автобиографии, мемуары, дневники, письма личного содержания и др. В самом широком смысле, эгодокументы, писал он, — это «те исторические источники, в которых исследователь сталкивается с „я“ — или иногда (Цезарь, Генри Адамс) „он“ — как с одновременно пишущим и присутствующим в тексте субъектом описания»¹⁶.

Попытка Прессера ввести в оборот новое понятие долгое время не встречала понимания его коллег. Ситуация изменилась только тридцать лет спустя, в 1980-е, после того, как слово «эгодокумент» приобрело необычайную популярность в Нидерландах. Неологизм историка вдруг оказался настолько востребованным, что, выйдя далеко за рамки профессионального исторического жаргона, был включен в нормативный словарь голландского языка¹⁷. Что касается нидерландской историографии, то с этого времени до сегодняшнего дня оно активно используется историками разных школ и направлений, причем практически в том же самом значении, которое придавал ему Прессер. Рудольф Деккер, которого коллеги называют «дуайеном изучения эгодокументов»¹⁸, считает эгодокументом (он сам, правда, называет это упрощенным определением) «текст, в котором автор пишет о его или ее делах, мыслях и чувствах»¹⁹. В другом месте исследователь добавляет, что «эгодокументы включают автобиографии, мемуары, дневники и другие личные тексты, в которых авторы подробно пишут о своих делах, опыте, мыслях и чувствах»²⁰.

Понятие «эгодокумент» получило распространение также в историографии англоязычного мира (*ego-document*). Одним из пионеров его использования здесь был Питер Берк, в статье «Репрезентаций Я от Петрарки до Декарта» подчеркивавший важность эгодокументов для изучения личности в истории, а также для современных дискуссий об истории индивидуализма²¹. Это понятие хорошо известно и в герма-

---

¹⁴ См.: *Зарецкий Ю.П.* Новые проекты изучения личных свидетельств (Нидерланды, Германия, Франция) (в печати).

¹⁵ См.: *Dekker R.M.* Jacques Presser's heritage. *Egodocuments in the study of history // Memoria y Civilización. Anuario de Historia.* 2002. № 5. P. 13–37.

¹⁶ *Presser J.* *Memoires als geschiedbron // Winkler Prins Encyclopedie.* Vol. VIII. Amsterdam, 1958. Цит. по: *Dekker R.M.* Jacques Presser's heritage. P. 14.

¹⁷ *Dekker R.M.* Jacques Presser's heritage. P. 14.

¹⁸ *Rutz A.* *Einleitung // Zeitenblicke.* 2002. Vol. 1, № 2. P. 2 (URL: <<http://www.zeitenblicke.de/2002/02/rutz/index.html>>).

¹⁹ Там же.

²⁰ *Dekker R.* *Egodocuments in the Netherlands from the sixteenth to the nineteenth century // Envisioning Self and Status. Self-representation in the Low Countries 1400–1700 / Ed. by Erin Griffey.* Hull, 1999. P. 255 (Crossways Vol. 5).

²¹ *Burke P.* *Representations of the self from Petrarch to Descartes // Rewriting the Self: Histories from the Middle Ages to the Present / Ed. by Roy Porter.* London, 1997. P. 21–22.

ноязычной историографии (Ego-Documente), и во франкоязычной истории литературы (egodocument). Впрочем, в немецком и французском случаях смысловое наполнение понятия имеет свою специфику. Так, во Франции оно обычно ассоциируется со вполне конкретной «суммой» жанров национальной литературы XVII–XIX вв.: писем, дневников (journaux intimes), путевых заметок (relations de voyage), livres de raison, мемуаров (mémoires), и его употребление обычно обходится без специального теоретизирования²². В Германии, напротив, осмысление того, что следует понимать под «эгодокументом» в 1990-е гг. вылилось в оживленную дискуссию историков.

Первым попытку «пересадить» голландский неологизм на немецкую «землю» предпринял Винфрид Шульце. На организованной им в 1992 г. междисциплинарной конференции он изложил свою расширительную интерпретацию того, какие именно тексты следует считать эгодокументами. Помимо тех видов текстов, о которых говорили Прессер и Деккер, Шульце предложил отнести к этой категории исторических свидетельств и те, которые писались по требованию административных, судебных или финансовых органов (например, прошения или протоколы допросов), если только в них, делал он важную оговорку, можно «услышать» голос человека, рассказывающего о себе. Такая расширительная трактовка понятия «эгодокумент», по мнению Шульце, могла бы открыть историкам доступ к ранее «молчаливым» группам людей и дать хотя бы частичные свидетельства их самовосприятия²³. Позиция Шульце, однако, встретила в Германии скорее неприятие, чем солидарность, поскольку, по мнению целого ряда исследователей, расширительное понимание содержания термина не приносит пользы историку. Во-первых, оно ведет к размыванию смысловых границ корпуса текстов, обозначаемых как «эгодокументы»: в него, фактически, включается едва ли не любое свидетельство о прошлом, представленное от первого лица. Во-вторых, ситуативный характер отдельных разнородных свидетельств человека о себе, которые Шульце обозначил единым понятием, обычно мало способствует пониманию индивидуальной личности этого человека²⁴.

Несмотря на свою очевидную популярность — не только в Нидерландах, но и в международном сообществе историков в целом²⁵ — и определенную инструментальную эффективность, проверенную годами, понятие «эгодокумент», тем не менее, сегодня не обходится без критики.

Во-первых, в связи с неоправданностью, как считают некоторые историки, его фрейдистских коннотаций: личные документы позднего Средневековья и раннего Нового времени в большинстве своем не содержат углубленной саморефлексии ав-

---

²² См. напр. в исследовательском проекте «Ego-documents électroniques: Correspondances, journaux intimes, relations de voyage, livres de raison, mémoires (XVIIe–XIXe siècles)» — URL: <<http://egodoc.revues.org>>.

²³ Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte / Hg. Winfried Schulze (= Selbstzeugnisse der Neuzeit 2). Berlin 1996. P. 28.

²⁴ См. критику позиции Шульце в программной статье Бенигны фон Крузенштерн: *Krusenstjern B. von. Was sind Selbstzeugnisse? Begriffskritische und quellenkundliche Überlegungen anhand von Beispielen aus dem 17. Jahrhundert* // *Historische Anthropologie*. 1994. 2. S. 462–471. См. об этих спорах также: *Dawson R, Maierhofer W. German rediscovery of life writing: introduction to essays on German-speaking women as rulers, consorts, and royal mistresses in the Long Eighteenth Century* // *Biography*. 2004. Vol. 27, №3. P. 485.

²⁵ В дополнение к сказанному выше можно сослаться также на объявленный несколько лет назад Институтом русистики Варшавского университета цикл международных научных конференций по проблеме «Эго-документ и литература» (URL: <<http://www.ir.uw.edu.pl/?src=/konf/konf.html>>).

торов и потому мало напоминают рассказы о внутреннем мире современного человека, которые в психоанализе связываются с понятием «эго».

Во-вторых, в связи с его неясным соотношением с литературными жанрами, традиционно считающимися личностными: включает ли понятие эгодокумент все те жанры, где авторы рассказывают о себе, или только те, которые упоминаются в определениях Прессера и Деккера?

Наконец, в связи с тем, что постструктуралистская критика поставила под сомнение не только возможность обнаружения в тексте авторского Я, но и само существование этого Я за пределами текста²⁶. Впрочем, несмотря на эту критику, понятие достаточно прочно укоренилось в лексиконе современных историков, став, если не общепринятым, то, безусловно, общепонятным.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ

Едва ли следует удивляться тому, что в Нидерландах, на родине слова «эгодокумент», сегодня ведется активное изучение письменных «свидетельств о себе». Неформальным координационным центром этого изучения уже более десяти лет является факультет истории и искусств университета Эразма в Роттердаме. Объединению голландских историков, работающих в этом и близких направлениях, также служит семинар группы по изучению эгодокументов в Институте Йохана Хейзинги университета Амстердама²⁷.

В 1990-е гг. важнейшим голландским исследованием свидетельств о себе стал возглавляемый Р. Деккером проект «Эгодокументы в Нидерландах XVI–XIX вв.». Работа над ним началась с поиска и описания более тысячи документов в библиотеках и архивах, относящихся к периоду с 1500 по 1814 гг. На следующем этапе исследований был предпринят анализ этого корпуса текстов, в ходе которого историков особенно интересовали развитие жанровых форм эгодокументов, их география, физическая форма, язык (или языки), стиль, социальный статус авторов, заявленные мотивы создания, декларируемый адресат²⁸. При этом понятие «эгодокумент» трактовалось в самом широком смысле и жестко не соотносилось с такими жанрами, как «автобиография» или «дневник», поскольку в XVI–XVIII вв. в Нидерландах они еще только складывались. Из поля зрения историков, однако, были исключены письма — преимущественно из практических соображений: во первых, из-за их много-

---

²⁶ См.: Dawson R, Maierhofer W. Указ. соч. P. 485; Perreault J.M. Egodocuments and History: Autobiographical Writing in its Social Context since the Middle Ages (review) // Biography. 2003. Vol. 26, № 3. P. 467–468. О постструктуралистской трактовке автобиографии и авторского Я см.: Зарецкий Ю.П. Теория литературных жанров и некоторые вопросы исторического изучения автобиографических текстов С. 170–172.

²⁷ На протяжении многих лет им руководит Рудольф Деккер — см. сайт группы <http://www.egodocuments.net>, содержащий подробную информацию о завершенных и текущих проектах, ссылки на различные ресурсы и базы данных, а также обстоятельную библиографию по теме. На сегодняшний день она доведена до 2004 г. (включительно). См. некоторые работы Р. Деккера на англ. яз. (кроме названных выше): Dekker R.M. Childhood, Memory and Autobiography in Holland from Golden Age to Romanticism. London, 1999. (перевод с изд.: Dekker R.M. Uit de schaduw in,t grote licht. Kinderen in egodocumenten van de Gouden Eeuw tot de Romantiek. Amsterdam, 1995).

²⁸ Dekker R. Egodocuments in the Netherlands from the sixteenth to the nineteenth century. P. 255.

численности, во-вторых, из-за того, что частично работа по каталогизации писем ко времени начала проекта уже велась в рамках другой программы²⁹.

В итоге исследователям удалось выявить 1121 документ, причем количество текстов за десятилетие с 1800 по 1810 гг. оказалось равным количеству текстов за весь XVI в. Они также обратили внимание на стремительное увеличение числа эгодокументов начиная с 1780 г. и попытались дать объяснение этому феномену. Первой причиной Р. Деккером был назван очевидный «материальный фактор» — чем ближе к нам по времени, тем больше шансов на то, что документ сохранится. Однако историка, разумеется, интересуют и другие причины, не столь очевидные. Из этих других Деккер выделяет а) общий рост грамотности и в целом значения письменности в жизни людей в этот период и б) некоторые конкретные изменения в культуре, способствовавшие производству эгодокументов. Среди этих культурных изменений как особенно очевидное называются новые импульсы к интроспекции, исходящие из протестантской среды: голландские пасторы начинают рекомендовать своим прихожанам вести дневники с целью самоконтроля³⁰.

Что касается формальных физических характеристик выявленных документов, то они оказались чрезвычайно различными: небрежными авторскими автографами, аккуратными рукописями, скопированными с оригинала кем-то из современников или потомков, и даже просто собранными вместе обрывками бумаги. В качестве примера именно этого рода Деккер приводит дневник одного утрехтского аптекаря за 1793–1816 гг., сохранившийся на 2000 листках оберточной бумаги, использовавшейся для упаковки стеклянных пузырьков³¹.

Несмотря на исходный тезис проекта об отсутствии четкой жанровой структурированности эгодокументов в рассматриваемый период (см. об этом выше), «из соображений целесообразности» их жанровая классификация в исследовании все же дается. Согласно ей такие наиболее «личностные» жанры, как автобиографии и мемуары составляют лишь около одной пятой всего корпуса текстов. Причем, несмотря на их огромное формальное разнообразие, в рассказах авторов о себе, как утверждает Деккер, можно обнаружить некоторые «закономерности». Например, то, что наиболее ранние автобиографии часто написаны учеными, заимствовавшими нарративные модели в античных жизнеописаниях философов, или что пиетистские автобиографии в большинстве случаев оказываются историями обращения в веру и повторяют набор однотипных сюжетов, среди которых центральное место занимает «второе обращение»³².

Особое внимание в проекте было уделено вопросу о мотивах создания эгодокументов. Как они обозначаются в текстах авторами? И как изменяются эти обозначения во времени? Исследователями была проанализирована 151 декларация о мотивах и в итоге сделан вывод: подавляющее большинство авторов свидетельствуют, что они стали писать воспоминания, дабы сохранить память о событиях прошлого. Примерно в одной пятой из подобных заявлений сказано, что эти воспоминания записаны исключительно для самого их автора и не предназначаются для посторон-

---

²⁹ Там же. Р. 257.

³⁰ Там же. Р. 259.

³¹ Там же. Р. 260.

³² Там же. Р. 263.

него чтения. Также примерно пятая часть — но теперь уже всего корпуса выявленных эгодокументов — содержит ясные указания на религиозные мотивы их написания. При этом, как особо отмечено исследователями, со второй половины XVIII в. в них с все возрастающей определенностью начинает прочитываться ранее редкий мотив: стремление авторов к самоанализу³³.

Осуществление проекта по созданию инвентаря эгодокументов с 1500 по 1814 г. и предварительный их анализ дали мощный импульс изучению «рассказов о себе» в Нидерландах³⁴. Результаты исследования нашли отражение в целой серии научных публикаций³⁵, но главное, документы, ранее разбросанные по различным архивам, библиотекам и музеям страны, теперь оказались более доступны исследователям, в том числе и благодаря размещению описей и аналитических статей в Интернет. 24 из этих текстов были опубликованы в специальной серии *Egodocumenten* издательства Verloren (Hilversum)³⁶, началась работа по составлению инвентаря эгодокументов за 1814–1914 гг. (руководитель проекта Ханс де Фальк)³⁷, а затем и над другими проектами по изучению личных свидетельств раннего Нового и Нового времени.

КОНТРОЛЬ ВРЕМЕНИ И ФОРМИРОВАНИЕ Я

В настоящее время важнейшим для голландских исследователей свидетельств личного характера является проект «Контроль времени и формирование Я: образование, интроспекция и практики письма в Нидерландах 1750–1914 гг.», которым руководит Арианне Баггерман (Arienne Baggerman)³⁸. Отличительные особенности этого проекта — солидная теоретическая фундированность, новизна постановки исследовательских вопросов и междисциплинарный характер (использование подходов, применяющихся в истории культуры, истории ментальностей, литературоведении, истории педагогики, истории книги).

В содержательном плане проект состоит из трех конкретных исследований: «Ведение дневника и контроль времени как новый педагогический инструмент», «Изменения в восприятии времени и осмысление человеком истории», «Коммерциализация автобиографического письма». Их главная общая проблема — осмысление причин роста числа написанных дневников, автобиографий и других эгодокументов в Нидерландах XIX в. Дело в том, что традиционно этот рост историки связывали с такими глобальными процессами в европейской культуре как усиление интроспекции и роста стремления к самопознанию. Сегодня, однако, многим стало ясно, что

---

³³ Там же. Р. 270–272.

³⁴ См. напр. исследование Р. Деккера о детстве, основанное на автобиографических свидетельствах: Dekker R.M. *Childhood, Memory and Autobiography*.

³⁵ Они отражены в библиографии, составленной Р. Деккером (доведена до 2004 г.) и размещенной на сайте <http://www.egodocument.net>.

³⁶ См. список на сайте изд-ва: <http://www.verloren.nl>.

³⁷ URL: <http://www.inghist.nl/Onderzoek/Projecten/Egodocumenten/en/index_html>

³⁸ См. URL: <<http://www.egodocument.net/Arienne.htm>>. Институционально исследование базируется на факультете истории и искусств университета Эразма (Роттердам), его участники тесно сотрудничают также с Instituut voor Nederlandse Geschiedenis (Гаага) и Институтом Хейзинги (Амстердам). Установлены международные связи с Max Planck Institut für Geschichte (Göttingen); Universität Basel; Freie Universität Berlin и др.

этот взгляд основывается на рассмотрении ограниченного круга текстов, принадлежащих великим писателям, таким как Руссо или Гете, и что изучение эгодокументов en mass может нарисовать иную картину. Гипотеза, сформулированная в проекте и предварительные результаты исследований группы Баггерман, похоже, подтверждают такую возможность.

Баггерман обратила внимание на одну особенность, позволяющую усомниться в распространенном мнении о связи между ростом стремления к самопознанию и ростом количества эгодокументов. По ее наблюдениям, число дневников чисто фактографического характера и, если можно так выразиться, «безличных» мемуаров в Голландии XIX в. росло гораздо быстрее, чем число личных текстов, содержащих авторскую интроспекцию. Это обстоятельство позволило ей предложить новое объяснение причин роста числа эгодокументов в этот период, связав его с беспрецедентной в истории попыткой европейцев овладеть темпоральностью и с их возрастающим (начиная с середины XVIII в.) стремлением контролировать событийность³⁹.

Не отвергая полностью влияние роста интроспекции на массовое производство личных свидетельств, проект все же в первую очередь рассматривает его в связи с переменами в восприятии европейским обществом времени вообще и понимания хода истории в частности. В особенности в связи с новым пониманием будущего как чего-то зависящего от человеческой деятельности. Соответственно, главный исследовательский вопрос в проекте формулируется следующим образом: в какой мере и как именно специфические содержание и формы эгодокументов, а также рост их числа на протяжении «долгого XIX в.» были связаны с новым чувством времени? А. Баггерман в этой связи подчеркивает, что, по ее мнению, главным мотивом авторов автобиографических сочинений девятнадцатого века было стремление к контролю событий во времени, а не рассказ о себе и собственной личности: о последнем они говорили ими «нечаянно» (inadvertently)⁴⁰. Рост числа и изменение форм эгодокументов в проекте рассматриваются также в связи с двумя другими важными культурными изменениями, имевшими место около 1750 г.: революциями в чтении, письме и издательской деятельности, с одной стороны, и рождением современной педагогики, с другой. Подход к изучению личных свидетельств с учетом обозначенных векторов перемен в культуре XIX в., по мнению автора проекта, позволит также внести вклад в обсуждение более общей проблемы истории европейской культуры — истории индивида (или «истории индивидуализации»)⁴¹. Общеευропейской перспективе рассмотрения сформулированных в проекте проблем должно способствовать также привлечение к анализу английского, немецкого и французского материала, т.е. исследование нидерландских эгодокументов в европейском контексте.

---

³⁹ Теоретическим основанием для такого объяснения служат работы Рейнхардта Козеллека и Питера Гейя: *Koselleck R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten.* Frankfurt a/M., 1979; *Gay P. The Bourgeois Experience. Victoria to Freud. 5 vols.* New York, 1984–1998. Vol. 4: *The Naked Heart* (1995).

⁴⁰ URL: <<http://www.egodocument.net/Arianne.htm>>.

⁴¹ А. Бергеманн в качестве своей теоретической опоры ссылается на работы американских исследователей: М. Масуха (*Masuch M. Origins of the Individualist Self. Autobiography and Self-Identity in England, 1591–1791.* Cambridge, 1997) и Н. Земон-Дэвис (*Davis N.Z. Boundaries and the Sense of Self in Sixteenth-Century France // Reconstructing Individualism: Autonomy, Individuality and the Self in Western Thought / Ed. T.C. Heller, et al. Stanford, 1986. P. 53–63*).

УДИВИТЕЛЬНЫЙ МИР ОТТО ВАН ЭКА

Наиболее ярким образцом реализации голландскими историками новых теоретических подходов к изучению отдельных текстов личного характера стала вышедшая в 2005 г. монография Р. Деккера и А. Баггерман «Никогда не состариться: Удивительный мир Отто ван Эка (1780–1798)»⁴². Основное содержание работы составляет анализ дневника мальчика из состоятельной и образованной семьи (его отец был известным судьей), который он вел с десяти лет до своей смерти (Отто умер от туберкулеза в восемнадцать). Этот дневник помещается историками в широкий и очень детальный исторический контекст, позволяющий «оживить» повседневную жизнь и мироотношение людей этого переломного для европейской истории времени, причем не только в Голландии, но и во Франции, где Отто также довелось некоторое время жить.

Так, например, переживания и несчастья юного Отто, связанные с обучением в доме его родителей, становятся исходной точкой мини-трактата об образовании эпохи Просвещения. Сам дневник мальчика служит предметом раздумий о типичности практики ведения каждодневных записей учениками в конце XVIII в., соотносится с тем, что сегодня нам известно о детском чтении и о количестве читающей публики в это время, о понимании во времена Отто границ между публичной и частной сферами и т.д. В итоге современный читатель, открывая для себя существовавшие в Нидерландах двести с лишним лет назад формы мышления, повседневные привычки, идеи и желания, одновременно похожие и очень непохожие на наши сегодняшние, оказывается глубоко погруженным в незнакомый ему ранее мир. При этом отдельные эпизоды повседневной жизни мальчика, происшествия и бытовые детали, зафиксированные в дневнике, наполняются для него необыкновенным разнообразием и богатством смыслов.

Примером организации материала в книге и тех подходов, к интерпретации документа, которые используют историки, может послужить глава «Часы Отто»⁴³. Основные ее сюжетные линии строятся вокруг истории с часами главного героя. 26 января 1793 г. двенадцатилетний Отто пишет о своем потрясении, связанном с их потерей, о своих безуспешных попытках их разыскать, о реакции родных на эту пропажу и, наконец (запись от 3 февраля), о своей счастливой находке — часы висели на сучке грушевого дерева в саду. Как предположил автор дневника, они незаметно выскользнули из его кармана, когда он лазал на дерево в ту самую субботу, когда обнаружилась пропажа. Эта незамысловатый рассказ мальчика превращается в книге в отправной пункт, из которого как бы лучами расходятся другие истории-отступления, теперь уже рассказанные исследователями: о некоторых нравах эпохи, в которой жил Отто, о повседневной жизни детей верхушки голландского общества, о педагогике Просвещения, о новациях восприятия времени в XVIII в., о

---

⁴² *Baggerman A., Dekker R. Kind van de toekomst. De wondere wereld van Otto van Eck (1780–1798)*. Amsterdam: Wereldbibliotheek, 2005. В 2006 г. книга получила присуждаемую раз в три года высшую в Нидерландах премию «за произведение нидерландской изящной словесности выдающихся достоинств» (Dr. Wijnaendts Francken Prize).

⁴³ Опубликована в виде статьи: *Bergemann A., Dekker R. Otto's Watch. Enlightenment, Virtue, and Time in the Eighteenth Century // Childhood and Children's Books in Early Modern Europe, 1550–1800 / Ed. by Andrea Immel and Michael Witmore. New York, 2006. P. 277–305.*

достижениях в технологии и новом стремлении к точности, о способах измерения времени, об особой роли часов в европейской культуре Нового времени и др. И дальше в книге снова следуют примеры записей Отто и связанные с ними новые обращения историков к общим и частным историко-культурным темам и сюжетам. Эти постоянные переходы от отдельных «мелких» событий, зафиксированных в дневнике, к разъяснениям и отступлениям авторов и затем снова к конкретике текста придают особый ритм и особое очарование книге, превращая ее в увлекательное «живое» исследование истории и культуры Нидерландов конца XVIII в.

* * *

Вклад нидерландских историков в изучение свидетельств личного характера в современной историографии общепризнан. Одним из свидетельств этого широкого признания стала недавняя международная конференция «Контроль времени и формирование Я: Взлет автобиографического письма после 1750 г.» (Роттердам, 15–17 июня 2006 г.), собравшая исследователей из Великобритании, Германии, Израиля, Ирландии, Исландии, Испании, США, Турции, Франции, Швейцарии, в том числе таких мэтров как Питер Берк и Филипп Лежен. Цель конференции, как было заявлено ее организаторами, заключалась в том, чтобы «посмотреть на развитие автобиографического письма в последние три века с новых позиций»⁴⁴. Ученые из различных областей знаний обратились к таким действительно новым исследовательским вопросам, как «соотношение между ведением дневника, изменением восприятия времени, взлетом популярности мемуаров и растущей модой на ностальгию»⁴⁵. Они исследовали рост влияния на мемуарно-автобиографический жанр коммерциализации издательского дела, предлагали интерпретации автобиографического письма как формы контроля и как средства преодоления трудностей в личной и общественной жизни и др. Важно отметить, что в прозвучавших на конференции докладах внимание чаще всего было обращено не к общеизвестным текстам признанных «классиков жанра», а к ставшему массовым желанию «маленьких» людей оставить «свидетельства о себе» и созданным ими конкретным документам.

Подводя итог сказанному, можно смело заключить, что в результате многолетней работы голландским историкам удалось добиться двух важных результатов. Во-первых, открыть широкий доступ ученым (и не только!) к «голосам» сотен и тысяч людей, рассказавших нам о самих себе, причем людей — и это особенно важно, — чьи имена были раньше никому не известны за исключением узкого круга специалистов; во-вторых, — обозначить новые теоретические подходы к осмыслению динамики появления и трансформаций содержания эгодокументов и их связи с широкими социальными и культурными изменениями.

Что касается перспектив изучения свидетельств о себе, то они видятся голландским историкам, хотя в целом и привлекательными, но отнюдь не безоблачными. Ученые прекрасно отдают себе отчет, что историческое знание — как, впрочем, и всякое иное — социально и культурно обусловлено, и что с этим нельзя не считаться. Одновременно они убеждены, что сегодня историческое знание в целом и изу-

---

⁴⁴ См. материалы конференции: URL: <<http://www.egodocument.net/PROENGZOweb.htm>>.

⁴⁵ Там же.

чение личных свидетельств в частности — это непременно новаторство, поиск новых подходов, эксперимент. Во всяком случае, именно так можно понять Р. Деккера, который в одном из своих интервью на вопрос, в каком направлении должно развиваться исследование эгодокументов, ответил:

«Безусловно, было бы еще интересно поразмыслить о том, что с этой текстовой формой будет или может произойти. Будет ли интерес широкой публики к такого рода текстам расти дальше или людей в конце концов начнут раздражать все эти мужчины и женщины, говорящие и пишущие о себе? Но в любом случае должна существовать высокоприоритетная общеевропейская исследовательская программа, направленная на выявление, описание и сохранение эгодокументов... К счастью, другим важным проявлениям культуры, таким как полотна художников или здания, оказывается достаточное внимание. Письменные документы заслуживают того же. Иной вопрос — с помощью каких методов историкам следует изучать эти тексты в будущем. Я не из тех, кто любит предписывать другим, как им работать. Каждый историк должен экспериментировать»⁴⁶.

---

⁴⁶ *Rutz A. et al. Egodocumenten. A virtual conversation with Rudolf M. Dekker // Zeitenblicke. 2002. Vol. 1, № 2 (URL: <<http://www.zeitenblicke.historicum.net/2002/02/dekker/index.html>>).*

SUMMARIES

Social History of the Russian Nobility, 18th–19th Centuries

Dubina, V.S.

‘Subtle Differences’: the Russian Nobility in the European Context

For a long time historiography has claimed that the Russian nobility, as a service nobility, did not exhibit the characteristics of a class consciousness in the sense of Bourdieu’s *point d’honneur* and *distinction nobiliaire*. This interpretation harks back to the often referred-to fundamental opposition between ‘Russia’ and ‘Europe’, epitomized by the old theory of the Russian ‘*Sonderweg*’. The article offers a different take on this issue, refraining from the assumption of some a-priori incompatibility of the Russian nobility and Western-European principles, and arguing instead that the study of the Russian nobility and elites can benefit greatly from the use of ‘European’ concepts like *Adeligkeit*. At the same time the article puts three key concepts from the study of the European nobility to the test by applying them to the Russian case — ‘elite’, ‘point d’honneur’ and ‘service’.

Belova, A.V.

‘Female Childhood’ in Aristocratic Culture of the 18th–19th Centuries

The article studies the history of childhood among the nobility of 18th century Russia. Taking a social history approach, it examines the construction of gender identities among noble women, in particular among the provincial nobility, the formation of gender asymmetries in the socialisation process of the young noblemen and noblewomen, as well as the origins and reproduction of the traditional gender contract among the educated estate of imperial Russia. Using ego-documents, such as memoirs, diaries, and letters, the author attempts to establish the degree of self-reflection among young noblewomen in their assessments of childhood and educational careers, both of themselves and of their children. The author concludes that changes in the perception of childhood, motherly and family education were a drawn-out process which long remained insignificant even among the educated estate influenced by the European pedagogical ideas and conceptions of Jean-Jacques Rousseau. These findings confirm the position of childhood as one of the social institutions belonging to the realm of the so-called ‘long-term cycles’.

Veremenko, V.A.

Marital Relations in Noble Families in 19th and 20th Century Russia: Stages of Evolution

The article examines the changes which occurred in marital relations among the nobility over the second half of the 19th and the first half of the 20th centuries. It proposes a new typology of noble families and characterises the stages of evolution in marital relations in noble families over this period. It underlines the contradictory nature of the

changes which occurred in noble families: whereas family coherence and stability was substantially weakened, important shifts took place in the division of labour within the family as married women started to play an increasing role in its material provision. In this context the mechanisms are analysed through which patriarchal ideals concerning marital relations were conserved over the second half of the 19th and the start of the 20th centuries, feeding upon notions of mutual help and sustenance between the man as the head of the family and the woman as his “younger” comrade and helper.

Estates, Classes and Social Groups in Russia

Men'shikova, E.N.

Merchant Women of the Central Black Earth in Family and Family Business, 1860s–1890s

Aiming at a reconstruction of the principal stages in the life-cycle of women from the merchant estate of the Central Black Earth region of Russia in the second half of the 19th century, the author analyses marital and family relations and examines women's participation in entrepreneurial activity in the family business and in commercial ventures of their own. The article offers a first glimpse in historiography of the shadow side of family life in the merchant estate, analysing the occurrence of domestic violence and marital conflicts. Drawing on a variety of sources, relating primarily to the Kursk and Voronezh provinces, it charts the gradual disappearance of a strict gender division of labour within the merchant family, which, it is argued, should be ascribed to the influence of the modernisation processes at work in Russian society during this period of social revolution ‘from above’.

Malysheva, S.Iu. & Sal'nikova, A.A.

University Life-style in Twentieth Century Kazan'

Drawing on the case of one of the oldest classical universities of Russia, Kazan' State University, founded in 1804, the article examines the particularities and characteristics of the development of a specific university life style in twentieth century Russia. This life style, which developed in a completely new political setting, was a unique blend of established university traditions and behavioural practices of the Soviet period, and embodied university history in many respects. Examining everyday academic life and leisure at the university the article characterises the authorities' strategies towards university culture, their reception by the university institutions and the coping strategies deployed by university people in the new soviet environment. The article is based on unpublished memoirs and reminiscences of students and teachers of different periods collected by the authors.

Social History and Politics

Tiazhel'nikova, V.S.

The 'Lenin-levy' of 1924–25: New People, New Models of Political Behaviour

The article analyses the mass Party recruitment campaigns of 1924–25 (the so-called ‘Lenin-levy’), the composition of this new member cohort, and the social consequences

which followed the almost twofold increase of party membership. It uses the verbatim protocols of factory party cell meetings in Moscow to examine the characteristics of political behaviour at the primary level before, during and after the mass campaigns of 1924–25. The article brings to light new models of political behaviour at the grass-roots level which worked to facilitate the acceptance of the social contract which the regime offered the workers on the eve of the socialist offensive of the 1930s.

Sokolov, A.K.

The 1936 Constitution and the Cultural Heritage of Stalinist Socialism

The paper deals with the nationwide discussions around the project of the 1936 Constitution — the main normative act of the Soviet system, which in its essential features remained in place until the very end of that same system. Comparing the stipulations of this constitution concerning property-relations and the social, civil and political rights of citizens with the really existing situation as presented in letters and other statements and opinions as expressed by people from various social strata, the author aims to explore the cultural heritage associated with the period of Stalinism in the mentality of the ‘soviet citizen’.

Novichenko, I.Iu.

Soviet Power and Informal Citizens’ Associations

The author sets out to find an answer to the question what the freedom of association stipulated in the successive Soviet constitutions amounted to in practice. An analysis of Soviet penal legislation, legal procedure and legal practice, combined with data on the persecution of anti-Soviet agitation and propaganda by the procuracy of the Soviet Union, reveals that although Soviet law never explicitly forbade the founding of civil associations, it instead contained a whole cluster of stipulations aimed at preventing the formation of, initially, ‘counter-revolutionary’, and later religious and anti-soviet organisations. These legal stipulations were interpreted in the broadest of senses, however, and the epithets ‘counter-revolutionary’ and ‘anti-soviet’ came to be applied in virtually all spheres of life. The application of these articles of the Criminal Code resulted in the ungrounded suppression of a wide variety of initiatives aimed at the formation of civil associations. The regime waged a struggle not so much against counter-revolutionary/anti-soviet organisations as against practically any attempt at association, whether for the purpose of organising religious ceremonies, or for discussing cultural, political, national, economic and even essentially personal problems.

Depretto, J.-P.

The Reception of the XXth Congress of the CPSU in the Gorki region

The article studies the reactions of the population to Khrushchev’s Secret Speech of 1956 at meetings convened to discuss the outcome of the deliberations at the twentieth Party Congress. It relies primarily on the archives of the Gorki regional committee of the Communist Party: the approach is that of a social historian and aims to catch the popular voice about a political event. The documents fully reveal the domination of the local cadres of the Party-State over the people, particularly in the countryside. In the Gorki region, the de-stalinization process remained firmly under control of the authorities, and

was contained within certain limits. The importance of the debates about the «personality cult» should not be overestimated: local preoccupations dominated the discussions surrounding the issue. Effectively, the denunciation of the Stalin cult served as a vehicle for criticizing all those holding positions of power: foremen, shop superintendents, factory directors and Party secretaries. Again, we find the old opposition between «them» (the cadres) and «us» (the people), reminiscent of the situation in Leningrad of the 1930s as described by Sarah Davies. Just as before 1917, the Russian people asserted their right to dignity and protested against the outrages committed by those in power.

Katsakioris, K.

African Students in the Soviet Union. Studies and Politics during the Years of Decolonization (1960–1970)

The formation of African students in Soviet universities and technical schools constituted a major aspect of the relations that the Soviet Union started building with the African continent during the years of decolonization. By offering thousands of scholarships to African post-colonial states and their new generation of students, thirsty for higher education, the Soviet Union not only proclaimed and materialized its support for the economic development and the consolidation of Africa's sovereignty, but also cherished the hope to exert ideological influence and thus promote a long-term political “partnership” with the newly independent states. This article examines the initial premises and the later evolution of the Soviet educational aid, as well as the reticence or reaction of African states towards Soviet methods and intentions. After focusing on the distribution of scholarships and the recruitment of candidates, a number of the most important aspects of the experience of African students in the Soviet Union are examined, notably race relations and political cooperation with Soviet authorities. In the light of these experiences, but also taking into account the recent political struggles, hopes and expectations of this generation, the article aims to analyze the students' social and political activism and their ideological radicalism, which turned against the Soviet authorities and overtly challenged the compromise of the “peaceful coexistence” between the two blocs. The Soviet ambition to “win the spirits and the souls” of African youth apparently failed. However, the benefits of this educational exchange for both the African states and particularly for the African students, which crossed the Iron Curtain and studied in the USSR, were substantial.

Social History and Economic Relations

Kashaeva, Iu.A.

‘Without Each Other They Cannot Exist’: Social Relations among Craftsmen of the Perm’ Province (late 19th — early 20th century)

The article studies social relations among rural craftsmen (*kustary*) in the Perm' province in the late 19th — early 20th centuries. It examines the regional specifics of the formation of the social group of craftsmen, some of whom remained rooted in agriculture while others worked as full-time craftsmen. It analyses social and family ties and the nature of social relations between the owners of craft workshops (‘masters’), workers, both family workers and hired seasonal hands, and traders. Observing these processes from

a long-term perspective, the author identifies a noted trend among craftsmen of the Urals region towards the independent pursuit of a craft or trade, towards economic independence, and, consequently, towards an increase in social status within the group under study as a whole.

Grybkauskas, S.

KGB Operations in Lithuanian's Industrial Establishments, 1965–85

The current article draws on the archives of the KGB of the Lithuanian Soviet Republic to shed light on the activity of the Committee for State Security (KGB) at industrial establishments in Lithuania. It examines the structural and organisational framework of the activities of the third section of the second directorate, in charge of counter-intelligence work in industry. It looks at the deployment of the section's operative staff, the quantity and quality of the section's agent network, the prophylactic operations carried out by the KGB, the activities aimed at the safeguarding of state secrets (the strict system of rules of access to jobs and documents labelled as 'secret'), as well as at actual operational work. Principles and methods of KGB work in industry changed little over the period under study, even if from the second half of the 1970s on attempts were made to tighten control and to increase the intensity of collaboration with enterprise directors. The article examines claims from historiography concerning the role of the KGB as the Soviet regime's plenipotentiary in the economic sphere, serving to exhort producers, to monitor economic activity and to enhance the mobilisation of economic resources. The author concludes that, in spite of the presence of an agent network with a large potential, the activities of the KGB were not so much conducive to the mobilisation of economic resources, as rather to the lowering of production plan targets.

Social History and Soviet Nationalities Policy

Serokurova, L.A.

'Lishentsy' — Disenfranchisement in the Sevastopol' region, 1920s–1930s

In the Sevastopol' region, home base of the Soviet Black Sea fleet, the disenfranchisement policy of the 1920s and 1930s exhibited a number of extraordinary characteristics. In the region, according to the findings of the author of this article, the percentage of disenfranchised citizens was more than double the average for the Soviet Union as a whole. Measures aimed at bolstering the defensive capability of the Crimean ASSR transformed the practice of 'disenfranchisement' into an instrument for dealing with issues of national security in the southern border region of the Soviet Union. Because of the complex ethnic composition of the region the process of disenfranchisement almost invariably obtained an ethnic dimension. This way, what was essentially a social measure resulted in ethnic and political tensions in the region, which did not fail to leave its imprint on the future development of the peninsula. The article uses a micro-historical approach to study the social, ethnic and other characteristics of the 'disenfranchised' of the Sevastopol' region. Particular attention is paid to the conditions of confinement of the 'disenfranchised' in the concentration camps and their petitions to central and regional authorities.

Tekueva, M.A.

'Solving' the Women's Question in Kabardino-Balkaria (1917–1941)

The article is devoted to the socialist emancipation of women in the traditional and patriarchal Caucasian society. Drawing on new and hitherto unused archival materials, press reports of the time and materials gathered in the field the author analyses the authorities' attempts to lay the legal foundations for the equal rights of women, as well as the ways in which women were drawn into the sphere of public social relations. The aim of the article is to show the degree of involvement by women of the North Caucasus in the revolutionary transformations which took place and to examine their perceptions of the historical changes they experienced.

Historiography

Zaretskii, Iu.P.

'Testimonies on the Self': New Research by Dutch Historians

The article analyses the recent exploits by Dutch historians in the study of so-called 'ego-documents'. It places these research programmes into the broader context of changes in the contemporary historiography related to this field of study. After briefly sketching the origins of the term 'ego-document' and its relation to its synonyms as used by German, French and US scholars, the article gives an overview of the three latest projects undertaken by Rudolf Dekker and Arianne Baggerman, distinguished experts in the study of ego-documents from Erasmus University Rotterdam.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

- Дубина
Вера Сергеевна — кандидат исторических наук, Самарский государственный университет, vera.dubina@googlemail.com
- Белова
Анна Валерьевна — Кандидат культурологии, Тверской государственный университет, докторантка Института этнологии и антропологии РАН, belova_tver@rambler.ru
- Веремченко
Валентина Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Ленинградского государственного университета (ЛГУ) им. А.С. Пушкина, itropov@yandex.ru
- Меньшикова
Елена Николаевна — аспирантка, Белгородский государственный университет, gom568@yandex.ru
- Мальшева
Светлана Юрьевна — доктор исторических наук, Казанский государственный университет, Svetlana.Malycheva@ksu.ru
- Сальникова
Алла Аркадьевна — доктор исторических наук, Казанский государственный университет, Alla.Salnikova@ksu.ru
- Тяжелникова
Виктория Станиславовна — кандидат исторических наук, vtyazhelnikova@hotmail.com
- Соколов
Андрей Константинович — доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук, AK_Sokolov@mail.ru
- Новиченко
Ирина Юрьевна — кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории Российской академии наук, ino@igh.ru
- Д-р Депретто
Жан-Поль — Университет Тулуза II (Франция), depjean@yahoo.fr
- Д-р Катсакиорис
Константинос — Школа Высших исследований в общественных науках (Париж, Франция), kkatsakioris@yahoo.com
- Кашаева
Юлия Анатольевна — кандидат исторических наук, Пермский государственный технический университет, доцент кафедры государственного управления и истории, jkashaeva@mail.ru
- Д-р Грибкаускас
Саулюс — Институт истории Литвы, grybkauskas@istorija.lt

- Серокурова
Любовь Александровна — аспирантка 1 года обучения МГУ им. М.В. Ломоносова, lserokurova@mail.ru
- Текуева
Мадина Анатольевна — доктор исторических наук, Кабардино-Балкарский государственный университет, tekmad@rambler.ru
- Зарецкий
Юрий Петрович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории философии философского факультета Государственного университета — Высшая школа экономики, yurizar@yahoo.com

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Социальная история российского дворянства XVIII–XIX вв.	
Дубина В. С. «Тонкие различия»: русское дворянство в европейском контексте	7
Белова А. В. «Женское детство» в дворянской культуре XVIII — середины XIX века.....	23
Веремёнко В.А. Супружеские отношения в дворянских семьях России во второй половине XIX — начале XX века: этапы эволюции.....	47
Сословия и социальные группы в России	
Меньшикова Е. Н. Купчиха Центрального Черноземья в 60–90-х годах XIX века в семье и семейном бизнесе.....	69
Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Стиль жизни университетского человека в Казани: XX век.....	89
Социальная история и политика	
Тяжельникова В. С. Ленинский призыв 1924–1925 годов: новые люди, новые модели политического поведения.....	113
Соколов А. К. Конституция 1936 года и культурное наследие сталинского социализма	137
Новиченко И. Ю. Советская власть и неформальные объединения граждан.....	164
Депретто Ж.-П. Восприятие XX съезда КПСС (по материалам Нижегородских архивов)	187
Катсакиорис К. Африканские студенты в СССР. Учёба и политика во время деколонизации, 1960-е годы	209
Социальная история и экономические отношения	
Кашаева Ю. А. «Друг без друга они существовать не смогут»: социальные отношения среди кустарей Пермской губернии (конец XIX — начало XX века).....	231
Грибкаускас С. Деятельность КГБ на промышленных предприятиях Литвы в 1965–1985 годах ..	253
Социальная история и национальная политика	
Серокурова Л. А. Проблема «лишенцев» в Севастопольском регионе в 1920–1930-е годы	281
Текуева М. А. «Решение» женского вопроса в Кабардино-Балкарии (1917–1941 годы)	303
Историография	
Зарецкий Ю. П. Свидетельства о себе: новые исследования голландских историков	329
Summaries.....	340
Информация об авторах	346

CONTENT

Preface.....	3
Social History of the Russian Nobility, 18th–19th Centuries	
<i>Dubina, V.S.</i> ‘Subtle Differences’: the Russian Nobility in the European Context.....	7
<i>Belova, A.V.</i> ‘Female Childhood’ in Aristocratic Culture of the 18 th –19 th Centuries.....	23
<i>Veremenko, V.A.</i> Marital Relations in Noble Families in 19 th and 20 th Century Russia: Stages of Evolution.....	47
Estates, Classes and Social Groups in Russia	
<i>Men’shikova, E.N.</i> Merchant Women of the Central Black Earth in Family and Family Business, 1860s–1890s	69
<i>Malysheva, S.Iu. & Sal’nikova, A.A.</i> University Life-style in Twentieth Century Kazan’	89
Social History and Politics	
<i>Tiazhel’nikova, V.S.</i> The ‘Lenin-levy’ of 1924–25: New People, New Models of Political Behaviour	113
<i>Sokolov, A.K.</i> The 1936 Constitution and the Cultural Heritage of Stalinist Socialism	137
<i>Novichenko, I.Iu.</i> Soviet Power and Informal Citizens’ Associations.....	164
<i>Depretto, J.-P.</i> Reception of the XX th Congress of the CPSU in the Gorki Region.....	187
<i>Katsakioris, K.</i> African Students in the Soviet Union. Studies and Politics in the Years of Decolonization (1960s–1970s).....	209
Social History and Economic Relations	
<i>Kashaeva, Iu.A.</i> ‘Without Each Other They Cannot Exist’: Social Relations among Craftsmen of the Perm’ Province (late 19 th — early 20 th century).....	231
<i>Grybkauskas, S.</i> KGB Operations in Lithuanian’s Industrial Establishments, 1965–85.....	253
Social History and Soviet Nationalities Policy	
<i>Serokurova, L.A.</i> ‘Lishentsy’ — Disenfranchisement in the Sevastopol’ region, 1920s–1930s.....	281
<i>Tekueva, M.A.</i> ‘Solving’ the Women’s Question in Kabardino-Balkaria (1917–1941).....	303
Historiography	
<i>Zaretskii, Iu.P.</i> ‘Testimonies on the Self’: New Research by Dutch Historians	329
Summaries.....	340
Information about the authors	346

Социальная история

Ежегодник
2009

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*
Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Корректор *И. Е. Иванцова*
Оригинал-макет *И. Р. Поздняков*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»:
Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*
«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28
Магазин «Фаланстер», Малый Гнезниковский пер., 12/27.
Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
Магазин издательства «Совпадение».
Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 11.01.2010. Формат 70x100 1/6.
Усл. печ. л. 28. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ №